XV. 2. 10.
т. VIII. л. № 2.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА

II.

Турки очистили Украйну, Чигиринъ былъ спасенъ; но окончаніе войны еще не предвидѣлось: Турки и Русскіе готовились къ новой борьбѣ на будущее лѣто.

Когда гетманскій гонецъ, канцеляристъ Иванъ Быховецъ, прибылъ 23 сентября въ Москву съ подробными извѣстіями объ окончаніи похода и съ плѣнниками турецкими, царь находился въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Это былъ обычный осенній походъ московскихъ царей къ празднику чудотворца Сергія. Царь принялъ гонца въ монастырской кельѣ; выслушавъ, царь объявилъ ему, что всѣ распоряженія уже сдѣланы. Дѣйствительно, въ тотъ день, какъ гонецъ въѣхалъ въ Москву, уже стольникъ Тяпкинъ, давно назначенный для поѣздки къ князю Ромодановскому и къ гетману Самойловичу въ Кіевъ и Чигиринъ, получилъ грамоты и наказъ. Передъ его поѣздкою царская дума разсматривала вопросъ о предстоявшей войнѣ съ Турками и, кажется, ея заключенія клонились къ тому, что слѣдуетъ уничтожить Чигиринъ, срыть укрѣпленія, а главнѣйшее вниманіе обратить на защиту Кіева. Но московское правительство, въ это время, не приводило въ исполненіе своихъ предположеній о Малороссіи, не согласившись напередъ съ ея гетманомъ и не спросивъ мнѣнія князя Ромодановъ-

1909. 2394.

скаго, такъ давно находившагося въ Малороссіи и знакомаго съ ея положеніемъ. Поэтому, Тяпкину поручено было, кромѣ осмотра чигиринскихъ укрѣпленій и передачи царской благодарности войскамъ, говорить съ воеводою и гетманомъ о томъ, слѣдуетъ ли исправлять чигиринскія укрѣпленія, или срыть ихъ совершенно и оставить городъ, стянувъ войска къ Кіеву. Въ Москвѣ постоянно господствовало мнѣніе, поддерживаемое слухами, приходившими изъ Польши, Молдавіи и Валахіи, что Турки имѣютъ цѣлію Кіевъ, а вовсе не Чигиринъ. На послѣдній городъ мало обращали вниманія и потому особенно, что онъ только-что былъ завоеванъ и этого завоеванія не признавала ни Турція, ни Польша, считавшая Чигиринъ крѣпостію, принадлежащею республикѣ. Удалось ли бы Россіи удержать его за собою вмѣстѣ со всѣмъ Заднѣпровьемъ, это зависѣло отъ успѣховъ оружія въ войнѣ съ Турками и, въ послѣдствіи, отъ ея отношеній къ Польшѣ, которая внимательно слѣдила за ходомъ войны за Украйну заднѣпровскую, и сторожила ее, какъ свою добычу. Быть-можетъ привелось бы снова уступить Польшѣ Заднѣпровье. При такомъ положеніи дѣлъ весьма естественно, что въ Москвѣ не обращали большаго вниманія на Чигиринъ, но заботились преимущественно о Кіевѣ, который во всякомъ случаѣ рѣшено было удержать навсегда за собою.

Взглядъ Малороссіи былъ однакоже совершенно иной въ этомъ случаѣ, и гетманъ, съ мнѣніемъ котораго соглашался и русскій воевода, имѣлъ основательныя причины думать иначе.

Воевода, оставивъ въ Чигиринѣ весь находившійся тамъ русскій гарнизонъ до указа царскаго, а гетманъ два *охочекомонные* полка и пятьсотъ человѣкъ пѣхоты, размѣстивъ ихъ въ Чигиринѣ и по другимъ городамъ Заднѣпровья, отправились въ обратный путь за Днѣпръ. Въ Сунджѣ встрѣтилъ ихъ 3 октября стольникъ Тяпкинъ, привезшій войскамъ милостивое слово царское. На другой день, въ разрядномъ шатрѣ, воевода собралъ всѣ чины военные, а войско поставилъ вокругъ на указанныхъ мѣстахъ. По наказу, Тяпкинъ спросилъ всѣхъ о здоровьѣ и говорилъ имъ: «Государь милостиво похваляетъ ихъ за воинскіе труды и за бои, что побили многихъ непріятелей и Чигиринъ отъ осады освободили.» Князю Ромодановскому Тяпкинъ сказалъ, что государь готовъ жаловать всякаго по заслугамъ и поручилъ ему объявить войскамъ милость царскую. Затѣмъ стольникъ былъ въ

обозѣ гетмана, и тѣмъ же порядкомъ объявилъ «похвалу и милость» царскую. Но потомъ, когда онъ спросилъ князя Ромодановскаго: не нужно ли вовсе уничтожить чигиринскія укрѣпленія и оставить городъ, тотъ съ живостію отвѣчалъ: «разорить и не держать Чигиринъ отнюдь невозможно и зѣло безславно и отъ непріятеля страшно и убыточно. Не только Украйнѣ, но и самому Кіеву зѣло будетъ тяжко.» Такой отвѣтъ русскаго воеводы уже показывалъ явно, что могъ отвѣчать гетманъ малороссійскій. Какъ громомъ поразилъ его этотъ нежданный вопросъ. «Чигиринъ необходимъ не только для того, чтобы спокойно владѣть Заднѣпровьемъ, но и всею Малороссіею по сю сторону Днѣпра,» отвѣчалъ гетманъ, съ разу понявъ всю силу вопроса, и потомъ прибавилъ: «прежде, нежели разрушать чигиринскія укрѣпленія или дозволять непріятелю завладѣть ими, пусть объявятъ всей Украйнѣ, что она великому государю его царскому величеству ни на что не потребна, для того и Чигиринъ разоренъ. Между тѣмъ какъ у насъ въ казацкомъ народѣ постоянно одна мысль и одно намѣреніе и дѣло: кто владѣетъ Кіевомъ и Чигиринымъ, тому должны быть покорны и всѣ Малороссіяне.» Стольникъ Тяпкинъ не имѣлъ дальнѣйшихъ повелѣній, и, выслушавъ отвѣты воеводы и гетмана, слово въ слово записалъ ихъ въ свой статейный списокъ, чтобы привезть въ Москву, а самъ отправился въ Кіевъ и Чигиринъ, исполняя данное ему приказаніе. Самойловичъ, по соглашенію съ княземъ Ромодановскимъ и со всѣми малороссійскими старшинами, составили записку, въ которой доказывали необходимость укрѣпить Чигиринъ и защищать его отъ Турокъ. «Чигиринъ, писалъ гетманъ, по своему мѣстоположенію, несравненно важнѣе Кодака. Около него втекаетъ въ Днѣпръ рѣка Ворсклъ, по которой обитаетъ многолюдный Полтавскій полкъ, рѣка Пселъ, на берегахъ которой расположены полки Гадяцкій и Миргородскій, Сула, у которой живетъ полкъ Лубенскій, и наконецъ Удай съ полкомъ Прилуцкимъ, а весь почти полкъ Переяславскій примыкаетъ къ Днѣпру. Такимъ образомъ, кто владѣетъ Чигиринымъ, тотъ постоянно угрожаетъ всѣмъ полкамъ малороссійскимъ, да и самой Великороссіи, ибо отъ Путивля, пограничнаго съ Малороссіею города, до Чигирина не болѣе тридцати миль. Утвердившись въ Чигиринѣ, Турки постоянно будутъ дѣлать набѣги на сю сторону Днѣпра и на всѣ полковые города

малороссійскіе, которые съ своей стороны не будутъ въ состояніи не только предупреждать нападенія, но даже защищаться. Вся страна, начиная отъ Переяславля на 200 верстъ до Полтавскаго полка и отъ Днѣпра по рѣку Семь до Путивля и Батурина, представляютъ дикую, безлѣсную степь. За недостаткомъ лѣса не изъ чего было строить укрѣпленій, которыя въ то время дѣлались деревянныя, и потому ни одинъ изъ полковыхъ городовъ не былъ достаточно укрѣпленъ. Между тѣмъ прибрежье Днѣпровское выше Чигирина покрыто лѣсами, и ниже его начинаются большіе и непроходимые лѣса, доставляющіе всѣ средства для постройки укрѣпленій. Поэтому, овладѣвъ Чигиринымъ, Турки будутъ имѣть всѣ способы укрѣпить его, снабжать запасами и войсками изъ Казы-Керменя и Аслана, находящихся не въ дальнемъ отъ него разстояніи и безнаказанно грабить Украйну по сю сторону Днѣпра. При такомъ положеніи дѣлъ, гетманъ не отвѣчалъ за спокойствіе и остальной Малороссіи.

Важность обладанія Чигириномъ онъ доказывалъ и происшествіями современными. Почему, говорилъ онъ, Запорожцы, несмотря на расположеніе къ Хмѣльницкому и Туркамъ, не соединились однако же съ ними явно и не помогли имъ въ войнѣ? Почему Гоголь съ своимъ войскомъ простоялъ въ трехъ миляхъ отъ Кіева, не предпринимая никакихъ дѣйствій, и послѣ того, какъ Турки побѣжали отъ Чигирина, присоединился къ Россіи? И Запорожцы и Гоголь смотрѣли на Чигиринъ и слѣдили за его судьбою. Кто будетъ владѣть Чигиринымъ, тому поддадутся и Запорожцы и вся Малороссія по ту сторону Днѣпра. Тогда и Кіевъ будетъ открытъ для нападенія враговъ. Твердыни Чигирина цѣлое лѣто принудили простоять Турокъ и остановили дальнѣйшій ходъ ихъ силы. Если на будущій годъ они простоятъ подъ его стѣнами цѣлое лѣто и посрамленные пойдутъ назадъ, то султанъ «пересталъ бы отъ своего злобнаго къ войнѣ на христіянство намѣренія», какъ выражался малороссійскій гетманъ.

Онъ былъ справедливъ въ своихъ мнѣніяхъ о Чигиринѣ, и московское правительство не могло не согласиться съ нимъ, обращая вниманіе на самую сущность вопроса и особенно на обстоятельства того времени (2).

Если правительство рѣшится удержать Чигиринъ, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ немедленно распорядиться объ исправленіи го-

родскихъ укрѣпленій и назначить свѣдущаго инженера, писалъ гетманъ, «а не такова, каковъ нынѣ былъ» и назначить воеводою «знатную особу», которому бы всѣ меньшіе начальники и войско повиновались безусловно, исключая казаковъ. Трауернихтъ, по общему сознанію, хотя и считался человѣкомъ, понимающимъ свое дѣло, однакоже онъ не успѣлъ внушить къ себѣ довѣрія въ подчиненныхъ. Самъ онъ жаловался, что ему недостаточно повиновались, а при слѣдствіи самъ отказался отъ своей жалобы (3). По мягкому, быть-можетъ, его характеру, и особенно какъ иностранца, его мало уважали, между тѣмъ какъ во время войны необходимо полное и совершенное повиновеніе. Что̀ касается до казаковъ, то гетманы постоянно сохраняли свою власть надъ ними и ни въ какомъ случаѣ не передавали ея воеводамъ московскимъ. Самойловичъ, съ своей стороны, обѣщался послать до 10 тысячъ казаковъ въ Чигиринъ, заготовить для нихъ запасы и суда для переправы черезъ Днѣпръ; но въ то же время просилъ царя отправить до весны 10,000 ратныхъ людей московскихъ, зимою приготовить для нихъ запасы, и по Деснѣ и Днѣпру сплавить ихъ до Бужинской переправы, а суда для перевозки войскъ чрезъ Днѣпръ изготовить у Брянска и Трубчевска.

Когда, возвращаясь въ Москву, Тяпкинъ былъ въ Батуринѣ, гетманъ на словахъ повторилъ ему то же мнѣніе и прибавилъ, что Чигиринъ слѣдуетъ охранять и отъ Юрія Хмѣльницкаго. Если онъ, подданный султана, завладѣетъ Чигириномъ, то вся Малороссія подпадетъ подъ иго мусульманское. Со слезами на глазахъ обращаясь къ образу Спасителя, говорилъ гетманъ: «молимся за себя и нашихъ потомковъ, чтобы Господь избавилъ государя отъ такого тяжкаго ярма басурманскаго.»

Съ одной стороны, Юрій Хмѣльницкій съ Турками, съ другой — Поляки съ ихъ гетманомъ малороссійскимъ, постоянно смущали Самойловича, мечтавшаго о единствѣ Украйны. Не менѣе раздражалъ Самойловича и Сѣрко двусмысленными своими поступками. Несчастное положеніе Малороссіи, раздробленной на части, служило основною причиною того, что наиболѣе замѣчательныя лица, желавшія блага своей родины не менѣе самого Самойловича, въ дѣйствительности были ея врагами: таковъ Сѣрко. Любя Украйну, онъ не забывалъ однакоже самого себя: ему хотѣлось и единства Малороссіи, хотѣлось и сохранить независи-

мость Запорожья, и не утратить своего личнаго значенія. Тайно враждуя съ Самойловичемъ, явно онъ показывалъ себя другомъ общаго отечества и вѣрнымъ слугою Россіи. Въ Москвѣ, какъ видно, замѣчали, что въ отношеніяхъ гетмана къ Запорожью скрывается личная непріязнь, и потому не хотѣли раздражать Сѣрка крутыми мѣрами, ясно понимали важность Сѣчи въ настоящихъ обстоятельствахъ и желали привлечь ее на свою сторону.

При свиданіи съ Тяпкинымъ, гетманъ поручилъ ему объявить государю, что Сѣрко, заключивъ перемиріе съ Татарами на три года, помогалъ ихъ войскамъ, отступавшимъ отъ Чигирина, переправляться черезъ Ингулъ, принимаетъ дары отъ султана и, кажется, присягнулъ на подданство Турціи. Однакоже, говорилъ Самойловичъ, имъ недовольны Запорожцы и перебѣгаютъ ко мнѣ, даже «наилучшая старшина». «Но и малыхъ силъ Сѣрка слѣдуетъ опасаться»; зимою онъ можетъ напасть на нижній городъ въ Чигиринѣ. Въ послѣдствіи, когда запорожскій кошевой, описывая ему бѣгство Татаръ изъ-подъ Чигирина, просилъ хлѣбныхъ запасовъ для Сѣчи, Самойловичъ ему рѣшительно отказалъ за его «недоброжелательство». Но когда о своемъ отказѣ онъ увѣдомилъ государя, то немедленно получилъ грамоту, въ которой сказано, что Сѣрко дѣйствительно виноватъ, однакоже государь, «желая его обращенія, тѣ вины его и преступленія отпущаетъ, если онъ ихъ вѣрною службою впредь заслужитъ и къ гетману будетъ *желателенъ*». Запасы на Запорожье велѣно было отправить въ прежнемъ количествѣ. Вслѣдъ затѣмъ нарочные московскіе гонцы посланы были къ гетману съ тѣмъ, чтобы онъ, присоединивъ къ нимъ и своихъ посланныхъ, отпустилъ всѣхъ вмѣстѣ въ Запорожье — уговаривать Сѣрко вѣрно служить государю. Когда гонцы прибыли въ Сѣчу, кошевой собралъ раду, съ почестію принялъ и прочелъ государеву грамоту, увѣрялъ въ преданности его и всего войска. На рѣчь гонца, въ которой онъ однакоже изложилъ, по наказу, «вины» запорожскаго кошеваго, Сѣрко отвѣчалъ: «низовое войско не могло идти на помощь къ Чигирину, потому что оно малочисленно, и притомъ мы постоянно опасались, чтобы Татары или Турки не напали на самую Сѣчу.» Еще до начала войны Сѣрко просилъ гетмана, чтобы онъ прислалъ часть малороссійскихъ или московскихъ войскъ на Запорожье, обѣщаясь, въ этомъ случаѣ, совокупно съ ними дѣйствовать противъ Турокъ.

Но по недостатку ли войскъ, необходимыхъ въ военное время, по особенному ли нерасположенію гетмана къ Запорожью, онъ не послалъ туда ни одного отряда. Пользуясь этимъ, Сѣрко всѣ свои дѣйствія оправдывалъ тѣмъ, что не получилъ помощи, о которой просилъ. Перемиріе съ Татарами, говорилъ онъ, мы должны были заключить «для прокормленья», чтобы взять деньги съ нихъ за выкупъ ихъ плѣнныхъ, находившихся въ нашихъ рукахъ. Что же касается до права заключать перемиріе, то въ отвѣтной грамотѣ государю Сѣрко писалъ: «Войско запорожское имѣетъ издавна обычай по своей волѣ мириться и розмиряться съ сосѣдями. Такъ это случилось и нынѣ, хотя и въ тяжелое время басурманскаго нашествія на Украйну, однако, кажется, тѣмъ перемиріемъ никому Запорожцы не повредили; а должны были заключить его по необходимости.» Несмотря на отвѣтъ не слишкомъ покорный, московское правительство поручило гетману всѣми силами стараться задобрить Сѣрка и «отъ басурманъ отлучить и отъ перемирья отвлечь». Впрочемъ Запорожцы изъявляли готовность нарушить перемиріе и весною дѣйствовать противъ Крымцевъ, если только московское правительство и гетманъ пришлютъ къ нимъ войскъ на помощь. Очевидно, Сѣрко просилъ хотя и незначительнаго отряда вспомогательныхъ войскъ для того, чтобы въ послѣдствіи передъ Татарами, а можетъ-быть и Поляками, оправдать свои дѣйствія «неволею», какъ онъ оправдывался въ настоящее время передъ Москвою и гетманомъ. Онъ могъ говорить въ послѣдствіи, что московскія войска, находившіяся въ Запорожьѣ, принудили его нарушить перемиріе и начать войну съ Татарами, угрожая въ противномъ случаѣ завладѣть самою Сѣчью (4).

Хотя разсужденія Самойловича и князя Ромодановскаго о значеніи Чигирина для всей Украйны, о необходимости защищать его отъ Турокъ, и уважило московское правительство, однакоже оно постоянно колебалось въ своихъ мнѣніяхъ. Въ Москву прибылъ Трауернихтъ, начальствовавшій войсками въ Чигиринѣ; вслѣдъ за нимъ пріѣзжали то одинъ, то другой изъ начальныхъ людей тамошняго гарнизона и распускали слухи, что чигиринская крѣпость слишкомъ мала и совершенно разрушена Турками, а новыхъ укрѣпленій построить невозможно (5). Такія извѣстія смущали думу царскую: принимая мѣры къ укрѣпленію и защитѣ Чигирина, въ то же время она старалась убѣдить гетмана

въ своемъ мнѣніи, что надо оставить Чигиринъ. Къ воеводѣ и гетману отправленъ былъ, въ одно время съ гонцемъ на Запорожье, посланникъ, стольникъ и полковникъ Александръ Ѳедоровичъ Карандѣевъ, которому поручалось тайно говорить съ воеводою о Чигиринѣ. Удаленное положеніе этой крѣпости отъ Днѣпра составляло въ глазахъ московскаго правительства важнѣйшую причину, по которой оно не считало возможнымъ защищать ее. Карандѣеву поручено было представить воеводѣ это мнѣніе въ видѣ вопроса, на который требовать немедленнаго разрѣшенія, посовѣтовавшись напередъ съ Самойловичемъ. Важнѣйшею преградою казалась переправа чрезъ Днѣпръ, которая предстояла войскамъ русскимъ и малороссійскимъ, посылаемымъ на помощь Чигирину, между тѣмъ какъ Турки и Татары, слѣдуя къ Чигирину, не встрѣчали никакихъ естественныхъ препятствій на пути и могли всегда затруднить переправу чрезъ Днѣпръ войскамъ русскимъ. «Если Турки и Татары придутъ подъ Чигиринъ, или чрезъ Запорожье къ Койдаку, и въ то же время Муравскимъ шляхомъ къ Бѣлгороду и къ другимъ украинскимъ городамъ, то какимъ образомъ и гдѣ гетманъ успѣетъ соединить свои войска съ русскими, какъ поможетъ Чигирину и убережетъ, при извѣстномъ непостоянствѣ Сѣрка, Запорожье въ добрыхъ къ себѣ отношеніяхъ? Потому не лучше ли оставить Чигиринъ, избрать другое, болѣе выгодное по своему положенію мѣсто на берегу Днѣпра и построить новую крѣпость? Если же это предположеніе окажется невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ требовать, чтобы воевода и гетманъ подробно объяснили, какимъ образомъ слѣдуетъ укрѣплять Чигиринъ.

Съѣхавшись въ Рыльскѣ, воевода и гетманъ, по общему согласію, рѣшились снова отвѣчать государю, что не должно оставлять Чигиринъ, потому что нельзя успѣть до весны избрать другое мѣсто и устроить новую крѣпость. Сознаваясь, что верхній городъ, дѣйствительно, слишкомъ малъ и тѣсенъ для помѣщенія значительнаго гарнизона и даже защиты нижняго города, они предполагали его увеличить. Что же касалось до переправы войскъ черезъ Днѣпръ, то воевода и гетманъ просили государя, чтобы велѣно было приготовить въ Брянскѣ сто струговъ, на нихъ какъ можно ранѣе весною отправить къ Бужинской переправѣ два стрѣлецкіе приказа, которые, по ихъ указанію, укрѣ-

пили бы лагерь на той сторонѣ Днѣпра, и тѣмъ обезпечили бы переправу для войскъ малороссійскихъ и Московскихъ. Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ гетманъ послалъ подробныя статьи, въ которыхъ изложилъ свои предположенія объ укрѣпленіи Чигирина, а воевода, по приказанію царскому, самъ отправился въ Москву (6). Самойловичу тоже хотѣлось побывать въ Москвѣ. Личнымъ участіемъ онъ скорѣе надѣялся убѣдить правительство въ справедливости своихъ предположеній о необходимости защищать Чигиринъ. Но кромѣ защиты Малороссіи въ предстоявшей войнѣ съ Турками, Самойловичъ едва ли не болѣе считалъ необходимымъ защитить ее въ переговорахъ о мирѣ съ Поляками, — переговорахъ, которые въ этомъ году должны были открыться въ Москвѣ.

Сроки перемирья, назначенные Андрусовскимъ и Московскимъ договорами, уже приближались. Пока Польша еще не заключала мира съ Турками, московскій дворъ всѣми силами старался отклонить ее отъ мирныхъ переговоровъ съ ними и продлить войну. Въ это время Москва постоянно отсрочивала и окончательные свои переговоры о мирѣ съ Польшею. Но съ тѣхъ поръ, какъ Янъ Собѣсскій заключилъ миръ съ Турками при Журавнѣ, когда сеймъ согласился принять его условія, и Порта торжественно подтвердила ихъ, политика московскаго двора измѣнилась сообразно обстоятельствамъ. Опасаясь, чтобы Польша не заключила союза съ Турками онъ старался, какъ можно скорѣе, заключить если не миръ, который не представлялся возможнымъ, то по крайней мѣрѣ перемирье, которое бы подтверждало только прежніе договоры. Посольство со стороны Польши давно уже было назначено для мирныхъ переговоровъ, однако оно медлило и не являлось въ Москву. Долгіе сборы польскихъ пановъ, князя Чарторижскаго, Сапѣги и Камара, собиравшихъ огромную свиту, приготовлявшихъ великолѣпные экипажи и одежды, казались подозрительными московскому двору. Хотя польскій король и предлагалъ миръ и союзъ, однако же ему не вѣрили и полагали, что онъ, находясь подъ вліяніемъ посланниковъ французскаго и шведскаго, гораздо болѣе расположенъ къ Туркамъ. Не думали впрочемъ, чтобы онъ рѣшился на войну съ Россіею, ибо знали, что литовская партія, предводимая Пацомъ, была рѣшительно въ пользу мира (7). Долго ожидая прибытія польскихъ пословъ, московское правительство уже назначило было свое посольство въ

Варшаву и отправило гонца объявить объ этомъ назначеніи; но король польскій въ свой чередъ поручилъ сказать, что польское посольство не замедлитъ явиться въ Москву. Не дождавшись пословъ изъ числа назначенныхъ для переговоровъ съ ними русскихъ уполномоченныхъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ окольничій Чаодаевъ и дьякъ Украинцевъ были отправлены въ Варшаву. Имъ поручено было войдти въ переговоры и даже сказать польскому королю, что Россія не уступитъ Польшѣ ни Кіева, ни Бѣлой Церкви; но и они возвратились въ Москву съ отвѣтомъ, что окончательное рѣшеніе польскаго двора объявятъ чрезвычайные послы его, которые немедленно пріѣдутъ въ Москву (8).

При мирныхъ переговорахъ съ Польшею въ это время вопросъ о Малороссіи былъ не только существеннымъ, но главнѣйшимъ и почти единственнымъ; всѣ другіе не имѣли въ сравненіи съ нимъ никакого особеннаго значенія. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что гетманъ малороссійскій самъ лично желалъ принять участіе въ переговорахъ съ Польшею. Это желаніе усиливало скрытое недовѣріе всей Малороссіи къ московскому правительству, естественно-возбужденное ходомъ событій и съ своей стороны внушившее московскому правительству точно такое же недовѣріе къ Малороссіи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ стольникъ Карандѣевъ, по приказанію государя, извѣстилъ гетмана, что назначены уже уполномоченные для переговоровъ съ Польшею и поручилъ ему, «посовѣтовавъ съ старшиною о войсковыхъ и иныхъ дѣлахъ своихъ, которые будутъ къ постановленію посольскихъ договоровъ, а впередъ ко всякому утвержденію пристойны, прислать статьи.» Хотя гетманъ, исполняя царское приказаніе, собиралъ раду, и въ декабрѣ мѣсяцѣ прислалъ статьи для переговоровъ, однакоже поручилъ своему посланному, войсковому писарю Кочубею, говорить, что онъ не считаетъ этого нужнымъ, потому что въ переговорахъ, какъ онъ увѣренъ, и рѣчи быть не можетъ объ уступкѣ Польшѣ какой-либо части Малороссіи, особенно же Кіева или Чигирина. Въ письмѣ же къ дьяку Иларіону Иванову гетманъ прямо говоритъ, что неприлично вступать въ переговоры съ Поляками о Малороссіянахъ, прибавляя: «яко скотину нѣкую имѣли бы торговати». Въ статьяхъ (пунктахъ) онъ развиваетъ подробно ту мысль, что народъ малороссійскій, за угнетенія и особенно гоненія на вѣру,

отторгся отъ Рѣчи Посполитой и свободно поддался государямъ московскимъ, и еслибъ Поляки вздумали говорить о Малороссіи, то проситъ рѣшительно имъ отказать даже въ правѣ начинать подобные переговоры. Предлагая, чтобы какъ можно вѣрнѣе опредѣлены были границы какъ со стороны Литвы, такъ и царства Польскаго, гетманъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы Кіевъ, какъ древнее русское достояніе, не былъ уступаемъ Полякамъ. Достаточно, говоритъ онъ, взглянуть на кіевскіе храмы, на иконы и на утварь, въ нихъ находящіеся, чтобы видѣть, что это «не польская фундація» (9).

Продолжая войну съ Турками, московскій дворъ конечно могъ согласиться на нѣкоторыя уступки въ переговорахъ съ Поляками, чтобы не вооружить и ихъ противъ себя. Того и опасался гетманъ и потому просился пріѣхать въ Москву. Но тѣми же обстоятельствами воспользовалось и московское правительство, чтобы удержать его въ Малороссіи, говоря, что его присутствіе тамъ необходимо теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Съ одной стороны, присутствіе гетмана сдерживало внутреннее волненіе въ Малороссіи, которое безъ него могло бы развиться въ опасныхъ размѣрахъ; съ другой, всѣ военныя приготовленія противъ новаго нападенія Турокъ производились при его участіи и подъ его надзоромъ. Впрочемъ, въ царской грамотѣ гетману, сказано положительно, что Кіевъ, Чигиринъ и всѣ города, присоединенные отъ Турокъ, никогда не будутъ уступлены Польшѣ, что статьи, имъ присланныя, будутъ вписаны въ наказъ русскимъ уполномоченнымъ, а списки съ разговоровъ ихъ съ Поляками будутъ постоянно присылаться къ нему. Удерживая гетмана въ Малороссіи, правительство дѣйствительно давало себѣ большую свободу въ переговорахъ съ Поляками, въ которые онъ неминуемо долженъ бы вмѣшиваться (10). Скорѣйшее заключеніе мира съ Поляками конечно было бы необходимымъ для того, чтобъ съ большею силою и увѣренностію дѣйствовать противъ Турокъ, съ которыми еще не представлялось никакой возможности начинать переговоры о мирѣ. Но, сознаніе ли недостатковъ въ устройствѣ и управленіи войскомъ, страхъ ли, который въ это время еще внушали Турки, или происки Татаръ побудили Московскій дворъ прибѣгнуть и къ мирнымъ переговорамъ съ ними. Въ Москву приходили извѣстія, что крымскій ханъ неохотно ведетъ войну и готовъ съ

своей стороны склонять Турокъ къ заключенію мира; прибыли и посланники отъ хана и уговаривали уступить Заднѣпровье и Чигиринъ Туркамъ. Хотя Московское правительство и не хотѣло входить съ ними въ переговоры о мирѣ, однакоже отправило гонца въ Царьградъ съ письмомъ къ султану. Всѣ были увѣрены, что посольство не поведетъ къ желаемой цѣли; въ письмѣ же царь склонялъ султана прекратить войну и оставить всѣ притязанія на Украйну (11).

Несмотря на желаніе мира, военныя приготовленія продолжались. Въ октябрѣ мѣсяцѣ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, распустивъ свои полки, прибылъ изъ Путивля въ Москву; въ слѣдъ за нимъ пріѣхалъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Носился слухъ, что первый будетъ назначенъ главнымъ воеводою, однакоже это важное назначеніе осталось по прежнему за послѣднимъ (12). Лишь только прибылъ въ Москву воевода русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, была собрана дума. Прежнія сомнѣнія о томъ, слѣдуетъ ли защищать Чигиринъ, были предложены ея разсмотрѣнію; но рѣшеніе однакоже послѣдовало въ пользу его защиты, потому что князь Ромодановскій принялъ ее на свою отвѣтственность (13). Съ тѣхъ поръ правительство московское съ особенною дѣятельностію принялось за военныя распоряженія. Самойловичъ съ своей стороны постоянно просилъ не медлить въ приготовленіяхъ къ оборонѣ и не полагаться на мирные переговоры, предлагалъ свои мнѣнія о движеніяхъ войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ наградить царскимъ милостивымъ словомъ и похвалою полковниковъ малороссійскихъ и Гамильтона за походъ прошлаго года. Государь исполнилъ желаніе гетмана; онъ самъ и всѣ полковники получили не только похвалу за ихъ службу, но и значительные подарки. Такъ же награждены были князь Ромодановскій и всѣ его товарищи (14).

О предположеніяхъ Турокъ не было положительныхъ извѣстій: не знали, куда направлены будутъ ихъ войска. Такъ же, какъ и въ прошломъ году, носились различные слухи, возбуждаемые разнородными извѣстіями, приходившими въ Москву съ границъ. Кіевскій воевода, гетманъ и кошевой запорожскій сообщали всѣ извѣстія, которыя доставляли имъ перебѣжчики казаки, бродяги разнаго рода и свои лазутчики. По прежнему говорили, что Тур-

ки пойдутъ на Кіевъ, оставивъ Чигиринъ; другіе увѣряли, что прежде всего они возьмутъ Чигиринъ и потомъ уже пойдутъ на Кіевъ; зимою ожидали нападенія Крымцевъ на Украйну (15). Всѣ эти извѣстія имѣли вліяніе на военныя распоряженія.

Главное начальство надъ войсками, предназначенными для дѣйствій противъ Турокъ совокупно съ полками малороссійскими, поручено было по прежнему князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому. Ему въ товарищи назначены были: сынъ его боярин князь Михаилъ, окольничій Петръ Дмитріевичъ Скуратовъ и думный дворянинъ Иванъ Петровичъ Лихаревъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ царскими грамотами предписано было «московскимъ служилымъ людямъ, которые не были въ прошлыхъ походахъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ замосковныхъ и украинскихъ, и рязанскихъ, и заокскихъ городовъ, и новокрещенамъ, и мурзамъ, и Татарамъ, и казакамъ даточнымъ быть у него въ полкахъ всѣмъ по списку,» и собраться къ Троицыну дню, 19 марта, въ Курскъ (16). Впрочемъ имъ предписывалось на всякій случай быть готовымъ и къ зимнему походу. Эти служилые люди входили въ составъ «прибылой рати», которая назначалась только въ дополненіе къ войскамъ, находившимся уже подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Запасы для нихъ, не теряя времени, велѣно было подвозить зимою. Войска русскія, по взаимному соглашенію военачальниковъ, должны были соединиться съ малороссійскими и слѣдовать къ Лубнамъ. Здѣсь назначалась временная стоянка войскъ въ ожиданіи извѣстій о движеніи Турокъ. Лубны, какъ средній пунктъ, находящійся почти въ одинакомъ разстояніи какъ отъ Кіева, такъ и отъ Чигирина, избраны были съ тою цѣлію, чтобы войска могли съ равною скоростію идти къ тому или другому городу. Изъ этихъ войскъ гетману и воеводѣ предписано было отдѣлить передовой отрядъ, который раннею весною, переправившись черезъ Днѣпръ вблизи Чигирина, долженъ былъ устроить укрѣпленный станъ и тѣмъ обезпечить переправу для главнаго войска. Самойловичъ также просилъ государя, чтобъ въ помощь его войскамъ были присланы Калмыки и, если возможно, Башкирцы, особенно для дѣйствія противъ Татаръ. Хотя, писалъ онъ, «нынѣ Калмыки безъ провожатыхъ ходя, много безчисленнаго разоренія въ людяхъ и въ имѣніяхъ починили», однакоже просилъ, опасаясь значительнаго

собранія войскъ турецкихъ и татарскихъ, предписать имъ немедленно идти въ походъ, чтобы къ веснѣ успѣли приблизиться къ Днѣпру и соединиться съ ними. Государь исполнилъ его желаніе, поручивъ главное начальство надъ Калмыками князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому.

Когда соединенныя малороссійскія и московскія войска отправятся въ походъ къ Днѣпру, на ихъ мѣсто въ Малороссію должны были вступить новыя рати подъ начальствомъ Касимовскаго царевича Василья Араслановича, боярина князя Семена Андреевича Хованскаго и двухъ его товарищей окольничаго князя Константина Осиповича Щербатова и стольника Семена Ѳедоровича Толочанова. Это войско назначалось, въ случаѣ нужды, для подкрѣпленія князю Ромодановскому и гетману и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было оберегать Украйну отъ нападенія Татаръ, еслибы они вздумали Муравскимъ шляхомъ пробраться въ Малороссію (17).

Среди приготовленій къ войнѣ Москву опечалила и взволновала внезапная болѣзнь государя. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ вообще слабаго здоровья, а въ это время онъ сильно простудился въ Крещенье, присутствуя при освященіи воды. Болѣзнь казалась такъ значительна, что доктора сомнѣвались въ успѣхѣ лѣченья. Мысль о наслѣдіи престола, особенно въ обстоятельствахъ трудныхъ, занимала всѣхъ; всѣ распоряженія пріостановились; вниманіе людей государственныхъ устремилось къ одру больнаго государя, однакоже государь скоро оправился, и вновь всѣ распоряженія военныя начались еще съ большею дѣятельностію (18).

Устроивая главныя войска, правительство въ то же время обращало вниманіе на Кіевъ, Чигиринъ и Запорожье. Значительный отрядъ сосредоточенъ былъ въ Кіевѣ подъ начальствомъ боярина и воеводы Троекурова, который впрочемъ скоро отозванъ былъ въ Москву и на его мѣсто отправился князь Андрей Михайловичъ Голицынъ съ новыми подкрѣпленіями. Городскія укрѣпленія постоянно производились подъ руководствомъ иноземнаго инженера Фонъ-Залена (19). Въ Запорожье отправленъ былъ нарочный гонецъ съ царскою грамотою, чтобы уговаривать Сѣрко вѣрно служить государю, повиноваться гетману Самойловичу и совокупно съ нимъ и московскими войсками дѣйствовать противъ вра-

говъ. По обычаю, на Сѣчѣ приняли гонца со всѣми возможными почестями; кошевой, старшины и все товарищество трижды кланялись въ землю передъ царскою грамотою и обѣщались вѣрно служить государю, повиноваться гетману, размириться съ Турками и Татарами и начать военныя дѣйствія. Сѣрко клялся передъ образомъ и объявилъ даже, что онъ сдѣлалъ уже распоряженія о томъ, чтобы къ Свѣтлой недѣлѣ все войско запорожское собралось въ Сѣчу и потомъ немедленно выступило въ походъ. Однакоже онъ прибавилъ, что въ Запорожьѣ «малолюдно и голодно» и потому просилъ запасовъ и войскъ. «Хотя бы малую часть русскихъ войскъ прислалъ государь для славы имени своего, но съ пушками, которыхъ нѣтъ въ Запорожьѣ, а гетманъ—полтавскій полкъ, тогда вмѣстѣ съ ними мы отправились бы воевать Крымъ.» Несмотря на выраженія полной преданности государю и желаніе повиноваться гетману, Сѣрко снова просилъ, чтобы государь прислалъ ему знаки гетманскаго достоинства—знамя и бунчукъ. Мы вѣрные подданные великаго государя, говорилъ онъ, а знамя у насъ старое польское и бунчукъ Крымскаго хана, а безъ знамени его государскаго, ему никуды ходить невозможно; потому что слывутъ они государскіе подданные.»—Хотя кошевой запорожскій и очень хорошо понималъ необходимость единой власти въ Малороссіи, не поддавался льстивымъ убѣжденіямъ Хмѣльницкаго; но давнишняя ненависть къ Самойловичу все еще таилась въ немъ и Запорожцахъ. И на этотъ разъ они жаловались на гетмана, «что онъ не отдаетъ имъ мѣстечка Кереберды и Переволоченскаго перевоза.» Сѣрко разказывалъ гонцу, что даже Крымскій ханъ говорилъ его посланнымъ: «за чѣмъ вы ищете другаго государя, есть у васъ государь Московскій, есть и гетманъ; одну сторону Днѣпра спустошили, хотите разорить и другую. Если Турки завладѣютъ и этою стороною Днѣпра, говорилъ ханъ, то не только вамъ, но и Крыму будетъ плохо, лучше повиноваться одному государю и одному гетману, нежели преклоняться предъ многими.» Крымцы дѣйствительно не желали успѣха Туркамъ въ завоеваніи Украйны, опасаясь ихъ близкаго сосѣдства; совѣтъ хана былъ благоразуменъ и конечно Сѣрко понималъ это и дѣйствовалъ въ пользу Россіи (20).—Исправленіе чигиринскихъ укрѣпленій, возведеніе новыхъ, приготовленіе боевыхъ и съѣстныхъ запасовъ и гарнизона составляло предметъ

самыхъ дѣятельныхъ заботъ правительства съ тѣхъ поръ, какъ оно рѣшилось защищать эту крѣпость, положившись на убѣжденія князя Ромодановскаго. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ начальникомъ чигиринскаго гарнизона былъ назначенъ окольничій Иванъ Ивановичъ Ржевскій; ему подчинены были пять стрѣлецкихъ приказовъ и два городовые (21). Производство крѣпостныхъ работъ поручено было полковнику Гордону; съ нимъ отправился въ Чигиринъ драгунскій его полкъ и часть пѣхоты, входившей въ составъ его отряда. Возвращаясь въ Москву по окончаніи проплогодняго похода, Гордонъ собирался ѣхать на родину. Англійскій резидентъ Габель испросилъ ему уже позволеніе у государя. Однако не доѣхавъ еще до Москвы, онъ узналъ о своемъ назначеніи въ Чигиринъ; вѣроятно выборъ палъ на него по указанію князя Ромодановскаго, который видѣлъ дѣйствія его при переправѣ черезъ Днѣпръ.—Въ продолженіе зимы постоянно двигались войска въ Малороссію, Кіевъ и Чигиринъ, возились боевые запасы и хлѣбъ. Князь Ромодановскій выѣхалъ изъ Москвы еще въ концѣ января въ Путивль. Въ слѣдъ за нимъ отправились три стрѣлецкіе приказа въ Чигиринъ и полковникъ Гордонъ съ своимъ отрядомъ. Въ то же время везли туда запасы и шелъ изъ Кіева стрѣлецкій приказъ подъ начальствомъ окольничаго Ржевскаго. Гордонъ заѣзжалъ въ Батуринъ переговорить съ гетманомъ объ укрѣпленіи Чигирина, и прибывъ на мѣсто своего назначенія, немедленно приступилъ къ работамъ. Съ конца апрѣля началось исправленіе старыхъ укрѣпленій и возведеніе новыхъ и продолжалось до тѣхъ поръ, пока непріятели не показались 10-го іюля въ виду города (22).

Въ то время какъ Россія принимала мѣры къ отраженію непріятеля, Турки съ своей стороны готовились къ сильнѣйшему нападенію. Неудачная попытка овладѣть Чигириномъ только раздражила Магомета IV. Усиленныя просьбы приближенныхъ едва могли избавить отъ казни Ибрагимъ-пашу. Крымскій ханъ, которому приписывали въ особенности неудачу похода, былъ смѣненъ точно также, какъ Нурединъ-султанъ и Калга. Несмотря на политическое положеніе Турціи, которое требовало мира съ Россіею для того, чтобы обратить оружіе противъ Римской имперіи, султанъ, лишь только узналъ о неудачѣ Ибрагима, какъ велѣлъ приготовляться къ новому походу на будущее лѣто. Быть-мо-

жетъ, въ этомъ случаѣ, подъ личиною простой мести за оскорбленное самолюбіе скрывалась и здравая политическая мысль. Изъ всѣхъ государствъ европейскихъ, съ которыми въ это время соприкасалась Турція, одна Россія представлялась ей самостоятельнымъ и сильнымъ государствомъ, которое могло остановить ея успѣхи. Франція искала постоянно союза съ Турціей; Имперія боялась ея по случаю возмущеній въ Венгріи; Польшу, послѣ Буджановскаго мира, Турція считала уже страною завоеванною. Несмотря на то, что ея посланникъ, находившійся въ это время въ Константинополѣ, хотѣлъ удивить роскошью и даже смѣлостью въ сношеніяхъ съ диваномъ, Турки знали свою силу и обходились съ нимъ едва ли не такъ же, какъ съ посланцами крымскаго хана. Турція понимала очень хорошо, что Польша могла быть сильна только силою Россіи, и потому на Россію обратила все вниманіе. Старинныя притязанія на Казань и Астрахань не были забыты и въ этомъ случаѣ. Очевидно, только сила оружія могла рѣшить вопросъ. Россія не уступала многаго, хотя и желала мира; требованія же Турціи переходили за предѣлы уступчивости московскаго двора. Такое положеніе дѣлъ, какъ кажется, было понято обоими государствами. Турція черезъ крымскаго хана склоняла Россію къ миру въ то время, какъ дѣлала приготовленія къ сильному и рѣшительному нападенію на Чигиринъ; Россія послала гонца въ Константинополь съ мирными предложеніями, тогда какъ съ наибольшею дѣятельностію приготовлялась къ оборонѣ. Какъ будто двѣ противоположныя мысли управляли дѣятельностію того и другаго государства въ это время и, сколько намъ кажется, такъ и было дѣйствительно. Россія желала мира и готова была пожертвовать Чигириномъ; но Малороссія желала войны и придавала важное политическое значеніе Чигирину. Крымскіе ханы желали мира, опасаясь, чтобы Турки дѣйствительно не укрѣпились на Днѣпрѣ, и находясь въ близкомъ сосѣдствѣ, не подчинили окончательно Крыма, который до сихъ поръ только внѣшнимъ образомъ признавалъ свое подданство Портѣ; дикой шайкѣ наѣздниковъ даже и турецкіе государственные способы правленія казались тягостными. Турціи, напротивъ, необходимо было окончательно подчинить Крымъ; за тѣмъ ей мечталось обладаніе Казанью, Астраханью и Кавказомъ, который, по мѣрѣ успѣховъ Россіи, постоянно удалялся отъ ея вліянія.

Центральний Державний Музей БІБЛІОТЕКА 649 Шевченка

Съ начала осени Турція приготовлялась къ походу. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1678 года, всѣ войска, простиравшіяся до ста тысячъ, подъ начальствомъ верховнаго визиря Кара-Мустафы, сосредоточились у Добруджи. Къ нимъ должны были присоединиться Молдаване и Волохи, казаки Хмѣльницкаго и крымскіе Татары. Пріѣздъ русскаго гонца не остановилъ похода. Хотя Поросуковъ и хорошо былъ принятъ, однакоже его не допустили къ султану, узнавъ, что Россія не намѣрена уступить Портѣ Чигиринъ и Заднѣпровье. Гонецъ еще находился въ Константинополѣ, когда война торжественно была объявлена. Черезъ нѣсколько дней послѣ того его отпустили съ порученіемъ объявить государю, что если онъ желаетъ мира, то уступилъ бы Чигиринъ съ Заднѣпровьемъ и притомъ, чтобы его послы съ мирными предложеніями встрѣтили турецкія войска въ десяти переходахъ отъ Дуная (23). Гонецъ, не доѣхавъ еще до Москвы, поспѣшилъ, изъ Валахіи, по почтѣ увѣдомить государя о требованіяхъ Порты.

Война была неизбѣжна, и всякая новая попытка начать мирные переговоры показалась бы неумѣстною; однакоже, получивъ извѣстія отъ Поросукова, государь, «посовѣтовавъ съ богомольцемъ своимъ, патріархомъ Іоакимомъ (апрѣля 12), и говоря съ своими бояры», поручилъ князю Ромодановскому войдти въ переговоры съ верховнымъ визиремъ о мирѣ. Когда узнаетъ воевода о приближеніи къ Бугу турецкаго войска, ему предписывалось, «предваряя ихъ воинскій приходъ и не допуская до Чигирина», отправить отъ себя посланника «кого пригоже и кого бы въ такое дѣло стало». Посланникъ долженъ былъ объявить визирю, что никакихъ нѣтъ причинъ Туркамъ воевать съ Россіею, напомнить имъ о дружескихъ отношеніяхъ прежнихъ султановъ съ московскими государями, и слагая всю вину на Крымцовъ, предложить миръ. Но и въ этомъ случаѣ московское правительство не дѣлало никакихъ уступокъ Портѣ. Напротивъ, посланникъ долженъ былъ объявить несомнѣнныя права на Чигиринъ и всю Украйну, какъ исконное достояніе Россіи, доказывая это и самымъ названіемъ страны — Малою *Россіею* (24). Кажется, что московское правительство само понимало, что на такихъ условіяхъ переговоры не будутъ имѣть успѣха, и потому вслѣдъ за этимъ предписаніемъ отправило другое къ князю Ромодановскому. Если воеводѣ удастся открыть переговоры съ верховнымъ визиремъ, и онъ

упорно будетъ настаивать на томъ, чтобы Чигиринъ былъ уступленъ Туркамъ, то въ этомъ случаѣ ему дозволялось, даже цѣною Чигирина, купить желанный миръ. Впрочемъ, не уступая его Портѣ, правительство рѣшалось срыть укрѣпленія, уничтожить городъ, и жителей перевести на другой берегъ Днѣпра. Князю Ромодановскому, рѣшаясь на эту уступку, предписывалось однакоже весьма трудное условіе: «чтобъ то чигиринское сведеніе непротивно было малороссійскимъ жителямъ», условіе, уничтожавшее всякую возможность переговоровъ. Не потому ли воевода и не рѣшился начать ихъ, или быть-можетъ, скоро открывшіяся военныя дѣйствія предупредили всякую возможность открыть мирные переговоры (25)?

Военныя дѣйствія начали съ одной стороны Крымцы, съ другой кошевой запорожскій. Татарскія орды, безъ видимой цѣли, съ января мѣсяца показывались въ разныхъ мѣстахъ на границахъ Украйны. Потомъ сосредоточились у рѣки Росавы и напали на Переяславскій полкъ, пожгли и ограбили нѣсколько селъ и многихъ забрали въ плѣнъ. Въ Переяславлѣ, однако, скоро узнали про набѣгъ Татаръ. Полковникъ Лысенко со всѣмъ полкомъ и частью русскихъ войскъ, отправленныхъ воеводою Тарбѣевымъ подъ начальствомъ головы Юдина, быстро пошли за ними въ погоню, настигли ихъ въ селѣ Хотецкомъ, въ десяти верстахъ отъ Переяславля, разбили, отняли плѣнныхъ и преслѣдовали за Днѣпръ до мѣстечка Мошенъ. Сѣрко, сидя въ кошѣ, постоянно слѣдилъ за Татарами и Турками, и немедленно ударилъ на нихъ тогда, какъ могъ ожидать наибольшей добычи. Стольникъ Перхуровъ, ѣздившій на кошъ, по царскому приказанію, въ январѣ мѣсяцѣ, вновь отправился туда въ концѣ мая по порученію князя Ромодановскаго уговаривать Сѣрка, чтобы онъ воевалъ съ Татарами и Турками. Но кошевой запорожскій предупредилъ желаніе московскаго воеводы; онъ находился уже въ походѣ, когда Перхуровъ прибылъ въ Сѣчу. Прослышавъ, что изъ Очакова Турки по Днѣпру отправили военные и хлѣбные запасы для своихъ войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать противъ Чигирина, Сѣрко немедленно выступилъ съ своими Запорожцами на судахъ внизъ къ Казы-карменю. Нѣсколько верстъ ниже этого города онъ настигъ турецкій караванъ, разбилъ, взялъ семь пушекъ и двадцать знаменъ и отправилъ добычу на кошъ; самъ за новою добычей водою и сухимъ путемъ отправился къ Бугу. Тамъ онъ надѣялся

уничтожить переправы, по которымъ должно было идти турецкое войско къ Чигирину и застать аріергардъ съ обозомъ. Походъ Сѣрка былъ удаченъ (26). Но его набѣги, такъ же точно какъ и татарскіе на Переяславскій полкъ, составляли только простыя передовыя стычки двухъ огромныхъ по тому времени войскъ, которыя медленно приближались одно къ другому.

Гетманъ Самойловичъ, собравъ всѣ полки малороссійскіе, выступилъ изъ Батурина 10-го мая. Князь Ромодановскій еще 17-го апрѣля выступилъ изъ Курска и 18, подлѣ Суджи у рѣки Псела, сосредоточилъ бо́льшую часть своего войска. Въ половинѣ іюня соединились при рѣчкѣ Артополатѣ войска московскія, простиравшіяся до ста тысячъ, съ малороссійскими. Оттуда они двинулись къ Лубнамъ, гдѣ предполагали ожидать рѣшительныхъ извѣстій о движеніи Турокъ и затѣмъ направить путь къ Чигирину или Кіеву (27). Малороссія съ ужасомъ ожидала предстоявшей борьбы; она казалась ей борьбою за жизнь или смерть, дѣломъ рѣшительнымъ. Духовенство предписывало постъ и молитвы. Архіепископъ черниговскій, Лазарь Барановичъ, увѣщевалъ жителей Украйны молиться о спасеніи отечества; гетманъ предписывалъ повиноваться увѣщаніямъ верховнаго пастыря. Въ самой Великой Россіи повсюду пѣлись молебны съ прошеніемъ, да падетъ огарянское владычество, да одолѣютъ христіяне страшную силу поклонниковъ Магомета (28). Турецкое войско къ концу апрѣля собралось у Исакчи, въ Бабы сошлись Молдаване и Валахи подъ предводительствомъ своихъ господарей и потомъ присоединились къ Туркамъ на походѣ ихъ къ Днѣстру. За Бугомъ встрѣтилъ Турокъ и Юрій Хмѣльницкій съ четырьмя тысячами казаковъ. Войско подвигалось медленно въ ожиданіи крымскаго хана, который съ 30 тысячами орды присоединился только за два перехода до Чигирина (29).

Между тѣмъ въ этой крѣпости, къ которой съ обѣихъ сторонъ приближались враждебныя между собою войска, кипѣла дѣятельность. Гордонъ неутомимо и постоянно распоряжался работами по исправленію старыхъ и возведенію новыхъ укрѣпленій; Ржевскій начальствовалъ надъ русскимъ гарнизономъ и вообще верхнимъ городомъ, разрѣшая трудную задачу: держать Русскихъ въ согласіи съ Малороссіянами, находившимися въ нижнемъ городѣ, и ладить не только съ начальникомъ казацкихъ войскъ, полковни-

комъ Коровченкомъ, но и съ писаремъ Животовскимъ, котораго гетманъ прислалъ въ Чигиринъ въ качествѣ своего представителя и довѣреннаго человѣка. Извѣстія, приходившія почти ежедневно въ Чигиринъ, то съ царскими гонцами, наблюдавшими за устройствомъ обороны, то изъ гетманскаго и воеводскаго стана, извѣщавшими о движеніи войскъ, предназначенныхъ защищать эту крѣпость, то перебѣжчиками изъ Валахіи и Турціи, пугавшими разказомъ о силѣ и быстромъ движеніи Турокъ, постоянно волновали и такъ уже напряженную дѣятельность чигиринскихъ сидѣльцевъ. Хотя они не унывали и быстро работали укрѣпленія, однако же съ усиленнымъ вниманіемъ наблюдали за движеніями обоихъ войскъ; ихъ дѣятельная жизнь неслась между страхомъ и надеждою. Постоянныя извѣстія отъ воеводы и гетмана поддерживали духъ Чигиринцевъ. Прежде всѣхъ подошелъ къ Днѣпру передовой отрядъ въ двѣнадцать тысячъ подъ начальствомъ генералъ-майора Косогова, и переправившись у деревни Максимовки на чигиринскую сторону, заложилъ укрѣпленный станъ, близь Вороновки, въ трехъ миляхъ отъ крѣпости. За нимъ шло и все соединенное войско. По мѣрѣ его приближенія, въ Чигиринъ чаще прибывали новые отряды, помогать гарнизону въ работѣ укрѣпленій, чаще привозились запасы. Между тѣмъ показались уже признаки скораго приближенія непріятелей. Еще 3-го іюня, въ виду города, оказалась значительная шайка Татаръ. Захвативъ въ плѣнъ двухъ стрѣльцовъ и нѣсколько лошадей, находившихся на лугахъ, она удалялась; изъ города бросились за нею московскіе и казацкіе отряды, въ безпорядкѣ, безъ предводителей и безъ повелѣнія. Замѣтивъ это, Гордонъ поскакалъ вслѣдъ за ними, успѣлъ воротить московскихъ людей, но казаки его не послушались и возвратились только тогда, когда нѣсколькихъ изъ нихъ Татары взяли въ плѣнъ. Хотя такой поступокъ и свидѣтельствовалъ о храбрости войскъ, однакоже еще болѣе доказывалъ недостатокъ порядка и подчиненности, необходимыхъ въ осаждаемой крѣпости. Гордонъ, сильно взволнованный происшествіемъ, настоялъ на томъ, чтобы дано было строжайшее предписаніе всѣмъ и каждому не предпринимать никакихъ дѣйствій безъ приказанія начальниковъ. О значеніи татарскаго отряда не имѣли положительныхъ свѣдѣній въ Чигиринѣ; это могла быть часть передоваго отряда всего турецкаго войска. Въ послѣдствіи оказалось, что эта шайка принадле-

жала къ цѣлому отряду бѣлгородскихъ Татаръ, которыхъ верховный визирь отрядилъ напередъ для развѣдки. Спустя нѣсколько времени, тотъ же отрядъ показался и въ виду Кіева, гдѣ причинилъ еще больше опасеній. Воевода, вполнѣ увѣренный, что это передовой полкъ всего турецкаго войска, которое вслѣдъ за нимъ явится осаждать Кіевъ вмѣсто Чигирина, немедленно послалъ гонца въ главное войско убѣждать воеводу и гетмана идти на помощь со всѣми силами. Но князь Ромодановскій и Самойловичъ знали положительно, куда направляютъ свой походъ войска турецкія: въ концѣ іюня (26 числа) мѣсяца они придвинулись уже къ Днѣпру. Скоро вѣсть о прибытіи соединенныхъ войскъ достигла Чигирина и ободрила гарнизонъ. Вслѣдъ за тѣмъ, они получили извѣстіе, что Турки уже соединились съ Татарами и не позднѣе 10 іюля придутъ къ Чигирину. Увѣдомляя о семъ князя Ромодановскаго и гетмана, Ржевскій просилъ ихъ поспѣшить походомъ къ этому городу. Онъ и всѣ его сотоварищи увѣрены были, что соединенное московское и малороссійское войско намѣрено предупредить Турокъ своимъ появленіемъ передъ Чигириномъ. Тяжелое произвело впечатлѣніе на защитниковъ Чигирина извѣстіе о томъ, что соединенныя войска, вмѣсто немедленной переправы черезъ Днѣпръ, предприняли боковое движеніе вверхъ по рѣкѣ, чтобы перейдти сначала Сулу и потомъ уже Днѣпръ у Бужинскаго перевоза. Воевода и гетманъ находили неудобнымъ переправить черезъ Днѣпръ все войско между укрѣпленнымъ станомъ генерала Косогова и крѣпостью: имъ казалось, что пространство между ними слишкомъ тѣсно и неудобно для движенія многочисленнаго войска. Дѣйствительно, бо́льшая часть узкой дороги пролегала между лѣсами и болотами, по которой трудно было бы въ порядкѣ двигаться 80 тысячному войску. Соображенія военачальниковъ въ этомъ случаѣ были основательны; но очевидно однакоже, что воевода и гетманъ, которымъ мѣстность довольно была извѣстна, дурно распорядились, предписавъ Косогову построить укрѣпленный станъ тамъ, гдѣ онъ построилъ его. Отрядивъ Косогова оберегать переправу черезъ Тясминъ около Крылова, войско пошло къ Сулѣ и удачно переправилось по двумъ нарочно устроеннымъ мостамъ. Переправа черезъ Днѣпръ совершилась не менѣе удачно въ продолженіи четырехъ дней. Ржевскій, узнавъ о движеніи воеводы, немедленно отправилъ къ нему

гонца съ извѣстіемъ, что Чигиринъ собственными средствами не можетъ долго держаться противъ многочисленнаго войска непріятелей. Удаляясь вверхъ по Днѣпру, быть-можетъ, онъ опасался, что соединенное войско оставляетъ совершенно безъ защиты крѣпость, ввѣренную его попеченію. Силы Чигирина точно не были значительны: въ верхнемъ городѣ находилось только 5,550 московскихъ войскъ, въ нижнемъ 6,100 казаковъ (30). Князь Ромодановскій, получивъ отписку Ржевскаго, поручилъ ему удержать въ Чигиринѣ полуторатысячный отрядъ войскъ, который былъ только на время присланъ для помощи въ крѣпостныхъ работахъ. Такимъ образомъ, весь гарнизонъ состоялъ съ небольшимъ изъ 13 тысячъ. Количество пушекъ тоже было весьма незначительно въ отношеніи къ пространству оборонительныхъ линій. Тамъ находилось 4 большихъ пятнадцати фунтовыхъ орудій, отнятыхъ нѣкогда Хмѣльницкимъ у Поляковъ въ Барѣ, 6 осьми-и десяти фунтовыхъ, 8 меньшаго калибра, 28 полевыхъ и картечныхъ орудій, 8 двухъ и трехъ фунтовыхъ и 11 желѣзныхъ. Только 6 мортиръ находилось въ верхнемъ городѣ, да изъ тѣхъ двѣ не могли быть употреблены въ дѣло. Въ нижнемъ городѣ еще было 15 пушекъ, большею частію желѣзныхъ. Боевыхъ снарядовъ тоже незначительное приготовлено было количество: 2,000 пудовъ пороху хранилось въ подвалахъ, кромѣ небольшихъ запасовъ, которые каждый полкъ имѣлъ при себѣ; 3,600 ядеръ и не болѣе 500 бомбъ; 1,200 ручныхъ гранатъ и еще менѣе другихъ снарядовъ. Когда оборона была устроена и пушки поставлены на мѣстахъ, Гордонъ хотѣлъ попробовать самыя орудія и нѣсколько поучить стрѣлковъ; но Ржевскій не позволилъ ему тратить порохъ, котораго, казалось ему, было очень немного.

Въ такомъ оборонительномъ положеніи находилась крѣпость, когда, 8-го іюля, часовъ въ десять утра, показались въ виду передовые отряды непріятелей: одинъ изъ нихъ пробирался къ крѣпости, въ надеждѣ напасть врасплохъ и захватить добычу, но былъ встрѣченъ казаками и отступилъ. Въ этой первой стычкѣ былъ убитъ сердюцкій полковникъ Рубанъ, замѣчательный по своей храбрости. Въ полдень показались Молдаване, за ними Валахи, подъ предводительствомъ господарей: одни начали устраивать лагерь у ручья Ирклеева, другіе близь деревни Субботовой. Мало-по-малу все пространство передъ крѣпостію покрывалось вой-

сками. Гордонъ вынесъ изъ замка знамена всѣхъ полковъ, находившихся въ Чигиринѣ, и размѣстилъ ихъ по крѣпостному валу. Ржевскій увѣдомилъ князя Ромодановскаго о приходѣ Турокъ; съ поспѣшностію оканчивали въ городѣ еще нѣкоторыя не совсѣмъ готовыя укрѣпленія. Два перебѣжчика Серба разказали осажденнымъ о составѣ турецкаго войска, запасахъ, и объявили, что верховный визирь только завтра приблизится къ крѣпости съ главными силами. Дѣйствительно, на другой день все пространство холмовъ, съ юго-запада окружающихъ Чигиринъ, покрылось лагеремъ; между другихъ возвышались съ особенною роскошью устроенныя палатки пашей и посреди всѣхъ, съ пятью башнями, палатка верховнаго визиря. Лагерь, растянувшійся на восемь миль, представлялъ великолѣпное и грозное зрѣлище, говоритъ современникъ-очевидецъ, Гордонъ.

Съ перваго появленія Турокъ начались нападенія отдѣльными отрядами. Въ этотъ день произошли хотя и незначительныя стычки, но въ которыхъ былъ убитъ Грекъ, единственный минёръ, находившійся въ Чигиринѣ. Онъ безъ позволенія, никѣмъ незамѣченный, вышелъ изъ крѣпости вмѣстѣ съ вылазкою. Съ полудня Турки уже приступили къ осаднымъ работамъ: прикрываясь мѣшками, набитыми шерстью, вязанками травы и соломы, они, въ 80 саженяхъ отъ передоваго вала, заложили первую траншею и потомъ постепенно приближались болѣе и болѣе, несмотря на пальбу изъ крѣпости. Передъ вечеромъ три всадника подъѣхали къ Крымскимъ воротамъ и бросили пакетъ. Въ немъ заключались два письма верховнаго визиря къ воеводѣ Ржевскому со всѣми московскими полками и къ полковнику Коровченку съ Малороссіянами, находившимися въ Чигиринѣ. Къ турецкимъ подлинникамъ приложенъ былъ даже русскій переводъ. Въ письмахъ Кара-Мустафа объявлялъ осажденнымъ, что, по приказанію султана, онъ пришелъ съ войскомъ занять крѣпость, которую измѣнникъ, подданный Оттоманской Порты, Дорошенко, незаконно передалъ Русскимъ. Въ случаѣ добровольной сдачи крѣпости, визирь обѣщалъ отпустить гарнизонъ со всѣми пожитками за Днѣпръ, безъ всякихъ затрудненій.

Получивши письма визиря, Ржевскій собралъ военный совѣтъ, который рѣшилъ оставить ихъ безъ отвѣта, увѣдомить князя Ромодановскаго, а съ раннимъ утромъ напасть на Турокъ съ отрядомъ въ двѣ тысячи Русскихъ и во столько же казаковъ. Вопросъ

возникъ только о томъ: кто будетъ предводительствовать отрядомъ? Гордонъ предложилъ себя. Всѣ полковники единогласно отклонили это предложеніе, понимая конечно значеніе человѣка, возведшаго всѣ укрѣпленія Чигирина и необходимаго для ихъ защиты. Начались споры, которые однакоже рѣшилъ воевода, объявивъ царское повелѣніе, не употреблять Гордона ни въ какихъ вылазкахъ. Въ этомъ случаѣ его доводы, что въ осажденномъ городѣ онъ такъ же мало безопасенъ въ своей квартирѣ, или на валу, какъ и предводительствуя вылазкой, конечно, не имѣли никакой силы. Впрочемъ, онъ самъ признается, что очень былъ доволенъ такимъ рѣшеніемъ. Вылазкою поручено было начальствовать помощникамъ полковниковъ.

Такъ прошелъ первый день осады; на другой явились новыя подкрѣпленія въ Чигиринъ: Ахтырскій казачій полкъ, въ 1200 человѣкъ, подъ предводительствомъ полковника Давыдова, полкъ Сердюковъ въ 1000 человѣкъ и полковникъ Кожуховскій, который долженъ былъ занять мѣсто убитаго Рубана. Этотъ вспомогательный отрядъ, по распоряженію князя Ромодановскаго, сопровождалъ до Чигирина генералъ Косоговъ съ своимъ корпусомъ, который такимъ образомъ, оставивъ прежнее свое мѣсто, открылъ для непріятеля переправу черезъ Тясминъ. Ночь важнѣе дня, какъ для осаждающихъ, такъ и для осажденныхъ. Турки работали усердно, но въ этомъ случаѣ и Русскіе не теряли времени: Гордонъ, какъ начальникъ всѣхъ крѣпостныхъ работъ, ночью отправился посмотрѣть, далеко ли еще отъ крѣпости работаютъ осаждающіе. Къ удивленію, онъ замѣтилъ, что они приблизились уже на 20 саженей отъ гласиса скрытой дороги, находившейся передъ крѣпостію, однимъ словомъ, работаютъ въ томъ мѣстѣ, которымъ въ прошлую осаду они могли завладѣть только послѣ многочисленныхъ усилій. Возвратившись въ городъ, Гордонъ немедленно потребовалъ, чтобы отряжена была вылазка, съ цѣлію отодвинуть Турокъ. Его мысль была исполнена; послѣ нѣсколькихъ неудачъ, удалось однакоже прогнать Турокъ къ первымъ ихъ траншеямъ. На другой день, едва взошло солнце, не только двѣ батареи открыли огонь противъ крѣпости, но даже и третья, незамѣченная осажденными, изъ пяти орудій начала бросать ядра въ городъ. Быстро и успѣшно работали Турки, постоянно возводя новыя батареи и ежедневно ближе и ближе подводя свои траншеи къ пере-

довымъ укрѣпленіямъ. Рѣдкими ударами постоянно продолжалась пальба, и ядра вѣрно достигали цѣли; городскія укрѣпленія сильно страдали, потеря въ людяхъ была значительна и увеличивалась ежедневно. Вылазки временно отодвигали Турокъ отъ укрѣпленій, къ которымъ вслѣдъ затѣмъ все ближе и ближе подвигались ихъ осадныя работы. Во многихъ мѣстахъ они вели подкопы; о нѣкоторыхъ узнали осажденные отъ перебѣжчиковъ, но не имѣли достаточныхъ средствъ противодѣйствовать. Гордонъ принималъ, впрочемъ, всѣ возможныя мѣры, которыя однакоже, затрудняя работы осаждающихъ, не могли ихъ принудить къ тому, чтобы снять осаду. Іюля 28-го въ нижнемъ городѣ загорѣлась церковь, потомъ сосѣдніе домы, и бо́льшая часть города превратилась въ пепелъ. Пожаръ былъ такъ силенъ, что не было никакой возможности его тушить, особенно подъ ядрами непріятелей, которые направили туда всѣ выстрѣлы. На другой день Турки усилили дѣйствіе артиллеріи, сосредоточивъ его на одно мѣсто; уже не было возможности защищать нѣкоторыя изъ передовыхъ укрѣпленій, а между тѣмъ ожидали общаго приступа. Осажденные упали духомъ. Въ продолженіи трехъ недѣль, они не имѣли никакихъ извѣстій изъ войскъ князя Ромодановскаго и гетмана, и не знали даже, гдѣ они находятся.

Съ тѣхъ поръ, какъ отрядъ Косогова отступилъ къ главнымъ войскамъ и открылъ для непріятеля путь черезъ Тясминъ, отряды Татаръ и Турокъ перешли черезъ рѣку и совершенно разобщили крѣпость отъ соединенныхъ войскъ, московскаго и малороссійскаго. Переправившись черезъ Днѣпръ, въ началѣ іюля, князь Ромодановскій получилъ царское повелѣніе, въ которомъ ему предписывалось не начинать дѣйствій противъ непріятеля, не дождавшись прибытія князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго съ Калмыками и Горцами. Это предписаніе, исполненное воеводою, заставило потерять около трехъ недѣль времени безъ всякой пользы и въ совершенномъ бездѣйствіи. Только 28 іюля прибылъ Каспулатъ всего съ двумя тысячами бѣдныхъ, голодныхъ и оборванныхъ наѣздниковъ, которые, конечно, не могли оказать никакой особенной помощи войску, простиравшемуся до 80 тысячъ. Черезъ два дня послѣ ихъ прихода воевода и гетманъ двинулись къ Чигирину.

Между тѣмъ въ этотъ же день около полудня осажденные замѣтили особенное движеніе въ турецкомъ лагерѣ: строились полки

пѣхоты и конницы, приближались къ городу и занимали траншеи. Очевидно, непріятели готовились къ приступу. Дѣйствительно, прошло немного времени, какъ часть бульверка взлетѣла на воздухъ и образовался проломъ, въ который съ шумомъ и въ значительныхъ силахъ бросились Турки. Но Гордонъ позади наиболѣе опасныхъ мѣстъ устроилъ ретраншаменты. Занявъ брешь и замѣтивъ за нею ретраншаментъ, Турки остановились, прилегли на землю и прикрылись щитами. Два раза Гордонъ пытался выбить непріятеля, но изъ лагеря неумолкаемо стрѣляли въ проломъ прямо по ретраншаменту изъ пяти батарей въ 17 орудій. Укрѣпленіе разрушалось подъ ударами; огонь былъ такъ силенъ, что люди не могли въ немъ оставаться. Значительно разрушивъ укрѣпленіе, Турки пріостановили пальбу и снова бросились на приступъ, но замѣтивъ русскія войска, показавшіяся въ проломѣ, отступили. Вновь начали дѣйствовать батареи, потомъ опять замолкли, и Турки въ третій разъ пошли на приступъ; но встрѣтивъ русскія войска, осыпаемые пулями и картечью съ боковъ, отступили съ огромною потерей. Около двухъ часовъ продолжалось дѣло въ этомъ проломѣ, какъ вдругъ съ лѣвой стороны раздался взрывъ другаго подкопа, поколебалъ всѣ укрѣпленія и навелъ ужасъ на осажденныхъ. Но скоро они ободрились,—взрывъ не причинилъ значительнаго вреда. По распоряженію Гордона, въ этомъ мѣстѣ былъ прорытъ ровъ; изъ этого рва шли многочисленные *слухи* (контръ-мины) въ которые вышелъ взрывъ, не причинивъ значительнаго поврежденія укрѣпленіямъ. Но и здѣсь завязалось дѣло, продолжавшееся около четырехъ часовъ; Турки однакожь отступили. Приступъ не удался, но осадныя работы продолжались. Осажденные, потерявъ значительное число людей и снарядовъ, не считали возможнымъ отстоять крѣпость своими средствами, безъ содѣйствія соединенныхъ войскъ (31).

Турки однакоже находились въ положеніи гораздо худшемъ, нежели осажденные. Послѣ осады, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ, стоившей большихъ пожертвованій и до сей поры совершенно безуспѣшной, упалъ духъ войскъ. Движеніе большаго войска, которое со дня на день могло явиться для защиты крѣпости, упорное мужество осажденныхъ, приближеніе осени, если не самый недостатокъ, то близкая возможность недостатка въ съѣстныхъ и боевыхъ припасахъ, ропотъ въ войскахъ — все это

заставило задумываться верховнаго визиря. Онъ былъ готовъ уже снять осаду и отступать, несмотря на гнѣвъ султана, котораго долженъ былъ ожидать. Передъ отступленіемъ однакоже онъ собралъ военный совѣтъ, въ которомъ многіе согласились съ его мнѣніемъ, но вообще голоса раздѣлились. Дефтердарь Ахметъ-паша сильно отстаивалъ противоположное мнѣніе. Рѣшено было продолжать осаду, но въ то же время переправить черезъ Тясминъ значительное войско, котораго назначеніе состояло въ томъ, чтобы разбить, или по крайней мѣрѣ не допустить соединенное московское и малороссійское войско оказать помощь крѣпости. Господарямъ Молдавіи и Валахіи поручено было построить три моста чрезъ Тясминъ; Капланъ-паша, только что прибывшій въ турецкій станъ съ подкрѣпленіями, и Кёръ-Гасанъ паша, назначены были предводительствовать отрядомъ въ 10 тысячъ избранныхъ войскъ, кромѣ Татаръ, съ 50 пушками (32).

На другой же день, 31-го іюля, осажденные замѣтили движеніе турецкихъ отрядовъ за Тясминъ; перебѣжчикъ Сербъ и плѣнный Турокъ объяснили имъ цѣль этого движенія; однакоже осада продолжалась; нѣсколько новыхъ подкоповъ подняли на воздухъ въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія, пальба не прерывалась, и въ нижнемъ и верхнемъ городѣ уже не было ни одного мѣста, безопаснаго отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Августа 3-го, они замѣтили однакоже, что между соединенными войсками и Турками загорѣлась битва (33).

Пространство отъ Бужинской переправы до Тясмина раздѣлялось на двѣ половины *Кувечинскимъ взвозомъ* на *Стрѣлковую* гору. Низменный днѣпровскій берегъ простирался до этой горы, отъ которой началась плоскость до самаго Тясмина. Стрѣлковую гору съ ея окрестностями занялъ Капланъ-паша. Его положеніе было выгодно. Выступивъ 31-го іюля изъ лагеря на берегу Днѣпра, соединенное войско, пройдя лѣсъ, подступило къ Стрѣлковой горѣ. Нападенія передовыхъ отрядовъ оно отразило съ полнымъ успѣхомъ; но всходъ на крутую гору, занятую сильнымъ непріятелемъ, представилъ значительныя трудности. Августа 1-го, ночью, по распоряженію князя Ромодановскаго и гетмана, московскіе и казачьи отряды пошли на Турокъ, въ надеждѣ внезапнымъ нападеніемъ разстроить ихъ положеніе и проложить путь для дѣйствій цѣлаго войска. Но это нападеніе съ незначительными силами,

конечно, не удалось; несмотря на то, воевода и гетманъ рѣшили со всѣми силами дать сраженіе непріятелю, овладѣть горою и такимъ образомъ вступить въ сообщеніе съ Чигириномъ. Августа 3-го назначено было общее движеніе впередъ. Все войско расположено было въ такомъ порядкѣ: правый флангъ, состоявшій изъ шести тысячъ пѣхоты, находился подъ начальствомъ генераловъ, Аггея Шепелева и Матвея Кровкова; резервомъ этого отряда, въ десять тысячъ конницы и пѣхоты, предводительствовалъ генералъ Змѣевъ. Лѣвый флангъ состоялъ изъ казаковъ; гетманъ самъ распоряжался его устройствомъ по своему усмотрѣнію. Средоточіе нападающихъ войскъ состояло изъ 9 стрѣлецкихъ полковъ, составъ которыхъ простирался до 6 тысячъ. Резервъ къ этому отряду состоялъ изъ 15 тысячъ конницы и пѣхоты. Самое распредѣленіе войскъ доказывало, что въ предстоящей битвѣ воевода желаетъ прогнать Турокъ во что бы то ни стало; резервы были вдвое сильнѣе по числу боевыхъ отрядовъ. Несмотря на сильный отпоръ Турокъ, которые, занимая возвышенность, имѣли на своей сторонѣ всѣ преимущества, русскія войска двинулись впередъ на гору. Быстро передовыя войска лѣваго фланга взошли на возвышенность и проникли даже въ лагерь непріятелей; слѣдовавшіе за ними резервы не могли вовремя оказать имъ помощь. Въ то время, какъ довольные первымъ успѣхомъ, они принялись грабить лагерь, Турки окружили ихъ. Многіе погибли, генералъ Шепелевъ былъ раненъ; но остальные не потеряли присутствія духа. Отрядъ, до 500 человѣкъ, былъ отрѣзанъ Турками отъ своихъ подкрѣпленій. Онъ построился въ каре, обросалъ себя рогатками, и съ двумя пушками мужественно защищался отъ нападеній. Между тѣмъ стрѣлецкіе полки изъ центра войска сбили Турокъ и заняли мѣсто; въ продолженіе этого времени и резервы праваго фланга подошли на помощь. Конница сдѣлала два нападенія на Турокъ и наконецъ принудила ихъ къ бѣгству. Капланъ-паша и крымскій ханъ начальствовали надъ непріятелемъ. Вслѣдъ за побѣдою лѣваго фланга, центръ и казаки овладѣли всѣмъ лагеремъ Турокъ, взяли 28 пушекъ, кромѣ другой добычи. Турки бѣжали за Тясминъ, многіе погибли при переправѣ и сожгли за собою мосты (34).

Блистательная побѣда увѣнчала усилія соединенныхъ войскъ. Немедленно нарочный гонецъ съ извѣстіемъ о ней отправился

въ Москву. Правительство, ведя трудные переговоры съ польскими уполномоченными и по возможности отстраняя притязанія другихъ державъ, безъ сомнѣнія обрадовано было извѣстіемъ. Оно могло произвести выгодное впечатлѣніе на Поляковъ и склонить ихъ къ скорѣйшему заключенію перемирія, желаннаго Москвою. Во всѣхъ церквахъ московскихъ повелѣно было пѣть благодарственные молебны (35).

Въ то время, какъ въ Москвѣ праздновали побѣду, и чигиринскіе сидѣльцы полагали надежду на скорое избавленіе, русское войско находилось уже въ виду крѣпости. Гордонъ желалъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и уговаривалъ отбить у непріятеля проломъ, которымъ онъ успѣлъ овладѣть. Побѣда увѣнчала его желаніе, но не надолго; Турки взорвали новый подкопъ и бросились на приступъ. Два часа продолжалось сраженіе; Турки были отбиты; но во время этой схватки, ядро, попавшее въ верхній городъ, убило наповалъ воеводу Ржевскаго. По единогласному требованію всѣхъ полковниковъ, Гордонъ принялъ начальство. Перебѣжчики сообщили ему подробности о побѣдѣ воеводы и гетмана, но въ то же время объявили, что Турки снова предполагаютъ сдѣлать приступъ. Ночью, 2-го августа, Гордонъ отправилъ гонца къ князю Ромодановскому. извѣстить его о безпорядочномъ отступленіи Турокъ послѣ битвы на Стрѣлковой горѣ и просить, чтобъ онъ воспользовался побѣдою, немедленно двинулся и снова напалъ бы на Турокъ. Осажденные уже не такъ отчаянно дрались, какъ прежде; вылазки почти не удавались, никто не хотѣлъ жертвовать жизнью, въ надеждѣ, что скоро подойдетъ русское войско и выручитъ ихъ изъ бѣды. Войско, дѣйствительно, черезъ два дня подошло и остановилось лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Чигирина. Но вмѣсто того чтобы напасть на Турокъ, воевода и гетманъ отправили въ крѣпость новыя подкрѣпленія. Бездѣйствіе соединенныхъ войскъ ободрило Турокъ; съ ревностію принялись они за осадныя работы. Гордонъ, замѣтивъ это, отправилъ опять гонца къ воеводѣ и предлагалъ ему слѣдующій способъ дѣйствія. Для того, чтобы принудить Турокъ снять осаду, онъ полагалъ необходимымъ, чтобы соединенное войско подступило къ самой крѣпости, и еслибы не желало дѣйствительно напасть на турецкій станъ, то по крайней мѣрѣ показывало бы только, что имѣетъ это намѣреніе. Между тѣмъ

онъ предлагалъ занять и укрѣпить острова на Тясминѣ; устроенныя тамъ батареи могли бы обстрѣливать часть непріятельскаго лагеря и осадныя укрѣпленія. Послѣ всего этого онъ считалъ необходимымъ сдѣлать сильную вылазку изъ крѣпости. Не отвергая предложеній Гордона и не соглашаясь съ ними, князь Ромодановскій не тронулся съ мѣста, но прислалъ только въ крѣпость 2500 человѣкъ пѣхоты и 800 стрѣльцовъ, и предписывалъ Гордону сдѣлать вылазку. Между тѣмъ въ тотъ день (5 августа) какъ получено было это предписаніе, Турки взорвали часть укрѣпленій и бросились на приступъ. Осажденные съ успѣхомъ отразили непріятеля, и вечеромъ, желая исполнить предписаніе воеводы, Гордонъ собралъ на совѣтъ всѣхъ полковниковъ. Съ общаго согласія рѣшено было, на другой же день, на разсвѣтѣ, съ трехъ сторонъ произвесть вылазки. Каждый отрядъ долженъ былъ состоять изъ 1000 человѣкъ. Гордонъ вовсе не надѣялся однакоже на успѣхъ. Онъ рѣшился сдѣлать вылазки для того только, чтобы исполнить желаніе воеводы и въ то же время показать Туркамъ, что гарнизонъ не бездѣйствуетъ, однакоже онъ убавилъ число назначенныхъ войскъ въ половину. Отъ этого ли не удались вылазки, или, можетъ-быть, дѣйствительно солдаты плохо дѣйствовали, какъ увѣряетъ Гордонъ, трудно рѣшить. Но весьма вѣроятно и послѣднее обстоятельство: въ вылазкахъ участвовали уже новыя, только что прибывшія въ Чигиринъ, войска. Получивъ извѣстіе о неудачѣ, князь Ромодановскій писалъ къ Гордону, чтобы онъ возвратилъ назадъ всѣ присланныя вновь къ нему войска, потому что уже не надѣется болѣе на возможность дѣйствовать вылазками. Крайне смущенный такимъ предписаніемъ, Гордонъ отвѣчалъ, что гарнизонъ чигиринскій такъ много потерялъ убитыми и ранеными, остальные такъ утомлены постоянными работами во время продолжительной осады, что безъ войскъ, вновь присланныхъ къ нему отъ воеводы, онъ не въ состояніи будетъ держаться въ крѣпости. Воевода согласился оставить войска, а гетманъ прислалъ, въ подкрѣпленіе гарнизону нижняго города, вновь около двухъ тысячъ казаковъ.

Между тѣмъ острова на Тясминѣ, на которые указывалъ Гордонъ, были заняты русскими войсками. На одномъ расположился полковникъ Косоговъ, но не успѣлъ еще укрѣпиться, какъ Турки замѣтили угрожавшую имъ опасность, и на другой же день (7-го

августа) на него напали. Незначительный отрядъ не выдержалъ нападенія и бѣжалъ. Другой островъ занялъ генералъ Вульфъ и устроилъ батареи на оконечности, самой отдаленной отъ турецкаго лагеря; поэтому онѣ почти вовсе не наносили вреда непріятелю. Гордонъ, убѣдившись наконецъ, что соединенныя войска вовсе не намѣрены перейдти Тясминъ и дать сраженіе непріятелю, просилъ воеводу послать по крайней мѣрѣ одинъ значительный отрядъ и вызвать непріятеля въ поле. Воспользовавшись этимъ, вѣроятно было бы возможно выбить его изъ передовыхъ траншей. Князь Ромодановскій обѣщалъ исполнить его желаніе; но такой способъ дѣйствія, кажется, не былъ обдуманъ ни воеводою, ни Гордономъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Притомъ воевода хотя и обѣщалъ исполнить желаніе Гордона, однакоже еще колебался въ своихъ намѣреніяхъ. Между тѣмъ Турки дѣйствовали рѣшительно; ихъ осадныя работы все болѣе и болѣе приближались къ городу; у самыхъ воротъ, изъ которыхъ дѣлались вылазки, они возвели сильныя укрѣпленія; осадныя орудія дѣйствовали неумолкаемо; подкопы велись неутомимо, и ежедневно въ нѣсколькихъ мѣстахъ взлетали на воздухъ городскія укрѣпленія. Хотя осажденные исправляли проломы, съ успѣхомъ отбивали частые приступы, отстрѣливались по возможности, но съ каждымъ днемъ убывало значительное число людей, истощались запасы и упадалъ духъ гарнизона. Судьба Чигирина уже была рѣшена; нѣсколькими днями ранѣе или позже, но онъ долженъ былъ пасть, если соединенныя войска не рѣшатся на битву въ полѣ и не одержатъ побѣды. Между тѣмъ гетманъ вывелъ изъ нижняго города казацкіе полки и замѣнилъ ихъ новыми. Гордонъ, понимая трудное положеніе крѣпости, 9-го августа писалъ къ воеводѣ, прося немедленно дѣйствовать противъ Турокъ. При этомъ случаѣ онъ объявилъ, что вовсе не надѣется на новые казацкіе полки въ случаѣ приступа; прежніе, уже привыкшіе къ осадѣ, онъ считалъ болѣе надежными, и послѣдствія оправдали его предположенія. Но въ это время и князь Ромодановскій уже рѣшился дѣйствовать наступательно. Еще за два дня до послѣдняго письма Гордона, онъ уже предписалъ ему выслать къ лагерю всѣ перевозочныя суда, находившіяся у Чигирина. По Тясмину на этихъ судахъ онъ предполагалъ отправить донскихъ казаковъ, чтобы ниже Чигирина они сдѣлали нападеніе на турецкій станъ. Со

стороны Чернаго лѣса, съ сѣвера примыкавшаго къ лагерю непріятелей, онъ отправлялъ Калмыковъ и Черкесовъ, для нападенія на ихъ аріергардъ. Въ то же время, согласно съ мнѣніемъ Гордона, онъ отрядилъ пятнадцати-тысячный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Вульфа, поручивъ ему переправиться черезъ Тясминъ у Чигирина и дѣйствовать противъ Турокъ. Гордону предписывалъ онъ въ то же время сдѣлать вылазку изъ крѣпости. Сообщая ему предписаніе, воевода, кажется, увѣренъ былъ въ окончательной побѣдѣ. Быть-можетъ, его намѣренія и увѣнчались бы успѣхомъ, еслибъ исполненіе соотвѣтствовало предположеніямъ. Но Гордонъ, начальникъ однакоже Чигирина, вовсе не зналъ, когда и куда придетъ отрядъ Вульфа и какимъ образомъ онъ намѣренъ дѣйствовать; тѣмъ не менѣе онъ приготовилъ съ своей стороны 1200 лучшихъ войскъ для вылазки. Въ первомъ часу ночи, на 10-е августа, Гордонъ получилъ извѣстіе отъ воеводы, что отрядъ Вульфа уже приближается къ Чигирину. Черезъ часъ Вульфъ его увѣдомилъ, что онъ уже пришелъ въ городъ. Посланный отъ него, однакоже, не умѣлъ объяснить, въ какой части города онъ находится. Гордонъ отправилъ къ нему своего гонца объявить, что онъ очень радъ его приходу, готовъ ему содѣйствовать, завтра же покажетъ ему положеніе укрѣпленій, и тогда онъ въ состояніи будетъ судить, откуда удобнѣе сдѣлать вылазку. Но три посланца отъ Гордона не могли найдти, гдѣ находится Вульфъ. Утромъ на другой день, онъ только узналъ, что Вульфъ находится у Крымскихъ воротъ. Считая это мѣсто самымъ неудобнымъ для вылазки, онъ послалъ спросить: имѣетъ ли онъ прямое предписаніе воеводы именно съ этой стороны напасть на непріятеля? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Гордонъ съ своей стороны приготовилъ войска. Мостъ на Тясминѣ, находившійся въ самомъ городѣ, испортился во время переправы, и потому бо́льшая часть отряда Вульфа должна была сдѣлать обходъ и переправиться ниже Чигирина по мельничной плотинѣ. Это движеніе было замѣчено Турками, и потому они ожидали нападенія и приготовились къ отпору. Гордонъ предупредилъ объ этомъ Вульфа, но онъ не обратилъ вниманія и въ тотъ же день утромъ сдѣлалъ нападеніе, не снесясь съ Гордономъ и не требуя его содѣйствія. Но едва передовой его отрядъ приблизился на выстрѣлъ къ турецкимъ траншеямъ, какъ осыпанный

пулями и ручными гранатами дрогнулъ и обратилъ тылъ. Видя пораженіе передовыхъ, слѣдовавшія за ними войска неохотно подвигались впередъ. Между тѣмъ со стороны Турки сами напали на конницу Вульфа и разогнали ее. Дѣло, начатое не вовремя, веденное вяло и, кажется, безъ всякаго желанія начальника, конечно окончилось неудачно. Гордонъ, видя отступленіе, не счелъ даже нужнымъ дѣлать вылазку изъ города. Онъ ожидалъ впрочемъ, что Вульфъ снова рѣшится сдѣлать нападеніе, какъ узналъ напротивъ, что онъ немедленно намѣренъ отступить къ стану воеводы и гетмана. Едва удалось Гордону испросить предписаніе у князя Ромодановскаго, чтобы Вульфъ выступилъ изъ Чигирина ночью и слѣдовательно не былъ замѣченъ Турками. Донскіе казаки и Калмыки съ Черкесами вовсе не нападали на Турокъ. Такимъ образомъ послѣдняя попытка соединеннаго войска помочь осажденному городу и принудить Турокъ снять осаду была совершенно неудачна. Чигиринъ долженъ былъ пасть. Воевода, узнавъ отъ перебѣжчиковъ о намѣреніяхъ непріятеля, прислалъ сказать Гордону, чтобы онъ былъ остороженъ: Турки окончили нѣсколько подкоповъ и готовятся къ приступу. Гордонъ не вѣрилъ однакоже близкому паденію крѣпости, порученной его защитѣ, и съ самоувѣренностію поручилъ отвѣчать воеводѣ, что онъ не боится ни подкоповъ, ни штурма, и дѣятельно принялся исправлять укрѣпленія и даже воздвигать новыя.

Августа 11-го, по обыкновенію съ ранняго утра, Турки рѣдкими выстрѣлами открыли пальбу, которая постоянно усиливалась до полудня. Въ первомъ часу, одинъ за другимъ, взлетѣли на воздухъ два подкопа и открыли широкій проломъ. Казаки, большею частію изъ вновь-прибывшихъ въ Чигиринъ, испуганные громомъ, бѣжали. Почти безпрепятственно Турки овладѣли частію вала и поставили на немъ свои знамена. Между тѣмъ въ то же время, во многихъ мѣстахъ, Турки приступали къ верхнему городу; Гордонъ съ успѣхомъ распоряжался отраженіемъ, какъ получилъ извѣстіе, что нижній городъ уже занятъ непріятелемъ. Догадавшись въ это время, что приступами къ верхнему городу Турки хотѣли только отвлечь вниманіе Русскихъ, а между тѣмъ обратили всѣ силы на нижній, онъ немедленно съ четырьмя полками, двумя московскими—Курскимъ и Озерскимъ, и двумя малороссійскими — Сумскимъ и Ахтырскимъ, отправился туда на вы-

ручку. Но было уже поздно: казаки въ безпорядкѣ бѣжали къ мосту, преслѣдуемые Турками, и гибли во множествѣ. Ни просьбы, ни угрозы не могли остановить бѣгущихъ, объятыхъ внезапнымъ страхомъ. Этотъ страхъ достаточно объясняется тѣмъ, что казаки, защищавшіе нижній городъ, большею частію состояли изъ вновь-прибывшихъ полковъ, не испытавшихъ осаднаго огня и дѣйствія подкоповъ. Но малороссійскіе лѣтописцы прибавляютъ къ этому и другое обстоятельство: день былъ воскресный, и казаки, сильно подгулявъ, спали въ то время, какъ взлетѣли подкопы и начался приступъ. Изъ московскихъ войскъ въ нижнемъ городѣ находилось лишь нѣсколько эскадроновъ изъ полка полковника Вестгофа, которые почти всѣ погибли. Къ довершенію бѣдствія, мостъ на Тясминѣ обрушился подъ толпами въ безпорядкѣ бѣжавшихъ казаковъ. Турки сами положили предѣлъ своему успѣху: они зажгли деревянный брустверъ, затѣмъ загорѣлись дома и пожаръ обнялъ бо́льшую часть нижняго города. Турки, прогнанные съ площади полками, присланными изъ верхняго города, не могли сражаться въ узкихъ улицахъ, между горѣвшими домами. Городскія ворота, черезъ которыя только возможно было отступленіе гарнизона верхней крѣпости, были спасены, и Гордонъ намѣревался обезопасить ихъ новымъ укрѣпленіемъ и началъ работу. Онъ не считалъ еще Чигиринъ совершенно потеряннымъ. Къ вечеру онъ приказалъ всѣмъ войскамъ собраться въ верхнемъ городѣ. Въ продолженіе дня онъ отправлялъ посла за посломъ къ воеводѣ и просилъ помощи; пять или шесть тысячъ свѣжихъ войскъ ему казалось достаточно для того, чтобы выгнать Турокъ изъ крѣпости. Но лагерь главнаго войска находился на довольно значительномъ разстояніи отъ города, вовремя трудно было прійдти подкрѣпленію. Наконецъ показались, впрочемъ, три полка, которыхъ назначеніе однакоже состояло въ томъ, чтобы защитить городскія ворота и тѣмъ обезопасить отступленіе войскамъ изъ верхняго города. Вечеромъ, возвращаясь въ верхній городъ, Гордонъ замѣтилъ, что даже начальники уносятъ свои пожитки изъ крѣпости въ лагерь воеводы. Собравъ ихъ всѣхъ на военный совѣтъ, онъ сдѣлалъ имъ за это выговоръ, но услышалъ отъ нихъ, что воевода приказалъ оставить крѣпость; гонецъ подъѣзжалъ къ воротамъ и объявилъ это всѣмъ. Не повѣривъ словесному извѣщенію, Гордонъ распорядился обороною а между

тѣмъ послалъ гонца къ князю Ромодановскому спросить, дѣйствительно ли онъ велѣлъ оставить крѣпость, и если это такъ, то въ такомъ случаѣ просилъ письменнаго приказанія.

Въ третьемъ часу ночи полковникъ Карандѣевъ привезъ ему приказъ отъ воеводы: немедленно вывести весь гарнизонъ изъ верхняго города; пушки, которыя возможно, взять съ собою, тяжелыя зарыть въ землю, запасы сжечь, а укрѣпленія взорвать. Но и въ этомъ случаѣ не обошлось безъ значительныхъ безпорядковъ. Приказъ воеводы, прежде Гордона, былъ объявленъ тѣмъ полкамъ, которые защищали ворота. Исполняя приказаніе, они немедленно стали отступать къ стану воеводы. Турки это замѣтили, поняли въ чемъ дѣло, и въ то время, какъ Гордонъ распоряжался отступленіемъ, начали наступать со всѣхъ сторонъ. Въ безпорядкѣ, постоянно отражая Турокъ, спѣшилъ гарнизонъ въ лагерь воеводы; однимъ изъ послѣднихъ Гордонъ вышелъ изъ верхняго города, который уже горѣлъ со всѣхъ сторонъ; разрывались пушки, набитыя порохомъ, и наконецъ съ страшнымъ громомъ взлетѣли на воздухъ пороховые погреба.

Едва остатки чигиринскаго гарнизона собрались въ станъ воеводы и гетмана, какъ въ полномъ порядкѣ все соединенное войско начало отступленіе къ укрѣпленному лагерю на берегу Днѣпра. Аріергардъ составленъ былъ изъ отборныхъ полковъ. Татары и Турки не замедлили показаться въ тылу и мелкими отрядами нападали на отступавшихъ. Войска благополучно вошли въ станъ, и занявши свои мѣста, вдругъ замѣтили, что одно изъ передовыхъ укрѣпленій, стоявшее на возвышеніи, которое господствовало надъ всѣмъ станомъ, было занято Турками. Никто не зналъ, какъ это случилось: такъ худо распоряжались начальники, и подчиненные еще хуже исполняли ихъ распоряженія. Гордонъ совѣтовалъ немедленно напасть на Турокъ и отнять укрѣпленіе, но войска были утомлены. На другой день (августа 14-го) въ военномъ совѣтѣ рѣшено было сдѣлать нападеніе. Послѣ совѣта, отведя въ сторону Гордона, воевода долго совѣщался съ нимъ, какъ устроить нападеніе, и поручилъ ему начальство. Но прежде нежели приготовились къ нападенію, сами войска, безъ позволенія, бросились на Турокъ, выгнали ихъ изъ траншей и заняли укрѣпленіе. Безпорядокъ, произшедшій однакоже за тѣмъ, далъ возможность Туркамъ снова имъ овладѣть. До 17-го

августа постоянно происходили стычки между Русскими и Турками, и въ этотъ день наконецъ, уже по распоряженію гетмана и воеводы, соединенныя войска напали на Турокъ и одержали блистательную побѣду. Турки бѣжали къ Чигирину; соединенныя войска не преслѣдовали ихъ, но отправились за Днѣпръ.

Такъ окончилась эта война. На возвратномъ пути Турки срыли до основанія чигиринскія укрѣпленія, оставшіяся послѣ осады и пожара, захватили кое-какую добычу и быстро возвращались къ Дунаю. На пути къ Умани, визирь далъ Хмѣльницкому часть турецкаго и татарскаго войска, съ которымъ онъ осадилъ Коневъ. Послѣ мужественной защиты городъ былъ взятъ. Вслѣдъ за нимъ сдались Черкасы, Мошны, Корсунь и Жаботинъ, а съ ними вся Украйна по ту сторону Днѣпра. Турки достигли цѣли своего похода и съ пышностію праздновали побѣду (35).

Паденіе Чигирина произвело сильное впечатлѣніе на Малороссію, которая привыкла смотрѣть на него, какъ на твердыню, съ участью которой тѣсно связана и судьба всего Заднѣпровья. Хотя Гордонъ и говоритъ, что Чигиринъ былъ оставленъ, а не завоеванъ, и, сколько намъ кажется, совершенно справедливо; однакоже паденіе Чигирина современники и потомки считали важною побѣдою Турокъ и обвиняли князя Ромодановскаго и гетмана. Всѣ были увѣрены, что Чигиринъ могъ быть спасенъ, еслибъ они иначе дѣйствовали. Горячій Сѣрко первый высказалъ свое мнѣніе прямо въ глаза въ письмѣ къ Самойловичу: «Много потерпѣла Украйна послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго и отъ его преемниковъ, писалъ онъ; мы, низовое войско Запорожское, лишь только раздѣлилась Малороссія на три части по Андрусовскому договору, издали усмотрѣли *упадокъ* и *всеконечное запустѣніе* нашей родины. Такъ и случилось по милости вашей гетманской.» Укоряя гетмановъ, предшественниковъ Самойловича, онъ продолжаетъ: «да не удивится ваша вельможность, что послѣ паденія Чигирина, Канева и другихъ городовъ заднѣпровскихъ, мы и васъ помѣщаемъ въ одинъ списокъ съ ними.» Указавъ на многія дѣйствія гетмана, Сѣрко заключаетъ: «о вашей неспособности, послѣ паденія Чигирина, мы и не пишемъ: не только мы, низовое войско Запорожское, но и *весь свѣтъ* великороссійскій и малороссійскій ясно видитъ неспособность вашу и князя Ромодановскаго и нежеланіе оказать помощь.» Письмо Сѣрка, проникнутое чув-

ствомъ грусти и въ то же время насмѣшкою, любопытно, какъ полнѣйшее выраженіе его личнаго характера и своевременнаго взгляда на происшествіе весьма многихъ, если не большинства Малороссіянъ (36). Но объясненіе дѣйствій Самойловича, какъ дѣлаетъ Сѣрко, простымъ чувствомъ *злобы* къ Чигирину и Заднѣпровью, не хотѣвшему во время Дорошенка подчиниться его власти, конечно не можетъ быть принято за основательное. Самойловичъ ненавидѣлъ Дорошенка, но съ нимъ счеты гетмана въ это время уже были покончены. Дорошенко давно сошелъ съ поприща дѣйствій и доживалъ свой вѣкъ въ деревнѣ близь Москвы. Ненавидѣть же цѣлую страну, обладаніе которой составляло постоянную и любимую мечту Самойловича, конечно невозможно. Называясь гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, онъ всю жизнь только и стремился къ тому, чтобы на самомъ дѣлѣ владѣть ими. Одинъ изъ лучшихъ малороссійскихъ историковъ-лѣтописцевъ почти повторяетъ мнѣніе Сѣрка. Описавши осаду и паденіе Чигирина, Величко заключаетъ: «пропалъ Чигиринъ и вся *тогобочная* Украйна отъ неспособности и *коварства* Ромодановскаго и, безъ сомнѣнія, непріязни къ нимъ Самойловича.» Объясняя дѣйствія князя Ромодановскаго, онъ разказываетъ, что въ это время въ рукахъ визиря находился его сынъ, котораго Татары еще при Суховѣи взяли въ плѣнъ въ 1668 году. Визирь далъ знать воеводѣ, что онъ возвратитъ ему сына, если только онъ не воспрепятствуетъ ему взять Чигиринъ; въ противномъ случаѣ, онъ сниметъ кожу съ его сына и перешлетъ ее отцу. Принимая во вниманіе отеческія чувства, малороссійскій лѣтописецъ еще извиняетъ князя Ромодановскаго; но для поступковъ гетмана не находитъ никакихъ оправданій. Останавливая, однако, свой строгій судъ, онъ заключаетъ: «но объ этомъ вѣдаетъ Господь сердцевѣдецъ, который воздаетъ каждому по дѣломъ его» (37). Дѣйствительно, сынъ князя Ромодановскаго находился въ плѣну у Татаръ, но онъ содержался въ Бахчисараѣ, и потому визирь невполнѣ могъ распоряжаться его судьбою. Татары вообще неохотно содѣйствовали Туркамъ въ этой войнѣ, а знаменитаго плѣнника ихъ выгоднѣе было освободить за богатый выкупъ, нежели умертвить. Молодой Ромодановскій томился въ плѣну вмѣстѣ съ извѣстнымъ воеводою Шереметевымъ, и Татары постоянно надѣялись получить за ихъ св обожденіе большія деньги. Но еслибы и дѣйствительно визирь

могъ исполнить свое обѣщаніе, то неужели характеръ русскаго воеводы былъ таковъ, что, затронувъ его личныя родительскія чувства, можно было склонить его на измѣну отечеству? Скажемъ болѣе: зная взглядъ своего правительства на Чигиринъ, которому оно вовсе не придавало такого важнаго значенія, какъ Малороссіяне, онъ могъ и не считать измѣною своего поступка. Но самъ воевода, какъ мы знаемъ, считалъ Чигиринъ столько же важнымъ, какъ Малороссіяне; его защиту онъ взялъ на свою отвѣтственность передъ правительствомъ. Можемъ ли мы заподозрить доблесть одного изъ важныхъ дѣятелей государственныхъ древней Россіи и предположить, что изъ личныхъ, хотя и весьма естественныхъ чувствъ, онъ презрѣлъ долгъ гражданина и воина, и умышленно обрекалъ на смерть тысячи людей, безкорыстно, съ полнымъ самоотверженіемъ защищавшихъ Чигиринъ? Неужели онъ совершалъ преступное дѣло со всѣмъ разсчетомъ, напередъ и хладнокровно обдуманнымъ, опытнаго злодѣя? Историческіе источники древней Россіи скрыли отъ потомковъ бо́льшую часть явленій, изъ которыхъ возможно было бы понять и оцѣнить значеніе лица независимо отъ того внѣшняго и случайнаго положенія, въ которомъ онъ находился въ свое время. Но именно поэтому и нельзя позволить себѣ произнести строгій судъ надъ старцемъ, котораго долгая боевая жизнь принесла много пользы отечеству. Послѣдующіе историки объясняютъ дѣйствія князя Ромодановскаго отчасти ложнымъ взглядомъ на дѣло: онъ полагалъ, что крѣпость выдержитъ осаду до осени, и тогда дурная погода заставитъ Турокъ отступить;—отчасти плохими его способностями, какъ военачальника (38). На основаніи тѣхъ извѣстій, которыя сохранились до нашего времени, если невполнѣ, то по крайней мѣрѣ приблизительно, возможно, кажется, объяснить дѣйствія русскаго воеводы въ этомъ случаѣ.

Общій планъ цѣлаго похода былъ составленъ совершенно правильно: соединенныя московскія и малороссійскія войска сосредоточились въ Лубнахъ, какъ въ средней точкѣ, откуда почти съ равною скоростію они могли поспѣть на помощь какъ Кіеву, такъ и Чигирину, ибо неизвѣстно было, на какой изъ этихъ двухъ городовъ устремлено будетъ нападеніе Турокъ. На помощь Кіеву войска могли прійдти безпрепятственно, владѣя переправою. Чигиринъ далеко отстоялъ отъ Днѣпра, и потому слѣдовало обезпе-

чить переправу черезъ эту рѣку, чтобы прійдти къ нему на помощь; и это обстоятельство было предусмотрѣно. Затѣмъ, получивъ достовѣрныя извѣстія, что непріятельское войско приближается къ Чигирину, воевода и гетманъ вовремя приблизились къ Днѣпру. Но выборъ мѣста для переправы, неудобный для движенія большаго войска къ Чигирину, былъ первою ошибкой. Въ этомъ случаѣ нельзя обвинять одного гетмана: и князю Ромодановскому не менѣе его извѣстна была мѣстность около Чигирина. Но подобныя ошибки нерѣдки въ старыхъ военныхъ нашихъ походахъ. Движеніе за Сулу къ новой переправѣ черезъ Днѣпръ, конечно, заставило войско потерять нѣсколько лишнихъ дней; но это не могло еще повредить общему ходу войны. Апрѣля 26-го, соединенныя войска находились уже у Днѣпра, въ четыре дня они переправились черезъ рѣку; слѣдовательно, продолжая путь къ Чигирину, считая даже и походъ за Сулу, они могли бы, если не предупредить турецкія войска, то во всякомъ случаѣ прійдти во время. Но царское повелѣніе застигло ихъ у переправы днѣпровской и остановило походъ. Имъ велѣно было дожидаться прихода князя Каспулата и Калмыковъ, которые присоединились къ нимъ только 28-го іюля. Наконецъ и въ этомъ случаѣ, послѣ удачнаго дѣйствія у Стрѣлковой горы, соединенному войску оставалось только преслѣдовать бѣгущаго непріятеля и напасть на осаждавшее Чигиринъ войско. Но медленность и нерѣшительныя дѣйствія соединенныхъ войскъ послѣ этой побѣды рѣшили участь Чигирина и цѣлаго похода. Возвратившись въ станъ воеводы изъ пылавшей крѣпости, Гордонъ, какъ онъ самъ разказывалъ, жаловался князю Ромодановскому, «что онъ не давалъ ему помощи, что не далъ достаточно времени для отступленія; что самое предписаніе дано было прежде всего полкамъ, охранявшимъ ворота, которые и ушли безъ его вѣдома. Воевода почти ничего не отвѣчалъ и, казалось, ему не нравились эти упреки.» Разсуждая о дѣйствіи соединенныхъ войскъ подъ Чигириномъ, онъ говоритъ далѣе: «войска слишкомъ далеко расположились станомъ отъ Чигирина, чтобы въ случаѣ нужды вовремя могли подать помощь, но слишкомъ близко для тѣхъ, которые захотѣли бы бѣжать изъ крѣпости. Еслибы они, по моему совѣту, обложили городъ и поболѣе пѣхоты присоединили бы къ гарнизону, то, безъ сомнѣнія, принудили бы Турокъ снять осаду, что̀ въ послѣдствіи

мы положительно узнали. Наконецъ, еслибъ войска расположились гораздо далѣе отъ крѣпости, такъ, чтобы гарнизонъ лишить всякой надежды спастись, въ случаѣ нужды, бѣгствомъ, а прислали бы въ крѣпость поболѣе пѣхоты, и тогда, вѣроятно, упорною защитою и вылазками мы утомили бы Турокъ» (39). Взглядъ современника и одного изъ главныхъ участниковъ въ дѣлѣ, совершенно подтверждается всѣми сохранившимися для насъ извѣстіями. Но чѣмъ же объяснить дѣйствія воеводы? Въ личной неспособности къ военному дѣлу нельзя упрекать князя Ромодановскаго, не имѣя на то никакихъ указаній въ источникахъ. Двѣ причины, сколько намъ кажется, достаточно объясняютъ его дѣйствія. Недостатокъ въ устройствѣ войскъ, плохое управленіе и незнаніе военнаго искусства — вотъ существенныя причины, препятствовавшія всякому рѣшительному успѣху въ какой бы то ни было войнѣ въ это время. Само правительство очень хорошо знало эти недостатки, и потому постоянно вызывало искусныхъ въ военномъ дѣлѣ иностранцевъ, и послѣ чигиринскаго похода съ особенною дѣятельностію принялось за преобразованіе войска.

Неувѣренность въ собственной силѣ и знаніи стѣсняли свободу дѣйствій воеводы и гетмана, а взглядъ московскаго правительства на значеніе Чигирина придавали имъ ту медленность и нерѣшительность, которыя замѣтны въ продолженіе всего похода. Они боялись потерять много войска, спасая во что бы ни стало крѣпость, которую съ самаго начала правительство считало неудобною для защиты, и предлагало оставить вовсе. Гордонъ говоритъ даже, что, подойдя къ Днѣпру, воевода получилъ прямое предписаніе царское вывесть чигиринскій гарнизонъ и взорвать крѣпость, если онъ сочтетъ невозможнымъ защищать ее (40).

Правительство, кажется, такъ и смотрѣло на дѣйствія воеводы. Уступая общему негодованію, оно лишило его начальства надъ войсками въ Малороссіи, но потомъ даровало ему значительныя награды за его дѣйствія. Негодованіе, дѣйствительно, было сильно не только въ Малороссіи, но и въ Москвѣ. Въ высшихъ слояхъ общества его возбуждала партія князя В. В. Голицына, постоянно враждовавшаго противъ князя Ромодановскаго, въ народѣ—слухи объ огромныхъ потеряхъ: говорили, что, кромѣ потерь въ войскахъ воеводы, погибъ весь чигиринскій гарнизонъ, состоявшій будто бы изъ 30 тысячъ; что отъ дурнаго управленія въ войскахъ

развились болѣзни, истребившія множество народа. Вотъ что̀ разказываетъ иностранецъ, находившійся въ это время въ Москвѣ, въ качествѣ голландскаго резидента: «Обвиненія противъ князя Ромодановскаго такъ велики, что если они подтвердятся, то онъ рискуетъ потерять не только мѣсто, но и жизнь. Ни онъ, ни сынъ его не являлись еще въ Москву; впрочемъ ему и опасно показаться сюда, чтобы народъ не взволновался; такъ сильно противъ него негодованіе» (41).

ПРИМѢЧАНІЯ

---

(1) Малоросс. дѣла въ Архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, 1677 года, № 24.

(2) Тамъ же, № 25, Статейный списокъ Тяпкина. Онъ былъ на отпускѣ у царя 19-го сент., «въ государевомъ походѣ въ Александровой слободѣ», сент. 26-го выѣхалъ изъ Москвы и 2-го октяб. прибылъ въ Сунджу. Gordon's Tagebuch I. стр. 451.

(3) Тамъ же. № 27

(4) Тамъ же. № 30. Статейный списокъ Емельяна Шестакова, ѣздившаго гонцомъ въ Запорожье. Отправился изъ Москвы 28-го окт. и прибылъ въ Сѣчь 11-го дек. Письма Сѣрка къ царю и гетману отъ 14-го дек.

(5) Тамъ же. № 26.

(6) Тамъ же. Статейный списокъ Карандѣева, наказъ ему отъ 28 окт. № 31.

(7) Письма барона фонъ-Келлера, бывшаго въ это время въ Москвѣ голландскимъ резидентомъ. Письмо отъ 7-го января 1678 г.

(8) Гонецъ Обезьяниновъ былъ отправленъ изъ Москвы сент. 8, король Польскій принималъ его 28 нояб.; а 30 марта 1678 г. отправлены Чаадаевъ и Украинцевъ. Посол. дѣла по сношен. съ Польшею за эти годы въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

(9) Малорос. дѣла 1677 г. № 37. Письмо гетмана къ Ларіону Иванову отъ 19 дек. Кочубей пріѣхалъ въ Москву 27 декаб.

(10) Тамъ же. Царская грамота къ гетману отъ 10 янв.

(11) Тамъ же. Наказъ Карандѣеву, Стат. списокъ Поросукова. Голикова Дѣянія Петра Великаго, XIII, стр. 108 изд. 2. Theatrum Europ. XI, стр. 1267.

(12) Письма барона фонъ-Келлера отъ 27 нояб. 1677 г.

(13) Малоросс. дѣла. Наказъ стольнику Алмазову сент. 28, 1678 г. № 11.

(14) Тамъ же. 1677 № 35. 1678 г. № 3. Наказъ генералу Косогову.

(15) Тамъ же. № 31. Письмо Немировскаго старосты, Куницкаго, отъ 27 окт. № 33, распросныя рѣчи плѣнныхъ Турокъ. Письмо гетмама къ царю отъ 29 окт. № 35. Письмо Куницкаго къ гетману отъ 21 и 25 нояб.

(16) Тамъ же. № 35. Цар. грамоты къ гетману отъ 26 дек. и 21 дек. № 36. Грамоты цар. къ гетману отъ 23 янв. Полн. Собраніе Закон. II. № 710. Дек. 19.

(17) Акты Арх. Коммиссіи. IV. № 221. Малоросс. дѣла 1678 г. № 3. Цар. грамота къ гетману отъ 19 янв.

(18) Письмо барона фонъ-Келлера отъ 7 янв. 1678 г.

(19) Малоросс. дѣла 1678 № 3. Грамота царск. къ гетману 17 янв. № 5. Цар. грамота къ гетману отъ 18 февраля.

(20) Тамъ же. № 2. Стольникъ Перхуровъ отправился изъ Москвы 18 янв. и прибылъ въ Запорожье 8 фев.

(21) Тамъ же. № 36. 1677 г. Цар. грамота къ гетману отъ 21 дек.

(22) Gordon's Tagebuch I, стр. 454—481.

(23) Hammer. Hist. de l'empire Ottoman XII, стр. 13 и слѣд. De la Croix, Guerres de Turc avec la Pologne, Mosquovie etc. стр. 118.

(24) Полн. Собр. Зак. II. № 723. Собр. Госуд. Грам. и Догов. IV, стр. 357.

(25) Полн. Собр. Зак. II. № 729. Собр. Госуд. Грам. и Договор. IV, стр. 365.

(26) Малоросс. дѣла. 1678. № 2. Стат. списокъ Перхурова. Письма Сѣрка къ Перхурову отъ 16 іюля и наказнаго атамана Шиша, управлявшаго кошемъ въ отсутствіе Сѣрка, отъ 19 іюня. № 5. Разказъ о набѣгѣ Татаръ гетманскаго гонца Яслиновскаго.

(27) Гордонъ. Tagebuch, I, стр. 464, 467, 473, 545 и слѣд. Малоросс. дѣла 1678 г. № 9. Письмо гетмана къ царю отъ 26 іюля.

(28) Акты Арх. Коммисіи IV. №№ 224, 226, 227, 229. Ригельмана Лѣтоп. повѣствованіе о Малороссіи II, стр. 160.

(29) Гаммеръ. XII стр. 21—26. Энгель стр. 270 и слѣд.

(30) Гордонъ. I, стр. 464—480. Въ Чигиринѣ находились слѣдующіе полки: Драгунскій, подъ начальствомъ Гордона, состоялъ изъ 726 чел.; его же пѣхотный отрядъ — 733 ч.; Стрѣлецкіе приказы: Баранчеева — 584 ч., Коптева—487 ч., Нелидова—624 ч.; казацкіе полки: Сумскій—300 ч., Ахтырскій—1200 ч., Гадичскій—4860 ч., Чигиринскій—340 ч., Сердюковъ полковника Рубана—867, польскихъ драгунъ—96, драгунъ полк. Корсакова — 896 ч.

(31) Тамъ же. I, стр. 480—500.

(32) Гаммеръ. XII стр. 27.

(33) Гордонъ. I, стр. 500 и слѣд.

(34) Лѣтопись Велички. II, стр. 457 и слѣд. Гордонъ. I, стр. 548 и слѣд. Письмо барона ф. Келлера отъ 20 августа. Малоросс. дѣла. № 10.

(35) Въ описаніи осады Чигирина мы, большею частію, слѣдовали извѣстіямъ Гордона (Tagebuch I, стр. 500—545), сличая ихъ съ показаніями плѣнныхъ Турокъ, записанными въ свое время въ посольскомъ приказѣ Московскомъ и сохранившимися въ Малорос. дѣлахъ въ Моск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ—№ 10; въ Моск. разрядномъ архивѣ кн. № 50.—Сличи: лѣтопись самовидца стр. 67 — 70; лѣт. Грабянки—225—230 и 304—308; лѣт. Велички стр. 454—67; Синопсисъ изд. 1823 г. стр. 147—152; Ригельмана лѣтопис. повѣств. о М. Россіи, I стр. 160—163; Конисскаго исторія Руссовъ стр. 178—179; Бантышъ-Каменскаго исторія Малой Россіи, II. стр. 156—162; Маркевича истор. Малор. II, стр. 255—261; Арцыбашева повѣствованіе о Россіи, III, стр. 180—182; Берха царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича, стр. 40 — 47; Энгеля Geschichte d. Ucrain. стр. 269—273.—De la Croix Guerres des Turcs etc стр. 111—115; Tanner's Legatio Polon. in Moscoviam стр. 87; Hermann's Geschichte des Russ. Staates III, стр. 702—706.—Письмо барона ф. Келлера отъ 6-го авг.

(36) Лѣтоп. Велички II, стр. 467—472.

(37) Тамъ же стр. 466.

(38) Голиковъ. Дѣянія Петра В. XIII, стр. 110—112, изд. 2, и другіе указанные въ 35 прим. историки и лѣтописцы.

(39) Gordon's Tagebuch I, стр. 543, 551.

(40) Тамъ же, стр. 547.

(41) Письма барона ф. Келлера отъ 28 авг., 8 октября и 15 января.

А. Поповъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

КУТАИСѢ

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ... ВЛАДИМІРА

Въ концѣ 1854 года я былъ командированъ въ Кутаисскую губернію и прожилъ тамъ безвыѣздно девять мѣсяцевъ.

Въ это время край былъ совершенно спокоенъ: Турки, пораженные 27-го мая подъ Ланчхутами и 4-го іюня на Чолокѣ, скрылись въ глубину Кобулетскаго санджака. Изъ 34-хъ тысячнаго корпуса Селимъ-паши оставалось 9 тысячъ, и тѣ, изнуренные болѣзнями и трудностями военной жизни, едва походили на войска и громко вопіяли противъ своихъ европейскихъ друзей, вовлекшихъ султана въ столь гибельную войну.

Батумскій корпусъ былъ цвѣтомъ турецкихъ войскъ въ Азіи: онъ былъ подготовленъ Англичанами и предназначался къ нанесенію рѣшительнаго удара въ Мингреліи, въ то время, когда дѣйствія Карсскаго корпуса (Анатолійской арміи) притянутъ на себя бо́льшую часть силъ нашихъ. О сохраненіи его такъ заботились Англичане, что Селимъ-паша получилъ отъ своего правительства наистрожайшее предписаніе отступить безъ боя въ Кобулеты. Онъ уже отправилъ въ Батумъ бо́льшую часть своихъ орудій, оставя при себѣ, на всякой случай, только 13, какъ князь Андрониковъ настигъ его на Чолокѣ и истребилъ, можно сказать, въ виду англійскихъ кораблей.

Наканунѣ Чолокскаго сраженія, то-есть 3-го іюня, Турки, узнавъ о наступательномъ движеніи Гурійскаго отряда, трое сутокъ задержаннаго полноводіемъ Супсы, и уже хорошо проученные подъ Ланчхутами, поспѣшно очистили Гурію, оставивъ въ Озургетахъ своихъ больныхъ; они перешли пограничную рѣчку Чолокъ и расположились на ночлегъ между селеніями Какута и Джиханджура.

Турецкая безпечность извѣстна и вошла въ пословицу: утромъ 4-го іюня, весь лагерь непріятельскій спалъ, не выключая и самого главнокомандующаго, и только въ нѣкоторыхъ палаткахъ начиналъ приготавливаться кофе, какъ нашъ отрядъ, выступившій съ ночлега въ 4 часа утра, уже подходилъ къ турецкому лагерю.

Вотъ что мнѣ разказывалъ Измаилъ-бей, подполковникъ турецкаго низама (регулярныхъ войскъ), взятый нами въ плѣнъ въ битвѣ 4-го іюня:

«Я проснулся въ этотъ день довольно рано и вышелъ на воздухъ подышать свѣжимъ утромъ, пока человѣкъ мой приготовлялъ въ палаткѣ кофе. Весь лагерь покоился глубокимъ сномъ и у насъ никто не подозрѣвалъ, чтобъ Русскіе рѣшились слѣдовать за нами по пятамъ: мы полагали, что они ограничатся нашимъ уходомъ, и дѣйствительно, при извѣстной намъ слабости Гурійскаго отряда, предположеніе это было болѣе, нежели вѣроятнымъ. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько туровъ вокругъ своей палатки, слухъ мой былъ пораженъ какимъ-то глухимъ, отдаленнымъ шумомъ; я взглянулъ въ ту сторону и, къ величайшему моему изумленію, увидѣлъ узкую ленту стали, которая извивалась въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролегала дорога, пройденная нами наканунѣ. Русскіе, какъ видно, не дремали!

«Первымъ движеніемъ моимъ было броситься къ палаткѣ Селимъ-паши. Онъ спалъ самымъ спокойнымъ утреннимъ сномъ. Разбудивши его, я объявилъ о наступленіи непріятеля. Тогда Селимъ-паша отвѣчалъ мнѣ съ неудовольствіемъ человѣка, оторваннаго отъ сна для пустяковъ: «Ахъ, вы вѣрно ошибаетесь; это, конечно, не болѣе, какъ Малакій Гурьель съ своею милиціею. Пошлите въ обходъ баталіонъ и приведите мнѣ этого.... живаго или мертваго» (1). Съ этимъ словомъ Селимъ-паша повернулся

(1) Князь М. Гурьель, потомокъ владѣтелей Гуріи, во время этой

на другой бокъ, и мнѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ выйдти вонъ. Я поспѣшилъ на прежнее мѣсто наблюденія. На краю ската, гдѣ оканчивался нашъ лагерь, я остановился и сталъ пристально всматриваться въ движеніе, еще и самъ не будучи совершенно увѣренъ въ томъ, наступаетъ ли это весь русскій отрядъ, или только гурійская милиція, поддержанная частью пѣхоты.

«Вскорѣ сомнѣніе мое окончательно исчезло: на правомъ крылѣ нашего расположенія раздались выстрѣлы—то была гурійская милиція, которая, свернувъ съ дороги влѣво и разсыпавшись за деревьями, открыла огонь по лагерю; за нею слѣдовала русская пѣхота, и голова ея колонны начинала показываться на полянѣ, отстоящей отъ лагеря верстахъ въ двухъ.

«Наступленіе Русскихъ сдѣлалось несомнѣннымъ. Селимъ-паша наскоро выскочилъ изъ палатки, забывши въ торопяхъ опоясаться саблею, и отдалъ приказаніе выдвинуть батарею на исходящій пунктъ высотъ, чтобъ встрѣтить непріятеля, когда тотъ начнетъ дебушировать изъ дефиле.

«Такимъ образомъ началось это кровопролитное сраженіе.

«Селимъ-паша былъ впереди; но когда пущенное Русскими ядро убило подъ нимъ лошадь и нѣсколькихъ человѣкъ изъ свиты, онъ удалился назадъ, и больше мы его уже не видали. Вскорѣ и я былъ захваченъ въ плѣнъ, и что происходило далѣе, мнѣ рѣшительно неизвѣстно.»

Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончилось сраженіе 4-го іюня. Трофеями нашими въ этотъ день были 13 орудій (то-есть вся артиллерія непріятеля), 36 знаменъ и значковъ, весь лагерь и полное пораженіе Батумскаго корпуса, половина котораго, состоящая изъ баши-бузуковъ, разбѣжалась. Англичане такъ сердились на это, что уговорили султана отрѣшить Селимъ-пашу отъ командованія за его безпечность и нераспорядительность. Онъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто прибылъ Мустафа-паша.

Оправданія Селимъ-паши, передъ своимъ правительствомъ, въ

войны командовалъ гурійскою милиціею; своими частыми набѣгами онъ до такой степени надоѣлъ Туркамъ, что голова его была оцѣнена на вѣсъ золота.

пораженіи, претерпѣнномъ Батумскимъ корпусомъ на Чолокѣ, по истинѣ замѣчательны.

Онъ писалъ: «Чтожь изъ этого, что Русскіе сбили меня съ позиціи? за это они дорого поплатились, оставивъ 2 тысячи убитыми и до $3^1/_2$ тысячъ ранеными (1). Вы говорите, что половина моего корпуса разбѣжалась; но вѣдь это сдѣлали баши-бузуки, а это такіе канальи, которые годны только на то, чтобъ грабить своихъ же и въ сущности нисколько не увеличиваютъ дѣйствующей силы. Вообще замѣчено, что они ѣдятъ больше солдатъ; но 10 баши-бузуковъ не стóятъ одного низамца. Вы говорите, что я потерялъ всю артиллерію. Это правда; но въ такомъ случаѣ вычтите изъ моего жалованья, что̀ стоятъ эти 13 негодныхъ пушекъ, которыя все равно пришлось бы переливать сызнова, потому что всѣ онѣ съ разстрѣлами. При этомъ, однакожь, долгомъ считаю замѣтить, что великій Наполеонъ въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующее: артиллерійское орудіе обходится казнѣ не болѣе 5 т. франковъ; между тѣмъ какъ выстрѣлъ, сдѣланный изъ него на близкомъ разстояніи, выводитъ изъ строя, по крайней мѣрѣ, 6 человѣкъ, которые уже во всякомъ случаѣ дороже 5-ти тысячъ франковъ. Итакъ, держите орудіе на позиціи до послѣдней крайности и потомъ уже отдавайте его непріятелю. Въ Чолокскомъ сраженіи я поступалъ согласно мнѣнію Наполеона; за чтòжь меня обвинять?»

Эти оправданія, повидимому, благосклонно были приняты диваномъ, потому что Селимъ-паша получилъ мѣсто въ гвардейскомъ корпусѣ.

Я пріѣхалъ въ Кутаисъ пять мѣсяцевъ спустя послѣ Чолокскаго сраженія, когда уже край былъ совершенно спокоенъ и ничто не напоминало недавнихъ тревогъ. Турки занимали нѣкоторые пункты прибрежья Чернаго моря, какъ-то: Сухумъ, Редутъ-кале и постъ Св. Николая; остатки разбитаго на Чолокѣ корпуса укрылись въ окрестностяхъ Батума и Чурукъ-су. Въ краѣ все было мирно и покойно, и только длинныя вереницы аробъ, наполненныя больными солдатами, которыхъ за недостаткóмъ помѣщенія пере-

(1) Показаніе Селимъ-паши не вѣрно: мы потеряли въ Чолокскомъ сраженіи убитыми, ранеными и контуженными: 1-го генерала, 10 штабъ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ 58 и нижнихъ чиновъ — 1,439 человѣкъ.

возили изъ кутаисскаго въ горійскій и далѣе въ тифлисскій госпитали, еще свидѣтельствовали о недавнихъ боевыхъ схваткахъ. Правда и то, что бо́льшая часть больныхъ была жертвою пагубнаго мингрельскаго климата, извѣстнаго на цѣломъ Кавказѣ.

Я воспользовался временемъ, проведеннымъ мною въ Гурійскомъ отрядѣ, чтобъ изучить на мѣстѣ этотъ замѣчательный и въ высшей степени интересный край и постараюсь передать его очеркъ.

I. Историческій очеркъ.

Кутаисская губернія существуетъ недавно, всего съ 1846 года; но Кутаисъ принадлежитъ къ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Закавказья. Сказанія объ немъ сливаются съ временами почти баснословными — съ походомъ Аргонавтовъ въ Колхиду (нынѣшнюю Мингрелію и Имеретію); подъ именемъ *Кутаіи* или *Кутатиссіума* объ немъ упоминаетъ и знаменитый географъ Страбонъ. Слѣдовательно, древнее существованіе Кутаиса подтверждается не одними сбивчивыми народными сказаніями, но положительными фактами, и основаніе его можетъ быть отнесено за тринадцать вѣковъ до Р. Х.

Бо́льшая часть странъ, образующихъ нынѣшнюю Кутаисскую губернію, составляли прежде одно царство или, точнѣе сказать, одно владѣніе, которое то самостоятельно, то въ связи съ Грузіею, играло роль въ той сумятицѣ, что называется исторіею Востока. При чтеніи древнихъ имеретинскихъ хроникъ какъ-то грустно становится, что этотъ роскошный край, богатый всѣми дарами природы, по какой-то непонятной прихоти судьбы перенесъ такія страшныя испытанія. Трудно представить себѣ что-нибудь плачевнѣе исторіи Имеретіи; развѣ только одна сосѣдственная ей Грузія можетъ съ нею соперничать. Во времена Восточной Римской имперіи, Имеретія, вмѣстѣ съ Мингреліею, Абхазіею и Гуріею, извѣстная подъ общимъ именемъ *Лазики*, была въ зависимости отъ греческихъ императоровъ; но эта зависимость была скорѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная, и состояла въ томъ, что императоры утверждали на престолѣ имеретинскихъ владѣтелей. Въ началѣ VI столѣтія, Имеретія, около 40 лѣтъ, служила театромъ войны, происхо-

дившей между императоромъ Юстиніаномъ и персидскимъ шахомъ Хозроемъ. Въ первой половинѣ VIII столѣтія Имеретію опустошали Арабы. Послѣдующее за тѣмъ время есть самое счастливое для края: на престолѣ Грузіи появляется рядъ государей, которые успѣваютъ залѣчить глубокія раны отечества и оставляютъ по себѣ множество памятниковъ, еще и доселѣ свидѣтельствующихъ объ ихъ величіи и могуществѣ. Между ними замѣчательны: цари *Баграта* III, *Баграта* IV, строители кутаисскаго собора, царствовавшіе въ концѣ X и началѣ XI столѣтія; *Давидъ Возобновитель*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей, вступившій на престолъ въ 1089 году; отецъ Тамары *Георгій*, и наконецъ сама царица *Тамара*, Семирамида Грузіи, царствовавшая съ 1184 по 1212 годъ.

Только въ правленіе этихъ государей Имеретія наслаждалась спокойствіемъ; послѣ же нихъ ее опять постигли несчастія, и чуть ли не больше прежнихъ. Такъ въ началѣ XIII столѣтія она была вконецъ разорена Монголами; власть царская до того ослабѣла, что народъ дѣйствительно отказывался повиноваться, а Гурія, Абхазія и Мингрелія отдѣлились отъ Имеретіи и избравъ себѣ правителей, оставались въ слабой и подъ-часъ весьма сомнительной зависимости отъ имеретинскихъ царей. Сто лѣтъ спустя, Имеретія вторично потерпѣла отъ нашествія Монголовъ, и народъ, недовольный своимъ царемъ, присягнулъ, въ 1330 году, на подданство грузинскому царю Георгію. Но это добровольное сліяніе Имеретіи съ Грузіею было не продолжительно: въ 1435 году грузинскій царь Александръ раздѣлилъ свое царство между сыновьями, и Имеретія досталась на долю старшаго сына его Димитрія.

Съ этого времени начинается періодъ еще болѣе ужасный—періодъ внутреннихъ смутъ. Въ теченіи 369 лѣтъ, то-есть со времени окончательнаго отдѣленія Имеретіи отъ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи, эта несчастная страна представляетъ непрерывный рядъ междуусобій между Дадьянами Мингрельскими, Гурьелями и имеретинскими царями. Двадцать семь царей восходили на престолъ въ теченіи этого періода; изъ нихъ семеро погибло насильственною смертію, трое были ослѣплены и двадцать два (1)

(1) Иногда одни и тѣ же государи были ослѣплены, свергнуты съ престола и оканчивали жизнь подъ кинжалами убійцъ.

свергнуты съ престола, и въ то время, какъ внутреннія смуты терзали бѣдное государство, внѣшніе враги — Персіяне и Турки, неоднократно вторгались въ предѣлы Имеретіи. Народъ бросалъ свои жилища и въ дремучихъ лѣсахъ искалъ убѣжища, пока голодъ или удовлетворенная алчность не заставляли удаляться завоевателей. Въ эти несчастныя времена все погибало, и нравственность и повиновеніе царямъ; самая вѣра въ Провидѣніе угасла.

До насъ дошли довольно вѣрныя описанія тогдашнаго положенія страны, которыя мы встрѣчаемъ въ запискахъ иностранцевъ, въ разныя времена посѣщавшихъ этотъ край. Во второй половинѣ XV столѣтія навѣстили Имеретію Венеціянцы Барбаро и Контарини и составили ея описаніе. Они нашли страну въ самомъ жалкомъ положеніи, а народъ въ крайней бѣдности. Кутаисъ былъ не болѣе какъ мѣстечко. Другой путешественникъ, Шарденъ, бывшій въ Имеретіи въ 1672 году, говоритъ, что народъ, скрываясь въ лѣсахъ, обратился въ разбойниковъ, что князья не только потакали грабежу, но и сами нерѣдко въ немъ участвовали; безнравственность достигла страшныхъ размѣровъ, и всѣ узы, самыя священныя, были забыты: отецъ продавалъ своихъ дѣтей, владѣтель—своихъ подданныхъ. Духовенство по невѣжеству не отличалось отъ массы простаго народа и не имѣло на него никакого вліянія. Ложь, коварство, клятвопреступленіе, считались вещью обыкновенною; воровство—не болѣе какъ удалью. И до сихъ поръ сохранились слѣды этого несчастнаго времени, и до сихъ поръ, напримѣръ, въ Мингреліи, существуетъ страшное конокрадство, которое, несмотря на всѣ строгія мѣры правительства, не можетъ еще окончательно вывестись.

Шарденъ, въ своихъ запискахъ, отзывается о Мингрельцахъ какъ о величайшихъ пьяницахъ; онъ говоритъ, что вслѣдствіе этого, они такъ лѣнивы и малосильны, что на полевыхъ работахъ принуждены себя возбуждать громкимъ крикомъ, похожимъ на пѣніе дикихъ, хотя почва въ нижней Мингреліи такъ рыхла, что поселяне не знаютъ другаго плуга, кромѣ деревяннаго.

Владѣтель Мингреліи Дадьянъ, говоритъ онъ, путешествуетъ круглый годъ по странѣ, и тѣ мѣста, гдѣ онъ останавливается, рѣшительно опустошаются имъ и его свитою, ибо въ Мингреліи есть обычай, по которому младшій обязанъ угощать старшаго, ежели по-

слѣдній почтитъ его посѣщеніемъ. Такимъ образомъ владѣтель вездѣ можетъ находить себѣ самое щедрое угощеніе, а князья — только у подвластныхъ имъ дворянъ и мужиковъ. Во время этихъ путешествій владѣтеля по странѣ, а князей по своимъ землямъ, къ нимъ стекаются толпы народа, подаютъ жалобы и тутъ же получаютъ удовлетвореніе.

Французскій путешественникъ, дѣлая справедливые отзывы о красотѣ туземокъ, прибавляетъ, что онѣ злы, коварны, безстыдны. Мущины еще хуже женщинъ и уступаютъ имъ въ умѣ. Ежели мужъ застаетъ жену съ любовникомъ, послѣдній обязанъ дать ему за безчестіе свинью, которую тутъ же всѣ трое и съѣдаютъ. Мужья говорятъ, что не худо имѣть двухъ или трехъ женъ, ибо отъ этого больше бываетъ дѣтей, которыхъ всегда можно съ выгодой промѣнять на деньги или товары.

Вообще описаніе мингрельскихъ обычаевъ поразительно вѣрно, хотя и сдѣлано мрачными красками; даже теперь, когда положеніе края совершенно измѣнилось, мы находимъ многое изъ бывшаго за два вѣка тому назадъ. Мингрелія служитъ явнымъ доказательствомъ, до какой степени могутъ несчастія отечества унизить человѣка!

Мы уже сказали, что имеретинское владѣніе неоднократно страдало отъ набѣговъ Турокъ и Персіянъ; но ни тѣ, ни другіе не могли утвердиться въ Имеретіи, покрытой сплошными лѣсами, бѣдной и маловоздѣланной. Отъ этого ни въ народѣ, ни въ языкѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда турецкаго вліянія. Всѣ набѣги Турокъ ограничивались опустошеніемъ страны и уводомъ жителей въ неволю. Однакожь въ XVII столѣтіи Имеретія платила дань Турціи, состоявшую въ восьмидесяти мальчикахъ и дѣвочкахъ, выдаваемыхъ ежегодно. По свидѣтельству Шардена каждый годъ выходило въ рабство изъ Имеретіи отъ семи до восьми тысячъ, а изъ Мингреліи до двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Бо́льшая часть этихъ рабовъ была добываема у сосѣдей; но все-таки это страшно уменьшало населеніе страны.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ самостоятельное существованіе Имеретіи дѣлалось невозможнымъ, и ей нужно было прибѣгнуть къ покровительству такого государства, которое смогло бы защитить ее отъ враговъ внѣшнихъ, потушить крамолы и безпорядки внутренніе и въ будущемъ указать ей путь, достойный ея.

Первыя сношенія Имеретіи съ Россіею начались въ 1621 году, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда имеретинскій царь Георгій III и владѣтель Гуріи Мамія II обратились къ нему съ просьбою о покровительствѣ. Но Михаилу Ѳеодоровичу было слишкомъ много заботъ у себя дома, и просьбы Георгія и Мамія, обнадеженныхъ и обласканныхъ, остались на первое время безъ послѣдствій. Въ 1636 году Леванъ Дадьянъ (владѣтель Мингреліи) изъявилъ готовность дать присягу русскому царю; съ предложеніемъ этимъ и былъ посланъ въ Москву мингрельскій митрополитъ Никифоръ. Никифоръ, въ бытность свою въ Москвѣ, разказывалъ, что у Дадьяна шестьдесятъ тысячь подданныхъ мужескаго пола, что Мингрелія платитъ ежегодную дань Туркамъ, состоящую изо ста дѣвочекъ и мальчиковъ и восьмидесяти штукъ холста, что владѣтель имѣетъ право продавать кого хочетъ. Отецъ продаетъ своего сына, братъ—брата, мужъ—жену. Народъ ходитъ почти нагишомъ.

Въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Имеретію Толочанинова, который, вернувшись въ Россію, составилъ преувеличенное донесеніе о положеніи, въ какомъ имъ былъ найденъ край. Между прочимъ онъ разказывалъ, что долины Квирилы и Ріона усѣяны деревнями и укрѣпленіями, что царь можетъ выставить до сорока тысячъ войска; представлялъ списокъ 72 царскимъ городамъ, 22 монастырямъ большимъ и 500 малымъ и проч. По всему видно, что Толочаниновъ не ѣздилъ далѣе Кутаиса; туземцы хорошо его приняли и увлекли своими хвастливыми разказами.

Эти сношенія показываютъ, что русскіе цари давно имѣли въ внду присоединить этотъ край къ своей обширной державѣ, но остановились только за средствами. Таковое положеніе дѣлъ продолжалось до царствованія императрицы Екатерины II, когда она, повсюду побѣдоносная, рѣшается наконецъ послать отрядъ для успокоенія бунтующей Имеретіи. Это произошло вотъ по какимъ обстоятельствамъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія на имеретинскій престолъ вступаетъ Саломонъ I, государь мужественный, обладавшій всѣми качествами своихъ великихъ предшественниковъ Багратовъ III-го и IV-го, и Давида Возобновителя; но онъ имѣлъ несчастіе возбудить къ себѣ ненависть султана, который, въ отмщеніе ему, отдалъ корону Имеретіи двоюродному брату Саломона, Тейму-

разу. Въ Имеретіи вспыхнулъ бунтъ, и обѣ партіи готовы были снова облить кровью несчастную страну, какъ Саломону пришла счастливая мысль обратиться съ просьбой о помощи къ двору императрицы Екатерины II. Просьба имеретинскаго царя была принята, и государыня направила отрядъ войскъ для его поддержанія. Въ 1770 году генералъ-маіоръ графъ Тотлебенъ перешелъ кавказскій хребетъ и появился предъ Кутаисомъ. Но еще до прихода русскихъ войскъ, Саломону удалось разбить своего соперника, и законный порядокъ былъ возстановленъ. Вслѣдъ за симъ, по кайнарджійскому трактату, Мингрелія и Имеретія навсегда освобождаются изъ-подъ владычества Турокъ и остаются до времени подъ покровительствомъ Россіи, уже оказавшей имъ дѣйствительную помощь.

Между тѣмъ внутреннія дѣла Имеретіи продолжали идти обычнымъ порядкомъ, и духъ буйства и насилія—свидѣтель жалкаго ея политическаго существованія—свирѣпствовалъ по прежнему. Наконецъ, въ 1782 году, мѣсто свергнутаго царя Давида заступилъ Саломонъ II, названный по огромному росту своему *великимъ*. Положеніе страны было поистинѣ плачевно, и это тѣмъ болѣе казалось страннымъ, что держава, подъ покровительство которой она отдалась, въ это время совершала гигантскіе шаги на поприщѣ образованія. Чтобъ составить себѣ хоть приблизительное понятіе о тогдашнемъ положеніи Имеретіи, приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ описанія статскаго совѣтника Литвинова, посѣщавшаго край этотъ въ 1804 году. Вотъ что̀ онъ разказываетъ·

«Кутаисъ, столица царя и гдѣ наибольшій торгъ производится, включаетъ до ста торговыхъ домовъ; всѣ католическаго вѣроисповѣданія. Бѣдная наружность торгующихъ наблюдается ими для того, что всякій князь имѣетъ право присвоивать себѣ навсегда, или навремя, то что ему приглянется; въ домѣ можетъ стоять постоемъ; вещь отнять безъ платы... одни жены и дѣти остаются неприкосновенными. Сіе должно разумѣть объ иностранныхъ торгующихъ; но между подданными царя все божье, царское и княжье. Угнетеніе народа достигло высшей степени....» Далѣе Литвиновъ говоритъ: «Въ народѣ главные поборы состоятъ въ скотѣ, хлѣбѣ и винѣ, для продовольствія царя и его окружающихъ. Ведя жизнь кочующую, царь всегда живетъ на счетъ тѣхъ

селеній, которымъ дѣлаетъ честь своимъ присутствіемъ. Время пребыванія своего располагаетъ по изобилію пищи, имъ обрѣтаемой: какъ скоро онъ и спутники его начинаютъ чувствовать недостатокъ, тогда переселяются въ другое мѣсто. Пышность и лакомство царю не извѣстны; первая изба, шалашъ, или густое дерево — служатъ дворцемъ для царя....»

Если мы прибавимъ къ этому, что народъ управлялся не законами, но личнымъ произволомъ, и не только царя, но князей и дворянъ, ибо каждый владѣлецъ въ своемъ помѣстьѣ могъ дѣлать все, что̀ ему угодно; что несчастная страна стенала подъ бременемъ безпрестанныхъ смутъ и крамолъ: то въ умѣ нашемъ составится вѣрная картина тогдашняго положенія Имеретіи.

Угрожаемой Турками, разъединенной интригами, что̀ оставалось дѣлать бѣдной Имеретіи, какъ не окончательно связать судьбу свою съ могущественнымъ сосѣдомъ, даривишимъ ей спокойствіе, защиту и новую жизнь? 25-го апрѣля 1804 года царь Саломонъ II, въ присутствіи тогдашняго главноуправляющаго Грузіею князя Циціанова, торжественно заключилъ актъ, дѣлавшій его подданнымъ императора Всероссійскаго.

Мингрелія и Гурія, прежде зависѣвшія отъ Имеретіи, но нынѣ самостоятельныя, также вступили въ подданство Россіи, первая въ концѣ 1803, вторая — въ 1804 году.

Такимъ образомъ въ рукахъ Русской имперіи сосредоточилось все прежнее Грузинское царство. Принимая въ подданство эти страны, Россія не хотѣла отнимать у законныхъ владѣтелей ихъ права и оставила въ Имеретіи—царя, въ Мингреліи и Гуріи—ихъ владѣтелей; она только требовала, чтобы за ея пожертвованія платилось ей вѣрною и искреннею службою. Но на дѣлѣ не такъ-то оказалось!

Присягая Россіи, Саломонъ надѣялся извлечь изъ этого двѣ выгоды: упрочить за собою навсегда престолъ Имеретіи и пріобрѣсти Лечгумскую область. Что касается до перваго, Россія конечно бы не допустила никого занять тронъ Имеретіи, если бы Саломонъ свято исполнялъ свои обязанности; но было бы величайшей несправедливостію отдать ему Лечгумъ, который издавна принадлежалъ мингрельскому дому и былъ за нимъ признанъ нашимъ правительствомъ, при вступленіи Мингреліи въ подданство Россіи.

Обманувшись въ надеждѣ оттягать Лечгумъ, Саломонъ тотчасъ же нарушилъ данную имъ присягу и вступилъ въ сношенія съ абхазскимъ владѣтелемъ Келешбеемъ, тогда намъ враждебнымъ, и съ ахалцихскимъ пашею, подстрекая въ то же время Дадьяна и тогдашняго правителя Гуріи, князя Кайхосро (1), къ враждебнымъ дѣйствіямъ противу Россіи. Такое непріязненное отношеніе Саломона тѣмъ болѣе было важно, что въ началѣ 1805 года наше правительство старалось о пріобрѣтеніи Поти. Городокъ этотъ, стоящій въ устьѣ Ріона и принадлежавшій Дадьяну, хотя и былъ занятъ турецкимъ гарнизономъ, но Турція по Кайнарджійскому трактату обязывалась его очистить. Владѣя Поти, удобною пристанью для небольшихъ судовъ, мы связывали Тавриду и всю южную Россію съ Закавказьемъ, и отъ этого какъ торговля наша, такъ и все военное и продовольственное снабженіе войскъ, расположенныхъ въ Закавказскомъ краѣ, получило бы значительную выгоду чрезъ сокращеніе матеріяльныхъ издержекъ. Саломонъ поджигалъ Турокъ не уступать намъ Поти, и мы, не желая вооружать противъ себя Турцію въ то время, когда готовились къ борьбѣ съ Наполеономъ, волею-неволею должны были отказаться отъ этого пріобрѣтенія и основать пристань въ Редутъ-кале, что было менѣе удобно, ибо изъ Поти суда могли прямо подниматься по Ріону. При этихъ дѣйствіяхъ князь Дадьянъ обнаружилъ искреннее доброжелательство, не препятствуя намъ основать на землѣ своей гавань.

Въ концѣ 1806 года, неповиновеніе Саломона выразилось уже открытѣе: царь бросилъ свой столичный городъ Кутаисъ и крылся въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ, окруживъ себя значительными силами, отказывался, подъ разными незначащими предлогами, исполнять нѣкоторыя требованія нашего правительства. Мало того, онъ настаивалъ въ перемѣнѣ условій данной имъ въ 1804 году присяги, и въ то же время дѣятельно сносился съ Турками, объявившими намъ войну, а когда баталіонъ, занимавшій Кутаисъ, былъ оттуда выведенъ для отраженія Турокъ отъ Редутъ-кале, то Саломонъ приказалъ сжечь выстроенныя тамъ нашими войсками казармы. Къ довершенію всего, въ это время стали разноситься по

(1) Кайхосро управлялъ Гуріею за малолѣтствомъ владѣтеля ея — Мамія.

Имеретіи слухи, будто бы Россія намѣрена уступить ее Портѣ и вмѣсто того, чтобъ заглушать эти клеветы Саломонъ дѣятельно поддерживалъ ихъ, несмотря на всѣ просьбы и разувѣренія со стороны тогдашняго главноуправляющаго Грузіею, графа Гудовича. Въ поддержаніи такихъ ложныхъ и нелѣпыхъ слуховъ, Саломонъ очевидно находилъ для себя большую пользу: этимъ, въ глазахъ своихъ подданныхъ, онъ оправдывалъ всѣ свои противозаконныя сношенія съ врагами Россіи.

Столь открытая непріязненность понудила графа Гудовича дать секретное предписаніе командующему войсками въ Имеретіи генералъ-маіору Рикгофу схватить Саломона, если представится къ тому удобный случай, а въ Имеретіи образовать временное управленіе изъ тамошнихъ князей и дворянъ и ввѣрить его князю Луарсабу Церетелли, бывшему салт-уцухесомъ (въ родѣ гофмаршала) при дворѣ имеретинскаго царя и искренно намъ преданному.

1808 года февраля 10 дня воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе арестовать Саломона и отправить его, со всѣмъ семействомъ, въ Россію. Но графъ Гудовичъ, имѣя на рукахъ войну съ Персіею и Турціею, не могъ тотчасъ же привести это въ исполненіе, почему арестованіе Саломона было отложено до болѣе благопріятнаго времени. Съ своей же стороны, Саломонъ окончательно сбросилъ маску притворства, подъ которою до сихъ поръ все-таки скрывалъ свои дѣйствія, и открыто вступилъ въ сношенія съ Турками, свидѣвшись въ Варцихе съ Аббасъ-туманскимъ пашею, Халимъ-агою.

Явныя сношенія съ врагами Россіи, рѣшительное неповиновеніе правительству, дерзкія выраженія и угрозы, которыми наполнялись письма Саломона къ главноуправляющему Грузіею, уже давно рѣшили его судьбу, и только война препятствовала намъ исполнить задуманный планъ — преобразованіе Имеретіи. Наконецъ, въ 1809 году 11-го октября, полковникъ Симоновичъ получилъ предписаніе отъ генерала-отъ-кавалеріи Тормасова, заступившаго мѣсто графа Гудовича, пожалованнаго въ фельдмаршалы, двинуться въ Имеретію съ двумя баталіонами и, принявъ начальство надъ всѣми находящимися тамъ войсками, силою схватить Саломона. Однакожь еще прежде того, генералъ Тормасовъ отправилъ къ царю письмо, въ которомъ онъ заклиналъ его опомниться и исполнить долгъ свой—вѣрноподданнаго Россіи, обѣщая, въ слу-

чаѣ повиновенія и чистосердечнаго раскаянія, всемилостивѣйшее прощеніе.

Но Саломонъ, поджигаемый ложными совѣтниками, надѣясь на неприступность своихъ лѣсовъ и помощь ахалцихскаго паши, упорствовалъ. Тогда, истощивъ всѣ миролюбивыя средства, повторяемыя сряду тремя главноуправляющими Грузіею, Тормасовъ, 15-го февраля 1810 года, двинулъ изъ Карталиніи въ Имеретію три баталіона, предписавъ, въ то же время, полковнику Симоновичу начать рѣшительныя дѣйствія.

17-го февраля было отправлено къ Саломону послѣднее примирительное письмо, съ тѣмъ однакожь, что если черезъ три дня не получится отъ него удовлетворительнаго отвѣта, то поступить съ нимъ какъ съ измѣнникомъ. Саломонъ наотрѣзъ отказался отъ исполненія условій, въ немъ изложенныхъ. Тогда полковникъ Симоновичъ, вслѣдствіе данной ему инструкціи, не медля приступилъ къ дѣйствіямъ. 20-го февраля жители Кутаиса были торжественно приведены къ присягѣ на вѣчное подданство Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ войска двинулись занимать нѣкоторые наиболѣе важные пункты страны. Сначала одичавшіе Имеретины, при появленіи нашихъ войскъ, бѣжали въ горы; но потомъ, видя повсюду ласковое съ собою обращеніе, начали мало-по-малу снова собираться въ свои дома и принимать присягу.

Между тѣмъ сердарь имеретинскій Кайхосро Церетелли, съ отборнымъ войскомъ, былъ разбитъ на голову отрядомъ маіора Реута, а князь Дадьянъ съ тремя тысячами Мингрельцевъ, и владѣтель Гуріи съ войскомъ — двинулись къ границамъ Имеретіи. Устрашенный Соломонъ бѣжалъ въ Варцихе, небольшую крѣпостцу, при сліяніи Квирилы съ Ріономъ.

Тогда полковникъ Симоновичъ, съ частью отряда и Мингрельцами, переправился чрезъ Ріонъ на лодкахъ и двинулся къ Варцихе. Соломонъ, не ожидавшій столь смѣлой переправы, поспѣшно очистилъ крѣпость и бѣжалъ къ селенію Багдату. Но безостановочно преслѣдуемый нашими отрядами, царь былъ наконецъ загнанъ въ неприступное Зихарское ущелье, по которому пролегаетъ дорога въ Ахалцихъ, въ это время почти непроходимая. Когда же полковникъ Лисаневичъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ нѣсколько ротъ, двинулся царю въ тылъ, а Симоновичъ готовился атаковать его съ фронта, то Соломонъ, видя неизбѣж-

ную гибель въ случаѣ сопротивленія, рѣшился сдаться, предоставляя себя милосердію императора Александра I.

Чрезъ нѣсколько дней, Саломонъ былъ отправленъ въ Тифлисъ въ простой телѣгѣ, подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя. Этимъ, можно сказать, и окончилось политическое поприще послѣдняго имеретинскаго царя, который не хотѣлъ понять своего положенія и, руководимый мелкимъ эгоизмомъ, волновалъ свое отечество, и безъ того не мало страдавшее.

Имеретинское царство было обращено въ область подъ управленіемъ, наскоро устроеннымъ изъ тамошнихъ князей и дворянъ. Такой порядокъ вещей долженъ былъ продолжаться до того времени, пока не изготовится положеніе, сообразное съ характеромъ и потребностями новообращенной страны. Мингрелія и Гурія, подъ управленіемъ своихъ владѣтелей, оставались на прежнемъ основаніи.

Между тѣмъ Саломону удалось бѣжать изъ Тифлиса. Но побѣгъ этотъ не принесъ ожидаемой пользы: народъ имеретинскій, съ одной стороны испытавшій первыя благодѣянія порядка и законности, съ другой—утомленный тяжкимъ безначаліемъ, не хотѣлъ признавать царя, подавшаго своею особой первый примѣръ неповиновенія. Саломону ничего не оставалось дѣлать, какъ удалиться въ Турцію, гдѣ онъ и кончилъ дни свои несчастнымъ скитальцемъ, все еще не теряя надежды обратно получить потерянный вѣнецъ.

1811 года апрѣля 19-го состоялось положеніе объ управленіи Имеретіею. Кутаисъ назначенъ областнымъ городомъ.

Въ 1819 въ Имеретіи и въ 1820 въ Гуріи вспыхнули бунты, вскорѣ усмиренныя нашими войсками. Причина этихъ мятежей заключалась въ непониманіи народомъ самыхъ простыхъ правительственныхъ требованій, чѣмъ нѣсколько честолюбцевъ и сумѣли ловко воспользоваться. Въ 1826 году владѣтель Гуріи Мамія скончался, оставивъ, за малолѣтствомъ сына, жену свою Софью правительницею. Эта княгиня, руководимая любимцемъ своимъ, княземъ Мачутадзе (маіоромъ нашей службы), къ которому была не равнодушна, играла весьма двусмысленную роль при началѣ турецкой войны 1828—1829-го годовъ. Но козни ея были открыты заблаговременно, и, осенью 1828 года, Софья принуждена была бѣжать въ Турцію. Съ этимъ вмѣстѣ само собою

прекратилось и самостоятельное существованіе Гуріи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя отрасль гурійскихъ владѣтелей, Давидъ, сынъ Маміи, былъ убитъ подъ Ахульго въ 1829 году.

Но Имеретины и Мингрельцы вѣрно служили Россіи въ войну 28—29 годовъ, и много ихъ князей и дворянъ легло на границахъ, защищая свое новое отечество.

Такимъ образомъ, изъ цѣлаго Имеретинскаго царства теперь сохранила нѣкоторую тѣнь самостоятельности одна Мингрелія, оставленная за заслуги князей Дадьяновъ подъ ихъ непосредственнымъ управленіемъ во всемъ, что только касается гражданской части, весьма несложной въ краѣ; часть же судебная по важнѣйшимъ гражданскимъ дѣламъ и по уголовнымъ вообще подлежитъ нашимъ законамъ. Нынѣ Мингрелія, за малолѣтствомъ владѣтеля, князя Николая Дадьяна, управляется вдовствующею матерью его, свѣтлѣйшею княгинею Екатериною Александровною Дадьянъ. Въ помощь ей приданъ совѣтъ, составленный изъ близкихъ родственниковъ владѣтельнаго дома.

Этимъ заключимъ бѣглый очеркъ самостоятельнаго существованія Имеретіи. Не безъ умысла мы разказали подробнѣе царствованіе ея послѣдняго государя; мы хотѣли показать, что окончательное присоединеніе этихъ странъ къ русской державѣ совершилось не вслѣдствіе *коварныхъ и алчныхъ* намѣреній нашего отечества, но было естественнымъ ходомъ обстоятельствъ, проистекающихъ изъ положенія края, добровольно прибѣгшаго къ нашей защитѣ. Всякій, видѣвшій Имеретію въ настоящее время, знающій ея прошедшее, легко можетъ теперь рѣшить вопросъ: *потеряла ли что-нибудь въ будущемъ эта страна, чрезъ окончательное присоединеніе свое къ Россіи?*

II. Раздѣленіе и топографія страны.

Кутаисская губернія нынѣ раздѣляется на пять уѣздовъ: 1) Кутаисскій, 2) Рачинскій, 3) Шаропанскій, 4) Озургетскій и 5) Ахалцихскій. Послѣдній, образованный изъ присоединеннаго къ Россіи по адріанопольскому трактату Ахалцихскаго пашалыка, отдѣляясь непроходимымъ Ваханскимъ хребтомъ, разнясь населеніемъ, не имѣетъ ничего общаго съ первыми четырьмя уѣзда-

ми и только по части административной присоединенъ къ составу губерніи. Сверхъ сего къ губерніи принадлежатъ: 1) Мингрелія, 2) Сванетія, вольная и дадьяновская и 3) Самурзакань. Объ нихъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи, въ отдѣлѣ «о народѣ»; теперь же представимъ топографическій очеркъ всей губерніи, безъ чего не будутъ намъ понятны ни разная степень нравственнаго быта населенія, ни важность географическаго положенія этого роскошнѣйшаго уголка въ цѣломъ Закавказьѣ.

Кутаисская губернія, исключая Ахалцихскій уѣздъ, обнимается съ трехъ сторонъ первостепенными хребтами горъ, идущими въ видѣ неправильнаго полукружія; съ четвертой, западной, примыкаетъ она къ морю. Горы, наполняя своими отрогами внутреннее ея пространство, даютъ начало множеству рѣкъ и рѣчекъ, вливающихся съ обѣихъ сторонъ въ Ріонъ — главную артерію края. Въ самой срединѣ горнаго пространства, начиная отъ Кутаиса и вплоть до моря, тянется плоскость, нѣкогда богатая, если вѣрить преданію, но нынѣ покрытая сплошною массою лѣсовъ и смертоносная по своему климату: это долина нижней Мингреліи. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ весь топографическій характеръ края.

Съ сѣвера Кутаисская губернія граничитъ вѣчно-снѣговымъ, изрѣзаннымъ зубчатыми вершинами Кавказскимъ хребтомъ, идущимъ непрерывною стѣною въ направленіи отъ С. З. къ Ю. В., по цѣлому Закавказью. На пространствѣ, которымъ къ нему примыкаетъ Кутаисская губернія, онъ вездѣ сохраняетъ среднюю высоту отъ 8 до 10-ти тысячъ футовъ надъ поверхностью моря. У горы Пасмты, отъ главнаго хребта, отдѣляется отрогъ, ограничивающій съ юга верховья Ингура и образующій между собою и главнымъ хребтомъ довольно узкую котловину Вольной Сванетіи. Здѣсь замѣчательна вершина Дадьяшъ, имѣющая, по барометрическому измѣренію проф. Абиха, 10,245 ф. надъ поверхностью моря. Хребетъ этотъ, бо́льшую часть года покрытый снѣгомъ, въ свою очередь развѣтвляется и служитъ водораздѣломъ между притоками Ингура, Хопи, Тихура, Цхени-цхале и Ріона.

Отъ горы Сонгуты-хохъ (въ главномъ хребтѣ) отдѣляется на югъ вѣтвь горъ, извѣстная подъ названіемъ Мосхійскаго или Картло-имеретинскаго хребта. Хребетъ Мосхійскій въ обѣ стороны, восточную и западную, пускаетъ множество отроговъ, кото-

рые на востокѣ образуютъ обширную котловину Осетіи, а на западѣ—долины Ріона и Дзирулы (Рачинскій уѣздъ). Далѣе къ югу, хребетъ идетъ въ томъ же направленіи, и въ то время какъ по западную сторону онъ продолжаетъ наполнять своими отрогами Шаропанскій уѣздъ (долину Квирилы), съ восточной оканчивается онъ крутыми контръ-форсами, подошвы которыхъ совершенно изчезаютъ въ прелестной долинѣ Карталиніи. На этомъ пространствѣ описанный хребетъ служитъ границею между Тифлисскою и Кутаисскою губер ніями.

Отъ горы Дедо-бара, Мосхійскій хребетъ круто поворачиваетъ назадъ, и въ этомъ направленіи тянется непрерывною грядой, подъ названіемъ Малаго Кавказа или Ваханскихъ горъ, по сѣверной границѣ Ахалцихскаго уѣзда, пуская въ сторону, обращенную на сѣверъ, болѣе или менѣе длинные отроги, раздѣленные между собою мрачными и недоступными ущельями, а по южную—образуя возвышенную и цвѣтущую здоровьемъ котловину Ахалциха. Ваханскій хребетъ, служа въ нашихъ предѣлахъ водораздѣломъ рѣкъ Куры и Ріона, убѣгаетъ въ азіятскую Турцію, гдѣ и образуетъ неприступную котловину Аджаріи, населенной воинственными и дикими племенами грузинскаго происхожденія.

Отъ горы Сырхлебертъ (въ Мосхійскомъ хребтѣ) отдѣляется возвышенный кряжъ, служащій чертою водораздѣла между притоками Ріона и Квирилы. Кряжъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ Рачинскихъ горъ, идетъ, вплоть до изгиба Ріона, въ прямомъ направленіи отъ востока на западъ, потомъ круто поворачиваетъ на югъ, постепенно понижается и наконецъ совершенно изчезаетъ въ треугольникѣ, образуемомъ сліяніемъ Квирилы съ Ріономъ.

Другіе контръ-форсы, столь же возвышенные какъ и Рачинскій, но гораздо меньшіе по длинѣ, отходятъ отъ Мосхійскаго хребта въ одномъ направленіи съ первымъ и врѣзываются въ пространство между истоками Ріона, Джаджоры, Квирилы и Дзирулы.

На Мосхійскомъ хребтѣ замѣчательны слѣдующія вершины:

Зильга-хохъ. . . .	12,670 ф.	Геодезически измѣр. полковникомъ генер. штаба Ходзько.
Гермухъ.	10,490 —	
Сырхлебертъ. . . .	9,445 —	геодез. полк. Ходзько и бар. пр. Абихъ.

Мореха.	8,855 —	барометрически проф. Абихъ.
Лахони.	6,268 —	
Перанга.	5,298 —	
Манцунари. . . .	4,271 —	баром. проф. Абихъ.
Дзагаурдэ.	4,115 —	
Сурамскій перевалъ .	3,027 —	

Отъ Ваханскаго хребта, какъ мы уже сказали, отходятъ на сѣверѣ многіе отроги, раздѣляющіе притоки рѣкъ: Ханисъ, извѣстной по своему знаменитому Зикарскому ущелью, Супсы, Губазнури, Бахвисъ-цхале, Натанебы, Зуджи и пограничной рѣчки Чолокъ, прославленной битвою 4-го іюня 1854 года. Самый замѣчательный изъ отроговъ, по длинѣ и высотѣ, Чахотаурскій, между долинами Супсы и Ханисъ-цхале. Широкою горною массой, перерѣзанный мрачными и недоступными ущельями, онъ выдвигается прямо на сѣверъ; подойдя къ Ріону, круто поворачиваетъ на западъ и въ этомъ направленіи слѣдуетъ почти до самаго моря, гдѣ и исчезаетъ въ болотистой мѣстности черноморскаго прибрежья. Оконечности этого хребта образуютъ, между Ріономъ и Озургетами, мѣста, дивныя по своей красотѣ.

Вотъ высота надъ поверхностью моря нѣкоторыхъ вершинъ Ваханскаго хребта, согласно геодезическому измѣренію полковника Ходзько:

Кара-кая.	9,360 ф.
Меписъ-цхаро. .	9,350 —
Тагинауры. . . .	8,760 —
Нагебо.	8,590 —
Тлиль.	8,220 —

Изъ этого описанія видно, что Кутаисская губернія окружена непрерывною грядою горъ съ сѣверной, восточной и южной сторонъ, которыя идутъ, постепенно понижаясь, къ центру ея—Кутаису, образуя мѣстность, то дикую, суровую и грандіозную, то необыкновенно-восхитительную въ своей игривости, но вездѣ страшно-пересѣченную и поэтому очень затрудняющую прокладку путей сообщенія. Только по выходѣ Ріона изъ Кутаиса начинается плоское пространство, достигающее по теченію рѣки до моря. Плоскость эта, имѣя въ началѣ не болѣе 25 верстъ въ ширину, по мѣрѣ приближенія къ морю постепенно распространяется къ сѣверу до Ингура и далѣе до границъ Абхазіи, а на югъ—до поста Св. Николая. На всемъ вышеозначенномъ простран-

ствѣ, въ буквальномъ смыслѣ, нѣтъ ни одного бугорка: повсюду мѣстность ровная, отчасти болотистая, особенно къ морю, и покрытая сплошными лѣсами. Есть еще и другая плоскость, при низовьяхъ Квирилы, начинающаяся у Шаропани и доходящая до поворота Ріона на западъ. Длина ея, отъ В. на З., 30 верстъ; наибольшая широта 18.

Самая замѣчательная рѣка Кутаисской губерніи—Ріонъ, древній Фазисъ; остальныя рѣки суть не болѣе какъ его притоки: онъ есть главная артерія, черезъ которую въ будущемъ должно проникнуть въ край благосостояніе, и поэтому теченіе его мы опишемъ подробнѣе.

Начало Ріона образуется изъ сліянія двухъ рѣчекъ: Геби и Глолы, вытекающихъ изъ подножій Пасмты и Сонгута-хохъ. Принявъ у мѣстечка Они съ лѣвой стороны Джаджору, онъ продолжаетъ идти по Рачинскому уѣзду въ направленіи почти параллельномъ главному Кавказскому хребту. Пройдя селеніе Саирмо, Ріонъ круто поворачиваетъ на югъ; за Кутаисомъ, по сліяніи его съ Квирилою, Ріонъ снова обращается на западъ, и отсюда, или лучше сказать отъ впаденія въ него Губисъ-цхале, уже начинается ровное и величественное шествіе этой знаменитой въ древности рѣки.

Беря начало на высотѣ 6,500 ф. надъ поверхностью моря и пробѣгая слишкомъ 300 верстъ, Ріонъ значительно мѣняетъ характеръ своего теченія. Будучи въ началѣ не болѣе какъ бурливымъ горнымъ потокомъ, онъ постепенно уширяетъ себѣ ложовище; воды его увеличиваются отъ впаденія многихъ мелкихъ рѣчекъ, встрѣчаемыхъ имъ на пути; онъ уже перестаетъ быть горнымъ потокомъ, но теченіе его все-таки быстро, дно усѣяно крупнымъ булыжникомъ и нерѣдко каменьями значительной величины, и только ниже Кутаиса Ріонъ покидаетъ характеръ горной рѣки и дѣлается судоходнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Приложимъ здѣсь таблицу возвышенія надъ уровнемъ моря нѣкоторыхъ пунктовъ, лежащихъ по Ріону.

Ледникъ р. Ріона, выше сел. Геби.	6,458 ф.	бар. Абиха.
Соединеніе рр. Геби и Глола—начало Ріона.	3,709 ф.	бар. Абиха и тріангуляція п. Ходзько
мѣст. Они.	2,820 —	
г. Кутаисъ.	473 —	бар. Абиха.
постъ Губисъ-цхальскій.	203 —	Геодезически, полковн. Ходзько.
станц. Марань.	67 —	
Поти (островъ на Ріонѣ противъ крѣпости)	5 —	

Изъ прилагаемой таблицы видно, что на пространствѣ отъ Они до Кутаиса (около 120 вер.) Ріонъ имѣетъ паденія 2,350 ф., слѣдовательно на каждую версту приходится слишкомъ по 3 саж., отъ Марани же до устья, на пространствѣ 80 верстъ, онъ имѣетъ паденія всего 62 ф., и теченіе его такъ плавно, что въ немъ трудно узнать тотъ шумный Ріонъ, который мы видѣли въ верховьяхъ. Вслѣдствіе этого отъ Они до Кутаиса Ріонъ судоходенъ только для людей привычныхъ: жители Рачи спускаютъ по Ріону въ Кутаисъ плоты; но несмотря на привычку ихъ къ подобнымъ операціямъ, рѣдкая проходитъ безъ какого-нибудь несчастія.

Главное препятствіе къ судоходству въ низовьяхъ Ріона составляютъ *карчи*. Во время весеннихъ разливовъ, Ріонъ выступаетъ изъ береговъ и низвергаясь съ невѣроятною быстротою, вырываетъ огромныя деревья съ корнями и несетъ ихъ къ морю. Эти-то деревья и пни, засоряя фарватеръ рѣки, образуютъ такъ-называемыя карчи, и судну, особенно значительнаго размѣра, надо быть очень осторожнымъ. Правительство принимаетъ мѣры для очистки дна Ріона отъ карчей; но это весьма не дешево обходится. Главное, что̀ можетъ избавить Ріонъ отъ карчей — это бо́льшее заселеніе его береговъ и вслѣдствіе того вырубка лѣсовъ, всегдашнихъ источниковъ карчей; а до тѣхъ поръ, для судоходства по Ріону, можно завести пароходъ, который бы сидѣлъ въ водѣ не болѣе 18 дюймовъ, подобно пароходамъ, ходящимъ по р. Шпре въ Берлинѣ. Такому судну карчи никогда не помѣшаютъ.

Ріонъ принимаетъ въ себя почти всѣ воды, низвергающіяся въ видѣ горныхъ рѣчекъ, страшныхъ только при своемъ разливѣ, съ хребтовъ Кавказскаго, Мосхійскаго и Ваханскаго. Всѣ эти рѣчки, имѣя дно, усѣянное каменьями, дѣлаются судоходными только по выходѣ на плоскость, и то на весьма незначительномъ разстояніи. Изъ нихъ замѣчательны: впадающія въ Ріонъ съ правой стороны—Цхенисъ-цхале, Абаша, Тихуръ и Цива; съ лѣвой — Джаджора, Квирила и нѣсколько другихъ, совершенно ничтожныхъ. Верстахъ въ 15-ти отъ моря, Ріонъ соединяется посредствомъ канала и рѣчки Цивы съ рѣкою Хопи, впадающею въ море у Редутъ-кале. Такимъ образомъ всѣ товары, прибывающіе моремъ въ Редутъ-кале, переносятся этимъ путемъ на Ріонъ и по немъ уже восходятъ почти до Кутаиса.

Остальныя рѣки Кутаисской губерніи текутъ въ море. Изъ нихъ замѣчательны: Ингуръ, Хопи, Пичора и Супса.

Всѣ названныя нами рѣчки въ обыкновенное время мелководны и повсюду могутъ быть переходимы въ бродъ; но весною, когда въ горахъ начинается таяніе снѣговъ, онѣ представляютъ для переправы значительныя трудности, и надобно имѣть хорошую, привычную лошадь и большую сноровку, чтобъ рѣшиться переѣхать рѣку во время прибыли воды: всякій невѣрный шагъ, или потеря хладнокровія влечетъ и всаднику и лошади неминуемую гибель. При слишкомъ высокой водѣ, лошадей пускаютъ вплавь, а путешественники переѣзжаютъ на узкомъ, длинномъ каюкѣ, похожемъ на такъ-называемыя душегубки. Эта переправа производится слѣдующимъ образомъ: когда переѣзжающіе усядутся совершенно равномѣрно по срединѣ каюка, его сталкиваютъ съ камней, и онъ летитъ съ быстротою молніи черезъ пучину, описывая дугу; потомъ его ловятъ за выброшенную веревку, и благополучно вытаскиваютъ на берегъ. Ощущеніе, испытываемое при перелетѣ каюка черезъ рѣку, совершенно похоже на то, которое чувствуешь, сидя на качеляхъ при сильномъ ихъ размахѣ.

III. Пути сообщенія.

Со стороны Грузіи въ Имеретію ведутъ два пути: одинъ изъ нихъ отъ Гаргаребской станціи (въ 22 верстахъ отъ Сурама) подымается вверхъ по Чиратъ-хеви, небольшой рѣчкѣ, берущей начало въ Мосхійскомъ хребтѣ, дѣлаетъ почти незамѣтный перевалъ чрезъ хребетъ и выходитъ къ верховьямъ Дзирулы; отсюда дорога идетъ чрезъ селеніе Карбаули и мѣстечко Шаропань къ Кутаису. Дорога эта, извѣстная подъ названіемъ *Улевской*, нынѣ совершенно оставлена по той причинѣ, что открыта другая, не столь кружная и описаніемъ которой мы сейчасъ займемся.

Теперешняя почтовая дорога отъ Гаргаребской станціи идетъ на мѣстечко Сурамъ и далѣе, чрезъ Сурамскій перевалъ спускается въ ущелье Квирилы и слѣдуетъ до Кутаиса тѣмъ же путемъ, какъ и Улевская. Дорога эта, извѣстная подъ названіемъ Военно-имеретинской, въ настоящее время разработана до такой степени, что по ней можетъ производиться экипажная ѣзда во всякое

время года. Она, какъ и всѣ горныя дороги, лѣпится по карнизу, проложенному въ полугорѣ, иногда спускаясь къ логовищу рѣки, иногда поднимаясь на значительную высоту надъ дномъ ущелья. Ширина ея такова, что повсюду могутъ разъѣхаться наши почтовыя троичныя телѣги. Частыя земляныя осыпи съ горъ, происходящія вслѣдствіе дождей, значительно портятъ дорогу; иногда отъ ребръ горы отрываются огромные камни и даже цѣлыя скалы и совершенно заваливаютъ дорогу. Но наибольшая порча происходитъ отъ движенія туземныхъ аробъ, которыя, имѣя ободъ колеса не совершенно круглый, не оправленный шиною, производятъ на дорогѣ страшныя выбоины.

На всемъ переѣздѣ отъ Сурама до Кутаиса всего одна станція (отъ Бѣлогоръ до Квирильской) трудна по узкости и неоконченности дороги и по безпрерывно встрѣчающимся на ней спускамъ и подъемамъ. Грунтъ земли здѣсь сплошь глинистый, и бывали примѣры, что въ зимнюю распутицу на переѣздъ ея употреблялось двое сутокъ. Зимою на этой станціи и еще на переѣздѣ отъ Симонетъ къ Кутаису учреждается вьючное сообщеніе. Впрочемъ, въ послѣднее время отъ Кутаиса къ Симонетамъ прокладывается шоссе по новому направленію, которое позволяетъ избѣжать трудныя и, въ дождливое время, непроѣзжаемо-грязные подъемы и спуски на Красную и Черную рѣчки.

Вотъ маршрутъ отъ Тифлиса до Кутаиса:

станція Гартискарская.	27 верстъ	прекраснаго шоссе.	
— Ксанская . . .	21 —	по плоскости.	
— Чальская. . . .	21 верс.		
городъ Гори.	18 —	по плоскости.	
станція Гаргаребская.	21 —		
мѣст. Сурамъ. . . .	22 —		
станція Молитская. . .	23 —		
— Бѣлогорская. . .	17 —		
— Квирильская. . .	27 —	въ горахъ.	
— Симонетская. . .	19 —		
городъ Кутаисъ. . . .	16 —		
	235 верстъ.		

Изъ приложеннаго маршрута видно, что отъ Тифлиса до Кутаиса труднаго для проѣзда пространства только 102 версты, то-есть отъ начала перевала до Кутаиса. Но ежели изъ этого мы вычтемъ пространство отъ Кутаиса до Квирильской станціи (35 верстъ) и отъ Бѣлогора до Молиты (17 верстъ), гдѣ ничто не

препятствуетъ быть дорогѣ довольно удобною для ѣзды, то получимъ 50 верстъ дѣйствительно труднаго пространства на всемъ 235-ти верстномъ разстояніи столицы Имеретіи отъ центра Закавказья. Путь этотъ чрезвычайно важенъ, потому что онъ и теченіе Ріона самымъ удобнымъ и кратчайшимъ образомъ связываютъ Тифлисъ съ Россіею и всею Европой; сверхъ того онъ пролегаетъ по одной изъ прекраснѣйшихъ странъ цѣлаго міра.

Отъ Кутаиса къ морю (къ Редутъ-кале) дорога идетъ по плоскости праваго берега Ріона. На означенномъ пространствѣ встрѣчается шоссе только небольшими частями, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя по топкости своей наиболѣе непроходимы. Въ лѣтнее время дорога эта, пролегая среди дѣвственныхъ лѣсовъ Колхиды, еще удобна для экипажной ѣзды; но въ распутицу она иначе не проѣзжаема какъ верхомъ. Болотистый грунтъ земли, въ особенности у морскаго прибрежья, до такой степени размокаетъ отъ дождей, что вся дорога обращается въ одно обширное полотнище грязи. Если въ горахъ Кутаисской губерніи дороги, по узкости и неровности, не дозволяютъ ѣздить въ экипажахъ, по крайней мѣрѣ теперь, то на плоскости онѣ еще менѣе удобны для экипажной ѣзды, по крайней мѣрѣ при настоящихъ условіяхъ. Въ горахъ еще можетъ двигаться арба; но на плоскости въ грязное время, случись даже оно лѣтомъ послѣ трехъ или четырехъ-дневнаго дождя, никакая арба не проѣдетъ.

Дорога, соединяющая Редутъ-кале съ Сухумомъ, пролегаетъ по берегу моря; устроенное здѣсь шоссе дѣлаетъ путь этотъ удобнымъ для ѣзды во всякое время года.

Остальныя дороги Кутаисской губерніи, проходятъ ли онѣ въ горахъ или по плоскости, всѣ безъ исключенія вьючныя, хотя по нѣкоторымъ изъ нихъ и двигаются арбы; почтовая же ѣзда существуетъ только на трактахъ, описанныхъ нами выше.

Какъ видно, Кутаисская губернія не можетъ похвастаться теперешними путями сообщенія; но это и въ порядкѣ вещей: хорошіе и удобные пути не создаются разомъ, да притомъ край еще не въ такомъ положеніи, чтобъ могъ чувствовать въ нихъ недостатокъ, и ѣзда въ экипажахъ для многихъ туземцевъ до сихъ поръ кажется весьма странною и неудобною. Современемъ, съ увеличеніемъ народонаселенія, съ развитіемъ промышленныхъ и торговыхъ силъ, нѣтъ сомнѣнія, что исчисленные нами пути будутъ

поставлены на ту степень, которой они заслуживаютъ по своей неоспоримой важности.

IV. Климатъ и произведенія.

Мало странъ на свѣтѣ, которыя представляли бы такое разнообразіе въ климатѣ, какъ Кутаисская губернія; кажется, что въ ней соединились климаты всѣхъ широтъ земли, отъ гиперборейскаго и до тропическаго включительно. Въ то время, какъ горы ея, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, представляютъ оцѣпенѣніе и безжизненность странъ полярныхъ, долины цвѣтутъ самыми нѣжными и роскошными произведеніями. Стоитъ сдѣлать верстъ 12 въ гору, и вы изъ знойнаго юга переноситесь въ суровый сѣверъ со всѣми мрачными его аттрибутами. Литвиновъ, посѣщавшій этотъ край, довольно наивно восклицаетъ въ своихъ запискахъ: «Въ землѣ Дадьяна одно только хорошо, что по произволу можно переѣзжать изъ одного климата въ другой.»

Лѣтомъ въ ней господствуютъ преимущественно юго-восточные и западные вѣтры; отъ сѣверныхъ она защищена стѣною Кавказа. Восточные вѣтры, проникая изъ Карталиніи, производятъ въ воздухѣ нѣкоторое удушье; но къ счастію, они никогда не бываютъ продолжительны, и подобный вѣтеръ, дующій постоянно болѣе недѣли, есть уже рѣдкое явленіе. Напротивъ, вѣтеръ западный (съ моря) наполняетъ воздухъ влагою; небо покрывается тучами, и дождь въ изобиліи падаетъ на землю. Эти перемѣны бываютъ довольно часто, отчего лѣто въ Имеретіи не такъ знойно, какъ въ Грузіи, гдѣ въ продолженіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ на небѣ не является ни одного облачка.

Весна и осень — здѣсь самыя пріятныя времена года; еще конецъ весны бываетъ иногда жарокъ; но осень—всегда восхитительна. Зима есть рядъ дождей (снѣгъ бываетъ рѣдко, и на короткое время), льющихся почти безпрерывно въ теченіи декабря, января, а иногда и марта. Зима съ 1853 на 1854 годъ была замѣчательна по постоянству дождей; но за то слѣдующая зима продолжалась всего полтора мѣсяца: съ декабря до половины января.

Лучшіе мѣсяцы въ краѣ — февраль, половина марта, апрѣль, первая половина мая, сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ остальные

лѣтніе мѣсяцы бываютъ сильные жары, въ осенніе и зимніе — дожди.

На здоровье здѣшній климатъ оказываетъ различное вліяніе, смотря потому, гдѣ вы находитесь: въ Кутаисѣ воздухъ влаженъ и заключаетъ въ себѣ отчасти всѣ зародыши лихорадки; но при нѣкоторой осторожности онъ почти безвреденъ и притомъ величайшій врагъ чахотки. Бывали примѣры, что чахоточные, и даже въ сильной степени одержимые этою болѣзнію, выздоравливали единственно при пособіи климата; чѣмъ далѣе вы подымаетесь въ Имеретію, тѣмъ климатъ становится умереннѣе и благотворнѣе. На плоскости Ріона онъ почти вездѣ нездоровъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ убійственъ, особенно у прибрежья моря.

Причина послѣдняго заключается въ томъ, что почти вся долина Ріона покрыта сплошными лѣсами, изъ коихъ нѣкоторые, называемые здѣсь *садами* (ибо нѣтъ дерева, около котораго не вилась бы виноградная лоза), разчищены, и по нимъ можно ѣздить во всѣхъ направленіяхъ; другіе же, напротивъ, такъ густы, что не вездѣ проберется и пѣшій человѣкъ. Эта сильная растительность, проявляющаяся въ видѣ кустарниковъ, а болѣе—ползучихъ растеній, совершенно заглушаетъ лѣсъ, препятствуетъ деревьямъ достигать надлежащей толстоты и служитъ одною изъ главныхъ причинъ зловредности климата. Отъ нея происходитъ сырость мѣста и безъ того довольно сыраго отъ множества ручьевъ и рѣчекъ; мелкія растенія, заглушая собою все остальное, гніютъ на корнѣ и образуютъ въ воздухѣ вредные міазмы, порождающіе злокачественныя болѣзни. Однимъ словомъ, долина Ріона, по образованію мѣстности, чрезвычайно походитъ на долину рѣки По, съ тою разницею, что послѣдняя воздѣлана, осушена посредствомъ множества канавъ, между тѣмъ какъ эта находится почти въ первобытномъ состояніи.

Канализація и разчистка лѣсовъ совершенно должны преобразовать климатъ ріонской долины и тѣ самыя мѣста, гдѣ жить нынѣ считается почти невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ лѣтніе мѣсяцы, будутъ, современемъ, здоровы, населены и обработаны. Доказательствомъ тому могутъ служить окрестности Сухумъ-кале и Редута, которыя издавна славились злокачественностью климата; вырубка окружающихъ лѣсовъ, осушка болотъ сдѣлали пребываніе въ нихъ очень и очень сноснымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что

улучшенія пошли бы гораздо далѣе, еслибъ теперешняя война не пріостановила только что начинавшагося развитія этихъ мѣстностей.

Господствующія здѣсь болѣзни — кровавые поносы, тифы, и преимущественно лихорадки, обыкновенно оканчивающіяся брюшными завалами, и все отъ того, что край заглохъ отъ отсутствія труда и дѣятельныхъ рукъ.

Прибрежье моря особенно славится своими лихорадками. Оно почти необитаемо, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, лежащихъ на самомъ берегу, какъ напримѣръ Редутъ-кале, Анаклія, Поти и пр. Особенно нездорова Поти: вблизи ея находится озеро Палеостомъ съ стоячею и въ высшей степени вредною водою. На счетъ образованія этого озера ходитъ въ народѣ легенда, напоминающая сказанія о Содомѣ и Гоморрѣ. Говорятъ, будто бы здѣсь нѣкогда былъ большой городъ, который за грѣхи своихъ жителей провалился, и на мѣстѣ его явилось озеро Палеостомъ.

Князья и вообще благородное и зажиточное сословіе края перебираются на лѣто въ мѣста болѣе возвышенныя, что совершенно необходимо для сбереженія себя отъ лихорадокъ; на плоскости остаются одни поселяне; но и они, несмотря на свою привычку, хвораютъ.

Кутаисская губернія изобилуетъ самыми роскошными дарами природы. « Прибрежье моря покрыто лавромъ, пальмой, масличными, гранатовыми, фиговыми, квитовыми деревьями, цвѣтущими и душистыми кустами и милліонами колосальныхъ рододендроновъ, вышиною въ нѣсколько саженей; наконецъ во многихъ мѣстахъ видны пни лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, а на Ингурѣ и самыя деревья. Далѣе непроходимыя лѣса сладкихъ каштанниковъ и орѣшниковъ всѣхъ сортовъ, обвитыхъ вѣчно-неувядающею, зеленою сѣтью плюща и другихъ вьющихся растеній, и чѣмъ выше къ горамъ, фруктовые лѣса превращаются въ безконечные виноградники, въ которыхъ каждое дерево служитъ подпорой безконечно-длинной, вѣковой лозѣ. Съ каждымъ шагомъ вверхъ, природа и климатъ измѣняются, и горы уже носятъ на себѣ печать сѣвера далѣе и далѣе, до царства вѣчныхъ снѣговъ. Подножье горъ покрыто гигантскими кустами благоухающихъ рододендроновъ; за ними вверхъ: кизилъ, башмала, самшитъ, каштанъ, крылатый орѣшникъ, липы, тополь, дубъ, ольха, сосна, ель, бере-

за, альпійскія растенія, и наконецъ рододендронъ опять вѣнчаетъ растительность, составляя первую и послѣднюю ея ступень» (1).

На поляхъ произрастаетъ, въ низовьяхъ : кукуруза, хлопчатая бумага и гоми—родъ сарацынскаго пшена, которое отваривается на водѣ на манеръ густой каши и въ такомъ видѣ употребляется туземцами вмѣсто хлѣба ; овощей совершенно нѣтъ по причинѣ сырости почвы; далѣе, въ мѣстахъ возвышенныхъ, родится ячмень, просо, рожь, овесъ, конопля, ленъ и проч.

Здѣшній виноградъ славится, и добываемое вино могло бы поспорить съ знаменитыми кахетинскими винами , еслибъ только на обработку его было обращено хоть малѣйшее вниманіе. Какъ въ Гуріи , такъ въ Мингреліи и Имеретіи очень много сортовъ винъ ; но преимущественно пользуются извѣстностію вина *садженахскія* и особенно мингрельское вино *оджалеши* , которое съ чрезвычайно пріятнымъ вкусомъ соединяетъ въ себѣ достаточную крѣпость. Въ имѣніи княгини Мельники Дадьянъ есть вино , скорѣе похожее на сокъ, но удивительнаго вкуса.

Въ низменной части большой недостатокъ въ лугахъ, отчего здѣшніе мужики почти не имѣютъ стадъ; домашній скотъ питается *чалою* (стебель кукурузы) и кукурузными зернами, даваемыми вмѣсто овса. Лошадьми также не изобилуетъ край, и всѣ лучшія лошади , которыя здѣсь встрѣчаются , пріобрѣтены туземцами извнѣ. Но въ Мингреліи есть своя порода лошадей, называемыхъ *бача* , что̀ по-персидски означаетъ *малютка* ; эти лошади небольшаго роста, красивы, крѣпки, неутомимы и слывутъ отличными ходоками,—это немаловажная вещь въ странѣ, гдѣ бо́льшая часть сообщеній производится верхомъ.

Что̀ заключается въ нѣдрахъ Кутаисской губерніи, еще до сихъ поръ не извѣдано. Въ 1846 году , однакожь , открыты на р. Твибулѣ (въ Имеретіи) неисчерпаемыя копи каменнаго угля, которыя, въ послѣднее время , служили главнымъ источникомъ снабженія топливомъ черноморскаго флота. Въ настоящее время этого угля добывается ежегодно около 60 тысячъ пудовъ.

Н. Окольничій.

(Окончаніе до слѣд. нумера)

(1) *Очеркъ равнинъ Ріона, Хопи и Ингура,* въ газетѣ «Кавказъ» за 1847 годъ.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ (1).

ПЕРІОДЪ ЖИЗНИ СТАНКЕВИЧА ЗА ГРАНИЦЕЙ И СМЕРТЬ ЕГО

Съ 1837—1840.

I.

Двѣ зимы въ Берлинѣ.

Благодаря семейной перепискѣ Станкевича, мы можемъ прослѣдить путь его и пребываніе за границей довольно подробно. 24-го августа осмотрѣлъ онъ Кіевъ, и подвигаясь затѣмъ къ австрійской границѣ, 31-го числа былъ уже въ Лембергѣ. Польское и жидовское народонаселеніе, окружающее границу нашу съ этой стороны, возбудило тотчасъ же юморъ Станкевича. Довольно забавно разказываетъ онъ, что послѣ какого-то жидовскаго обмана при промѣнѣ денегъ, онъ уже не могъ болѣе терпѣть жидовъ, и каждому приходившему къ нему Еврею всегда говорилъ: Zum Teufel, на что каждый Еврей всегда отвѣчалъ: *Во вонтъ эръ день*? Забавную шутку сыгралъ съ нимъ, по словамъ Станкевича, и одинъ почтальйонъ, узнавшій о его новоприобрѣтенномъ отвращеніи отъ услужливыхъ факторовъ. Въѣзжая на дворъ лембергской гостинницы, онъ сталъ кричать: «чи нема ту жидовъ? Панъ не може ихъ видзѣть.» Все это и даже усталость отъ путешествія не могли поколебать обыкновеннаго чувства довольства, которое испытывается при началѣ странствованія по зна-

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» № 3 и 4.

комымъ, хотя еще и невиданнымъ землямъ. «Что значитъ воображеніе! говоритъ Станкевичъ, — за Бродами мнѣ казалось, что я въѣхалъ совсѣмъ въ другой міръ, что и трава тутъ не такъ растетъ, и небо не такъ смотритъ, а какъ почтальйонъ заигралъ въ рожокъ, я самъ не знаю, что со мною сдѣлалось: такъ весело, хоть плясать!» Дѣйствительно, это было воображеніе, потому что Станкевичъ ѣхалъ больной и торопился въ Карлсбадъ, по пути завѣряя родныхъ въ отличномъ состояніи своего здоровья и своего духа. Въ началѣ сентября Станкевичъ былъ въ Краковѣ и почелъ за нужное осмотрѣть извѣстныя Величковскія соляныя копи. Проводникъ освѣщалъ для него факелами и бенгальскимъ огнемъ фантастическіе корридоры и блещущія залы копей. Въ одной изъ разноцвѣтныхъ пропастей ихъ, внезапно озаренной синимъ фейерверочнымъ огнемъ, Станкевичъ не могъ удержаться отъ чувства страха. «Нельзя не струсить, говоритъ онъ, видя надъ собой страшныя глыбы.» Впечатлительность Станкевича была неимовѣрна. Во время пребыванія въ Римѣ (1840), при осмотрѣ какой-то развалины, лежавшей на пути изъ Альбано, одному изъ товарищей его вздумалось закричать громкимъ голосомъ: Divus Caius Julius Caesar. Эхо развалины отозвалось на голосъ какъ будто со стономъ. Веселый и разговорчивый дотолѣ, Станкевичъ вдругъ поблѣднѣлъ, умолкъ и послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, словно переживъ сильное внутреннее потрясеніе, сказалъ съ упрекомъ товарищу: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?» Организація Станкевича, нѣжная по природѣ, въ послѣдніе годы его жизни сдѣлалась чутка и воспріимчива до изумительной степени. Воображеніе его всегда бодрствовало, несмотря на слабость физическихъ силъ, а можетъ-быть и по причинѣ этой слабости.

Возвращаясь къ путешествію Станкевича, мы видимъ изъ дневника его, что 9-го сентября, ст. ст., былъ онъ въ Ольмюцѣ, а 14-го въ Прагѣ. Въ Ольмюцѣ пробуетъ онъ высказать личное впечатлѣніе отъ первой готической церкви, встрѣченной имъ на пути, и отъ перваго могущественнаго органа, который загремѣлъ для него подъ ея сводами. И то и другое ему давно было знакомо въ понятіи, но здѣсь онъ начинаетъ чувствовать предметы и спѣшитъ разложить и опредѣлить свое ощущеніе. Въ Прагѣ онъ встрѣчается съ нидерландскою нату-

ралистическою школой живописи XV столѣтія, съ чуднымъ Гемлингомъ, который вмѣстѣ съ братьями Ванъ-Эйками былъ родоначальникомъ знаменитой школы, породившей Рубенсовъ, Ванъ-Дейковъ, Рембрандтовъ и проч. Оба предмета вызываютъ на свѣтъ природное эстетическое чувство его и способность непосредственной, личной оцѣнки изящнаго. Дневникъ его въ городахъ, упомянутыхъ нами, есть просто указатель предметовъ, но указатель, по нашему мнѣнію, необычайно тонкій и умный. Видно съ перваго раза малое знакомство съ сущностію того и другаго рода искусства и недостатокъ навыка въ оцѣнкѣ ихъ, но есть возвышенное, свѣтлое и оригинальное пониманіе ихъ въ общей идеѣ, чѣмъ Станкевичъ отличался и въ послѣдствіи при своихъ сужденіяхъ о пластическихъ искусствахъ вообще. Слово его всегда затрогивало и шевелило душу. Отъ подобныхъ ему профановъ въ образовательныхъ искусствахъ и можно услышать мѣткое сужденіе, открывающее новую сторону предмета, часто неуловимую для глаза, уже свыкшагося съ нимъ. Замѣчаніе это могли бы подтвердить художники наши, Пименовъ и Завьяловъ, встрѣтившіеся съ нимъ въ Прагѣ на пути своемъ въ Римъ (1). Какъ образецъ свѣжести и несомнѣнной возвышенности его образа мыслей можно представить читателю идеи его объ отношеніи музыки и живописи къ храму и служенію, находящіяся въ его перепискѣ. Весьма замѣчательное предчувствіе истины показалъ Станкевичъ и при первомъ, почти нечаянномъ столкновеніи съ картиной художника XV вѣка, содержаніе которой передаетъ онъ мастерски въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ Прагѣ Станкевичъ видѣлъ у Палацкаго и у Шафарика чешскихъ литераторовъ и былъ тронутъ до слезъ ихъ дѣтскою, сыновнею привязанностію къ родинѣ, ея преданіямъ и пѣснямъ, и

(1) Станкевичъ довольно оригинально разказываетъ о встрѣчѣ своей съ Пименовымъ, котораго зналъ и прежде. Онъ освѣдомился по газетамъ о пребываніи художника въ Прагѣ: «На другой день рано по утру надѣваю поскорѣе теплый сюртукъ и бѣгу.... Постучавшись раза два въ дверь, я отворилъ ее и спросилъ: ist Herr Pimenoff hier? — Ich habe kein Geld, отвѣчаетъ онъ, думая, что въ двери лѣзетъ капуцинъ. Онъ не узналъ меня до тѣхъ поръ, пока я не подошелъ къ самой его постелѣ.»

только рѣзкое, исключительное превознесеніе одной славянской національности нѣсколько нарушало гармонію въ задушевныхъ сношеніяхъ съ ними. Станкевичъ только-что выѣхавшій изъ Россіи, весь обращенъ былъ лицомъ къ Европѣ, и не могъ раздѣлять ихъ презрѣнія къ европейской цивилизаціи, весьма объяснимаго особеннымъ положеніемъ тамошняго края. Не можемъ здѣсь не выписать нѣсколько строкъ изъ дневника Станкевича, о народности написанныхъ имъ въ Прагѣ, — строкъ, которыя какъ будто написаны теперь по поводу недавно возникшаго спора объ этомъ предметѣ: «Чего хлопочутъ люди о народности? Надобно стремиться къ человѣческому, свое будетъ по неволѣ. На всякомъ искреннемъ и непроизвольномъ актѣ духа невольно отпечатывается свое, и чѣмъ ближе это свое къ общему, тѣмъ лучше. Гемлингъ вѣрно не хотѣлъ написать Нѣмку, (въ картинѣ, представляющей встрѣчу Елизаветы и Маріи и находящейся въ Прагѣ въ церкви Св. Вита), но его лицо по неволѣ вышло такъ, хотя на немъ святое выраженіе; а эта индивидуальность и составляетъ красоту. Это все равно, если бы я, замѣтивши, что у многихъ людей, являющихся въ обществѣ, есть свои особенныя манеры, старался бы непремѣнно сдѣлаться оригинальнымъ въ этомъ отношеніи и сталъ бы подражать отцовскимъ и дѣдовскимъ манерамъ. Кто имѣетъ свой характеръ, тотъ отпечатываетъ его на всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; создать характеръ, воспитать себя—можно только человѣческими началами. Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаетъ, старыхъ дѣйствій значитъ хотѣть продлить для него время дѣтства: давайте ему общее человѣческое и смотрите, что онъ способенъ принять, чего не достаетъ ему? Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками— это не куда не годится.»

Наконецъ 16-го сентября добирается онъ до Карлсбада, и шутя пишетъ къ Я. М. Невѣрову и Т. Н. Грановскому, ожидавшимъ его въ Берлинѣ: «Вы думаете, что вы важные люди, потому что стоите въ Friedrichstrasse... да мнѣ что за надобность! Знаю я ваши шашни... дайте мнѣ пріѣхать въ Берлинъ; я васъ отпотчую... будетъ вашему брату гонка.» Правда и то, что оба пріятеля, получивъ наконецъ извѣстіе, что Станкевичъ благополучно доѣхалъ до Карлсбада и намѣревается зимовать въ Берлинѣ, пустились выплясывать pas de deux, какъ гоголевскій майоръ Королевъ, по замѣча-

нію Станкевича. Нельзя сказать, чтобы Карлсбадъ имѣлъ сильное вліяніе на здоровье его, хотя онъ и пробылъ тамъ до 5-го октября, то-есть почти три недѣли. Тому мѣшало и частое уклоненіе отъ строгой, однообразной, монашеской жизни, необходимой при лѣченіи водами, но мало соотвѣтствовавшей природѣ его, а также и неспокойное состояніе души — остатокъ тѣхъ волненій, которыя пережилъ онъ въ Россіи. Горько жалуется онъ на свою врожденную способность къ мечтательности, на скорую довѣренность къ первому, неясному чувству сердца, что̀ тогда называлось *прекраснодушіемъ* (съ нѣмецкаго Schönseeligkeit) Глаза его обращаются совсѣмъ въ другую сторону; онъ помышляетъ о женщинѣ, связанной формальными узами и потерявшей чувство, которое даетъ имъ смыслъ и значеніе. Твердо защищаетъ онъ передъ другомъ естественныя права ея, во имя духа, который долженъ оживлять каждый человѣческій актъ, каждое человѣческое сношеніе—и защиту эту, по справедливости, называетъ новымъ періодомъ своего развитія. Какъ бы то ни было, но Карлсбадъ остался однимъ изъ дорогихъ его воспоминаній. Въ путешествіяхъ случается часто, что первый городъ съ ясною національною физіономіей оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе у человѣка, несмотря на множество другихъ посѣщенныхъ имъ городовъ, и ярче и полнѣе выражающихъ тотъ же характеръ. Въ Карлсбадѣ Станкевичъ обрѣлъ тотъ нѣмецкій міръ, о которомъ думалъ съ дѣтства, съ которымъ познакомился сперва, какъ самъ говоритъ, посредствомъ рыцарскихъ романовъ, затѣмъ посредствомъ фантастическихъ повѣстей, про который и за который говорили ему издавна всѣ любимѣйшіе писатели его. Понравилась ему и простота нѣмецкой жизни, отсутствіе празднаго барства, легкость сношеній между людьми, и признаки старой цивилизаціи, видимые на самыхъ мелкихъ вещахъ и повсюду умягчившіе не только нравы, но самое слово и выраженіе мысли. За тѣмъ явились типы, характеры, физіономіи, которые были только живымъ воплощеніемъ того, что̀ уже давно забавляло, трогало и смѣшило его за книгами. Онъ пріобрѣтаетъ себѣ большаго друга въ часовыхъ дѣлъ мастерѣ Гофманѣ и еще двухъ такихъ же искреннихъ друзей при поѣздкѣ въ Зедлицъ, именно: золотыхъ дѣлъ мастера изъ Эгера и органнаго мастера оттуда же. Онъ присутствуетъ на всѣхъ балахъ ихъ, на стрѣльбѣ въ цѣль,

на вечернихъ собраніяхъ за пивомъ подъ руководствомъ неутомимаго Гофмана: «дымъ столбомъ, говоритъ Станкевичъ, пиво рѣкою, одинъ музыкантъ играетъ на скрипкѣ, иногда припѣвая для большей выразительности: трара, трара, при чемъ гражданство хохочетъ.» Услужливость неимовѣрная. Хозяинъ кабинета для чтенія, куда Станкевичъ зашелъ отъ скуки, тотчасъ узнаетъ въ немъ, хотя и не совсѣмъ впопадъ, страстнаго любителя политики, предлагаетъ ему два №№ Journal des Débats на домъ и учтиво замѣчаетъ: «Ohne Politik zu lesen ist man doch todt» (не читать о политикѣ все равно, что быть мертвымъ). Тутъ же встрѣчаетъ Станкевичъ и нѣмецкихъ гелертеровъ, и студентовъ, и тѣхъ дѣвушекъ, которыя, весело проработавъ цѣлую недѣлю, идутъ, въ праздникъ, въ церковь съ книжками въ рукахъ и съ серіознымъ выраженіемъ на лицѣ, а вечеромъ также серіозно, но только безъ книжекъ — на вальсъ. Не пропускаетъ Станкевичъ безъ особаго вниманія и шаловливыхъ пансіонерокъ, которыя, узнавъ въ немъ иностранца, всѣ въ одинъ голосъ закричали при встрѣчѣ съ нимъ: «Guten Morgen». За тѣмъ еще театръ: оперы, исполняемыя второстепенными пѣвцами съ добросовѣстными и неимовѣрными усиліями, комедіи, которыя, по замѣчанію Станкевича, суть не что иное, какъ дѣтскія, нравоучительныя піесы, но съ такими уморительными выходками и комическими сценами, что едва усидишь на стулѣ отъ смѣха, наконецъ драмы и трагедіи, гдѣ мимика, декламація и позы артистовъ достигаютъ послѣднихъ предѣловъ возможнаго... Какъ будто въ соотвѣтствіе съ внѣшнею жизнію, Станкевичъ читаетъ въ Карлсбадѣ романъ Тика: Der junge Tischlermeister (Молодой столяръ), гдѣ умный графъ, любитель театра и построекъ, ѣдетъ съ другомъ своимъ, умнымъ столяромъ, въ свой замокъ, и оба на дорогѣ поминутно встрѣчаютъ *избранныя происшествія и событія*, которыя подаютъ имъ поводъ къ длиннымъ разсужденіямъ объ искусствѣ, обществѣ и отношеніяхъ, существующихъ между людьми. Эстетическія сужденія, высказываемыя степеннымъ столяромъ, уже гораздо трезвѣе, проще Гофмановскихъ мнѣній и во многихъ случаяхъ мѣтки и вѣрны, событія иногда дѣйствительно интересны и забавны, основная мысль романа — о невозможности натянутыхъ связей — тоже имѣетъ долю правды; но механическая постройка романа, до крайности нехудожественная, и самъ онъ, пропитанный страстію

къ средневѣковому порядку вещей, обличаютъ уже слишкомъ наклонность къ сентиментальному пониманію будничной нѣмецкой жизни, которая въ немъ и отражается очень полно. Станкевичъ остался чуть ли не послѣднимъ и единственнымъ паціентомъ Карлсбада: дѣвушки при источникахъ дрожатъ и жмутся отъ холода по утрамъ, когда онъ подходитъ къ нимъ за стаканомъ, но разстройство груди мѣшаетъ ему выѣхать ранѣе.

22-го октября Станкевичъ прибылъ въ Дрезденъ и разумѣется прямо въ галлерею къ знаменитой Мадоннѣ. «Я тотчасъ узналъ ее, говоритъ онъ, сердце упало у меня, я почувствовалъ въ ту же минуту, что эта картина не для меня существуетъ.» Черта замѣчательная, именно тѣмъ, что проникнута искренностію. Станкевичъ встрѣчалъ тутъ опять впервые отвлеченную красоту и идеализацію итальянскаго искусства, какъ прежде встрѣчалъ натурализмъ нѣмецкой школы съ примѣсью религіознаго созерцанія. Но послѣднее легче было уразумѣть съ перваго раза, а для пониманія Рафаэлевой эпохи живописи необходимъ уже нѣкоторый опытъ, нѣкотораго рода подготовка, запасъ свѣдѣній и понятій. Станкевичъ оставилъ маленькое письмо, образцовое (Дрезденъ 22-го октября) по мѣткости, съ которою выражены въ немъ усилія мысли овладѣть предметомъ, какъ будто закрывшимся для него въ своемъ величіи и не поддававшимся сознанію. Безотчетно бродилъ глазъ Станкевича по полотну, не различая ничего, или усматривая однѣ подробности. Съ какимъ-то отчаяніемъ напрягаетъ онъ вниманіе,— что-то мелькнетъ въ его умѣ и изчезнетъ... Онъ отводитъ глаза отъ картины и обращаетъ ихъ сперва на Корреджіо, потомъ на Карла Дольче, и Карлъ Дольче кажется ему граціознѣе, прелестнѣе... Устыдившись собственнаго впечатлѣнія, онъ ближе всматривается и находитъ что-то манерное въ его Св. Цециліи... Подымаетъ опять глаза на Мадонну: она какъ будто шевельнулась... и часть ея величія, именно: благородное выраженіе материнской любви, ярко бросается ему въ глаза. Сближеніе съ Мадонной дѣлается возможнымъ. Душевный процессъ, разложенный Станкевичемъ,— есть просто исторія развитія понятій въ каждомъ даровитомъ человѣкѣ, но у Станкевича она прошла быстро, въ нѣсколько мгновеній, свидѣтельствуя о благодатномъ свойствѣ его природы. Письмомъ изъ Дрездена заключается въ нашемъ изданіи вся пе-

реписка Николая Владиміровича съ друзьями въ 1837 году; она возобновляется только въ августѣ слѣдующаго года, спустя шесть мѣсяцевъ, потому что все это время онъ уже жилъ вмѣстѣ съ ними въ Берлинѣ. 13-го октября прибылъ Станкевичъ въ Потсдамъ и еще изъ окна дилижанса видѣлъ подходящую къ почтѣ фигуру мущины, въ длинномъ, тепломъ сюртукѣ. Ему вообразилось, что самъ Фридрихъ II, о которомъ онъ только что думалъ, приходитъ встрѣчать его въ своемъ городѣ, но то былъ Я. М. Невѣровъ. Вмѣстѣ отправились они тотчасъ же въ Берлинъ на общую квартиру, и утомленный Станкевичъ пишетъ къ роднымъ, что послѣ длинной и долгой ѣзды больше чувствуешь цѣну стулу, постели и печки, передъ которою можно сидѣть и болтать съ Невѣровымъ и Грановскимъ. Такимъ образомъ Станкевичъ добрался наконецъ до цѣли путешествія и расположился на долгое житье въ сообществѣ своихъ друзей, подъ сѣнью знаменитаго тогда Берлинскаго университета.

Онъ тотчасъ познакомился съ адъюнктомъ университета Вердеромъ, у котораго сталъ брать приватные уроки логики въ свободное его время (около 11 часовъ утра). Вердеръ, хорошо знакомый тогдашней образованной молодежи русской, учившейся въ Берлинѣ, былъ типомъ добродѣтельнѣйшаго, довѣрчиваго, дѣтски-чистаго нѣмецкаго ученаго. Ему тогда было не болѣе тридцати лѣтъ, и сблизившись со Станкевичемъ, онъ подпалъ, какъ и другіе, вліянію его личности. Вердеръ просто влюбился въ своего ученика, отъ котораго, по его признанію, столько же получалъ самъ, сколько и давалъ ему. Къ великой забавѣ Станкевича, профессоръ объяснялъ свое расположеніе къ нему мыслію, что у русскаго друга его душа совершенно нѣмецкая. Высоко цѣнитъ и Станкевичъ сообщество этого замѣчательнаго человѣка, который старался отвлеченнымъ формуламъ Гегелевой логики сообщить жизнь и поэзію, возводя ихъ до нравственныхъ правилъ, связывая съ ними достоинство человѣка и эстетическое воспитаніе его. Вотъ что говоритъ объ этомъ нашъ путешественникъ: «Профессоръ Вердеръ рѣдкій молодой человѣкъ, наивный какъ ребенокъ. Кажется, на цѣлый міръ смотритъ онъ какъ на свое помѣстье, въ которомъ добрые люди безпрестанно готовятъ ему сюрпризы. Его бесѣды имѣютъ спасительное вліяніе, всѣ предметы невольно принимаютъ тотъ свѣтъ, въ которомъ онъ ихъ видитъ, и становится

самому лучше и самъ становишься лучше.» Такое дѣйствіе производилъ молодой ученый, и одна чрезвычайно умная русская женщина Елизавета Павловна Фролова (урожденная Галахова) мѣтко и полно выразила характеръ его, сказавъ: «Это замѣчательный человѣкъ; жаль только, что онъ съ однимъ собою знакомъ.» Но можетъ-быть въ этомъ единствѣ съ самимъ собою заключалась и его сила. Кромѣ Вердера, Станкевичъ слушалъ курсъ исторіи у Ранке, философію права у Ганса, и еще курсъ сельскаго хозяйства, такъ какъ онъ не считалъ себя освобожденнымъ высшими занятіями отъ занятій, прямо соотвѣтствующихъ его званію и положенію въ русской жизни. Впрочемъ курсомъ сельскаго хозяйства онъ не совсѣмъ былъ доволенъ: въ два прослушанные имъ семестра, дѣло все шло объ историческомъ развитіи сельскаго хозяйства. Въ концѣ 1837 года пріѣхало въ Берлинъ семейство Фроловыхъ, и хозяйка, та замѣчательная женщина, о которой упоминали мы сейчасъ и о которой будемъ мы еще упоминать неоднократно, вскорѣ привлекла къ себѣ Станкевича и друзей его. Въ теченіи двухъ зимъ, 1838 и 1839 годовъ, почти каждый день проводили они вечера у г-жи Фроловой, толкуя за чаемъ обо всемъ, что̀ можетъ занимать умъ человѣка; но конечно не въ этомъ еще заключалась прелесть, приковывавшая ихъ къ дому Фроловыхъ, а въ томъ свободномъ и сдержанномъ, веселомъ и благородномъ настроеніи, которое хозяйка его умѣла сообщать своимъ посѣтителямъ.

Станкевичъ совсѣмъ не осматривалъ города, но на общественную жизнь, на публичныя собранія и на людей обращалъ сильное вниманіе. Театръ онъ постоянно посѣщалъ и даже по королевской оперѣ принадлежалъ къ партіи примадонны Фассманъ (блондинки собой), между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ его пріятелей стояли за Лёве, высокую и красивую брюнетку. Ссориться, впрочемъ, было не изъ чего, потому что, несмотря на восторги публики, обѣ пѣвицы были таки довольно плоховаты. Знаменитаго Зейделъмана Станкевичъ считалъ геніальнымъ актеромъ, но очень скоро подмѣтилъ въ немъ излишнюю заботливость о внѣшней отдѣлкѣ ролей. Любимцами его сдѣлались комики Гернъ и Бекманъ, дѣйствительно превосходные, одинъ по неисчерпаемой веселости и плодовитому изобрѣтенію въ каррикатурѣ, другой по спокойному, неподдѣльному юмору. Мы уже знаемъ наклонность Станкевича къ

смѣху. Онъ ходилъ въ Кёнигштадтскій театръ Берлина, гдѣ давались преимущественно фарсы, такъ часто, какъ только могъ, и разказывалъ самъ, что чуть не обезумѣлъ отъ хохота при первомъ представленіи, на какое попалъ. На сцену выведенъ былъ смотритель рынка, который, подмѣтивъ воровъ, слѣдуетъ за ними въ окно и подвергается нападенію всѣхъ собакъ рынка, между тѣмъ какъ мошенники благополучно исполняютъ свое дѣло. За сценой послышался совершенно собачій лай, производимый десяткомъ мастеровъ въ этомъ дѣлѣ, и когда Станкевичъ услыхалъ эту добродушно-колоссальную глупость, то уже почти лишился чувства. Далѣе смотритель тонетъ въ рѣкѣ и, послѣ спасенія своего, находитъ, что карманы его набиты рыбой. Гернъ сдѣлалъ при этомъ такую мину, что главная актриса, расхохотавшись, просто убѣжала со сцены при всеобщихъ рукоплесканіяхъ. Еще менѣе можно передать знаменитые въ то время фарсы, на которые стекался весь Берлинъ: «Путешествіе на общій счетъ» и «1739, 1839 и 1939 года». Эти фарсы и особенно берлинскіе *witze* (разсчитывающіе болѣе на смѣхъ, чѣмъ на пораженіе ума) составляли тогда отличительную, народную характеристику города. Они собирались въ отдѣльныя книжки: Buntes Berlin, Berliner Dummzeug и проч., гдѣ берлинскій типъ *экенштеера* (Eckensteher: такъ называются поденщики или коммиссіонеры, обыкновенно поджидающіе работы на углахъ улицъ) являлся, какъ изобрѣтатель всѣхъ уморительныхъ глупостей, придуманныхъ степеннымъ воображеніемъ сѣвернаго Германца. Читатель можетъ ознакомиться съ этого рода выходками, и на природномъ діалектѣ ихъ, въ издаваемомъ нынѣ журнальцѣ: «Dorfbarbier». Станкевичъ съ наслажденіемъ слѣдилъ за этимъ выраженіемъ народности, не упуская впрочемъ изъ виду и другихъ ея проявленій. Онъ посѣщалъ *кнейпы*, публичныя гулянья, катанья на саняхъ, маскарады, гдѣ при появленіи новой маски дѣло ограничивается общимъ крикомъ: э, э! гдѣ въ полночь реветъ оселъ въ какой-нибудь ложѣ, возбуждая смѣхъ и вопли: da capo! гдѣ находчивость маски ограничивается обыкновенно тѣмъ, что она беретъ вашу руку и чертитъ пальцемъ на ладони ваше прозвище. Природный юморъ Станкевича развился необыкновенно въ Берлинѣ. Въ немъ самомъ жила еще какая-то непреодолимая наклонность къ веселости, какое-то побужденіе отдаваться ей, иногда даже наединѣ съ собою и безъ видимой причины.

Въ Берлинѣ Станкевичъ познакомился съ веселою и умною дѣвушкой, которую всѣ знали подъ именемъ Берты и которая жила съ дядей, добрымъ, ограниченнымъ старикомъ, выдававшимъ себя за барона. Берта не лишена была остроумія, а жажда удовольствій была ей общa со всѣми Нѣмками. Это мимолетное знакомство не прошло даромъ для Станкевича: оно оставило слѣды въ его душѣ. Когда Грановскій въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1838 г. выѣхалъ изъ Берлина съ цѣлью посѣтить библіотеки и ученыя заведенія Дрездена, Праги и Вѣны, и когда съ первою же почтой написалъ къ оставшемуся другу о тяжеломъ чувствѣ видѣть себя совершенно одинокимъ, то Станкевичъ насмѣшливо отвѣчалъ ему: «Э, Иванъ Ивановичъ! Вотъ то-то же! Только что выѣхали, ужь сей часъ нельзя ли поговорить съ Иваномъ Никифоровичемъ?» Однакожь когда онъ самъ вслѣдъ за Грановскимъ покинулъ Берлинъ въ маѣ мѣсяцѣ, то дѣло было еще хуже. Онъ даже плакалъ, а потомъ писалъ къ Грановскому изъ Дрездена, выражая свое сожалѣніе объ отъѣздѣ изъ прусской столицы: «Поздравьте! Лёве опять въ Берлинѣ. Сегодня даютъ тамъ Норму, и она будетъ пѣть: Keusche Göttin, и публика будетъ въ восторгѣ, и всѣ мѣста будутъ заняты, и мы съ вами скоты...» Онъ чуть-чуть не воротился въ Берлинъ, а на слѣдующій годъ и дѣйствительно выкинулъ подобную штуку. Пріѣхавъ въ Дрезденъ, онъ подумалъ, подумалъ, да на другой день сѣлъ въ дилижансъ и прискакалъ обратно въ Берлинъ—посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается. Черезъ нѣсколько сутокъ онъ уже снова былъ въ дорогѣ. Можно предполагать, что знакомство съ Бертой было первою причиной всѣхъ этихъ нарушеній порядка и установленнаго плана дѣйствій. Вообще Станкевичъ смотрѣлъ на знакомство это не совсѣмъ просто и легко, хотя и зналъ настоящую цѣну ему. Въ одну изъ минутъ недовольства, порожденнаго малымъ нравственнымъ основаніемъ своей знакомки, онъ говоритъ про себя съ досадой: «Зачѣмъ же ожидать было бóльшаго! Вѣдь нелюбилъ же и я! Ахъ, какая мерзкая, капризная натура!» Даже по отъѣздѣ изъ Берлина въ Италію, Станкевичъ еще освѣдомляется о вѣтренной дѣвушкѣ и незадолго до смерти говоритъ объ ней въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей Русскихъ. Вообще Станкевичъ иногда не давалъ роста своимъ наклонностямъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, но корни ихъ всѣ сохранялъ въ

душѣ. Надобно замѣтить еще, что сближеніе съ Бертой возникло въ исходѣ душевной разладицы, когда, утомленный повѣркой своихъ чувствъ и отыскиваніемъ истины въ собственныхъ ощущеніяхъ, Станкевичъ старается предаться простой, безотчетной жизни, на сколько было ему возможно это. Но «такого рода язычество» — употребляя его же выраженіе—совсѣмъ не лежало въ основѣ его характера.

Къ той же эпохѣ пребыванія въ Берлинѣ относятся нѣсколько юмористическихъ стиховъ Станкевича, касавшихся преимущественно его друзей и постоянныхъ собесѣдниковъ въ Берлинѣ. Остатки старой наклонности къ стихотворству вышли другимъ путемъ, веселой пародіей и юморомъ. Тутъ есть даже нѣмецкіе стихи, какъ, напримѣръ, хоръ духовъ надъ спящимъ Грановскимъ, возвѣщающій ему близкое пришествіе бутеръброда и горькія жалобы героя, при пробужденіи, на отлетѣвшее блаженство, къ которому онъ уже былъ такъ близокъ. Затѣмъ въ этой, такъ сказать, домашней литературѣ есть: «Посланіе къ Н—ву, по случаю печальныхъ звуковъ, которые онъ извлекалъ изъ мусикійскаго струмента»; «Возвращеніе въ Берлинъ»; «Поясненіе Гегелевой логики» и проч.

Но вскорѣ это добродушное веселіе начинаетъ пріобрѣтать оттѣнокъ ѣдкой насмѣшки и глубокой ироніи, такъ мало свойственныхъ природѣ Станкевича; и съ этими качествами Станкевичъ является съ самаго начала переписки 1838 года. Причины такого настроенія, развившагося въ Берлинѣ вмѣстѣ съ юморомъ и, такъ сказать, о бокъ съ нимъ, уже до такой степени важны, что заслуживаютъ особаго упоминовенія.

Дѣло въ томъ, что Станкевичъ усматривалъ на концѣ своихъ любимыхъ занятій нѣчто такое, что̀ еще было скрыто для пріятелей. Съ Берлиномъ кончилось для Станкевича наслажденіе философіей и всякая возможность обращаться съ нею запросто, дѣлать изъ нея подножіе поэтическому вдохновенію и привлекательной мечтѣ, оправдывать ею привязанности и воззрѣнія, съ которыми свыкся. Онъ встрѣчался съ чистою мыслію во всей ея наготѣ и сухости, и неизбѣжныя послѣдствія этой встрѣчи мало-по-малу открывались его умственному взору, между тѣмъ какъ товарищи его думали, что все идетъ, какъ слѣдуетъ, къ знакомому благополучному концу. Отсюда рѣзко-насмѣшливое, ироническое

обращеніе его. Удивительно, что Станкевичъ никогда прямо не высказалъ новаго своего настроенія и далъ ему испариться въ однихъ намекахъ, отрывкахъ и замѣткахъ, какъ будто боясь привлечь другихъ въ ту болѣзненную работу ума, которой самъ подвергся: замѣчательная и весьма трогательная черта деликатности! Отъ берлинской эпохи остались у Станкевича кипы тетрадей, записокъ съ разборомъ логическихъ категорій, отвлеченныхъ понятій, всѣхъ этихъ звеньевъ философской науки, какъ она была составлена Гегелемъ. Здѣсь сбережены необыкновенно острыя опредѣленія разныхъ представленій ума, понятій о качествѣ, количествѣ, мѣрѣ, тождествѣ и проч., понятій, которыя ежечасно раждаются въ головѣ каждаго человѣка; но будучи переведены въ чистое мышленіе, кажутся существами какого-то другаго, недвижнаго и холоднаго міра. Усилія Вердера—опоэтизировать эти отвлеченности только выказывали ихъ суровую природу. Передъ Станкевичемъ открывалось уединенное царство мысли, и онъ начиналъ распознавать свойства и характеръ жизни, которая предстоитъ человѣку, обрѣтающемуся въ границахъ его области. Отсюда раздраженное состояніе Станкевича и какая-то игра съ тѣми, которые еще не вполнѣ видѣли, гдѣ они находятся. Дѣломъ первой важности становилось смѣло перемѣнить точку зрѣнія и взамѣнъ нѣкоторыхъ пожертвованій, требуемыхъ новыми обязательствами, обрѣсть, даже съ лихвой, все прежде потерянное. Станкевичъ принялся искать опоры для сердца и лучшихъ человѣческихъ стремленій въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, которые, казалось, сначала лишены были возможности дать ее. Два года пребыванія своего въ Берлинѣ употребилъ Станкевичъ на эту работу, и въ 1840 году, совершенно умиренный, спокойный, съ многочисленными планами трудовъ въ головѣ, слегъ преждевременно въ могилу, далеко отъ друзей и отъ родныхъ, въ Италіи.

Въ перепискѣ Станкевича сохранились ясные слѣды этой работы съ тѣмъ неизбѣжнымъ вліяніемъ, какое она имѣла на характеръ и душу его. Еще въ январѣ 1839 пишетъ онъ, что доселѣ былъ не въ состояніи прямо приступить къ пространной логикѣ Гегеля (въ 3 частяхъ), и познакомился съ ней по частямъ энциклопедіи, въ философіи права и въ лекціяхъ. Онъ не чувствуетъ въ себѣ довольно жизни, единства, полноты, чтобъ броситься въ этотъ міръ скелетовъ, по собственному его выраженію, и

признается въ одномъ нравственномъ порокѣ,—и какомъ порокѣ! —именно для сохраненія всей своей свѣжести, мысль его постоянно должна набираться силъ въ наслажденіи искусствомъ, въ дѣйствительномъ мірѣ. «Какъ сухи и безполезны, говоритъ онъ, нелѣпыя, безпокойныя, отвлеченныя занятія!» Однакожь онъ насильно принуждаетъ себя къ нимъ, и дѣйствіемъ сосредоточенной воли подчиняетъ себя напряженному труду до тѣхъ поръ, пока вопль сердца, не выносящаго болѣе сухости, на которую его обрекли, не отрываетъ его снова отъ работы. И кто бы подумалъ? Мягкій, веселый, остроумный Станкевичъ впадаетъ тогда въ состояніе близкое къ отчаянію, и восклицаетъ: «А одно спасеніе противъ сумашествія — исторія» (письмо изъ Дрездена отъ 20 мая 1838),—та исторія, которую такъ мало цѣнилъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Однакожь занятіе исторіей не было спеціяльностью Станкевича, главнымъ предметомъ всѣхъ его думъ, а скорѣе, какъ мы видѣли, облегчающимъ средствомъ противъ усталости и истощенія ума. Станкевичъ находитъ и еще много другихъ, не менѣе вѣрныхъ пособій, служащихъ какъ бы возбудительными агентами для мысли, утомленной долгимъ пребываніемъ въ мірѣ отвлеченностей. «Не рефлектируй, братъ, много, пишетъ онъ (25 іюля 1838 изъ Ахена) Грановскому. Какъ начинаешь путаться въ антиноміяхъ, давай себѣ скорѣе отдыхъ. Помни, что *созерцаніе* необходимо для развитія *мышленія*»,—и нѣсколько позднѣе (27 августа) прибавляетъ, относясь къ нему же: «Вообще если трудно становится рѣшить что-нибудь, переставай думать и *живи*. Въ сравненіяхъ и выводахъ будетъ кой-что истинное, но вѣрно вполнѣ схватишь вещь только изъ общаго живаго чувства.» Глубокая и мѣтко выраженная истина, —но, по особенному состоянію духа, онъ самъ не часто могъ пользоваться ею въ то время и прилагать ее къ себѣ. Въ одномъ изъ задушевныхъ писемъ его къ Е. П. Фроловой, той умной женщинѣ, о которой выше было упомянуто, Станкевичъ пишетъ (15 іюня 1838, Эмсъ)... «Моя голова получила такое несчастное устройство, что ее опасно оставлять безъ занятія. Она начинаетъ *свою* работу въ такомъ случаѣ, очень болѣзненную...» Далѣе онъ опредѣляетъ даже, въ чемъ состоятъ обыкновенно эти тяжелыя упражненія головы, предоставленной себѣ самой. Какъ и слѣдовало ожидать отъ всегдашней искренности Станкевича въ отношеніи къ

самому себѣ, мы видимъ, что сущность болѣзненной работы ума заключалась въ постоянномъ стремленіи согласить всю свою жизнь, свои побужденія, свой образъ дѣйствій съ выводами науки, которые призналъ онъ истинными. Какъ трудно установить подобныя гармоническія отношенія между своею личностію и общими опредѣленіями истины—пойметъ легко всякій, но добросовѣстный Станкевичъ возводилъ это требованіе въ строгій законъ, безъ соблюденія котораго человѣку нельзя сохранить понятіе о себѣ, какъ о нравственномъ существѣ. Разладица между двумя мірами, едва замѣченная, уже лишала его покоя. Необходимость какого-либо разрѣшенія жизненныхъ противорѣчій, которыя впрочемъ и разрѣшаются обыкновенно самою жизнью, составляла особенно мучительный симптомъ этой болѣзни. Станкевичъ принималъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніе рубить узлы, находя, что это все же лучше, чѣмъ запутывать ихъ; но не у всякаго найдется довольно крѣпкая или довольно грубая рука, чтобъ, не дрогнувъ, произвести подобную операцію. «И въ каждомъ рѣшеніи, говоритъ онъ, невольно заподозришь частичку самолюбія..., частичку лѣни или какой-то грѣшной любви къ спокойствію и преданію, котораго не хочется ломать безъ слишкомъ явной причины.» Вообще очень интересно это трогательное, задумчивое письмо, въ которомъ изложена душевная исповѣдь его съ тѣмъ тонкимъ, чрезвычайно осторожнымъ тактомъ въ кругу собственныхъ идей, какимъ онъ всегда отличался въ бесѣдѣ съ женщиной. Не такъ поступаетъ онъ въ отношеніи къ друзьямъ, способнымъ вынести болѣе рѣшительный тонъ. Здѣсь являются рѣзкій намекъ и иронія, энергическая мысль выходитъ наружу безъ предварительнаго осмотра и безъ всякаго ослабленія ея. Вотъ напримѣръ, какъ пишетъ онъ (письмо изъ Дрездена, отъ 8 мая 1838). «Мы въ Дрезденѣ: какія чувства волнуютъ твою морю подобную душу? спросишь ты. Гмъ! Душа—что такое душа? — Reflexion in sich! Что море?—Reflexion in anders. Солнце соединило атомы на радость и горе, и это соединеніе называется: рабъ Божій Николай, и этотъ Николай, по милосердію Господнему, вышелъ живымъ изъ многихъ болѣзней и напастей... и, по неисповѣдимымъ судьбамъ таскается изъ Берлина въ Дрезденъ, изъ Дрездена въ Берлинъ... Жизнь съ ея непогодами и яснымъ небомъ, дорога съ рожкомъ почтальйона, каждый городишко съ картофельною

дѣвчонкой и каждый переулокъ въ Дрезденѣ — все это можетъ похвалиться своимъ могуществомъ надъ тѣмъ созданіемъ, которое, будучи возведено на степень всеобщности, называется царемъ природы, а на степени своей единичности — Николаемъ Владиміровичемъ. Каковъ же длинной рѣчи краткій смыслъ? На что тебѣ... смыслъ? Если въ томъ, что сказано, нѣтъ смысла, то зачѣмъ ждать, что онъ будетъ въ комментаріяхъ? Но если ты всю рѣчь принималъ за предисловіе, то ошибся. Это просто голосъ съ того свѣта.» Не много найдется въ памяти человѣка, знакомаго съ европейскими литературами, отрывковъ, которые, за сѣтью ироническихъ и шутливыхъ выраженій, яснѣе бы выдавали душевное состояніе человѣка (1).

Только пламенная любовь къ наукѣ могла такъ волновать душу человѣка. Простое любопытство или поверхностная любознательность не вѣдаетъ этихъ волненій. Вѣроятно, Вердеръ уже замѣтилъ порывистые переходы отъ предмета къ предмету и вообще душевное безпокойство своего друга, потому что говорилъ ему: nur ruhig; nicht so und nicht so (онъ дѣлалъ при этихъ словахъ сильные жесты руками), sondern immer so (причемъ сопровождалъ слова плавнымъ опускающимся жестомъ). Этотъ мимиче, скій эпизодъ лекцій часто приходилъ на умъ Станкевича, когда разнородныя мысли толпой возставали передъ нимъ, и воспоминаніе о немъ часто способствовало къ водворенію порядка въ нихъ. Мы уже сказали, что томительную, начальную работу Станкевичъ пережилъ въ два года пребыванія своего въ Берлинѣ. Люди, видѣвшіе его потомъ въ Римѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти нашли его близкимъ къ физическому разрушенію, но яснымъ и спокойнымъ въ духѣ.

Возвращаемся къ описанію внѣшнихъ обстоятельствъ его жизни.

---

(1) Здѣсь слѣдуетъ сказать, что никакой важности и никакого значенія не представляетъ письмо это относительно того, къ кому оно писано. Также точно могло оно быть адресовано Станкевичемъ и другому близкому лицу. Если Станкевичъ иногда поясняетъ Грановскому смыслъ философскихъ отвлеченностей, то, съ другой стороны, Грановскій помогъ ему, и весьма сильно, въ уразумѣніи сущности общественныхъ и историческихъ вопросовъ, которая не всегда открывалась Станкевичу съ перваго раза.

Въ маѣ мѣсяцѣ Станкевичъ въ первый разъ покинулъ Берлинъ, вмѣстѣ съ Я. М. Невѣровымъ, и снабженный рекомендаціею Фарнгагена къ Тику, тотчасъ же явился въ Дрезденѣ къ знаменитому романисту. Тикъ выслалъ дѣвушку сказать, что у него теперь болитъ горло (изъ чего Станкевичъ заключилъ, что онъ намѣревался при встрѣчѣ съ гостями произнести рѣчь) и просилъ приходить въ четвергъ, надѣясь, можетъ-быть, и на скорый отъѣздъ путешественниковъ. Однакоже Станкевичъ и Невѣровъ были упорны, какъ Англичане, явились въ четвергъ по приглашенію, и познакомились съ извѣстною, прославленною манерой тихо читать Шекспира, будучи рекомендованы предварительно всему обществу, подъ именемъ бароновъ. Въ Дрезденѣ же Станкевичъ впервые услыхалъ извѣстную тогда пѣвицу Шредеръ-Девріентъ, и былъ отъ нея въ восторгѣ. «Это нашъ братъ —огромная субстанція,» писалъ онъ къ Грановскому, насмѣхаясь надъ фразой, которую Бѣлинскій разъ употребилъ, разсуждая о самомъ Станкевичѣ. Надо сказать, что Грановскій опередилъ своего друга: онъ еще въ началѣ апрѣля выѣхалъ изъ Берлина въ Вѣну. Это обстоятельство породило замѣчательную переписку между ними, которою мы теперь и пользуемся. Затѣмъ съ оставшимся пріятелемъ Станкевичъ обозрѣлъ Саксонскую Швейцарію и посѣтилъ Веймаръ, чтобъ посмотрѣть тамъ на домы Шиллера и Гёте. Между прочимъ въ Веймарѣ познакомился онъ со вдовой Гётева сына, которая сама имѣла взрослаго сына, страстнаго музыканта, учившагося у Мендельсона. Frau von Goethe приняла друзей очень любезно и ласково; въ домѣ ея Станкевичъ познакомился, вопервыхъ, съ романистомъ Штернбергомъ, Курляндцемъ по происхожденію, рослымъ мущиной, щегольски одѣтымъ и съ претензіей на щегольство языка, и потому, между прочимъ, произносившимъ букву *а* почти какъ *е*; а вовторыхъ —съ Кёнигомъ, извѣстнымъ у насъ по книгѣ о русской литературѣ, заключающей въ себѣ нѣсколько дѣльныхъ сужденій. Кёнигъ, въ противоположность Штернбергу, имѣлъ довольно простую мѣщанскую физіономію. 30-го мая Станкевичъ прибылъ въ Эмсъ и цѣлый мѣсяцъ употребилъ на питье его водъ, которыя только раздражили его нервы и мало помогли. Проѣздомъ черезъ Франкфуртъ онъ познакомился съ умнымъ философомъ, католикомъ Каровé, а въ Эмсѣ, кромѣ одного добраго нѣмецкаго семейства, гдѣ проводилъ

время въ занятіяхъ музыкой, въ общихъ прогулкахъ и въ шуткахъ съ молодыми особами, составлявшими его, Станкевичъ сошелся еще съ нѣкоторыми русскими путешественниками, прибывшими въ Германію на несчастномъ пароходѣ, сгорѣвшемъ у Мекленбургскихъ береговъ. Въ началѣ іюля Станкевичъ отправляется по Рейну въ Боннъ, посовѣтоваться съ знаменитымъ докторомъ Нассе, который, при взглядѣ на него, поднялъ глаза къ небу и воскликнулъ: «Armer Mann!» Эмсъ дѣйствительно утомилъ Станкевича. «Дѣтки мои! пишетъ онъ къ роднымъ своимъ, которые были озабочены его долгимъ молчаніемъ. Вѣдь если я пишу рѣдко— на это есть всегда причины. Повѣрите ли, что въ Эмсѣ написать нѣсколько строкъ было для меня величайшимъ трудомъ?» Однакоже Нассе совѣтуетъ ему попробовать аченскіе источники и купанья. Возвратясь снова въ Эмсъ къ оставшемуся тамъ Я. М. Невѣрову, Станкевичъ беретъ его съ собой, и вмѣстѣ подымаются они опять по великолѣпному Рейну до Кельна. Станкевичъ переѣзжаетъ затѣмъ въ Ахенъ, гдѣ остается безвыѣздно до начала сентября, выполняя предписанный ему курсъ. Одинъ только разъ во все это время покидаетъ онъ городъ; но къ этому нарушенію курса была уже достаточная причина. Т. Н. Грановскій, соскучившійся безъ друзей своихъ, пріѣхалъ къ нимъ повидаться. Станкевичъ провожалъ его до Бонна, на возвратномъ пути его въ Берлинъ, и воспользовался пребываніемъ своимъ въ Боннѣ, чтобъ познакомиться съ Фихте, философомъ, какъ и знаменитый отецъ его. Станкевичъ разказываетъ довольно забавно свой разговоръ съ профессоромъ: ночь наканунѣ онъ провелъ безъ сна, на разспросы профессора о системѣ преподаванія логики въ Берлѣни, отвѣчалъ вяло, и наконецъ самъ рѣшился сдѣлать вопросъ: не племянникъ ли онъ знаменитому Фихте. «А парень-то вышелъ родной сынъ его»—замѣчаетъ Станкевичъ, прибавляя, «что профессоръ былъ нѣсколько удивленъ этимъ невѣдѣніемъ» и выводя изъ того заключеніе, «что съ нѣкоторыми людьми надо говорить выспавшись.» Наконецъ скука одолѣла его въ Ахенѣ, куда онъ снова возвратился, и 1-го сентября Станкевичъ поспѣшно отправляется въ Бельгію разсѣять тоску, наведенную уединеннымъ городомъ и лѣченіемъ. Онъ посѣщаетъ Брюссель, Ватерлоо, Антверпенъ, Гентъ, Остенде, присматривается къ великолѣпнымъ памятникамъ искусства въ этой странѣ, обильной ими, и наблю-

даетъ политическую жизнь ея, но впечатлѣнія ложатся тяжело на слабый организмъ его, и усталая душа жаждетъ покоя. Въ журналѣ путешествія по Бельгіи, который будетъ приложенъ въ перепискѣ его, есть восклицаніе, вырвавшееся у него при видѣ моря въ Остенде: «Мнѣ было скучно съ утра, море прилѣпило къ скукѣ грусть. Мнѣ хотѣлось опрометью бѣжать опять въ Германію, въ Берлинъ, приняться за какое-нибудь дѣло; освободиться отъ этой тяжелой игры впечатлѣній, отъ вліянія неба и погоды.» 17-го сентября онъ уже былъ въ Франкфуртѣ вмѣстѣ съ Невѣровымъ, который въ Боннѣ поджидалъ его возвращенія изъ Бельгіи, и вмѣстѣ пишутъ они оттуда письмо къ Грановскому: «*голубчикъ* Грановскій, говоритъ Я. М. Невѣровъ, мы въ Франкфуртѣ, и завтра выѣзжаемъ въ Кассель по дорогѣ къ Берлину, такъ что, подвигаясь мало-по-малу, дней въ семь или восемь пріѣдемъ на мѣсто.» Смѣясь надъ этикетомъ, даннымъ пріятелю, Станкевичъ приписываетъ съ своей стороны: «*Ворона* Грановскій! Мы въ Франкфуртѣ и завтра выѣзжаемъ въ Кассель по дорогѣ къ Берлину, такъ что, подвигаясь мало-по-малу, дней въ семь или восемь пріѣдемъ на мѣсто. Какъ я радъ, что мы встрѣтились въ идеяхъ съ почтеннѣйшимъ и глубокомысленнымъ другомъ нашимъ...» и т. д. Во Франкфуртѣ, или лучше въ Ганау, Станкевичъ не преминулъ сходить еще къ доктору Коппу и отобрать его предписанія... Наконецъ, оба пріятеля возвратились въ давно-желанный Берлинъ, откуда разъѣхались послѣ въ разныя стороны, и прибавимъ, чтобъ уже болѣе не встрѣчаться. Они, какъ и Грановскій, жили уже тогда на разныхъ квартирахъ, не подалеку другъ отъ друга.

Кромѣ своихъ занятій и сношеній съ людьми, болѣе или менѣе замѣчательными въ Германіи, Станкевичъ еще ведетъ весьма дѣятельную переписку съ семействомъ, съ сестрами и малолѣтными братьями, оставленными имъ въ Россіи. Она, разумѣется не можетъ войдти въ составъ нашего изданія, но мы обязаны сказать о ней нѣсколько словъ. Тонъ этихъ писемъ Станкевича постоянно игривъ и шуточенъ, но онъ бесѣдуетъ въ нихъ съ дѣтьми чрезвычайно серіозно, разказываетъ имъ подробно свое путешествіе, представляетъ картину Рейна со всѣми его замками и легендами до мелочей, наконецъ не считаетъ лишнимъ говорить о чувствахъ, испытанныхъ имъ при видѣ такого-то произведенія искусства,

при встрѣчѣ съ такимъ-то явленіемъ природы. Онъ отдаетъ имъ себя безъ утайки и презрительнаго сомнѣнія къ уму и понятіямъ ихъ, а въ этомъ и вся сущность хорошаго воспитанія. Есть мѣста въ его письмахъ, которыя могли бы быть цѣликомъ перенесены въ заочную бесѣду съ возмужалыми и развитыми друзьями, и даже съ публикой. Таково, напримѣръ, описаніе шестикратнаго эха на горѣ Нидервальдѣ, близъ Рейна, которое очень музыкально дѣлалось все тише и тише, каждый разъ разносясь по горамъ, и которому повѣрилъ онъ любезнѣйшія имена, сберегаемыя имъ въ сердцѣ. Таково еще описаніе многихъ памятниковъ и въ томъ числѣ Майнцскаго собора, перестроеннаго, какъ извѣстно, въ эпоху рококо: «Колокольня его точно зрительная трубочка: такъ бы взялъ ее за шейку, да и вытянулъ.» Въ самомъ Берлинѣ онъ находитъ еще поэтическое слово для молодыхъ своихъ слушателей: «Наступила осень. Сѣрыя тучи въ раздумьѣ ходятъ по цѣлымъ днямъ по небу... Я выхожу въ такое время гулять Unter den Linden — это главный берлинскій бульваръ... Засвѣтло начинаютъ зажигать фонари, и длинная перспектива блѣдныхъ огней въ сизомъ туманѣ имѣетъ что-то волшебное. Въ это время изъ университета выходятъ студенты въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, большею частію въ коротенькихъ полукафтаньяхъ и въ картузѣ съ крошечнымъ козырькомъ; прасолки возвращаются домой, сопровождаемыя собаками, запряженными въ телѣгу съ разною поклажею, и наконецъ я торжественно возвращаюсь домой, очень довольный этимъ повседневнымъ зрѣлищемъ, и т. д.» Не надо забывать, что основной мотивъ всѣхъ этихъ бесѣдъ есть веселая шутка, забавное изложеніе какого-нибудь случая, иногда каламбуръ. На этотъ свѣтлый грунтъ ложатся драгоцѣнные совѣты его, когда онъ считаетъ нужнымъ обратиться съ совѣтами къ своимъ друзьямъ: «Не забывайте, что въ этомъ мірѣ великъ кругъ вашей любви, гдѣ каждый изъ васъ составляетъ лучшую часть жизни другаго: одинъ въ другомъ ищите опоры, утѣшенія, твердости; пусть каждый живетъ для другаго — и всѣ будутъ покойны, веселы, счастливы...» Къ тому же, каждый изъ этихъ совѣтовъ исполненъ еще, кромѣ братской нѣжности, удивительнаго здравомыслія. Любимой сестрѣ своей объясняетъ онъ разницу между истиннымъ здоровымъ чувствомъ

и тѣмъ обманчивымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ иногда лѣтній вечеръ, свѣчи, музыка, духи и усталость послѣ бала. «Они сообщаютъ такое настроеніе уму, что всякій предметъ хорошъ; но смотри на предметъ при солнечномъ свѣтѣ — въ его истинѣ — и счастіе само придетъ. Надо стараться только быть достойною счастія, а жизненныя непріятности разводить поэзіей сердца. Жизнь хороша — и только одна жизнь хороша. Плохо намъ, если мы будемъ принимать сонъ и мечту за жизнь. Если увидишь, что какой-нибудь вздыхаетъ—плюнь, дуракъ навѣрное. Любить можетъ только сильный человѣкъ.» Съ первой и до послѣдней строки письма эти запечатлѣны чувствомъ и умомъ...

Вторая зима, проведенная Станкевичемъ въ Берлинѣ, ничѣмъ не отличалась съ внѣшней стороны отъ первой, но она принесла съ собой тѣ окончательные матеріялы, которыхъ не доставало ему для полноты характера. Вскорѣ все собранное его мыслію начало устроиваться во внутреннемъ его мірѣ съ удивительною гармоніей и соотвѣтствіемъ всѣхъ частей между собою. Вторая зима замѣчательна еще и тѣмъ, что мало по малу отходили отъ Станкевича всѣ близкіе ему люди: при ея концѣ Я. М. Невѣровъ отправился на пароходѣ въ Петербургъ; Грановскій спѣшилъ тоже домой, но, страдая въ то время слабостію груди, отправился съ раннею весной въ Зальцбруннъ (въ Силезіи), извѣстный своею сывороткой и водами противъ болѣзней легкихъ. Семейство Фроловыхъ въ то же время уѣхало въ Петербургъ, хотя и не надолго. Въ іюнѣ 1839 года оно снова было уже за границей, и съѣхалось съ Станкевичемъ во Флоренціи. Передъ отъѣздомъ изъ Берлина, Е. П. Фролова ввела Станкевича въ домъ сестры своей, М. П. Кени, удѣляя такимъ образомъ близкимъ людямъ часть той дружбы, которую сама питала къ нему. Вслѣдъ за ними и Станкевичъ покинулъ Берлинъ, но мы уже знаемъ, что онъ оторвался отъ него съ нѣкоторымъ трудомъ, даже вернулся назадъ съ дороги. Затѣмъ, разрѣзавъ ножомъ, какъ самъ говоритъ, всѣ дѣла свои въ городѣ, онъ спѣшитъ въ Зальцбруннъ. Тамъ застаетъ онъ еще Грановскаго, и вмѣстѣ живутъ они двѣ недѣли въ скучномъ, хотя и многолюдномъ городкѣ (въ немъ было до семисотъ больныхъ), посѣщая иногда почтеннаго русскаго консула, г. Бюцо, единственную сносную ресторацію и балы въ ней, причемъ случалось, что зала была

освѣщена, музыка гремѣла, а хозяинъ стоялъ у дверей и говорилъ любопытнымъ: «Ich warte Menschen» (жду людей). Грановскій уѣхалъ изъ Зальцбрунна прямо къ себѣ въ деревню. Станкевичъ остался одинъ доканчивать курсъ, и выѣхалъ изъ города только въ августѣ мѣсяцѣ, по пути въ Италію.

Мы полагаемъ, что около этого времени Станкевичъ получилъ горькое извѣстіе о смерти особы, занимавшей нѣкогда такое большое мѣсто въ его сердцѣ. Это былъ послѣдній узелъ, который развязывала судьба, высвобождая душу Станкевича изъ-подъ тяжелаго нравственнаго гнета. Мѣсто его заняло свѣтлое и грустное воспоминаніе, такъ хорошо высказанное самимъ Станкевичемъ, когда, на Тунскомъ озерѣ (въ Швейцаріи), получивъ ближайшія свѣдѣнія о покойницѣ черезъ А. П. Ефремова, только что прибывшаго изъ Россіи, предается онъ весь міру прошедшаго и окружаетъ себя тихими, драгоцѣнными тѣнями. Съ этой минуты Станкевичъ становится духовно свободенъ: путы, которыя приковывали его къ прошлому, не давая свободнаго движенія его волѣ и приводя въ замѣшательство его совѣсть, пугливую и пріимчивую въ высшей степени, пали сами собою. Онъ снова предоставленъ былъ себѣ и могъ начать новое свое развитіе твердо и спокойно, не влача за собой по стопамъ мертваго факта, мѣшающаго каждому шагу. Дѣйствительно, съ эпохи уединеннаго пребыванія въ Зальцбруннѣ, Станкевичъ совершенно измѣняется и весь обращенъ лицомъ къ новымъ требованіямъ, понятіямъ и новой жизни, возникшимъ для него изъ новаго воззрѣнія на міръ. Любовь, цѣпи которой еще лежали на немъ, когда самой ея не было, онъ уже замѣщаетъ вскорѣ нѣжною дружбой, усладившею его послѣдніе часы. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются сшибки идей съ чувствомъ, волновавшія его молодость и доказывавшія неполноту обѣихъ сторонъ; пропадаютъ также и рѣзкія проявленія мысли: онъ становится тихъ, свѣтелъ, какъ-то цѣлостенъ. Въ концѣ 1838 года онъ еще писалъ: «Мои надежды, если не богаче, то опредѣленнѣе, впрочемъ и теперь не безъ того, чтобы за ними не было туманнаго.» Въ концѣ 1839 г. все туманное отдѣляется отъ существа Станкевича, и надежды его принимаютъ ту изящную опредѣленность, въ какой представляются намъ, напримѣръ, явленія природы. Самая природа возстаетъ передъ нимъ какъ ве-

ликая храмина, къ которой, послѣ долгаго обхода, онъ опять приведенъ двухъ-лѣтними любимыми своими занятіями. Наконецъ, какъ чудно и плодотворно разрѣшились вообще философскія занятія Станкевича, можно видѣть по превосходнымъ строкамъ, писаннымъ имъ изъ зальцбруннскаго своего уединенія къ М. П. Кени (письмо отъ 15-го августа 1839): «Есть люди съ сильною и богатою натурою, которые переселяются во всѣ характеры, умѣютъ перечувствовать всѣ положенія и найдти въ каждомъ человѣкѣ что-нибудь для себя, насладиться въ немъ каждымъ чуть замѣтнымъ проблескомъ хорошаго. Это счастливцы. Въ нихъ самихъ все полно, окончено, всѣ стремленія удовлетворены; поэтому они терпѣливы, снисходительны, весело смотрятъ по сторонамъ и скоро во всемъ открываютъ свѣтлыя стороны.»

Очеркъ этотъ есть вѣрный портретъ самого Станкевича, какъ онъ сложился къ началу 1840 года, по окончаніи берлинскихъ занятій, хотя авторъ и не предполагалъ заключать въ этихъ строкахъ ничего похожаго на автобіографію, да и не согласился бы никогда, по глубокому чувству скромности, узнать въ нихъ самого себя. Та же скромность заставляетъ его говорить о себѣ далѣе чрезвычайно уклончиво, но мы нисколько не обязаны къ подобнаго рода осторожности. Продолжаемъ выписку.

«Есть и такіе, которымъ всѣ люди пріятны, потому что они ко всему равнодушны. Но я не принадлежу ни къ тому, ни къ другому классу; я не довольно совершенъ, чтобъ со всѣми найдти удовольствіе; я его нахожу съ людьми, которыхъ уважаю отъ всей души... Для меня это рѣшительно открытіе новаго свѣта. Прожить нѣсколько времени съ такими людьми значитъ для меня прожить *по человѣчески*, удовлетворить необходимой и лучшей потребности души. Вотъ отчего я такъ радуюсь этимъ свѣтлымъ пунктамъ въ моей будущности. Природа и искусство только намеки, смыслъ ихъ — люди, и лучшіе люди. Кто лишенъ наслажденія людьми, на того природа и искусство должны дѣлать тяжелое впечатлѣніе, должны возбуждать въ немъ чувство неудовлетворенной потребности...» Такъ искусство и природа становятся здѣсь въ подножіе человѣку, который собираетъ всѣ ихъ намеки и открываетъ настоящій смыслъ ихъ. Высокое, гуманное пониманіе жизни было послѣднею степенью въ развитіи Станкевича, резуль-

татомъ, окончательно даннымъ ему философскими занятіями. Мы ничего не можемъ прибавить къ драгоцѣннымъ строкамъ, выписаннымъ сейчасъ: намъ остается, увы! послѣдняя, недолгая работа — прослѣдить жизнь, настроенную на такой ладъ, во Флоренціи, въ Римѣ и въ Сѣверной Италіи, гдѣ она потухла.

II.

Путешествіе въ Италію Станкевича и смерть его.

Въ концѣ 1839 года мы находимъ Станкевича во Флоренціи. Послѣ отъѣзда Грановскаго изъ Зальцбруна (11 іюля 1839), Николай Владиміровичъ прожилъ еще цѣлый мѣсяцъ на водахъ, и только въ половинѣ августа выѣхалъ оттуда. Черезъ Прагу, Нюрнбергъ, Штутгартъ и Карлсруэ прибылъ онъ въ Базель, гдѣ съѣхался съ однимъ изъ старыхъ своихъ товарищей, А. П. Ефремовымъ, и вмѣстѣ съ нимъ совершили они трудный путь по Симплонской дорогѣ, испорченной внезапными дождями, и очутились въ Домо д'Оссола, въ Италіи. Изъ Милана направились они въ Геную, и сѣли тамъ на пароходъ, на которомъ и прибыли въ Ливорно. Дороги по сухому пути, чрезвычайно утомлявшія бѣднаго Станкевича, видимо слабѣвшаго день ото дня, заставили предпочесть плаваніе переѣзду. Въ началѣ ноября измученный больной явился во Флоренцію. Тамъ уже ожидало его знакомое семейство Кени, къ которому скоро присоединились и Фроловы, остановившіеся въ одномъ домѣ съ первыми. Неподалеку отъ нихъ, на Piazza S-ta Maria Novella, поселился и Станкевичъ, которому дружба и расположеніе Е. П. Фроловой сдѣлались уже необходимостію. Первый взглядъ на Италію не произвелъ на Станкевича того радостнаго чувства, которое произведено было болѣе знакомымъ ему міромъ, Германіей. Родовыя черты Италіи гораздо строже, а приготовленія къ принятію и уразумѣнію ихъ у насъ гораздо менѣе. Италія требуетъ нѣкоторой подчиненности, нѣкоторой довѣрчивости къ ней, особенно устраненія укоренившихся привычекъ въ жизни и даже въ сужденіи; затѣмъ уже открываетъ

она себя въ величіи своей простоты или отсталости, если хотите. Станкевичъ долго всматривался въ ея вседневную жизнь, въ эту смѣсь классическихъ и средневѣковыхъ обычаевъ, заключенныхъ въ строго-изящную раму, образуемую неизмѣнною природой. Это было его единственное занятіе во Флоренціи, если исключимъ усиленное историческое чтеніе и упражненія въ музыкѣ. Послѣднее занятіе развилось у него почти до страсти... Вся дѣятельность его обращена была на три предмета, какъ онъ самъ пишетъ къ роднымъ: читать, играть на фортепьяно и топить каминъ. «Три важныя занятія, которыя всѣ мѣшаютъ одно другому,» прибавляетъ онъ съ той изящною улыбкой, которая въ нашемъ воображеніи уже неразлучна съ его физіономіей. Весьма освѣжительно дѣйствовало на него общество Е. П. Фроловой: онъ свыкся съ нимъ, и съ трудомъ могъ представить себѣ необходимость лишиться его. Разъ только онъ разсердился, именно тогда, когда услыхалъ, что въ Россіи начинаютъ считать Шиллера идеалистомъ безъ значенія для дѣйствительности... «Они не понимаютъ, что̀ такое дѣйствительность... дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности, внѣшняго бытія — есть случайность... дѣйствительность, въ ея истинѣ, есть Разумъ, Духъ.» Но вслѣдъ за вспышкой, Станкевичъ требуетъ отъ друга, чтобъ онъ осторожно высказалъ эти аргументы ошибающимся пріятелямъ. «Они люди хорошіе, и я съ ними ссориться не хочу,» говоритъ онъ. Между тѣмъ пятимѣсячное наблюденіе новой страны во Флоренціи, съ тою способностію къ наблюденію, какою онъ обладалъ, не прошло даромъ, и когда, 6-го марта 1840, Станкевичъ выѣхалъ въ Римъ, то письма его оттуда къ Е. П. Фроловой уже показываютъ совершенное родство мысли съ краемъ, представшимъ ей: наблюдатель поставилъ себя въ уровень съ наблюдаемымъ предметомъ.

Здѣсь мы остановимся, чтобъ сказать нѣсколько словъ о замѣчательной русской женщинѣ, которой посвящена была послѣдняя переписка Станкевича, и которая представляетъ лицо, противоположное женскимъ лицамъ, какія мы видѣли до сихъ поръ. Получивъ весьма блестящее, французское воспитаніе, Елизавета Павловна соединяла съ нимъ оригинальный умъ, необыкновенную способность угадывать людей, и другую, не менѣе важную способность видѣть въ каждомъ предметѣ ту живую, самобытную черту, которою онъ разнится отъ всѣхъ другихъ. Быстрая

догадка, такъ свойственная вообще русской природѣ, составляла второе качество этой замѣчательной женщины: она открывала ей мгновенно длинную перспективу идей, даже въ незнакомой сферѣ изслѣдованія, и установляла нѣкоторый родъ равномѣрныхъ отношеній между ученымъ спеціялистомъ и слушательницей его. По роду своего воспитанія, преимущественно французскаго съ оттѣнкомъ англійской аристократической строгости въ началахъ, она рѣдко восходила до первыхъ основаній, до сущности всякаго вопроса. Онъ дѣлался достояніемъ ея только тогда, когда уже соприкасался съ жизнію какою-либо стороной, и когда выразились его отношенія къ другимъ однороднымъ вопросамъ. Такихъ предметовъ было уже тогда много подготовлено въ Европѣ, начиная съ метафизическихъ преній до толковъ о различномъ пониманіи нравственныхъ законовъ въ обществѣ. Въ приложеніи остроумія и женской проницательности къ текущимъ, такъ сказать, дѣламъ современности открывалась сила Елизаветы Павловны; но она могла назваться также *идеалисткой*, хотя совсѣмъ въ иномъ значеніи, чѣмъ тѣ, которыя обыкновенно носятъ это прозвище. Она какъ-то высоко понимала общественныя сношенія и умѣла возвести тонъ, господствовавшій въ ея кругѣ, до идеальнаго выраженія благородства. Она имѣла удивительный даръ распознавать людей. У ней была вѣра въ людей, вмѣстѣ съ способностію угадывать ихъ тайныя наклонности. Съ первыхъ сношеній она ставила человѣка въ возможность показать себя, и сама поучалась въ этой книгѣ, ею же и раскрытой. Весьма слабая здоровьемъ и страждущая тѣмъ же недугомъ, какъ и Станкевичъ, положившимъ на блѣдномъ, не совсѣмъ правильномъ лицѣ ея, особенную печать, Елизавета Павловна почти никуда не выѣзжала, но постоянно видѣла у себя людей изъ высшихъ европейскихъ круговъ. Гумбольтъ, эта живая энциклопедія познаній, столько же неутомимый въ трудахъ своихъ, сколько и чувствительный къ каждому замѣчательному явленію жизни, былъ въ числѣ ея посѣтителей, когда она находилась въ Берлинѣ. Фарнгагенъ фонъ-Энсе, извѣстный своими біографіями, любилъ проводить время у Фроловыхъ, и, случалось, занимался тѣмъ, что дразнилъ знаменитую Беттину, которая его терпѣть не могла и называла Giftesel. Въ Беттинѣ дѣйствительно было много наивнаго воодушевленія, но иногда мѣсто его занимала ложная, придуманная и пустая восторженность. Она ча-

сто бывала у Фроловой, но, говорятъ, побаивалась ея въ душѣ, да и сама Елизавета Павловна считала необходимымъ обращаться съ ней немножко свысока. Станкевичъ сохранилъ намъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, превосходную замѣтку Елизаветы Павловны о характерѣ Беттины: «Elle sait le bien et le beau dans leur essence et leur luxe, mais elle n'en sait pas les détails positifs» (прекрасное и доброе знакомо ей въ ихъ сущности и въ ихъ блескѣ, но положительныхъ подробностей того и другаго она не знаетъ). Станкевичъ испыталъ при этихъ словахъ такое же чувство, какое испытываетъ человѣкъ при видѣ отличнаго портрета, оригиналъ котораго ему совершенно неизвѣстенъ, но который истиной своего изображенія невольно вырываетъ слова: какъ вѣрно! Мы раздѣляемъ мнѣніе Станкевича. Одинъ изъ молодыхъ Русскихъ, такъ радушно принятыхъ ею въ Берлинѣ, разказывалъ намъ сцену, которой былъ очевидцемъ. Разъ явился къ Фроловой какой-то заѣзжій французскій маркизъ или графъ, весь пропитанный тѣмъ блестящимъ салоннымъ умомъ, который, между прочимъ, во Франціи становится рѣже, чѣмъ гдѣ-нибудь. Елизавета Павловна часа два вела съ нимъ діалогъ, похожій на фейерверкъ, и годный въ любую пословицу Альфреда де-Мюссе, а по уходѣ его обратилась снова къ своей простой, сдержанной рѣчи, въ которой всегда было скорѣе замѣтно желаніе вызвать бесѣду и слушать, чѣмъ говорить.

Елизавета Павловна поняла Станкевича съ перваго раза, да и угадать его было немудрено. Его благодушное расположеніе къ людямъ, мягкость обращенія, подчиняющая сердце, заботливость, съ которою онъ искалъ лучшихъ струнъ въ душѣ человѣка, и неподдѣльное наслажденіе, съ которымъ прислушивался къ нимъ,— все это бросалось въ глаза. Въ способѣ обращенія и во всемъ существѣ Станкевича было столько изящества, что, по увѣренію его пріятелей, онъ становился всегда замѣтнымъ, какъ бы ни было велико общество, или какъ бы разборчиво ни было оно составлено. Свѣтлая, гармоническая душа Станкевича отражалась во всемъ внѣшнемъ его обликѣ и по образу своему устраивала его наружный видъ, рѣчь его и пріемы: вотъ почему присутствіе его невольно *чувствовалось* окружающими, да этимъ же объясняется и то обаятельное дѣйствіе, которое онъ всегда производилъ, особенно на молодыхъ людей обоего пола. Въ жизни его, можно ска-

зать, видишь, какъ эти высказанныя и невысказанныя привязанности сопровождаютъ его до гроба... Дружба Е. П. Фроловой къ Станкевичу основывалась еще и на важныхъ нравственныхъ потребностяхъ. Можно безъ особенной смѣлости предполагать, что своимъ пониманіемъ каждаго предмета въ идеѣ Станкевичъ возвышалъ уровень ея мыслей, какъ это онъ дѣлалъ во всѣхъ своихъ знакомыхъ, не сознавая самъ, по обыкновенію, своей работы. Какъ бы то ни было, Станкевичъ находится въ постоянной перепискѣ изъ Рима съ Фроловой, отправляя по письму каждую недѣлю, иногда болѣе, на имя супруга ея, Николая Григорьевича Фролова, сдѣлавшагося въ послѣдствіи извѣстнымъ у насъ своими изданіями по части естествовѣдѣнія. Переписка эта и будетъ служить намъ нитью, которая поведетъ насъ за Николаемъ Владиміровичемъ въ послѣднее на землѣ мѣсто, гдѣ онъ остановился на нѣкоторое время.

Станкевичъ, какъ знаемъ, выѣхалъ 6-го марта изъ Флоренціи и 8-го прибылъ въ Римъ. Онъ поселился на Корсо. Николай Владиміровичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ упорныхъ туристовъ, которымъ скука одиночества въ неизвѣстномъ городѣ ни почемъ, и которые, послѣ безпрерывныхъ бѣганій по улицамъ и осмотровъ, способны довольствоваться бесѣдой съ проводникомъ. Станкевичъ испытывалъ непреодолимую тоску, если въ городѣ не было у него какого-либо центра, образуемаго другомъ, семействомъ, умною женщиной, и старался тотчасъ отыскать его. Отъ этого центра и велъ онъ потомъ радіусы къ замѣчательнѣйшимъ точкамъ новой мѣстности, да и тутъ многія изъ нихъ, прославленныя дорожниками, считалъ онъ просто *наказаніемъ путешественниковъ*. Не видать—стыдно, а смотрѣть — не стóитъ, говорилъ онъ. Освободясь отъ этого принужденія, налагаемаго «указателями» и «вожатыми», онъ нашелъ пріютъ, столь необходимый для его общежительной природы въ семействѣ X**, съ которымъ познакомился во Флоренціи, и въ средѣ котораго цвѣли молодость, красота и нравственныя достоинства въ весьма счастливомъ соединеніи. Около этого семейства собирался общій кругъ знакомыхъ: нѣмецкій живописецъ Руиде, русскіе художники и въ томъ числѣ профессоръ Марковъ, наконецъ Полякъ Брык...ій, страдавшій чахоткой, но замѣчательный фортепіанистъ, другъ Листа, и притомъ съ весьма красивымъ, энергическимъ лицомъ, соотвѣтство-

вавшимъ энергіи характера. Онъ зналъ, что болѣзнь его неизлѣчима, и мало заботился о томъ. Станкевичъ, также страстно предавшійся музыкѣ и больной одною съ нимъ болѣзнію, чрезвычайно полюбилъ его. Нѣсколько русскихъ путешественниковъ, въ числѣ которыхъ былъ тогда и И. С. Тургеневъ, еще не начинавшій литературнаго поприща своего, находились между обычными посѣтителями семейства X*. Они дѣлали всѣ вмѣстѣ тѣ продолжительные набѣги на разныя части города, указываемыя дорожникомъ, отъ коихъ въ послѣдствіи Станкевичъ весьма часто устранялся. Впрочемъ единственная идея, которою жилъ тогда весь Римъ,— наслажденіе искусствомъ, привилась къ иностранцамъ какъ болѣзнь и одолѣвала ихъ, несмотря на внезапность своего появленія. Они захватывали ее, казалось, вмѣстѣ съ воздухомъ Тибра, и она имѣла свойства вытѣснять изъ обращенія помыслы о другихъ ближайшихъ и болѣе знакомыхъ имъ интересахъ. Только и разговоровъ было, что объ искусствѣ; все остальное было обречено на смерть и нѣмоту, ради согласія въ общемъ хорѣ: это имѣло своего рода комическую сторону, не ускользнувшую отъ наблюдательности Станкевича. И. С. Тургеневъ, между прочимъ, собирался нешутя посвятить себя живописи, сталъ брать уроки у живописца Руиде, а покамѣстъ занимался рисованьемъ каррикатуръ, по темамъ самого Станкевича, которыя весьма забавляли послѣдняго. Отъ этого движенія, имѣвшаго и свою серіозную сторону, Станкевичъ не могъ устраниться вполнѣ. Онъ набросалъ тогда нѣсколько замѣтокъ для статьи объ искусствѣ, изъ которыхъ видно, что искусство было для него, какъ и все другое, вопросомъ философскаго и нравственнаго свойства. Отрывки эти весьма мало обдѣланы, состоятъ преимущественно изъ однихъ намековъ и потому затруднительны для пониманія, но тѣмъ, которые привыкли къ философскому языку вообще и къ теченію мыслей у Станкевича въ особенности, мысль этихъ отрывковъ ясна. Станкевичъ намѣревался разработать и объяснить настоящій смыслъ извѣстныхъ словъ Гегеля: «искусство есть прошедшее для насъ». Ему хотѣлось указать на возможность новаго искусства, соотвѣтствующаго тому представленію жизни, какое должна дать новая философская идея, когда она достигнетъ всей своей зрѣлости и перейдетъ въ сознаніе цѣлаго общества. Онъ выбралъ систему доводовъ по аналогіи и прежде всего обра-

тился къ исторіи за примѣрами и указаніями. Выходя изъ положенія, что духъ, породившій искусство, единъ, Станкевичъ отвергаетъ схоластическія дѣленія искусства на многіе роды и видитъ въ немъ только эпохи развитія самаго духа. Виды искусства дѣлаются только формами, въ которыхъ преображается единый, нераздѣльный духъ. Такъ архитектура была необходимымъ видомъ искусства, когда человѣкъ старался выразить цѣлость и необъятность духа, посредствомъ символа ; скульптура, когда духъ былъ понятъ, какъ сущность человѣческой природы и ограниченъ человѣческою формой; живопись, когда человѣческому проявленію духа слѣдовало возвратить его невещественное, безплотное свойство. Здѣсь кончаются отрывки Станкевича, но уже можно догадываться, что, въ основаніе новому виду искусства, онъ полагалъ философскую идею, окончательно поясняющую и укрѣпляющую вѣрованія, а за тѣмъ раждающую новыя явленія жизни, новые обычаи и даже новыя понятія о красотѣ...

Но это было теоретическое, отвлеченное представленіе искусства: любопытно видѣть, какъ проявлялось у Станкевича его личное, *непосредственное* эстетическое чувство?

Въ этомъ отношеніи можно сказать, что у Станкевича попадаются слова, останавливающія васъ невольно... Всячески соблюдая истинное представленіе размѣровъ и пропорцій, позволено будетъ сказать, что замѣтки Станкевича отчасти напоминаютъ геніяльныя замѣтки Гегеля объ итальянскомъ искусствѣ. Тутъ дѣло не въ техническихъ познаніяхъ и даже не въ знакомствѣ съ историческими данными, а въ соображеніяхъ, которыя возникаютъ при отраженіи предмета въ человѣческой душѣ. Слова Станкевича проливаютъ тихій, кроткій свѣтъ, который волнуется на предметѣ, какъ поэтическое облако, сообщая ему особенное выраженіе. Уже при самой первой встрѣчѣ съ жителями Римской Кампаньи, при видѣ людей въ синихъ плащахъ, съ длинными посохами въ рукахъ, съ медленною, важною походкой, Станкевичъ вспоминаетъ о Титѣ-Ливіи и собирается перечитать его. Успокоившись отъ волненій дороги, онъ черезъ два дня по пріѣздѣ въ Римъ, идетъ гулять по Корсо, минуетъ Капитолій, спускается къ форуму и черезъ рядъ классическихъ развалинъ достигаетъ арки Тита и Колизея. Онъ не заглядываетъ въ книжку, отдаваясь вполнѣ однимъ своимъ впечатлѣніямъ, и

встрѣча съ Колизеемъ вырываетъ у него восклицаніе: «Не знаю каковъ онъ былъ въ своемъ цвѣту, въ первобытномъ видѣ, но вѣрно не лучше, чѣмъ теперь. Я не думалъ много о его назначеніи... я видѣлъ только огромную, гармоническую развалину и темносинее небо, просвѣчивавшее во всѣ ея окна...» Точно также смотрѣлъ и Гоголь на Колизей. Общій характеръ свободы, простора, даннаго собственной воспріимчивости, не стѣсняемой чужимъ представленіемъ предметовъ, лежитъ уже на всѣхъ изслѣдованіяхъ Станкевича въ Римѣ. Онъ какъ будто приводитъ въ исполненіе слова, сказанныя имъ однажды по поводу отношеній между наукой объ искусствѣ и пониманіемъ его: «отдадимъ кесарю кесарево, а Божье душа узнаетъ». Входитъ ли онъ въ соборъ Петра—стройная громада эта, въ которой, по словамъ его, дышишь вольнѣе и высоко поднимаешь голову, раждаетъ у него мысль: «Я никогда не могу ждать отъ архитектуры чего-нибудь охватывающаго душу; душа выше ея, но она довольна, когда находитъ себѣ такое жилище». Посѣщаетъ ли онъ Пантеонъ—оконченность, миръ и спокойствіе, которыя царствуютъ въ зданіи, дѣйствуютъ благотворно на все существо Станкевича, но онъ замѣчаетъ, что древніе слишкомъ рано успокоились, удовлетворились преждевременно, и потому не надобно хотѣть постоянно, долго, исключительно наслаждаться ими; современныя требованія тотчасъ обратятъ умъ на другое и нарушатъ гармонію наслажденія (25-го марта, 1840). Аполлонъ Бельведерскій привелъ Станкевича въ восторгъ: по описанію его видно, что нашъ путешественникъ уразумѣвалъ превосходный греческій типъ, который свѣтится въ этой позднѣйшей копіи. Когда въ послѣдствіи говорили ему, что статуя не носитъ на себѣ признаковъ греческаго рѣзца, что, вѣроятно, вышла она изъ римскихъ мастерскихъ временъ Адріана и проч., Станкевичъ, словно влюбленный въ первоначальный типъ статуи, просто замѣчалъ: «это для меня ничего, я упрямъ и имѣю свои понятія объ этомъ». Съ такою же откровенностію говоритъ онъ при видѣ *Моисея* Микель-Анджело, что художникъ понималъ въ представленіи божественнаго одно только свойство—силу. Кисть Гвидо-Рени пришлась Станкевичу по сердцу, и онъ прекрасно опредѣляетъ этого художника словами, вызванными наблюденіемъ какой-то головки: «здѣсь уже нѣтъ тѣла—одна душа и музыка.» Станкевичъ осуществляетъ въ Римѣ

намѣреніе довѣрять самому себѣ, принятое имъ съ первыхъ шаговъ по улицамъ города: «Всякій человѣкъ *живетъ* и долженъ быть снисходителенъ къ своей индивидуальности, вѣрить ей—не то, она еще болѣе будетъ обманывать его!» И мы убѣждены, что при болѣе долгой жизни, при возможности дальнѣйшаго обсужденія впечатлѣній, на одномъ этомъ основаніи родились бы самобытныя, оригинальныя замѣтки объ искусствѣ, которыя произвели бы то же самое дѣйствіе на читателей, какое производили нѣкоторые проблески ихъ на весь кругъ его знакомыхъ!

Нельзя забыть при этомъ, что отдаваясь самому себѣ, Станкевичъ опирался на одну изъ самыхъ превосходныхъ личностей, которая достигала тогда окончательнаго своего развитія. Юморъ Станкевича улегся и пріобрѣлъ свѣтлое выраженіе, вмѣстѣ съ граціей въ формахъ и легкимъ оттѣнкомъ задумчивости. То же самое можно сказать почти о всѣхъ другихъ его качествахъ. Въ Римѣ, напримѣръ, происходили иногда споры объ искусствѣ; особенно былъ одинъ о значеніи *преданія* въ живописи. Станкевичъ допускалъ участіе преданія, какъ аттрибута, съ которымъ уже свыклось наше представленіе нѣкоторыхъ лицъ, но отвергалъ его, когда оно становилось на мѣсто живаго пониманія явленій и характеровъ. Онъ видѣлъ въ немъ тогда или матеріализацію искусства или уничтоженіе его въ неясныхъ стремленіяхъ, чуждыхъ всякой формы. По этому предмету высказано было имъ нѣсколько превосходныхъ мыслей въ письмѣ отъ 25-го марта, да вопросъ этотъ былъ, вѣроятно, и первымъ поводомъ къ статьѣ объ искусствѣ, о которой мы упоминали. Но какъ былъ веденъ самый споръ? Никто не возражалъ и не спорилъ благороднѣе, гуманнѣе, прибавимъ — великодушнѣе Станкевича. Въ столкновеніяхъ мнѣній и въ способѣ доставлять побѣду своимъ убѣжденіямъ обыкновенно открывается грубая или свѣтлая природа человѣка. У Станкевича не было и признака хитрой изворотливости мысли, желанія захватить другаго врасплохъ, жажды поразить и унизить противника—всѣхъ этихъ темныхъ качествъ, дѣлающихъ изъ каждаго спора какую-то печальную арену, гдѣ сталкиваются на глазахъ вашихъ черныя страсти и побужденія, безобразно замѣшанныя въ самый вопросъ. Онъ принималъ мнѣніе противника всегда съ лучшей, выгоднѣйшей стороны его, и не могъ представить себѣ возможности обойдти его сзади или под-

красться къ нему тайкомъ. Кромѣ споровъ объ искусствѣ, были еще тогда пренія и о философіи, особенно съ однимъ изъ русскихъ профессоровъ словесности, объѣзжавшимъ Италію. Какъ онъ, такъ и другіе оппоненты Станкевича, даже самые упорные, отдавали справедливость его уваженію къ дѣльному спору, которое они называли снисходительностію. «Я, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Станкевичъ, взялъ за правило самообладаніе въ разговорахъ такого рода, и оно гораздо выгоднѣе и для меня и для чести науки, можетъ-быть... Оно оковываетъ порывы самолюбія въ другомъ или заставляетъ его обдумать мнѣнія, возникшія раг dépit.» Пренія о философіи, между прочимъ, побудили Станкевича къ составленію, можетъ-быть, послѣднихъ его замѣтокъ о наукѣ, которую защищалъ онъ всегда съ жаромъ и съ успѣхомъ искренняго убѣжденія. Мы не можемъ выписать ихъ сполна, во-первыхъ по стрывочности ихъ, требующей довольно обширныхъ объясненій, не совсѣмъ умѣстныхъ въ нашемъ очеркѣ; а во-вторыхъ по глубокому, отвлеченному характеру ихъ, къ которому читающая публика наша весьма мало расположена. Скажемъ только, что въ этомъ послѣднемъ трудѣ Станкевичъ имѣлъ въ виду исторію философіи Рейнгольда, обвинившую впервые Гегеля въ скептицизмѣ: обвиненіе, принятое съ ея голоса и многими людьми, незнакомыми съ системой берлинскаго философа. Мы только приведемъ окончаніе статьи. Предварительно Станкевичъ замѣтилъ, что у Гегеля нѣтъ ни предложеній, ни доказательствъ, и все пораждается передъ глазами мыслителя, исключая «Духа», который не подверженъ этому закону. Начавъ чувственнымъ бытіемъ, Гегель, по словамъ Станкевича, приводитъ его къ «Духу»; начавъ уединенною мыслію, Гегель приводитъ ее къ «Духу»; начавъ природой, Гегель приводитъ ее къ человѣку, а человѣку указываетъ истину въ «Духѣ». Идея, по объясненію Станкевича, есть то блаженство, гдѣ человѣкъ наслаждается осуществленіемъ въ себѣ воли Высшаго Духа. Затѣмъ Станкевичъ идетъ далѣе. Онъ снимаетъ весь логическій процессъ, предшествующій появленію идеи, называя его не самою истиной, а только приготовленіемъ къ ней, и остается съ послѣднимъ разультатомъ науки— идеей. Приводимъ затѣмъ выписку изъ трактата, для показанія, что̀ скрывалось въ этой идеѣ для самого Станкевича. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, въ ходѣ науки умъ постепенно очищается

отъ чувственной коры. Онъ прозрѣваетъ. Отдѣльныя мертвыя существованія постепенно сдвигаются съ мѣстъ своихъ, чтобъ исчезнуть въ общемъ, веселомъ хороводѣ жизни. Туманъ рѣдѣетъ, ночные призраки бѣгутъ — и вдругъ *полный свѣтъ любви* изливается на созданіе и довершаетъ дѣло преображенія. Вотъ жизнь, говоритъ философъ, понятая умомъ, которая сначала являлась нашему глазу въ грубой непосредственности. Хорошо. Не заботься же болѣе объ этихъ призракахъ, которые прогнало солнце (1). Это не истина, не абсолютное — и твой трудъ былъ только ходъ къ абсолютному. Теперь ты въ немъ забудь прошедшее. Разверни намъ новую жизнь. Подъ лучами этого солнца построй намъ міръ, проникнутый этою любовью!

«— Но здѣсь кончается *наука*.

«Да. Философія есть ходъ къ абсолютному. Результатъ ея есть *жизнь идеи* въ самой себѣ. Наука кончилась. Далѣе нельзя строить науки и начинается постройка жизни...»

Къ этой-то духовно-разумной постройкѣ жизни для себя, которая была бы практическою повѣркой самаго ученія, и приступалъ теперь Станкевичъ; но смерть застигла его на первыхъ шагахъ къ цѣли.

Смертельный недугъ, который Станкевичъ носилъ въ груди, помѣшалъ ему даже устроить внутренній міръ свой вполнѣ подъладъ къ тому міру классическихъ чудесъ, тишины и величаваго спокойствія, его окружавшаго. Вліяніе этого міра чувствовалось, но Станкевичъ хотѣлъ родства съ нимъ. «Кромѣ перемѣнчивой погоды, говоритъ онъ, которая мѣшаетъ покойно и въ порядкѣ видѣть сокровища Рима, меня стѣсняетъ короткій срокъ моего пребыванія въ Римѣ: я не могу хорошенько расположиться, не могу устроить своихъ занятій такъ, чтобъ они сообразны были и съ вѣчною, главною потребностію духа, и съ мѣстностію. Это мѣшаетъ найдти центръ, изъ котораго весело и спокойно можно смотрѣть на весь міръ... но дѣлать нечего. Распорядиться такимъ образомъ не совсѣмъ зависитъ отъ моей воли. Этого стѣсненія требуетъ мое здоровье и другія причины...»

Римъ въ его время носилъ особенный характеръ и какъ будто

(1) То-есть о логическихъ отвлеченіяхъ, предшествовавшихъ послѣднему слову науки.

созданъ былъ для того, чтобъ образовать душу художника или философа. Онъ походилъ на академію, разросшуюся въ большой городъ. У великолѣпныхъ воротъ его замолкалъ весь шумъ Европы, и человѣкъ невольно обращался или къ прошедшему, которое встрѣчало его на каждомъ шагу, или подъ тѣнью его сосредоточивался въ себѣ самомъ, въ собственной мысли. Современная жизнь показывалась въ тогдашнемъ Римѣ одною стороной своей— стороной, обращенною къ искусству. По улицамъ его ходили великолѣпныя процессіи, окрестности его безпрестанно наполнялись шумомъ тѣхъ религіозно-художественныхъ торжествъ, въ которыхъ народъ выказываетъ такъ могущественно свою изобрѣтательность и врожденное чувство изящнаго. Эти проявленія народнаго творчества, вмѣстѣ съ отсутствіемъ пустой роскоши, бѣготни за новостями и съ чертами врожденной веселости, счастливо соединенными въ національномъ характерѣ съ какою-то степенностію, дѣлали изъ обиходной жизни Рима нѣчто весьма не похожее на жизнь въ другихъ городахъ. Одно отсутствіе матеріяльныхъ стремленій и горделивое довольство самимъ собой каждаго его гражданина заставили нѣкоторыхъ мыслителей предрекать великую будущность новому Риму. Затѣмъ, если въ оградѣ Рима скрывались и словно пропадали для всего свѣта многія личности, прошумѣвшія въ Европѣ, то не менѣе было и такихъ, которыя въ немъ искали необходимаго приготовленія къ подвигамъ жизни и къ дѣятельности. Въ развитіи каждой серіозной мысли, есть минуты, когда она требуетъ нѣкотораго молчанія и нѣкоторой степени уединенія, подъ прикрытіемъ которыхъ и созрѣваетъ окончательно. Мѣсто, гдѣ совершается процессъ этотъ, разумѣется, значитъ мало, но надобно сказать, что тогда во всей Европѣ не было города способнѣе Рима собрать всѣ нравственныя силы человѣка въ одинъ центръ и, такъ сказать, въ одну массу. Именно то и происходило со Станкевичемъ. Развитіе его достигало конца, и мудрое, симпатическое, но спокойное созерцаніе міра все болѣе и болѣе росло и укрѣплялось внемъ. Каждому извѣстно, что достиженіе извѣстной нравственной высоты есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право на обладаніе всѣмъ, что̀ лежитъ подъ нею; другими словами, полнота развитія скоро усвоиваетъ себѣ и тѣ явленія, которыми человѣкъ никогда не занимался, или на которыя бросилъ только бѣглый, поверхностный взглядъ. Незнакомство съ предметомъ, даже ошибка

въ его оцѣнкѣ—тутъ дѣло временное и случайное. Стóитъ только человѣку ближе поднести предметъ къ умственнымъ очамъ своимъ, и предметъ легко вводится въ ту богатую сокровищницу мысли, гдѣ каждый изъ нихъ занимаетъ свое опредѣленное мѣсто. Вотъ почему нужды нѣтъ, если, занимаясь преимущественно философскимъ представленіемъ жизни, Станкевичъ выпустилъ изъ вида ту или другую подробность современнаго быта, не оцѣнилъ по достоинству той или другой практической его работы, не угадалъ въ какомъ-либо писателѣ, какъ напримѣръ въ Жоржъ-Сандѣ, существеннаго качества его—борьбы съ мертвыми формами жизни. Все это былъ только недосмотръ; все это, прибавимъ, ждало только минуты внимательнаго взгляда, чтобъ получить признаніе своихъ существенныхъ качествъ. При полнотѣ развитія не можетъ быть затворенныхъ дверей ни для какого явленія, носящаго признаки нравственныхъ стремленій; не долго также остаются отверженцами не понятыя или еще не изслѣдованныя начинаніе людей, и скоро изъ блуждающихъ, осиротѣлыхъ существъ они поступаютъ въ широкую область духа, обращаются въ органическія члены нашего собственнаго сознанія и дѣйствуютъ въ немъ наравнѣ со всѣми другими, расширяя все болѣе и болѣе кругъ его. Такъ было бы и со Станкевичемъ, потому что полнота духа, какой онъ достигъ въ Римѣ, дѣлала его способнымъ къ богатому гостепріимству идей, въ чемъ преимущественно и состоитъ эта полнота; что въ настоящемъ случаѣ мы не предаемся фантазіи и не пишемъ идеальнаго лица, можетъ намъ служить доказательствомъ покойный Грановскій, принадлежавшій къ школѣ Станкевича. Въ силу развитаго человѣческаго, общественнаго и историческаго смысла, какое явленіе въ духовномъ мірѣ ускользало отъ его сочувственнаго вниманія и къ какой разумной сторонѣ человѣческой жизни вообще былъ онъ глухъ или несправедливъ когда либо?...

Между тѣмъ Станкевичъ видимо и поспѣшно близился, по выраженію поэта, къ своему началу. Болѣзнь его шла не по днямъ, а по часамъ. Уже не было опредѣленныхъ сроковъ для недуга: онъ заставалъ его во всякое время. Разъ Станкевичъ поднимался въ четвертый этажъ дома, гдѣ жили X*, и читалъ своимъ обыкновеннымъ тихимъ голосомъ стихотвореніе Пушкина: «Снова тучи надо мною.» Пріятель, сопровождавшій его, слѣдовалъ за нимъ и ви-

дѣлъ, какъ на половинѣ лѣстницы, онъ вдругъ остановился, кашлянулъ и поднесъ платокъ къ губамъ: на платкѣ осталась кровь. Свидѣтель этой сцены невольно содрогнулся, а Станкевичъ только улыбнулся и дочелъ стихотвореніе до конца. Множество системъ и докторовъ было перепробовано, и не принесло пользы: можетъ-быть это даже ускорило ходъ неизбѣжной развязки. Замѣчательно, что Станкевичъ вообще никогда не говорилъ о своей болѣзни, и если упоминалъ о ней, то не иначе какъ въ шуточномъ тонѣ. Отсутствующимъ друзьямъ онъ даетъ во всѣхъ видахъ убѣдительныя завѣренія въ возможность если не скораго, то радикальнаго своего выздоровленія; роднымъ сообщаетъ одни только намеки на свое физическое состояніе. Опасеніе возмутить чью-либо душу ѣдкимъ чувствомъ — превозмогаетъ ту нужду въ откровенности, которая такъ свойственна больнымъ вообще. Самъ онъ не могъ не видѣть близости смерти, но какъ-то не хочетъ вѣрить ей: противорѣчіе, часто встрѣчающееся у молодыхъ людей, осужденныхъ на преждевременный конецъ. Притомъ же въ смерти боялся онъ только прекращенія мысли. Ни на минуту не даетъ онъ побѣды матеріяльному факту надъ собой: по свидѣтельству очевидцевъ, никогда не падалъ онъ духомъ и всякій новый признакъ физическаго разрушенія встрѣчалъ съ новою надеждой сбросить его и высвободить себя изъ-подъ гнета слѣпаго случая. Станкевичъ въ концѣ апрѣля собирается въ Неаполь для свиданія съ В. А. Д**, которую отыскивалъ съ самаго выѣзда изъ Берлина. Онъ думалъ застать ее еще въ Базелѣ, но разъѣхался съ нею. На В. А. Д** перенесъ онъ остатокъ той привязанности, которую питалъ нѣкогда къ семейству, такъ много участвовавшему въ событіяхъ его внутренней жизни. Какъ нарочно всѣ знакомые Станкевича, начиная съ Х**, выѣхали тогда въ Неаполь, а самъ Станкевичъ посланъ былъ докторомъ въ Альбано, одно изъ очаровательныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Рима, такъ богатаго ими. Но прелесть этого уголка, оканчивающаго пустынную Римскую Кампанью, уже на половину была потеряна Станкевичемъ. Онъ бьется на страдальческомъ своемъ ложѣ, томимый и желаніемъ послѣдовать за своими знакомыми въ Неаполь и невозможностію привести въ исполненіе планъ свой: онъ уже не въ состояніи писать, ѣдкая боль въ боку одолѣваетъ его, и каждый день, на нѣсколько минутъ, онъ горитъ, какъ въ огнѣ, по собственнымъ словамъ его. Тогда-то,

получивъ извѣстіе отъ Мар—ва объ опасномъ положеніи Станкевича, В. А. Д** сама покидаетъ Неаполь и неожиданно является въ Римъ (въ концѣ мая 1840).

Радостна для Станкевича была эта встрѣча и эта послѣдняя жертва дружбы! Онъ подымается съ постели и вмѣстѣ ѣдутъ они изъ Альбано въ Римъ. Тамъ Станкевичъ бросаетъ прощальный, предсмертный взглядъ на вѣчный городъ и въ трогательныхъ словахъ благодаритъ небо, еще сохранившее для него это наслажденіе: «Вчера и третьяго дня взглянули на Петра, Пантеонъ и Колизей,—и я благословилъ небо, которое хочетъ, чтобъ образъ Рима дружески покоился въ душѣ моей.... Колизей заросъ еще болѣе; зелень на немъ очаровательная, а небо, которое стало еще теплѣе, украсило его такъ, что трудно выйдти оттуда; я былъ радъ видѣть все это вмѣстѣ съ Д**. Все дѣйствуетъ на нее прямо, просто и живо....» (письмо 21 мая). Цѣлый мѣсяцъ живетъ онъ еще въ Римѣ. Надежда начинаетъ снова оживать въ его сердцѣ, успокоенномъ дружбой и тѣмъ разборчивымъ вниманіемъ, на какое способна только женщина. Планы будущихъ работъ тѣснятся въ головѣ его; нѣсколько статей уже обдуманы и совсѣмъ готовы къ изложенію, но надо сказать, что уже издавна любимою мыслію Станкевича было написать для русской публики простую, добросовѣстную «исторію философіи». Мысль эта уже не покидала его въ Римѣ, и ей посвящены были всѣ минуты уединенія и спокойствія. Она и теперь возстала, вмѣстѣ съ лучомъ надежды, живительнымъ присутствіемъ дружественнаго существа и съ прощальнымъ напутствіемъ чуднаго города, покидаемаго навсегда... Станкевичъ не потерялъ въ болѣзни своей ни одного изъ нравственныхъ основаній, на которыя опиралось его существованіе.

Затѣмъ въ началѣ іюня онъ покидаетъ Римъ, сопровождаемый В. А. Д** и однимъ изъ пріятелей, А. П. Ефремовымъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ нею. Они медленно подвигались къ Флоренціи. Послѣ многихъ измѣненій, Станкевичъ окончательно остановился на одномъ планѣ жизни— все лѣто провести у Комскаго озера, а зиму въ Ниццѣ. Во Флоренціи онъ вспоминаетъ о Вердерѣ, берлинскомъ своемъ другѣ, и какъ будто движимый какимъ-то горькимъ предчувствіемъ, спѣшитъ разсчитаться съ нимъ — заявить ему тотъ долгъ любви и благодарности, который наложилъ онъ на него въ двухлѣтнее знакомство: «Скажите ему мое почтеніе, пи-

шетъ онъ къ пріятелю, скажите, что его дружба будетъ мнѣ вѣчно свята и дорога, и что все, что̀ во мнѣ есть порядочнаго, неразрывно съ нею связано.» Благодарность къ людямъ, способствовавшимъ умственному или нравственному его развитію, была у Станкевича особеннымъ родомъ душевной потребности, обращенной точно также на учителя Острогожскаго училища, какъ и на профессора Берлинскаго университета. Тотъ же знакомый, спустя малое время, исполнялъ другое, печальное порученіе къ Вердеру — извѣщалъ его запиской о смерти Станкевича, не будучи въ состояніи лично передать извѣстія. Когда потомъ встрѣтился онъ съ Вердеромъ, и вспоминая о покойникѣ, сказалъ ему: «Въ немъ умерла и часть васъ самихъ», то слова эти едва не заставили публично зарыдать профессора. Вердеръ написалъ въ память бывшаго своего друга стихотвореніе der Tod, весьма замѣчательное, какъ говорятъ слышавшіе его, но къ сожалѣнію, намъ неизвѣстное.

Въ Флоренціи Станкевичъ нашелъ Е. П. Фролову тоже въ дурномъ состояніи: она уѣзжала въ Неаполь искать облегченія подъ его невозмутимо – яснымъ небомъ. Простившись съ ней и припомнивъ всѣ минуты свѣтлаго состоянія духа, какими надѣляло его ея общество и ея расположеніе, Станкевичъ выѣхалъ изъ Флоренціи въ Миланъ, по дорогѣ къ озеру Комо. Не доѣзжая Милана, въ сорока миляхъ отъ Генуи, въ городкѣ Нови, прославленномъ побѣдой Суворова, скончался этотъ воинъ другаго рода, по справедливому замѣчанію одного изъ знакомыхъ. Случилось это въ ночь съ 24-го на 25-е іюня. Съ вечера онъ былъ еще веселъ, рано легъ спать, чтобъ быть готовымъ къ отъѣзду на завтра; но когда А. П. Ефремовъ, утромъ 25-го числа, пришелъ будить его, онъ уже спалъ вѣчнымъ сномъ,—и неизмѣнная, благородная улыбка еще играла на лицѣ его. Тѣло Станкевича перевезли въ Россію къ роднымъ, пораженнымъ такимъ быстрымъ исходомъ болѣзни, о которой они имѣли весьма смутное понятіе, и отъ Станкевича остался на землѣ только памятникъ въ селѣ Удеревкѣ—мѣстѣ еще недавняго рожденія его.

Одному изъ его знакомыхъ мы обязаны слѣдующимъ описаніемъ наружности Станкевича. «Станкевичъ былъ болѣе нежели средняго роста, очень хорошо сложенъ; по сложенію нельзя было предполагать въ немъ расположенія къ чахоткѣ. У него были

прекрасные черные волосы, покатый лобъ, небольшіе, каріе глаза; взоръ его былъ очень ласковъ и веселъ, носъ тонкій, съ горбиной, красивый съ подвижными ноздрями; губы тоже довольно тонкія, съ рѣзко означенными углами: когда онъ улыбался, онѣ слегка кривились, но очень мало. Вообще, улыбка его была чрезвычайно привѣтлива и добродушна, хоть и насмѣшлива; руки у него были довольно большія, узловатыя, какъ у старика. Во всемъ его существѣ, въ движеніяхъ была какая-то грація и безсознательное distinction; точно онъ былъ царскій сынъ, не знавшій о своемъ происхожденіи. Одѣвался онъ просто и носилъ обыкновенно палку...»

Вотъ что писалъ Т. Н. Грановскій, между прочимъ, къ Я. М. Невѣрову, когда вѣсть о кончинѣ общаго ихъ друга пришла въ Россію: «Я еще не опомнился отъ перваго удара. Настоящее горе еще не трогало меня: боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери — только иногда сжимается сердце.

«Ты потерялъ столько же сколько и я. Тебѣ нечего говорить о немъ. Онъ унесъ съ собой что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ-быть, кромѣ меня, никто не знаетъ. Страшно подумать о его смерти. Душа отказывается вѣрить.

«Тѣло его привезено въ Россію. Дай Богъ! Мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ онъ спалъ такъ далеко отъ насъ.»

Что же породило всѣ эти глубокія, неизмѣнныя привязанности? Въ чемъ же состояла эта сила привлекательности, которою надѣленъ былъ Станкевичъ въ такой степени? Отчего, къ кому ни обращались мы за свѣдѣніями о немъ, постоянно встрѣчали одинъ восторженный отзывъ, одно и то же выраженіе любви и сочувствія? Такое общее единодушіе въ чувствѣ сопровождаетъ человѣка только тогда, когда онъ обладаетъ способностію дѣйствовать на душу, потребности которой одинаковы у всѣхъ людей. Причина повсемѣстнаго вліянія Станкевича заключается не въ талантахъ, которыхъ онъ проявить не успѣлъ, не въ познаніяхъ, хотя объемъ ихъ былъ весьма уже значителенъ, не въ умѣ, хотя глубина и проницательность его были охотно признаваемы. Качества эти, дѣйствительно, могутъ привязать къ себѣ человѣка, но

рѣдко способны оковать его воображеніе и подчинить его совѣсть. Причина полнаго, неотразимаго вліянія Станкевича заключалась въ возвышенной его природѣ, въ способности нисколько не думать о себѣ и безъ малѣйшаго признака хвастовства или гордости невольно увлекать всѣхъ за собой въ область идеала. Составитель этого біографическаго очерка не имѣлъ счастія знать лично Станкевича: поэтому въ статьѣ своей долженъ былъ ограничиться одними намеками на ту силу обаянія, которая дѣйствовала у него постоянно. Станкевичъ не дожилъ еще до многаго. Прежде всего онъ не дожилъ до заявленія своихъ началъ въ обществѣ, а сталобыть и до встрѣчи съ тупою ограниченностію, со страстію объяснять мелкими причинами всѣ духовныя стремленія человѣка, съ невѣжественнымъ скептицизмомъ и подозрительностію. Мы не знаемъ, какъ эта неизбѣжная, житейская борьба, измѣнившая и подорвавшая силы столькихъ людей, отразилась бы на его душѣ. Не слѣдуетъ также выпускать изъ вида, что множество литературныхъ вопросовъ поднято было гораздо позднѣе. Во времена Станкевича они были еще въ зародышѣ и являлись преимущественно въ видѣ понятій, отвлеченныхъ темъ, тезисовъ, на которыхъ изощрялась діалектическая способность, но которые ни къ чему не обязывали и не возлагали на человѣка никакой нравственной отвѣтственности. Мы не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи находился бы Станкевичъ ко всѣмъ предметамъ нынѣшняго умственнаго и научнаго движенія, но имѣемъ право думать, что широта пониманія— слѣдствіе того строгаго предуготовительнаго труда, которому онъ подвергъ себя — не осталась бы праздною и безполезною въ виду ихъ. Спѣшимъ прибавить, что намъ нѣтъ и никакой нужды прибѣгать къ догадкамъ, потому что и безъ нихъ мы имѣемъ въ Станкевичѣ типическое лицо, превосходно выражающее *молодость* того самаго поколѣнія, которое подняло всѣ вопросы, занимающіе нынѣ литературу и науку, которое по мѣрѣ возможности трудилось надъ ними и теперь начинаетъ сходить понемногу съ поприща, уступая мѣсто другимъ дѣятелямъ. Въ Станкевичѣ отразилась *юность* одной эпохи нашего развитія: онъ какъ-будто собралъ и совокупилъ въ себѣ лучшія нравственныя черты, благороднѣйшія стремленія и надежды своихъ товарищей. Въ немъ сошлось какъ въ центрѣ все прекрасное, которое было разсѣяно въ толпѣ окружав-

шихъ его друзей. Четверть столѣтія протекла уже съ тѣхъ поръ, какъ одно поколѣніе, посреди нашего общества, начало сознавать важность строгаго, добросовѣстнаго служенія наукѣ, необходимость нравственныхъ требованій отъ себя и отъ другихъ, общественное значеніе чистоты дѣйствій и побужденій. Въ преддверіи этой замѣчательной четверти столѣтія является свѣтлый образъ Станкевича, какъ представитель всего направленія. Судьба хотѣла, чтобъ аттрибутъ молодости былъ неразлученъ съ этимъ образомъ: передъ концомъ молодости она свела Станкевича въ могилу. Воспоминаніямъ друзей и воображенію читателей онъ уже иначе не можетъ представиться, какъ типомъ благороднаго, возвышеннаго молодаго человѣка. Такимъ, вѣроятно, найдетъ его и будущая, хорошая исторія русскаго образованія, да одна эта принадлежность нравственной его физіономіи и была первою побудительною причиной, какъ сказано въ началѣ нашего труда, къ составленію біографическаго очерка, теперь предлагаемаго публикѣ, и къ приведенію въ извѣстность всей, по возможности, переписки его съ друзьями.

П. Анненковъ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦІИ КЪ НАРОДНОМУ ТРУДУ

ВЪ АНГЛІИ (1)

Всякаго иностранца въ Англіи поражаетъ отсутствіе видимаго надзора надъ работами, не только на протяженіи всего государства, но даже въ самой его столицѣ.

Среди неимовѣрной дѣятельности, которой нельзя не удивляться, не видишь мѣръ, столь обыкновенныхъ въ другихъ странахъ западной Европы, для наблюденія за этою дѣятельностью. Трудно представить себѣ, какъ среди этого вѣчнаго движенія огромной массы рабочаго населенія все дѣйствуетъ правильно, равномѣрно, можно сказать флегматически, и ничто не обличаетъ, чтобъ эта регулярность среди такого движенія была слѣдствіемъ правительственнаго надзора. Государство здѣсь, подобно природѣ, дѣйствуетъ по установленнымъ законамъ, слѣдуетъ имъ неизмѣнно и незамѣтно. Однако слѣды этого вліянія оказываются въ тѣхъ успѣхахъ промышленности, до которыхъ Англія достигла въ послѣднее время. Трудно уловить ту правительственную пружину, которая направляетъ всѣ дѣйствія, и слѣдствія которой передъ глазами.

(1) Предлагаемая статья есть извлеченіе изъ донесенія, представленнаго г-мъ Шарлемъ Дюнойе академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ. Авторъ былъ посланъ въ Англію, по порученію академіи, изслѣдовать полицейскія мѣры, принятыя въ этомъ государствѣ, для наблюденія надъ работами, которыя во французскомъ законодательствѣ извѣстны подъ названіемъ безпокойныхъ, вредныхъ для здоровья, опасныхъ.

Общество здѣсь сгруппировалось и организовалось для совмѣстнаго дѣйствія. Ему не нужна постоянная указка, —и дѣйствительно, развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ увидишь, среди общаго движенія, какое-либо офиціяльное учрежденіе, какое-либо должностное лицо. Во Франціи, напротивъ, различныя государственныя учрежденія рѣзко выдаются посреди народнаго труда; кажется, что безъ ихъ содѣйствія и надзора никакой трудъ не возможенъ.

Чтобы болѣе выставить все различіе между надзоромъ надъ трудомъ, который такъ рѣзко отдѣляетъ континентальную Европу отъ самостоятельной дѣятельности Британцевъ, скажемъ, что съ незапамятныхъ временъ ничто не совершается въ Англіи по общимъ, единообразнымъ законамъ; въ различныхъ отрасляхъ народной производительности общественная дѣятельность отличается именно отсутствіемъ административнаго вмѣшательства, которое всюду считаютъ необходимымъ регуляторомъ различныхъ проявленій труда.

Мѣры, принимаемыя правительствомъ англійскимъ, нисколько не похожи на учрежденія, принятыя во Франціи. Нѣтъ ни того управленія департаментами и округами, ни тѣхъ мѣръ для наблюденія за обученіемъ, ни того управленія путями сообщеній, ни тѣхъ правительственныхъ учрежденій и полицейскихъ мѣръ, которыя у Французовъ часто предшествуютъ образованію какой-либо отрасли дѣятельности, какихъ-либо работъ, особенно если онѣ принадлежатъ къ классификаціи стѣснительныхъ, вредныхъ и опасныхъ.

Хотя въ Англіи, въ каждомъ графствѣ, есть лордъ-намѣстникъ, шерифъ и др., которыхъ обязанности ограничиваются слишкомъ малымъ кругомъ дѣятельности; но администраціи графствъ, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ.

Управленіе общинами не подчинено однообразнымъ правиламъ. По замѣчанію нѣмецкаго публициста, барона Финке, управленіе тамъ различно не только для каждаго графства, но и для разныхъ приходовъ одного и того же округа; часто законы управленія не имѣютъ никакой видимой связи. Нѣкоторые получили начало изъ королевскихъ хартій, другіе составились изъ парламентскихъ актовъ, иные приняты общиной по взаимному согласію жителей, иные получили начало во времена незапамятныя. Законы управленія составлялись по мѣрѣ нужды и требованій тамъ, гдѣ обстоятельства вызывали ихъ необходимость. Между разрозненными жителями рѣдки какія-либо общественныя нужды. До полнаго сліянія отдѣльныхъ семей, рѣдко является необходимость какого-либо общественнаго учрежденія. Пока не почувствуется необходимость чистоты, порядка, мощенія и освѣщенія улицъ, необходимость ночнаго дозора, нѣтъ никакой нуж-

ды въ лицахъ для исполненія общественныхъ обязанностей; да и при первоначальномъ сліяніи сельскихъ общинъ все число этихъ лицъ ограничивается коммисаромъ и мирнымъ судьей. Когда общественныя нужды почувствуются; когда жилища, дотолѣ разсѣянныя, свяжутся новыми постройками; когда селеніе займетъ достаточно большое пространство; когда строенія образуютъ улицы, переулки: тогда всѣ члены общины вступятъ между собой въ соглашеніе касательно общественныхъ нуждъ и расходовъ, необходимыхъ для покрытія ихъ. Таковъ порядокъ, ведущійся въ Англіи. Общественныя учрежденія образуются лишь по насущной необходимости населенія, которое представляетъ въ парламентъ проектъ какого-либо учрежденія. Парламентскій актъ даетъ ему законность. Какъ бы община ни образовалась, но, будучи утверждена парламентскимъ актомъ, начинаетъ дѣйствовать самостоятельно; правительство не вмѣшивается ни въ управленіе общины, ни въ дѣйствія отдѣльныхъ ея членовъ, пока ихъ дѣйствія законны и пока не возбуждаютъ справедливыхъ жалобъ въ суды.

Бо́льшая часть общественныхъ работъ, какъ бы онѣ важны и обширны ни были, предоставляется частнымъ предпринимателямъ. Предприниматели обсуживаютъ проекты, кто бы ихъ ни предложилъ, соединяютъ усилія, капиталы, и составляютъ компаніи. Парламентскимъ актомъ утверждается законность дѣйствій компаніи. Безпрерывно учреждаются новыя компаніи для всевозможныхъ цѣлей. Компаніи столь же свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и частныя лица. Онѣ имѣютъ право располагать дѣйствіями согласно ихъ взаимной выгодѣ, устанавливаютъ правила, которыя пріобрѣтаютъ силу закона, лишь бы эти правила не были противны смыслу общаго законодательства.

Правительство смотритъ на этотъ духъ предпріимчивости частныхъ обществъ и лицъ безъ страха и зависти, отклоняетъ отъ себя отвѣтственность, не устраняясь отъ участія въ производствѣ работъ, вызванныхъ общественною необходимостью и общественною дѣятельностью. Правительство уважаетъ свободу выбора дѣятельности частныхъ лицъ, одобряетъ и поддерживаетъ это взаимное согласіе и довѣренность, которыя необходимы при устройствѣ компаній. Дѣйствуя столь безкорыстно, уважая личную свободу, англійское правительство однако не можетъ избѣжать упрека за свои снисхожденія къ привилегированнымъ классамъ и корпораціямъ, сохранившимся отъ стараго порядка вещей. Оно слишкомъ снисходительно къ нимъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ являются обветшалыми и часто несправедливыми.

Двадцать лѣтъ тому назадъ существовали во 160 общинахъ Англіи разные цехи ремесленниковъ, образовавшіеся въ духѣ среднихъ вѣковъ и владѣвшіе правомъ запретительнымъ, какъ въ вѣка феодальные. Это явленіе сохранилось до сихъ поръ въ Лондонѣ, какъ единственное общинное устройство среднихъ вѣковъ. Оно существуетъ въ первоначальной формѣ, пользуется всѣми правами и ни одного изъ нихъ не потеряло.

Кромѣ этихъ цеховъ есть нѣсколько другихъ корпорацій, пользующихся особыми привилегіями и владѣющихъ какъ бы монополіею нѣкоторыхъ искусствъ и профессій, напримѣръ, общества врачей, хирурговъ и аптекарей; университеты: Оксфордскій, Кембриджскій и Дублинскій; четыре коллегіи адвокатовъ, извѣстныя въ Лондонѣ подъ именами: Lincoln's Inn, Gray's Inn, Inner Temple и Middle Temple. Всѣ эти корпораціи хотя не пользуются привилегіей обученія, однако тѣмъ не менѣе имѣютъ исключительныя права раздавать степени, и такимъ образомъ стѣсняютъ свободу весьма важныхъ профессій.

Если правительство оказываетъ слишкомъ много снисхожденія къ привилегіямъ нѣкоторыхъ старинныхъ учрежденій, то все же оно мало-по-малу уничтожаетъ нѣкоторыя изъ нихъ. Отнимая то, что̀ считало несправедливымъ, пополняя то, что̀ оказывалось недостаточнымъ для настоящаго времени въ устройствѣ городовъ и селеній, образовавшихся изстари, оно уважало ихъ независимость; оно оставило имъ тѣ ихъ права, которыя не вопіяли противъ справедливости; оно не подчинило ихъ однообразному, исключительному управленію. Упразднивъ корпораціи и цехи въ старинныхъ городскихъ судахъ, правительство не завладѣло упразднившимися мѣстами, не ввело безаппеляціонной администраціи, не ввело законовъ предупреждающихъ.

Невольно поражаетъ странность англійскаго законодательства относительно театровъ и другихъ подобныхъ зрѣлищъ, а также кабаковъ, ресторановъ и общественныхъ экипажей. Всѣ они подчинены непосредственному управленію самого государства. За этими исключеніями, предоставлена всѣмъ и каждому полная свобода труда во всѣхъ видахъ. Это право свободнаго выбора занятій приноситъ удивительные и громадные результаты.

Сближая экономическое устройство Англіи съ учрежденіями западной Европы и Франціи по преимуществу, нельзя не удивляться такому огромному различію; г. Денойе старается указать тому причину.

Исторія многаго не досказала; чрезвычайно любопытно добраться до причинъ, которыя избавили англійское законодательство отъ мѣръ предупредительныхъ, играющихъ столь важную роль въ законода-

тельствѣ континентальной Европы, мѣръ, клонящихся къ непосредственному управленію народнымъ трудомъ.

Интересно знать, какъ правительство страны, среди полной свободы труда, ограждаетъ общественный порядокъ и безопасность, которые столь важны въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, о которыхъ администрація европейская такъ заботливо печется, и которые представляютъ столь важные пункты для законодателей. Поучительно изслѣдовать, какъ правительство Англіи достигло порядка и безопасности, которые существуютъ тамъ въ различнаго рода работахъ, и которые незнающему покажутся слѣдствіемъ самой строгой и непосредственной опеки государственнаго управленія.

Несмотря на единство и видимую простоту предмета, вопросъ слишкомъ обширенъ, обнимаетъ слишкомъ много разнородныхъ второстепенныхъ вопросовъ. Нѣкоторые члены академіи Парижской выразили г–ну Денойе опасенія, что онъ можетъ растеряться среди такого обширнаго круга занятій, и предложили ему ограничиться изслѣдованіемъ мѣръ предосторожности, которыя приняты въ Англіи, въ видахъ общественнаго порядка и безопасности, надъ работами, извѣстными во французскомъ законодательствѣ подъ названіями: опасныхъ, вредныхъ для народнаго здоровья и безпокойныхъ, или стѣснительныхъ (incommodes), и сравнить въ этомъ отношеніи законодательство стараго времени съ законодательствомъ новаго.

Тѣмъ любопытнѣе удержать самыя выраженія, которыми опредѣляется порученіе, данное автору, что именно англійское законодательство не представляетъ вовсе подобнаго раздѣленія работъ.

Чтобы не выйдти изъ круга занятій, ему порученныхъ, авторъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на законы уголовные; въ нихъ надѣялся найдти указанія на работы, которыя по природѣ своей могутъ быть вредными. Тѣмъ болѣе ему было трудно не выйдти изъ положенныхъ границъ, что число такихъ работъ чрезвычайно велико. Декретомъ 14–го октября 1810 года, работы во Франціи раздѣлены на опасныя, вредныя для здоровья и безпокойныя, а потому авторъ долженъ былъ по преимуществу изслѣдовать тѣ общественныя мѣры, которыя приняты въ Англіи въ защиту общественнаго спокойствія и безопасности.

Нельзя предположить, чтобы въ Англіи менѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ, было обращено вниманія на общественную безопасность и спокойствіе; нельзя заключать этого изъ того, что въ ней предоставлена возможно-полная свобода труда, что тамъ не приняты стѣснительныя предупреждающія мѣры. Какія тамъ средства надзора? Правда ли, что Англичане стараются ввести въ законодательство мѣ-

ры, сходныя съ принятыми во Франціи? Въ какой степени ихъ мѣры удовлетворяютъ общественнымъ потребностямъ? Полагая въ основаніе свободу труда, на сколько ихъ мѣры ограждаютъ общественную безопасность? Вотъ вопросы, которые должно рѣшить по преимуществу.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ авторъ руководствовался большею частію офиціяльными свѣдѣніями, напримѣръ, парламентскими актами, различными, весьма рѣдкими источниками, а равно помощію, совѣтами и руководствомъ лицъ, занимающихъ важныя должности въ разныхъ отрасляхъ управленія.

Какъ уже упомянуто, въ англійскомъ законодательствѣ нѣтъ раздѣленія работъ на вредныя, опасныя и безпокойныя (стѣснительныя); но есть постановленія о важномъ предметѣ—вредности. Авторъ изслѣдовалъ со всею подробностью постановленія, направленныя къ удаленію вредныхъ причинъ и замѣняющія мѣры предупреждающія.

Хотя англійскіе законы рѣзко отличаются отъ французскихъ касательно надзора надъ разными отраслями промышленности, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы они не имѣли въ виду всего, что̀ можетъ нарушить общественный порядокъ и вредить общественному спокойствію. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ Англіи обращено на этотъ предметъ еще болѣе вниманія, чѣмъ во Франціи. Но правительство англійское дѣйствуетъ иначе нежели французское.

Оставлять идти своимъ порядкомъ все хорошее, полезное, препятствовать дурному, вредному — вотъ основаніе дѣйствій правительственныхъ. Нѣтъ въ мірѣ государства менѣе систематическаго, чѣмъ Англія, гдѣ каждый предметъ совершенно особенъ, гдѣ всякая мѣра обсужена со стороны пользы и вреда, которые она можетъ произвести, гдѣ не обсуживаютъ общимъ взглядомъ, гдѣ умозрѣніе уступаетъ мѣсто опыту. Одно изъ главныхъ положеній англійскаго правительства — не мѣшаться въ дѣятельность частныхъ лицъ, не брать на себя отвѣтственности за ихъ дѣйствія, не мѣшать ихъ дѣйствіямъ мѣрами предупреждающими и предусматривающими. Правительство задало себѣ: не допускать лишь дѣйствій, которыя по природѣ своей вредны; уважать свободу въ выборѣ занятій. Даже въ тѣхъ отдѣлахъ труда, которые составляютъ такой важный вопросъ во французскомъ законодательствѣ, англійское правительство положительно удерживается отяготить свободу производителей, предоставляя имъ право избранія занятій, выгоды предпріятія и отвѣтственность за вредныя дѣйствія. Это основный законъ страны.

Законъ во Франціи насчитываетъ отъ 340 до 350 родовъ производ-

ства, которымъ приписываются качества: безпокойныхъ, вредныхъ и опасныхъ; раздѣляетъ ихъ такимъ образомъ на три класса, смотря по большему или меньшему вреду, который въ нихъ предполагается. Всякій предприниматель какого-либо рода производства обязанъ подвергнуться нѣкоторымъ необходимымъ формальностямъ, и до тѣхъ поръ не имѣетъ права заняться производствомъ чего-либо, пока не получитъ предварительнаго утвержденія.

Ничего сходнаго съ этими постановленіями нѣтъ въ Англіи. Предпринимателю здѣсь нѣтъ необходимости подвергаться стѣснительнымъ бюрократическимъ изслѣдованіямъ. Нѣтъ запрещенія предпринимать что-либо безъ особаго разрѣшенія. Законъ въ Англіи постановилъ себѣ иную задачу. Онъ, уважая свободу частнаго лица, не стѣсняетъ предпринимателя въ выборѣ рода занятій, лишь ставитъ ему въ обязанность не вредить другимъ. *Sic utere tuo ut alienum non laedas,* говорятъ англійскіе юристы:—употребляйте ваши силы и капиталы, пользуйтесь вашими способностями, лишь не вредите другимъ. Законъ проводитъ этотъ принципъ всюду въ приложеніяхъ (New Commentaries of the law of England, partly founded on Blackstone; by Henri John Stephen, vol III. Book V. chap. VIII p. 493, and passim; London, 1853). Признавая дѣйствія вредоносными для другихъ, законъ англійскій столь же строгъ въ своихъ постановленіяхъ, какъ и французскій. Вредъ, который касается болѣе или менѣе всѣхъ, отличается отъ того вреда, который касается частнаго лица; и какъ тотъ, такъ и другой строго возбранены закономъ.

Англійскіе юристы, Блакстонъ и Стефенъ, указываютъ много примѣровъ, изъ которыхъ можно заключить, что законъ возбраняетъ многія дѣйствія, которыя могли бы служить поводомъ къ безпорядкамъ и могли бы производить вредныя слѣдствія, какъ для цѣлаго общества, такъ и для отдѣльныхъ лицъ. Такъ, имѣя въ виду могущіе произойдти вредъ и безпокойство, законъ возбраняетъ: устройство свиныхъ хлѣвовъ, заведенія для топки сала, приготовленія сальныхъ свѣчъ, кожевенныхъ заводовъ и другихъ подобныхъ заведеній въ сосѣдствѣ обитаемыхъ домовъ. Достаточно того уже, что распространяемый ими дурной запахъ вредитъ здоровью, непріятно дѣйствуя на чувства. Какъ бы производство полезно ни было, оно не допускается тамъ, гдѣ можетъ причинить безпокойство и вредъ. Такъ въ сосѣдствѣ обработанныхъ полей возбраняются заводы металлургическіе, химическіе, которые распространяютъ газы, вредные для засѣянныхъ полей и для дыханія животныхъ; возбраняется устройство внутри города складовъ легко воспламеняема-

го вещества, или заведеній опасныхъ, напримѣръ лабораторій, потѣшныхъ огней и т. п.

Въ дополнительныхъ актахъ, парламентъ не только перечисляетъ всѣ дѣйствія, которыя могутъ быть вредными для общественнаго спокойствія и благосостоянія, но обращаетъ вниманіе и на такія дѣйствія, хотя въ сущности безвредныя, которыя, вслѣдствіе неосторожности, нерадѣнія, безпечности, могутъ стать причиною какого-либо безпокойства или вреда для общества.

Актъ о постройкахъ въ Лондонѣ и его окрестностяхъ (the Metropolitan Buildings Act), въ 1844 году, подчинилъ возведеніе зданій новымъ правиламъ. Параграфомъ 54-мъ запрещено устройство зданій на разстояніи не менѣе 50 фут. отъ заведенія, которое можетъ легко взлетѣть на воздухъ, напримѣръ, отъ пороховаго завода, фабрики ударнаго пороха, фейерверочнаго заведенія; или отъ такого, которое можетъ мгновенно угрожать пожаромъ, напримѣръ, отъ завода сѣрной кислоты, лаку, смолы, скипидару и другихъ подобныхъ производствъ. Строителямъ же подобныхъ заведеній запрещается устройство ихъ въ разстояніи меньшемъ 50 футовъ отъ всякаго строенія и даже отъ всякаго пустопорожняго мѣста, не принадлежащаго строителю (актъ 9-го авг. 1844 г. парагр. 54 и 55). Сверхъ того, приняты мѣры противъ устройства заведеній, которыя могутъ вредно дѣйствовать на здоровье. Такія заведенія могутъ находиться на разстояніи не менѣе 50 футовъ отъ всякой постройки и не менѣе 40 ф. отъ всякаго общественнаго пути.

Въ замѣчательномъ актѣ, изданномъ въ видахъ общественнаго здоровья (the Public Health Act), указаны мѣры противъ заведеній, вредныхъ въ этомъ отношеніи; въ немъ же дополнены мѣры противъ боенъ скота (см. парагр. 61 и 64 этого акта).

Во время пребыванія г-на Денойе въ Лондонѣ, въ августѣ 1853 г., по убѣдительнымъ представленіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, парламентъ утвердилъ распоряженіе объ удаленіи изъ столицы всѣхъ заведеній, дѣйствующихъ паромъ; о принужденіи хозяевъ пароходовъ, плавающихъ по Темзѣ отъ Лондонскаго моста до Ричмонда, устроить дымовыя трубы такимъ образомъ, чтобы дымъ не выходилъ наружу. Вырываясь изъ трубъ въ видѣ густаго облака, дымъ осаждалъ тонкую, черную пыль, которая разносилась въ воздухѣ и садилась на зданія и людей. Долго терпѣли такія неудобства, долго снисходили къ нимъ изъ уваженія къ тѣмъ успѣхамъ промышленности, которыя были слѣдствіемъ пароходства; но лишь нашли въ лучшемъ устройствѣ машинъ возможность поглощенія дыма, какъ всѣ эти неудобства сдѣлались невыносимыми.

За годъ до изданія акта 1-го іюля 1852, парламентъ принялъ мѣры противъ важнаго злоупотребленія — погребеній внутри Лондона. Актъ можетъ показаться нѣсколько слабымъ; но парламентъ, изъ уваженія къ обычаямъ (въ настоящемъ случаѣ, конечно, излишняго), не возсталъ противъ злоупотребленія со всею силою и правомъ, которое онъ имѣетъ. Вскорѣ этотъ прискорбный обычай сдѣлался предметомъ общаго неудовольствія (1).

Изъ статей, приведенныхъ выше, особенно двѣ, 13-го іюля 1849 г. и 7-го августа 1851, постановили обязательнымъ для паровыхъ судовъ и преимущественно тѣхъ, которыя назначены для перевозки переселенцевъ изъ Англіи, цѣлый рядъ предосторожностей, важныхъ для безопасности и здоровья путешественниковъ, — предосторожностей, которыми пренебрегали часто изъ безпечности самой непростительной и по излишней отважности (2).

Другими актами, и особенно актомъ 14-го августа 1850 г. (3), парламентъ выразилъ желаніе, чтобы внутри минъ и угольныхъ копей, при веденіи работъ, при употребленіи машинъ, въ способѣ освѣщенія, освѣженіи воздуха, преимущественно въ проведеніи свѣта, — ничего не было оставлено безъ вниманія такого, что̀ могло бы повлечь за собою какую-либо опасность для работниковъ: онъ объявилъ, что сочтетъ неисполненіе всѣхъ указанныхъ предостереженій за непростительную безпечность и невниманіе. И здѣсь опять видна то осторожность, то даже нѣкоторое послабленіе, которыя можно замѣтить во всѣхъ постановленіяхъ парламента относительно частныхъ работъ и предпріятій.

Можно было бы перечислить бездну статей подобнаго рода, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ въ Англіи.

Ни въ одномъ изъ предписаній парламентъ не пошелъ такъ далеко въ запрещеніяхъ и указаніяхъ, какъ въ двухъ актахъ: the Metropolitan Buildings и the Public Health Act. Первымъ изъ нихъ, рѣшительно запрещается устройство улицъ въ Лондонѣ, шириною менѣе сорока футовъ; далѣе—постановлено, чтобы высота домовъ была пропорціональна широтѣ улицъ и не превышала ихъ; воспрещается возведеніе большаго числа этажей въ домахъ, и чтобы комнаты не были слишкомъ низки; требуется, чтобы всякая часть строенія имѣла непре-

(1) Актъ подъ названіемъ: An act to amend the laws concerning the burial of the dead in the metropolis. (July 1852.)

(2) См. двѣ статьи: An Act to consolidate and amend the laws relating to the regulation of steam navigation etc..., и An Act for regulating the carriage of passengers in merchant vessels.

(3) An Act for inspection of coal mines in Great Britain, 14-го августа 1850 г.

мѣнно сообщеніе съ наружнымъ воздухомъ, то-есть выходила на улицу, или по крайней мѣрѣ на внутренній дворъ, который бы заключалъ въ себѣ не менѣе 100 квадр. фут. Кромѣ этихъ главныхъ условій, актомъ требуется отъ домовладѣльца: устройство дождевыхъ трубъ, чтобы дождь, капая прямо съ крышъ, не обдавалъ проходящихъ и не лился съ крышъ прямо на улицу; при устройствѣ нижняго этажа дѣлать сообщеніе съ общимъ стокомъ, для предохраненія внутренности отъ сырости и скопленія дождевой воды и всякихъ домашнихъ нечистотъ; всѣ части постройки должны быть расположены такъ, чтобы жильцы не терпѣли никакого безпокойства. Запрещается какъ наемъ, такъ и отдача въ наемъ такихъ покоевъ, гдѣ можетъ скопляться большое количество тѣхъ несчастныхъ человѣческихъ созданій, которыя тѣснятся въ душныхъ, часто вредныхъ здоровью помѣщеніяхъ (1). На это обстоятельство въ актѣ обращено по преимуществу вниманіе, и неисполненіе домовладѣльцемъ послѣдней статьи считается наравнѣ съ продажею вредныхъ, нездоровыхъ, лежалыхъ продуктовъ перваго потребленія.

Другой актъ о народномъ здравіи (the Public Health Act), составленный для Англіи и Вельза (Валлиса), также предписываетъ много мѣръ и ставитъ много запрещеній. Хотя этотъ актъ приложимъ для всей Англіи, но не вездѣ имѣетъ свое дѣйствіе. Онъ исполняется только тамъ, гдѣ чувствуется въ немъ необходимость, гдѣ приведенія его въ дѣйствіе требуетъ десятая часть жителей, платящихъ подать въ пользу бѣдныхъ, или тамъ, гдѣ ежегодная цифра смертности равняется 33 изъ 1000 жителей. Въ актѣ перечислены всѣ дѣйствія, которыя считаются необходимыми, и дѣйствія вредныя, которыхъ каждый долженъ стараться избѣгать. Всякій домохозяинъ обязанъ обратить особенное вниманіе на способъ очищенія своего дома. Дождевыя воды, всякія нечистоты, оставшіяся отъ домашняго хозяйства, должны соединяться съ общимъ стокомъ всего квартала; безъ соблюденія этого условія никому не позволяется ни поправить своего дома, ни выстроить новый; не дозволяется стройка или перестройка и тогда, когда при ней не предполагается устройства закрытаго мѣста для высыпки золы и всякихъ нечистотъ. Не дозволяется оставлять скопившуюся воду по близости жилищъ, ни оставлять открытыми мѣстъ, распространяющихъ удушливое зловоніе, ни содержать сви-

(1) Интересны свѣдѣнія о частной благотворительности касательно того же предмета. Любопытные могутъ узнать объ этомъ дѣлѣ изъ статьи: Благотворительныя учрежденія въ Лондонѣ, въ «Московск. Вѣдомостяхъ» 1856 г. № 44, 47 и 50.

ней. Запрещается допускать переполненіе помойныхъ ямъ до того, чтобы нечистоты могли залить часть двора или течь свободно; и вообще запрещается держать домъ въ такой нечистотѣ, которая можетъ породить опасную эпидемію.

Все, что̀ касается содержанія и устройства частныхъ домовъ, еще болѣе обязательно для зданій общественныхъ и для цѣлыхъ кварталовъ. Весь кварталъ долженъ участвовать въ устройствѣ мостовыхъ, чищеніи, починкѣ ихъ, въ освѣщеніи улицъ. Въ кварталѣ должно быть отведено мѣсто для сбора всего, что̀ найдется на улицѣ или выкинуто туда кѣмъ-либо какъ негодное; должны быть устроены мѣста для общественныхъ нуждъ, удобные и приличные ватерклозеты; все касающееся дренажа должно быть содержимо въ порядкѣ. Кромѣ этихъ обязанностей, касающихся чистоты и опрятности улицъ и водостоковъ, кварталъ заботится о проведеніи здоровой и свѣжей воды. О нѣкоторыхъ недостаткахъ акта объ общественномъ здравіи (the Public Health Act) будетъ упомянуто въ послѣдствіи.

Особенность англійскаго законодательства, какъ уже прежде было сказано, состоитъ въ уваженіи права и законности интереса каждаго лица. Законъ не становится на мѣсто дѣйствователя, онъ не считаетъ себя обязаннымъ думать, желать и дѣйствовать за частное лицо. Законъ старается лишь ясно опредѣлить дѣйствія и упущенія, которыя могли бы нанести вредъ; въ случаѣ же нарушенія указаній и происшедшаго отъ того вреда обществу или частному лицу, виновный подвергается всей строгости наказаній, въ законѣ постановленныхъ. Затѣмъ, ничего не запрещая, законъ предоставляетъ всѣмъ и каждому дѣйствовать по своему усмотрѣнію на страхъ и рискъ.

Актъ о столичныхъ постройкахъ, какъ мы уже видѣли, заходитъ въ своихъ требованіяхъ и запрещеніяхъ слишкомъ далеко; на самомъ же дѣлѣ онъ ограничивается лишь указаніемъ того, что̀ было прежде забыто, оставлено безъ вниманія, упущено изъ вида, но что̀ можетъ повести за собою вредъ для общества и что̀ поистинѣ заслуживаетъ порицанія; тѣмъ дѣло и оканчивается.

Не таковы учрежденія во Франціи. По 4-й и 5-й статьямъ декрета, 26-го марта 1852 г., всякій строитель дома, до приступленія къ работамъ, обязанъ представить планы и вертикальные разрѣзы предполагаемыхъ построекъ, и по полученіи отъ администраціи разрѣшенія, долженъ подчиниться всѣмъ предписаніямъ, какія ему будутъ даны въ видахъ общественной безопасности и безвредности (de la sûreté public et de la salubrité). Вотъ основное правило, — и оно всеобщее. Можно привести сотни примѣровъ. Главное дѣло — получить разрѣшеніе отъ администраціи и до ея утвержденія не

смѣть начинать работы; а между тѣмъ, во многихъ случаяхъ, законодательствомъ упущено изъ виду даже простое перечисленіе дѣйствій поистинѣ вредныхъ.

Если предполагаемая постройка зданія относится къ первой категоріи, то должно подать просьбу префекту; наряжается коммисія для изслѣдованія удобствъ и неудобствъ (de commodo et incommodo). Если есть какое-либо сомнѣніе, коммиссія представляетъ просьбу въ совѣтъ префектуры; отсюда дѣло подлежитъ разсмотрѣнію государственнаго совѣта, который издаетъ декретъ или выдаетъ предписаніе, которымъ утверждается или не утверждается просимое.

Для зданій второй категоріи, прошеніе подается подпрефекту; тотъ обращается къ меру того мѣста, гдѣ предполагается постройка, поручая ему на мѣстѣ изслѣдованіе. Меръ кладетъ резолюцію, которая идетъ на разрѣшеніе къ префекту. Въ случаѣ сомнѣнія, вопросъ окончательно рѣшается совѣтомъ префектуры безъ представленія государственному совѣту.

Для зданій третьей категоріи, прошеніе подается меру; предварительно просьба разсматривается мѣстною полиціей, меръ даетъ рѣшеніе; въ случаѣ сомнѣнія, дѣло окончательно рѣшается подпрефектомъ.

Какъ ни хороши всѣ эти правительственныя мѣста и чиновники, замѣчаетъ г. Денойе, можно бы однако пожелать, чтобы они менѣе вмѣшивались въ дѣйствія частныхъ лицъ. Нелучше ли было бы опредѣлить въ законѣ всѣ вредныя дѣйствія, которыхъ каждый долженъ остерегаться, за которыми слѣдуютъ наказанія, и которыя должны считаться предосудительными для всѣхъ и каждаго безъ исключенія;—устроить наблюденіе, чтобы никто не преступалъ постановленныхъ правилъ; — постановить судей и суды для рѣшенія этихъ дѣлъ; и наконецъ принять мѣры для исполненія судебныхъ рѣшеній?

Разсмотримъ теперь тѣ мѣры, принятыя въ англійскомъ законодательствѣ, которыя обезпечиваютъ успѣхъ предписаній и запрещеній, тотъ надзоръ, который установленъ для наблюденія за исполненіемъ постановленій, и ту власть судей, которая караетъ отступленія отъ постановленій. Обо всемъ этомъ упоминается въ каждомъ парламентскомъ актѣ; и эта часть актовъ представляетъ трудъ, исполненный съ возможнымъ совершенствомъ и удивительнымъ тщаніемъ.

Что̀ касается до работъ вредныхъ, безпокойныхъ и опасныхъ, составляющихъ во французскомъ законодательствѣ особую спеціяльность, то для устраненія зла англійское законодательство предста-

вляетъ три пути. 1) Можно требовать отъ хозяина предпріятія вознагражденія за вредъ и убытки. Этимъ взысканіемъ не отнимается у хозяина право продолжать предпріятіе. Блакстонъ и Стефенъ дѣлаютъ при этомъ слѣдующее замѣчаніе: если хозяинъ и затѣмъ будетъ продолжать вредить сосѣдямъ или обществу, то судья въ новомъ рѣшеніи предпишетъ ему сдѣлать необходимыя въ заведеніи исправленія, для удаленія причинъ вредящихъ. 2) Если предпріятіе представляетъ особенную важность, то можно воспользоваться правомъ защиты, которое англійскіе юристы выражаютъ: *the abatement or remoral of nuisances*, право отвратить что̀ вредитъ,—и гражданскимъ и уголовнымъ судомъ преслѣдовать заведеніе, причиняющее вредъ. 3) Наконецъ можно просить судъ о воспрещеніи какого-либо производства или предпріятія, даже прежде, чѣмъ оно приведется въ исполненіе, если оно по свойству своему можетъ быть вреднымъ для общества. Здѣсь участіе суда иное чѣмъ мѣры, принимаемыя во французскомъ законодательствѣ. Судъ не мѣшается въ дѣла предпринимателя, пока не обращаются къ нему съ жалобами. Онъ употребляетъ свою власть лишь для того, чтобы кончить распрю. Предприниматель не обязанъ искать утвержденія какого-либо правительственнаго мѣста своему начинанію; никто не можетъ его принудить, безъ суда, прекратить начатое предпріятіе. Право, которое имѣетъ всякій принести въ судъ жалобу, нисколько не стѣсняетъ предпринимателя; онъ воленъ продолжать предпріятіе на свой рискъ и страхъ;—и лишь судъ можетъ остановить или прекратить производство, если доказательства ясны, что оно вредно.

Авторъ разказываетъ, что самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ мало безпокойства внушаетъ безграничное право, дарованное всякому, подавать въ судъ жалобы на предпринимателя. Одна очень богатая компанія пользовалась исключительнымъ правомъ освѣщенія Шеффильда. Озабоченная тѣмъ, что нѣкоторыя лица города составили общество и вступили съ ней въ конкурренцію, къ явной пользѣ и выгодѣ жителей, она вызвала ихъ къ суду и требовала запрещенія ихъ работъ, основывая жалобу на томъ, что проведеніемъ трубъ новая компанія портитъ дороги и мостовыя. Судъ два раза изслѣдовалъ дѣло, и, не находя обвиненій достаточными, отвергъ жалобу

Въ сущности, если можно сдѣлать укоризну Англичанамъ, такъ не въ правѣ искать суда для отвращенія дѣйствій вредныхъ всему обществу или какой-либо части его, а въ томъ, что это право не опредѣлено точнымъ образомъ.

Разбирая нѣкоторые парламентскіе акты, авторъ имѣлъ возможность

замѣтить излишнее иногда снисхожденіе англійскаго законодательства къ уставамъ и учрежденіямъ старины и къ нѣкоторымъ обычаямъ, вкоренившимся въ обществѣ. Это послабленіе и снисхожденіе заслуживаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ порицанія; — и самые жаркіе поклонники англійскихъ учрежденій должны согласиться, что далеко не всѣ положенія англійскаго законодательства безукоризненны. Начнемъ съ различныхъ корпорацій и другихъ привилегированныхъ обществъ; изъ нихъ о нѣкоторыхъ мы уже имѣли случай упомянуть. Такъ въ Лондонѣ существуетъ рядъ предпріятій, профессій и промышленныхъ производствъ, исключительно предоставленныхъ извѣстнымъ обществамъ; такихъ насчитываютъ свыше восьмидесяти девяти. Всѣ эти корпораціи и привилегированныя общества, пользуясь своими привилегіями, не подчинены никакому полицейскому надзору, управляются уставами, составленными во времена незапамятныя. Статутъ, изданный при Вильгельмѣ IV, уничтожилъ корпораціи повсюду, кромѣ Лондона съ его округомъ; — и въ Лондонѣ всѣ эти корпораціи по прежнему лежатъ тяжелымъ бременемъ на всемъ обществѣ. Никто не можетъ заняться какою-либо отраслью дѣятельности, если она считается принадлежащею исключительно какой-либо корпораціи. За право заниматься какимъ-либо производствомъ, вносится въ привилегированное общество не менѣе тридцати фунт. ст., какъ бы это дѣло ни было незначительно. Пошлина эта возрастаетъ въ иныхъ случаяхъ до ста фунт. и должна быть вносима ежегодно. Всѣ эти привилегіи корпорацій тяжки и стѣснительны для обществъ (1).

Рядомъ съ корпораціями торговыми стоитъ корпорація муниципальная Лондонскаго Города (Сити). Въ ней, какъ главной защитницѣ привилегій средневѣковыхъ, скрыты всѣ остальныя. Она имѣетъ, въ свою очередь, монополію должностей; она разсадникъ зла и безпорядковъ, которые были обнаружены слѣдственною коммиссіею. Лю-

(1) См. любопытныя брошюры Гиксона: The Corporation of London City and municipal reforme; другая: The apologist of City administration; третья: City Administration. Всѣ три извлечены изъ «Вестминстерскаго Обозрѣнія», первое изъ книжки майской 1843 года, второе изъ іюньской 1844, третье—мартовской 1845 года. Извѣстія эти, чрезвычайно любопытныя, получены изъ изслѣдованій, которыя предприняло правительство въ 1835 году, касательно администраціи и управленія Сити, и выяснились изъ горячей полемики, поднятой журналами и газетами. Брошюры эти проливаютъ новый свѣтъ на извѣстія, почерпнутыя изъ офиціяльныхъ изслѣдованій, и обратили вниманіе на финансовое управленіе средневѣковыхъ корпорацій, то-есть на ту сторону изслѣдованій, которая была оставлена въ тѣни.

бопытныя статьи «Вестминстерскаго Обозрѣнія» даютъ многія подробности объ этомъ средневѣковомъ учрежденіи, указываютъ элементы, изъ которыхъ оно сложилось, тѣ акты, которые его возобновляли или поддерживали. Въ нихъ найдете единственный по странности примѣръ судебнаго засѣданія, въ которомъ судья для рѣшенія дѣла былъ выпущенъ на то время изъ заключенія, гдѣ содержался за долги; судья, самъ окруженный тюремною стражей, производитъ судъ! странность непостижимая, но таково право его, дарованное ему привилегіей. Найдете постановленія религіозныя и слѣдствіе ихъ — устройство 112 приходовъ для 125 тысячъ человѣкъ. Приходы имѣютъ своихъ должностныхъ лицъ, стряпчихъ, казначеевъ, лордъ-мера. Всѣ эти лица получаютъ содержаніе. Чтобы судить о расходахъ на содержаніе управленія, скажемъ, что ихъ лордъ-меръ получаетъ содержанія болѣе, чѣмъ первый министръ Англіи; на содержаніе своего дома онъ тратитъ ежегодно 20 тысячъ фунтовъ, около 120 т. р. сер. Все же управленіе приходами стоитъ ежегодно 900 тыс. фун., около $5^1/_2$ мил. р. сер. Всѣ эти траты пополняются сборами, податями, и содержатъ управленіе безспорно худшее, чѣмъ въ другихъ частяхъ столицы.

Кромѣ муниципальной корпораціи, многочисленныхъ привилегированныхъ обществъ, промышленныхъ и торговыхъ, существуютъ и другія корпораціи, о которыхъ уже было сказано прежде. Онѣ не имѣютъ такого мѣстнаго характера, какъ другія корпораціи, существуютъ во всей Англіи и подчинены нѣкоторому полицейскому надсмотру. Ихъ четыре: сословіе адвокатовъ, докторовъ, хирурговъ и аптекарей (pharmaceutical chemists). Трудно полагать, чтобы эти сословія были необходимы въ качествѣ привилегированныхъ корпорацій. Такая исключительность права на извѣстную профессію едва ли законна. Постараюсь далѣе, говоритъ авторъ, доказать это положеніе. Привилегія, данная этимъ сословіямъ, главнѣйше состоитъ въ томъ, что они имѣютъ право допускать кого-либо исправлять профессію лишь тогда, когда найдутъ его способнымъ по свидѣтельству экзаменаторовъ изъ среды того же сословія. На этотъ предметъ издано нѣсколько актовъ разныхъ временъ, разныхъ эпохъ, а для сословій хирурговъ и аптекарей еще очень недавно изданы акты, которыми сословіе хирурговъ преобразовывается въ королевскую коллегію хирурговъ, а сословіе аптекарей въ Великобританское фармацевтическое общество (1).

---

(1) Stephen: New Commentaries of the Laws of Engl. t. III, l. IV. chap. XII. Актъ, которымъ переименовывается сословіе хирурговъ въ кор. коллегію хирур.

Акты, изданные для трехъ медицинскихъ профессій: медиковъ, хирурговъ и аптекарей, опредѣляютъ тѣ требованія, которыя долженъ исполнить желающій поступить въ одну изъ этихъ корпорацій; постановляютъ запрещеніе исполнять одну изъ означенныхъ профессій безъ предварительнаго испытанія коммиссіей, составленной изъ членовъ той корпораціи, которой профессію кто-либо желаетъ исполнять; наконецъ налагаютъ штрафъ въ нѣсколько фунт. стерл. за неисполненіе указаній, предписываемыхъ извѣстною корпораціей. Тѣмъ и оканчиваются постановленія. На сколько они недостаточны, увидимъ при дальнѣйшемъ разборѣ корпорацій. Что же касается до постановленій о поступающихъ въ корпорацію адвокатовъ, то акты буквально ограничиваются требованіемъ, чтобы ищущій званія адвоката вписался у barrister или serjeant ad law одной изъ четырехъ адвокатскихъ коллегій въ Лондонѣ: въ Lincoln's или Gray's Inn, въ Inner или Middle Temple. Далѣе, по уставамъ этихъ коллегій, если ищущій званія кончилъ курсъ наукъ въ университетѣ и получилъ ученую степень, то подвергается испытанію въ продолженіи трехъ лѣтъ, если же степени не имѣетъ,—то пяти лѣтъ; ежегодно долженъ платить патрону 100 фунт. и при вступленіи въ должность вноситъ столько же; изъ этого часть поступаетъ въ казначейство, а другая часть поступаетъ въ распоряженіе той коллегіи, въ которой ищущій званія подвергался испытанію. Въ теченіи не менѣе трехъ лѣтъ онъ обязанъ жить общею жизнію коллегіи и разъ въ мѣсяцъ непремѣнно обѣдать въ сообществѣ товарищей по профессіи.

Несмотря на эту своеобразность постановленій, въ нихъ найдется много заслуживающаго одобренія и уваженія; конечно, три дюжины обѣдовъ въ сообществѣ людей одной профессіи далеко не могутъ служить доказательствомъ и ручательствомъ въ способности испытуемаго, тѣмъ болѣе, что на этихъ братскихъ обѣдахъ не всегда существуетъ полное взаимное довѣріе, которое можно предполагать при такомъ устройствѣ общества; но самое положеніе коллегій въ центрѣ судебной администраціи, въ центрѣ самаго люднаго населенія города, ежедневные примѣры исполненія обязанностей, самыя средства для образованія, напримѣръ, библіотеки, прекрасно составленныя, все это должно много помогать для образованія хорошаго адвоката, и мы найдемъ много примѣровъ знаменитыхъ адвокатовъ, получившихъ въ коллегіяхъ истинное направленіе и самыя точныя свѣдѣнія.

говъ, изданъ въ шестой годъ царствованія Викторіи; акта о сословіи аптекарей (An act for regulating of pharmaceutical chemists 30-го іюня 1852 г.), у Стефена въ его комментаріяхъ нѣтъ.

Тотъ экзаменъ, то испытаніе, которому подвергаютъ ищущаго званія доктора, хирурга или аптекаря, далеко не представляетъ ручательства въ знаніи и способностяхъ испытуемаго. Интересъ коллегіи состоитъ въ ограниченіи числа ищущихъ званія и въ томъ, чтобы не допустить къ полученію званія того, который по способностямъ и знаніямъ могъ бы скоро пріобрѣсти извѣстность и такимъ образомъ сдѣлаться соперникомъ тѣхъ, которые удостоили его званія; напротивъ, можно предположить, что допустятъ того, который не только былъ бы имъ, какъ говорится, по плечу, но ни какъ не могъ бы съ ними соперничать. Такимъ образомъ легко можетъ случиться, что будетъ удостоенъ человѣкъ, не вполнѣ удовлетворяющій своему трудному званію; это опасно тѣмъ болѣе, что профессіи медицинскія требуютъ наиболѣе опытности и знанія; а допущеніе людей мало свѣдущихъ и еще менѣе опытныхъ можетъ повлечь печальныя послѣдствія.

Несмотря на запрещенія исполнять медицинскія профессіи безъ одобренія одной изъ медицинскихъ корпорацій, въ самомъ Лондонѣ нерѣдки случаи докторовъ-самозванцевъ. Ни присяжные, ни общество медиковъ не преслѣдуютъ строго этихъ контрабандныхъ лѣкарей; медики не хотятъ унижать себя публичнымъ оспариваніемъ правъ этихъ выходцевъ. Вотъ примѣръ, который, по словамъ автора, случился за нѣсколько дней до его пріѣзда въ Лондонъ. По поводу публикаціи какого-то господина о необыкновенномъ специфическомъ лѣкарствѣ, имъ открытомъ, и необыкновенно удачномъ лѣченіи имъ болѣзней, одинъ честный, почтенный и заслуженный докторъ написалъ противъ него статью въ одномъ изъ журналовъ, въ которой называлъ его шарлатаномъ, и совѣтовалъ публикѣ не довѣрять ни его искусству, ни лѣкарству. Господинъ этотъ затѣялъ процессъ, обвиняя доктора въ клеветѣ. Въ судѣ докторъ повторилъ все имъ написанное и обвинялъ его въ томъ, что тотъ исполняетъ профессію доктора, не имѣя надлежащаго дозволенія. Судья, не находя возможности ни оправдать доктора, ни предоставить жалующемуся серіознаго вознагражденія, удовольствовался приговоромъ виновнаго въ бранномъ печатномъ объявленіи къ уплатѣ нѣсколькихъ копѣекъ, не рѣшивъ впрочемъ, виновенъ ли жалующійся въ присвоеніи званія доктора безъ утвержденія медицинской коллегіи.

Въ очень недавнее время предположено при каждой изъ четырехъ коллегій адвокатовъ (inns), учредить нѣсколько родовъ судилищъ и положить непремѣннымъ правиломъ, для всякаго ищущаго званія адвоката, посѣщать правильно и регулярно два изъ учреждаемыхъ судовъ при той коллегіи, въ которой онъ состоитъ, или выдержать публичный экзаменъ; отъ этихъ условій не свободны даже и тѣ, которые выдержали трехлѣтнее или пятилѣтнее испытаніе.

Есть еще сословія, которыя хотя не пользуются правами корпораціи, но которыя находятся подъ особенною защитою и опекою правительства; это — содержатели кабаковъ, содержатели домовъ для пріѣзжихъ, кондукторы общественныхъ каретъ, директоры театровъ и другихъ мѣстъ публичныхъ увеселеній.

Въ послѣднее время наиболѣе замѣтно нѣкоторое отклоненіе англійскаго законодательства отъ своего кореннаго начала, замѣтно по временамъ сближеніе административныхъ дѣйствій съ дѣйствіями администраціи французской и вообще континентальной Европы. Нельзя отрицать этого, когда передъ глазами законъ, постановляющій часы работъ на фабрикахъ, запрещающій употреблять женщинъ для работъ въ рудникахъ, предписывающій приведеніе въ исполненіе акта о народномъ здравіи (the Public Health Act) тамъ, гдѣ процентъ ежегодной смертности въ городахъ составляетъ 3,3%, и т. п. Но всѣ эти постановленія, хотя и вынужденныя обстоятельствами, кажутся въ Англіи стѣснительными: такъ силенъ въ этой странѣ духъ самоуправленія.

Въ тотъ моментъ, когда многія изъ нововведенныхъ постановленій были утверждены, существовало много зла; рабочее сословіе терпѣло много притѣсненій отъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Для общей пользы надо было зло уничтожить. Можетъ-быть впрочемъ было бы гораздо вѣрнѣе, на основаніи коренныхъ правилъ, указать всѣ дѣйствія вредныя, дурныя, и виновныхъ подвергать наказаніямъ и взысканіямъ. Выгоды, какъ хозяевъ, такъ и работниковъ, разъяснили бы дѣйствія стѣснительныя и вредныя.

Введеніе машинъ было истиннымъ благодѣяніемъ какъ для промышленности, такъ и для рабочихъ классовъ; открылся рядъ работъ чрезвычайно легкихъ и удобоисполнимыхъ для дѣтей. Дѣти были допущены на фабрики и перестали обременять свои семейства; тамъ они постепенно привыкали трудиться, получали предварительныя понятія о работахъ. Родители, сами работавшіе на фабрикахъ, могли изъ дѣтскаго труда извлекать нѣкоторую пользу и найдти въ немъ помощь для себя. Конечно, не могло обойдтись безъ злоупотребленій; отцы семействъ могли злоупотреблять властью своею, заставляя дѣтей работать черезъ силу; фабриканты — заставлять работать дѣтей и женщинъ сверхъ времени, неотяготительнаго для нихъ; могли поступать съ ними жестоко, пользуясь ихъ беззащитнымъ положеніемъ и т. д. Противники машинъ не преминули пересчитать всѣ недостатки и злоупотребленія, которые были слѣдствіемъ

ихъ введенія; представляли рабочій классъ, а изъ него особенно женщинъ и дѣтей, существами угнетенными, замученными. Едва ли это зло было столь велико и страшно, какъ его хотѣли представить. До введенія машинъ положеніе женщинъ и дѣтей едва ли было лучше. Фактически доказано, что введеніемъ машинъ въ производство, судьба рабочаго класса улучшилась. Невозможно отвергать, чтобы не было злоупотребленій, особенно въ первое время по введеніи машинъ. Указаніемъ этихъ вредныхъ поступковъ, перечисленіемъ всѣхъ вредныхъ дѣйствій, страхомъ наказаній и взысканій можно было остановить и даже прекратить зло. Законодательство не остановилось на этихъ мѣрахъ. Постановлены правила, запрещающія употребленіе дѣтей и женщинъ для работъ при машинахъ. Правила введены всюду однообразныя; не обратили вниманія на возрастъ и состояніе, на то, что женщины извѣстныхъ лѣтъ имѣютъ право располагать сами собой. Правила не допускали ограниченій и исключеній.

Замѣчательны послѣдніе законы, изданные о работахъ въ рудникахъ и каменоугольныхъ копяхъ. Нельзя отрицать, чтобы въ работахъ этого рода не было и злоупотребленій, и упущеній различнаго рода. Было много дѣйствій, заслуживавшихъ полнаго осужденія; было много поступковъ жестокихъ и безнравственныхъ. Естественно участіе въ этомъ случаѣ къ дѣтямъ и женскому полу; они могли быть предметомъ наибольшихъ угнетеній и злоупотребленій; могли терпѣть отъ буйства рабочихъ; женщины и молодыя дѣвушки могли подвергаться насиліямъ и оскорбленіямъ чести и невинности. Дурные примѣры безнравственности, самое положеніе рабочихъ въ рудникахъ, гдѣ они, иногда по причинѣ жара и духоты, должны работать нагими, конечно, могутъ имѣть пагубное вліяніе на нравственность дѣтей и женщинъ. Для прекращенія этого изданъ законъ, запрещающій употребленіе на работы въ рудникахъ дѣтей мужескаго пола до десяти лѣтъ и женщинъ; онъ приведенъ въ исполненіе немедленно.

Акты парламента относительно судоходства, предназначеннаго какъ для обыкновенной перевозки путешественниковъ, такъ, и по преимуществу, для перевозки эмигрирующаго населенія, наполнены предупреждающими мѣрами. Конечно, и здѣсь нельзя было предоставить судохозяевамъ и шкиперамъ возможность вредить, неисполненіемъ необходимыхъ предосторожностей, какъ здоровью путешественниковъ, такъ и безопасности ихъ во время плаванія. Акты порѣшили дѣло такимъ образомъ: они требуютъ, чтобы желѣзные пароходы имѣли въ центральной части, то-есть тамъ, гдѣ помѣщается машина, сзади и спереди ея, перегородки, непроницаемыя для воды; ни одинъ пароходъ не можетъ выйдти въ море, если паровая машина не имѣетъ

предохранительныхъ отъ взрыва клапановъ, которые открываются и запираются сами собой, безъ помощи со стороны людей; всякое судно должно быть снабжено шлюпками, въ числѣ и величинѣ соотвѣтствующими величинѣ судна; должны быть приняты всѣ мѣры, противъ возможнаго столкновенія въ морѣ съ другими судами, и т. д. Предписывая рядъ подобныхъ предупрежденій противъ всего, что могло бы причинить вредъ и несчастія, акты наполнены различными постановленіями касательно надсмотра и надзора. Умножая запрещенія, предугадывая возможный вредъ, правительство ничего не предоставило самимъ предпринимателямъ; оно сняло съ нихъ заботы и отняло всякое желаніе къ дальнѣйшему усовершенствованію судоходства. Всякій, исполнившій предписанныя мѣры, могъ оставаться совершенно покойнымъ и равнодушнымъ къ своему дѣлу; все, что бы онъ могъ предпринять къ усовершенствованію, къ улучшеніямъ, было бы лишнее. Правительство само думаетъ и дѣйствуетъ за него. Правила полицейскаго надзора не ограничиваются заступленіемъ за права каждаго; они дѣлаютъ обязательными даже такія дѣйствія, которыя, по естественному порядку вещей, могли быть предоставлены взаимному соглашенію заинтересованныхъ лицъ.

Въ самомъ актѣ о постройкахъ въ столицѣ (the Metropolitan Buildings Act) можно найдти мѣры не вполнѣ одобримыя. Нельзя одобрить круга его дѣйствій. Если все, имъ постановленное, чрезвычайно полезно и необходимо въ центрѣ города, или въ кварталахъ людныхъ, то мѣры, имъ предписываемыя, напримѣръ касательно ширины улицъ, высоты домовъ и проч., вовсе не необходимы для частей города, удаленныхъ отъ центра, или внѣ городской черты; гдѣ дома расположены рѣдко, гдѣ населеніе слабо, и гдѣ нѣкоторыя мѣры для соблюденія чистоты, необходимыя въ другихъ мѣстностяхъ, излишни по причинѣ открытости мѣстъ и чистоты самаго воздуха, не заражаемаго огромнымъ населеніемъ и тѣснотою жилья; а между тѣмъ актъ имѣетъ силу безразлично для всего Лондона съ его округомъ.

Передъ изданіемъ акта о народномъ здравіи (the Public Health Act) было много пренебрежено предосторожностей. Его вызвали происшествія въ Goalstone-Street и въ кварталѣ White-Chapel. Дома въ нихъ были грязно и дурно содержимы, въ полномъ смыслѣ слова набиты самымъ бѣднымъ рабочимъ населеніемъ; они не имѣли ни дворовъ, ни помойныхъ ямъ, ни отхожихъ мѣстъ; если и существовали при домахъ дворы, помойныя ямы, то отвратительныя до крайности. Они распространяли заразу въ воздухѣ; кучи грязи, всевозможныя нечистоты лежали на улицахъ и въ переулкахъ. Все это могло быть въ Лон-

донѣ, да существуетъ и теперь во многихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ невѣжество и бѣдность—главныя препятствія чистоты и порядка. Конечно, правительство должно обращать вниманіе на это, но по преимуществу тамъ, гдѣ зло можетъ имѣть болѣе вредныя послѣдствія. Актъ же о народной гигіенѣ прилагается безусловно всюду, гдѣ смертность въ городахъ достигаетъ 3, 3%. Такое мѣрило чрезвычайно произвольно; нельзя съ этимъ не согласиться. Достаточно выговорить все, что̀ не можетъ быть терпимо безъ вреда для общества. Можно запретить устройство боенъ, опасныхъ какихъ-нибудь заведеній, кладбищъ и проч., въ извѣстномъ разстояніи отъ жилыхъ мѣстъ; должно подвергать суду всякаго, кто не исполнитъ этихъ общественныхъ требованій; но налагать такую опеку, предписывать такія общія, безусловныя правила, не значитъ ли зайдти слишкомъ далеко на пути предупрежденія возможнаго зла? И возможно ли совершенное предупрежденіе злоупотребленій? Какія бы правила ни предписывались, всегда человѣкъ найдетъ средства обойдти ихъ; онъ будетъ правъ; онъ не преступилъ закона, а воспользовался лишь тѣмъ, что̀ закономъ не было предусмотрѣно; зло имъ сдѣлано; кто будетъ виновникомъ, кто отвѣтитъ за него? Укажите тотъ вредъ, который можетъ произойдти отъ какого-либо дѣйствія; пока оно не имѣетъ вредныхъ послѣдствій, оно терпимо; но какимъ бы образомъ вредъ ни произошелъ, виновный долженъ подвергнуться наказанію.

Итакъ невозможно отвергать, что англійское законодательство, въ послѣднія двадцать или двадцать пять лѣтъ, вводя различныя преобразованія по управленію, къ пресѣченію вредности разныхъ работъ и предпріятій, нѣсколько уклонилось отъ коренныхъ правъ страны, отъ обычаевъ, усвоенныхъ обществомъ, и приблизилось къ администраціи, въ которой возможность предупрежденія злоупотребленій поставлена за исходную точку всѣхъ дѣйствій правительства.

Не должно однако преувеличивать, ни вообще, ни въ частности, значеніе такого отклоненія англійскаго законодательства и воображать, что оно произвело въ дѣйствительномъ примѣненіи актовъ большія измѣненія въ ходѣ дѣла. Акты, изданные парламентомъ въ позднѣйшее время, между прочимъ и знаменитый the Public Health Act, не пользуются особенною популярностью, и нельзя сказать, чтобы прилагались легко и въ большихъ размѣрахъ. Эти акты были приняты лишь въ видѣ опыта, на время, и бо́льшая часть изъ нихъ заключаются замѣчаніемъ, что они могутъ быть измѣняемы по нуждѣ и по указанію опыта, даже въ теченіи того термина времени, въ который дѣйствительны. Напримѣръ актъ о народномъ здравіи былъ

принятъ не болѣе какъ на пять лѣтъ; изданный въ 1848 году, онъ подлежалъ пересмотру въ 1853 году, но появленіе холеры остановило этотъ пересмотръ. Безъ того, конечно, актъ подвергся бы коренным преобразованіямъ; особенно возставали на Local Boards of Health мѣстныя управленія по части народнаго здравія, которыхъ аппробаціи и наблюденію подчинены были многія заведенія, способныя по природѣ своей сдѣлаться вредными. Одинъ изъ членовъ главнаго гигіеническаго управленія, Эдвинъ Чадвикъ, сознавался г-ну Денойе, что иногда невозможно было привести законъ въ исполненіе, что не охотно подчинялись предписаніямъ канцелярій, и что они часто встрѣчали сопротивленіе, такъ что должно было прибѣгать къ судебному рѣшенію. Вообще въ случаяхъ сомнительныхъ не ограничиваются рѣшеніемъ какого-либо правительственнаго лица или мѣста; это рѣшеніе не безусловно; всякій, кто находитъ рѣшеніе или незаконнымъ, или несправедливымъ, или неправомѣрнымъ, требуетъ судебнаго изслѣдованія или рѣшенія присяжныхъ. Это право прибѣгать къ судамъ или рѣшенію присяжныхъ съ жалобой на административное рѣшеніе есть общее, и о немъ упоминается въ большей части актовъ. Съ особенною осмотрительностію даны права лицамъ, имѣющимъ власть исполнительную. Опредѣлены строго и точно всѣ ихъ поступки, за которые они подлежатъ отвѣтственности. Вообще надо сказать, что число лицъ, пользующихся властью административною, очень ограничено сравнительно съ административными учрежденіями другихъ государствъ. Никакія административныя лица и мѣста не пользуются властью неограниченною, какъ часто случается во Франціи, гдѣ они въ нѣкоторомъ отношеніи поставлены закономъ внѣ всякаго преслѣдованія, или зависятъ отъ лицъ и мѣстъ, находящихся въ однихъ съ ними условіяхъ, систематически опредѣленныхъ судьями собственныхъ дѣлъ. Обязанность отвѣчать за собственные поступки и дѣйствія передъ судомъ лежитъ, безъ всякаго исключенія, на всякомъ, облеченномъ какою-либо властью; отвѣтственность эта распространяется и на самихъ судей. Должностныя лица буквально служатъ обществу и обращаются съ нимъ почтительно и съ уваженіемъ. Всякое извѣщеніе, объявленіе для всеобщаго свѣдѣнія непремѣнно содержитъ въ себѣ формулу: просятъ почтительнѣйше публику... и т. д. Это, даже наружное, уваженіе къ обществу имѣетъ прекрасныя послѣдствія. Само общество не остается равнодушнымъ къ распоряженіямъ администраціи, оно само привыкаетъ уважать ихъ; это взаимное уваженіе есть лучшее ручательство за сохраненіе порядка и благочинія. Всякій разъ, когда общественное мнѣніе взываетъ къ министру противъ какого-либо злоупотребленія, онъ ста-

рается ограничить права административныя тамъ, гдѣ они дѣйствительно превзошли границы необходимости и уваженія къ обществу; извѣщаетъ общество въ выраженіяхъ точныхъ и ясныхъ о сдѣланныхъ имъ преобразованіяхъ, не забывая всякій разъ выразить свою готовность служить и впредь обществу, и уваженіе къ правамъ его.

Общественное мнѣніе сильно возстаетъ на привилегіи, оставленныя различнымъ промышленнымъ и торговымъ обществамъ, на муниципальныя корпораціи Лондонскаго Города; и конечно, недалеко то время, когда всѣ онѣ будутъ уничтожены, какъ то сдѣлано было актомъ 5-го и 6-го годовъ царствованія Вильгельма IV съ привилегіями 158 городовъ. Правительство англійское, освобождая промышленность и ремесла отъ цѣпей, въ которыя они были закованы старинными цехами, не захватило ихъ въ свои руки, не наложило опеки, столь обыкновенной въ континентальной Европѣ. Теперь предстоитъ для рѣшенія вопросъ важный, вопросъ относительно свободныхъ искусствъ и наукъ. Многое позволяетъ надѣяться, что свобода дѣятельности не будетъ стѣснена ни мѣрами предусматривающими, предупреждающими, ни необходимостью предварительной аппробаціи правительственныхъ мѣстъ и лицъ, ни преслѣдованіями, ни одобреніями, ни привилегіями. Достаточны мѣры воздерживающія, столь свойственныя духу народа и кореннымъ правамъ страны. Такъ поступлено относительно свободы вѣроисповѣданій, народнаго обученія; почти такъ относительно медицинской практики, хотя характеръ привилегіи и исключительности еще нѣсколько сохранилъ въ ней силу. Можно надѣяться, что законодательство воздерживающее, карательное, при улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, которыя ему укажетъ опытъ и нужда, окажется совершенно достаточнымъ и естественнымъ, и не будетъ необходимости измѣнять коренное основаніе права, счастливый инстинктъ націи, поддерживавшіеся вѣками и освященные обычаями,—измѣнять на мѣры предупреждающія, на законодательство континентальной Европы, уже испробованное въ Англіи безъ особенной необходимости,—и безъ успѣха.

Главная задача всѣхъ административныхъ установленій, конечно, должна состоять въ томъ, чтобы созналась въ обществѣ идея правъ каждаго человѣка, чтобы укоренилось въ немъ понятіе о предосудительности вредныхъ дѣйствій, чтобы всякій исполнялъ свое дѣло безъ помѣхи и вреда для другихъ. Нельзя не сознаться, что эта потребность, столь важная, была пренебрежена. Какъ долго пользовались правомъ свободы такія дѣйствія, которыя истинно вредны! Прекратить вредъ ихъ — истинно законно и необходимо. Вспомните тѣ страшныя бѣдствія, которыя терпѣлъ бѣдный классъ отъ душныхъ, тѣсныхъ

помѣщеній, то право, которое имѣли домовладѣльцы въ людныхъ частяхъ города, безнаказанно морить этихъ несчастныхъ въ сырыхъ и темныхъ подвалахъ своихъ домовъ, о чистотѣ и опрятности которыхъ очень мало заботились. Фабрики и пароходы внутри города разстилали тучи дыма, отъ котораго страдали и люди и жилища. Лондонъ можно было сравнить съ моремъ дыма, съ огромною кузницей, которой работники и стѣны покрыты слоемъ мелкой, черной пыли. Кладбища располагались безъ предосторожностей. Публичныя женщины являлись и еще являются въ театръ, едва прикрытыя, — соблазнъ для общества и оскорбленіе честныхъ семействъ. Желѣзныя дороги, пароходы, не стѣсняли себя никакими ограниченіями и стѣсняли общество. Можно перечислить бездну золъ, для прекращенія которыхъ надо было принять мѣры. Но, какъ сказано, не остановились на мѣрахъ воздерживающихъ, карающихъ. Недостаточнымъ показалось выставить все, что̀ можетъ вредить, указать на вредъ, который можетъ произойдти отъ того или другаго дѣйствія; не удовольствовались подвергать наказанію все, что̀ можетъ вредить, что̀ достойно осужденія; — нѣтъ, установлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ полицейскія мѣры, опека правительства. Эти попытки несвойственнаго Англіи законодательства являются предметомъ живаго неудовольствія; часто враждебно смотрятъ на новыя установленія и оспариваютъ у правительства право вмѣшательства въ дѣятельность и предпріимчивость частныхъ лицъ. Впрочемъ, какъ уже сказано, бо́льшая часть новыхъ мѣръ не имѣетъ важныхъ результатовъ, и правительство само не настаиваетъ на исполненіи нѣкоторыхъ законовъ. Даже болѣе, — оно само отстраняетъ отъ себя тѣ предпріятія, которыя считаетъ принадлежностью частной дѣятельности. Такъ предлагали правительству взять на себя обязанность руководить постройкою желѣзныхъ дорогъ въ Ирландіи. Это было вскорѣ послѣ введенія ихъ въ Англіи. Правительство весьма основательно отклонило отъ себя такое предложеніе. Еще фактъ замѣчательный, подтверждающій ту же осмотрительность и то же снисхожденіе правительства. Когда старинныя муниципальныя корпораціи были уничтожены, оно не стремилось захватить власть въ свои руки; не поторопилось ввести мѣры, которыя могло считать полезными: оно прямо высказало, что не имѣетъ ни права, ни желанія вводить какія-либо постановленія и измѣненія безъ истинной потребности и согласія большей части гражданъ (1). Въ

(1) The crown has no power to compel the inhabitants of ony city or town to accept a municipal charter; no such charter being valid unless the inhabitant or a majority of them express their acquiescence therein. — A Treatise on the law

послѣднее время, правительство обратило особенное вниманіе на народное обученіе, на школы, пансіоны, университеты и проч. Здѣсь правительство поступало съ великою осторожностью и осмотрительностью. Реформы были вводимы лишь тамъ, гдѣ ошибки и недостатки были слишкомъ явны, гдѣ сами основатели заведеній для воспитанія отказывались дѣйствовать самостоятельно и просили у правительства вмѣшательства его. Главное вниманіе было обращено на сближеніе воспитанія съ дѣйствительными потребностями общества. Правительство желало улучшеній въ воспитаніи и предоставило содержателямъ школъ, пансіоновъ и другихъ воспитательныхъ заведеній право дѣлать различныя преобразованія; предоставило всѣмъ и каждому полную свободу открывать школы и пансіоны. Нельзя не отдать полной справедливости правительству и за его дѣйствія относительно частныхъ компаній и товариществъ. Мало того, что оно безъ страха и зависти смотритъ на ихъ дѣятельность, оно покровительствуетъ имъ, оно поддерживаетъ этотъ духъ частной предпріимчивости для образованія компаній, для скопленія капиталовъ и труда въ пользу какого-либо предпріятія. Этому скопленію капиталовъ частныхъ лицъ, для какого-либо предпріятія, Англія обязана тѣми успѣхами промышленной и торговой дѣятельности, въ которыхъ она не встрѣчаетъ соперниковъ. Устройство компаній не подвержено никакимъ затрудненіямъ, а чтобы еще болѣе облегчить образованіе подобныхъ товариществъ, правительство ограничилось простымъ внесеніемъ въ регистръ каждаго вновь образовывающагося товарищества (enregistrement).

Этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, какъ мало измѣнилась сущность англійскаго правительства, несмотря на принятыя имъ нѣкоторыя предупреждающія мѣры: въ большей части случаевъ оно считаетъ систему мѣръ воздерживающихъ и карающихъ весьма достаточною и удобоприложимою. Если и есть примѣры, что для нѣкоторыхъ родовъ промышленности требуется предварительная аппробація отъ правительственныхъ учрежденій, то случаи эти очень рѣдки, да и не имѣютъ того значенія, какое дано этимъ требованіямъ во Франціи и на континентѣ вообще.

Если учреждены мѣстныя гигіеническія управленія, какъ слѣдствія «акта о народномъ здравіи», то вопервыхъ надо сказать, что и

---

relating to municipal corporation, by Thomas James Arnold, of Licoln 's Inn. Chap. Кромѣ того о томъ же актъ 5-го и 6-го г. царствованія Вильгельма IV ch. LXXVI, art. 141; и актъ перваго года царств. Викторіи ch. LXXVIII, art. 49.

самый актъ изданъ лишь на время, въ видѣ опыта, а вовторыхъ, что само государство не одобряетъ подобныхъ административныхъ учрежденій. Въ 1853 году парламентъ отказалъ министру въ той суммѣ, которую тотъ испрашивалъ на содержаніе этихъ управленій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
Какъ бурный вихорь страсть ворвалася нежданно,
Съ налету смяла въ ней нарядные цвѣты
И разметала садъ, тщеславіемъ убранный.

Условій мелкій соръ крутящимся столбомъ
Изъ мысли унесла живительная сила,
И токомъ теплыхъ слезъ, какъ благостнымъ дождемъ,
Опустошенную мнѣ душу оросила.

И надъ обломками безмолвенъ я стою,
И трепетомъ еще невѣдомымъ объятый,
Воскреснувшаго дня пью свѣжую струю
И грома дальняго внимаю перекаты.

Гр. Алексѣй Толстой.

II.

Господь, меня готовя къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь;
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ.
Но непреклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ.
И гнѣвъ я свой истратилъ даромъ,
Любовь не выдержалъ свою;
Ударъ напрасно за ударомъ
Я отбивая, устаю,
Навстрѣчу ихъ желѣзной вьюги
Я вышелъ въ поле безъ кольчуги
И гибну въ жизненномъ бою.

Гр. Алексѣй Толстой.

III.

Порой, среди заботъ и жизненнаго шума,
Внезапно набѣжитъ мучительная дума
И гонитъ образъ твой изъ горестной души;
Но только лишь одинъ останусь я въ тиши,
И суетнаго дня замолкнетъ гулъ тревожный,
Волненіе во мнѣ стихаетъ жизни ложной,
Душа, какъ озеро, прозрачна и сквозна,
И взоръ я погрузить въ нее могу до дна:
Спокойной мыслію, ничѣмъ не возмутимой,
Твой отражаю ликъ, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, гдѣ, какъ безцѣнный кладъ,
Любви моей къ тебѣ сокровища лежатъ.

Гр. Алексѣй Толстой.

IV

Онъ водилъ по струнамъ, упадали
Волоса на безумныя очи,
Звуки скрипки такъ дивно звучали
И лилися въ безмолвіи ночи...
Въ нихъ разказъ убѣдительно-лживый
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть;
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ сокрушающей бурей желанья;
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили къ себѣ съ укоризной,
И такъ билося сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно такъ невозвратно....

Гр. Алексѣй Толстой.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VI.

— Вотъ, ангелъ мой Машенька, говорила Марья Ивановна, садясь за карточный столъ черезъ недѣлю или больше послѣ дядина отъѣзда,—теперь у насъ опять женскій монастырь. Шутила-то нашъ уѣхалъ. Рай пресвѣтлый безъ него! А то страхъ съ нимъ! сядешь за карты, того и гляди что придерется, закричитъ. И вѣдь экой человѣкъ! никого не оставитъ въ покоѣ. Митя мой, и тотъ ему помѣшалъ, и того обидѣлъ.

— Ужь такой несносный характеръ, сказала тетушка.

— Полноте, ангелъ мой, это онъ съ нами только воевалъ; съ кѣмъ не хочетъ, такъ посмотрите, какъ тихъ. Вѣдь онъ до пьяна никогда не напивается, всегда въ полной памяти.

— Какъ ты хочешь, Марья Ивановна,—мущина! возразила Катерина Никитишна.—Бывало, мой покойникъ, какъ попадетъ ему въ голову, такъ святыхъ вонъ неси! Вотъ Авдотья Петровна помнитъ, какъ я прибѣгала къ ней съ разбитой-то губой.

— Да, Катенька, потерпѣла ты отъ него!

— Царство ему небесное! проговорила Катерина Никитишна со слезами на глазахъ. — иногда бывало всплачешь, а иногда и разсмѣешься.

Къ вечернему чаю пришла Арина Степановна. Она пришла верстъ за пять. Круглое лицо ея лоснилось отъ жару и было красно; большіе глаза глядѣли пугливо; смятый, подозрительной чистоты чепчикъ покривился.

— Да поправь, кумушка, чепецъ-то, сказала Катерина Никитишна.

— Ну, матушка, хорошо. Хоть какъ-то бы нибудь, да на головѣ держался.

— Какъ поживаешь, Арина Степановна? спросила тетушка.

— Ой, матушка, Авдотья Петровна, ужь какое мое житье! съ дѣтками-то измаялась. Бѣднымъ людямъ плохое житье, Авдотья Петровна.

— Ну, полно, расхныкалась, сказала Марья Ивановна,—а ты лучше скажи не слыхала ли чего новенькаго?

— А что̀ новенькаго-то? Вотъ Аграфена Сергѣвна дочку помолвила за Кренева, онъ въ судѣ служитъ. Да, я чай слышали, что въ Завѣдово молодой помѣщикъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ?

— Да, пріѣхалъ. При жизни-то батюшки побывать не хотѣлъ, а какъ тотъ умеръ, такъ къ наслѣдству-то тутъ какъ тутъ.

— Да что пріѣзжать-то было, старикъ помѣшанный.

— Да вѣдь и помѣшанный, Марья Ивановна, а все же отецъ.

— Да оно такъ, конечно...

Эта вѣсть заинтересовала всѣхъ, не исключая и насъ съ тетушкой.

Завѣдово отстояло отъ насъ верстахъ въ пяти. По слухамъ, это была усадьба большая и запущенная. Жилъ въ ней долго старикъ помѣщикъ, который, овдовѣвъ подъ старость, пересталъ заниматься хозяйствомъ и повелъ жизнь уединенную и странную. Никого не принималъ, никуда не выѣзжалъ и даже дома постоянно сидѣлъ въ своей комнатѣ, окна которой не отворялись и середи краснаго лѣта; читалъ онъ однѣ и тѣ же старыя книги, носилъ теп-

лый тулупъ. Послѣ смерти жены, онъ оставилъ свой большой каменный домъ и переселился въ деревянный флигель. Никто изъ людей не смѣлъ входить къ нему безъ дозволенія, не смѣлъ напомнить о часѣ обѣда или ужина, когда самъ старикъ забывалъ, или не хотѣлъ ихъ потребовать. Когда же ему случалась надобность въ прислугѣ онъ стучалъ кулакомъ въ стѣну, за которою находилась кухня, гдѣ жили кухарка и мальчикъ, единственныя почти лица, видавшія его въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Исключеніе оставалось только за старостой, доставлявшимъ ему два раза въ годъ сборъ оброковъ. При появленіи его, въ старикѣ вдругъ пробуждались хозяйственныя заботы и интересы: онъ распрашивалъ обо всемъ подробно и не забывалъ ничего,—и это держало старосту въ нѣкоторомъ страхѣ.

Помѣщикъ умеръ одинокимъ, на рукахъ людей, оставивъ имѣніе своему единственному сыну, служившему въ какомъ-то губернскомъ городѣ и почти съ дѣтства не заглянувшему подъ родительскій кровъ. Былъ ли онъ въ ссорѣ съ отцомъ, или какія другія причины принудили его къ этому, никто не зналъ.

Барыня, закинувшая намъ вѣсть о пріѣздѣ Данарова, была уже дома и «маялась» тамъ съ своими ребятишками, когда я, гуляя въ вечерній часъ подъ густымъ навѣсомъ деревьевъ, думала о пріѣзжемъ. Я старалась угадать его наружность, его свойства, пріемы.

Однажды, послѣ обѣда, когда всѣ предавались отдыху, я сидѣла одна въ залѣ за пяльцами, лѣниво стегая иголкой по канвѣ. Я шила погонъ для Мити, обѣщанный ему за пучки полевыхъ цвѣтовъ, такъ часто приносимые имъ для меня съ охоты. Солнце сіяло жарко; вѣтеръ, врывавшійся въ открытыя окна доносилъ благоуханіе цвѣтущихъ липъ (это было въ половинѣ іюня) и тонкій запахъ резеды. Герань опустила листы, утомленные горячими лучами; скворецъ изрѣдка вскрикивалъ и снова дрожалъ въ клѣткѣ. Все было проникнуто благоухающею, пріятно-томящею теплотой. Я перестала работать, откинулась на спинку стула и стала смотрѣть въ окно, изъ котораго видны были только разросшіеся кусты сирени. Вѣтки ихъ касались рамы окошка и будто просились въ комнату, едва качаемыя вѣтеркомъ; множество пчелъ жужжало и кружилось надъ ними, иныя залетали въ окно и бились на стеклахъ. Суетливыя мухи весело и любопытно садились на все, что

ни попадало, щекотали мнѣ лицо и надоѣдали порядкомъ. Меня одолѣвала дремота, но я боролась съ ней; мнѣ не хотѣлось закрыть глаза, перестать глядѣть на зелень, облитую такимъ чудеснымъ солнечнымъ свѣтомъ, на небо, которое сіяло такою чистою, безоблачною лазурью...

— Барышня! сказала торопливо и таинственно вошедшая Ѳедосья Петровна: — Завѣдовскій помѣщикъ!

Прежде чѣмъ я успѣла обернуться, въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, средняго роста, блѣдный, худощавый, съ прекрасными правильными чертами лица; темные глаза его смотрѣли холодно и насмѣшливо. Съ перваго взгляда видъ его возбуждалъ участіе, смѣшанное съ любопытствомъ.

— Данаровъ, сказалъ онъ, поклонясь довольно небрежно.— Могу ли я видѣть Авдотью Петровну?

Я пригласила его въ гостиную, сказавъ, что тетушка отдыхаетъ и вѣроятно скоро проснется.

— Я подожду, сказалъ онъ и сѣлъ въ кресло съ видомъ усталости.

Я не начинала съ нимъ разговора; мнѣ казалось, ему было лѣнь говорить, и взяла съ окна вязанье.

— Какъ это вы работаете въ такой жаръ? сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Я не успѣла отвѣчать, какъ вошла тетушка.

Гость обратился къ ней почтительно и, послѣ необходимой рекомендаціи своей особы, объяснилъ причину своего посѣщенія, сказавъ, не обинуясь, что кромѣ удовольствія познакомиться съ ней, ему нужно переговорить о продажѣ ея пустоши, смежной съ его полями. Тетушка объявила цѣну, на которую онъ легко согласился.

Послѣ этого разговоръ обратился на старинное знакомство тетушки съ его покойными отцомъ и матерью. Тетушка видала его еще ребенкомъ.

Данаровъ вдругъ сдѣлался разговорчивъ и предупредителенъ, разказывалъ тетушкѣ политическія новости, обращался иногда и ко мнѣ съ разными замѣчаніями, произвелъ на старушку самое выгодное впечатлѣніе и уѣхалъ довольно поздно.

Обращеніе Данарова не пахло надутостью богатаго барича, у

него не было самонадѣянныхъ замашекъ модныхъ львовъ, ни щепетильной изысканности въ одеждѣ. Но въ его манерахъ было что-то такое, что̀ становило самолюбіе на сторожу, ласкало и дразнило его, и затѣвало съ нимъ заманчивую игру. Его сужденія, взглядъ, то равнодушный, то проницательный и живой; движенія, то быстрыя, то лѣнивыя; улыбка, умѣвшая придавать особенный смыслъ самому простому слову, — все это осталось у меня въ памяти и невольно приводило меня къ вопросу: пріѣдетъ ли онъ опять?

Онъ пріѣхалъ черезъ недѣлю. Это былъ день рожденія Митеньки; сосѣди и я обѣдали у Марьи Ивановны, а послѣ обѣда рѣшили провести вечеръ у насъ.

Тетушка не была у Марьи Ивановны, потому что высокая лѣстница была для нея не малымъ затрудненіемъ, и Марья Ивановна, въ подобные торжественные дни, приносила ей на домъ разнообразный завтракъ и считала это за визитъ тетушки къ ней.

Мы переходили гурьбой широкій дворъ отъ дома Марьи Ивановны, когда показалась коляска Данарова. Поравнявшись съ нами, онъ вышелъ изъ экипажа и подошелъ свободно, какъ старый знакомый.

Три барышни и двѣ поповны доставались въ этотъ вечеръ на мою долю. Я должна была занимать ихъ, какъ дѣвица и хозяйка, потому что въ нашей сторонѣ дѣвушки и замужнія составляли два отдѣльные кружка, какъ скоро ихъ собиралось нѣсколько вмѣстѣ. Барышни были жеманны и недовѣрчивы, потому что рѣдкія свиданія и высокое, по ихъ понятіямъ, положеніе тетушки проводили между нами непереходимую черту, которую не могли изгладить никакія усилія съ моей стороны. При малѣйшей попыткѣ развеселить ихъ и сдѣлать откровенными, онѣ угодливо улыбались и отвѣчали уклончиво и осторожно. Скрытность со мною была ихъ непреклоннымъ правиломъ. Подобныя отношенія, смѣшанныя съ чувствомъ невольной затаенной зависти ко мнѣ, дѣлали ихъ присутствіе тяжелымъ и скучнымъ для меня.

Двѣ изъ нихъ были дочери извѣстной уже Арины Степановны, существа блѣдныя и безцвѣтныя; третья Маша Филиппова, личность болѣе замѣчательная, съ смуглымъ, худощавымъ личикомъ, съ прекрасными черными глазами, полузакрытыми густыми длинными рѣсницами, съ тонкими губами, сжатыми постоянною и

какою-то неопредѣленною улыбкой, съ выдавшимся впередъ, слегка-заостреннымъ подбородкомъ, съ манерами вкрадчивыми, не лишенными своего рода кокетства. Ей было двадцать четыре года; она нерѣдко гостила у родныхъ въ уѣздномъ городѣ, а послѣ отъѣзда Лизы часто и у насъ, и была довольно развязна и смѣла. Вообще вся физіономія ея обращала на себя вниманіе; но, какъ мнѣ казалось, никогда не могла внушить довѣрія. Названіе «цыганочки», втихомолку данное ей почти общимъ голосомъ, шло къ ней какъ нельзя болѣе.

При появленіи незнакомаго молодаго человѣка, глаза ея любопытно сверкнули, и щеки вспыхнули легкимъ румянцемъ. Лишь только онъ приблизился ко мнѣ, какъ она, взявъ подъ руки дочерей Арины Степановны, отошла въ сторону и шла вдали, до самаго дома, громко разговаривая и смѣясь, что̀ заставило Данарова нѣсколько разъ посмотрѣть въ ихъ сторону.

Черезъ нѣсколько минутъ, гостиная тетушки наполнилась, и Ѳедосья Петровна засуетилась за самоваромъ Тутъ я пригласила дѣвицъ въ садъ, гдѣ еще цѣлы были качели, устроенныя тетушкой для потѣхи моего недавняго дѣтства.

Митенька, въ качествѣ любезнаго кавалера, сталъ усердно работать своими мощными руками, раскачивая трехъ дѣвицъ, усѣвшихся на узенькую дощечку. Поповны помогали ему, въ надеждѣ, что дойдетъ очередь и до нихъ. Машенька, считавшаяся первою пѣвицей въ околодкѣ, затянула звонкую русскую пѣсню; все общество подстало къ ней и составило хоръ, который хотя и не отличался музыкальнымъ искусствомъ, но и не терзалъ уха фальшивыми нотами.

Едва только показался Данаровъ въ густой рябиновой аллеѣ, какъ голосъ запѣвалы пресѣкся и прочія невольно умолкли.

— Не я ли помѣшалъ вашему пѣнію? сказалъ онъ, подходя къ Машѣ, успѣвшей сойдти съ качелей.

— Ужь какія мы пѣвицы, отвѣчала она, немного жеманясь и оправляя платье.

— Не вѣрьте-съ, сказалъ Митя,—у нихъ голосъ очень хорошъ.

— Вы хотите, чтобъ я ушелъ? сказалъ ей Данаровъ.

— Зачѣмъ же уходить? будто ужь безъ пѣсенъ нельзя?

— Нельзя ли спѣть?

Я присоединила мою просьбу къ просьбѣ Данарова.

Маша отвѣчала мнѣ:—«да извольте, пожалуй!»—и затянула, наклонивъ голову и потупивъ глазки:

«Лѣса, поля густыя, зеленые луга....»

Въ ея напѣвѣ была странная смѣсь простонароднаго съ искусственнымъ, и дикая грусть, не лишенная прелести, невольно захватывала душу при звукахъ этого чистаго, звонкаго голоса. Я взглянула на Данарова. Онъ стоялъ неподвижно у столба качелей; послѣдняя тѣнь румянца сбѣгала съ лица его; глаза будто стали темнѣе и глубже.

— Какъ это дѣйствуетъ на душу! сказалъ онъ.

— Что? спросила я.

— Пѣсня.

— А пѣвица?

— И пѣвица... а на васъ?

— И на меня тоже...

— Что тоже? пѣвица?

— Не угодно ли покачаться? спросилъ насъ Митя.

— Садитесь, Евгенія Александровна, прибавила Маша.—Не угодно ли и вамъ? обратилась она къ Данарову.

Я отказалась. Данаровъ сѣлъ на качели и пригласилъ Машу.

Не то безпокойство, не то грусть, не то досада скользнула у меня по сердцу; но въ ту жь минуту мнѣ сталъ смѣшонъ такой капризъ чувства. Я улыбнулась невольно. Маша и Данаровъ мелькали передъ моими глазами, будто призраки; бѣлое кисейное платьице Маши развѣвалось точно облако, и мнѣ показалось, что вотъ сейчасъ они поднимутся на воздухъ и исчезнутъ въ пространствѣ... Но они не исчезли и сошли на землю.

У Данарова, отъ непривычки къ качелямъ, кружилась голова. Онъ сѣлъ на траву.

— Сядемъ и мы, сказала Маша; и мы сѣли въ кружокъ.

Качели находились въ концѣ широкой аллеи, прозванной нами съ Лизой *долинкой*. Эта долинка была мѣстомъ нашихъ общественныхъ увеселеній; здѣсь мы бывало въ Семикъ и Троицынъ день, съ позволенія тетушки, собравъ дворовыхъ и горничныхъ дѣвушекъ, пригласивъ заранѣе ту же Машу Филиппову и дочерей Арины Степановны, завивали вѣнки, затѣвали хороводы и

горѣлки, и завтракали въ саду, что̀ казалось намъ верхомъ увеселенія.

Горѣлки были для насъ почти то же, что̀ олимпійскія игры для Грековъ. Здѣсь каждая старалась превзойдти своихъ соперницъ въ быстротѣ бѣга, въ умѣньи поймать для себя пару. Бѣгать я считалась мастерицей, и въ былое время гордилась этимъ.

Я заговорила съ Данаровымъ, сидѣвшимъ между мной и Машей, о моемъ прошедшемъ дѣтствѣ, со всѣмъ эгоизмомъ ребенка, разказывающаго взрослому о своихъ куклахъ. Въ половинѣ рѣчи, я спохватилась и поспѣшила кончить разказъ.

Вѣроятно улыбка выразила мою мысль, потому что онъ сказалъ мнѣ:

— Вы думаете, это не интересуетъ меня?

— Я въ этомъ увѣрена.

— Ну, какъ хотите, возразилъ онъ, и брови его нахмурились.

Это выраженіе досады, почти гнѣва, подѣйствовало на меня такъ странно, такъ магнетически, что я на минуту смутилась, сама не знаю отчего.

Въ это время Катерина Семеновна, самая молодая и веселая дама изъ оставшихся въ гостиной, соскучившись сидѣть на одномъ мѣстѣ, приближалась къ намъ, вѣя своимъ пестрымъ шарфомъ, надушеннымъ мускусомъ.

Я встала и быстро пошла къ ней на встрѣчу. Катерина Семеновна поцѣловала меня, назвала ангеломъ и, обвивъ рукою мою талію, подошла со мной къ оставленному мною кружку.

Катерина Семеновна была несчастлива въ супружествѣ, терпѣла по временамъ нужду; но умѣла такъ беззаботно перемѣшивать слезы со смѣхомъ, пѣсни съ горемъ; сохраняла, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, такую юность души и характера,— юность, въ которой не было ничего вынужденнаго, придуманнаго, начало которой было въ ея натурѣ, а не въ смѣшномъ желаніи казаться моложе. И потому, когда она присоединялась къ молодежи, пѣла или бѣгала въ горѣлки, никому не приходило въ голову сказать: «ну, подъ лѣта ли ей?» какъ говаривали иногда объ одной помѣщицѣ, незнакомой съ нами, которая бѣлилась и румянилась, и танцовала у знакомыхъ со всѣми притязаніями

плѣнять и блистать... Катерина Семеновна пѣла и веселилась, и имѣла бы право примѣнить къ себѣ слова поэта:

Ich singe wie der Vogel singt.

Она была очень моложава на лицо. Рыжеватые волосы вились отъ природы, но она тщательно приглаживала ихъ и позволяла выбѣгать только двумъ тоненькимъ локончикамъ за ушами. Она берегла свой пестрый шарфъ и приданыя платья; любила пріодѣться, не для того, чтобъ нравиться, а для того, чтобъ сосѣдки сказали: «какая ты сегодня нарядная!»

Исторія ея жизни была грустная: она воспитывалась въ домѣ одной богатой помѣщицы, которая, чтобы избавиться отъ лишней заботы, постаралась выдать ее замужъ за одного изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ въ нашемъ сосѣдствѣ, и онъ, въ чаяніи будущихъ благъ отъ воспитательницы своей жены, считалъ себя счастливымъ женихомъ. Благодѣтельница Катерины Семеновны дала ей въ приданое нѣсколько старыхъ платьевъ изъ своего гардероба, пуховикъ и двѣ подушки, да тѣмъ и заключила свои милости... Заботы супружества рано захватили потокъ ея молодыхъ надеждъ и удовольствій, придавили развитіе ея понятій и оградили ее печальнымъ, тѣснымъ кругомъ, безвыходность и безцвѣтность котораго помогалъ ей выносить беззаботно веселый характеръ и тотъ же застой развитія; но гораздо болѣе и надежнѣе помогала увѣренность, что ужь такъ Богу угодно. На этомъ краеугольномъ камнѣ крѣпко и твердо стояли почти всѣ окружавшія меня лица, борясь съ житейскими невзгодами, какъ со зломъ, столь же необходимымъ въ жизни, какъ ненастные дни и зимнія метели въ природѣ.

— Да что же вы, барышни, хоть бы пѣсни пѣли или играли бы какъ-нибудь, а то сидятъ, какъ кукушки, и носики повѣсили.

— Да запѣвайте, Катерина Семеновна, отвѣчала ей Маша.

Катерина Семеновна запѣла: «не бѣлы снѣги»—тонкимъ, немного визгливымъ голосомъ. Маша и поповны подтягивали ей.

— Ну, теперь, хоть въ горѣлки бы что ли, сказала она, кончивъ пѣсню.—Вотъ и этого барина надо растормошить, прибавила она, указывая на Данарова. — Нѣтъ ужь, батюшка, попали къ намъ, такъ нечего дѣлать, прошу не отставать; у насъ попросту.

— Я очень радъ, будьте моею парой, сказалъ онъ.

— Ну, ужь что̀ я вамъ за пара! вы выбирайте молоденькихъ; ужь что̀ вамъ ловить такихъ старухъ, какъ я!

— Развѣ вы старуха?

— Да ужь не молоденькая, только на лицо-то молода, да характеръ у меня такой веселый: на свѣтъ съ такимъ родилась.

— Чтожь? это счастье. Вы и при горѣ меньше страдаете, чѣмъ другіе.

— Ахъ, Николай Михайлычъ! вѣдь веселье да пѣсни всякій раздѣлитъ, а поди-ка съ горемъ-то къ чужимъ людямъ, помочь не помогутъ, а только надоѣшь; такъ я и благодарю Бога, что у меня такой характеръ. Попла̀чу дома, а какъ въ люди, такъ ровно и все прошло... За то, куда ни покажусь: Катерина Семеновна, пѣсенку спой; Катерина Семеновна, игры затѣй; ты у насъ разгула, ты намъ соловей... А поди-ка съ длиннымъ-то лицомъ,— всякій отвернется.

Пары уставились. Кавалеромъ моимъ былъ Митя; горѣла Маша, но она скоро поймала Катерину Семеновну, и Данаровъ остался горѣть.

Съ невольнымъ и страннымъ чувствомъ страха я летѣла стрѣлой по мягкому дерну; за мной съ ожесточеніемъ гнался Данаровъ. Митя довольно неповоротливо поспѣшалъ ко мнѣ на помощь; я, какъ могла, ободряла его словами и жестами. Наконецъ, чтобъ сократить кругъ, я бросилась въ середину пихтовой рощицы, зацѣпилась платьемъ за сухую вѣтку и осталась неподвижно во власти моего преслѣдователя. Смѣшно вспомнить, но какое-то томительное чувство овладѣло мной на мгновеніе; чтобъ скрыть это, я разсмѣялась, подавая руку Данарову, и присоединилась къ играющимъ.

Мы сѣли на траву, позади всѣхъ.

— Всѣ ваши усилія убѣжать отъ меня остались напрасны, сказалъ онъ:—и стоило ли такъ долго мучить и себя, и меня?

— Напротивъ, это очень весело; и еслибъ не досадная вѣтка, не поймать бы вамъ меня.

— Ну, чтожь изъ этого? Я усталъ и не буду больше бѣгать.

— Я тоже устала.

— А можетъ-быть вѣтка играла роль судьбы, сказалъ онъ.

Я засмѣялась, что̀, какъ мнѣ показалось, несовсѣмъ было пріятно ему.

Горѣлки кончились. День вечерѣлъ; гости собрались домой. Мы возвратились въ комнаты.

Когда кончилось прощанье гостей съ тетушкой, Данаровъ тоже взялся за шляпу.

— А вы что̀ такъ торопитесь? сказала ему тетушка: — еще рано; имъ идти пѣшкомъ, оттого я ихъ и не удерживаю. Если вамъ не скучно, сдѣлайте намъ удовольствіе, останьтесь; вечеръ прекрасный.

Данаровъ поблагодарилъ и остался. Маша осталась ночевать у насъ.

Вечеръ въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный, такъ что даже для тетушки вынесли кресло на балконъ. Мы съ Данаровымъ, Маша, Катерина Никитишна и Марья Ивановна помѣстились на ступенькахъ.

Сквозь сѣть деревьевъ алѣла заря; легкій туманъ подымался въ аллеяхъ; изъ цвѣтниковъ неслась струя благовоннаго воздуха. Было столько нѣги и прелести въ полудремлющей природѣ, столько страстнаго упоенія въ пѣсни соловья, что можно было забыться и повѣрить вѣчности счастія, любви и молодости.

— Экая благодать! сказала Катерина Никитишна:—что̀ за погодка стоитъ! съ сѣнокосомъ безъ горя управимся.

— Не худо бы дождичка, примолвила Марья Ивановна.

— Не худо бы, конечно, да вѣдь росы большія,—травку-то и поправляютъ. У васъ гдѣ косятъ, родная? спросила она тетушку.

Зашелъ разговоръ о хозяйствѣ и другихъ близкихъ къ нему предметахъ.

А садъ между тѣмъ темнѣлъ да темнѣлъ; глубина аллей становилась безпредѣльнѣе и безпредметнѣе; какая-то притягательная сила лилась изъ этой глубины и мрака; одни кусты воздушныхъ жасминовъ, облитые бѣлыми цвѣтами, стояли, какъ привидѣнія, подъ тѣнью густыхъ липъ, и будто призывали меня, распространяя въ тишинѣ свой раздражающій запахъ.

Я не утерпѣла и сошла съ балкона, чтобъ нарвать букетъ. Маша послѣдовала за мной; вскорѣ подошли къ намъ и Марья

Ивановна съ Данаровымъ. Маша сорвала цвѣтокъ и приколола къ платью.

— Какіе цвѣты любите вы больше? спросилъ ее Данаровъ.

— Незабудки, отвѣчала она,—и эти люблю: такъ хорошо пахнутъ. А вы какіе любите?

— Не скажу, отвѣчалъ онъ.

Она засмѣялась своимъ тихимъ, будто сдержаннымъ смѣхомъ.

— Развѣ это секретъ? сказала она.

— Именно секретъ.

— Да какой же тутъ секретъ? не понимаю. Вотъ я люблю незабудки, такъ и говорю, что люблю.

— А вотъ видите ли что? я теперь ужь знаю вашъ вкусъ, ваши мечты и многое могу угадать изъ тайнъ вашего сердца.

— У меня нѣтъ никакихъ тайнъ сердца; да и угадать вы не можете. Мое сердце нельзя скоро угадать.

— Попробую.

— По напрасну будете трудиться.

— А вотъ я ужь знаю, что голубые глаза часто видятся вамъ во снѣ.

— Вотъ и не угадали! и она опять засмѣялась.

— Ну, такъ черные.

— И не черные... никакіе!

— Неужели вамъ не нравятся или не нравились никакіе?

— Мало ли хорошихъ глазъ на свѣтѣ!

— Такъ вы никогда не были влюблены?

— Никогда.

— Вы говорите неправду.

— А можетъ-быть и правду.

Мы пошли по аллеѣ. Марья Ивановна нашла, что въ саду сыро и воротилась на балконъ.

— Маша, вы говорите неправду, сказала я,—вѣрно вы были влюблены.

— А вы сами, Евгенія Александровна?

Этотъ вопросъ смутилъ меня; я не отвѣчала.

— Желалъ бы я послушать, какъ вы говорите неправду, сказалъ мнѣ Данаровъ.

— Я не доставлю вамъ этого удовольствія.

— Молчаніе—знакъ согласія, смѣло сказала Маша.

— Знакъ очень двусмысленный, отвѣчала я.

Въ это время испуганная стая галокъ шумно поднялась надъ нашею головой и полетѣла на другое мѣсто. Маша вскрикнула и въ страхѣ схватила руку Данарова.

— А вы не испугались? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ; я такъ часто гуляю здѣсь одна по вечерамъ, что ужь привыкла къ такимъ неожиданностямъ.

Мы поворотили къ дому.

— Запахъ отъ этихъ цвѣтовъ слишкомъ силенъ; у васъ разболится голова, сказалъ мнѣ Данаровъ:—дайте, я донесу.

Я подала ему цвѣты; принимая ихъ, онъ слегка коснулся моей руки, и будто огненная струя пробѣжала по всему существу моему.

Мы уже снова стояли передъ жасминовымъ кустомъ, противъ балкона. Данаровъ попросилъ позволенія нарвать для себя жасминовъ; когда въ рукахъ у него были оба пучка цвѣтовъ, онъ подалъ мнѣ тотъ, который самъ нарвалъ.

Послѣ ужина онъ уѣхалъ.

Когда мы пришли въ нашу спальню, Маша подошла къ зеркалу и съ какою-то особенною нѣгой прищурила свои глазки и поправила волосы.

— Я думаю, вы скучаете, Евгенія Александровна; все однѣ да однѣ, сказала она.

— Да, иногда скучаю. А вы рѣдко скучаете?

— Дома-то скучно, а какъ въ городѣ, у родныхъ гощу,—тамъ весело. А здѣсь ужасно скучно. Маменька все охаетъ; бѣдность, недостатки; братья надоѣдаютъ, шалятъ.

— Выходите замужъ, Маша, сказала я.

— Да за кого? жениховъ-то нѣтъ. За бѣднаго выйдти, что хорошаго? а съ состояніемъ ищутъ приданаго; вѣдь нынче все на интересѣ. Вы почемъ платили за эту кисею?

— Не знаю; это тетушка у разнощика купила.

— Хорошенькая. Я хотѣла, на прошлой недѣлѣ, купить себѣ голубой, да денегъ не было... Какъ хорошо пахнутъ! сказала она, подходя къ цвѣтамъ, поставленнымъ въ стаканъ съ водою. Нико-

лай Михайлычъ и себѣ такой же пучокъ нарвалъ. Видно, онъ охотникъ до цвѣтовъ. Онъ у васъ часто бываетъ?

— Всего два раза былъ.

— Какой онъ веселый, не гордый и собой недуренъ. Какую это вы книжку читаете? французскую? хороша?

— Да, хороша. Тутъ описано, какъ одна дѣвушка изъ простой мѣщанки сдѣлалась знатною дамой.

— И это правда?

— Правда.

— Вотъ счастливица! такое счастье рѣдко бываетъ.

— А бываетъ.

— Намъ такого счастья не будетъ... сказала она, распуская свои длинные черные волосы.

— А какъ знать, Маша? можетъ-быть, васъ ожидаетъ прекрасная участь,

— Ужь какая моя участь! проговорила она со вздохомъ. — Да вы ужь легли, Евгенія Александровна?

— Да; потрудитесь отворить окно.

— Вѣдь комары налетятъ.

— Опустите кисею.

— А свѣчу погасить?

Она подошла ко мнѣ вся въ бѣломъ. Смуглое лицо ея такъ рѣзко выдавалось изъ оборокъ спальнаго чепчика; глаза горѣли двумя яркими звѣздами; тонкія губы полураскрылись и выказывали рядъ жемчужныхъ зубовъ; тонкія стройныя руки были обнажены; она казалась мнѣ прекрасною; но въ этой красотѣ было что-то колючее и одуряющее, какъ въ ядовитомъ запахѣ тропическихъ цвѣтовъ... Въ одно время и хотѣлось смотрѣть на нее, и закрыть глаза.

— Прощайте, покойной ночи, пріятныхъ сновъ! сказала она, наклонясь поцѣловать меня.—Какія вы бѣленькія, хорошенькія! А я-то! продолжала она, подходя со свѣчой къ зеркалу,—точно муха въ молокѣ!

— А глаза-то у васъ, Маша,—прелесть!

— Да вѣдь ужь только глаза-то и есть порядочнаго. Покойной ночи, Евгенія Александровна!

VII.

На другой день, сумрачное, дождливое утро встрѣтило мое пробужденіе?

Маши уже не было въ комнатѣ, когда я проснулась; она всегда вставала рано. Я открыла окошко, дождевыя струи, журча, катились съ крыши и протягивались хрустальными нитями передъ моими глазами.

Босоногій мальчишка прыгалъ на дворѣ, громко припѣвая:

Дождикъ, дождикъ! перестань,
Я поѣду на Ердань
Богу молиться, Христу поклониться.

— А ты что̀ врешь! крикнулъ другой, давъ ему щелчка:—дождичка-то надо.

Мальчики заспорили и подрались. Но вдругъ яркая радуга показалась на туманномъ небѣ; оба мальчика стали голосить, что̀ было у нихъ силъ:

Радуга–дуга!
Подавай дождя,
Сѣмечка на кашку,
Ленку на рубашку...

— Ахъ, вы, окаянные! ахъ, вы, чертенята! раздался голосъ Ѳедосьи Петровны, которая, приподнявъ платье, сходила съ мокраго крыльца:—вотъ я васъ! вздумали горланить подъ барышнинымъ окошкомъ! да вѣдь вы перепугаете ее, она еще почиваетъ.

— Нѣтъ, ужь вонъ барышня-то встала, отвѣчали они убѣгая.

— Самоваръ готовъ, Евгенія Александровна.

Въ это время показалась и Марья Ивановна. Руки ея пресмѣшно растопырились, придерживая платье; стоптанные башмаки шлепали по лужицамъ; голова, прикрытая платкомъ, привѣтливо кивала мнѣ. Несмотря на дождь, она подошла къ моему окну и сказавъ вполголоса:—Геничка! ты, послѣ чаю, приди сюда, я тебѣ покажу одну штучку,—быстрыми шагами пошла къ дому.

За чаемъ, она, по временамъ, подмигивала мнѣ и посмѣивалась, что̀ сильно возбуждало мое любопытство. Я поспѣшила въ мою

комнату и, не безъ волненія, поджидала къ себѣ Марью Ивановну. Она явилась, но, увы! за ней слѣдовала и Маша. Марья Ивановна движеніемъ глазъ дала мнѣ понять, что при ней нельзя, и я принуждена была поддерживать разговоръ о дождѣ, который уже пересталъ.

Теплый, дождливый, лѣтній день всегда имѣетъ для меня большую прелесть. Грудь освѣжается, вдыхая влажный, душистый воздухъ, въ головѣ становится туманно, а на сердцѣ тепло и ясно; какая-то здоровая, веселая лѣнь разливается по всему существу; но на этотъ разъ я была безпокойна, меня мучили догадки и любопытство.

Маша, будто по внушенію добраго генія, вышла, вспомнивъ, что ей надобно еще выучиться у Дуняши вязать одинъ узоръ. Сердце забилось у меня сильно, какъ скоро я осталась одна съ Марьей Ивановной.

— Что̀ ты испугалась, моя радость? сказала она:—вѣдь ничего непріятнаго нѣтъ... Вотъ, сказала она, вынимая изъ кармана бумажникъ,—вчерашній гость обронилъ въ саду, а я подняла да и не отдала ему нарочно, вижу тутъ есть записочки, узнаемъ-ка секреты его. На-ка, Геничка, прочитай; я не разберу, мелко написано... Вотъ здѣсь деньги; ну, до этого я не дотронусь...

Я быстро отступила назадъ; меня обожгла мысль, что я узнаю чужую тайну, узнаю неправеднымъ, непозволительнымъ образомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! этого нельзя, невозможно! Богъ съ нимъ, что̀ намъ до него за дѣло! сказала я.

— Э, полно, моя радость! отвѣчала она:—да что̀ за важность! развѣ ему будетъ какой вредъ отъ этого? это ужь лишняя деликатность, Геничка. Да и какія тутъ тайны? просто записка какая-нибудь. И не подписано. Я, пожалуй, Митю заставлю прочитать..

Мысль ввѣрить Митѣ то, что̀ я сильно боялась и сильно желала узнать, поколебала меня. Притомъ же я будто оскорбляла добрую Марью Ивановну, представляя чѣмъ-то ужаснымъ поступокъ, который она считала самымъ невиннымъ и простымъ.

Въ непріятной борьбѣ долга съ любопытствомъ и страхомъ поссориться съ Марьей Ивановной, которая уже начинала хмуриться, взяла я изъ ея рукъ записку. О, какъ я желала убѣжать съ этою запиской въ самый глухой и тѣнистый уголъ сада и прочитать ее одна, совершенно одна! но, увы! голова Марьи Ивановны

приклонялась ко мнѣ, стараясь заглянуть въ развернутый листъ атласистой, душистой бумаги, на которомъ было нѣсколько строчекъ мелкаго и тонкаго почерка.

— Ну-ка, что̀ тамъ написано? нетерпѣливо спрашивала она.

Строки, прочитанныя мною дрожащимъ голосомъ, были слѣдующія:

«Вы хотѣли этого: мы разстаемся навсегда, только не друзьями. Я не прощу вамъ тѣхъ страданій, какія вы заставили испытать меня; и не могу заглушить въ душѣ моей желанія, чтобъ судьба отплатила вамъ когда-нибудь за меня. Жалѣю васъ: кто не умѣетъ вѣрить, не умѣетъ любить.»

— Это онъ, видно, поссорился, сказала Марья Ивановна.—Вотъ въ этой что̀?

И она подала мнѣ другую записку того же почерка; я взяла уже безъ борьбы, даже безъ любопытства, а съ чувствомъ неопредѣленной тоски.

На первой запискѣ выставлено было 3-е, а на второй 14-е января. Вотъ что̀ заключала она:

«Я сумашедшая. Чувствую, что унижаюсь передъ вами, не имѣя силъ даже на столько, чтобъ не послать вамъ этихъ строчекъ. Я не хочу, я не могу разстаться съ вами такимъ образомъ! Сегодня вечеромъ я буду одна; приходите. Я хочу, я требую этого.»

— А тутъ какіе-то счеты, сказала Марья Ивановна, подавая еще одну бумажку.

Я возвратила записки Марьѣ Ивановнѣ; она бережно положила ихъ на прежнее мѣсто, замкнула портфель и сказала, отдавая мнѣ:

— Какъ онъ пріѣдетъ, такъ ты отдай ему, Геничка; скажи, что сама нашла.

— Почему жь вы не хотите сами отдать?

— Да мнѣ-то неловко; вѣдь я съ нимъ вмѣстѣ вчера ушла отъ васъ, онъ и догадается, что бумажникъ я еще при немъ нашла; ну, а ты могла и позже гулять, или рано по утру. Видно въ него крѣпко была влюблена какая-нибудь...

Приходъ Маши избавилъ меня отъ затрудненія продолжать разговоръ объ этомъ предметѣ. Маша быстро взглянула на насъ

своими прищуренными глазками и погрузилась въ вязанье новаго узора.

Послѣ обѣда Маша отправилась домой, а домашніе предались отдыху. До этого времени я ни минуты не оставалась одна, и новое ощущеніе, вспыхнувшее въ душѣ моей при чтеніи этихъ записокъ, какъ-то замерло и затаилось въ присутствіи другихъ. Я чувствовала только, по временамъ, приливъ грусти и досады, вызывавшій почти слезы на глаза мои. И какъ я рада была сойдти въ тѣнистую аллею!

Темныя тучки похаживали еще по небу, застѣняя солнце. Душистая сырость вѣяла съ недавно-смоченной зелени. Но я забыла обо всемъ; глаза мои съ тоской устремлялись на бумажникъ Данарова, и будто читали на немъ печальный для меня приговоръ судьбы.

Онъ любилъ и его любили! думала я съ горечью;—и какъ разстались они, и что говорили въ послѣднее свиданіе? Вѣрно она хороша, очень хороша... Я отбросила ненавистный бумажникъ и заплакала.

Проплакавшись, я вспомнила, что какъ ни противенъ мнѣ бумажникъ, все же нельзя его оставить покойно лежать въ густой травѣ, а должно возвратить, по принадлежности, его владѣльцу. Мнѣ заранѣе стало неловко при мысли, что я должна буду подать Данарову вещь, которая касалась предмета довольно щекотливаго. Собственная моя особа представилась мнѣ въ самомъ смѣшномъ видѣ, скромно подающая несчастный бумажникъ и краснѣющая, вслѣдствіе нѣкотораго непріятнаго пятнышка на совѣсти...

Я рвалась всѣми силами души, чтобъ избавиться отъ этого нравственнаго истязанія, и наконецъ придумала отдать бумажникъ тетушкѣ, для передачи Данарову.

— Гдѣ ты нашла его, мой другъ? спросила меня тетушка.

— Въ саду, отвѣчала я, и тутъ же вспомнила слова тетушки, говоренныя мнѣ не разъ въ уединенныхъ бесѣдахъ съ нею: «берегись, Геничка: одно дурное дѣло непремѣнно ведетъ за собой, другое...»

Сперва я узнала, по доброй волѣ, чужую тайну; теперь солгала передъ тетушкой, потому что не могла же я выдать Марью Ивановну и тѣмъ унизить ее нѣкоторымъ образомъ во мнѣніи

первой. «Одно дурное дѣло ведетъ за собой неизбѣжно другое,» повторилось еще разъ въ душѣ моей.

Между тѣмъ виновница моихъ преступленій явилась съ довольнымъ и покойнымъ лицомъ, хранившимъ еще остатки сладкаго сна, разложила карточный столъ, и съ словами: «что̀ терять золотое время», предалась невинной игрѣ въ преферансъ.

Спустя нѣсколько дней, возвращаясь съ довольно дальней прогулки, я увидѣла экипажъ Данарова на нашемъ дворѣ.

Когда я вошла въ гостиную, то немало удивилась, увидя Данарова, сидѣвшаго съ тетушкой и Марьей Ивановной за карточнымъ столомъ. Я узнала, что онъ самъ предложилъ замѣнить отсутствующую Катерину Никитишну и весело подшучивалъ надъ Марьей Ивановной. Я поклонилась ему довольно разсѣянно. Онъ сказалъ мнѣ обычное: «здоровы ли вы?» и продолжалъ игру и начатый разговоръ.

— Ну, что̀ же послѣ? обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ну, послѣ она вышла за него и наглядѣться не могла, любила безъ памяти.

— А онъ?

— Онъ что̀? да такъ забралъ ее въ руки, пикнуть не смѣла; дѣлала, что̀ приказывалъ. Бывало, гдѣ на вечерѣ только что разтанцуется, онъ подойдетъ, да скажетъ: «домой пора», и пойдетъ бѣдняжка за нимъ, даже жалко ея было. Ревнивецъ страшный— не говори ни съ кѣмъ, не гляди ни на кого... Этакой-то уродъ! Вѣдь вотъ вы нынѣшніе, не вѣрите, а это у насъ въ Курскѣ было при мнѣ.

Исторія была мнѣ знакома. Въ ней дѣло шло о молодой дѣвушкѣ красавицѣ, вышедшей за безобразнаго стараго жениха, о которомъ она сперва и слышать не хотѣла; но онъ сказалъ, что быть ей его женою, и съ помощію одного знахаря, приворожилъ ее къ себѣ.

Я сѣла подлѣ тетушки и помогала припоминать ей взятки и ходы, что̀ она часто забывала.

— Вы знаете эту исторію? спросилъ онъ меня.

— Знаю.

— Вѣрите вы подобнымъ вещамъ?

— Можно ли сказать: вѣрю или не вѣрю о томъ, чего мы не испытали, и вовсе не знаемъ.

— Испытайте.

— Какимъ образомъ?

— Приворожите кого-нибудь.

— Нужно знахаря.

— А Марья Ивановна?

— Что̀ я, колдунья что ли? сказала она, засмѣявшись.

— Я вѣрю, сказала тетушка,—что въ природѣ есть подобныя тайны.

— А вы? спросила я Данарова.

Онъ взглянулъ на меня и медленно отвѣчалъ: «вѣрю», между тѣмъ какъ на губахъ его играла улыбка противорѣчія.

Я сомнительно покачала головой.

— Мало ли во что̀ я вѣрю и не вѣрю, прибавилъ онъ съ едва замѣтною раздражительностью.

— Ахъ, Боже мой, не забыть бы мнѣ! сказала тетушка.—Вы, Николай Михайловичъ, обронили у насъ въ саду бумажникъ... Геничка! онъ у меня тамъ, въ столикѣ; принеси, мой другъ.

Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо при этомъ неожиданномъ переходѣ къ бумажнику. Мнѣ показалось однако, что Данаровъ не замѣтилъ моего смущенія.

— Кто это добрый человѣкъ нашелъ его? спросилъ онъ, принимая отъ меня бумажникъ.

Марья Ивановна бросила на меня значительный взглядъ. Я снова вспыхнула и отвѣчала:

— Я нашла его.

«Одно дурное дѣло»... началъ нашептывать мнѣ неумолимый, внутренній голосъ, отъ котораго становилось мнѣ неловко и досадно.

— Вечеръ чудесный, пойдемте въ садъ, сказалъ Данаровъ, выходя за мной, послѣ чаю, на балконъ.

— Пойдемте.

— Ну, какъ вы провели это время? спросилъ онъ меня.

— Я много думала о нашихъ послѣднихъ разговорахъ, сказала я.

— Я тоже много думалъ о нихъ.

— Что̀, ваша хандра мучила васъ?

— Кто мыслитъ, тотъ страдаетъ. Пушкинъ хотѣлъ жить для того, «чтобъ мыслить и страдать».

— И можетъ-быть, на мой закатъ печальный,
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной...

Договорила я невольно стихи Пушкина.

— Любовь, сказалъ онъ грустно. — Потрудитесь прочитать эти двѣ записочки, и скажите, какъ вы думаете, любила ли искренно та, которая писала ихъ?

Я взяла записки.

— Я думаю, каковъ предметъ любви, такова и любовь, сказала я.

— Можетъ-быть вы правы. Но вѣдь это равно относится ко всѣмъ.

— Есть натуры, которыя всегда возбудятъ какую-то безпокойную, мучительную любовь.

— Неужели же я принадлежу къ числу такихъ натуръ?

— Не знаю...

— Могу ли я любить искренно, постоянно, глубоко?

— Не знаю, Николай Михайловичъ: какъ могу я знать? Вы любили, вамъ лучше знать, какъ вы можете любить.

— А вы и знать не хотите.

— Ахъ, Боже мой, не спрашивайте меня!

— Почему же? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Такъ.

— Я предполагалъ въ васъ болѣе участія къ моей особѣ.

— Кто же вамъ сказалъ, что во мнѣ нѣтъ къ вамъ участія?

— Хорошо участіе! сказалъ онъ, смѣясь.—Ну, Богъ съ вами, это не помѣшаетъ мнѣ считать васъ лучшею изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ на своемъ вѣку...

— Съ чего вы это взяли, отвѣчала я съ горечью,—не считайте меня лучше другихъ!

Голосъ у меня дрожалъ, и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ.

— Что съ вами? сказалъ онъ тревожно и съ участіемъ. — Вы сегодня въ странномъ расположеніи духа...

— Меня мучитъ одно, повидимому, пустое обстоятельство. Я вамъ разкажу.

И я разказала ему исторію съ бумажникомъ.

— Теперь легче? спросилъ онъ меня тихо и ласково.

— Легче!

Марья Ивановна, подосланная къ намъ, вѣроятно, тетушкою для приличія, прервала нашъ разговоръ.

— Мнѣ нравится вашъ садъ, сказалъ онъ, когда мы уже возвращались домой:—онъ какъ-будто нарочно устроенъ для того, чтобъ гулять, мечтать и думать. Безо всякихъ щепетильныхъ затѣй, три длинныя, прямыя аллеи и одна широкая поперекъ; передъ домомъ цвѣтникъ: чего проще и лучше? Въ сторонѣ куртины яблонь и ягодъ...

— Я бывала въ вашей усадьбѣ, сказала Марья Ивановна: — богатая усадьба! Какое надворное строеніе, прелесть! все каменное, домъ тоже каменный, большой. Вы въ домѣ живете, или во флигелѣ?

— Въ домѣ, отвѣчалъ Данаровъ, жаль только, — что въ немъ иногда приходятъ странныя желанія... напримѣръ, застрѣлиться.

— Господь съ вами! вскричала въ ужасѣ Марья Ивановна,— это на васъ искушеніе.

Я ничего не сказала, невольная дрожь пробѣжала по мнѣ.

— Именно искушеніе! сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— А вотъ вы женитесь лучше, продолжала она.

Онъ вздрогнулъ въ свою очередь и быстро перемѣнилъ разговоръ.

— Николай Михайловичъ! сказала я ему, когда Марья Ивановна отошла впередъ, потому что по сторонамъ аллеи была густая трава, и троимъ идти было неудобно:—не оставайтесь долго въ этомъ мрачномъ домѣ, перейдите лучше во флигель; не поднимайте лучше печальныхъ воспоминаній, не допускайте такихъ страшныхъ мыслей. Пріѣзжайте къ намъ, пріѣзжайте чаще... чтобъ быть меньше наединѣ съ своими думами.

— Какъ я люблю, когда вы говорите такъ, отъ души, сказалъ онъ:—когда вы выражаете больше голосомъ и движеніемъ, нежели словами.

— Не въ томъ дѣло, сказала я шутя:—вы дайте слово бывать у насъ чаще.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то неопредѣленно и сказалъ:

— Мнѣ кажется, я не могу не исполнить вашего приказанія.

— Приказанія! какъ это великолѣпно сказано! замѣтила я, смѣясь.

Онъ улыбнулся тихо и задумчиво...

Зачѣмъ, думала я, прислушиваясь къ шуму экипажа, уносившаго его, зачѣмъ не могу я видѣть его чаще, чаще, каждый день!.. Можетъ-быть, мое присутствіе, мое участіе облегчили бы тягость его страданій; можетъ-быть, въ этой душѣ измученной и рано уставшей, воскресла бы сила жизни...

Когда Данаровъ уѣхалъ, Марья Ивановна зорко посмотрѣла на меня и, погрозивъ пальцемъ, сказала:

— Плутъ ты, Геничка!

Исторія знакомства моего съ Павломъ Иванычемъ жива была въ моей памяти; я не могла вспомнить о ней безъ нѣкотораго непріятнаго чувства, и потому ни добродушіе Марьи Ивановны, ни желаніе высказаться не могли подвинуть меня на откровенность. Страхъ быть непонятою, снова подвергнуться ложному истолкованію чувствъ моихъ, внушалъ мнѣ желаніе таить всѣ новыя и живыя ощущенія моего сердца.

Съ этихъ поръ Данаровъ бывалъ у насъ часто; съ этихъ поръ сердце мое сильнѣе и сильнѣе билось при его появленіи...

Однажды онъ засталъ у насъ Машу Филиппову, приглашенную тетушкой погостить. Тетушка была не такъ здорова, потому и не выходила къ намъ.

День былъ вѣтреный и дождливый; дурная погода будто отразилась на лицѣ и въ расположеніи духа Данарова; брови его хмурились, въ движеніяхъ обнаруживалось безпокойство и недовольство; во взглядѣ выражалось холодное безучастіе ко всему окружающему.

Онъ небрежно помѣстился въ тетушкиномъ широкомъ креслѣ и попросилъ позволенія курить.

Марья Ивановна съ насмѣшливою улыбкой показала мнѣ на него глазами; Маша искоса бросала на него проницательные взгляды.

— Какая дурная погода сегодня, сказала ему Марья Ивановна: — Васъ не помочилъ дождь?

Онъ медлилъ отвѣчать, потомъ, будто нехотя, проговорилъ: «нѣтъ», и пустилъ густую струю дыма.

— Вы куда вчера ѣздили, Николай Михайлычъ? спросила его Маша.

— А вы какъ знаете, что я ѣздилъ вчера?

Маша засмѣялась и сказала:

— Да ужь видно знаю!.. Вѣдь вы мимо насъ проѣхали.

Я шила усердно и не говорила ни слова.

— Евгенія Александровна! сказалъ онъ мнѣ:—вы сегодня совсѣмъ не любезная хозяйка. Вы, кажется, и не замѣчаете моего присутствія. И стóитъ ли эта дрянь, продолжалъ онъ, указывая движеніемъ головы на пяльцы,—чтобъ портить за ней глаза!

— Извините меня, я не люблю, чтобъ называли дрянью вещи, которыми я занимаюсь, отвѣчала я равнодушно.

— Право? Въ такомъ случаѣ, прошу извиненія, А, вотъ, вчера я былъ у Раскатовыхъ, тамъ хозяйки были гораздо любезнѣе васъ.

— Вѣрно и вы не были такіе сердитые, какъ сегодня, сказала Маша.

— Они очень богатые люди, замѣтила Марья Ивановна, — и по зимамъ живутъ въ Москвѣ.

— Это видно. Жаль, что самого Раскатова прихлопнетъ скоро параличъ, такъ раздулся онъ. Тогда,—увы! что̀ станется съ его затѣями на англійскій ладъ? Сумѣетъ ли его дражайшая половина поддержать свое достоинство?

— Да вѣдь что̀ затѣи-то ихъ? сказала Маша:—все имѣніе въ долгу.

— Тѣмъ лучше, тутъ-то и надо показать умѣнье пускать пыль въ глаза.

— А каковы барышни-то? спросила Марья Ивановна:—вѣдь, говорятъ, красавицы.

— Совершенство! какія у нихъ ручки! жаль только, что онѣ слишкомъ много заняты ими. У старшей чудесные зубы, и какъ она мастерски показываетъ ихъ! Какіе взгляды, Боже мой, какіе взгляды! До чего, подумаешь, можетъ дойдти женщина въ искусствѣ владѣть глазами! А какъ образованы онѣ, какъ много читали французскихъ романовъ, какъ много словъ говорятъ и какъ мило говорятъ! Вы незнакомы съ ними, Евгенія Александровна?

— Нѣтъ.

— И прекрасно. Слава Богу, что судьба поставила васъ въ сторонѣ отъ большаго свѣта... котораго Раскатовы представляютъ маленькій обращикъ.

— Знаете ли, иногда мнѣ грустно думать, что судьба закрыла мнѣ входъ въ тотъ кругъ, гдѣ все было бы для меня ново и занимательно. Меня беретъ любопытство посмотрѣть на лица,

которыя тамъ дѣйствуютъ; онъ манитъ меня, какъ все неизвѣданное.

— И вамъ пришлось бы размѣнять свою душу на мелочи и вынести одно глубокое разочарованіе...

— Тогда я снова вернулась бы въ этотъ мирный уголокъ освѣжиться и отдохнуть.

— То-то и есть, что воротиться не такъ легко, какъ вы воображаете: въ этомъ омутѣ людскаго тщеславія и малодушія есть что-то одуряющее, не дающее оглянуться и поискать прежняго. Впрочемъ, что̀ же не попробуете вы?

— Войдя въ общество безъ средствъ, я попала бы въ одно изъ самыхъ непріятныхъ положеній... Я самолюбива и не могла бы уберечь себя отъ мелочныхъ оскорбленій, не могла бы сносить ихъ покорно и смиренно. Чтожь бы вышло изъ этого? Неровная борьба...

— А желалъ бы я посмотрѣть на васъ въ этой борьбѣ.

— Надѣюсь, что желаніе ваше не исполнится.

Вмѣсто отвѣта, онъ посмотрѣлъ на меня съ легкою улыбкой.

Я пошла провѣдать тетушку. Она сидѣла на постелѣ и тихо, мѣрно покачивалась всѣмъ корпусомъ, что̀ всегда означало, что она озабочена какою-нибудь важною думой. Я, освѣдомившись объ ея здоровьи и узнавъ, что ей получше, хотѣла уже уйдти, какъ она остановила меня и приказала сѣсть возлѣ себя.

— Геничка! пойдешь ли ты за него? спросила она меня.

Вопросъ ея испугалъ и смутилъ меня.

— Скажи мнѣ откровенно, продолжала она, — пойдешь ли ты за него?

— Я... я ничего не знаю,—это не приходило мнѣ въ голову... Да и онъ самъ, вѣроятно, объ этомъ не думалъ.

— Нѣтъ, мой другъ, молодой человѣкъ не станетъ даромъ ѣздить такъ часто въ домъ къ старухѣ, у которой живетъ молоденькая дѣвушка. По крайней мѣрѣ, въ мое время такъ бывало. Не для меня же или не для Марьи Ивановны пріѣзжаетъ онъ. Или онъ хочетъ свататься къ тебѣ, или только поволочиться за тобой для своего развлеченія.

— Тетушка!

— Ты еще такъ неопытна, такъ довѣрчива, что это кажется тебѣ невѣроятнымъ. А я пожила на свѣтѣ и могу уже здраво су-

дить объ этихъ вещахъ; на своемъ вѣку видала этому примѣры. Видала, какъ и клятвы, и обѣщанія мужскія разлетались прахомъ... Потому, другъ мой, я обязана предостеречь тебя. Я стара, не могу замѣчать за вами; будь же осторожна, и пока не будутъ ясны его намѣренія, смотри на него, какъ на злѣйшаго врага твоего счастія и нашего общаго спокойствія. Будь осторожна! повторила она съ энергіей.

— Боже мой! сказала я съ горестію: — неужели вы не увѣрены во мнѣ?

— Я вѣрю тебѣ, дитя мое, вѣрю, что ты не унизишь себя никакимъ недостойнымъ поступкомъ; не позволишь ему никакой вольности, да и онъ самъ не позволитъ себѣ,—вѣдь онъ умная и хитрая штука; но онъ можетъ незамѣтно опутать твое сердце...

Сомнѣніе, возбужденное тетушкой, бросило на Данарова тѣнь, отъ которой мнѣ становилось грустно и тяжело.

Боже мой! думала я, неужели и въ самомъ дѣлѣ я обманулась въ немъ; неужели онъ хочетъ только играть моими чувствами!...

При одной мысли объ этомъ, лицо мое запылало негодованіемъ и горечью, въ груди захватывало дыханіе. Я вышла черезъ крыльцо въ садъ, чтобъ утишить душевное волненіе, пробѣжала длинную аллею до конца и почти упала на дерновую скамью. День былъ сырой и холодный.

— Однѣ, здѣсь, въ такую сырую погоду! раздался возлѣ меня голосъ Данарова.

Я вздрогнула и быстро встала съ мѣста.

— Что случилось? сказалъ онъ, взглянувъ на меня и невольно отступивъ назадъ: — что такое? что вы узнали? Отчего вы такъ встревожены?

Я успѣла немного собраться съ мыслями, принудила себя улыбнуться и отвѣчала:

— Ничего, вы испугали меня. Пойдемте домой; здѣсь въ самомъ дѣлѣ сыро.

И я пошла впередъ. Не слыша за собой шума шаговъ Данарова, я оглянулась и увидѣла его стоящаго на прежнемъ мѣстѣ, неподвижно, со склоненною головой, какъ у человѣка чѣмъ-нибудь внезапно пораженнаго.

Между тѣмъ набѣжало сѣрое, густое облако и порывъ вѣтра

рванулъ вѣтки деревъ; закапали крупныя, рѣдкія капли дождя; я оглянулась еще разъ,—онъ оставался въ томъ же положеніи.

— Николай Михайловичъ! закричала я ему: — пойдемте же, можно ли оставаться здѣсь теперь?

Онъ будто не слыхалъ меня.

Я воротилась. Лицо его было блѣдно; вѣтеръ волновалъ его волосы; жизнь будто убѣжала изъ его взора; губы сжимались горькою и странною улыбкой. Весь онъ былъ проникнутъ такою безнадежною печалью, что душа моя наполнилась чувствомъ глубокой, нѣжной, страстной жалости. Сомнѣнія, опасенія, наставленія тетушки, собственная личность моя,—все изчезло передъ этимъ непостижимымъ чувствомъ.... Онъ такъ былъ мнѣ дорогъ и милъ въ эту минуту, что еслибъ дуло пистолета угрожало ему, я не поколебалась бы защитить его собою...

— Данаровъ! можно ли такъ задумываться, сказала я ему, слегка касаясь рукой плеча его. — Пойдемте, смотрите, какой дождь и вѣтеръ!

Онъ быстро поднялъ голову и оглядѣлся, какъ человѣкъ, пробужденный отъ сна.

— Пойдемте, ради Бога, сказалъ онъ:—зачѣмъ вы остаетесь здѣсь? такъ можно простудиться.

— Что же съ вами дѣлать? я васъ звала, вы не слыхали или не хотѣли идти.

— Со мной случаются странныя вещи: бываютъ минуты, когда я теряю способность видѣть и слышать все, что вокругъ меня происходитъ, и похожу на человѣка, усыпленнаго магнетизмомъ. Я бы долженъ былъ предупредить васъ и заранѣе попросить снисхожденія къ подобнымъ припадкамъ.

— Они находятъ на васъ такъ, безъ причины?

— Зачѣмъ вамъ знать это?

— Нескромность моего вопроса оправдывается живымъ участіемъ, съ которымъ онъ былъ сдѣланъ.

— Живое участіе раждается отъ довѣрія къ той особѣ, которая возбуждаетъ его, иначе оно только обидная жалость. Вы могли бы повѣрить мнѣ?

— Въ чемъ?

— Во всемъ, безусловно.

Я не отвѣчала.

— Желали бы вѣрить?

— О да, желала бы!

— Не слушайте никого и ничего, кромѣ вашего сердца.

— Оно, говорятъ, плохой совѣтникъ.

Онъ съ волненіемъ провелъ рукой по лицу и сказалъ почти съ досадой:

— Ну, поступайте, какъ знаете.

— Пойдемте поскорѣе, сказала я,—наша прогулка въ такое время можетъ показаться очень странною.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Не лучше ли вамъ пройдти въ ту калитку, а я пойду черезъ балконъ; такимъ образомъ мы избѣгнемъ ложныхъ, глупыхъ толковъ, которыхъ вы такъ боитесь. Да, впрочемъ, прибавилъ онъ,—такая предосторожность напрасна: въ комнатахъ никого нѣтъ.

— Какъ никого нѣтъ? спросила я съ изумленіемъ. — Куда же дѣлись Марья Ивановна, Маша, Катерина Никитишна?

— Онѣ всѣ ушли: къ Марьѣ Ивановнѣ кто-то пріѣхалъ: дочь ли, сынъ ли, не помню хорошенько, и онѣ всѣ ушли туда, къ ней.

— Лиза! вскричала я съ живостію:—Лиза! возможно ли! и я почти бѣжала къ дому.

— И вы имъ рады? спросилъ онъ.

— Какъ не рада! это подруга моего дѣтства. Какъ же вы до сихъ поръ не сказали мнѣ, что она пріѣхала?

— Я забылъ; этотъ проклятый сонъ на яву всему причиной.

— Видно онъ былъ или очень хорошъ, или очень дуренъ, что такъ сильно поразилъ васъ.

— Я не желаю вамъ подобныхъ сновъ.

— А вы часто ихъ видите?

— Нерѣдко.

— Говорятъ, лучшее средство избавляться отъ тяжелыхъ сновъ—разказывать ихъ.

— Я разкажу вамъ послѣ.

— Едва ли вы послѣ найдете удобное время для этого, общество наше прибавится.

— А какъ вы думаете, долго они пробудутъ здѣсь?

— Я думаю не коротко, они пріѣхали издалека.

— Сонъ мой не долго разказывать: я видѣлъ, что я отброшенъ отъ всего, что̀ дорого и мило мнѣ, въ далекую, безотрадную сторону, гдѣ не свѣтитъ солнце, не цвѣтутъ цвѣты...

— Вы хандрите, Николай Михайловичъ! что̀ вамъ за охота мучить себя!

Мы были уже въ гостиной.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ, взявшись за шляпу.—Покуда прощайте! Въ вашемъ новомъ обществѣ я буду несносенъ сегодня. Постараюсь пріѣхать въ другой разъ, въ лучшемъ расположеніи духа.

— Какъ же вы поѣдете въ такой дождь? это рѣшительно невозможно.

— Напротивъ, очень возможно; я велю поднять коляску.

— Останьтесь, Николай Михайловичъ; тетушкѣ будетъ непріятно. Она не любитъ отпускать гостей въ дурную погоду. Право, подумаютъ, что мы поссорились...

— У васъ удивительная способность убѣждать, стращая разными предположеніями и преувеличеніями.

Тетушка вышла къ намъ, оправившись отъ головной боли и принарядившись для встрѣчи нежданыхъ гостей, о которыхъ ей уже доложили.

Я пожаловалась ей на упрямство Данарова, и она помогла мнѣ уговорить его остаться.

Вскорѣ пришла и Катерина Никитишна, вѣстницей скораго прибытія новопріѣзжихъ. Лицо ея сохраняло слѣды недавнихъ слезъ, пролитыхъ отъ умиленія, при видѣ встрѣчи матери съ дочерью. Она разказывала подробности этой встрѣчи и прибавила, что, кромѣ Лизы и ея мужа, пріѣхалъ еще братъ послѣдняго.

— Молодой человѣкъ? имѣла я неосторожность спросить.

На меня устремился взоръ Данарова, взоръ, горѣвшій яркою, возмутительною насмѣшкой. Катерина Никитишна, вслѣдствіе глухоты своей, не отвѣчала на мой вопросъ.

— Молодой, молодой, сказалъ онъ мнѣ вполголоса, съ выраженіемъ той же насмѣшки,—очень любезный, веселый, не то что этотъ несносный, капризный Данаровъ, который такъ надоѣдаетъ своею хандрой...

— Ахъ, Николай Михайловичъ! сказала я ему съ грустнымъ укоромъ:—а кто недавно возмущался противъ ложныхъ толковъ?

— Да это будетъ, я чувствую, что это будетъ! сказалъ онъ желчно, измѣняясь въ лицѣ.

— Не забудьте привезти на будущій разъ обѣщанныя книжки журналовъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ онъ, немилосердо комкая свою шляпу.

— Чѣмъ же шляпа виновата? сказала я ему, улыбаясь, и встала, чтобъ идти на встрѣчу пріѣзжимъ, голоса которыхъ раздавались уже въ прихожей.

Непривычно и странно мнѣ было видѣть въ нашихъ небольшихъ комнаткахъ столько новыхъ лицъ, особенно мущинъ. Даже физіономія Мити, который выглядывалъ изъ-за плечъ мужа Лизы и его брата, показалась мнѣ незнакомою; сама же Марья Ивановна, шедшая впереди всѣхъ, представилась мнѣ волшебницей, по волѣ которой явились эти гости.

Лиза, въ шелковомъ платьѣ, въ щеголеватомъ чепчикѣ и мантильѣ, была настоящею дамой и казалась гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Большіе, сѣрые глаза ея смотрѣли, по прежнему, спокойно и безстрастно. Мужъ ея пополнѣлъ; братъ его былъ молодой человѣкъ, высокій, стройный, съ курчавыми, бѣлокурыми волосами. Лицомъ онъ былъ похожъ на Ѳедора Матвеича, но только лучше. Въ его взглядѣ и походкѣ была та веселая самонадѣянность юности, свойственная натурамъ легкимъ и беззаботнымъ. Звали его Александръ Матвеичъ.

Встрѣча моя съ Лизой если не была трогательна, то была искренна и радушна; но Катерина Никитишна не преминула и тутъ пролить нѣсколько слезъ.

— Что онѣ должны теперь чувствовать? говорила она.—Вотъ, и мнѣ Богъ привелъ видѣть Лизавету Николаевну замужемъ. Время-то какъ идетъ! А Марья Ивановна, чай, ногъ подъ собой не слышитъ, материнское сердце болько!

Опомнившись послѣ здорованій и первыхъ распросовъ, я замѣтила, что Данарова не было съ нами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ съ балкона.

— Данаровъ! что ты? какими судьбами? вскричалъ Александръ Матвеичъ, подходя къ нему.

— Александръ! Вотъ не ожидалъ!

И молодые люди обнялись.

Затѣмъ Данаровъ былъ представленъ Лизѣ, а съ мужемъ ея онъ былъ также знакомъ прежде.

Лиза, сказавъ ему нѣсколько общихъ фразъ, посмотрѣла на меня внимательнымъ, испытующимъ взоромъ, и я почувствовала, что не потеряла еще привычки смущаться отъ этого взора.

— Такъ вотъ какъ! сказала она, входя со мной въ мою комнату: — у васъ нынче молодые люди завелись. Не пришлось бы мнѣ попировать на твоей свадьбѣ, Геничка!

— Помилуй, съ чего ты это взяла?

— Да вѣдь, онъ, говорятъ, къ вамъ часто ѣздитъ.

— Такъ что̀ жь изъ этого?

— А то, что значитъ онъ влюбленъ въ тебя.

— Я, по крайней мѣрѣ, не увѣрена въ этомъ.

— Да и ты неравнодушна къ нему...

— Когда жь ты могла замѣтить это, Лиза?

— Да ужь меня не обманешь; хоть ты и хитришь, да и я не промахъ.

Я молчала.

— Напрасно скрытничаешь: не сегодня, такъ завтра узнаю.

Она сжала губы и стала снимать чепчикъ.

— Терпѣть не могу чепцовъ; головѣ тяжело.

— Вотъ ты теперь, какъ прежде, Лиза, сказала я, — точно и не замужемъ.

— Нѣтъ ужь, Геничка, не то, что̀ прежде; и ты ужь не та стала, много перемѣнилась. Не та ужь дружба ко мнѣ...

— Ты ошибаешься, Лиза; дружба та же, только привычка ослабѣла. Ты знаешь, я всегда дика послѣ долгой разлуки. Вотъ, поживемъ, увидишь. Я думала, что ты разлюбила меня.

— Ахъ, Геничка, ты не думай этого. Сама вспомни, какой переворотъ былъ въ моей жизни. Я у Татьяны Петровны какъ въ туманѣ ходила.

— Ну, а теперь счастлива ты?

— Теперь мнѣ остается только Бога благодарить. Ѳедя души во мнѣ не слышитъ. Меня бранятъ, что я съ нимъ не ласкова, а не понимаютъ, что этакъ лучше, не избалуешь. Мужа баловать не надо. Посмотри за то, какъ онъ цѣнитъ, когда я съ нимъ бываю поласковѣе, ни въ чемъ не откажетъ. А у меня ужь такой

характеръ. А вотъ Александръ Матвеичъ опять,—какой милый, добрый. Когда ты его узнаешь, ты сама полюбишь его. Какъ мы пріятно живемъ въ Т**! Знакомые у насъ такіе славные; мы съѣзжаемся по вечерамъ, танцуемъ, въ карты играемъ. Когда Ѳедя поетъ, и мы за нимъ хоромъ. И что̀ хорошо, безо всякой церемоніи; а ужь какъ я не люблю, гдѣ церемонно! помнишь, у Татьяны Петровны, всѣ въ струнку вытянуты.

— Ты мнѣ этого не говорила.

— Нельзя было, Геничка, могли услыхать, передать ей; какая бы была непріятность! Анфиса Павловна вездѣ подслушивала. Пойдемъ однако туда; не разсердилась бы Авдотья Петровна, что мы ушли. Я еще и Данарова-то вашего хорошенько не видала. Какой онъ блѣдный, испитой,—боленъ что ли?

Мы воротились въ гостиную.

Погода между тѣмъ разгулялась. Вѣтеръ утихъ; разорванныя тучи убѣгали къ сѣверу; вечернее солнце свѣтило ярко и обѣщало великолѣпный закатъ.

Мы всѣ, кромѣ старушекъ, вышли на балконъ и размѣстились на ступенькахъ.

Александръ Матвеичъ осыпалъ Данарова живою рѣчью и воспоминаніями о прошедшемъ.

— Помнишь, говорилъ онъ,—нашу жизнь въ университетѣ, нашу маленькую комнатку; толстую хозяйку, которую мы такъ часто сердили, и наши тощіе карманы, которые сердили насъ въ свою очередь? помнишь, румяную Анюту, за которою ты, злодѣй, волочился, а я ревновалъ не на шутку? Помнишь, Ваню Крапивина, Колю Скрипицына и всѣхъ? Препоэтическое, братецъ, было время! И какъ послѣ всѣ мы разлетѣлись по разнымъ сторонамъ! Вотъ ужь и я четыре года на службѣ; ты вдругъ сталъ богатымъ помѣщикомъ... А чувствительная вдовушка, съ которою ты распѣвалъ страстные романсы и въ то же время посмѣивался надъ ея сентиментальностью... и потомъ нечувствительная, прелестная Нина, подъ окнами которой такъ часто задавали мы серенады вздоховъ, увы! не доходившихъ до ея сердца... Куда все это изчезло?

— Охота тебѣ, сказалъ Данаровъ, — поднимать весь этотъ старый хламъ! скажи лучше, что̀ было съ тобой послѣ?

— Да что̀ послѣ! ничего особеннаго... Много непріятностей,

много хлопотъ, затрудненій опредѣлиться на службу; да, спасибо, добрые люди помогли; вотъ брату спасибо, онъ старался.

— Ну, и ты доволенъ?

— Да, покуда доволенъ, а тамъ думаю въ Петербургъ. А ты какъ провелъ эти годы? Ты, Данаровъ, очень перемѣнился: постарѣлъ, похудѣлъ... А, кажется, теперь тебѣ надо разцвѣтать... Будетъ, потерпѣлъ нужды...

Я невольно посмотрѣла при этихъ словахъ на Данарова. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, много измѣнился даже послѣ того, какъ я видѣла его въ первый разъ... около губъ и глазъ обозначились рѣзкія черты, придававшія его физіономіи угрюмое и печальное выраженіе.

— Всему виною хандра, отвѣчалъ онъ.

— Женись, братецъ; это лучшее лѣкарство отъ хандры.

— Какой вздоръ! отвѣчалъ Данаровъ, вспыхнувъ, и перемѣнилъ разговоръ.

Данарову, во весь остатокъ вечера, не удалось сказать со мной ни слова наединѣ. По какому-то странному капризу, онъ сталъ любезничать съ Машей. Просилъ ее учить его вязать чулки, спускалъ петли, путалъ нитки; даже разъ, передавая ей вязанье, поймалъ одинъ изъ ея тоненькихъ, сухихъ, смуглыхъ пальцевъ и держалъ съ минуту, устремивъ на нее престранный, презамысловатый взглядъ. Она краснѣла, смѣялась, отшучивалась и кокетничала, не хотѣла сидѣть съ нимъ рядомъ, спрятала колечко, которое онъ просилъ дать ему посмотрѣть. Я предалась съ Лизой воспоминаніямъ о прошедшемъ, что̀ не мѣшало мнѣ однако, въ глубинѣ души, чувствовать себя оскорбленною обращеніемъ Данарова съ Машей.

— Гдѣ теперь Павелъ Иванычъ? спросила меня Лиза.

— Не знаю, я о немъ ничего не слыхала съ тѣхъ поръ.

— Онъ теперь у хорошаго мѣста, сказала Маша, — какъ мы слышали, учителемъ въ домѣ богатаго помѣщика.

— Гдѣ же это? далеко?

— Отсюда далеко, туда за о́секъ. Не помню какъ фамилія помѣщика.

— Что̀ это за Павелъ Иванычъ? спросилъ Данаровъ Машу.

— Это жилъ прежде учитель у Марьи Ивановны, отвѣчала та, сжавъ лукаво губы и бросивъ на меня летучій взоръ.

— Давно?

— Да, ужь давно.

— Что̀, онъ былъ влюбленъ въ васъ?

— И не думалъ, отвѣчала она.

— Не въ васъ ли онъ былъ влюбленъ, Лизавета Николавна?

— Вотъ еще, сказала Лиза, я его терпѣть не могла.

Маша шепнула что-то Данарову, послѣ чего онъ прекратилъ свои вопросы; но глаза его загорѣлись такимъ злымъ блескомъ, что мнѣ нужно было призвать на помощь всю твердость, чтобъ выдерживать его взоръ холодно и спокойно.

Лиза наблюдала за нимъ изподтишка. Присутствіе его въ этотъ вечеръ было для меня тяжело и непріятно.

— Ну, Геничка, сказала мнѣ Лиза, когда онъ уѣхалъ,—что онъ влюбленъ въ тебя, въ этомъ я теперь увѣрена; только характерецъ, нечего сказать! Будь у него милліоны, не пошла бы за него! Неужели ты рѣшишься?

— Полно, Лиза, мнѣ даже становится скучно толковать о немъ.

— Вотъ бы тебѣ женихъ, сказала она,—Александръ Матвеичъ. Вотъ ужь этотъ такъ ангелъ!

— Что̀ у тебя за страсть сватать меня!

— Помилуй, да что̀ же? Въ дѣвкахъ что̀ ли ты намѣрена оставаться? Вотъ радость!

— Тетушка не вышла же замужъ.

— Тетушка твоя еще не указъ... Нѣтъ, я была бы радехонька, еслибъ тебя Богъ пристроилъ. Состояніе у тебя небольшое. Хорошо, пока Авдотья Петровна жива, а умретъ, куда ты дѣнешься? Къ Татьянѣ Петровнѣ, такъ вѣдь ужь тамъ житье-то не такое будетъ. Здѣсь тебѣ всѣ угождаютъ, а тамъ ты должна будешь всѣмъ угождать, да все переносить — и косые взгляды и кислыя мины. Положимъ, что Авдотья Петровна нѐ оставитъ тебя, да вѣдь много ли у ней у самой-то? Она маменькѣ говорила, что даетъ тебѣ вексель въ пять тысячъ серебромъ, а имѣнье родовое; нельзя и Василья Петровича обидѣть, у него сынъ. Нѣтъ, тяжело тебѣ будетъ, Геничка!

Я отъ души поцѣловала Лизу за добрую заботливость ея обо мнѣ.

— Конечно, продолжала она въ раздумьи,—у Данарова хорошее состояніе; восемьсотъ душъ не бездѣлица; да вѣдь, пожалуй,

не рада будешь и тысячѣ, какъ характеръ-то ужасный. Посмотри, ревнивецъ какой; ничего не видя, каковы онъ глаза сдѣлалъ, какъ говорили о Павлѣ Иванычѣ, точно чортъ; на меня даже страхъ нашелъ. Нѣтъ, ты, Геничка, подумай хорошенько. А эта Филипиха-то что̀ тутъ егозитъ? Чего она добивается? ужь она не думаетъ ли за него замужъ выйдти? Какъ же, посмотритъ онъ на нее! Никогда я не любила ее. Хитрячка!

Къ намъ подошла Марья Ивановна, Лиза передала ей свое мнѣніе о Данаровѣ.

— Какъ же ты хочешь, Лизавета, сказала Марья Ивановна, принимая сторону Данарова,—чтобъ ему было пріятно слышать о Павлѣ Иванычѣ? Вѣдь я слышала, что Марья-то подшепнула ему...

— А что̀, маменька?

— А то, что Геничка была влюблена въ него.

— Такъ что̀ же! отвѣчала Лиза, — ему и нужно было эдакіе страшные глаза дѣлать? Поможетъ что ли онъ? Полноте, маменька, заступаться за него; у него долженъ быть ужасный характеръ.

— Ничего не ужасный, а просто онъ еще не увѣренъ въ ней, вотъ это его и бѣситъ.

— Ахъ, маменька, какъ вы странно судите! если ужь онъ теперь не можетъ скрыть своей злости, что̀ же онъ мужемъ-то будетъ!

— Мужемъ совсѣмъ другое дѣло... Напрасно ты смущаешь ее.

— Я и не думаю ее смущать, сказала Лиза, обидясь,—съ чего вы это взяли?

— Лиза! сказала я: — развѣ я не вижу твоего добраго участія.

— Мнѣ-то что̀ смущать тебя; ты вольна въ себѣ, мнѣ не остановить тебя.

— Да развѣ я для того сказала, сказала струсившая гнѣва дочери Марья Ивановна,—я сказала такъ; я знаю, что ты добра ей желаешь. Ты ужь къ матери нынче слишкомъ взыскательна стала, Лизавета!

— Ну, полноте, маменька, что объ этомъ толковать; ничего не взыскательна. Пора намъ и домой, ужь поздно.

VIII.

Жизнь моя очень оживилась. Лиза, мужъ ея и братъ, сопровождаемый Марьей Ивановной, являлись каждый день, по желанію тетушки, къ утреннему чаю и оставались у насъ до поздняго вечера.

Молодые люди нравились старушкѣ; она съ участіемъ слѣдила за ихъ веселымъ разговоромъ, улыбалась на ихъ шутки, съ удовольствіемъ слушала пѣніе Ѳедора Матвеича; иногда вторилъ ему неудачно братъ его, у котораго, какъ говорилъ Ѳедоръ Матвеичъ, къ пѣнію была охота смертная, да участь горькая. Александръ Матвеичъ не обижался, а смѣялся вмѣстѣ съ другими, иногда только въ отмщеніе сбивалъ съ толку Ѳедора Матвеича въ серединѣ какого-нибудь романса. Молодые люди полюбили тетушку безъ памяти, и наперерывъ старались угождать ей. Старушка баловала ихъ въ свою очередь: заказывала любимыя ихъ кушанья, подарила имъ тонкихъ, домашнихъ полотенъ. Она не мало радовалась и тому, что мнѣ весело.

Къ Лизѣ я снова начала привязываться. Надо сказать правду, замужство перемѣнило ее къ лучшему. То, что̀ прежде казалось въ ней холодностью, перешло теперь въ спокойную разсудительность. Самая строгость ея къ сердечнымъ порывамъ смягчилась. Цѣль жизни была достигнута; любовь мужа и довѣренность его къ ней дѣлали ее счастливою, слѣдовательно болѣе довѣрчивою, хотя все еще природная скрытность иногда брала у нея верхъ; но странно то, что вмѣстѣ съ тѣмъ скрытность другихъ раздражала и отталкивала ее.

Несмотря на то, что я была сердита на Данарова, мысль моя нерѣдко уносилась въ Завѣдово и слѣдила за его хозяиномъ. По временамъ, я прислушивалась къ каждому шуму и снова ждала его, хотя не прошло трехъ дней послѣ послѣдняго его посѣщенія.

Въ продолженіе этого времени, Александръ Матвеичъ былъ у него и, возвратясь, назвалъ его чудакомъ, хандрой, скептикомъ.

— Да онъ, просто, не умѣетъ пользоваться жизнію, сказалъ онъ, —покойный старикъ совсѣмъ испортилъ и раздражилъ его своею скупостью... И теперь онъ не можетъ еще опомниться. Бѣдняжка

терпѣлъ столько нужды, долженъ былъ занимать, отказывать себѣ во всемъ, и теперь онъ какъ будто мститъ судьбѣ за прошлыя страданія, не беретъ отъ нея ничего. Живетъ въ пустомъ, старомъ домѣ, не доставляя себѣ никакихъ удовольствій, никакого комфорта. О, еслибъ у меня было такое независимое состояніе!

— А можетъ-быть, онъ такъ же скупъ, какъ отецъ его, сказала Лиза.

— Кто его знаетъ! почти съ горечью сказалъ Александръ Матвеичъ.—Не такой былъ онъ прежде...

— Однако онъ обошелся съ вами по-дружески? спросила я.

— Да; только тяжело видѣть въ немъ это мертвое равнодушіе къ самому себѣ, это отсутствіе молодости и откровенности. Какое-нибудь тайное, большое горе довело его до этого!

— Не влюбленъ ли онъ въ кого-нибудь безнадежно? сказала Лиза.

На другой день, въ 11 часовъ утра, я одна ходила въ саду; гости только что встали (что̀ я узнала отъ дѣвушки Марьи Ивановны, пробѣжавшей мимо забора сада), потому что наканунѣ просидѣли очень долго, не желая терять чудныхъ часовъ теплой, лѣтней ночи. Мы съ тетушкой напились чаю однѣ и ждали ихъ только къ завтраку.

Поворачивая изъ одной аллеи въ другую, я увидала Данарова, который шелъ мнѣ на встрѣчу. Онъ поздоровался со мной холодно.

Я не рѣшалась заговорить съ нимъ, и мы оба нѣсколько минутъ ходили молча.

— Прекрасно! наконецъ сказалъ онъ, теряя терпѣніе: — прекрасно! Влюбиться въ перваго попавшагося мущину, въ ничтожество, въ семинариста; обрадоваться ему — драгоцѣнному подарку судьбы, и бросить свое сердце въ лужу грязи! Влюбиться! Какъ вы еще въ колыбели не влюбились въ кого-нибудь?

При первыхъ словахъ, страшный порывъ негодованія и досады закипѣлъ у меня въ душѣ; но черезъ минуту слова Данарова показались мнѣ бредомъ горячешнаго, а подъ конецъ до того смѣшными, что я сперва отвернулась, чтобъ скрыть улыбку, потомъ расхохоталась.

Это его, повидимому, озадачило и прохладило.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! сказалъ онъ уже скорѣе печально,

чѣмъ раздражительно:—еслибъ вы могли заглянуть въ мою душу, у васъ не достало бы силъ смѣяться; вы не смотрѣли бы на меня этимъ спокойнымъ, наблюдающимъ взоромъ; то, что̀ теперь вамъ кажется непонятнымъ, имѣетъ глубокое и правильное основаніе въ моемъ сердцѣ.

Я рѣшилась молчать до послѣдней невозможности и стала обламывать сухія вѣтки съ куста сирени.

— Вы въ самомъ дѣлѣ не намѣрены сегодня говорить со мной ни слова? сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.

— Что̀ вамъ угодно? отвѣчала я.

Онъ порывисто сломилъ свѣжую вѣтку. Я осмотрѣла ее съ сожалѣніемъ, отбросила и пошла домой. Онъ послѣдовалъ за мной.

— Сегодня разцвѣлъ кустъ бѣлыхъ розъ, сказала я ему,—если вы не будете ломать его, я вамъ покажу.

— Не буду, отвѣчалъ онъ, улыбаясь тихо и грустно, безо всякихъ признаковъ гнѣва.

— Данаровъ! сказала я ему строго и печально: — вы должны извиниться передо мной; вы оскорбили меня самымъ страннымъ и неприличнымъ образомъ.

Онъ схватилъ мою руку и крѣпко прильнулъ къ ней губами.

— Геничка! проговорилъ онъ съ увлеченіемъ: — развѣ вы не видите, что любовь къ вамъ сводитъ меня съ ума!...

Онъ весь измѣнился: его лицо, озаренное страстью, было прекрасно; въ голосѣ звучало все, что̀ было нѣжнаго и любящаго въ душѣ человѣка...

— Геничка, продолжалъ онъ, — неужели и теперь вы не скажете мнѣ ничего, ничего утѣшительнаго!

— Что̀ сказать? отвѣчала я, взволнованная до глубины души: — нужны ли слова?

— Желалъ бы я знать одно, сказалъ онъ, снова овладѣвъ моею рукой, — любитъ ли меня, хоть немного, эта упрямая дѣвушка Евгенія Александровна? И не думаетъ ли еще она о своемъ прежнемъ обожателѣ?

— Желала бы я также знать, что̀, этотъ несносный Данаровъ влюбленъ ли еще въ ту женщину, которая писала ему такія страстныя записочки?

Онъ улыбнулся и бросилъ на меня горсть листовъ бѣлой розы, сказавъ:

— Онъ никогда не любилъ ее истинно. А вы?

— Это было такое свѣтлое, тихое чувство, что я вспоминаю о немъ безъ раскаянія, съ благодарностью...

— Отъ души желаю, чтобъ провалились сквозь землю всѣ семинаристы на свѣтѣ! сказалъ онъ.

— Это отъ того, что вы теперь гораздо болѣе заняты собственнымъ чувствомъ, нежели моею особой.

— Это сказано зло, но несправедливо...

Въ эту минуту на балконѣ раздались голоса.

— Боже мой! сказала я съ испугомъ: — ужь всѣ собрались; пойдемте туда. Ахъ, Николай Михайловичъ! прибавила я:—грѣхъ вамъ было такъ подкрадываться къ моему сердцу, опутать и смутить его до такой степени...

Ясность его духа мгновенно исчезла.

— Ради Бога, Евгенія Александровна, одно слово: любите ли вы меня? сказалъ онъ тревожно.

— Развѣ вы не видите? отвѣчала я, и выбѣжала въ калитку сада.

Прежде нежели я присоединилась ко всѣмъ, я зашла въ мою комнату. Голова у меня кружилась, сердце било тревогу; какой-то теплый, радужный туманъ покрывалъ всѣ предметы. Всѣ мои холодныя, благія рѣшенія исчезли, — я любила его! Я чувствовала, что всѣ сомнѣнія, всѣ представленія разсудка не могли дать и капли того счастія, которое охватило меня теперь, когда я вѣрила, любила, когда образъ его стоялъ передо мной, закрывая собой и прошедшее и будущее моей жизни...

Да, я любила его! Его слова, его голосъ проливали на меня невѣдомое наслажденіе; сладостный трепетъ проникалъ меня при мысли, что я снова увижу его, и никто изъ нихъ не будетъ знать, что, десять минутъ назадъ, этотъ самый Данаровъ, который такъ лѣниво, такъ холодно говоритъ съ ними, сказалъ мнѣ, что онъ любитъ меня, что онъ думаетъ только обо мнѣ, замѣчаетъ только меня...

Вмѣсто того, чтобъ спѣшить къ гостямъ, я сидѣла у окна, въ моей комнатѣ, и повторяла сердцемъ все, что случилось со мной въ то утро... Притомъ же широкій дворъ, пролегавшая черезъ него дорога, бревна, приготовленныя для постройки флигеля, кухня, баня, худой заборъ, колодецъ съ двумя покривившимися столбами, между которыми на перекладинѣ качалась бадья, — все

это казалось мнѣ такъ мило, такъ ново, что я рѣшительно не имѣла желанія встать съ мѣста и идти слушать человѣческіе голоса, чуждые тайнѣ моей души, видѣть людей, съ которыми, въ настоящую минуту, у меня не было ничего общаго.

И долго бы просидѣла я такъ, еслибъ мускулистая рука не ухватилась за подоконникъ, и вслѣдъ затѣмъ не упалъ на мои колѣна пучокъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣсколько вѣтокъ смородины.

Я догадалась, что это Митя воротился съ охоты.

У него была страсть удивить и напугать нечаянностью своего появленія, и потому онъ часто, уходя, назначалъ позже срокъ своего возвращенія, подкрадывался незамѣтно, чтобъ предстать вдругъ изумленнымъ зрителямъ и былъ совершенно счастливъ, когда появленіе его встрѣчалось крикомъ невольнаго испуга. Марья Ивановна и Катерина Никитишна чаще всѣхъ доставляли ему это удовольствіе: иногда, въ срединѣ какого-нибудь страшнаго разказа, первая, повернувшись въ сторону и увидавъ въ дверяхъ безмолвную и неподвижную фигуру своего сына, котораго воображеніе ея, настроенное на чудесное, никакъ не позволяло ей узнать съ перваго раза,—вздрагивала и неистово вскрикивала, заражая своимъ страхомъ Катерину Никитишну, а нерѣдко и меня.

Итакъ, я легко догадалась, что пучокъ цвѣтовъ былъ брошенъ Митею.—Не прячьтесь, не испугали, сказала я, подбирая цвѣты и выглянувъ за окно, гдѣ стоялъ Митя, притаившись у стѣны.

— Посмотрите-ка, сестрица! сказалъ онъ, махая передо мной большою убитою птицей, которую держалъ за одно крыло:—глухарь, да славный какой! Въ Заказѣ убилъ; ихъ тамъ много. Вы бывали ли въ Заказѣ когда-нибудь?

— Можете себѣ представить, никогда! вѣдь это не такъ далеко?

— Ну, версты двѣ будетъ. А что̀ за лѣсъ! чистый, дерево къ дереву. Ужь понравился бы вамъ. Бѣлыхъ грибовъ много, сухарокъ, ягодъ. Вотъ бы когда всѣмъ, компаніей, туда собраться...

— А что̀, Митя, прекрасная мысль! какъ бы это устроить?

— Такъ чтожь, можно: маменьку подговорить да сестру. Да, вотъ, она легка на поминѣ.

— Здравствуй! помилуй, что ты пропала? сказала Лиза, войдя ко мнѣ.—Это она съ Митей любезничаетъ.

— Чего ты не выдумаешь! отозвался тотъ, скромно краснѣя.

— А онъ и покраснѣлъ!

Лиза расхохоталась и принялась дразнить бѣднаго Митю.

— Такъ вотъ какъ! я не знала, это новость! Геничка тебѣ голову вскружила! браво, братецъ, браво! То-то онъ ей и цвѣты приноситъ и ягоды...—Ай да Митя! говорила она, какъ-то особенно растягивая каждое слово и такимъ тономъ, отъ котораго въ самомъ дѣлѣ немудрено было покраснѣть бѣдному Митѣ. Такъ учитель говоритъ ученику, пойманному въ шалости:—прекрасно, очень хорошо!

— Ну, что ты его мучишь понапрасну? сказала я Лизѣ, когда Митя, который сперва застѣнчиво отшучивался, наконецъ разсердился и неровными шагами отправился въ кухню передать повару убитаго глухаря.

— Полно, пожалуста, онъ радехонекъ... Я по себѣ знаю; бывало, превесело, когда кѣмъ-нибудь дразнятъ; хоть и сердишься, а все весело...

— Помилуй, это произведетъ принужденность въ обращеніи.

— Ну, что за важность! да пойдемъ туда. Данаровъ здѣсь давно.

— Я видѣла его.

— Зачѣмъ же ты удалилась?

— Замечталась здѣсь, а потомъ съ Митей болтала.

И она увела меня съ собой.

— Геничка, такъ не дѣлаютъ, сказала мнѣ тетушка, встрѣтясь съ нами въ комнатѣ, смежной съ гостиной: — гостей однихъ не оставляютъ; это неловко и невѣжливо.

— Вотъ тебѣ и выговоръ, сказала Лиза.

Но я находилась въ такомъ состояніи духа, что меня было трудно огорчить или разсердить.

— Соберемтесь когда-нибудь въ Заказъ пить чай, сказала я Лизѣ, подходя къ гостиной.

— Прекрасная мысль! отвѣчала она: — можно устроить это въ родѣ пикника. Назначимъ день и пригласимъ Николая Михайлыча.

Намѣреніе наше принято было всѣми съ удовольствіемъ, только исполненіе его, по случаю сомнительной погоды, отложено было до послѣзавтра. Но погода, какъ на зло, портилась все болѣе; ежедневные дожди больше недѣли держали насъ дома.

Ѳедоръ Матвеичъ съ братомъ играли въ шахматы; Лиза съ тетушкой, матерью и Катериной Никитишной, сидѣли за преферансомъ. Данаровъ бывалъ у насъ почти каждый день. Его хандра, его раздражительность часто наводили печальную тѣнь на мою любовь. И теперь, когда онъ зналъ, что любимъ глубоко, онъ не переставалъ мучить меня, подчасъ мелочными капризами, желчными выходками, перемѣшивая ихъ съ пламенными выраженіями страсти.

Лишнее слово съ Александромъ Матвеичемъ вызывало у него вспышку незаслуженной ревности, веселая улыбка на лицѣ моемъ была предметомъ иногда самыхъ горькихъ укоровъ въ эгоизмѣ и спокойствіи съ моей стороны, тогда какъ онъ страдаетъ, тогда какъ онъ подавленъ гнетомъ самыхъ безрадостныхъ сомнѣній. Его бѣсила невозможность оставаться со мной наединѣ, бѣсила дурная погода, бѣсила даже самая любовь его ко мнѣ... Онъ жаловался на мою осторожность, преслѣдовалъ названіемъ малодушія мои старанія скрывать чувство отъ постороннихъ.

Онъ бросалъ меня, поперемѣнно, отъ досады къ грусти, отъ блаженства быть любимой къ тоскѣ разочарованія, онъ томилъ, дразнилъ мое сердце съ неподражаемою тираніей, и въ тоже время умѣлъ заставить любить себя страстно. Чего хотѣлъ онъ? Чего требовалъ? Я теряла голову.

Наконецъ выдался ясный денекъ, въ который положено было отправиться послѣ обѣда въ Заказъ. Къ Данарову послали съ утра записку просить его обѣдать.

Послѣ завтрака, мы всѣ, кромѣ тетушки, занятой хозяйственными распоряженіями во внутреннихъ комнатахъ, собрались въ гостиной и толковали о предстоявшей прогулкѣ.

— А вы, маменька, съ нами? спросила Лиза Марью Ивановну.

— Ну, нѣтъ; вѣдь это далеко, я устану, отозвалась Марья Ивановна,—да и шутка ли забраться туда сейчасъ послѣ обѣда.

— Вы пріѣзжайте послѣ, въ экипажѣ Данарова, вмѣстѣ съ чаемъ и другими припасами.

— Мы идемъ въ Заказъ! сказала я весело входящему Митѣ.

— И я съ вами, отвѣчалъ онъ.

— Да ужь какъ тебѣ не съ нами! вмѣшалась Лиза:—Геничка идетъ, а ты останешься, возможно ли это?

— Сестра! ты опять! сказалъ онъ, почти грозно. Это обратило на него общее вниманіе; Лизу поддерживали Ѳедоръ Матвеичъ и братъ его. Одинъ только Данаровъ не преслѣдовалъ Митю. Онъ сидѣлъ, молча, и задумчиво чертилъ карандашемъ по листу бумаги.

— Вы рисуете? спросила я его.

— Когда-то рисовалъ, только очень давно.

— Нарисуйте что-нибудь.

Онъ взялъ чистый листъ и, въ непродолжительномъ времени, искусною рукой набросанъ былъ ландшафтъ: по крутому берегу, кой-гдѣ усѣянному мелкимъ ельникомъ, вилась дорога; вдали, на возвышенности, видѣлись крыши строеній, изъ которыхъ рѣзко выдавался большой барской домъ, съ полуразрушеннымъ бельведеромъ. Данаровъ сумѣлъ дать особенный запустѣлый видъ этому зданію. Оно стояло въ тѣни, ни струйки дыма изъ бѣлыхъ трубъ его, тогда какъ другіе домики топились, и свѣтъ падалъ на ихъ окна.

Между тѣмъ, пока рисунокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, на другомъ листѣ бумагѣ, подъ карандашомъ Данарова, явилось смѣющееся лицо Марьи Ивановны. Сходство было разительное.

— У васъ талантъ, Николай Михайловичъ, сказала я, подходя къ нему,—и вы...

— Что я? подхватилъ онъ,—зарылъ его въ землю?.. До таланта далеко. Талантъ подавитъ всѣ мелочныя желанія, всѣ фальшивыя стремленія, и увлечетъ человѣка къ его назначенію, даже противъ всѣхъ усилій его воли... Талантъ тоже, что страсть, неудержимая, неодолимая!..

— Неужели вы думаете, что страсть не можетъ быть уничтожена ни силою воли, ни обстоятельствами? А время? Развѣ не ослабляетъ оно всего? притомъ же у судьбы есть такія средства, противъ которыхъ не устоитъ никакая страсть. Замучитъ человѣка, исколетъ булавками, если не сладитъ съ нимъ большое горе.

— Что вы называете большимъ горемъ?

— Тѣ бури жизни, которыя набѣгаютъ на васъ мгновенно и шумно; потери, несчастія, которыхъ не нужно ни таить, ни объяснять, въ которыхъ всякій принимаетъ участіе, гдѣ нѣтъ мѣста ни обвиненію, ни суду людскому.

— А все прочее, по вашему, малое горе?

— Малое въ отношеніи къ людскому участію.

— Да стóитъ ли хлопотать о немъ? Развѣ не довольно съ насъ участія того, кого мы любимъ, кто понимаетъ насъ? Я знаю, что заставить друга погоревать, пострадать нашимъ горемъ, доставляетъ хотя горькую, но высокую отраду.... По степени этого страданія узнается сила его любви.... Вотъ отчего мнѣ тяжело твое веселье; вотъ отчего я мучу тебя моими сомнѣніями.... продолжалъ онъ вполголоса, замѣтивъ, что насъ не слушаютъ.— Я желалъ бы сдѣлать тебя счастливою только моимъ счастіемъ; но думать, что ты обойдешься безъ меня, эта мысль давитъ меня!..

— Другъ мой! ты можешь быть доволенъ: мое счастіе связано съ твоимъ, мое спокойствіе улетѣло...

— О, моя милая, не обвиняй меня! у меня вся надежда на силу любви твоей, — и эта надежда кажется мнѣ обманчивою!... Ты опутана такими крѣпкими сѣтями ложныхъ понятій: я боюсь, что страхъ людскаго суда вскорѣ станетъ между нами неодолимою преградой.

Вмѣсто отвѣта, я посмотрѣла на него съ тоской, желая понять все, что̀ казалось мнѣ въ любви его темнымъ и загадочнымъ...

— Неужели ты не вѣришь? продолжалъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ.

— Чему должна я вѣрить?

— Тому, что̀ живетъ здѣсь, въ моемъ сердцѣ — любви моей, Геничка!

— А что̀ же, если не это, даетъ мнѣ силы выносить тяжелыя минуты безнадежности?

— Когда голодный волкъ душитъ овечку, его проклинаютъ, а виноватъ ли онъ, судя по истинному порядку вещей?.. Простишь ли ты человѣка, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, — у котораго причиной вины была одна только любовь къ тебѣ?

— О, конечно; но все же лучше овечкѣ не заходить въ лѣсъ и быть поближе къ пастухамъ.

И я отошла съ стѣсненнымъ сердцемъ къ игравшимъ въ шахматы, Ѳедору Матвеичу и брату его.

— Вы умѣете играть въ шахматы? спросилъ меня Ѳедоръ Матвеичъ.

— Нѣтъ; поучите.

— Съ удовольствіемъ. Вотъ видите, продолжалъ онъ, разставляя выточенныя изъ кости старинныя фигуры, гдѣ ферязи представляли рыцарскія головы въ шишакахъ, а пѣшки миніатюрныхъ вооруженныхъ воиновъ. — Вотъ, видите, это король, здѣсь королева, здѣсь офицеры или ферязи, и такъ далѣе. Здѣсь вся великая наука жизни, уроки, какъ избѣгать ухищреній враговъ, отражать ихъ нападенія, главное предвидѣть ихъ, выпутываться изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ и выходить изъ боя побѣдителемъ.

— А я, заговорилъ Александръ Матвеичъ,—часто на мѣстѣ короля воображаю молодую дѣвушку: рядъ крупныхъ фигуръ представляетъ родныхъ и знакомыхъ; рядъ мелкихъ—всю прочую житейскую сволочь. Всѣ они стараются изо всѣхъ силъ предохранить ее отъ искушеній молодости, оградить отъ вліянія перваго, по ихъ мнѣнію, врага ея—мущины; они хлопочутъ, суетятся, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто; она сама хотя дѣйствуетъ лѣниво и медленно, а все-таки помогаетъ имъ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ законовъ приличія. Но, увы! всѣ труды, всѣ старанія, рано или поздно, кончаются неизбѣжнымъ шахъ и матомъ...

— Неужели неизбѣжнымъ?

— Конечно бываютъ исключенія; иногда обѣ партіи остаются ни при чемъ. У хорошихъ игроковъ это рѣдко случается.

— Вы хорошій игрокъ?

— Не совсѣмъ; иногда дѣлаю невѣрные ходы.

— А что, пойдемъ мы въ Заказъ? спросила Лиза, входя.

— Непремѣнно.

— Кажется, дождя не будетъ, сказала она, подходя къ окну,— вѣтеръ разнесетъ облака. Что вы еще рисовали? обратилась она къ Данарову. — Ахъ, Боже мой, что вы сдѣлали! Посмотри, Геничка, онъ зачеркалъ и затушевалъ свой рисунокъ, такъ что ничего не видно.

Въ это время пришла тетушка и пошла къ обѣду, ласково пригласивъ насъ слѣдовать за нею.

Во время обѣда пришла Арина Степановна съ одною изъ дочерей и Маша Филиппова. Онѣ уже пообѣдали дома, потому что ихъ утро начиналось очень рано.

— Вы не устали, Маша? спросила я ее послѣ обѣда.

— Нѣтъ, а что?

— Мы надумали идти въ лѣсъ и даже пить тамъ чай.

— Съ удовольствіемъ. Мы совсѣмъ не устали. Далеко ли прошли — двухъ верстъ не будетъ. Я вѣдь къ вамъ отъ Арины Степановны; я у нихъ сегодня ночевала. Катя! вы пойдете? обратилась она къ дочери Арины Степановны.

Та изъявила свое согласіе.

— А Николай Михайлычъ съ вами? спросила меня Маша.

— Давеча онъ хотѣлъ идти съ нами.

Маша засмѣялась.

— Давеча хотѣлъ, сказала она,—а теперь, пожалуй, и передумаетъ.

— Отчего вы такъ полагаете?

— Вѣдь онъ такой, какъ на него найдетъ.

— Вы его хорошо знаете, Маша?

Она мгновенно придала своему лицу выраженіе совершеннаго равнодушія, и сказала:

— Да гдѣ вамъ такъ знать, какъ мы узнаемъ; мы ближе живемъ къ его усадьбѣ, да и жизнь наша не такая,—всякій слухъ до насъ скорѣе доходитъ. Этта, о праздникѣ, ихніе люди были; ну, вѣдь не запретишь, подъ окнами гуляютъ, говорятъ между собой,—слышишь. Домишко нашъ маленькій, низенькій.

Неопредѣленное чувство сомнѣнія и недовѣрія скользнуло у меня по душѣ.

Я взглянула на Машу: никогда я не видала ее такою хорошенькою: худенькая, стройная, въ розовомъ холстинковомъ платьѣ, стянутомъ чернымъ кушачкомъ; ея постоянно блѣдное личико разгорѣлось отъ движенія, черные глазки блестѣли бриліантами и полузакрывались рѣсницами, съ выраженіемъ какой-то внутренней, скрытой нѣги; нельзя было равнодушно смотрѣть на нее. Тонкія, черныя, какъ смоль, брови то слегка хмурились, то приподнимались, будто тайная, сжатая насмѣшка шевелилась у нея въ головѣ.

Къ намъ подошелъ Данаровъ. Маша, съ какимъ-то капризнымъ кокетствомъ, скрестила руки, наклонила на сторону головку, повернулась и отошла. По лицу его пробѣжала едва замѣтная улыбка.

— Какъ она хороша сегодня! сказала я, показывая на нее вслѣдъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, — въ этой дѣвушкѣ много оригинальнаго. Когда вы стоите съ ней рядомъ, то сравненіе — ночь и день, приходитъ на умъ; въ васъ—все, начиная съ вашей души до наружности, — все озарено спокойнымъ, теплымъ свѣтомъ; нѣтъ обманчивыхъ призраковъ, не томится душа безотчетнымъ страхомъ. Смертельный врагъ вашъ можетъ спокойно спать на краю пропасти, въ вашемъ присутствіи. А тамъ, продолжалъ онъ, указывая взглядомъ въ ту сторону, гдѣ стояла Маша,—тамъ, все невѣрно, все полумракъ, полуправда; взоръ тонетъ въ этихъ черныхъ глазахъ на угадъ, не различая ничего, встрѣчая повсюду сомнѣнія.

— Право, сказала я, — по вашимъ словамъ, мы съ Машей годились бы въ героини романа; только изъ меня вышелъ бы характеръ блѣдный и скучный, а изъ нея—одно изъ тѣхъ увлекательныхъ лицъ, за которымъ читатель слѣдитъ съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ.

— Но въ жизни... Ахъ, еслибъ могли вы быть такою, какою воображаю я васъ въ тѣ минуты, когда чувство льется черезъ край переполненной души, когда, блѣднѣя, убѣгаютъ всѣ пустые страхи глупыхъ приличій, и сердце гордо и смѣло вступаетъ въ свои права... Воспитаніе старухъ испортило васъ; лучшая половина вашей жизни пройдетъ въ безплодной борьбѣ и грустныхъ лишеніяхъ... а послѣ...

Онъ остановился.

— Что же послѣ?

— Кто можетъ знать будущее! Часто цѣлая жизнь зависитъ отъ одной минуты, отъ какого-нибудь, повидимому, ничтожнаго обстоятельства!.. А вы не шутя разсердились на меня за невинное сравненіе, и ваше пылкое воображеніе тотчасъ нарисовало меня въ образѣ голоднаго волка...

— Нѣтъ, скорѣе глупая роль овечки испугала меня.

— Не хитрите: вы очень хорошо знаете, что сравненіе съ овечкой никакъ не можетъ идти къ вамъ. Во всякомъ случаѣ, я люблю, когда вы сердитесь... къ вамъ это такъ идетъ.

— Вы испортите мой характеръ; сдѣлаете меня раздражительною и несносною.

— Полюбите Александра Матвеича. У него такой мягкій характеръ.

— Благодарю за совѣтъ. Постараюсь...

— А кто знаетъ?..

— Пора идти; всѣ ужь готовы, сказала Лиза.

И мы отправились въ Заказъ.

День былъ теплый, но вѣтреный. Пыль поднималась по дорогѣ; густыя облачка плавали по небу; солнце то скрывалось, то обливало все яркими лучами.

Мы пошли лугомъ, чтобъ избавиться пыли.

Трава была скошена и убрана; полевые цвѣточки поднимали вновь по покосу свои головки. Мелкія гвоздички или *пѣтушки*, какъ называютъ ихъ у насъ въ народѣ, сверкали пунцовыми звѣздочками; стаи бабочекъ кружились надъ анютиными глазками; изумрудный жукъ важно засѣдалъ въ полевой астрѣ.

Кромѣ насъ, ни души не было видно ни въ поляхъ, ни на дорогѣ. На всемъ лежалъ пустынный просторъ; мысль гуляла по немъ неясно, неопредѣленно, но съ особенною отрадой. Но вотъ и темнозеленая стѣна лѣса становилась ближе, вѣтеръ сталъ менѣе ощутителенъ, а шумъ гуще и сильнѣе.

Мы вошли въ лѣсъ.

Стройными колоннами возвышались стволы елей, обнаженныя почти до самыхъ верхушекъ; земля, лишенная полнаго свѣта, не была покрыта травой, а изрѣдка украшали ее бархатные клочки моха да зелень чернишника; верхушки деревъ качались и шумѣли глухо и будто лѣниво, между тѣмъ какъ внизу царствовала почти совершенная тишина, — не шевелились даже узорчатые листы папоротника.

Это былъ какой-то особенный, волшебный міръ, гдѣ невольно приходили на мысль всѣ преданія о лѣшихъ и вѣдьмахъ. Казалось, точно должны были обитать духи въ этомъ полумракѣ и уединеніи; лелѣять тишину, заводить обманчивыми отголосками смѣлыхъ посѣтителей въ глушь и дичь, мелькать блудящими огоньками, перекликаться фантастическимъ ау! хлопать въ ладоши и зло смѣяться.

Вступивъ подъ эти таинственные, недосягаемые, движущіеся своды, казалось, что уже находишься въ чужомъ владѣніи, что безъ спросу хозяина пробираешься впередъ, по запрещенной дорогѣ, и будто ждешь, что вотъ насмѣшливый или строгій голосъ остановитъ тебя.

Я никогда не бывала въ этомъ лѣсу. Онъ назывался *Заказомъ*, потому что запрещено было рубить его. При донесеніи прикащика, Заказъ нерѣдко служилъ предметомъ хозяйственныхъ толковъ. Иногда, зимой, въ прихожую являлся мужикъ въ полушубкѣ, занесенный снѣгомъ, умолялъ доложить о немъ «ея милости», то-есть тетушкѣ, и когда ея милость допускала его къ себѣ, онъ ей кланялся въ ноги и просилъ отдать ему топоръ, отнятый старостой, по его словамъ, понапрасну, потому что дерево, съ которымъ онъ ѣхалъ по Заказу, было срублено не тамъ, и проч. Тетушка называла мужика мошенникомъ, призывала старосту и, послѣ многихъ обвиненій со стороны послѣдняго и слабыхъ оправданій перваго, отдавался топоръ своему владѣльцу, съ необходимою угрозой, что впередъ ему не простятъ. Мужикъ снова кланялся въ ноги, говорилъ: «дай Богъ тебѣ, матушка, здоровья!» — и уходилъ довольный и счастливый.

Лѣсъ, въ которомъ мы прежде гуляли съ Лизой, былъ совсѣмъ другой: сосны и березы разростались въ немъ не высоко, но курчаво и развѣсисто; пересѣченный лужайками, небольшими болотами и заваленный мѣстами ломомъ, онъ имѣлъ характеръ веселый, цвѣтущій; оглашался пѣніемъ птицъ, наполнялся ароматомъ цвѣтовъ; солнечные лучи спорили съ трепетною тѣнью деревъ, ярко озаряли густую траву и разливали теплую, душистую сырость въ воздухѣ.

О, совершенно не похожъ онъ былъ на этотъ мрачный, будто очарованный Заказъ!

Походивъ нѣсколько времени, Лиза разостлала на землю свой бурнусъ и легла. Маша съ Данаровымъ и съ дочерью Арины Степановны помѣстились возлѣ нея.

Ѳедоръ Матвеичъ съ Митей ушли искать дичи.

— Отправлюсь и я собирать растенія для моего гербаріума, сказалъ Александръ Матвеичъ.

— Возьмите и меня съ собой, сказала я,—вы мнѣ разкажете что-нибудь еще о жизни цвѣтовъ и растеній.

— Едва ли! съ вами, пожалуй, захочется говорить о другой жизни, о жизни сердца.

— Будемъ, пожалуй, говорить о жизни сердца.

— Ну, давайте же говорить, сказалъ Александръ Матвеичъ, отойдя со мной, молча, нѣсколько шаговъ.

— Нѣтъ, скучно, прощайте! Идите собирать травы, а я пойду бродить одна.

— Прекрасно! покорно васъ благодарю! Впрочемъ, сказалъ довольно раздражительно всегда добрый и веселый Александръ Матвеичъ,—я очень хорошо знаю, что вы изъ меня сдѣлали пугало.

— Какимъ это образомъ?

— Такъ... Вы очень ловко грозите мною вашему Данарову; когда на него сердитесь, тогда особенно любезны со мной въ его присутствіи. Я не такъ глупъ, чтобъ не замѣтить этого и не такъ мало самолюбивъ, чтобъ не оскорбиться.

Слова эти были для меня странны и горьки, тѣмъ болѣе, что въ нихъ было нѣсколько правды: въ самомъ дѣлѣ, когда Данаровъ досаждалъ мнѣ, я невольно обращалась къ Александру Матвеичу, ища разсѣянія въ его веселомъ нравѣ и всегда оживленномъ разговорѣ; но оскорбить его мнѣ никогда не приходило въ голову.

Я посмотрѣла на него съ невольнымъ упрекомъ, пожала плечами и пошла въ другую сторону.

Мысль, что никто мнѣ не сочувствуетъ и не понимаетъ меня, что и самъ Данаровъ любитъ меня какъ-то порывисто и раздражительно, закрывая отъ меня свою душу, высказываясь темно и сбивчиво, что нѣтъ между нами яснаго, покойнаго, довѣрчиваго счастія, эта мысль тяжело налегла на меня.

Я вышла къ небольшой сѣчѣ, по которой густою зеленою массой разростались молодыя, еще не высокія елочки; солнце ярко освѣщало это мѣсто, оно было самое веселое, въ сравненіи съ мрачными сводами строевыхъ деревъ. Я сѣла на срубленное дерево, окруженная со всѣхъ сторонъ густою зеленою стѣной.

Черезъ нѣсколько минутъ, я услыхала голоса Данарова и Маши.

Я проскользнула въ густоту ельника и притаилась, съ неодолимымъ любопытствомъ, послушать ихъ разговоръ.

— Да, какже, повѣрю я вамъ, что не забудете! говорила Маша, садясь на оставленное мною мѣсто.—Вы говорите одно, а думаете другое.

— Что же я думаю?

— Знаю я, что вы думаете и о комъ.

— О комъ бы я ни думалъ, это не помѣшаетъ мнѣ находить глазки твои хорошенькими. Поцѣлуй меня, Маша!

— Что̀ это право, даже досадно! Вы просто безъ стыда, безъ совѣсти! Узнала бы Евгенія Александровна!

— Э, Маша, ничего ты не понимаешь!

— Очень понимаю, что вы влюблены въ нее. Не влюблены что-ли? Нутка, солгите...

— Охъ, ты, всезнающая!

— Да ужь все знаю, все! Знаю то, чего вы и не воображаете!

— Что̀ же такое?

— Хорошо, притворяйтесь. Еслибъ Евгенія Александровна знала все, что̀ я знаю, она и думать-то о васъ перестала бы. Вѣдь не много такихъ дуръ, какъ я... Нѣтъ, вѣдь воспитанныя-то барышни любятъ съ оглядкой, не по нашему...

— Ты думаешь, она не можетъ любить?

— А я почему знаю... Мнѣ и при ней-то тошнехонько, а тутъ и безъ нея только и рѣчи, что объ ней. А что̀, вѣдь ничѣмъ не кончится, такъ только!

— Полно, что̀ объ этомъ толковать!

— Ну, вотъ, что̀ голову повѣсили? Не тоскуйте: тоской не поможешь. Вѣдь экой человѣкъ, прибавила она ласкающимъ голосомъ, отъ котораго у меня повернулось сердце,—знаешь, что не стоитъ, а жалѣешь. И чего, кажется, не сдѣлаешь, чтобы только развеселить его!

Она поцѣловала его, и взяла за руку.—Пойдемъ, насъ хватятся, —и они отправились далѣе.

Въ чувствѣ, наполнившемъ меня тогда, въ первую минуту не было ни досады, ни ревности: это было какое-то горестное изумленіе, поразившее меня такъ сильно, что нѣсколько минутъ я оставалась, какъ оцѣпенѣлая. По мѣрѣ того, какъ я собиралась съ силами, въ душѣ поднималось цѣлое море тягостныхъ ощущеній;—безсознательное томленіе смѣнилось жгучимъ чувствомъ безсильнаго, безполезнаго отчаянія и невыразимой обиды сердца.

Наконецъ я встала и пошла. Голова моя горѣла, въ ушахъ раздавался звонъ, земля будто колебалась подо мной... Наконецъ мнѣ показалось, что я падаю въ пропасть... Ничего подобнаго не случилось, я просто лишилась чувствъ.

Когда я открыла глаза, я лежала на землѣ, и мнѣ показалось, что я проснулась отъ тяжкаго сна.

Сердито шумѣли надо мной верхи елей; какая-то птичка рас-

пѣвала вблизи; стволы деревъ, освѣщенные косвенными лучами солнца, показывали, что день уже клонился къ вечеру. Я чувствовала слабость, какъ будто послѣ сильной усталости, и снова закрыла глаза, въ намѣреніи уснуть и забыться, какъ послышались знакомые голоса. Всѣ они громко произносили мое имя:

— Геничка! M-lle Eugénie! Евгенія Александровна! раздавалось по лѣсу.

— Что̀ имъ до меня за дѣло? подумала я:—отчего они не оставятъ меня въ покоѣ? и какъ было бы хорошо, еслибъ я лежала теперь въ могилѣ, никто бы не звалъ меня, никто бы не потревожилъ моего спокойствія. Развѣ бы въ какой-нибудь большой праздникъ, тетушка зашла бы послѣ обѣдни на мою могилу и поплакала бы. Вотъ, это бы было тяжело; да, тяжело было бы не откликнуться, не утѣшить ее!

— Да вотъ *онѣ*, вотъ! вскричала Маша, явившаяся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; вслѣдъ за ней я увидѣла и все наше общество.

Я собрала силы и пошла къ нимъ на встрѣчу.

— Мы васъ ищемъ, ищемъ, сказала Маша.—Да что̀ же вамъ вздумалось лежать тутъ? Вы вѣрно уснули?

— Помилуй, Геничка, ты насъ съ ума свела! заговорила Лиза.—Два часа ждали тебя. Маменька ужь пріѣхала, самоваръ готовъ, а тебя все нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ, мы отправились искать тебя.

— Да вы видите, что онѣ преспокойно спали здѣсь, сказала Маша.

— Прекрасно! сказалъ Александръ Матвеичъ: — а хотѣли мечтать.

— Я заблудилась.

— Васъ должно быть лѣшій обошелъ, сказалъ Александръ Матвеичъ.

— Вѣроятно. Онъ отмстилъ мнѣ за васъ.

— И подѣло́мъ!

— Зачѣмъ вы пошли однѣ? могли бы въ самомъ дѣлѣ заблудиться! сказалъ мнѣ Данаровъ.

Мнѣ было горько, мнѣ было обидно, что Данаровъ, заставившій меня такъ много и глубоко страдать, не сдѣлался мнѣ ненавистенъ; что я ни минуты не могла бы пожелать ему зла, что его слова, его голосъ, по-прежнему, были мнѣ пріятны, что онъ теперь былъ

для меня тоже, что для измученнаго невыносимою жаждой путника чаша отравленнаго, но сладкаго питья.

— Что съ тобой случилось? отчего ты такъ блѣдна? отчего у тебя рука дрожитъ? сказалъ онъ, подавъ мнѣ руку и пропустивъ всѣхъ впередъ.

Я молчала.

— Гдѣ ты пропадала?

— Ахъ, Боже мой, въ лѣсу...

— Геничка! не бѣси меня, я надѣлаю глупостей...

— Вашъ гнѣвъ теперь уже не испугаетъ меня.

— Ради Бога, не мучь меня!.. сказалъ онъ съ живымъ безпокойствомъ.

— Такъ и быть, скажу для вашего успокоенія, что я долго сидѣла на сѣчѣ, вотъ, въ этой сторонѣ, гдѣ на маленькой площадкѣ, окруженной мелкимъ ельникомъ, лежитъ толстое, срубленное дерево...

— А, теперь начинаю понимать!.. Геничка, милая моя! какъ ты измучила себя по пустому! сказалъ онъ съ тою глубокою, грустною нѣжностью, какую только онъ умѣлъ придавать своему голосу.

— Въ чемъ еще хотите вы меня увѣрить?

— Да, я хочу васъ увѣрить во всемъ, чему я самъ вѣрю, съ полнымъ и яснымъ убѣжденіемъ моего разсудка... Трудное это дѣло для меня. Я начинаю съ вами душевную тяжбу, гдѣ всѣ доказательства основаны только на инстинктахъ сердца и тайныхъ, неуловимыхъ оттѣнкахъ человѣческой натуры, полныхъ своей особенной, но непогрѣшительной логики. Никогда бы не взялся я за это, еслибъ не надѣялся на ваше сердце, на вашу душу.

— Вамъ также весело играть моимъ сердцемъ, какъ огорчать и сердить меня поминутно.

— Слишкомъ опасная и дорогая для меня игра! Мнѣ хотѣлось бы говорить съ тобой много и долго, но мы постоянно окружены— ни минуты наединѣ! Неужели тебя не тяготитъ это? а я съ ума схожу... Ты называешь меня капризнымъ, раздражительнымъ: я выношу адскія муки. Ради Бога, смотри на мои странныя, желчныя выходки, какъ на крики больнаго, которому дѣлаютъ мучительную операцію. Гдѣ и какъ могу я видѣть тебя одну?

Я вздрогнула и остановилась.

— Знаю, продолжалъ онъ,—знаю, что трудно и страшно рѣшиться тебѣ на такой подвигъ; но это необходимо, увѣряю тебя,— необходимо для нашего общаго спокойствія; особенно теперь, когда я кажусь виноватымъ въ глазахъ твоихъ, теперь, когда ты готова подумать, что Маша...

Это имя, въ устахъ его, подняло съ души моей всю горечь, пробудило страданіе ревности, начинавшее уже засыпать при звукахъ его голоса, подъ неотразимымъ вліяніемъ его взгляда, его прикосновенія.

— Я васъ ни въ чемъ не обвиняю, ничего не предполагаю, ничего не требую, сказала я гордо.—И какое право имѣю я на это? Между нами нѣтъ и не будетъ никакихъ обязательствъ,—мы ничего не обѣщали другъ другу.

— А все-таки вы любите меня...

— О, у меня достанетъ силъ и разлюбить!

— Не мучьте себя понапрасну, придетъ пора, разлюбите безъ усилій... Пройдетъ годъ, два, другой будетъ на моемъ мѣстѣ; другой будетъ увѣрять васъ въ любви и преданности, и заставитъ можетъ-быть сильнѣе и сладостнѣе биться ваше сердце... Другой также пожметъ вашу руку и, дай Богъ, чтобы взоръ его устремился на васъ съ такимъ же искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, какъ мой! и вы ему, этому другому, повѣрите во всемъ, скажете полнѣе и задушевнѣе, чѣмъ мнѣ, слово любви и счастія...

— Никогда, никогда! сорвалось у меня нечаянно и необдуманно съ языка.

Онъ не сказалъ ни слова на это восклицаніе, но лицо его, едва ли не въ первый разъ, во все время нашего знакомства, озарилось такою ясною улыбкой...

— Могу ли же видѣть тебя одну? заговорилъ онъ, отставая отъ другихъ.—Выходи сегодня, когда всѣ улягутся, черезъ садъ, къ мельницѣ, я буду тебя ждать. Никто не увидитъ, не узнаетъ... не пугай себя нелѣпыми фантазіями: въ этомъ свиданіи, увѣряю, не будетъ ничего опаснаго для тебя. Мнѣ нужно высказаться, я теряю терпѣніе, жизнь становится невыносима... Ты придешь, Геничка, если считаешь меня не совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ, исполнишь мою просьбу! послѣ, располагай по волѣ твоими чувствами... Придешь ты? О, не откажи мнѣ въ этой жертвѣ, въ этой милости!

— Приду...

Послѣ чаю, мы всѣ собрались домой.

Я, чувствуя себя не совсѣмъ здоровой, сѣла въ экипажъ Данарова, съ Марьей Ивановной; прочіе пошли пѣшкомъ.

— Геничка! не разсердись ты на меня, сказала мнѣ Марья Ивановна дорогой,—вѣдь ты ужь даже скрыть не можешь, такъ влюблена въ него! побереги ты себя, посмотри, на что ты стала похожа, краше въ гробъ кладутъ; вѣдь эдакъ ты все здоровье разстроишь... Я не могу постичь, чего онъ ждетъ, что не дѣлаетъ предложенія?.. Остерегись, радость моя! смотри, не тѣшитъ ли онъ только себя...

Эти слова были для меня то же, что прикосновеніе къ свѣжей ранѣ... Я не выдержала и горько заплакала; Марья Ивановна заплакала вмѣстѣ со мной.

— Ты видишься съ нимъ тайно? спрашивала она меня, отирая глаза:—цѣлуетесь вы?

Я отрицательно качала головой, чувствуя, что вся кровь бросилась мнѣ въ лицо отъ этихъ вопросовъ.

— Что тебѣ, моя радость, такъ сокрушаться! Богъ милостивъ, еще все уладится.

Вскорѣ, послѣ прибытія нашего домой, Данаровъ уѣхалъ. Лиза съ Марьей Ивановной, простясь съ тетушкой, пришли въ мою комнату и долго утѣшали меня, и толковали о моей судьбѣ. Теперь любовь моя къ Данарову не была уже для нихъ тайной. Онѣ обѣ принимали во мнѣ самое искреннее участіе, хотя и плохо понимали мои чувства.

Въ десять часовъ всѣ разошлись; въ домѣ, съ каждою минутой, становилось тише. По временамъ еще, Ѳедосья Петровна вскрикивала на дѣвокъ, которыя укладывались спать...

Я съ невообразимымъ волненіемъ и безпокойствомъ прислушивалась къ этимъ послѣднимъ звукамъ засыпающей обыденной жизни; ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, посматривая въ окно, въ которое глядѣла ночь, темная отъ набѣгавшихъ густыхъ облаковъ, да врывался вѣтеръ, обдавая меня волной довольно прохладнаго воздуха.

Наконецъ пробило одиннадцать. Я осторожно вышла изъ комнаты, остановилась у затворенной двери тетушкиной спальни и слышала, какъ она громкимъ шепотомъ читала вечернія молитвы.

Что, еслибъ она знала? подумала я:—чтобы съ ней было? что было бы со мной? Горе свело бы ее въ могилу... И я могу быть причиной ея смерти!

Дрожь пробѣжала по мнѣ при одной мысли объ этомъ, и душа замерла. Я отъ всего сердца раскаивалась, что неосторожно обѣщала это свиданіе Данарову, мной овладѣло было сильное желаніе воротиться въ свою комнату... но вмѣстѣ съ тѣмъ воображеніе представило мнѣ всю досаду, всю муку напраснаго ожиданія, которыя онъ перечувствуетъ... Да и притомъ меня увлекала тайная надежда, что онъ сниметъ съ души моей тяжелый камень сомнѣнія и недовѣрія, что онъ оправдается въ глазахъ моихъ; мнѣ такъ горько было считать его недобросовѣстнымъ человѣкомъ, такъ тяжело любить его, не уважая; а не любить я не могла! любовь моя къ нему, быстро и незамѣтно для меня самой, дошла до того, что я могла все простить ему сердцемъ, вопреки обвиненіямъ разсудка.

Я прошла корридоръ, залу, и остановилась еще разъ на минуту въ гостиной, передъ выходомъ на балконъ... Наконецъ задвижка повернулась подъ рукой, и садъ встрѣтилъ меня сердитымъ шумомъ... Мнѣ показалось, несмотря на темноту, что тысячи глазъ глядятъ на меня, что всѣ сосѣди и домашніе высыпали на балконъ, кричатъ, ахаютъ, съ укоромъ и насмѣшкой, указываютъ на меня, грозятъ пересказать все тетушкѣ...

Съ трудомъ отогнала я отъ себя страшныя видѣнія, и нашла силы продолжать путь. Садъ казался мнѣ безконечнымъ... вотъ, я дошла еще только до половины... вотъ, густая аллея изъ орѣшника... какъ темно, Боже мой, какъ темно! вѣтки задѣваютъ меня по лицу. Вотъ, глубокій вздохъ раздается надъ моей головой,—нѣтъ, это полуночникъ махнулъ своимъ тихимъ крыломъ... вотъ, чьи-то шаги слѣдятъ за мной... нѣтъ, это птицы шевелятся въ просонкахъ.

— Здѣсь я, Геничка, здѣсь я! произнесъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня слишкомъ знакомый мнѣ голосъ, и въ ту же минуту рука моя была въ рукѣ Данарова. — Какъ нарочно, такая темная и холодная ночь! какъ ты дрожишь, Геничка! бѣдненькая!

— Я боялась; такъ страшно было идти! Вы, я думаю, сами сомнѣвались, что я приду?

— Ни минуты! я зналъ, что сдержишь слово.

— Вы что-то хотѣли сказать мнѣ, очень важное..

— Да, очень важное: вопервыхъ то, что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, вовторыхъ... больше я ничего не помню...

— А вовторыхъ, мнѣ кажется, вы хотѣли доказать мнѣ, что, увѣряя меня въ любви, вы дѣлаете очень хорошее и доброе дѣло, увѣряя въ то же время Машу въ вѣчномъ нѣжномъ воспоминаніи. Я пришла васъ спросить, Данаровъ, какъ честнаго и благороднаго человѣка, что это значитъ? какъ перевести на слова подобные поступки?

— Какъ ты понимаешь любовь, Геничка? въ старинныхъ романахъ, она представляется какою-то сердечною кабалой, гдѣ имѣющій несчастіе влюбиться долженъ умереть для всего прочаго, ослѣпнуть для всѣхъ другихъ предметовъ жизни, изнурять себя постояннымъ, натянутымъ благоговѣніемъ къ предмету страсти, а предметъ этотъ разыгрывалъ роль царицы, дарилъ, повременамъ, благосклоннымъ взглядомъ вѣрнаго поклонника, ободряя его на большее терпѣніе, на высшіе подвиги самоистязанія... Такъ бываетъ въ старинныхъ романахъ, дитя мое... Читатели восхищались этимъ, но въ жизни случалось и случается иначе: въ жизни такая любовь скоро бы надоѣла, она была бы или притворство, или жалкое сумашествіе. Для меня любимая женщина не царица въ мишурной коронѣ, не ложное божество, требующее непреставнаго поклоненія, для меня она только выше, милѣе, дороже всѣхъ женщинъ въ мірѣ; для меня она добрый другъ, прибѣжище въ горѣ, двойная радость при радости. И еслибъ передо мною была не только Маша, но первая красавица въ свѣтѣ, то и тогда та, которую люблю я, ничего не потеряла бы въ моемъ сердцѣ, потому что люблю я только ее, а къ прочимъ увлекаюсь не больше, какъ минутнымъ капризомъ... Вотъ какъ вы любимы мной, иначе любить не могу. Если довольны вы этою любовью—не отворачивайтесь отъ меня; пусть эта тревожная, пылкая головка склонится ко мнѣ съ довѣріемъ и лаской; если же нѣтъ, поступайте, какъ знаете... О, какъ могли бы мы быть счастливы, мой ангелъ, еслибъ...

— Еслибъ что?..

Онъ не отвѣчалъ, а только съ тяжелымъ вздохомъ схватилъ себя обѣими руками за голову.

— Данаровъ! какое-то несчастіе тяготитъ васъ... Я не знаю въ чемъ состоитъ оно и терзаюсь неопредѣленною мукой.

Между тѣмъ мы незамѣтно подвигались по направленію къ калиткѣ; я безсознательно переступила за нее...

— Да гдѣ ему, струситъ! послышался голосъ Александра Матвеича, въ огородѣ Марьи Ивановны, отдѣлявшемся отъ нашего сада только узкимъ прогономъ, тѣмъ самымъ, по которому птичница когда-то гнала стадо гусей, во время моего разговора съ Павломъ Иванычемъ.

— Да ужь не струшу, отвѣчалъ Митя, только вы не повѣрите.

— Онъ на половинѣ аллеи упадетъ въ обморокъ, говорилъ Ѳедоръ Матвеичъ.

— А вотъ, обѣгу кругомъ всего сада и принесу вамъ съ балкона горшокъ съ резедой.

— Эй, Митя, смотри, прибавила Лиза со смѣхомъ, — ничего нѣтъ хуже, какъ хвастовство...

— Струсишь, окунемъ въ рѣку! говорилъ Александръ Матвеичъ, скрипя отворяемыми воротами.

У меня подкашивались ноги; я готова была упасть. Данаровъ почти перенесъ меня черезъ гать... Я не противилась, мной овладѣла отчаянная храбрость. Такъ человѣкъ, уносимый бурнымъ потокомъ, истощивъ всѣ силы въ безплодной борьбѣ, отдается на волю его теченію, съ мыслію — будь что будетъ!

Широкое поле, залитое мракомъ, имѣло что-то страшное, безпредѣльное... Облака, точно тѣни, двигались въ высотѣ, принимая какія-то неясныя формы, ни одна звѣзда не проглядывала изъ-за нихъ! Иногда порывъ вѣтра проносился съ тихимъ воемъ, и рѣдкія капли, будто слезы, падали на наши лица. Мнѣ показалось, что перейдя земное поприще, нахожусь въ загробномъ мірѣ, что надо мной произнесенъ приговоръ, и я безконечно буду носиться съ тѣмъ, кого такъ люблю, по безпредметному и безпредѣльному полю вѣчности.

Мы оба молчали; наконецъ онъ прервалъ это тяжелое молчаніе.

— О, еслибъ ты могла гордо и равнодушно презирать людское мнѣніе и твердо перешагнуть черезъ цѣпь глупыхъ предразсудковъ!... Мы могли бы еще быть счастливы...

— Скажите мнѣ, ради Бога, что у васъ за цѣль вести меня

такимъ тяжелымъ, невѣрнымъ путемъ къ счастію, о которомъ вы такъ часто поминаете? Что вамъ за радость терзать, томить мою душу безплодными, мучительными жертвами? Тѣшитъ ли это ваше самолюбіе, или такъ уже вы созданы? Простите меня, Данаровъ,—я вѣрю, что вы благородный человѣкъ, но все-таки плохо понимаю васъ... Неужели, при встрѣчѣ со мной, вы ни разу не подумали, что̀ я должна буду перечувствовать, передумать, перестрадать, тогда какъ все могло бы пойдти иначе?... Называйте меня глупою, неразвитою, а по моему мнѣнію, любить человѣка, который не можетъ, или не хочетъ жениться, — почти преступленіе...

Онъ поблѣднѣлъ и устремилъ на меня взглядъ, въ которомъ выражалась такая душевная мука, что я невольно взяла его за руку.

— Ну, продолжай, Геничка, продолжай! карай меня до конца...

— Ради Бога, отпустите меня поскорѣе!

— Еще минуту... Жить съ тобой подъ одною кровлей, не страшась ни разлуки, ни измѣны; называть тебя съ гордостью женой моей, ввести тебя хозяйкой въ мой старый домъ, который превратился бы для меня въ великолѣпный замокъ... Ахъ, милая Геничка! скажи, не правда ли, вѣдь это было бы неизмѣримое счастіе?...

Глаза его блистали такъ ярко, голосъ дрожалъ и прерывался.

— Скажи, не такъ ли?... И что же, моя милая, продолжалъ онъ все тише, все ближе склоняясь къ плечу моему, — ничего этого не будетъ, не можетъ быть... по очень, очень... простой причинѣ: я... женатъ...

— Боже, помилуй насъ! вырвалось у меня отъ всей полноты внезапнаго, неожиданнаго удара...

Нѣсколько минутъ мы не могли произнести ни слова; будто желѣзная рука сдавила мнѣ грудь и горло.

Онъ лихорадочно прижалъ меня къ груди своей.

— Я теряю тебя навсегда! Неужели ты уже не любишь меня? Неужели благоразуміе твое достигаетъ такихъ страшныхъ предѣловъ?... Этого не можетъ быть!

— Другъ мой! То ли теперь время, чтобъ пытать люблю я васъ или нѣтъ?! Теперь, когда надо думать о разлукѣ... о томъ, какъ пережить страшное горе... Ахъ, Данаровъ! что вы надѣлали!

Зачѣмъ скрывали, зачѣмъ не сказали прежде! обоимъ было бы легче!

— Сперва, когда еще я не звалъ тебя, я не находилъ нужды объявлять о томъ, что̀ для меня тяжело и печально,—а послѣ... Геничка, послѣ... силъ у меня не было...

— Но ты любилъ и ее, твою... жену?

— Вотъ, какъ все было: отецъ мой, человѣкъ суроваго, страшнаго характера, былъ скупъ и мѣрялъ всѣхъ на аршинъ своихъ понятій. Въ довершеніе всего, онъ никогда не любилъ меня; во-первыхъ, потому, что̀ заподозрилъ мать мою въ какой-то интригѣ; во-вторыхъ, потому, что я былъ довольно заносчивый, гордый мальчишка. Однажды, еще въ дѣтствѣ, на слова его: «и видно, что не мой сынъ» — я позволилъ себѣ сказать ему: «я и самъ былъ бы радъ имѣть другаго отца...» Съ этихъ поръ, совершенная холодность, которую не могла уничтожить даже смерть моей бѣдной, доброй матери, поселилась между нами. Несмотря на это, онъ никогда не могъ рѣшиться лишить меня наслѣдства, потому что я былъ послѣдняя поддержка нашего угасающаго рода. Окончивъ свое образованіе въ университетѣ, я вступилъ на службу. Вниманіе общества и собственное самолюбіе заставляли меня невольно исполнять всѣ его требованія. Я долженъ былъ прилично содержать себя: щеголеватый экипажъ, удобная квартира, хорошее платье казались мнѣ необходимыми, тѣмъ болѣе, что всѣ знали, что я единственный сынъ богатаго отца, хотя никто не зналъ, что отецъ не давалъ мнѣ почти ничего. Ложный стыдъ заставлялъ меня занимать и тратиться. Когда терпѣніе моихъ кредиторовъ истощилось, нѣкоторые изъ нихъ писали къ отцу и получили отказъ; другіе стращали меня непріятною публичностью, даже возможностью посидѣть въ тюрьмѣ... Я пришелъ въ отчаяніе и уже сбирался застрѣлиться. О моей крайности провѣдала хозяйка дома, гдѣ нанималъ я квартиру, богатая вдова, которая была неравнодушна ко мнѣ. Она предложила мнѣ свою руку и готовность заплатить мои долги. Несмотря на свою не первую уже молодость, она была еще не дурная и свѣжая женщина. Сердце мое было свободно, и объятія влюбленной въ меня женщины, не лишенной ни ума, ни образованія, показались мнѣ гораздо привѣтнѣе и пріятнѣе холодныхъ объятій преждевременной смерти. Не думая долго, мы обвѣнчались. Я находился въ той туманной порѣ

молодости, когда еще всякое чувство рисуется въ обманчивыхъ краскахъ. Въ послѣдствіи, вмѣсто нѣжной, снисходительной любовницы, я нашелъ взыскательную, ревнивую жену; я очутился въ кабалѣ; я почувствовалъ себя купленнымъ за слишкомъ дешевую цѣну, между тѣмъ какъ жена хотѣла увѣрить меня въ какомъ-то страшномъ пожертвованіи съ ея стороны. При первомъ ея укорѣ, я увѣрился, но поздно, что сдѣлалъ страшную, неисправимую ошибку, и измучилъ себя безплоднымъ раскаяніемъ. Ревность и раздражительность характера жены моей достигали крайнихъ предѣловъ; всѣ отношенія между нами сдѣлались дотого натянутыми, что необходимо должны были порваться отъ малѣйшей случайности. Тутъ умеръ мой отецъ. Получивъ независимое состояніе, я отдалъ женѣ заплаченную за меня сумму, съ большими процентами, и предложилъ разстаться. Тутъ, разумѣется, послѣдовали непріятныя сцены обмороковъ, упрековъ, оскорбленій, — я всѣмъ пренебрегъ и вырвался на свободу. Цѣпь супружества порвана, Геничка, но не снята. Я прикованъ къ самой тяжелой ея половинѣ, я все-таки рабъ, безъ воли и силы... Ахъ, милая Геничка! какъ я наказанъ за то, что струсилъ передъ смертью!

— Не трусьте передъ жизнью, и я буду уважать васъ.

— Уважать! уважать! сказалъ онъ, вздрогнувъ: — вотъ слово, которое мнѣ такъ дико слышать отъ тебя, одно, безъ слова любить!

— Вы знаете, что послѣднее здѣсь, въ моемъ сердцѣ.

— О, дай Богъ, чтобъ это было такъ!..

— Вы не вѣрите?

Онъ печально улыбнулся и отвѣчалъ съ прежнею нѣжностью:

— Если ты захочешь,—я повѣрю.

Утренняя заря начинала заниматься.

— Никого не видно; я провожу тебя. Всѣ еще спятъ,—продолжалъ онъ, — никому нѣтъ дѣла, что бѣдный Данаровъ теряетъ надежду на счастіе, видя тебя, можетъ-быть, въ послѣдній разъ!..

— Ты уѣдешь? съ трудомъ могла я произнести.

— Да, я уѣду, куда-нибудь дальше; не могу же я оставаться въ здѣшней сторонѣ... Вѣдь такъ нужно, такъ должно по твоему? не такъ ли?

Мы вошли въ садъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, я остановилась, прислонясь къ знакомой старой березѣ. Блѣдный, взволнованный, онъ устремилъ на меня взоръ съ страннымъ выраженіемъ грусти и досады.

— Я угадалъ! ты не отвѣчаешь...

— Виновата ли я!

— Нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Чего не можетъ быть?

— Не можетъ быть, чтобъ ты рѣшилась разстаться со мной; нѣтъ, мы уѣдемъ вмѣстѣ, далеко отсюда. Что намъ за дѣло до нихъ, до твоей старой тетки? въ ея годы отъ горя не умираютъ. Пусть о насъ забудутъ, какъ мы забудемъ обо всѣхъ. Мы устроимъ чудную жизнь, мы окружимъ себя полнымъ счастіемъ... Уѣдемъ, моя милая! не раздумывай, не разсуждай, если любишь! Намъ нельзя такъ жить, такъ разстаться! На зло судьбѣ мы будемъ счастливы... Не такъ ли? Сегодня вечеромъ все будетъ готово. Я снова буду ждать тебя здѣсь, счастливый выше всякаго выраженія, — я приму тебя въ мои объятія, чтобъ никогда, никогда не разставаться!..

Его слова поражали меня горестнымъ удивленіемъ. Мнѣ становилось страшно, будто чье-то проклятіе невидимо пронеслось надо мной.

— Нѣтъ, лучше умереть, сказала я. И съ вашей стороны жестоко такъ пытать мои силы.

— Скажите, зачѣмъ же вы давали святое имя любви вашимъ ребяческимъ чувствамъ?

И лицо его приняло при этихъ словахъ холодное и суровое выраженіе.

— Что же они такое были? Боже мой! что же они были по вашему? сказала я, подавленная страшною тоской невыносимаго страданія.

— Увлеченіе мечтательной дѣвочки, капризъ ея тщеславнаго сердца... Не думаете ли вы, что я способенъ быть игрушкой подобнаго каприза? что я буду безнадежно умирать у ногъ вашихъ? Нѣтъ! подобная роль не по мнѣ... Не думайте видѣть во мнѣ отчаяннаго вздыхателя... съ этихъ поръ, я холодный поклонникъ вашей добродѣтели‘ вашего высокаго благоразумія.

— Я думаю, что вы жестокій, гордый, себялюбивый человѣкъ, сказала я.—Прощайте! мнѣ пора домой.

— До свиданія! отвѣчалъ онъ голосомъ, который звучалъ язвительнымъ равнодушіемъ, и вышелъ изъ сада.

Я безсознательно смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся за шумящею мельницей, и тихо пошла къ дому. Любви моей былъ нанесенъ ударъ, потрясшій ее до основанія...

Въ домѣ всѣ еще спали, когда я тихо прошла въ свою комнату, озаренную первыми лучами утренней зари. Только ночь прошла съ тѣхъ поръ, какъ я покинула ее, а я пережила годы... Вѣдь могла же я видѣть во снѣ все случившееся со мной. О, съ какою отрадой сидѣла бы я теперь, проснувшись и увѣрившись, что тяжелый сонъ миновался!.. Я бы встрѣтила утро мыслью о немъ и надеждой его увидѣть... Правда, и теперь я думала о немъ. О, еслибъ можно было не думать, еслибъ у человѣка была счастливая власть однимъ мановеніемъ воли вычеркнуть изъ памяти все печальное и мучительное, вырвать изъ сердца томительное чувство!.. Удары судьбы не убиваютъ, а увѣчатъ душу и повергаютъ ее въ долгое, болѣзненное безсиліе. Узнать, что онъ женатъ—было для меня конечно ужасно, но я чувствовала, что главное горе не въ томъ... Самое воспоминаніе было отравлено. Душа моя ныла и болѣла чувствомъ, похожимъ на то, какъ если бы у гроба милаго человѣка вы вдругъ увѣрились, что не стóитъ онъ ни любви, ни сожалѣнія!.. О, это было страшное чувство!..

Быстро смѣнялись въ головѣ моей мысли, такъ быстро, что начинали уже терять всякую стройность; я не могла ни удержать, ни удалить ихъ. Всякимъ усиліемъ къ этому причинялось мнѣ непонятное страданіе. Я хотѣла было встать и пройдтись по комнатѣ, но почувствовала такую слабость во всѣхъ членахъ, что съ трудомъ добралась до постели...

Тутъ забѣгали и запрыгали передо мной такіе странные образы, такія необыкновенныя превращенія, что я сперва совершенно растерялась, а потомъ и сама приняла въ нихъ участіе...

Когда я проснулась, около моей постели сидѣли Лиза, Марья Ивановна и Катерина Никитишна, и что-то шепотомъ говорили. Это меня изумило. Никогда не бывало, чтобъ онѣ сбирались въ

моей комнатѣ встрѣчать такъ тихо и осторожно мое пробужденіе. Я вставала довольно рано, а если и случалось, что просыпала, то Лиза всегда будила меня своею обычною фразой: «вставай, соня!» а Марья Ивановна трепала меня слегка по плечу, тоже, по обыкновенію, приговаривая: «вставай, невѣста, женихи пороги обили...» Теперь же онѣ сидѣли такъ важно, такъ серіозно, такъ многозначительно...

— Что со мной было? спросила я нерѣшительно, осматривая свою голову, обвязанную листами соленой капусты...—Который часъ?

— Десять часовъ, моя радость, отвѣчала Марья Ивановна.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Геничка? спросила Лиза.

— Неужели я была больна?

Но я почувствовала это при первомъ движеніи, по сильной слабости и круженію головы, да по какой-то странной усталости во всемъ существѣ.

— Я была безъ памяти? долго?

— Да, Геничка, сказала Лиза, — ты три дня была безъ памяти. Всѣхъ насъ перепугала, а ужь Авдотья Петровна на себя была не похожа. Богъ услышалъ ея молитвы.

— Бредила я?

Марья Ивановна улыбнулась.

— О чемъ я бредила, Марья Ивановна?

— И смѣхъ, и горе было съ тобой, отвѣчала она. — Меня называла просвирней; говорила, что мы всѣ оборотились въ птицъ и улетѣли на кровлю; Авдотья Петровна была у тебя танцовщица... и на кораблѣ-то ты ѣхала... да мало ли? и не припомнишь...

— А меня, примолвила Катерина Никитишна, — такъ все прогоняла отъ себя, да бранила, что я всю холодную воду и весь квасъ выпила, весь ледъ съѣла. А я тебѣ все пить теплое приносила.

— Ужь хотѣли за докторомъ посылать, сказала Марья Ивановна,—да, слава Богу, что не послали! что эти доктора — уморятъ скорѣе.

— Ну, когда уморятъ, а когда и помогутъ, отозвалась Катерина Никитишна.

Вскорѣ пришла тетушка; она плакала и цѣловала меня съ безпредѣльною нѣжностью.

— Помучила же ты насъ! сказала Лиза: — мы, вотъ три, поочередно, сидѣли съ тобой всѣ ночи. Что̀ какъ бы ты умерла! Господи помилуй! прибавила она со слезами на глазахъ.

— Какія вы добрыя! Дай вамъ Богъ здоровья и счастія! сказала я, заливаясь слезами, за что̀ Марья Ивановна сдѣлала мнѣ строгій выговоръ.

Черезъ нѣсколько времени Лиза осталась со мной одна.

— Кто тебѣ сказалъ, что Данаровъ женатъ? ты бредила объ этомъ, сказала она. — Ужь не отъ этого ли ты захворала? Мы боялись, чтобы Авдотья Петровна не догадалась; слава Богу, она не слыхала твоего бреда; хорошо, что глуха.

Я разказала ей все. И странное дѣло! разказъ этотъ не произвелъ въ душѣ моей никакого сильнаго потрясенія; точно цѣлые годы прошли послѣ моего свиданія съ нимъ, и сгладили всю живость настоящихъ впечатлѣній. Чувство будто улетѣло... Я было попробовала даже насильно воротить его, напрасно! воспоминаніе о Данаровѣ отзывалось въ моемъ сердцѣ только легкою грустью, не болѣе. Тѣлесный недугъ, если не убилъ, то до крайности ослабилъ нравственную болѣзнь.

Лиза пришла въ ужасъ отъ моей исторіи съ Данаровымъ и сказала, что если, послѣ всего этого, я буду еще любить его, то сама сдѣлаюсь не лучше его. Напрасно хотѣла я смягчить рѣзкое ея мнѣніе, оправдывая всѣми силами его поступокъ. Разъ высказавшись, она никогда ничего не измѣняла изъ своихъ приговоровъ.

Я узнала отъ Лизы, что Данаровъ пріѣзжалъ одинъ разъ во время моей болѣзни, и сказалъ въ разговорѣ при всѣхъ, что онъ женатъ, что это всѣхъ непріятно удивило. Послѣ этого, она все допытывалась, люблю ли я еще его; когда я увѣряла ее въ противномъ, она успокоивалась, но когда я задумывалась или вздыхала, она очень тревожилась, даже сердилась и старалась показать любовь мою унизительною для моего самолюбія.

— Вздыхай, мать моя, больше! тоскуй, есть изъ-за чего! говорила она раздражительно: — совѣтую убѣжать съ нимъ и сдѣлаться его любовницей.

Я оправлялась довольно быстро и была уже почти совершенно здорова, когда пришло время разстаться съ нашими гостями.

Отъѣздъ ихъ оставилъ страшную пустоту въ нашемъ уголкѣ. Не слышно стало веселыхъ голосовъ, прекратились прогулки и разговоры; нѣтъ болѣе любви въ моемъ сердцѣ... Какъ будто за ними по дорогѣ ушло мое счастье... Нѣтъ болѣе любви!... Такъ, по крайней мѣрѣ, думала я, провожая глазами ихъ удалявшійся экипажъ...

Но слишкомъ рано зарадовалась я своему сердечному спокойствію. О болѣзни говорятъ, что она входитъ пудами, а выходитъ золотниками, — то же самое можно примѣнить и къ чувству... Когда, спустя нѣсколько времени, въ одинъ ясный сентябрскій день, пришла я къ дерновой скамейкѣ, у которой узнала отъ Данарова о пріѣздѣ Лизы, когда вспомнила его сонъ на яву и всѣ подробности этой сцены, — сердце мое заныло, и горячія слезы полились по щекамъ. Старая рана открылась и заболѣла... Съ невыразимою нѣжностью припоминала я милыя черты и голосъ, звучавшій для меня такими сладостными нотами... И вспомнила я, что все это прошло, миновалось, что какая-то невидимая злая рука задернула свѣтлую картину непроницаемою тканью. Не будетъ ни тревожно-радостныхъ встрѣчъ, ни полныхъ прелести ожиданій; не вспыхнетъ *онъ* болѣе ни страстію, ни гнѣвомъ, ни ревностію на упрямую, своенравную, по его мнѣнію, Геничку... Что еслибъ явился онъ передо мною теперь нѣжнымъ, любящимъ, какъ бывало прежде, въ тѣ короткія, немногія минуты навсегда утраченнаго счастія.... Что было бы со мной, что?... Мнѣ стало страшно за себя; я невольно ускорила шаги, какъ будто желая убѣжать отъ своего собственнаго сердца... Но не явился онъ, къ счастію, въ такую минуту, а пріѣхалъ позже, дня черезъ два.

Я была съ Марьей Ивановной въ своей комнатѣ, когда увидала въ окно знакомую коляску... Я невольно затрепетала и, видно, очень измѣнилась въ лицѣ, потому что Марья Ивановна бросилась ко мнѣ съ стаканомъ воды, приговаривая:

— Геничка! Геничка! не бережешь ты себя!..

Я мысленно поблагодарила судьбу, что при мнѣ не было ни Лизы, ни тетушки.

— Не выходи ты къ нему, говорила Марья Ивановна,—ну, какъ ты при немъ-то этакъ поблѣднѣешь: нехорошо, моя радость. Эхъ,

до чего ты влюбилась въ него! прибавила она со вздохомъ сожалѣнія. Пойду туда, а ты, покуда, оправься... Выйдешь ты?

Я отвѣчала утвердительно.

— Смотри, выдержишь ли?

Я успокоила ее.

Уже Данаровъ успѣлъ сѣсть за карточный столъ, уже Марья Ивановна начала что-то разказывать, когда я, успокоившись, рѣшилась выйдти въ гостиную. Онъ поклонился мнѣ сухо; холодно спросилъ о здоровьи, спокойно собралъ карты и началъ сдавать. Маленькая рука его ни разу не дрогнула, на губахъ играла равнодушная улыбка...

При такой встрѣчѣ, я вдругъ почувствовала себя гордою и сильною и поняла, что не уступлю ему ни на шагъ въ равнодушіи и видимомъ спокойствіи. Я сѣла противъ него между тетушкой и Марьей Ивановной, ни разу не опустила глазъ, встрѣчаясь съ его взоромъ; раза два поймала его наблюдательный, изумленный взглядъ и была довольна...

Темная вещь—сердце! Кто объяснитъ его капризныя требованія?..Если онъ ужь не любилъ меня, тѣмъ лучше было для меня и для него; что̀ могла принести такая любовь намъ обоимъ, кромѣ страданій? Не должна ли я радоваться по всѣмъ правиламъ благоразумія, что излѣченіе близко?.. Такъ нѣтъ — звучитъ и натягивается какая-то безпокойная струна, въ глубинѣ души вашей, и заставляетъ васъ держаться крѣпко за ускользающее чувство...

Наконецъ улучилась минута, когда онъ могъ говорить со мной: Марью Ивановну позвали домой, по хозяйству, но она обѣщала скоро воротиться; къ тетушкѣ пришелъ священникъ потолковать о средствахъ къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ храмѣ; Катерина Никитишна съ великимъ усиліемъ сводила счетъ выигрыша и проигрыша своего и Марьи Ивановны, неутомимой своей преслѣдовательницы въ картахъ.

Я удалилась къ окну и взяла работу.

— Вы хворали! спросилъ меня Данаровъ довольно небрежно.

Я утвердительно кивнула головой.

— Вѣроятно, простудились.

— Вѣроятно.

— Это худо.

— Ничего, поправлюсь...

— О, конечно! душевное спокойствіе, сознаніе исполненнаго долга — это лучшее лѣкарство. Можно васъ поздравить?

— Съ чѣмъ?

— Я слышалъ, вы выходите замужъ за Александра Матвеича. Онъ хорошій человѣкъ, вы будете счастливы.

— Я не замѣтила въ немъ и тѣни намѣренія жениться на мнѣ.

— А вы пошли бы за него?

— Можетъ-быть. Онъ точно хорошій человѣкъ.

— За что же вы сердитесь? Виноватъ не я, виноваты обстоятельства.

— Вы непремѣнно хотите навязать мнѣ что-то такое, о чемъ я не думаю.

— Я сдѣлалъ все для вашего спокойствія, я объявилъ, что я женатъ и оставилъ притязанія на ваше сердце.

— Очень вамъ благодарна.

— Ваше благоразуміе подѣйствовало на меня заразительно.

— Я рада за васъ.

— Вы такъ удивительно приказываете вашему сердцу: этотъ человѣкъ не можетъ быть моимъ мужемъ, не люби его, и послушное сердце сейчасъ исполняетъ ваше повелѣніе...

Я не хотѣла возражать ему, потому что чувствовала припадокъ вспыльчивой досады.

Онъ смотрѣлъ на меня пристально, губы его слегка дрожали; я знала, что это было признакомъ начинающейся грозы..

— Я теперь думаю: какъ я ошибся въ васъ! сказалъ онъ.

— Вы можете думать, что вамъ угодно: совѣсть моя покойна!

— Какая разсчетливость, какая положительность въ ваши годы!

— Напрасно вы хотите казнить меня вашими приговорами,— я не буду даже защищаться...

— Желаю вамъ счастливой и блестящей будущности, сказалъ онъ язвительно.—Мнѣ пріятно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ, я, можетъ-быть, встрѣчу васъ доброю хозяйкой, мирною помѣщицей, окруженною полдюжиной дѣтей, занятою соленьемъ грибовъ и нравственностью горничныхъ...

— Прощайте! сказала я, вставая:—я чувствую себя нездоровою, ухожу въ мою комнату и, въ свою очередь, желаю вамъ счастія по вашему вкусу.

— Мы еще увидимся?

— Вѣдь вы пріѣхали проститься?

— Можетъ-быть.

— Въ такомъ случаѣ, я постараюсь избѣгать встрѣчъ съ вами до тѣхъ поръ, пока вы не уѣдете отсюда.

— Эти встрѣчи вы считаете опасными?

— Нѣтъ, скорѣе непріятными.

На лицѣ его выразилось изумленіе и неудовольствіе.

—Вотъ какъ! сказалъ онъ:—а давно ли было иначе! Вы любили меня до тѣхъ поръ, пока не узнали, что я женатъ... Это дѣлаетъ честь вашему сердцу.

— Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не поняла васъ, пока вы не позволили себѣ оскорбить меня, пока не узнала всю глубину вашего эгоизма.

— Такъ ужь, въ такомъ случаѣ, пожалуста, не думайте, что я уѣзжаю отсюда для вашего спокойствія,—я вступаю въ службу и уже получилъ назначеніе. Еслибъ каждая влюбленная въ меня дѣвочка требовала, чтобъ я бѣжалъ отъ нея за тридевять земель, —мнѣ вскорѣ не нашлось бы мѣста на земномъ шарѣ...

Это было уже слишкомъ. Оскорбленная до глубины души, я въ послѣдній разъ, съ чувствомъ самаго искренняго гнѣва, посмотрѣла на него — и, не сказавъ ни слова, вышла.

Придя въ свою комнату, я предалась порыву безсильнаго отчаянія, долго сдерживаемой горькой досады. Я открыла окно, сорвала висѣвшій надъ моею кроватью сухой букетъ воздушныхъ жасминовъ, нарванный для меня Данаровымъ, вечеромъ, во время втораго его посѣщенія; судорожно мяла и рвала засохшіе листья, съ какимъ-то безумнымъ оцѣпенѣніемъ смотрѣла нѣсколько минутъ, какъ вѣтеръ уносилъ ихъ, и они исчезали въ полусвѣтѣ осенняго заката, обливавшемъ предметы какимъ-то зловѣщимъ, багрянымъ отблескомъ. Потомъ, безсильная, глубоко несчастная, бросилась я въ кресло и долго, громко, тяжело рыдала. Это были первыя слезы, не облегчавшія меня.

Я уже не плакала, когда шумъ и голоса въ корридорѣ дали мнѣ знать объ отъѣздѣ Данарова; я слышала, какъ вскричалъ онъ кучеру своимъ металлическимъ, звучнымъ голосомъ: «пошелъ!»—видѣла, какъ мимо оконъ моей комнаты, пронеслась его коляска, и что-то похожее на ненависть родилось въ моей душѣ.

Вскорѣ дошла до насъ вѣсть, что Данаровъ уѣхалъ въ Петербургъ.

IX.

Наконецъ хмурая осень смѣнилась холодною зимой: хлопья снѣга залѣпляли окна, и голыя деревья уныло качали свои обнаженныя вѣтви. Мимо дома тянулись обозы, и вороны пролетали тревожно, предвѣщая непогоду.

Какъ грустно, какъ безотрадно потянулись для меня однообразные дни! Воспоминаніе обо всемъ случившемся налегло на мои чувства тяжелымъ камнемъ и преслѣдовало меня всюду, едва оставляя мнѣ силъ скрывать отъ тетушки мрачное расположеніе моего духа,—преслѣдовало до тѣхъ поръ, пока еще болѣе печальный, болѣе горькій переворотъ въ моей жизни не ослабилъ, не заглушилъ его.

То, о чемъ я не могла подумать безъ ужаса,—то должно было наконецъ совершиться: тетушка на масляницѣ занемогла, а на второй недѣлѣ Великаго поста скончалась.

Съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносила она болѣзнь свою,—тиха и кротка была христіянская кончина ея.

Съ какимъ трепетнымъ ожиданіемъ встрѣчала я, во время болѣзни ея, каждый наступавшій день! Сегодня думала я, открывая глаза, утомленные безпокойнымъ сномъ и продолжительными бдѣніями по ночамъ, сегодня, можетъ-быть, ей будетъ лучше...

И она, въ самомъ дѣлѣ, увѣряла меня, что ей лучше, желая успокоить и утѣшить меня. Но Марья Ивановна и Катерина Никитишна, также безотлучно бывшія при ней, печально качали головой и глядѣли на меня съ состраданіемъ. Я уходила къ себѣ, горько плакала и молилась. Я чувствовала, что должна была порваться самая главная нить, привязывавшая меня къ мѣсту, гдѣ все мнѣ было мило и дорого. Чужіе люди, чужія мѣста угрюмо представлялись мнѣ въ моемъ будущемъ... гасла свѣтлая звѣзда единственной, но глубокой привязанности на моемъ тѣсномъ горизонтѣ; теряла я единственное сердце, которое откликнулось бы мнѣ и на краю свѣта, слѣдило бы за мной всюду съ безкорыстною любовью.

Какъ помню я этотъ рядъ безрадостныхъ вечеровъ, во время ея болѣзни, тишину, царствовавшую во всемъ домѣ, печальныя лица, запахъ летучей мази, лампаду, постоянно горѣвшую пе-

редъ образомъ надъ ея постелью, измѣнившееся лицо ея, на которомъ напечатлѣлись признаки близкаго разрушенія! Ангелъ печали и смерти залетѣлъ къ намъ и вѣялъ на всѣхъ своимъ крыломъ.

— Плоха она, больно плоха! говорила Марья Ивановна, приходя въ мою комнату. — Да ты, Геничка, что такъ сокрушаешься? вѣдь ужь не поможешь, моя радость; ужь такія и лѣта ея... а вѣдь и то сказать, можетъ, еще и выздоровѣетъ. Конечно лучше ко всему быть готовой. Господи! вотъ, что̀ значитъ привычка: мнѣ ее точно мать родную жалко: да, кажется, такъ все опустѣетъ, что и въ домъ-то не заглянешь. Все Василью Петровичу достанется; вотъ опять Богъ принесетъ его къ намъ! Не то ужь будетъ, не то!...

— Да ужь, разумѣется, не то, подхватила, обливаясь слезами Катерина Никитишна, — другой Адвотьи Петровны не нажить, — нѣтъ! А Евгенія-то Александровна кого лишается! какъ подумаешь, такъ, вѣришь ли, Марья Ивановна, духъ-то такъ и запечатается... Ну, что̀ вѣдь она, птенецъ еще! какъ ей жить сиротой? всего натерпится.

— А Богъ-то, отвѣчала Марья Ивановна,—никто какъ Онъ... и со вздохомъ уходила на дежурство къ больной.

Марья Ивановна вообще не любила останавливаться долго на мрачныхъ предметахъ; они имѣли для нея непродолжительную, постороннюю прелесть въ книгахъ и разказахъ; но въ жизни это была какая-то эпикурейская натура, она любила пропускать свѣтъ во всѣ мрачные уголки существованія. Такъ часто, выходя отъ больной, она обращалась къ Ѳедосьѣ Петровнѣ.

— Ѳедосья! Да принеси бруснички и моченыхъ яблоковъ,— вѣдь этакъ умрешь съ тоски; что̀ въ самомъ дѣлѣ! еще ничего не случилось. Можетъ, Богъ и милостивъ: что сокрушаться прежде времени? Садись-ка, Геничка, покушай, полно! Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а мы вотъ горлышко промочимъ: благо, она уснула.

Тутъ она начинала свои неистощимые разказы и успѣвала заставить и другихъ забыться и отдохнуть отъ печальныхъ мыслей.

Тяжела, страшна была минута, когда тетушка потребовала духовника. Исповѣдавшись и пріобщившись Св. Таинъ, она благословила меня, слабымъ голосомъ просила не сокрушаться о

ней и помнить, что «положенъ предѣлъ, его же не прейдеши», потомъ, обратясь къ окружавшимъ, сказала:

— Не оставьте ея, друзья мои, а я не жилица на этомъ свѣтѣ... Простите, если я въ чемъ виновата передъ вами...

Ей отвѣчали общими рыданіями.

Къ вечеру, въ этотъ день, она почувствовала себя хуже, а къ половинѣ ночи, будто электрическій ударъ, пронеслась вѣсть по всей усадьбѣ, что она скончалась...

Ю. Жадовская.

ВЫБОРЪ НОВАГО ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

(окончаніе. См. № 6 Соврем. Лѣтопись)

Только послѣ мексиканской войны, доставившей территоріи Соединенныхъ Штатовъ новое приращеніе, почти равное половинѣ Европейской Россіи, и открывшей такимъ образомъ обширное поприще размноженію невольничьихъ штатовъ въ явный ущербъ независимости Сѣвера, вопросъ о невольничествѣ сталъ на первомъ планѣ въ сознательной дѣятельности политическихъ партій Союза. Прежде онъ скорѣе былъ дѣломъ личнаго убѣжденія и употреблялся въ видѣ вспомогательнаго средства для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей административной политики. До тридцатыхъ годовъ, то-есть до перваго президентства Джаксона, партіи вообще не могли играть той преобладающей роли, какой достигли онѣ въ послѣдствіи. Джаксонъ или, точнѣе, хитрый совѣтникъ и потомъ преемникъ его Фанъ-Буренъ, впервые практически примѣнили то начало, что господствующей партіи, партіи, избравшей президента, должно принадлежать и все управленіе, что ея мнѣніемъ должны опредѣляться не только направленіе общей политики Союза, но и выборъ личнаго состава всей союзной администраціи. Прежде новый президентъ обыкновенно оставлялъ на мѣстѣ бо́льшую часть должностныхъ лицъ, назначенныхъ его предшественникомъ, а съ 1829 года вошло въ обычай смѣнять прежнюю администрацію людьми президентской партіи, по открыто-высказанному тогда правилу: «побѣдителю и вся добыча».

Сколь ни естественнымъ можетъ казаться на первый взглядъ такого рода пользованіе своею побѣдой, оно имѣло однакожь очень вредныя послѣдствія, замѣнивъ довѣріе къ общему патріотизму гражданъ исключительнымъ предпочтеніемъ одной партіи, развивъ въ сѣверо-американскомъ обществѣ духъ домогательства къ достиженію служебныхъ мѣстъ, часто неразлучный съ желаніемъ неправедной наживы, и доставивъ лицу президента огромный патронатъ, несоотвѣтственный кореннымъ основамъ американскихъ учрежденій. Это, сверхъ того, повлекло за собою другое нововведеніе, придавшее вліянію партій еще болѣе значительности, именно — перемѣну въ существовавшемъ до тѣхъ поръ порядкѣ избранія президента. Прежде,

по точному смыслу союзной конституціи, выборъ непосредственно совершался въ избирательной коллегіи, состоящей изъ лицъ, назначаемыхъ для того отъ разныхъ штатовъ по числу сенаторовъ и представителей каждаго изъ нихъ. Но съ половины тридцатыхъ годовъ (съ избранія Ванъ-Бурена) введена система такъ-называемыхъ конвентовъ, или предварительныхъ сборищъ, которыя сдѣлались потомъ такимъ могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ государственныхъ людей Юга.

Къ этому-то времени, — началу практически-строгаго разграниченія партій, — относится и первое появленіе партіи *аболиціонистовъ*, требовавшей *непосредственной* отмѣны невольничества. Сѣверные штаты давно уже принимали у себя мѣры къ окончательному освобожденію тѣхъ немногихъ негровъ, которые оставались еще въ кабалѣ; выкупъ невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ, по климату близкихъ къ южнымъ штатамъ, пораждалъ тогда горячіе толки и споры на всемъ пространствѣ Сѣверной Америки. Среди этого неопредѣленнаго еще волненія, въ требованіи аболиціонистовъ высказалось въ первый разъ, давно таившееся подъ пепломъ, общее нерасположеніе передовыхъ людей Сѣвера къ институту рабства, но высказалось такъ рѣзко и безоговорочно, что аболиціонизмъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, имѣлъ весьма мало успѣха даже и въ свободныхъ штатахъ. Дѣйствительно, онъ не могъ пріобрѣсти никакого значенія, какъ политическая партія, ставя себя въ явное противорѣчіе съ конституціею Союза. Сами аболиціонисты должны были признать вмѣстѣ съ своими противниками, что отмѣна невольничества, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно уже существуетъ, есть дѣло каждаго штата порознь, а не Союза и даже не политической партіи, дѣйствующей извнѣ. Касаться этого вопроса, прямо и непосредственно, значило колебать ту первую основу конституціи, которая признаетъ полную независимость каждаго штата во внутреннихъ его дѣлахъ, и безъ которой самый Сѣверъ не могъ бы приступить къ освобожденію своихъ невольниковъ помимо согласія южныхъ штатовъ. Вотъ почему даже противники невольничества на Сѣверѣ, по возможности, избѣгали этого крайне-щекотливаго вопроса, и *политическое* поднятіе его аболиціонистами не одобрялось даже со стороны такихъ чистыхъ, высокихъ людей, какъ напримѣръ Чаннингъ, самый краснорѣчивый обличитель невольничества, не во гнѣвъ будь сказано многочисленнымъ почитателямъ мистриссъ Бичеръ-Стоу (1).

---

(1) По мысли Чаннинга, самая печальная сторона невольничества заключается именно въ невозможности такихъ явленій, какъ знаменитый Дядя Томъ. Негръ живетъ, пьетъ, ѣстъ и вообще содержится гораздо лучше, нежели бо́льшая часть чернорабочихъ въ западной Европѣ; онъ менѣе американскаго солдата подвергается тѣлеснымъ наказаніямъ; въ случаѣ болѣзни, его тщательно лѣчатъ, а въ здоровомъ состояніи холятъ и берегутъ, — но

Горячность аболиціонистовъ, тѣмъ болѣе раздраженныхъ своими неудачами, чѣмъ болѣе они были убѣждены въ правотѣ своего дѣла, конечно заходила иногда слишкомъ далеко; ихъ смѣлыя попытки проповѣдывать на Югѣ свободу самимъ неграмъ, вызвали со стороны рабовладѣльцевъ страшно-крутыя мѣры противъ незваныхъ проповѣдниковъ и противъ всякой дальнѣйшей дѣятельности этимъ слишкомъ непосредственнымъ путемъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать одну важную оговорку. Аболиціонизмъ, какъ нравственное убѣжденіе, вовсе не состоялъ въ необходимой связи съ двумя главными политическими партіями Союза: онъ имѣлъ приверженцевъ среди демократовъ, какъ и среди виговъ. Но, разумѣется, главную опору нашелъ онъ сначала между сѣверными вигами, и только въ послѣдствіи, по мѣрѣ смягченія его требованій и по мѣрѣ возрастающаго самовластія Юга, начали присоединяться къ противоневольнической партіи и умѣренные демократы. Даже въ южныхъ штатахъ имѣетъ она своихъ приверженцевъ, но, конечно, въ весьма ограниченномъ числѣ, и главныя ея силы все-таки сосредоточиваются на Сѣверѣ.

Мексиканская война, возникшій тогда необыкновенно жаркій споръ за будущность обширныхъ земель, ею пріобрѣтенныхъ, и наконецъ опасенія, возбужденныя явнымъ преобладаніемъ Юга, естественно передвинули значительную часть сѣверныхъ виговъ и демократовъ въ ряды противоневольнической партіи, однакожь не подъ предосудительнымъ именемъ аболиціонистовъ, которые остались крайнею ея стороной, а подъ именемъ защитниковъ поземельной свободы, *фрисойлеровъ*, которые противились только введенію невольничества въ новопріобрѣтенныя области. Основываясь на законномъ правѣ конгресса распоряжаться такъ-называемыми территоріями, то-есть областями, еще непринятыми въ число штатовъ, пенсильванскій депутатъ Вильмотъ предложилъ, въ 1847 г., палатѣ представителей узаконить для новыхъ областей полную свободу отъ невольничества. Это значило ниспровергнуть всѣ соображенія южной политики, по которымъ задумано было присоединеніе Техаса и веденіе мексиканской войны. Предложеніе Вильмота (Wilmot proviso) было отринуто, но сдѣлалось съ тѣхъ поръ лозунгомъ Сѣвера противъ Юга.

Въ декабрѣ 1849 года, конгрессъ долженъ былъ окончательно рѣшить вопросъ объ участи новопріобрѣтенныхъ территорій, и про-

---

берегутъ какъ рабочую скотину, поддерживая въ немъ животное и всѣми мѣрами подавляя человѣка. Негръ съизмала становится слѣпымъ орудіемъ чужой воли, и что̀ осталось въ немъ смысла человѣческаго, идетъ у него не на выраженіе его собственной личности, а на поддѣлываніе себя къ другой,— на ложь, на плутни, на измѣну связямъ крови и дружества, которымъ онъ не знаетъ настоящей цѣны и которыя всегда уступаютъ у него суевѣрію раболѣпства и темнымъ животнымъ побужденіямъ, единственнымъ его двигателямъ.

тивоневольническая партія, настаивая на предложеніи Вильмота, требовала, сверхъ того, запрещенія продажи негровъ изъ штата въ штатъ и отмѣны невольничества, равно какъ и торга неграми, въ маленькомъ союзномъ округѣ, Колумбіи (1). Этотъ округъ вполнѣ подчиненъ распоряженію центральной власти, и, слѣдовательно, допущеніе въ немъ невольничества есть явное потворство рабовладѣльческимъ интересамъ Юга вообще, и двухъ смежныхъ штатовъ, Мериланда и Виргиніи, въ особенности. Требованія эти возбудили сильнѣйшую оппозицію со стороны Юга, который, не отрицая формальнаго права конгресса распоряжаться въ Колумбіи, находилъ приложеніе этого права несовмѣстнымъ съ прочностію своихъ «особыхъ учрежденій», отвергалъ всякое вмѣшательство по внутреннему торгу неграми, отстаивалъ свое право селиться съ невольниками въ новыхъ областяхъ, требовалъ предоставленія каждому новому штату полной свободы допускать или запрещать у себя невольничество и, сверхъ того, подтвержденія въ усиленномъ видѣ статьи союзнаго акта на счетъ обязательной выдачи бѣглыхъ невольниковъ. Фрисойлеры не пытались опровергать законности прежняго постановленія о бѣглыхъ, но утверждали, что исполненіе его должно всегда быть въ зависимости отъ рѣшенія суда присяжныхъ.

Споры объ этихъ вопросахъ шли съ возрастающимъ жаромъ цѣлый годъ, а между тѣмъ мексиканскія земли оставались безъ всякаго законнаго устройства. Калифорнія, благодаря своему золоту, успѣла уже привлечь достаточное число переселенцевъ, и въ 1850 году потребовала, чтобы ее приняли новымъ штатомъ съ противоневольническою конституціей. Тогда-то извѣстный составитель миссурійской сдѣлки, уважаемый глава значительной отрасли виговъ, Клей, предложилъ конгрессу, для водворенія мира, новое соглашеніе, заключавшееся въ слѣдующихъ восьми пунктахъ: 1) допустить Калифорнію въ Союзъ, не упоминая о невольничествѣ; 2) учредить правительства въ прочихъ частяхъ мексиканской территоріи, не возбраняя въ нихъ невольничества; 3) и 4) признать западною границей Техаса рѣку Ріо-Гранде, и принять на себя часть техасскаго долга, съ тѣмъ чтобы эта область отказалась отъ своихъ притязаній на Новую Мексику; 5) объявить неудобною отмѣну невольничества въ Колумбійскомъ округѣ; 6) объявить неудобнымъ продолженіе торга неграми въ этомъ округѣ; 7) постановить мѣры для выдачи бѣглыхъ невольниковъ, и 8) объявить, что конгрессъ не властенъ запрещать, ни же затруднять продажу негровъ изъ штата въ штатъ.

---

(1) Округъ, въ три географ. мили величиной, заключающій въ себѣ союзный городъ Вашингтонъ съ его околоткомъ. Въ немъ около 52,000 жителей, въ томъ числѣ до 4,000 невольниковъ.

Этотъ билль, прозванный въ насмѣшку *общеугоднымъ* (omnibus bill), хотя и прошелъ всѣми неправдами установленныя ступени законодательства, не удовлетворилъ однакожь своими явными противорѣчіями ни одной изъ спорящихъ сторонъ. Но, какъ бы то ни было, защитники невольничества снова одержали рѣшительную побѣду. Принятію Калифорніи не могли они противиться и безъ того: это было бы несовмѣстно съ ихъ собственнымъ ученіемъ о внутренней независимости штатовъ, да и прямо разногласило съ конституціей. А что̀ касается другихъ пунктовъ этой сдѣлки, то очевидно, что за одну маловажную и притомъ никогда не осуществленную вполнѣ уступку торга неграми въ Колумбіи, южные рабовладѣльцы настояли на всѣхъ прочихъ своихъ требованіяхъ. Вопіющее противорѣчіе между 6-ю и 8-ю статьями сдѣлки не могло не поразить самыхъ непроницательныхъ судей, а усиленіе законныхъ мѣръ для преслѣдованія бѣглыхъ вскорѣ возбудило общее почти негодованіе Сѣвера, который впервые увидѣлъ себя вынужденнымъ содѣйствовать рабовладѣльцамъ въ поимкѣ ихъ негровъ (1). Священники съ церковныхъ каѳедръ, судьи съ своихъ лавъ стали обличать ужасы невольничества; исполненіе закона о бѣглыхъ часто встрѣчало себѣ рѣшительное сопротивленіе, и приходилось употреблять военную силу, даже грозу пушекъ, для того, чтобъ новый уставъ не оказался такъ же бездѣйственнымъ, какъ и прежній. Такимъ образомъ въ главный городъ Массачузетса, Бостонъ, въ эту пуританскую колыбель Союза, надо было ввести морской гарнизонъ, поставить пушки на улицахъ и окружить домъ присутственныхъ мѣстъ цѣпями для того, чтобъ, пользуясь ночною темнотой, препроводить потомъ за конвоемъ одного бѣглаго, задержаннаго, можетъ-быть, по незаконному требованію какого-нибудь агента южныхъ рабовладѣльцевъ. Оцѣпленныя для бостонскихъ гражданъ присутственныя мѣста отворялись на эту пору только передъ тѣми, которые сказывались стражѣ «южными джентльменами». Надо знать нравы американскаго Сѣвера, чтобы постигнуть всю мѣру того негодованія, какое долженъ былъ возбуждать подобный порядокъ вещей.

---

(1) По закону 12 февраля 1793 года, за укрывательство бѣглаго или освобожденіе пойманнаго негра взыскивалось съ виновнаго по 500 долларовъ. Законъ 1850 г. возвысилъ эту пеню до 1,000 долларовъ, усилилъ ее тюремнымъ заключеніемъ до шести мѣсяцевъ и взысканіемъ еще тысячи долларовъ за убытки рабовладѣльцу. Сверхъ обыкновенныхъ судовъ, къ которымъ обращался хозяинъ бѣглаго по закону 1793 года, назначаются теперь многочисленные особые коммиссары, которымъ дано право военнаго суда, и каждый рабовладѣлецъ можетъ требовать конвоя союзныхъ войскъ для препровожденія бѣглаго по принадлежности. Сенаторъ Джозія Квинси удостовѣрялъ въ 1854 году, что въ Бостонѣ для прикрытія одного невольника собрано было два эскадрона драгунъ, восемь ротъ артиллеріи, двѣнадцать ротъ пѣхоты, и сверхъ того поставлены были на ноги всѣ мѣстные констабли и полиція.

Сами рабовладѣльцы увидѣли потомъ ненадежность этой опоры для своихъ интересовъ и стали рѣже и рѣже прибѣгать къ ней. Но усиленіе свободныхъ штатовъ въ союзномъ правительствѣ голосомъ Калифорніи, замѣтное распространеніе противоневольническихъ убѣжденій отъ береговъ Атлантики до Тихаго океана, и возрастаніе той партіи, которая теперь подъ именемъ «республиканской» выставила общимъ знаменемъ географическое ограниченіе невольничества, — все это вскорѣ побудило Югъ воспользоваться благопріятнымъ для него президентствомъ генерала Пирса, чтобы отнять у свободныхъ штатовъ всякій законный предлогъ къ вмѣшательству по этому важному вопросу.

Въ январѣ 1854 года, Дугласъ, по званію сенаторъ одного изъ сѣверныхъ штатовъ, Иллинойса, а въ сущности богатый рабовладѣлецъ и честолюбивый предводитель южныхъ демократовъ, отважился на самый рѣшительный шагъ. Онъ предложилъ, при устройствѣ сѣверозападной области, Небраски, формально отступить отъ правилъ миссурійскаго соглашенія и распространить на организацію всѣхъ безъ различія областей то же самое начало, какое предписано союзною конституціей относительно новыхъ штатовъ, то-есть предоставленіе имъ полной свободы самимъ рѣшать вопросъ о допущеніи или воспрещеніи невольничества. Предложеніе это вызвало опять одну изъ тѣхъ страшныхъ бурь, которыя заставляютъ съ нѣкотораго времени опасаться за прочность Союза. Всѣ лучшіе толкователи конституціи, всѣ прежніе авторитеты по этой части были въ пользу верховныхъ правъ конгресса завѣдывать территоріями и вообще рѣшать вопросъ о невольничествѣ за предѣлами тѣхъ штатовъ, гдѣ существовало оно съ самаго начала республики, и которые вошли въ Союзъ съ этимъ родимымъ пятномъ на челѣ. Таково между прочимъ было и рѣшеніе знаменитаго судьи Стори, рѣшеніе, противъ котораго возстали только южные члены верховнаго суда. Весь Сѣверъ привыкъ смотрѣть на сѣверозападный край, пріобрѣтенный еще въ 1803 году отъ Франціи, какъ на неотъемлемое достояніе колонизаціи свободныхъ штатовъ. Несмотря на то, билль о Небраскѣ прошелъ 4-го марта, и сѣверозападная территорія, раздѣленная на Небраску и Канзасъ, объявлена открытою равно для свободнаго и для невольничьяго заселенія.

Когда состоялся этотъ роковой приговоръ, въ которомъ политика Юга достигла, кажется, апогея своей власти, сѣверные и западные штаты поспѣшили занять Канзасъ свободными переселенцами; но лишь дѣло дошло до выбора мѣстныхъ властей, эти переселенцы увидѣли передъ собой цѣлыя толпы вооруженныхъ, нахлынувшія изъ сосѣдняго Миссури для обезпеченія побѣды за невольничествомъ. Извѣстно, къ какимъ кровавымъ столкновеніямъ повела эта борьба; извѣстно, что, на основаніи билля о Небраскѣ, союзное пра-

вительство выслало войска *для* охраненія *законнаго* хода дѣлъ, то-есть, въ сущности, для подкрѣпленія рабовладѣльцевъ. Въ образецъ того, какъ понималась въ Канзасѣ политическая свобода, стóитъ привести одинъ примѣръ, засвидѣтельствованный посланнымъ туда вскорѣ комитетомъ конгресса. Насильственно избранные законодатели этой области постановили между прочимъ, что всякое разсужденіе о невольничествѣ есть уже злодѣйство (felony), навлекающее виновному два года тяжкихъ работъ въ цѣпяхъ, на большихъ дорогахъ.

Напрасно жители Канзаса сопротивлялись своимъ непрошеннымъ законодателямъ, напрасно взывали они къ защитѣ союзной власти: посланный туда правительствомъ, членъ верховнаго суда дѣйствовалъ рѣшительно въ смыслѣ миссурійскихъ шаекъ. Напрасно также свободные штаты стали высылать съ своей стороны вооруженныхъ людей на помощь землякамъ-колонистамъ; рабовладѣльцы всегда успѣвали набирать еще многочисленнѣйшія толпы изъ среды той «жалкой бѣлой дряни» (poor white trash), которая живетъ въ южныхъ штатахъ однимъ своимъ *презрѣннымъ* трудомъ, не имѣя ни плантацій, ни невольниковъ. Южная Каролина, Георгія и Техасъ открыто назначали суммы изъ общественной казны, для снаряженія экспедицій на помощь законному порядку въ Канзасѣ; центральное правительство созвало милицію двухъ смежныхъ невольничьихъ штатовъ для той же цѣли, и только страшное волненіе на Сѣверѣ, да близость новыхъ президентскихъ выборовъ пріостановили чрезмѣрное его усердіе въ пользу одной стороны противъ другой.

Билль о Небраскѣ и печальныя его послѣдствія естественно усилили противоневольническую партію новыми приверженцами, изъ среды того колеблющагося большинства, которое обыкновенно держится выжидательной системы. Успѣхи ея были таковы, что она получила даже перевѣсъ въ представительной палатѣ, и оппозиція ея привела послѣдняго президента въ очень затруднительное положеніе, особенно своимъ упорствомъ въ отказѣ утвердить военный бюджетъ, если при этомъ не будетъ оговорено, чтобы вооруженныя силы Союза не употреблялись для подавленія свободной эмиграціи въ Канзасѣ. Сенатъ, естественный представитель политической самобытности штатовъ, а не народнаго ихъ элемента, постоянно поддерживалъ южную политику президента Пирса, и свободныя рѣчи такихъ людей, какъ сенаторы Сьюардъ и Сомнеръ, встрѣчали здѣсь сильнѣйшее сопротивленіе. Извѣстно, къ какому крайнему средству противъ послѣдняго прибѣгнулъ депутатъ Южной Каролины, Бруксъ, и какое почти общее сочувствіе въ цѣломъ Югѣ возбудилъ его звѣрски-дикій поступокъ. Все это было только новою пищей огню той вражды, которая и безъ того уже раздѣляла обѣ половины Союза.

Перемѣна, совершившаяся въ этомъ отношеніи за послѣднія пять или шесть лѣтъ, поистинѣ изумительна. Мнѣнія аболиціонистовъ, прежде до того непопулярныя на Сѣверѣ, что самый общеуважаемый

человѣкъ, объявляя себя въ ихъ пользу, рисковалъ не только своимъ общественнымъ положеніемъ, но и личною безопасностью,—эти мнѣнія высказываются теперь открыто на митингахъ, въ журналахъ, въ законодательныхъ палатахъ и снискиваютъ защитникамъ ихъ не презрѣніе, а напротивъ лестную извѣстность и почетъ. Оскорбленный сенаторъ Сомнеръ дѣлается героемъ Сѣвера, чуть ли еще не болѣе, чѣмъ обидѣвшій его депутатъ Бруксъ сдѣлался героемъ Юга. Рѣчи, произнесенныя на такъ-называемомъ «Сомнеровскомъ митингѣ», собиравшемся въ Кембриджѣ, въ Массачузетскомъ штатѣ, показываютъ, до какой степени на свободныхъ жителей Сѣвера тяготѣетъ скорбная мысль о томъ, что они въ сущности не что иное, какъ безотвѣтныя орудія воли южныхъ рабовладѣльцевъ.

«Послѣдній ценсъ, говорилъ одинъ изъ участниковъ митинга, извѣстный писатель Дана, вполнѣ доказалъ то, что̀ многіе прежде утверждали, но чему не многіе вѣрили, именно: что подъ формою республики отечествомъ нашимъ съ давнихъ поръ управляетъ олигархія. Въ свободныхъ штатахъ считается теперь около семнадцати милліоновъ жителей, и невольника нѣтъ ни одного. Въ рабовладѣльческихъ штатахъ четыре милліона невольниковъ, принадлежащихъ тремъ стамъ пятидесяти тысячамъ хозяевъ (1). Эти триста пятьдесятъ тысячъ, владѣя всею годною землей и рабочими силами, захватили въ свои руки управленіе невольничьими штатами. И чтобы все сказать въ короткихъ словахъ, не возникало на конгрессѣ ни одного спорнаго вопроса между властію этихъ штатовъ и штатовъ свободныхъ, въ которомъ рабовладѣльцы не одержали бы верхъ. Теперь, найдется ли довольно силы, довольно гражданской доблести въ нашихъ семнадцати милліонахъ, чтобы отстоять свое политическое равенство, освободиться изъ-подъ ига, обновить нашу національную политику и возвратить отечеству его прежнюю честь, сдѣлать свободу общимъ государственнымъ учрежденіемъ, а неволю заключить въ извѣстные предѣлы, сдѣлать свободу правиломъ, а неволю только исключеніемъ, и обезпечить это на будущее время?»

Еще сильнѣе, еще тяжеловѣснѣе прозвучали на томъ же митингѣ слова его предсѣдателя, бывшаго главнаго судьи въ Нью-Гампширѣ, Паркера. Надобно знать, что Нью-Гампширъ самый консервативный изъ всѣхъ сѣверныхъ штатовъ. Его политическая и гражданская не-

---

(1) Мы уже говорили о неточности этого вычисленія. Г. Дана приводитъ общепринятую цифру ценса 1850 года, не входя въ разборъ, вѣрна ли она, или нѣтъ. Недавно попалось намъ въ журналахъ еще одно, весьма правдоподобное, вычисленіе, которымъ примиряется разность офиціяльнаго ценса съ показаніями частныхъ описаній. Настоящихъ плантаторовъ, имѣющихъ свыше пятидесяти невольниковъ, насчитывается по этому вычисленію до 80,000; остальные 270,000 мелкихъ рабовладѣльцевъ находятся въ полной отъ нихъ зависимости.

подвижность пріобрѣла ему прозвище окаменѣлаго, «гранитнаго штата», а судья Паркеръ принадлежитъ тамъ къ числу непоколебимѣйшихъ консерваторовъ. Когда новый законъ о выдачѣ бѣглыхъ взволновалъ даже и этотъ ничѣмъ невозмутимый край, Паркеръ поддерживалъ ненавистное постановленіе, считая его все-таки конституціоннымъ. Но теперь заслуженный ветеранъ консерватизма измѣнилъ привычному лозунгу и высказалъ свое глубокое убѣжденіе въ слѣдующихъ, многознаменательныхъ словахъ: «Если всѣ тѣ мѣры къ оборонѣ нашей законной свободы, какія только допускаетъ конституція, останутся безуспѣшны, что же будетъ съ нами тогда? Господь въ безконечномъ милосердіи своемъ да отвратитъ это бѣдствіе! Но если Премудрый Промыслъ попуститъ безумію и насильству немногихъ вырвать изъ конституціи всѣ законныя обезпеченія свободы и оставить только формы свободнаго правительства на мѣсто сущности, которою мы мечтали обладать, то не намъ здѣсь рѣшить, что должно тогда послѣдовать. Быть-можетъ, большей части изъ васъ я лично извѣстенъ за гражданина мирнаго, вѣрнаго разумно-консервативнымъ началамъ, душою преданнаго конституціи и слишкомъ устарѣлаго для хвастовства; но при настоящемъ положеніи дѣлъ да позволено мнѣ будетъ напомнить, что кровь моего отца пролита на Бункеръ-Гиллѣ (1), и что во мнѣ есть еще остатокъ той же крови, на случай, если придется начинать вновь!»

Южные штаты, разумѣется, не остались въ долгу у Сѣвера. Тамъ не ограничивались уже, какъ прежде, отстаиваніемъ «патріархальнаго института невольничества», какъ мѣстной особенности, какъ неизбѣжнаго хотя и печальнаго факта. Рабовладѣльцы и органы *ихъ* общественнаго мнѣнія провозглашали во всеуслышаніе, что невольничество есть коренная основа всякаго нормальнаго и благоустроеннаго общества, что начало гражданской свободы прямо ведетъ къ безнравственности, что отношеніе рабовладѣльца къ невольнику такъ же естественно, какъ и отношеніе отца къ дѣтямъ, что невольничество непремѣнно сдѣлается повсемѣстнымъ, и т. д. Словомъ, знаменитое древне-классическое ученіе прототипа образованныхъ рабовладѣльцевъ, Когуна (Calhoun), ученіе, что республика должна имѣть своимъ основаніемъ вѣчную неволю рабочихъ классовъ, такъ какъ подъ этимъ только условіемъ достижимъ для немногихъ избранныхъ необходимый имъ досугъ, — это ученіе распространялось повсюду, и притомъ въ самыхъ рѣзкихъ, самыхъ грубыхъ, самыхъ обидныхъ для работящаго Сѣвера выраженіяхъ.

Не мудрено, что въ виду этого возрастающаго волненія, въ виду сильной оппозиціи представительной палаты и передъ началомъ новыхъ

(1) Высоты близъ Бостона, на которыхъ Англичане впервые разбили Американцевъ въ 1775 году.

президентскихъ выборовъ, для которыхъ наступалъ уже срокъ, тогдашній глава Союза нашелся подконецъ вынужденнымъ отстать отъ своего прежняго образа дѣйствій въ Канзасѣ и одобрилъ распоряженія вновь назначеннаго туда губернатора Грири, который своимъ строгимъ безпристрастіемъ отнялъ у пришлыхъ миссурійскихъ шаекъ всякую охоту вмѣшиваться въ устройство тамошнихъ дѣлъ.

Это была уже значительная уступка вліянію противоневольнической партіи въ ущербъ заносчивой политикѣ Юга. Но, къ удивленію, вскорѣ потомъ и сами рабовладѣльцы замѣтно понизили тонъ тѣхъ неумѣренныхъ требованій, которыя высказывались ими при подготовкѣ голосовъ въ пользу кандидата демократической партіи, нынѣшняго президента Буканана. Тревожное воображеніе рабовладѣльцевъ было напугано разными нелѣпыми толками, распространившимися между неграми о томъ, что будто «великій генералъ Фремонъ идетъ съ несмѣтнымъ войскомъ для освобожденія ихъ изъ неволи». Сами рабовладѣльцы были чуть ли не главною причиной порожденія этихъ толковъ: ихъ же собственные говоруны и глашатаи повторяли на каждомъ шагу, что весь Сѣверъ наполненъ «черными республиканцами»—какъ называли они противоневольническую партію, — и что тамъ только и думаютъ, какъ бы скорѣе возстать общими силами противъ Юга и освободить негровъ. Мудрено ли, что дѣтское воображеніе бѣдняковъ, которыхъ участи такъ близко касались эти рѣчи, пересоздавало ихъ въ самыя странныя, несбыточныя мечты? Какъ бы то ни было, ихъ толки, ихъ тайныя сборища подѣйствовали въ этомъ случаѣ на запальчивость властителей юга, какъ дѣйствуетъ вылитый на пьянаго ушатъ холодной воды.

При наступившихъ вслѣдъ затѣмъ выборахъ нынѣшняго президента, обнаружился еще явственнѣе тотъ утѣшительный фактъ, какія новыя силы пріобрѣла себѣ въ короткое время «республиканская» противоневольническая партія. Соединивъ подъ своимъ знаменемъ большую часть другихъ второстепенныхъ партій, не имѣющихъ неразрывной связи съ коренными демократами, она хотя и не одержала на этотъ разъ полной побѣды; однакожь число голосовъ, данныхъ въ пользу кандидата ея, полковника Фремона, не могло не поразить демократовъ своею значительностью, особенно въ сравненіи съ тѣмъ ничтожнымъ меньшинствомъ, которое въ 1852 году выпало на долю Пирсова соперника, Скотта. Первый получилъ 254 голоса, а послѣдній только 42; тогда какъ въ ноябрѣ 1856 года Букананъ получилъ 163 голоса, а Фремонъ 125. Всѣ эти 125 голосовъ даны ему были свободными штатами, въ которыхъ Букананъ получилъ только 51 голосъ, включая въ то число и 27 голосовъ роднаго штата его, Пенсильваніи, гдѣ онъ, естественно, имѣлъ большую популярность. За то невольничьи штаты отдали ему почти всѣ свои голоса, именно 112; одинъ Мериландъ сталъ съ своими восемью голосами за третьяго кандидата въ президенты, котораго выбрали представители національной исключи-

тельности, *нонотинги* или американофилы (1). Пирсъ имѣлъ, слѣдовательно, 212 голосовъ большинства, а Букананъ всего только 38. Поразительный результатъ борьбы, возбужденной вопросомъ о распространеніи невольничества въ Канзасѣ!

Джемзъ Букананъ родился въ 1791 году, въ странѣ квакерскаго братства, Пенсильваніи. Сынъ достаточнаго землевладѣльца, онъ имѣлъ всѣ удобства безпрепятственно кончить академическій курсъ, и осьмнадцати лѣтъ вступилъ въ званіе адвоката. Своими первыми успѣхами онъ обратилъ на себя вниманіе согражданъ; его избрали депутатомъ въ мѣстное законодательное сословіе. Въ 1812 году, когда Англичане угрожали Бальтимору, онъ, въ качествѣ почетнаго милиціонера, поспѣшилъ на защиту этого города. Политическая дѣятельность не препятствовала ему такъ успѣшно заниматься адвокатствомъ, что будучи тридцати лѣтъ, онъ уже пользовался славою лучшаго и краснорѣчивѣйшаго законовѣдца въ Пенсильваніи. Еще прежде выбрали его депутатомъ въ Вашингтонъ. Десять лѣтъ оставался онъ въ этомъ званіи и неоднократно защищалъ на конгрессѣ высказанное президентомъ Монро первое и высшее начало сѣвероамериканской политики, чтобы никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ не допускать возобновленія прежняго колоніальнаго господства Европы на почвѣ Новаго Свѣта. Въ 1831 году генералъ Джаксонъ назначилъ Буканана посланникомъ при нашемъ дворѣ. Едва успѣлъ онъ заключить первый торговый трактатъ Союза съ Россіей, какъ уже снова отозванъ былъ Джаксономъ для защиты его политики относительно банковъ, государственнаго долга и проч. Онъ вполнѣ оправдалъ возложенное на него довѣріе. Особенно энергически возставалъ онъ при этомъ противъ тѣхъ, которые тогда уже начинали грозить расторженіемъ Союза. Въ рѣчи, произнесенной имъ по поводу преній о допущеніи въ Союзъ штата Мичигана, онъ именно говорилъ: «Я не восточный и не западный, я не сѣверный и не южный. Я протестую противъ этихъ наименованій, которыя порождаютъ только непріязнь и раздоръ; я вижу въ нихъ величайшее политическое бѣдствіе.»

Избраніе Полька въ президенты вызвало Буканана изъ палаты представителей: онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Бо́льшая часть актовъ по предметамъ внутренней и внѣшней политики, явившихся въ четырехлѣтіе съ 1845 по 1849 годъ, принадле-

(1) Эта партія, сначала выступившая съ тѣмъ, чтобы противодѣйствовать на всѣхъ выборахъ политическимъ стачкамъ католиковъ и, въ особенности, продажныхъ ирландскихъ бѣдняковъ, пыталась потомъ расширить приложеніе своихъ правилъ, противодѣйствуя вліянію всѣхъ вообще иностранныхъ переселенцевъ, но не нашла себѣ большой поддержки въ народномъ мнѣніи, увлеченномъ господствующимъ вопросомъ о невольничествѣ, и большею частію вступила въ ряды противниковъ или защитниковъ невольничества, смотря по личнымъ взглядамъ и отношеніямъ каждаго изъ своихъ членовъ.

житъ перу Буканана, и обратила на себя въ то время общее вниманіе какъ по содержанію, такъ и по языку. Въ 1849 году онъ надолго удалился отъ дѣлъ, и только въ 1853 президентъ Пирсъ отправилъ его посланникомъ въ Лондонъ. Букананъ принималъ дѣятельное участіе въ знаменитой остендской конференціи, на которой важнѣйшіе сѣвероамериканскіе дипломаты въ Европѣ, совѣщались, будто бы, о томъ, какъ лучше Соединеннымъ Штатамъ воспользоваться неладами Стараго Свѣта для расширенія своихъ предѣловъ и своего могущества. Это не мало повредило успѣху его при Лондонскомъ дворѣ, гдѣ ему приходилось уладить, въ одно и то же время, два весьма щекотливые вопроса:—споръ за Центральную Америку и дѣло о вербовкѣ Англіею солдатъ на нейтральной землѣ Союза. Отозванный до окончанія переговоровъ, онъ тотчасъ по возвращеніи былъ избранъ кандидатомъ въ президенты демократическою партіей, которая справедливо увѣнчала въ его лицѣ одного изъ самыхъ свѣдущихъ, опытныхъ и замѣчательныхъ государственныхъ людей республики. Много говорило въ пользу Буканана общее къ нему сочувствіе роднаго его штата, котораго голоса окончательно и рѣшили выборъ въ его пользу. Кромѣ Пенсильваніи, изъ всѣхъ свободныхъ штатовъ стояли за него только Калифорнія, Индіана и Нью-Джерси: остальные двѣнадцать единодушно поддерживали кандидата республиканцевъ, Фремона.

Эта партія составляетъ теперь сильную оппозицію въ сенатѣ и особенно въ палатѣ представителей, гдѣ имѣетъ она даже значительное большинство. Недавно представился ей случай помѣряться съ противниками по поводу одного вопроса, имѣющаго близкое отношеніе къ невольничеству. Еще въ самомъ разгарѣ борьбы, возбужденной биллемъ о Небраскѣ и сопротивленіемъ свободныхъ переселенцевъ въ Канзасѣ, одинъ изъ рьяныхъ защитниковъ невольничества, губернаторъ штата Южной Каролины, оффиціяльно представлялъ союзной власти о необходимости снова разрѣшить привозъ негровъ изъ Африки. Въ январѣ нынѣшняго года дѣло это поступило въ палату представителей и покончено тѣмъ, что «всѣ стремленія возстановить африканскій торгъ неграми признаны безнравственными и достойными порицанія». Изъ 57 голосовъ, поддерживавшихъ предложеніе Южной Каролины, только 8 стояли за него вполнѣ, а остальные, не противорѣча ему въ основаніи, находили его, по крайней мѣрѣ, неблаговременнымъ. Уже одно возбужденіе подобнаго вопроса даетъ мѣру наглости крайнихъ демократовъ Юга, которые не могли же не знать, что Америка давно отказалась отъ морскаго торга неграми на основаніи международныхъ трактатовъ. Дознанное въ послѣднее время, нарушеніе этихъ началъ нѣкоторыми торговыми домами въ Нью-Іоркѣ навлекло виновнымъ и судебное преслѣдованіе и заслуженную кару общественнаго мнѣнія.

Дальнѣйшее усиленіе или ослабленіе республиканской партіи, конечно, будетъ зависѣть, по крайней мѣрѣ въ текущее четырехлѣтіе, отъ образа дѣйствій новаго президента. Что онъ вполнѣ понимаетъ трудность предстоящей ему задачи, этого слѣдовало ожидать отъ дознанной его опытности, это же доказываетъ и крайне осторожный тонъ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи на свой высокій постъ. Изъ этого акта должно заключить, что въ согласіи съ передовыми людьми своей партіи, Буканан старается удалить съ политическаго поприща, то-есть изъ-подъ вѣдомства конгресса, горячій теперь вопросъ о вліяніи центральной власти на допущеніе или запрещеніе невольничества въ территоріяхъ; всѣ случаи, подходящіе къ этому разряду, хочетъ онъ предоставить вѣдомству верховнаго суда, какъ законнаго истолкователя конституціи и рѣшителя споровъ между различными частями Союза.

Это обращеніе къ послѣднему оплоту центральной власти показываетъ, что демократическая партія не надѣется уже превозмочь оппозицію республиканцевъ путемъ обыкновенныхъ политическихъ преній на конгрессѣ. Демократы не рискуютъ при этомъ, можно сказать, ничѣмъ, потому что верховный судъ состоитъ теперь изъ семи членовъ рабовладѣльческой партіи и двухъ противоневольнической, а какъ они избираются президентомъ и сенатомъ на всю жизнь, то нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы составъ судилища скоро измѣнился. Да и во всякомъ случаѣ это очень ловкій манёвръ партіи, видящей ослабленіе своего политическаго господства на народныхъ выборахъ. При единомысліи, богатствѣ и сосредоточенной силѣ южныхъ демократовъ, имъ легче будетъ удержать вліяніе на выборъ нѣсколькихъ членовъ верховнаго суда, нежели на выборъ обоихъ законодательныхъ собраній Союза. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ составъ верховнаго судилища, можно заранѣе сказать, что его приговоры, основанные на точномъ смыслѣ конституціи, не удовлетворятъ вполнѣ стремленій противоневольнической партіи, которыхъ основаніе лежитъ, какъ мы уже говорили, гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что сама конституція, допустившая невольничество наряду съ свободой, носитъ неизбѣжное противорѣчіе сама въ себѣ. Мы видимъ борьбу двухъ общественныхъ системъ, изъ которыхъ одна господствовала въ древнемъ мірѣ, другая возникла и развилась подъ наитіемъ христіянства: сѣверные штаты представляютъ послѣднюю, то-есть систему лично-свободнаго труда, а южные систему совокупной работы массами невольниковъ. Которая изъ нихъ окончательно одержитъ верхъ, для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Но какими путями и когда, на это разумѣется, нельзя дать положительнаго отвѣта. Многіе указываютъ на расторженіе Союза, какъ на болѣе или менѣе близкій выходъ изъ той страшной дилеммы, въ какую поставленъ онъ историческою судьбой. Мы вовсе не раздѣляемъ этого мнѣнія. Какъ разо-

рвать, напримѣръ, естественныя узы, которыми одна уже система рѣки Мисиссипи такъ тѣсно связываетъ Сѣверъ и Югъ? а важные торговые и промышленные интересы? а совершенная невозможность для южныхъ рабовладѣльцевъ положиться на своихъ невольниковъ въ случаѣ враждебнаго столкновенія съ Сѣверомъ? Нѣтъ, рано или поздно, а придется этимъ господамъ сдѣлать неизбѣжную уступку человѣчеству.

ЧЕРНОМОРСКІЯ ПИСЬМА (1)

V

Сторожевой постъ на берегу Кубани — это небольшой дворъ, обнесенный огорожею изъ терновника, съ амбразурами для ружейной пальбы. На этомъ дворѣ находится двѣ–три избы, въ которыхъ тѣснится караулъ, состоящій изъ сотни, а иногда, преимущественно, зимою, и гораздо бо́льшаго числа казаковъ; на подкрѣпленіе ихъ посылается иногда и регулярное войско. Но главная опора такого поста заключается въ пушкѣ большаго калибра: звукъ ея особенно не нравится горцамъ, потому что онъ пробуждаетъ тревогу по всей линіи. Подлѣ поста находится вышка, съ которой караульный казакъ долженъ зорко слѣдить въ теченіе дня за всѣмъ, что̀ дѣлается подлѣ него по Кубани и за Кубанью; обыкновенно глазамъ его представляется одна и та же мѣстность, да по временамъ мѣняющееся небо, и только; тѣмъ не менѣе, однако, глаза его нужны для края, потому что отъ нихъ прячется готовый на грабежъ горецъ. На ночь караульный сходитъ съ вышки, и надзоръ за линіею усиливается посредствомъ залоговъ или секретовъ, которые бываютъ тѣмъ ближе другъ къ другу, чѣмъ удобнѣе время для переправы черезъ Кубань.

Не берусь описывать обыденной жизни на постахъ, стоящихъ въ полѣ, вдали отъ жилья: однообразная, безсемейная, бѣдная эпизодами и изъ военныхъ случаевъ, подверженная различнаго рода лишеніямъ и неудобствамъ, жизнь эта, повторяю,—подвигъ непривлекательный, однако чрезвычайно нужный для края. Да и можно ли ожидать какихъ бы то ни было удобствъ въ странѣ, которая, и мимо лагерной жизни, всюду кажетъ слѣды неряшества или бѣдности? Эта повсемѣстная бѣдность только дѣлаетъ ее болѣе сносною, и легко

---

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 года, № 6.

миритъ Черноморца съ его тяжелою службой. Да и что наконецъ значатъ неудобства жилья, напримѣръ, для пластуна, который сроднился съ болотомъ? Помню, разъ мнѣ довелось ночевать на одномъ изъ постовъ; меня пригласили въ избу, которая походила на грязный арсеналъ: всюду висѣли ружья, шашки, бурки; около стѣнъ стояли нары, покрытыя соломой. Человѣкъ десять казаковъ, собравшись около котелка, черпали изъ него ложками какую-то похлебку, приправленную полевою горчицей. Я также зачерпнулъ, и нашелъ, что похлебка не безъ вкуса. Затѣмъ послѣдовалъ ночлегъ; но—пресвятая Богородица! какова была эта ночь! Тысячи блохъ терзали меня непрерывно, не давая сомкнуть глазъ.... А казаки храпѣли какъ нельзя лучше, и на жалобы мои одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ въ слѣдующее утро: «Та вже жь.... сёго товару, благодареніе Богу, у насъ щей мало.» Всходилъ я и на вышку, гдѣ въ то время, погруженный въ созерцаніе, на корточкахъ возсѣдалъ усатый Черноморецъ. Что, тебѣ не скучно? спросилъ я. — «Мени? отвѣтилъ онъ: ни... витселя богацько выдно....» Я посмотрѣлъ вокругъ себя: точно, степи много, а еще больше закубанской равнины, по которой сизѣлъ легкій туманъ. Но будто казаку нравится эта однообразная картина? И какія думы на нее онъ переноситъ? Прошлаго онъ не помнитъ, о настоящемъ молчитъ, о будущемъ навѣрно не помышляетъ. Или просто хорошо ему оттого, что вотъ онъ сидитъ да смотритъ вдаль, а даль эта и широка, и спокойна, въ глазъ ничѣмъ лишнимъ не бьетъ, — и сидитъ онъ долго, грѣясь на солнцѣ, да и самъ ужь не знаетъ — не то онъ спитъ, не то бодрствуетъ, но только въ головѣ нѣтъ ни одной думы: вотъ словно превратился въ того кузнечика, что немолчно звучитъ въ травѣ и пересталъ уже быть кузнечикомъ, а весь, кажется, перелился въ звукъ.... Подобный кейфъ въ нравахъ Малороссовъ, и Черноморецъ — будь онъ на вышкѣ или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ — не упуститъ случая предаться ему съ любовью. Тѣмъ болѣе, что и здѣсь, на линіи, не безъ присутствія того благодѣтельнаго генія, о которомъ остроумно упомянулъ г. Бергъ въ своихъ «Крымскихъ замѣткахъ» (Русс. Вѣстникъ № 24, 1856).

Около поста, по бокамъ, стоятъ шесты, осмоленные и обмотанные пенькой. Ихъ зажигаютъ ночью, когда нужно поднять тревогу на линіи, потому что пушечные выстрѣлы, когда воздухъ сгущенъ парами, не разносятся на дальнее разстояніе и могутъ быть не услышаны на сосѣднихъ постахъ. По такому сигналу, здѣсь и тамъ, по всему берегу Кубани начинаютъ блистать молніи отъ пушечной пальбы; кордонная стража и жители прибрежныхъ станицъ мигомъ становятся на ноги и спѣшатъ на помощь, гдѣ ея требуютъ; въ воздухѣ глухо отдается шумъ и крикъ пробужденнаго населенія и содроганіе отъ выстрѣловъ. Такія тревоги преимущественно бываютъ зимою, когда замерзаетъ Кубань. На эту пору горцы обыкновенно

бываютъ въ сборѣ и готовы отправиться на добычу значительными партіями. Въ свою очередь и наши тогда не дремлютъ: усиливаютъ стражу неочередными казаками; пушки держатъ всегда на готовѣ; въ станицахъ и въ Екатеринодарѣ принимаютъ мѣры на случай нападенія: увеличиваютъ число орудій, улицы заставляютъ возами, учащаютъ секреты, разъѣзды и т. п. Такое тревожное состояніе особенно замѣтно передъ разсвѣтомъ, когда горцы, разсчитывая на сонъ стражи, а съ другой стороны, успѣвши за ночь изъ ауловъ подойдти къ рѣкѣ, готовы сдѣлать нападеніе. По большей части имъ это не удается, по крайней мѣрѣ успѣхъ ихъ ограничивается самою бѣдною добычею: едва они успѣваютъ переправиться черезъ Кубань, какъ линія уже гремитъ выстрѣлами, и отступленіе становится для нихъ необходимымъ. Кромѣ того лазутчики или перебѣжчики изъ-за Кубани безпрестанно извѣщаютъ нашихъ о всѣхъ намѣреніяхъ горскаго сборища, и если показанія ихъ относительно мѣста и времени нападенія не всегда справедливы, за то становится чрезъ нихъ достовѣрнымъ, что сборище дѣйствительно есть, что слѣдовательно дремать не приходится.

Появленія перебѣжчиковъ изъ-за Кубани нисколько не удивительно, хотя у насъ существуютъ какія-то рыцарскія представленія о горцахъ, благодаря повѣстямъ и поэмамъ фальшиваго или реторическаго направленія. Изъ этихъ повѣстей рѣшительно нельзя познакомиться съ горцемъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности: въ нихъ ложно представлена и его храбрость, и его понятія о чести, о свободѣ и т, п. На самомъ дѣлѣ, горецъ, особенно закубанскій, есть нищій, въ силу множества предразсудковъ, неразлучныхъ съ младенчествомъ племени, любящій свое нищенство и защищающій его упорно, благодаря особенностямъ своей страны. Грабежъ для него составляетъ часто единственное средство прокормиться; отечества для него не существуетъ; у него есть только аулъ, и въ этомъ аулѣ —личные его враги. При такомъ домашнемъ положеніи горца, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ ждать перебѣжчика изъ-за Кубани. Онъ явится, получитъ что-нибудь за сообщенныя извѣстія, — и вотъ нищенство его нѣсколько улучшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворилась его личная месть. Точно также не справедливо думать, что горецъ владѣетъ тою храбростью, которая составляетъ силу и честь воина. Грабежъ и убійство — его ремесло, а потому неудивительно, что онъ ловко владѣетъ оружіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нищета побуждаетъ его прибѣгать иногда къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, раждаетъ въ немъ слѣпую отвагу и роковую рѣшимость. Далѣе этого не идетъ и не можетъ идти его храбрость, слѣдовательно она имѣетъ чисто хищническій характеръ. Бо́льшая часть разказовъ, которые ходятъ здѣсь о горцахъ, вполнѣ подтверждаютъ такое мнѣніе. Я приведу одинъ изъ нихъ. Разъ невдалекѣ отъ поста появился горецъ и сталъ кружиться на одномъ мѣстѣ: по немъ послѣдовалъ выстрѣлъ изъ

пушки. Горецъ отъѣхалъ по направленію выстрѣла и черезъ нѣсколько минутъ снова закружилъ на прежнемъ мѣстѣ. Полетѣло другое ядро, и горецъ въ другой разъ скрылся по направленію выстрѣла. Наконецъ, когда въ третій разъ показался онъ передъ постомъ, пластуны успѣли зайдти ему въ тылъ и схватили живьемъ. На допросѣ пойманный показалъ, что, голодая, онъ просилъ пищи у одного зажиточнаго горца, и тотъ обѣщалъ ее подъ условіемъ принести къ нему русское ядро. Изъ-за него онъ и кружился передъ постомъ, выманилъ два выстрѣла, да ядра затерялись гдѣ-то въ болотѣ.... Какъ ни наивенъ этотъ разказъ, однако онъ очень правдоподобенъ, а главное, дѣйствительно характеризуетъ причины, которыя порождаютъ въ горцѣ слѣпую отвагу, многими ошибочно принимаемую за храбрость.

Но если перебѣжчики доносятъ о томъ, что̀ предпринимается въ аулахъ, то въ свою очередь аулы знаютъ, что̀ предпринимается на линіи. Хитрый горецъ успѣваетъ услужить и здѣсь, и тамъ. Оттого всякій походъ съ нашей стороны за Кубань долженъ быть внезапнымъ, иначе встрѣтятся и засады, и сборища горцевъ, аулы жь останутся пустыми: все имущество изъ нихъ успѣютъ перенести въ лѣса, куда нѣтъ доступа для отряда. Горцы знаютъ также, гдѣ выгоднѣе и легче напасть, кто славится своимъ богатствомъ; они даже даютъ обѣщанія, что рано или поздно захватятъ такого и такого-то. Имъ извѣстны нѣкоторыя русскія выраженія, извѣстны многіе наши обычаи. «Выходи, Иванъ, рубать будемъ», кричали они въ одно изъ своихъ нападеній, окруживши хату, въ которой, дѣйствительно, жилъ Иванъ. Каждый изъ нихъ, за жизнь свою, успѣлъ хоть разъ побывать на нашемъ берегу, притомъ же разказы плѣнныхъ казаковъ, а особенно казачекъ, которыхъ горцы, по преимуществу, увозятъ въ плѣнъ, — все это знакомитъ ихъ съ нашимъ бытомъ. Однако изъ этого знакомства, пока, они извлекаютъ только свои стратегическія соображенія, которыя, безъ сомнѣнія, не могутъ служить въ нашу пользу. Они начинаютъ уже искусственно укрѣплять свои жилья, и безъ того защищенныя природой; такъ послѣдній, ближайшій къ намъ аулъ, который недавно разоренъ нашимъ отрядомъ, былъ обведенъ тройнымъ частоколомъ.

Сколько упорны Черкесы, когда имъ приходится дѣйствовать на собственной землѣ, столько же они оказываются несостоятельными во время нападеній на наши поселенія, даже мало приготовленныя къ оборонѣ. Нужно сказать, что эти нападенія въ значительныхъ силахъ случаются очень рѣдко. Для этого необходимо, чтобы замерзла Кубань, которой быстрое теченіе не легко уступаетъ здѣшнимъ слабымъ морозамъ; необходимо выждать темныхъ ночей и наконецъ, вслѣдъ за морозами, небольшаго тепла, потому что пускаться на грабежъ въ студеную пору несподручно горцу, едва прикрытому лохмотьями дырявой одежды. Не говорю уже о томъ, какъ трудно

горцамъ порѣшить свои домашнія распри, и составить согласное сборище, направленное къ одной цѣли. Но положимъ, такое сборище состоялось, и погода благопріятствуетъ нападенію. На коняхъ, ночью, спѣшатъ они къ Кубани, передъ разсвѣтомъ достигаютъ рѣки, спѣшиваются, при чемъ отрядъ дѣлится на двѣ части—одна остается съ лошадьми, не переходя рѣки, опасаясь обломить тонкій ледъ, другая отправляется на добычу. Съ страшнымъ гикомъ бросается она къ строеніямъ; этому гику вторятъ оставшіеся за рѣкой.... Съ нашей стороны, безъ сомнѣнія, тотчасъ поднялась запоздавшая тревога. Вотъ они успѣли вломиться въ одну-другую избу, гдѣ не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія; какая-нибудь несчастная жертва служитъ игрушкой для шашечныхъ ударовъ: ее рубятъ въ куски... Но дружно напавшіе успѣли скоро разрозниться, каждый изъ нихъ думаетъ только о себѣ, какъ бы захватить добычу на свою долю, какъ бы не уступить ее другому. А между тѣмъ на нашей сторонѣ пушечные выстрѣлы учащаются, тревога уже образовала какой-нибудь отрядъ, и чуть только отрядъ этотъ столкнулся съ частію грабителей, какъ они бѣгутъ въ безпорядкѣ, теряя всякое единство. Неистовый крикъ ихъ еще болѣе усиливается: оставшіеся за Кубанью, въ резервѣ, думаютъ этимъ ободрить бѣгущихъ, а эти въ свою очередь укоряютъ тѣхъ, какъ измѣнниковъ, и требуютъ подмоги. Отъ быстраго напора толпы, ледъ на рѣкѣ трещитъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проламывается.... Будь при этомъ съ нашей стороны рѣшительное преслѣдованіе, горцы дорого бы поплатились за свою скудную добычу; но только одни ядра провожаютъ бѣгущихъ и вырываютъ изъ ихъ нестройной толпы нѣсколько жертвъ. Тревога наконецъ умолкаетъ. На слѣдующій день подбираютъ трупы, оставшіеся на пути, и потомъ горцы отдаютъ за нихъ награбленную добычу.

Такого рода нападенія постигали Екатеринодаръ зимой 1855 года. Городъ не былъ къ нимъ приготовленъ; однако и при этомъ, несмотря на общее замѣшательство, грабежъ коснулся только самыхъ незначительныхъ частей его, близкихъ къ Кубани. Безъ сомнѣнія, причина этого лежитъ въ несостоятельности нападавшихъ дѣйствовать внѣ собственной, благопріятствующей имъ мѣстности. Большое счастіе, что, при такихъ мгновенныхъ набѣгахъ, они не поджигаютъ строеній; пожаръ былъ бы гораздо страшнѣе ихъ воинственнаго гиканья. Но отчасти религіозные обычаи, отчасти собственныя выгоды заставляютъ ихъ щадить строенія, которыя, при случаѣ, могутъ снова доставить имъ добычу.

Если трудно горцамъ перебираться на нашъ берегъ въ значительныхъ силахъ, то легко перебираться по одиночкѣ, или же небольшою партіею. Въ такомъ случаѣ, они не имѣютъ въ виду нападать открыто, а дѣйствуютъ чисто воровски, думая захватить гдѣ-нибудь корову, или пару быковъ, или же застигнутаго ночью пѣшехода. При этомъ

иногда они успѣваютъ добраться до какого-нибудь уединеннаго хуторка, близкаго къ Кубани, и тамъ только осмѣливаются врываться въ избы. Но лишь одна беззащитность вѣнчаетъ подобный грабежъ успѣхомъ: гдѣ есть ружья, гдѣ можетъ быть отпоръ,— туда они не покажутся открыто. Съ разсвѣтомъ они возвращаются къ Кубани; тутъ, при утреннемъ освѣщеніи, кордонная стража замѣчаетъ ихъ и открываетъ по нимъ огонь, иногда заставляетъ разстаться съ награбленнымъ и налегкѣ спасаться вплавь; случается и такъ, что увидятъ, какъ хищники уже переправились черезъ рѣку и уводятъ быка или корову. Вообще, имѣя въ виду чѣмъ-нибудь попользоваться, горцы не рискуютъ своею жизнію, даже въ такихъ случаяхъ, когда перевѣсъ силы на ихъ сторонѣ. Оттого, напримѣръ, проѣзжій, имѣя съ собою ружье, хотя бы и не заряженное, можетъ спастись отъ ихъ преслѣдованія, если станетъ грозить имъ прицѣломъ; оттого случалось, что, при разграбленіи станицъ, неприкосновенными оставались тѣ избы, гдѣ кто-нибудь засѣдалъ съ ружьемъ. Разъ въ центрѣ нашей Кавказской линіи послѣдовало нападеніе на одну изъ пограничныхъ станицъ, въ то самое время, когда все взрослое станичное населеніе было на полевыхъ работахъ. Черкесы разорили всѣ избы, забрали въ плѣнъ кого нашли, и не коснулись только одной хижины, гдѣ жилъ ружейный мастеръ, у котораго на тотъ разъ не было въ починкѣ ни одного ружья, и лишь въ разбитое окно выглядывалъ никуда негодный ружейный стволъ.

Но я, кажется, слишкомъ распространился о подвигахъ Закубанцевъ. Это произошло оттого, что въ настоящее время, когда я писалъ и пишу эти строки, въ Екатеринодарѣ нельзя не думать о нападеніяхъ. Ноябрь, декабрь и почти весь январь здѣсь стояло тепло, какъ весною; даже дожди перепадали рѣдко, а чаще грѣло отрадное солнце. Въ полѣ зеленѣла трава, деревья приготовились распускаться, а передъ окнами моей квартиры, на грядкахъ, постоянно цвѣли анютины глазки. Зимою глядѣть на нихъ не то что весело, а какъ-то забавно. Но къ исходу января подулъ сѣверовосточный вѣтеръ, принесъ, какъ водится, морозы, такъ что земля затвердѣла, взялась бѣлымъ пухомъ, а Кубань сперва загусила льдомъ, и наконецъ стала. Все это не дурно: безъ зимы годъ не въ годъ, притомъ же не мѣшаетъ запастись и льдомъ на знойное лѣто. Однако еще больше не мѣшаетъ заботиться о собственномъ существованіи. Кубань такъ близка, а горцы такъ злы; они, безъ сомнѣнія, не забыли, что не далѣе мѣсяца одинъ изъ ихъ прикубанскихъ ауловъ былъ сожженъ нашимъ отрядомъ... И вотъ поневолѣ говоришь о нападеніяхъ; поневолѣ думаешь о нихъ, видя, что подлѣ постовъ появились подкрѣпленія, что въ переулкѣ явилась пушка, гдѣ прежде ея не бывало. — Но

Есть наслажденія и въ дикости лѣсовъ...

есть наконецъ нѣчто пріятное и въ ожиданіи хищническаго набѣга. Случалось ли вамъ, напримѣръ, въ безопасныхъ русскихъ губерніяхъ, ночью, когда васъ одолѣваетъ сонъ, вслушиваться въ уныло-протяжный крикъ часоваго: «слушáй»? Не правда ли, вамъ иногда не слишкомъ по душѣ приходится этотъ возгласъ, и вы, не вникая въ довольно-плачевное положеніе часоваго, думали: охота жь ему заливаться такимъ благимъ матомъ?.. Но перенеситесь на берегъ Кубани, пусть окна вашей квартиры глядятъ на рѣку, скованную льдомъ, по которому того и гляди перебѣгутъ горцы. Сонъ здѣсь также сладокъ, какъ и на берегахъ Москвы или Волхова, и также уныло-протяжно, ночью, достигаетъ вашего слуха окликъ часоваго (1). Но къ нему прислушиваешься съ отраднымъ трепетомъ, и ждешь повторенія его, какъ вполнѣ милаго аккорда: значитъ, покой вашъ стерегутъ, и вы можете предаться ему тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ... Не отвернитесь же гордо отъ такого, по видимому, эгоистическаго чувства: отъ него, повѣрьте, не станетъ хуже часовому, а собственное ваше положеніе немного просвѣтлѣетъ; отъ него родится въ васъ то благодатное настроеніе, когда влечешься къ ближнему, ощущаешь живую связь съ нимъ, видишь въ немъ брата, друга, нѣчто необходимое для нашего счастія, и такъ наконецъ проникаешься его положеніемъ, что чувствуешь въ себѣ способность возвыситься на ту точку, съ которой только и можно христіански прощать ближнему всѣ его черныя стороны...

Н. Вороновъ.

Новыя изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней русской словесности.

Недавно появились въ свѣтъ первые три тома «Исторіи Русской Церкви» преосвященнаго Макарія, обнимающіе періодъ времени отъ введенія христіянства въ Россіи до 1240 года.

Высокій интересъ предмета, до сихъ поръ мало обработаннаго, безпристрастный взглядъ человѣка просвѣщеннаго и отчетливое знакомство съ рукописными источниками—даютъ новому сочиненію пр.

---

(1) Замѣчу мимоходомъ, что на нѣкоторыхъ постахъ часовому не безопасно протягивать свой обыкновенный окликъ: горцы стрѣляютъ на звукъ, и очень мѣтко. Оттого, напримѣръ, въ Абинскомъ укрѣпленіи, которое со всѣхъ сторонъ окружено было недремлющими хищниками, отданъ былъ приказъ часовымъ, стоявшимъ на крѣпостномъ валу,— не тянуть *слушáй*; одинъ затягивалъ *слу*... а вся сторожевая цѣпь мигомъ за нимъ подхватывала: *шай, шай, шай*...

Макарія значеніе первокласнаго историческаго труда, а обиліе занимательныхъ подробностей, новыхъ мыслей и открытій въ области древне-русской письменности—дѣлаютъ эту книгу необходимою для каждаго интересующагося протекшими судьбами нашего отечества.

Не ограничиваясь предѣлами церковной, іерархической исторіи, авторъ сумѣлъ коснуться самыхъ жизненныхъ вопросовъ современной исторической науки и предложилъ болѣе или менѣе удовлетворительное ихъ разрѣшеніе. Какъ вторая или третья попытка, въ этомъ родѣ, нарисовать полную картину христіянской жизни нашего отечества, «Исторія Русской Церкви» пр. Макарія не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ, извиняемыхъ отчасти временемъ и настоящимъ состояніемъ русской исторической науки, гдѣ вопросъ о византійскомъ вліяніи до сихъ поръ не находитъ ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, но будущій историкъ и всякій занимающійся русскою стариной неразъ съ благодарностью помянетъ достойный трудъ пр. Макарія, пролившій такъ много свѣта на этомъ тернистомъ пути, а современная наука не можетъ не встрѣтить его съ чувствомъ полной, глубокой признательности. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинство и значеніе «Исторіи Русской Церкви» будутъ оцѣнены въ непродолжительномъ времени знатоками отечественной исторіи; а потому, оставляя въ сторонѣ всякія преждевременныя сужденія, мы позволимъ себѣ, въ настоящемъ случаѣ, сказать нѣсколько словъ о трудахъ того же автора, касающихся исторіи нашей древней словесности. Бо́льшая часть изъ нихъ была помѣщена на страницахъ «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», и отсюда цѣликомъ внесена въ новое сочиненіе со многими важными выписками изъ древнѣйшихъ рукописей и библіографическими указаніями на источники.

Изслѣдованія пр. Макарія относятся преимущественно къ поучительному отдѣлу нашей древней литературы, къ проповѣдникамъ и пастырямъ церкви, каковы: преподобный Ѳеодосій Печерскій, Кириллъ Туровскій и др. Авторъ очень подробно излагаетъ содержаніе ихъ поученій и молитвъ, и предлагаетъ собственныя замѣчанія о ихъ литературномъ характерѣ и достоинствѣ, объ отношеніи ихъ къ современному обществу и той средѣ, для которой предназначались онѣ—однимъ словомъ, въ его очеркахъ мы имѣемъ полное обозрѣніе сочиненій нашихъ духовныхъ писателей съ точки зрѣнія церковнаго историка. Въ этой необходимой односторонности, условленной характеромъ цѣлаго сочиненія, находится, по нашему мнѣнію, главное достоинство литературныхъ обозрѣній пр. Макарія; какъ лицо духовное, близко знакомое съ исторіею развитія христіянскаго богословія, онъ могъ яснѣе понимать сочиненія такихъ писателей, какъ Кириллъ Туровскій, могъ живѣе чувствовать то впечатлѣніе и вліяніе, какое производили на окружающее общество его поученія. Дѣйствительно, его

приговоры, основанные на честномъ изученіи дѣла и близкомъ знакомствѣ съ предметомъ — имѣютъ для насъ особую цѣну и значительно отличаются отъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ мнѣній нашихъ историковъ литературы. Мы постараемся въ немногихъ словахъ познакомить съ ними читателей «Русскаго Вѣстника».

Въ судьбахъ нашей древней поучительной словесности можно замѣтить два главныя направленія: теоретическое и практическое. Первое стремилось къ тому, чтобы сдѣлать истины новой вѣры осязательными и доступными для непросвѣщенныхъ язычниковъ, укоренить въ душѣ ихъ первыя представленія христіянскихъ догматовъ и живыми примѣрами объяснить имъ сущность новаго ученія. Практическое же направленіе давало вещественное значеніе этимъ духовнымъ идеямъ, непосредственно вводило въ жизнь и указывало на ихъ примѣненіе. Первое имѣло поучительный характеръ, второе—обличительный. Представителями этихъ двухъ направленій, по всей справедливости, можно назвать двухъ писателей–пастырей: Кирилла, епископа Туровскаго, и Ѳеодосія, преподобнаго игумена Печерскаго.

Начнемъ съ послѣдняго, какъ старѣйшаго по времени и представителя практическаго направленія.

«Сочиненія великаго игумена Печерскаго (1062—1074), которыя донынѣ остаются извѣстными, большею частью, только по имени(1), и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другіе въ отрывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса. Къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу русскому; ко второму—девять поученій, сказанныхъ собственно кіево-печерскимъ инокамъ; къ третьему—два посланія къ князю Изяславу; къ четвертому—двѣ молитвы къ Богу.»

Всѣ сочиненія Ѳеодосія, по мнѣнію пр. Макарія, отличаются совершенною простотой и краткостью, но проникнуты жизнію и пламенною ревностью о благѣ ближнихъ. Тонъ ихъ обличительный и вмѣстѣ глубоко–наставительный; языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и не чуждый вліянія языка народнаго.

Чтобы подтвердить эту характеристику, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько частностей, прямо характеризующихъ то время, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Ѳеодосій.

---

(1) Извѣст. Ак. Наукъ т. 4 в. VI. 1855. Это было писано тогда, когда сочиненія Ѳеодосія, напечатанныя во 2-й книгѣ «Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію», еще не являлись въ свѣтъ, но были извѣстны пр. Макарію, какъ издателю ихъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Русской Церкви» находятся нѣкоторыя сочиненія Ѳеодосія, не вошедшія въ прежнее изданіе и напечатанныя съ дипломатическою точностью, чѣмъ, къ сожалѣнію, не можетъ похвалиться изданіе Академіи.

Язычество было еще во всей своей силѣ, и народъ, называясь народомъ христіянскимъ, продолжалъ прежнюю, старинную жизнь, воспитанную на языческихъ преданіяхъ, и не имѣлъ силы отказаться отъ обаяній старины. Объясняя народу значеніе *казней Божіихъ*, каковы: нашествіе иноплеменниковъ, бездождіе, голодъ, Ѳеодосій обличаетъ въ нечестіи своихъ соотечественниковъ, убѣждаетъ ихъ покаяться и жить по-христіянски, а не по-язычески: «напримѣръ, не по-языčески ли мы поступаемъ, говоритъ онъ, когда, встрѣтивъ чернеца или черницу, или свинью, или лысаго коня, возвращаемся назадъ? Такого суевѣрія держатся по наученію отъ дьявола. Иные вѣрятъ чиханію, которое часто бываетъ на здравіе главѣ; но этимъ обольщаетъ дьяволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, рѣзоиманіемъ (мздоимствомъ?), приклады (постомъ или лихвою?), воровствомъ, лжею, завистью, клеветою, *зубами* (дракой?), *скоморошествомъ*, гуслями и другими играми и непотребными дѣлами.» Указывая на частныя заблужденія и пороки, Ѳеодосій особенно возстаетъ противъ пьянства и грабежа: «осматривай руки твои и испытывай, продолжаетъ онъ, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства: если ты грабилъ и бралъ лихву и корчемный откупъ, или кого пріобидѣлъ чѣмъ-либо... то не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла .. О горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянство твомъ отгоняемъ отъ себя ангела хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; черезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду. Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ дьяволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Дьяволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами язычниковъ, сколько пьянствомъ христіянъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отучили христіянъ отъ пьянства, но не отъ питья: ибо иное пьянство злое, а иное питіе въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію».. Въ другомъ своемъ поученіи къ народу Ѳеодосій снова вооружается противъ господствовавшаго тогда пьянства и обычая пѣть тропари за чашами, приводитъ правила св. отцовъ, запрещающія пьянство, и указываетъ на то унизительное положеніе, до какого доходитъ пьяница, отдавая себя на посмѣяніе всѣмъ людямъ: «Бѣсный страдаетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по своей волѣ и подвергается вѣчной мукѣ. Къ бѣсному придетъ іерей, сотворитъ молитву,—и прогонитъ бѣса; а къ пьяному хотя бы сошлися іереи всей земли и сотворили надъ нимъ молитву,—то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства.»

Видно, что подобныя увѣщанія были вызваны насущными потреб-

ностями современнаго общества и той среды, пастыремъ которой былъ Ѳеодосій. Съ одной стороны языческія вѣрованія не охотно уступали мѣсто новымъ началамъ, исподоволь проникавшимъ въ жизнь; съ другой — самые нравы эпохи, нравы грубые, не сдерживаемые никакимъ нравственнымъ закономъ, порождали множество пороковъ и заблужденій, съ которыми не могли примириться высокія христіянскія требованія нашего знаменитаго подвижника. Потому-то его поученія къ народу имѣютъ характеръ по преимуществу обличительный; они направлены или противъ язычества или противъ частныхъ пороковъ, каковы пьянство, грабежъ, корчемный откупъ и др. Къ сожалѣнію до насъ дошли только два такія поученія къ народу; остальныя же девять обращены уже исключительно къ кіево-печерскимъ инокамъ. Монахъ Кіево-Печерской лавры, преподобный Несторъ, въ своей лѣтописи, посвятилъ нѣсколько одушевленныхъ страницъ описанію родной обители и жизни ея подвижниковъ. Имѣя въ виду благое назиданіе потомству, онъ выставилъ лишь свѣтлую сторону монастырской жизни и не коснулся слабой. Поученія игумена Ѳеодосія восполняютъ этотъ недостатокъ, достойнымъ образомъ заканчивая ту живую картину современнаго общества, какую встрѣчаемъ мы въ его очеркахъ, полныхъ любви и кроткаго обличенія. Кромѣ частныхъ отношеній и поводовъ, по которымъ написаны они, кромѣ указанія нѣкоторыхъ недостатковъ иноческой современной жизни, поученія преподобнаго Ѳеодосія предлагаютъ богатѣйшій матеріялъ для возсозданія всего древне-русскаго монастырскаго быта и имѣютъ особенную цѣну для историка нашей церкви. Преосвященный Макарій очень удачно воспользовался ими въ своемъ новомъ сочиненіи; но изслѣдователь, слѣдящій за движеніемъ литературной жизни нашего отечества, едва ли найдетъ многое въ этихъ поучительныхъ наставленіяхъ, замѣчательныхъ развѣ краткостью и изящною простотой своей формы, составляющею отличительный характеръ всѣхъ сочиненій преподобнаго Ѳеодосія.

« Поучая народъ и братію, преп. Ѳеодосій поучалъ нерѣдко и самихъ князей не только словомъ, но и чрезъ писанія. Преп. Несторъ свидѣтельствуетъ о посланіяхъ его къ великому князю Святославу и въ особенности объ одномъ весьма великомъ посланіи, въ которомъ старецъ сильно обличалъ князя за похищеніе имъ кіевскаго престола у брата своего Изяслава. Къ сожалѣнію, всѣ эти посланія не дошли до насъ. Сохранились только два посланія къ великому князю Изяславу. »

Первое посланіе имѣетъ своимъ предметомъ рѣшеніе двухъ вопросовъ: можно ли въ день воскресный, *еже есть недѣля*, закалать вола, или овна, или птицу, или что̀ другое, и ѣсть ихъ мясо? Ѳеодосій разрѣшаетъ эти вопросы примѣрами изъ священной исторіи. Вообще характеръ вопросовъ, по замѣчанію пр. Макарія, указыва-

етъ на самыя первыя времена нашей церкви. Другое посланіе—гораздо важнѣе перваго—разсуждаетъ о вѣрѣ варяжской или латинской. Здѣсь Ѳеодосій исчисляетъ князю разныя отличія латинской вѣры отъ православной, говоритъ о *недобрыхъ* обычаяхъ латинянъ; а затѣмъ учитъ его, какъ должно держать себя по отношенію къ латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ. Въ этомъ посланіи обозначились тѣ религіозные вопросы, какіе занимали нашихъ князей, и за разрѣшеніемъ которыхъ они обращались къ пастырямъ и учителямъ церкви. «Надобно однако замѣтить, говоритъ пр. Макарій, что между обвиненіями на латинянъ, излагаемыми въ посланіи, находятся и такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а отнюдь не ко всей Римской церкви, или даже представляются не совсѣмъ вѣрными. Это могло произойдти отъ двухъ причинъ: отъ того, что преп. Ѳеодосій судилъ о заблужденіяхъ Латинянъ только по слухамъ, и отъ того, что такія именно обвиненія и многія другія подобныя взводили тогда на латинянъ въ Греціи и вообще на Востокѣ».

Такимъ образомъ всѣ сочиненія преп. Ѳеодосія написаны не на какія-либо отвлеченныя или произвольно придуманныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ и, изображая умъ и сердце самого писателя, не мало обрисовываютъ и его время. Онъ, какъ мы уже замѣтили, можетъ быть названъ представителемъ исключительно практическаго направленія нашей древней поучительной словесности, того направленія, задача котораго состояла въ осуществленіи и примѣненіи къ явленіямъ грубой чувственной жизни язычника высокихъ уроковъ христіянской нравственности. Кирилла Туровскаго назвали мы представителемъ другаго направленія — теоретическаго. Оно сказалось всего болѣе въ его словахъ, произнесенныхъ имъ во храмѣ предъ народомъ. «Каждое изъ этихъ словъ начинается приступомъ, въ которомъ большею частью выражена какая-либо общая мысль, не всегда однакожь удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно. Краткія евангельскія сказанія большею частью распространяетъ, нѣкоторыя простыя и несложныя событія представляетъ въ образной драматической формѣ, и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя, хотя, разсматриваемыя отдѣльно, иногда прекрасны, но не всегда естественны и не рѣдко дѣлаются утомительными при чтеніи, нарушая единство слова... Вообще о словахъ святителя Туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть весьма хорошія и даже прекрасныя; но цѣ-

лаго вполнѣ выдержаннаго и современнаго слова нѣтъ ни одного; что въ нихъ довольно искусственности и изысканности, какъ въ сочетаніи мыслей, такъ и въ выраженіяхъ, и очень мало нравственныхъ наставленій, — слѣдовательно не достаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей Св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія.» (Изв. т. 5 в. 5, р. 228.)

Таково мнѣніе пр. Макарія о словахъ Кирилла Туровскаго. Дѣйствительно, разсматриваемыя съ литературной точки зрѣнія, его церковныя поученія поражаютъ обиліемъ иносказательныхъ, символическихъ толкованій и витіеватаго риторизма; они едва ли могли быть доступны пониманію того общества, для котораго предназначались; стремленіе объяснять самыя простыя истины и событія метафорическими уподобленіями, игривая фантазія и иногда витіеватый языкъ, сообщаютъ его поученіямъ видъ загадочности и неопредѣленнаго символизма.

Но если символизмъ поученій Кирилла Туровскаго много вредилъ ихъ относительному литературному достоинству и общедоступности, то все же въ немъ нельзя не видѣть личнаго литературнаго дарованія и оригинальности. Для того, чтобы укоренить въ душахъ новопросвѣщеннаго общества высокія нравственныя идеи христіянской вѣры, проповѣдники того времени обыкновенно прибѣгали къ уподобленіямъ и символамъ, заимствуя ихъ изъ тѣхъ теологическихъ представленій, какія были въ ходу у западныхъ и восточныхъ современныхъ духовныхъ писателей; стоитъ только сравнить любое непонятное поученіе туровскаго святителя съ византійскою теологическою наукой XI и XII вѣка (1), чтобъ отыскать въ ней его полное объясненіе и оправданіе. Къ сожалѣнію пр. Макарій не обратилъ должнаго вниманія на этотъ и важный и любопытный предметъ, и оттого въ его изслѣдованіяхъ почти не замѣтно тѣхъ живыхъ связующихъ нитей, какія соединяли нашу духовную словесность съ ея византійскимъ прототипомъ.

Сочиненія Кирилла Туровскаго, обращенныя къ инокамъ, отличаются тѣмъ же характеромъ символизма и нравственнаго аскетизма, но представляютъ уже менѣе непонятнаго и иносказательнаго: въ нихъ виднѣе мысль, хотя и она часто находится подъ сильнымъ вліяніемъ воображенія и фантазіи. За то молитвы его запечатлѣны простотой, естественностію, и проникнуты живымъ христіянскимъ чувствомъ.

---

(1) Въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Пипера (Mythologie und Symbolik d. christlich. Kunst) и Вольфганга Менцеля (Christliche Symbolik) мы находимъ цѣлую обстоятельную исторію христіянскихъ символическихъ представленій, предлагающую множество любопытныхъ данныхъ для сближенія и разъясненія такихъ сочиненій, каковы поученія Иларіона и Кирилла Туровскаго.

Кромѣ сочиненій Кирилла Туровскаго, дошедшихъ до насъ и несомнѣнно ему принадлежащихъ, есть еще сочиненія его *потерянныя*, или, по крайней мѣрѣ, доселѣ остающіяся въ неизвѣстности, и есть сочиненія *сомнительныя*, приписываемыя ему безъ достаточныхъ основаній. Имъ посвящаетъ пр. Макарій послѣднюю главу своего литературнаго очерка. *Обзоръ редакцій кіево-печерскаго патерика, преимущественно древнихъ* (Извѣст. т. V, вып. 3), принадлежащій тому же автору, представляетъ очень подробное изложеніе различныхъ редакцій этой замѣчательной книги относительно одной только внѣшней формальной стороны ея: «Патерикъ Печерскій не есть сочиненіе одного какого-либо человѣка. Ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ не написали Патерика. Первый составилъ только житіе преп. Ѳеодосія и помѣстилъ въ своей лѣтописи нѣкоторыя сказанія о подвижникахъ печерскихъ. Второй написалъ свое посланіе къ частному лицу, въ назиданіе которому упомянулъ о нѣкоторыхъ подвижникахъ печерскихъ. Третій хотя предназначалъ свое посланіе для чтенія всѣхъ братій Печерской обители, но повѣствуетъ также только о нѣкоторыхъ подвижникахъ печерскихъ, и дѣлаетъ обращенія къ частному лицу...» Всѣ редакціи кіево-печерскаго Патерика относительно историко-литературныхъ условій «оказываются болѣе или менѣе несовершенными, потому что ни одна изъ нихъ не сохранила сочиненій Нестора, Симона и Поликарпа о печерскихъ подвижникахъ безъ измѣненій, а нѣкоторыя даже измѣнили ихъ значительно. И въ этомъ отношеніи сравнительно-лучшими редакціями можно назвать: Арсеньевскую, Акакіевскую, Кассіановскую....; но несправедливо требовать, чтобы составители Патерика заботились только сохранить въ подлинномъ видѣ означенныя сочиненія Нестора, Симона и Поликарпа, когда эти сочиненія написаны разными лицами и съ разными цѣлями, не имѣютъ между собою связи и единства, а два обращены притомъ къ частнымъ лицамъ. Нѣтъ, долгъ составителей Патерика былъ тотъ, чтобы изъ разныхъ сочиненій о печерскихъ подвижникахъ составить одинъ общій сборникъ, который бы, по возможности, соотвѣтствовалъ идеѣ Патерика, представлялъ собою одно опредѣленное цѣлое и обращенъ былъ ко всѣмъ православнымъ христіянамъ... — и въ этомъ случаѣ всѣ редакціи Патерика оказываются болѣе или менѣе совершенными, потому что всѣ могли болѣе или менѣе достигать своей цѣли, доставляя христіянамъ назидательное чтеніе о подвижникахъ печерскихъ.»

Будемъ надѣяться, что преосвященный Макарій, ученый, обладающій громадными свѣдѣніями и рѣдкимъ историко-критическимъ талантомъ, такимъ же образомъ оцѣнитъ и внутреннее литературное достоинство редакцій Патерика печерскаго и ихъ различныя измѣненія. Прочное начало этому уже положено въ его новомъ историческомъ трудѣ, счастливаго продолженія котораго, безъ сомнѣнія, съ нетерпѣніемъ ждетъ вся образованная русская публика.

С.

Археологія и новѣйшее искусство.

Бельгійскій живописецъ Генрихъ Лейсъ.— Не разъ проводили остроумныя параллели между двумя торговыми республиками новѣйшихъ временъ, въ судьбѣ которыхъ было въ самомъ дѣлѣ много тожественнаго: обѣ отличались богатствомъ, изъ котораго дѣлали благородное употребленіе, обѣ любили изящныя искусства и покровительствовали имъ, обѣ произвели двѣ знаменитыя школы живописи и, по странному стеченію обстоятельствъ, отличительнымъ качествомъ обѣихъ школъ былъ блистательный колоритъ, живѣйшее чувство краски. Эти школы давно уже умерли, но между тѣмъ какъ старѣющая Венеція нынѣ живетъ одною прошлою славою Тиціана и Павла Веронеза, небольшое Бельгійское государство, эта древняя Фландрія — родина Ванъ-Эйковъ, Рубенса и Теньера, произвело въ наши дни новую школу живописи, которая вступила въ смѣлое соперничество съ обширными и славными школами Франціи и Германіи. Отъ своихъ предковъ она получила въ наслѣдіе то же живое чувство краски, и оно, вмѣстѣ съ усовершенствованнымъ рисункомъ, составляетъ и нынѣ ея отличительнѣйшее качество.

Эта новая бельгійская школа живописи родилась въ наши дни. Когда глава ложно-классической школы во Франціи, знаменитый живописецъ Луи-Давидъ, по возвращеніи Бурбоновъ на тронъ, былъ изгнанъ въ 1816 году изъ Франціи, онъ удалился въ Брюссель, гдѣ продолжалъ свою неутомимую дѣятельность до самой смерти (онъ умеръ въ 1828 г.). И здѣсь успѣлъ онъ основать школу. Талантливѣйшимъ изъ его учениковъ оказался Навецъ, который былъ сдѣланъ директоромъ Брюссельской академіи художествъ—должность, которую онъ и теперь занимаетъ. Онъ первый началъ пролагать тотъ путь, по которому пошла брюссельская школа. Правильный, по лучшимъ образцамъ образованный рисовальщикъ, онъ не отличается еще ни глубиною чувства, ни колоритомъ. Среди этого начинавшагося развитія живописи въ Брюсселѣ, вдругъ на выставкѣ 1830 г. появилась большая историческая картина антверпенскаго живописца Ваперса, разомъ уничтожившая вліяніе ложно-греческихъ и римскихъ идей, античной миѳологіи и театральнаго паѳоса. Она указала современнымъ бельгійскимъ живописцамъ, что единственными образцами ихъ должны быть — природа и старинные національные ихъ живописцы, въ которыхъ вполнѣ выразился народный характеръ. Ваперсъ былъ осыпанъ почестями и сдѣланъ директоромъ Антверпенской академіи художествъ. Съ тѣхъ поръ въ Бельгіи возникли двѣ школы: брюссельская и антверпенская. Въ первой, вслѣдствіе преобладанія въ Брюсселѣ французскаго элемента въ администраціи,

языкѣ, литературѣ и общественныхъ нравахъ, нельзя не замѣтить вліянія французскихъ живописцевъ, въ особенности Деларoша; вторая школа—чисто національная. Бельгія нынѣ по справедливости гордится своими живописцами: Галлѣ, Добнеръ, Декейзеръ, Маду, Виллемсъ, Стевенсъ, Амманъ, Вербунговенъ, Портельсъ и многіе другіе поставили ее на ряду съ самыми славными нынѣшними европейскими школами живописи, и тотъ, кто посѣтилъ и собственными глазами видѣлъ превосходное устройство и систему преподаванія въ Антверпенской академіи художествъ, долженъ сознаться, что въ будущемъ ей предстоитъ еще болѣе блестящее развитіе.

Когда въ 1855 году въ Парижѣ происходило неслыханное въ лѣтописяхъ искусства торжество — выставка художественныхъ произведеній современныхъ художниковъ всего міра,—изо всей толпы блестящихъ бельгійскихъ живописцевъ одинъ вышелъ побѣдителемъ, котораго превосходство должны были признать Маду и Виллемсъ: это былъ профессоръ Антверпенской академіи художествъ Генрихъ Лейсъ. Jury парижскій, составленный изъ лучшихъ европейскихъ знатоковъ искусства, присудилъ изъ всѣхъ бельгійскихъ живописцевъ ему одному большую почетную золотую медаль. Когда онъ возвратился на родину, восторженные сограждане и депутаціи значительнѣйшихъ городовъ дали ему торжественный обѣдъ, на которомъ поднесли ему золотой вѣнокъ. Его картины составляютъ теперь лучшее украшеніе королевскихъ и аристократическихъ галлерей: онѣ продаются на вѣсъ золота.

Я познакомился въ первый разъ съ произведеніями Лейса въ Брюсселѣ. Любопытно ихъ содержаніе. Одно изъ самыхъ раннихъ представляетъ шайку средневѣковыхъ разбойниковъ и разной сволочи, которая, среди темнаго двора какой-то грязной гостинницы, дѣлитъ между собою награбленную добычу. Въ этихъ характеристическихъ физіономіяхъ, въ особенности двухъ цыганокъ, столько истины, движущія ихъ страсти высказываются съ такою естественностью, что можно на ихъ лицахъ прочесть повѣсть ихъ жизни, всю лѣствицу, по которой они дошли до этого жалкаго положенія. Или вотъ еще картина: церковь, наполненная прихожанами, слушающими проповѣдь фанатическаго католическаго священника, во время религіозныхъ смутъ XVI вѣка; каждое изъ этихъ лицъ разнообразной толпы слушаетъ сообразно съ своимъ поломъ и возрастомъ: старушка дремлетъ, юноша поглядываетъ на скромную красавицу, политическія страсти готовы вспыхнуть въ груди стараго гражданина этихъ мятежныхъ городовъ. Чѣмъ далѣе шелъ Лейсъ въ своемъ искусствѣ, въ своемъ *историческомъ жанрѣ* (это родъ его живописи), тѣмъ глубже постигалъ онъ тайну характеристики лицъ. Въ особенности прославили его слѣдующія картины.—«Альбрехтъ Дюреръ въ Антверпенѣ». Великій нѣмецкій художникъ разказываетъ въ своемъ днев-

никѣ, что въ 1520 г. онъ видѣлъ въ Антверпенѣ большую процессію, въ которой принимали участіе всѣ городскіе цехи. Онъ оставилъ любопытное описаніе этой религіозной и гражданской церемоніи. Вотъ по узкой улицѣ, среди высокихъ домовъ, съ остроконечными крышами, въ самомъ дѣлѣ вышла процессія изъ церкви Пресвятой Дѣвы: передъ нами проходятъ съ знаменами и свѣчами арбалетщики. Хозяинъ Альбрехта Дюрера, который съ другомъ своимъ Квинтиномъ Мессисомъ и семействомъ смотрятъ съ балкона, Іостъ Планкфельдъ, объясняетъ ему разныя сословія и ихъ значки; Эразмъ Роттердамскій въ свою очередь толкуетъ ихъ женѣ Дюрера, Агнесѣ Фрей. Она въ бѣломъ атласномъ платьѣ, на которомъ вытканы большіе цвѣты. Тутъ же и служанка Дюрера Сусанна и другія лица нагнулись съ балкона и смотрятъ внизъ. — «Прогулка Фауста и Вагнера за городомъ въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова». Позади душный средневѣковый городъ съ его зубчатыми стѣнами, узкими улицами и высокими домами. Фаустъ и Вагнеръ сидятъ въ отдаленіи и смотрятъ на эту мимопроходящую толпу:

Смотри, оглянися, изъ тѣсныхъ воротъ,
Шумя и пестрѣя, какъ валитъ народъ!
Имъ весело, любо! всякъ хочетъ сегодня
Отпраздновать день Воскресенья Господня!
Воскресли вы сами изъ вашихъ гробовъ:
Изъ грязныхъ рабочихъ, изъ темныхъ домовъ,
Изъ улицы, спертой рядами строеній,
Изъ душныхъ подваловъ, изъ сумрачной сѣни
Суровыхъ церквей — чтобы въ грудь
Весеннюю радость вдохнуть!

Какое солнце разлито по всему ландшафту! Этотъ молодой человѣкъ, ведущій подъ руку дѣвушку, одѣтую въ бархатъ и шелкъ, вѣроятно повѣрялъ ей тайны своего сердца; за ними мѣрнымъ шагомъ идутъ почтенные родители. Другіе сидятъ на скамьяхъ и отдыхаютъ. Какъ тяжелы движенія этихъ горожанъ и мѣщанъ! какъ неловко имъ въ ихъ роскошныхъ воскресныхъ платьяхъ! какое самодовольство на ихъ будничныхъ лицахъ! сколько глупой наивности въ дѣвушкѣ! Это торжество высшаго комизма; тутъ нѣтъ и тѣни каррикатуры. — Одно изъ важнѣйшихъ произведеній Лейса, принадлежащее барону Гутгальсу въ Брюсселѣ, представляетъ *паннихиду по Берталю де Газе*. Этотъ начальникъ старинной корпораціи арбалетщиковъ завѣщалъ по смерти своей въ 1512 г. капеллѣ корпораціи, въ церкви Пресвятыя Дѣвы въ Антверпенѣ, рыцарское свое вооруженіе, чтобы оно повѣшено было въ память о немъ на стѣнахъ капеллы. Въ тридцатый день совершаютъ по завѣщателѣ паннихиду. Мы въ хорѣ церкви, гдѣ передъ алтаремъ съ зажженными свѣчами совершается служеніе. Тутъ лежитъ даръ покойника: его латы, его колчанъ и арбалета. На колѣнахъ, пе-

редъ налоемъ (prie-Dieu), стоитъ женщина, въ бѣломъ атласномъ платьѣ; широкій капишонъ скрываетъ ея лицо, но во всемъ ея положеніи видна ея глубокая горесть, ея теплая молитва. По правую руку отъ нея, юноша, стоящій неподвижно, поддерживаетъ на плечѣ голову своего младшаго брата, который рыдаетъ отчаянно, въ то время, какъ третій братъ, еще малютка, отираетъ слезы красною полой его плаща. Неподвижный юноша, насильно скрывающій свои слезы, неподражаемъ: это одно изъ лучшихъ созданій искусства. Въ его лицѣ столько простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ столько сознанія собственнаго достоинства. Гробовая доска скрыла на вѣки отца его; онъ чувствуетъ, что сталъ теперь главою семейства. За этою превосходною группой, потрясающею чувствомъ и красотой, стоятъ на колѣнахъ дочери и родственницы покойника; за ними его товарищи, эти грубые по наружности люди общинъ XVI вѣка, въ толстой шерстяной одеждѣ и въ грубой обуви. Сколько выразительности въ пѣвчихъ, сидящихъ на хорныхъ скамьяхъ! Эти лица взяты изъ дѣйствительности, но они перенесены за триста лѣтъ. Вся композиція картины необыкновенно строга.

По пріѣздѣ моемъ въ Антверпенъ, весною 1856 года, я тотчасъ поспѣшилъ навѣстить Лейса и осмотрѣть мастерскую знаменитаго живописца. Онъ живетъ rue Hoboken, № 852. Городъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе: широкая, какъ море, рѣка, покрыта огромнымъ числомъ гигантскихъ кораблей; повсюду жизнь и торговля; вездѣ богатство или довольство. Въ старинныхъ частяхъ города Антверпенъ сохранилъ еще свою физіономію изъ XVI столѣтія. Это не веселыя, свѣтлыя улицы Брюгге, но улицы темныя и узкія, съ высокими домами въ нѣсколько этажей. Видно, что многолюдный городъ долженъ былъ стѣсниться въ предѣлахъ своей городовой стѣны. Не только въ одеждѣ, но и въ домашнихъ обычаяхъ сохранилось много слѣдовъ суроваго испанскаго владычества. Одна прогулка по улицамъ города, короткое знакомство съ его архитектурною физіономіей—наглядно объяснили мнѣ, почему Лейсъ выбралъ этотъ XVI вѣкъ постоянною темой своихъ картинъ. Художникъ встрѣтилъ меня въ своей мастерской со всею добродушною любезностію своего народа. Лейсъ—мущина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, типъ толстаго, веселаго Фламандца. Онъ очень сообщителенъ съ друзьями искусства, и я провелъ у него нѣсколько незабвенныхъ для меня часовъ въ бесѣдѣ, посвященной его искусству и воспоминанію средневѣковыхъ памятниковъ, видѣнныхъ нами въ Бельгіи и Германіи. Онъ любитъ въ особенности Франкфуртъ-на-Майнѣ и Нюрнбергъ: эта привязанность понятна каждому, кто видѣлъ его картины. Самая мастерская его дышитъ XVI вѣкомъ: стѣны ея, по вкусу того времени, покрыты нѣкогда славившеюся, нынѣ рѣдкою, мехельнскою кожею и уставлены мебелью, посудою, оружіемъ того времени. Можно

подумать , что это кабинетъ антикварія. Но всего любопытнѣе были для меня его альбомы съ этюдами , его картины. Одна изъ нихъ стояла на мольбертѣ, и художникъ только-что началъ заготовлять ее. Она представляла опять новую сцену изъ вѣчно-юнаго Фауста Гёте, моментъ , когда Фаустъ видитъ въ первый разъ Гретхенъ ; но и здѣсь опять не Фаустъ играетъ главную роль , а разнохарактерная толпа, выходящая изъ церкви. Живописецъ остается постоянно вѣренъ избранному имъ вѣку : и историческія его картины и поэтическія легенды, всѣ принадлежатъ періоду, ознаменованному огромнымъ переломомъ въ религіозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ западныхъ народовъ. Онъ любитъ всею душой людей временъ реформаціи : онъ знаетъ ихъ задушевныя мысли, ихъ глубокія убѣжденія, ихъ физіономію. Не ищите въ его картинахъ красоты внѣшней въ мущинахъ или женщинахъ: это не идеальные типы, а простая дѣйствительность, но истинная и потому художественно-изящная. Ему извѣстна походка этихъ людей также хорошо, какъ и думы, проведшія на этихъ грубыхъ лицахъ глубокіе слѣды. Онъ изучалъ это XVI столѣтіе не только съ любовію художника, но и съ увлеченіемъ антикварія. Ему извѣстна въ мельчайшихъ подробностяхъ вся внѣшняя обстановка жизни этой эпохи: архитектура домовъ и церквей , моды и костюмы, одежда горожанъ и игрушки дѣтей. Онъ кажется современникомъ Альбрехта Дюрера; онъ кажется былъ въ кабинетѣ Эразма , который изобразилъ съ необыкновенною поэзіею въ другой извѣстной картинѣ. Кто же передалъ ему это удивительное знаніе , кто посвятилъ его въ тайну прошлаго , кто были его духовные предки — живописцы ? Эти вопросы приходятъ невольно на умъ , когда разсматриваешь картины Лейса. Ясно, что его учителями были окружающая его жизнь, на которую я указалъ выше, и тѣ великіе фламандскіе и нѣмецкіе художники, которые сами принадлежали XVI вѣку и прославили его : Квинтинъ Мессисъ, Альбрехтъ Дюреръ и преимущественно Гольбейнъ. Онъ вполнѣ проникнутъ ими; въ ихъ произведеніяхъ открылъ онъ ту струю современной имъ жизни , которая съ такимъ обиліемъ разлилась въ его собственныхъ произведеніяхъ. Какъ они, онъ не только исполненъ истины во внѣшности матеріяльной , но и въ выраженіи лицъ и въ жестахъ. Обогащенный опытами нашего вѣка въ живописи , онъ умѣлъ отклонить отъ себя ихъ часто сухой рисунокъ , негармоническій колоритъ, неширокій стиль. Во всѣхъ его произведеніяхъ можно отличить двѣ манеры: къ первой — ранней , относятся тѣ картины, которыя напоминаютъ сосредоточенные эффекты Рембрандта. Таковы: « Разбойники », картина, принадлежащая королю Бельгійскому, и «Проповѣдь », находящаяся въ Брюссельскомъ музеѣ. Онѣ написаны въ томъ золотисто-коричневомъ тонѣ, который отличаетъ безцѣнныя произведенія Рембрандта. Новѣйшія работы Лейса принадлежатъ его второй манерѣ: въ нихъ свѣтъ и тѣни распредѣлены съ гораздо боль-

шимъ разнообразіемъ, рисунокъ твердъ и кисть отличается тѣмъ широкимъ стилемъ, который составляетъ принадлежность немногихъ первокласныхъ художниковъ.

Новые каталоги Дрезденской картинной галлереи.—Вѣроятно, въ памяти всѣхъ тѣхъ, которые посѣщали Дрезденъ, сохранилось живое воспоминаніе не только о превосходной его картинной галлереѣ, но и о томъ жалкомъ, старинномъ, сыромъ и недостаточно освѣщенномъ зданіи, въ которомъ, въ нетопленныхъ зимою комнатахъ, сохранялись лучшіе перлы блестящей эпохи живописи. Въ теченіи ста девяти лѣтъ, второе художественное собраніе въ мірѣ помѣщалось—въ придворной конюшнѣ! Страшная порча, которой подвергались въ этомъ зданіи неудобно разставленныя картины, принудила, наконецъ, саксонское правительство соорудить новую галлерею, достойную, какъ зданіе, сохранять Сикстинскую Мадонну Рафаэля, Христа Тиціанова и Ночь Корреджіо. По плану искуснаго архитектора Земпера, извѣстнаго также многими учеными трудами, сооруженъ нынѣ великолѣпный новый «музей», украшенный статуями и фресками лучшихъ современныхъ художниковъ. Онъ открытъ публикѣ съ лѣта 1856 г. и составляетъ новое монументальное украшеніе одного изъ самыхъ поэтическихъ городовъ Германіи.

Къ открытію музея, въ которомъ старые знакомцы являются изумленнымъ взорамъ въ новомъ, неожиданномъ блескѣ, поручено было извѣстному живописцу Юлію Гюбнеру составить офиціяльный каталогъ. Этотъ замѣчательный трудъ вышелъ подъ заглавіемъ: «Verzeichniss der k. Gemälde-Gallerie zu Dresden. Mit einer historischen Einleitung und Notizen über die Erwerbung der einzelnen Bilder. Dresden 1856. Авторъ, послѣ долголѣтняго знакомства съ сокровищами галлереи, предпослалъ каталогу историческое введеніе о происхожденіи, умноженіи и постепенномъ образованіи галлереи, которое принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ матеріяламъ для исторіи знаменитыхъ картинъ. Оно стоило автору многихъ трудовъ, потому что составлено по старымъ инвентаріямъ, актамъ, перепискамъ и т. д., хранящимся въ разныхъ архивахъ.

Скромны были начинанія этой величественной галлереи. Въ 1560 году курфирстъ Августъ I образовалъ такъ-называемую «Кунстъ-каммеру», гдѣ соединилъ, съ наивностью XVI вѣка, всякаго рода собранныя уже его предками «рѣдкости» и картины. Замѣчательно, что въ числѣ послѣднихъ находились, кромѣ картинъ Кранаха и Дюрера, пріобрѣтенныхъ можетъ-быть еще Фридрихомъ Мудрымъ, превосходныя картины великихъ италіянскихъ художниковъ, напримѣръ знаменитая Венера Тиціана; также два прекрасные ландшафта Клодъ-Лорреня. Эти картины свидѣтельствуютъ о ранней любви правителей Саксоніи къ итальянскому искусству. Любовь эта возрасла до такой степени, что по первому дошедшему до насъ каталогу, составленно-

му въ 1722, галлерея считала уже 1938 картинъ. Въ 1747 году она была окончательно устроена въ сказанномъ «придворномъ конюшенномъ зданіи» (Stallgebäude), гдѣ въ нижнемъ этажѣ находилось 130 стойлъ для лошадей и сараи для придворныхъ каретъ. Здѣсь прожила она самую блестящую эпоху своихъ пріобрѣтеній, совпадающую съ правленіемъ двухъ великихъ меценатовъ искусства, Августа II и въ особенности Августа III (1733—1763) и его всемогущаго министра, графа Брюлля, котораго имя еще до сихъ поръ сохраняетъ живописная терраса на берегахъ Эльбы, памятная всѣмъ путешественникамъ. Эта эпоха началась покупкою Гольбейновой Мадонны, одного изъ знаменитѣйшихъ произведеній великаго нѣмецкаго живописца, извѣстной подъ именемъ «Мадонны Базельскаго бургомистра Іакоба Мейера», котораго колѣнопреклоненное семейство изображено находящимся подъ защитою Божіей Матери. Отъ одного изъ потомковъ бургомистра, для котораго картина была первоначально написана, она покупкою перешла въ Амстердамъ и наконецъ въ Венецію, гдѣ остроумный и знаменитый другъ Фридриха Великаго и Августа III, графъ Алгаротти пріобрѣлъ ее у фамиліи Дельфино для Дрезденской галлереи за 1000 цекиновъ. Съ разными издержками и доставкою, это лучшее созданіе кисти Гольбейна обошлось въ 4,000 р. сер. Въ 1745 начались переговоры о покупкѣ знаменитой галлереи ста картинъ, принадлежавшей моденскому герцогу Францу д'Эсте. Король саксонскій, пламенно любившій искусство, воспользовался мгновеннымъ денежнымъ затрудненіемъ, въ которомъ находился герцогъ, и пріобрѣлъ у него сто картинъ за 100,000 цекиновъ (300,000 р. сер.). Эта сумма ничтожна, если подумать, что за нее онъ получилъ шесть картинъ Корреджіо, въ томъ числѣ его знаменитую «Ночь» и «Св. Магдалину», шесть картинъ Тиціана, въ томъ числѣ его неподражаемаго «Христа и фарисея съ монетою», шесть превосходнѣйшихъ Павловъ Веронезе, множество картинъ Каррачей и другихъ знаменитыхъ болонскихъ художниковъ. Какъ въ наши дни возвысилась цѣна на знаменитыя художественныя произведенія, читатели могутъ судить потому, что одна картина Мурильо, его знаменитая «Мадонна», изъ галлереи маршала Сульта, была куплена луврскимъ музеемъ въ Парижѣ за 615,300 франковъ! Покупка Моденской галлереи была произведена въ Италіи съ величайшею скрытностью, и уполномоченныя лица и ихъ посредники, корыстолюбивые и пронырливые Итальянцы, вели трудное дѣло съ дипломатическою тонкостью. Саксонскіе посредники употребляли даже для переписки особенныя цифры, и всѣ имена художниковъ и мѣстъ были замѣнены придуманными именами. Такъ напримѣръ, знаменитый венеціянскій живописецъ Пальма Веккіо назывался—Шпрангеръ, а самая Венеція—Форли. Эта таинственность была необходима: въ самой Моденѣ раздалось много недовольныхъ голосовъ, и сдѣлка не разъ готова

была рушиться. Въ 1746 году наконецъ, деньгами, подкупами и хитростью, все дѣло было улажено, и картины доставлены въ Дрезденъ. Когда въ Италіи распространилась вѣсть о такой выгодной, по тогдашнимъ понятіямъ, продажѣ, родилась вездѣ страсть продавать знаменитыя произведенія искусства. Итальянцы начали предлагать Рафаэлеву «Св. Цецилію» за 15,000 дукатовъ, его «Скрипача» и «Форнарину», и знаменитую картину Доминикино «Діана съ нимфами». Даже монахини въ Фолиньо уже сторговались въ цѣнѣ за знаменитую «Madonna di Fuligno» Рафаэля, находившуюся тогда еще въ ихъ монастырѣ, но неловкость саксонскаго посредника, какого-то неизвѣстнѣйшаго нѣмецкаго живописца, испортила все дѣло.

Съ тою же скрытностію пріобрѣтены были, въ 1748 г., 69 картинъ изъ императорской галлереи въ Прагѣ, въ томъ числѣ превосходные Нидерландцы, напримѣръ: Рубенсова «Кабанья охота», Ванъ-Дейка—портретъ Карла I и его супруги; въ 1752 «Нинъ и Семирамида», Гвидо-Рени, и наконецъ 1753, главнѣйшая драгоцѣнность, перлъ Дрезденской галлереи, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Когда Августъ III, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, путешествовалъ по Италіи и разсматривалъ это произведеніе съ величайшимъ удивленіемъ, онъ вознамѣрился его пріобрѣсть, но это удалось ему только черезъ 20 лѣтъ. И въ этомъ дѣлѣ, въ этомъ художественномъ обѣдненіи Италіи, опять посредникомъ былъ Итальянецъ: болонскому живописцу Карлу Цезарю Джіованнини удалось пріобрѣсть ее для Дрезденской галлереи у монаховъ бенедиктинскаго монастыря Св. Сикста, въ Піаченцѣ, для котораго Рафаэль написалъ это чудо искусства за 20,000 дукатовъ (около 60,000 р. сер.). По контракту съ монахами, покупатель долженъ былъ имъ изготовить на свой счетъ копію, сдѣланную венеціянскимъ живописцемъ Могари, которая въ монастырѣ и теперь обыкновенно выдается за оригиналъ. Послѣднее замѣчательное пріобрѣтеніе запрестольной картины Баньякавалло было сдѣлано въ 1755 г. Со смертію короля Августа III въ 1763, обогащенія галлереи прекратились, и только въ новѣйшее время пріобрѣтено было пятнадцать, отчасти превосходныхъ картинъ испанской школы изъ собранія короля Луи-Филиппа.

Разказавъ исторію составленія Дрезденской галлереи, авторъ упоминаетъ о другихъ происшествіяхъ съ картинами этого собранія и обращаетъ преимущественное вниманіе на реставраціи, которымъ онѣ подвергались. Далѣе описываетъ онъ нынѣшнее зданіе и распредѣленіе въ немъ картинъ. Затѣмъ начинается собственный каталогъ, расположенный въ историческомъ порядкѣ, по школамъ. Сперва упомянуто имя каждаго живописца, потомъ сообщаются краткія хронологическія извѣстія о немъ, описаніе картины, историческія извѣстія, когда и для кого она писана, когда и за какую сумму пріобрѣтена, и кѣмъ реставрирована. По этому офиціяльному каталогу Дрезден-

ская галлерея нынѣ считаетъ 2202 картины. Извѣстно, что лучшія изъ нихъ нѣсколько разъ гравированы и наконецъ изданы, въ видѣ большой литографированной коллекціи, Гамерштенгелемъ. Для двухъ знаменитыхъ Мадоннъ Рафаэля и Гольбейна въ новомъ музеумѣ устроены двѣ особыя, отлично освѣщенныя залы.

Но такого краткаго, хоть и отчетливо составленнаго каталога не достаточно: въ нашъ любознательный вѣкъ, люди образованные, но не хорошо знакомые съ исторіею и эстетикою искусства, посѣщая картинныя галлереи, желаютъ найдти руководителя, который въ ясномъ очеркѣ объяснилъ бы имъ исторію развитія каждой школы, главныя ея направленія и цѣли, отличительные ея признаки, мѣсто, которое занималъ въ ней извѣстный художникъ, характеръ его произведеній и наконецъ историческую и эстетическую оцѣнку картинъ, находящихся передъ глазами. Извѣстный писатель объ искусствѣ, фонъ-Квандтъ, издалъ подобнаго рода путеводитель для многочисленныхъ посѣтителей Дрезденской галлереи подъ заглавіемъ: Begleiter durch die Gemälde-Sammlung des Königlichen Museums zu Dresden (1856), во многихъ отношеніяхъ прекрасно исполняющій свое назначеніе.

При разсмотрѣ этихъ двухъ каталоговъ, нельзя не выразить искренняго желанія, чтобы превосходная картинная галлерея С. Петербургскаго Эрмитажа обогатилась въ скоромъ времени подобнымъ же опиніемъ собранныхъ въ ней памятниковъ живописи. Матеріялы для составленія ея исторіи обильны; біографіи художниковъ большею частію основательно изслѣдованы и, вѣроятно, найдутся люди, одаренные историческими и эстетическими свѣдѣніями, которые, умнымъ описаніемъ, критикою и истолкованіемъ, придадутъ новое и увеличенное значеніе собраннымъ тамъ сокровищамъ.

К. Гёрцъ.

ПОЛЯРНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ МАКЪ-КЛЮРА.

Еще въ 1850 году открытъ Макъ-Клюромъ такъ называемый сѣверо-западный проходъ изъ Тихаго Океана въ Атлантическій, а между тѣмъ полное описаніе этого открытія появилось только въ концѣ прошлаго года, благодаря трудамъ одного изъ полярныхъ плавателей, г-на Шерарда Осборна, который издалъ его по дневнику Макъ-Клюра, подъ заглавіемъ: The discovery of the North West Passage by H. M. S. Investigator, capt. R. M'Clure. Извѣстно, что въ 1850 году для отысканія Франклина отправлена была большая эскадра въ трехъ отдѣленіяхъ. Главное изъ нихъ, подъ начальствомъ капитана Бельчера, пустилось по слѣдамъ Франклиновыхъ судовъ, то-есть

изъ Атлантическаго моря въ Полярное; второе отдѣленіе, подъ начальствомъ лейтенанта Пуллена, отправилось сухимъ путемъ къ устью рѣки Макензи; третье, состоявшее изъ кораблей «Энтерпрайза» и «Инвестигатора», подъ начальствомъ капитана Коллинсона, должно было идти изъ Тихаго океана черезъ Беринговъ проливъ и искать прохода къ Атлантическому океану. «Энтерпрайзъ» постоянно опережалъ «Инвестигатора», и когда послѣдній пришелъ 1-го іюля къ назначенному сборному пункту въ Гонолулу, столицу Сандвичевыхъ острововъ, то оказалось, что «Энтерпрайзъ» уже побывалъ тамъ, запасся свѣжею провизіей и отправился далѣе. Ранняя зима полярныхъ странъ заставляла дорожить каждымъ часомъ, и «Инвестигаторъ» въ три дня изготовился къ отплытію. Начальникъ его, капитанъ Макъ-Клюръ, чтобы выиграть время, рѣшился даже предпочесть обычному пути на Петропавловскъ и мимо Камчатки кратчайшій, но опасный путь чрезъ малоизвѣстный Алеутскій архипелагъ, въ которомъ плаваніе затрудняется сверхъ того сильнымъ теченіемъ къ западному берегу Америки и чрезвычайно густымъ туманомъ. О послѣднемъ можно составить себѣ понятіе по тому, что морскія птицы натыкались иногда на такелажъ корабля и падали на палубу. 29-го іюля, оставивъ за собой Беринговъ проливъ, прошли полярный кругъ и одѣли экипажъ въ арктическое платье. Въ заливѣ Коцебу увидѣли корабль «Пловеръ», поджидавшій искателей Франклина съ запасами. Такъ какъ «Энтерпрайзъ» еще не приходилъ, то «Инвестигатору» въ первый разъ представилась перспектива предпринять полярное плаваніе одному. Обогнувъ мысъ Лисбурнъ, замѣтили судно «Геральдъ», крейсеровавшее по ту сторону Берингова пролива для собиранія свѣдѣній о Франклинѣ и его спутникахъ. «Инвестигаторъ» пополнилъ съ этого корабля свою провизію и, простившись съ нимъ, пошелъ дальше. Напрасно командиръ «Герольда», капитанъ Келлетъ, еще сигналами предлагалъ Макъ-Клюру подождать «Энтерпрайзъ» только два дня; ему отвѣчали: «Непремѣнный долгъ. Не могу принять на себя отвѣтственность». 6-го августа миновали мысъ Барро, крайнюю сѣверо-западную оконечность Америки. Ближайшею цѣлью былъ теперь островъ Мельвиля, лежащій 3 град. къ сѣверу и около 38 град. далѣе къ востоку. Въ 1820 году Парри достигнулъ его изъ Атлантическаго океана, и поэтому онъ назначенъ былъ сборнымъ мѣстомъ для искателей Франклина. Корабль шелъ постоянно невдалекѣ отъ сѣвернаго берега Америки. Этотъ берегъ представлялся сплошною равниной. Почва состоитъ изъ синей глины; ни одинъ камень, ни одинъ холмъ не нарушаютъ ея однообразія. Съ самаго берега взоръ теряется въ безконечной зеленой плоскости, покрытой мохомъ, травою и цвѣтами, и прерываемой только свѣтлыми прудами прѣсной воды. Многочисленныя стада сѣверныхъ оленей бродили по этому пространству, и мореплаватели не могли надивиться такой новой для нихъ картинѣ въ близкомъ сосѣдствѣ съ вѣчными льдами полярныхъ водъ. 11-го августа термометръ

показывалъ въ тѣни + 1° Реом. Случайныя посѣщенія со стороны вороватыхъ Эскимосовъ не прекращались во все время. 15-го августа представилось одно изъ самыхъ рѣдкихъ зрѣлищъ—гроза подъ 70° градусомъ широты. Термометръ поднялся до + 6°; западный вѣтеръ нанесъ черныя тучи, громъ и молнію. Черезъ два дня замѣтили въ первый разъ тонкій слой льду или, по-русски, *сало* на морѣ. 21-го августа достигли устья Макензіевой рѣки, которой вода нагрѣвала морскую до + 3° Реом. На другой день «Инвестигаторъ» миновалъ Ричардовъ островъ, а 23-го августа проходилъ вдоль того же берега лейтенантъ Пулленъ на возвратномъ пути къ устью Макензи, но, къ удивленію, обѣ экспедиціи, бывшія въ столь близкомъ сосѣдствѣ, не замѣтили одна другой: лучшее доказательство, какъ трудно выводить изъ напрасныхъ поисковъ за пропавшими рѣшительное заключеніе, что они погибли.

«Инвестигаторъ» уже оставилъ за собой русскій берегъ Америки и проходилъ теперь англійскимъ, но Эскимосы, подвластные королевѣ Викторіи, оказывали весьма мало расположенія къ своимъ бѣлымъ согражданамъ; напротивъ, они даже грозили имъ своимъ слабымъ оружіемъ. Когда удавалось войдти въ сношеніе съ ними, они, по обыкновенію, разказывали о погибшихъ неподалеку Европейцахъ, а на вопросъ, когда это было, одинъ изъ нихъ преважно отвѣчалъ, что можетъ-быть въ прошломъ году, а можетъ-быть и тогда, какъ онъ былъ еще ребенкомъ. Такъ загадочно простодушны бываютъ обыкновенно Эскимосы въ своихъ показаніяхъ. Не смѣсь ли это естественнаго желанія заинтересовать мореходцевъ въ свою пользу, съ неумѣніемъ выдержать принятую на себя роль?

Но и полярный кругъ имѣетъ свои свѣтлыя точки. У мыса Батурста, миляхъ въ семидесяти отъ Мельвилева острова, Англичане попали на очень дружелюбныхъ Эксимосовъ, и притомъ видный собою и дородный народъ; изъ женщинъ иныя были даже красавицы: по крайней мѣрѣ такъ показалось морякамъ послѣ долгой разлуки съ прекраснымъ поломъ. Устроили даже балъ, послѣ котораго любезныя дамы пригласили къ себѣ избранныхъ матросовъ на берегъ; и моряки часто вспоминали это счастливое время въ послѣдствіи, когда стояли съ замерзшимъ кораблемъ у Банксовой земли. Эскимосы занимались китоловствомъ по самому простому способу. Нельзя было не дивиться ихъ мастерству въ черченіи картъ: всѣ береговыя линіи обозначали они по глазомѣру очень вѣрно; но море ли лежитъ на сѣверъ, или суша, этого они не знали; на всѣ подобные вопросы отвѣчали они съ нѣкоторымъ содроганіемъ, что тамъ живутъ бѣлые медвѣди.

4-го сентября, не доходя мыса Парри, замѣтили на берегу большіе огни. Сначала думали, что ихъ зажгли Эскимосы, но потомъ убѣдились, что это горящіе волканы, возвышавшіеся не болѣе 50 футовъ надъ водой. Берегъ, вообще плоскій, поднимался мѣстами даже фу-

товъ на триста или на пятьсотъ и былъ изрѣзанъ глубокими разсѣлинами, обнаруживавшими синюю глину. Вблизи волкановъ найдены были лужи съ сильно-окисленною купоросомъ водой. Къ сожалѣнію, не было на кораблѣ ни одного натуралиста, который могъ бы точнѣе изслѣдовать это любопытное явленіе природы.

6-го сентября достигли мыса Парри, и когда утромъ погода сдѣлалась яснѣй, на сѣверовостокѣ замѣтили гористую землю. Это было первымъ открытіемъ экспедиціи, и теперь представлялась возможность достигнуть окончательной ея цѣли. Успѣшнымъ плаваніемъ такъ далеко на востокъ она обязана была береговой полыньѣ, или полосѣ не замерзшей воды, окаймлявшей сушу; поэтому если новооткрытая земля простиралась далеко къ сѣверу, то можно было надѣяться достигнуть вдоль ея и Мельвилева острова. Капитанъ Макъ-Клюръ сошелъ на берегъ, чтобы торжественно принять во владѣніе эту землю, которую онъ назвалъ Баррингговой, не подозрѣвая, что это южный край того самаго острова, котораго сѣверозападную часть еще въ 1819 году видѣлъ Парри и назвалъ Банксовой землей. Мысъ, возвышавшійся въ видѣ крѣпости на 1000 футовъ, именованъ Нельсоновымъ носомъ. Растительность имѣла здѣсь болѣе южный характеръ, чѣмъ слѣдовало ожидать; свѣжіе слѣды оленей и зайцевъ и перелетныя стаи дикихъ гусей производили отрадное впечатлѣніе.

Имѣя этотъ живописно раскинутый берегъ влѣво, продолжали идти къ сѣверовостоку и 9-го сентября вдругъ увидѣли вправо отъ себя другую землю, которую назвали въ честь принца Альберта. Въ глубинѣ ея виднѣлись высокіе снѣжные холмы, тогда какъ равнина не носила еще зимней одежды. Мѣстами показывались конусы волканическаго образованія. 10-го сентября утромъ экспедиція находилась всего въ 60 миляхъ отъ Баррова пролива, то-есть отъ прямаго, непосредственнаго пути въ Атлантическій океанъ! Макъ-Клюръ, какъ видно изъ секретнаго его дневника, уже предчувствовалъ свое открытіе. «Возможно ли, говоритъ онъ, чтобы такое ничтожное созданіе, какъ я, было избрано совершить то, чего тщетно добивались въ теченіе вѣковъ величайшіе умы и таланты! Но хвала Тому, Кто довелъ насъ сюда цѣлыми и невредимыми! Мудрость міра сего передъ Нимъ безуміе.» Но на другой же день перемѣнилась погода. Сильный сѣверо-западный вѣтеръ понизилъ термометръ до 5° и нагналъ льду въ проливъ Принца Валлійскаго, какъ названъ былъ достопамятный рукавъ между Банксовымъ островомъ и Принцъ-Албертовой землей. До 17-го сентября «Инвестигаторъ» еще успѣлъ нѣсколько подвинуться впередъ: онъ былъ уже только въ *восьми* миляхъ отъ той цѣпи водъ, которая подъ именемъ проливовъ Мельвиля, Барро и Ланкастера простирается на востокъ до Баффинова залива. Но тутъ-то именно и заперло его льдомъ. Часто ледяныя массы приходили въ движеніе, и корабль трещалъ, скрипѣлъ и стоналъ подъ ихъ напоромъ; шумъ

былъ оглушителенъ до того, что вахтенный офицеръ, рапортуя капитану, долженъ былъ кричать ему надъ самымъ ухомъ. 21–го октября, послѣ того, какъ ледъ установился вполнѣ, капитанъ Макъ–Клюръ отправился съ шестью человѣками пѣшкомъ отыскивать проливъ Барро. Запасъ, который везли они съ собою въ саняхъ, естественно долженъ былъ ограничиться самымъ необходимымъ: можно было взять съ собою только не полные раціоны и самое малое количество дровъ, а между тѣмъ холодъ былъ такъ силенъ, что иногда капли пота замерзали на лицѣ. По ночамъ единственною защитой отъ мороза были парусинныя палатки и большіе мѣховые мѣшки, служившіе постелями. Случалось, что платье и шерстяныя одѣяла довольно плотно примерзали къ тѣлу. Но величайшимъ мученіемъ для путешественниковъ была жажда. Напрасно набирали они снѣгу полонъ ротъ, снѣгъ становился обыкновенно солонъ отъ пробивающейся снизу морской воды, и употребленіе его дѣлало жажду еще томительнѣе. 25–го октября замѣтили они, что подходятъ къ устью пролива Принца Валлійскаго, догадываясь о близости открытаго моря по голубымъ ледянымъ горамъ и долинамъ. Единственное астрономическое наблюденіе, дозволенное пасмурною погодою, показало имъ, что они находятся подъ 73° 25′ сѣв. широты. Утромъ 26–го октября, еще до разсвѣта, капитанъ Макъ–Клюръ взобрался на сосѣдній холмъ въ 600 футовъ высоты. Когда солнце взошло, начала постепенно открываться панорама и тутъ, наконецъ, увидѣли ясно, что между устьемъ пролива, въ которомъ замерзъ «Инвестигаторъ», и между островомъ Мельвиля нѣтъ никакой суши, и слѣдственно такъ–называемый «сѣверо-западный проходъ» рѣшительно открытъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, хотя надо сказать правду, что проходъ не пройденъ еще никѣмъ, и что по положенію своему онъ вовсе не сѣверозападный, а скорѣе сѣверовосточный. Удостовѣрясь въ своемъ открытіи, англійскіе моряки весело провели зиму 1850 года, въ полной надеждѣ воспользоваться ближайшею весной для возвращенія на родину и вовсе не подозрѣвая, какую томительную будущность готовятъ имъ ледяныя преграды, надолго замкнувшія проливъ и вынудившія ихъ искать себѣ пути въ обходъ на сѣверъ отъ Банксова острова.

Сколь ни ничтожнымъ представляется намъ теперь практическое значеніе этого открытія, мы отнюдь не можемъ утверждать, чтобы оно осталось такимъ и въ будущемъ. Начать съ того, что, по слѣдамъ искателей Франклина, китоловы пускаются уже гораздо дальше прежняго въ полярныя моря. Что̀ касается теоретической стороны вопроса, то конечно есть нѣчто возвышающее въ мысли, что бѣлый человѣкъ поднялъ завѣсу и съ этихъ странъ, такъ тщательно скрытыхъ отъ него природою, и что, куда ни проникалъ онъ доселѣ, нигдѣ не находилъ предѣла органической жизни: растительное и животное царство на самыхъ крайнихъ точкахъ сѣвера, какихъ удавалось ему достигнуть.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ общемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ случаются промежутки, которые не отмѣчены никакимъ ясно обозначившимся событіемъ, и отличаются переходнымъ характеромъ и недоступною для журналовъ и публики работою дипломатіи, усиливающейся пріискать средства къ разрѣшенію того или другаго текущаго вопроса. Къ такимъ промежуткамъ принадлежитъ и послѣднее время. Ни одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили въ прежнихъ Обозрѣніяхъ, не разрѣшенъ окончательно; нѣтъ даже вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о современномъ положеніи этихъ вопросовъ, а между тѣмъ работа продолжается, кабинеты безпрерывно обмѣниваются нотами между собою, представители ихъ присылаютъ свои донесенія и получаютъ инструкціи; но содержаніе этихъ нотъ, донесеній, инструкцій остается предметомъ догадокъ и болѣе или менѣе удачныхъ соображеній для журналистики.

Обратимся, напримѣръ, къ нефшательскому вопросу. Конференція, рѣшающая вопросъ этотъ въ Парижѣ, почти двѣ недѣли не имѣла засѣданія. Причиною такого продолжительнаго перерыва въ занятіяхъ конференціи считаютъ ожиданіе прусскимъ уполномоченнымъ дальнѣйшихъ инструкцій отъ прусскаго правительства, которыя должны служить отвѣтомъ на замѣчанія, представленныя въ послѣднемъ засѣданіи конференціи швейцарскимъ уполномоченнымъ, по поводу предъявленныхъ Пруссіею условій. Говорили, что такая медленность сильно не нравится кабинетамъ, желающимъ поскорѣе покончить съ этимъ второстепеннымъ вопросомъ, чтобы заняться другими, болѣе общими и важными; ожидали даже, что представители Франціи, Англіи, Россіи и Австріи, по совѣщанію между собою, изложатъ результаты предшествовавшихъ сужденій, установятъ условія соглашенія между Пруссіею и Швейцаріею, и отъ себя предложатъ эти условія обѣимъ сторонамъ. Эта крайняя мѣра, какъ говорятъ, уже принята ими; во всякомъ случаѣ, одно это ожиданіе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно клонится въ пользу скорѣйшаго разрѣшенія нефшательскаго вопроса самое общественное мнѣніе Европы, и какъ утомлено его вниманіе медленнымъ ходомъ переговоровъ.

Всѣ журналы единогласно выражали увѣренность, что желанный результатъ этихъ переговоровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, ни та, ни другая сторона ничего не выиграетъ отъ формальнаго прекращенія парижскихъ международныхъ совѣщаній.

Въ Швейцаріи ближайшимъ послѣдствіемъ такой неблагопріятной развязки должно быть торжество такъ-называемой радикальной партіи; но въ то же время слишкомъ тяжелыя условія могутъ возбудить общее неудовольствіе, причемъ большинство Союзнаго Сейма можетъ отвергнуть соглашеніе, одобренное исполнительною властію. Въ этомъ отношеніи прусское правительство, или правильнѣе король Прусскій гораздо менѣе стѣсненъ: онъ можетъ отказаться отъ своего права на какихъ угодно условіяхъ. Сохраненіе нынѣшняго неопредѣленнаго и переходнаго положенія дѣлъ было бы весьма непріятно и тяжело для Пруссіи, ибо въ такомъ случаѣ ей остается только взяться за оружіе, чего, какъ извѣстно, отнюдь не желаютъ въ Европѣ; сверхъ того, нефшательскіе подданные короля, въ силу временнаго январьскаго соглашенія, могутъ возвратиться въ кантонъ свой не прежде, какъ по заключеніи окончательнаго соглашенія между Пруссіею и Швейцаріею. Для Швейцаріи, напротивъ, сохраненіе statu quo равносильно безусловнному обладанію Нефшательскимъ кантономъ, которымъ она уже владѣетъ de facto съ 1848 года.

Эти соображенія поддерживали какъ въ Швейцаріи, такъ и въ остальной Европѣ, надежду на возможность соглашенія при условіяхъ, не слишкомъ тягостныхъ для Швейцаріи.

Ни правительство, ни общественное мнѣніе въ Швейцаріи не соглашаются уплатить Прусскому королю два милліона франковъ въ вознагражденіе за Нефшательскій кантонъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, швейцарскому уполномоченному, г. Керну, предписано отвергнуть это требованіе, на слѣдующихъ основаніяхъ: во время январскихъ переговоровъ не было даже упомянуто объ условіи такого рода, и Швейцарія согласилась не требовать вознагражденія за расходы, причиненные сентябрьскимъ движеніемъ, потому что не могла ожидать подобнаго требованія со стороны Пруссіи. Нынѣ, сказано въ инструкціяхъ г. Керну, Швейцарія дѣлаетъ новую уступку: она объявляетъ всепрощеніе нефшательскимъ инсургентамъ, не исключая трехъ сотъ роялистовъ, уклонившихся отъ военной службы, бремя которой пало на ихъ товарищей; она согласна поручиться на свой страхъ въ томъ, что эти люди не подвергнутся денежному взысканію за причиненные ими убытки и сверхъ всего этого отъ нея требуютъ еще два милліона фр. Не на Швейцарію долженъ пасть личный доходъ, получаемый королемъ съ Нефшательскаго кантона. Такъ какъ доходъ этотъ падалъ на кантонъ, то послѣдній долженъ бы и выкупить его. Пусть король обратится къ Нефшательскому кантону, ибо дѣло идетъ о денежномъ долгѣ этого кантона. Наконецъ, невѣрна самая оцѣнка долга: за вычетомъ всѣхъ расходовъ, соединенныхъ съ званіемъ князя Нефшательскаго, оставалось ежегодно не болѣе тридцати тысячъ франковъ, а такой доходъ могъ бы быть выкупленъ съ избыткомъ за единовре-

менное вознагражденіе въ шестьсотъ тысячъ франковъ. Таковы возраженія швейцарскаго правительства противъ условія объ уплатѣ двухъ мил. фран. прусскому королю.

При такомъ разногласіи между Пруссіею и Швейцаріей, конференціи предстояло опредѣлить сумму выкупа, если только она признаетъ законность и необходимость денежнаго вознагражденія.

Ожидали, что также будетъ поступлено съ другимъ условіемъ, представленнымъ отъ Прусскаго короля, именно съ условіемъ о сохраненіи титула князя Нефшательскаго и Валангенскаго. Говорятъ, что сопротивленіе Швейцаріи по этому условію было почти побѣждено приведенными конференціею примѣрами, изъ коихъ нѣкоторые заимствованы изъ собственной ея исторіи. Швейцарскому уполномоченному указали многочисленные титулы Австрійскаго императора, изъ коихъ нѣкоторые напоминаютъ о древнихъ владѣніяхъ, нынѣ входящихъ въ составъ Швейцарскаго Союза. Императоръ Австрійскій доселѣ носитъ титулъ графа Габсбургскаго, а Габсбургъ принадлежитъ Швейцаріи. Король сардинскій пользуется титуломъ короля Кипрскаго и Іерусалимскаго; Англійскій король Іаковъ пользовался гостепріимствомъ Лудовика XIV, однако не переставалъ титуловаться королемъ Французскимъ. По примѣру ихъ, и Прусскій король можетъ сохранить титулъ, наслѣдованный имъ отъ предковъ. Послѣднимъ возраженіемъ швейцарскаго правительства было высказанное опасеніе, чтобы съ теченіемъ времени титулъ не подалъ повода къ возстановленію прежнихъ правъ Пруссіи на обладаніе Нефшательскимъ кантономъ. Швейцарія желала бы предохранить себя отъ подобнаго случая формальнымъ обязательствомъ со стороны Прусскаго короля, который, безъ сомнѣнія, не откажется представить конференціи всѣ ручательства, согласныя съ его положеніемъ и достоинствомъ. По общему мнѣнію, дѣло заключается собственно не въ условіи о титулѣ, но въ редакціи этого условія.

То же можно сказать о другихъ условіяхъ, касающихся возвращенія имуществъ протестантскимъ церквамъ; равномѣрнаго распредѣленія расходовъ, причиненныхъ сентябрьскимъ движеніемъ; сохраненія капиталовъ, имѣній и пр., принадлежащихъ благотворительнымъ и учебнымъ заведеніямъ кантона. Швейцарія не отвергаетъ сущности этихъ условій, ибо правительство ея никогда не имѣло въ виду отнять имущества у протестантскихъ церквей, или измѣнить назначеніе имѣній и капиталовъ, завѣщанныхъ барономъ Пюри и многими другими; Швейцарія протестовала только противъ вмѣшательства короля Прусскаго во внутреннія дѣла Союза, даже Нефшательскаго кантона. Но Прусскій король не требуетъ ничего подобнаго: задача опять заключается только въ редакціи упомянутыхъ условій.

Остается вопросъ о пересмотрѣ нынѣшней конституціи въ кантонѣ, состоявшейся 25-го апрѣля 1848 года. Въ статьѣ 71-й этого

акта сказано, что онъ можетъ быть пересмотрѣнъ лишь по прошествіи девяти лѣтъ. Слѣдующія статьи опредѣляютъ образъ пересмотра. Назначенный срокъ наступитъ въ будущемъ маѣ, и потому пересмотръ конституціи возможенъ на законномъ основаніи. Пруссія желаетъ, чтобы пересмотръ былъ отложенъ на полгода или на годъ, хотя по закону онъ можетъ послѣдовать въ скоромъ времени. Швейцарское правительство отвѣчаетъ на это, что оно не можетъ принять на себя такое обязательство, ибо дѣло это касается исключительно Нефшательскаго кантона, пользующагося, подобно другимъ кантонамъ, полною независимостію въ этомъ отношеніи. Говорятъ впрочемъ, что швейцарское правительство обѣщаетъ употребить всѣ усилія, чтобы пересмотръ конституціи былъ отсроченъ. По этому пункту обѣ стороны могли согласиться между собою, ибо формальности, съ которыми соединяется пересмотръ конституціи, потребуютъ много времени, во всякомъ случаѣ не меньше полугода.

По поводу вопроса о пересмотрѣ нефшательской конституціи сообщаютъ еще, что король Прусскій предъявилъ требованіе объ устраненіи гражданъ, *не родившихся въ кантонѣ*, отъ участія въ этомъ пересмотрѣ. Швейцарія противопоставляетъ этому желанію Пруссіи свою союзную конституцію. По швейцарскимъ законамъ, каждый гражданинъ можетъ пользоваться своими политическими правами по дѣламъ того кантона, въ которомъ онъ живетъ извѣстное время. Разрѣшеніе этого спорнаго пункта облегчается тѣмъ, что въ Нефшательскомъ кантонѣ господствуетъ въ настоящее время консервативная партія, подъ вліяніемъ которой и совершится пересмотръ конституціи. По крайней мѣрѣ, можно ожидать этого, судя по послѣднимъ выборамъ въ кантонѣ, доставившимъ большинство консервативной партіи.

Парижскіе и бернскіе журналы и корреспонденты не сомнѣвались въ предстоящемъ разрѣшеніи нефшательскаго вопроса. «Это разрѣшеніе, сказано въ одномъ письмѣ изъ Берна, значительно подвинется впередъ подъ вліяніемъ послѣдней записки г. Керна, въ которой съ большимъ искусствомъ разъяснены спорные пункты. Записка эта была роздана президентомъ конференціи, графомъ Валевскимъ, всѣмъ шести ея членамъ 6-го или 7-го апрѣля. Г. Кернъ не уступаетъ ни въ чемъ и энергически отстаиваетъ права Швейцаріи; но онъ въ то же время указываетъ средства соглашенія. Швейцарское правительство одобрило записку своего уполномоченнаго, и ожидаетъ отъ нея хорошихъ послѣдствій. Какъ скоро условія соглашенія будутъ подписаны въ Парижѣ, швейцарское правительство созоветъ сеймъ, которому предложитъ утвердить ихъ. Вообще не сомнѣваются, что сеймъ утвердитъ условія; но на сторонѣ правительства въ этомъ дѣлѣ уже не будетъ того огромнаго большинства голосовъ, которое поддерживало его предложенія въ прошломъ янва-

рѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ партіи будутъ признательны правительству, ибо всѣ онѣ дорожатъ участіемъ европейскихъ державъ въ Швейцаріи. Швейцарія имѣла своего представителя на парижской конференціи и могла защищать свои интересы, тогда какъ въ 1852 году лондонская конференція рѣшила тотъ же вопросъ не въ пользу Швейцаріи, и притомъ безъ участія ея въ международныхъ совѣщаніяхъ.»

Къ сожалѣнію, общія надежды не оправдались. По послѣднимъ извѣстіямъ, проектъ соглашенія, составленный парижскою конференціей, будто бы отвергнутъ какъ Пруссіею, такъ и Швейцаріею.

Немного болѣе приблизился къ разрѣшенію датско-германскій вопросъ. Въ общемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ, вопросъ этотъ, конечно, занимаетъ также второстепенное мѣсто; для большинства публики онъ представляется иногда загадочнымъ, запутаннымъ, темнымъ,—а между тѣмъ онъ имѣетъ свое значеніе, ибо тѣсно связанъ съ существующимъ въ Европѣ международнымъ порядкомъ. То, что нынѣ называется датскимъ вопросомъ, можетъ сдѣлаться вопросомъ европейскимъ, какъ дѣла нефшательскія, или отношенія между Сардиніею и Австріею. Нашимъ читателямъ уже извѣстно происхожденіе этого вопроса. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ значительно усложнился, вслѣдствіе дипломатическаго вмѣшательства кабинетовъ вѣнскаго и берлинскаго въ пользу нѣмецкихъ герцогствъ, принадлежащихъ Даніи. Разногласіе между кабинетами копенгагенскимъ съ одной стороны, берлинскимъ и вѣнскимъ съ другой, касается, какъ извѣстно, слѣдующихъ пунктовъ: Пруссія и Австрія требуютъ окончательнаго исполненія той статьи трактата 1850 года, въ силу которой должны быть опредѣлены границы между нѣмецкими и не-нѣмецкими владѣніями Даніи; онѣ не признаютъ за датскимъ правительствомъ и общимъ сеймомъ права располагать государственными имуществами, находящимися въ Голштиніи и Лауенбургѣ, предоставляя это право провинціяльнымъ чинамъ; наконецъ, что всего важнѣе, они отстаиваютъ право нѣмецкихъ герцогствъ требовать, чтобы общая конституція, обнародованная 2-го октября 1855 года, была представлена на утвержденіе земскихъ чиновъ этихъ герцогствъ.

Относительно перваго пункта замѣтимъ, что до сихъ поръ дѣйствительно не опредѣлена граница между собственною Даніей и Голштиніей. Въ 1850 году, по подписаніи мира, датское правительство немедленно назначило уполномоченнаго для этой цѣли; но въ то время оказалось, что австрійскій коммиссаръ не былъ снабженъ надлежащими инструкціями, а прусскій разсматривалъ вопросъ о границѣ со стороны болѣе археологической, чтобы опредѣлить настоящую «историческую границу», и отвергалъ измѣненія, освященныя временемъ. Коммиссія разошлась, не окончивъ дѣла; но въ настоящее время датское правительство объявило, что оно готово вторично приняться за него. По вопросу о государственныхъ имуществахъ, Данія

признаетъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки герцогствамъ; но она отвергаетъ необходимость представлять общую всей монархіи конституцію на разсмотрѣніе провинціяльныхъ представительныхъ собраній. Въ такомъ случаѣ собственная Данія имѣла бы то же самое право. Герцогства, гдѣ господствуетъ феодальный аристократизмъ, лишили бы конституцію ея общаго демократическаго характера, а собственная Данія, гдѣ преобладаютъ либеральныя стремленія, въ свою очередь, устранила бы изъ конституціи все то, что есть въ ней аристократическаго. При такомъ ходѣ дѣлъ, общая конституція оказалась бы несостоятельною, и монархіи угрожало бы средневѣковое распаденіе. Въ 1848 году мы обязались, говоритъ датское правительство, дать герцогствамъ особую мѣстную конституцію, опредѣлить общимъ закономъ конституціонныя отношенія различныхъ частей монархіи, и мы исполнили эти обязательства; мы не можемъ идти далѣе, не отказываясь отъ своей независимости.

Опасаясь вмѣшательства германскаго сейма во внутреннія дѣла монархіи, датское правительство, какъ мы уже замѣтили, обратилось къ другимъ великимъ державамъ — Англіи, Франціи и Россіи. Въ настоящее время, мы не имѣемъ подъ рукою вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ о положеніи датско-германскаго вопроса; отрывочныя и большею частію противорѣчивыя извѣстія, сообщенныя въ иностранныхъ журналахъ, не приводятъ ни къ какому положительному результату. Какъ кажется, великія державы, къ которымъ обратилась Данія, не желаютъ сообщить этому дѣлу европейскій характеръ и рѣшить его, какъ вопросъ нефшательскій, на особомъ конгрессѣ. Въ этомъ смыслѣ высказались парижскіе полуофиціяльные журналы. Великія державы желали бы, чтобы дѣло уладилось само собою, по взаимному соглашенію между Даніею съ одной стороны, Пруссіею и Австріею съ другой, причемъ, конечно, въ нѣкоторой степени необходимо ихъ дѣятельное посредничество. Къ тому же, въ послѣднее время въ Даніи пало министерство, душою котораго былъ г. Шеле, составитель общей конституціи 1852 года и тѣхъ дипломатическихъ нотъ, которыми копенгагенскій кабинетъ обмѣнялся въ послѣдніе годы съ кабинетами берлинскимъ и вѣнскимъ. Паденіе г. Шеле можетъ значительно облегчить разрѣшеніе датско-германскаго вопроса. Замѣчательно, что министерство распалось не вслѣдствіе оппозиціи сейма, а вслѣдствіе внутренняго разногласія, вѣроятно, по вопросу о нѣмецкихъ герцогствахъ. Г. Шеле всегда былъ ревностнымъ защитникомъ единства Датской монархіи, и, стремясь къ этой цѣли, не былъ расположенъ къ уступкамъ: можно предполагать, что остальные министры были другаго мнѣнія. Замѣчательно также, что кризисъ этотъ продолжителенъ. Государственные люди Даніи, къ которымъ обратился король съ порученіемъ составить новое министерство, уклонились отъ исполненія этого порученія, при нынѣшнихъ трудныхъ об-

стоятельствахъ. Въ Европѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ развязки, тѣмъ болѣе, что паденіе г. Шеле произвело благопріятное впечатлѣніе какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ.

Въ послѣднее время Черногорія сдѣлалась предметомъ общаго вниманія для европейскихъ кабинетовъ. Внутри этой оригинальной страны враждуютъ двѣ партіи, изъ коихъ во главѣ одной находится нынѣшній владыка, князь Данiилъ, во главѣ другой—дядя и противникъ его, Георгій Петровичъ. Послѣдній принадлежитъ къ числу строгихъ приверженцевъ черногорской старины, независимости и свободы, между тѣмъ какъ князь Данiилъ, по видимому, намѣренъ сдѣлать Черногорцевъ народомъ болѣе осѣдлымъ и земледѣльческимъ. Извѣстно, что набѣги, производимые Черногорцами на сосѣднія турецкія области, большею частію объясняются ихъ нуждами и инстинктомъ самосохраненія. Почва Черногоріи не поддается труду человѣка и не удовлетворяетъ самыхъ насущныхъ его потребностей. Князь Данiилъ желаетъ примириться съ Портою, и проситъ европейскіе кабинеты о посредничествѣ ихъ въ этомъ дѣлѣ, съ цѣлью склонить Порту къ уступкѣ болѣе плодороднаго пространства земли для Черногорскаго народа. Сосѣдственныя съ Черногоріею области представляютъ много постоянно опустошаемой Черногорцами земли, которую они желаютъ обратить въ свою собственность. Какъ кажется, князь Данiилъ готовъ признать верховную власть Порты надъ тою землей, которая будетъ уступлена Черногорцамъ и которая до сихъ поръ была предметомъ вѣчныхъ раздоровъ между Турками и Черногорцами. Съ этою цѣлію князь Данiилъ отправился въ Парижъ, гдѣ онъ находится въ настоящее время. Противникъ его, Георгій Петровичъ, преслѣдуемый членомъ сената Мирко, которому князь Данiилъ ввѣрилъ управленіе народомъ на время своего отсутствія, бѣжалъ въ Австрію, гдѣ вступилъ въ сношенія съ графомъ Буолемъ и барономъ Будбергомъ, которымъ представилъ жалобу на князя Данiила и его намѣстника. Говорятъ даже, что Георгій Петровичъ требуетъ избранія новаго владыки, и что Австрія и Россія намѣрены принять въ уваженіе его жалобы. Вотъ все, что̀ мы могли извлечь изъ тѣхъ нескладныхъ свѣдѣній о положеніи черногорскихъ дѣлъ, которыя въ обиліи сообщаются въ послѣднее время иностранными журналами. Присоединимъ только, что французское правительство желаетъ примиренія Черногоріи съ Турціей и признанія первою верховной власти султана.

Гораздо лучше извѣстна намъ политика Австріи по другому подобному вопросу, именно—о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Въ силу парижскаго протокола 6-го января, австрійскія войска должны были окончательно выйдти изъ Княжествъ, гдѣ въ настоящее время начались серіозныя приготовленія къ предстоящимъ выборамъ. По удаленіи австрійскихъ войскъ, въ Букарестъ прибыли одинъ за другимъ

европейскіе коммиссары (1), которымъ предстоитъ составить докладъ парижскому конгрессу, по вопросу о преобразованіи Дунайскихъ княжествъ. Такимъ образомъ рѣшеніе этого важнаго вопроса временно перенесено изъ Константинополя и Парижа въ Букарестъ и Яссы: извѣстно, что послѣднею инстанціей по этому дѣлу будетъ парижская конференція. Открытіе диванов послѣдуетъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ началѣ мая. Избирательные комитеты, составившіеся въ Яссахъ и Букарестѣ, обнародовали свои программы, въ которыхъ являются жаркими приверженцами соединенія. Общественное мнѣніе въ Княжествахъ такъ сильно расположено въ пользу этой важной мѣры, что многіе кандидаты въ господари: Бибеско, Стирбеи, Кантакузены, Стурдзы, за исключеніемъ молдавскаго каймакана Вогоридеса, не осмѣлились выставить другаго знамени, кромѣ знамени соединенія и самоуправленія. Въ Букарестѣ появились два новые журнала, органы соединенія. Никто уже не сомнѣвается въ рѣшеніи диванов по этому вопросу: едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что желанія населенія Княжествъ будутъ исполнены конгрессомъ. Общественное мнѣніе Европы указываетъ на вѣнскій кабинетъ, какъ на главнаго противника соединенія; въ послѣднее время распространились слухи, что не только Англія, но даже Турція готовы уступить общимъ желаніямъ Румыновъ, между тѣмъ какъ Австрія остается непоколебимымъ оплотомъ противодѣйствія этимъ желаніямъ. Если Англія болѣе или менѣе равнодушна къ рѣшенію вопроса о соединеніи Княжествъ, если справедливо, что сама Турція уступаетъ потоку общественнаго мнѣнія, то большинство голосовъ на парижской конференціи должно быть въ пользу соединенія. Лучшая часть населенія Княжествъ понимаетъ это. Она объявила въ своихъ программахъ о необходимости держаться въ предѣлахъ закона и спокойно идти къ желанной цѣли, чтобы не возбудить неблагопріятныхъ для своего дѣла опасеній въ великихъ державахъ. Провозглашая, что партія соединенія есть въ то же время партія прогресса, она строго придерживается началъ парижскаго трактата и желаетъ, чтобы осуществились слѣдующія предполагаемыя мѣры: соединеніе Княжествъ, нейтральность ихъ территоріи, сохраненіе внутренней самостоятельности, признанной трактатами, наслѣдственность главы государства, учрежденіе законодательнаго собранія, подчиненіе иностранцевъ, живущихъ въ Княжествахъ, общимъ законамъ страны, признаніе за Княжествами права заключать торговые трактаты, и подтвержденіе всѣхъ этихъ правъ великими державами. Общественное мнѣніе Европы горячо сочувствуетъ этой умѣренной и вмѣстѣ про-

(1) Русскій — г. Базили; французскій — баронъ Талейранъ; англійскій — сэръ-Генри Бульверъ; сардинскій — кавалеръ Бензи; турецкій — Саффетъ-эффенди; австрійскій — Лиманъ Пальмероде, и прусскій — г. Рихтгоффенъ.

грессивной программѣ, и питаетъ твердую надежду на полное ея осуществленіе. Въ этомъ смыслѣ высказались всѣ лучшіе органы европейской журналистики. Только австрійскіе журналы продолжаютъ увѣрять, что не одна Австрія, но и Англія съ Турціей придерживаются противнаго мнѣнія. Англійскіе журналы пока обходятъ этотъ щекотливый вопросъ, но рано или поздно имъ придется заговорить о немъ. Сомнительно, чтобы они рѣшились на рѣзкій разладъ съ общественнымъ мнѣніемъ и Княжествъ, и Европы.

Въ Константинополѣ и въ европейской журналистикѣ надѣлало много шуму слѣдующее обстоятельство, которое, какъ вообще полагаютъ, не можетъ имѣть важныхъ послѣдствій, но которое все-таки должно быть занесено въ лѣтопись текущихъ событій: одно англійское купеческое судно приняло въ Константинополѣ, такъ сказать на глазахъ турецкихъ начальствъ, значительный грузъ военныхъ запасовъ и доставило ихъ кавказскимъ горцамъ, промѣнявъ на нѣсколько сотъ невольниковъ, привезенныхъ на томъ же суднѣ въ Константинополь. Это случилось еще въ то время, когда отрядъ англійскаго флота находился въ Черномъ морѣ. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, г. Бутеневъ, обратилъ вниманіе Порты на это противозаконное дѣло, и тотчасъ назначено строгое изслѣдованіе, съ цѣлью отыскать виновныхъ и сдѣлать невозможными подобные случаи на будущее время. Англійскіе журналы приписываютъ настоящій случай тайнымъ сношеніемъ венгерскихъ эмигрантовъ, проживающихъ въ Константинополѣ, съ кавказскими горцами. Они утверждаютъ, что доставленное горцамъ оружіе было турецкое, а не англійское, и что въ числѣ Европейцевъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного Англичанина. Слѣдствіе уже окончено, но результатъ его еще не обнародованъ. Говорятъ, что виновными признаны двое пашей, и что они будутъ сосланы.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ объ англо-американскомъ и китайскомъ вопросахъ. Новый англійскій посланникъ лордъ Напиръ былъ отлично принятъ въ Соединенныхъ Штатахъ новымъ президентомъ, который прежде занималъ постъ американскаго посланника въ Лондонѣ; тѣмъ не менѣе Кларендонъ–Далласовъ трактатъ о Центральной Америкѣ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя уже сообщены въ Лондонъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ журнальные толки объ этихъ измѣненіяхъ, мы ограничимся тѣми свѣдѣніями, которыя сообщены въ лондонской газетѣ Morning–Post, признанной за органъ англійскаго министерства.

Извѣстно, что цѣлью трактата было полюбовное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ по дѣламъ Центральной Америки. Въ трактатѣ было предположено опредѣлить въ точности границы между штатами Никарагво и Коста-Рика ; въ силу 3–й статьи трактата Москитосскимъ Индійцамъ предоставлено право самоуправленія въ на-

значенной имъ области. Сѣверо-Американскій сенатъ измѣнилъ это условіе съ цѣлью совершенно устранить англійское вліяніе на Москитосскихъ Индѣйцевъ. Статья, которою Англія и Соединенные Штаты обязались не дѣлать штатамъ Никарагва и Коста-Рика никакихъ другихъ, болѣе выгодныхъ предложеній, если они откажутся ратификовать трактатъ, исключена изъ проекта. Эти повидимому не важныя измѣненія свидѣтельствуютъ о томъ, какъ тщательно противодѣйствуютъ Соединенные Штаты англійскому вліянію не только на Москитосовъ, но и вообще на дѣла Центральной Америки. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ трактату измѣнено условіе, запрещавшее вводить невольничество на островахъ Бухты—колоніи, недавно уступленной Англіею Гондурасской республикѣ. Въ конвенціи, заключенной по этому поводу между Англіею и Гондурасомъ, въ 1855 году, было прямо сказано, что невольничество никогда не можетъ быть введено на этихъ островахъ. По видимому Англія не соглашается одобрить послѣднее измѣненіе: приписывая его вліянію приверженцевъ невольничества, органъ англійскаго министерства съ негодованіемъ протестуетъ противъ видовъ этой партіи и противъ того учрежденія, которое она отстаиваетъ; за то, Англія готова на уступки по нѣкоторымъ пунктамъ трактата, такъ что дѣло уладится окончательно посредствомъ взаимныхъ уступокъ.

Устраняя Англію отъ вліянія на дѣла Центральной Америки, правительство Соединенныхъ Штатовъ, благодаря цвѣтущему состоянію своихъ финансовъ и крайнему разстройству финансовъ Мексики, продолжаетъ пріобрѣтать покупкой новыя области. По словамъ американскихъ журналовъ, между Соединенными Штатами и Мексикою вскорѣ состоится трактатъ, въ силу котораго мексиканское правительство уступитъ Американскому союзу Сонору, Синалоу и Нижнюю Калифорнію съ большимъ заливомъ того же имени. за 12—15 мил. долларовъ, изъ коихъ три мил. будутъ удержаны на вознагражденіе американскихъ же гражданъ, имѣющихъ денежныя претензіи на мексиканское правительство. Съ уступкою помянутыхъ земель учредится правильное пароходное сообщеніе между Новымъ Орлеаномъ и Вера-Крусомъ, которое, по замѣчанію американскихъ журналовъ, можетъ оказать большія услуги Мексикѣ, въ случаѣ, если бы Испанія объявила ей войну. Американцы надѣются возобновить свои попытки противъ острова Кубы, если эта война состоится. Понятно, что Франція и въ особенности Англія стараются своимъ посредничествомъ уладить дѣло между анархическою республикой и бывшею ея метрополіей, совѣтуя Мексикѣ по возможности исполнить требованія Испаніи.

Перейдемъ ко внутренней политикѣ отдѣльныхъ государствъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 5-го февраля нынѣшняго года утверждено разсмотрѣнное въ кабинетѣ министровъ представленіе г. новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора о мѣрахъ пособія тѣмъ жителямъ Бессарабіи и Новой Россіи, которые въ особенности пострадали отъ минувшей войны. Въ видахъ помощи будутъ приняты слѣдующія мѣры: 1) Для точнаго изслѣдованія о пострадавшихъ лицахъ, а также и степени понесенныхъ ими ущербовъ, будутъ открыты особые комитеты. Изъ нихъ одинъ, подъ названіемъ *главнаго*, будетъ открытъ въ Одессѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ высшихъ чиновъ мѣстнаго управленія и почетнѣйшихъ мѣстныхъ жителей разныхъ сословій, по его выбору. Кромѣ того въ главномъ комитетѣ должны находиться депутаты отъ министерствъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ. 2) Мѣстные комитеты будутъ открываемы по усмотрѣнію генералъ-губернатора. Они будутъ находиться подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, и въ нихъ, кромѣ высшихъ лицъ мѣстнаго управленія, непремѣнно должны присутствовать депутаты отъ сословій. 3) Свѣдѣнія, собранныя въ мѣстныхъ комитетахъ, должны быть повѣрены въ главномъ. На основаніи ихъ составляется общій списокъ нуждающихся жителей. Этотъ списокъ препровождается, для разсмотрѣнія, чрезъ генералъ-губернатора къ министру внутреннихъ дѣлъ, а отъ него поступаетъ въ комитетъ министровъ, для испрошенія чрезъ него высочайшаго разрѣшенія. 4) Такъ какъ въ подобной повѣркѣ неизбѣжна нѣкоторая медленность, а между тѣмъ можетъ встрѣтиться необходимость въ немедленномъ вспомоществованіи, то для послѣдней цѣли, кромѣ имѣющихся въ распоряженіи генералъ-губернатора остатковъ, еще ассигнуется ему изъ государственнаго казначейства пятьсотъ тысячъ рублей серебромъ. 5) Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется открыть подписку въ пользу потерпѣвшихъ жителей.

Порядокъ вспомоществованія и облегченія потерпѣвшимъ жителямъ предлагается установить слѣдующій: 1) Весь Новороссійскій край будетъ раздѣленъ на *три* разряда. Къ *первому* разряду должны быть отнесены тѣ мѣстности, которыя хотя и несли вслѣдствіе войны усиленныя повинности, но не подверглись чрезъ то значительному разстройству въ хозяйствѣ. Ко *второму*— всѣ мѣстности, которыя, при безпрерывномъ отправленіи чрезвычайныхъ воинскихъ повинностей, хотя и сохранили нѣкоторую часть своего имущества, но не имѣютъ способовъ къ скорому возстановленію всего хозяйства. Къ *третьему* разряду будутъ причислены тѣ мѣста, которыя отъ военныхъ дѣйствій подверглись крайнему разоренію. 2) Обывателямъ перваго разряда предоставляется всѣ подати, слѣдующія съ нихъ начиная съ 1-го января, внести въ концѣ года. Съ

обывателей втораго разряда взыскивается въ то же время только половина слѣдующихъ съ нихъ податей; а обыватели третьяго разряда вовсе освобождаются отъ платежа ихъ. 3) Пени за недоимки слагаются со всѣхъ трехъ рязрядовъ, а самыя недоимки взыскиваются съ слѣдующимъ облегченіемъ: со втораго разряда взысканіе недоимокъ пріостановляется на одинъ годъ, а съ третьяго на два года. Мѣстности третьяго разряда, кромѣ того, получатъ изъ министерства финансовъ недостающую сумму на покрытіе расходовъ земства. 4) Города: Севастополь, Керчь, Евпаторія и мѣстечко Балаклава вовсе освобождаются отъ платежа гильдейскихъ пошлинъ: Севастополь на *десять* лѣтъ, а прочіе на *пять* лѣтъ. Вся сумма гильдейскихъ повинностей, отсроченная прежде до окончанія войны, совершенно слагается со счетовъ. Кромѣ того всѣ эти города освобождаются на *шесть* лѣтъ отъ денежнаго сбора на земскія повинности и отъ военнаго постоя. По всѣмъ обязательствамъ съ казною, обезпеченнымъ залогомъ недвижимой собственности, побудительныя мѣры взысканія пріостанавливаются для мѣстностей втораго разряда на одинъ годъ, а для мѣстностей третьяго разряда на два года. Удостовѣренія въ понесеніи жителями убытковъ выдаются уѣздными предводителями дворянства, городскими думами и вообще начальствомъ, или мѣстными комитетами, гдѣ они будутъ открыты.

Изъ частныхъ распоряженій министерствъ особенно замѣчательны слѣдующія:

Въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» обнародованы мѣры къ сокращенію переписки. Эти мѣры главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Переписка по рекрутскимъ наборамъ, какъ о дѣлѣ экстренномъ, исключительно сосредоточена въ губернаторскихъ канцеляріяхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые закономъ отнесены къ обязанностямъ губернскихъ правленій. 2) Просьбы, поступающія къ губернскимъ прокурорамъ отъ людей, отыскивающихъ свободу изъ крѣпостнаго владѣнія, должны быть передаваемы въ судебныя мѣста не чрезъ губернскія правленія, а непосредственно чрезъ стряпчихъ. 3) Сокращена переписка въ земскихъ судахъ отмѣною двухъ неправильныхъ обыкновеній въ дѣлопроизводствѣ. При передачѣ въ судебное вѣдомство дѣлъ, происходящихъ между лицами различной подсудности, земскіе суды посылали съ нихъ копіи въ каждое вѣдомство. Вмѣсто этого велѣно посылать дѣло въ то мѣсто, куда оно должно поступить, не отправляя копій въ другія вѣдомства. Не велѣно также составлять докладныхъ записокъ по тѣмъ дѣламъ, которыя потомъ слушаются по протоколамъ. 4) Въ губернскихъ правленіяхъ отмѣнены журнальныя постановленія объ отвѣтныхъ донесеніяхъ Сенату по такимъ дѣламъ, по которымъ уже посланы исполнительные рапорты. — Какъ видно изъ этого изложенія, мѣры, принятыя министерствомъ, состоятъ въ сокращеніи формальностей и разрѣшеніи по мно-

гимъ случаямъ непосредственныхъ сношеній между присутственными мѣстами.

По представленію попечителя дерптскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, въ видѣ опыта, открывать при уѣздныхъ училищахъ округа параллельные классы для приготовленія учениковъ къ поступленію въ третій классъ гимназіи.

Скажемъ теперь о мѣрахъ, замышляемыхъ въ видахъ улучшенія общественнаго быта.

Здѣсь нельзя не упомянуть о дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе о производствѣ 10-й народной переписи, дѣйствительный членъ, академикъ Кеппенъ, обратился къ Обществу, въ засѣданіи 11-го октября прошлаго года, съ приглашеніемъ принять участіе въ дѣятельности правительства въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе предложенія г. Кеппена, совѣтъ Общества обратился къ г. министру финансовъ съ просьбою о допущеніи въ коммиссію, учреждаемую въ его управленіи для начертанія правилъ о производствѣ 10-й ревизіи, одного изъ членовъ Общества, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ предъявить при этомъ потребности науки въ отношеніи къ счисленію жителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ на особую спеціяльную коммиссію возложена обязанность сообщить совѣту подробныя соображенія о томъ, какую пользу могла бы наука извлечь нынѣ же, при производствѣ переписи, и вообще какія улучшенія могли бы быть введены при собираніи данныхъ о населеніи. Коммиссія составлена изъ дѣйствительныхъ членовъ: В. П. Безобразова, К. С. Веселовскаго, Ю. А. Гагемейстера, П. И. Кеппена и Е. И. Ламанскаго. Она представила совѣту записку, въ которой изложены слѣдующія главнѣйшія соображенія. Важнѣйшія качества и недостатки нашихъ народныхъ переписей условливаются, по мнѣнію коммиссіи, ихъ исключительною цѣлію. Эта цѣль есть финансовая. Отсюда главное достоинство нашихъ переписей—точность, ибо, съ одной стороны, невозможно намѣренное преувеличеніе народонаселенія, съ другой, возможность прописки и утайки устранена пенями. Другое достоинство состоитъ въ непремѣнномъ показаніи возраста. Но изъ этой же исключительно финансовой цѣли проистекаютъ и главные недостатки нашихъ переписей, которые, къ сожалѣнію, гораздо многочисленнѣе. Между ними первое мѣсто занимаетъ ихъ неполнота. Въ ревизскія сказки вносятся одни податныя сословія; другія или вовсе не вносятся, или вносятся только для счета, притомъ вообще невѣрно. Такъ какъ это обстоятельство ведетъ къ безполезности переписей въ научномъ отношеніи и лишаетъ само правительство многихъ важныхъ свѣдѣній, то было бы полезно производить перепись и неподатнымъ сословіямъ, поручивъ ее только не министерству финансовъ, а министерству внутреннихъ дѣлъ, ибо у насъ съ записку въ ревизію, производимую первымъ, соединена мысль о по-

датномъ состояніи. По министерству внутреннихъ дѣлъ явилась бы классификація раціональная, и распредѣленіе всѣхъ безъ изъятія жителей по разнымъ категоріямъ удовлетворяло бы статистика и экономиста. Тогда изчезли бы неопредѣленныя состоянія, въ родѣ разночинцевъ.—Далѣе, необходимо ввести въ перепись инородцевъ, а до времени можно бы требовать показаній отъ ихъ старшинъ. Другой, не менѣе важный, недостатокъ нашихъ переписей состоитъ въ ихъ безсрочности. Слѣдовало бы производить ихъ чрезъ опредѣленное время. Коммиссія считаетъ за лучшее принять десятилѣтній срокъ. Необходимо также производить счисленіе въ возможно короткое время. Если нельзя, какъ за границею, оканчивать его повсюду въ одинъ и тотъ же день, то все-таки надобно заботиться о непродолжительности переписи. Лучше откладывать срокъ ея, чѣмъ производить счисленіе въ разное время, потому что, вслѣдствіе этого, правительство лишено свѣдѣній о движеніи народонаселенія. Необходимо въ спискахъ обозначать племя, грамотность или безграмотность лицъ, также неизлѣчимые недостатки ихъ, какъ-то: глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и помѣшанныхъ. Эту мысль имѣлъ уже Петръ Великій, который при первой ревизіи повелѣлъ показывать «слѣпыхъ, весьма увѣчныхъ и дряхлыхъ, и дураковъ». На оба пола слѣдуетъ обращать при переписи одинаковое вниманіе. По окончаніи ревизіи слѣдуетъ сообщать списки въ губернскіе статистическіе комитеты для ученой обработки.

Составилась новая компанія для спасенія потонувшихъ судовъ и тяжестей, подъ названіемъ: «Гидростатъ», высочайше утвержденная въ 15-й день февраля нынѣшняго года. Учредители ея: статскій совѣтникъ Джуліани, губернскій секретарь Керръ и почетный гражданинъ Бритневъ. Складочный капиталъ компаніи въ 120 т. р. сереб. Компанія дѣйствуетъ на акціяхъ, изъ числа которыхъ учредители предоставляютъ въ свою пользу четыреста. Всѣхъ акцій предполагается выпустить тысячу двѣсти, каждая по сту рублей серебромъ. Если въ продолженіи двухъ лѣтъ со времени открытія подписки на акціи не будетъ разобрано восьми сотъ акцій, то компанія прекращается. Правленіе компаніи состоитъ изъ четырехъ директоровъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ. Директоръ долженъ быть владѣльцемъ не менѣе двадцати акцій. Сначала эту должность занимаютъ учредители, но, по прошествіи четырехъ лѣтъ, одинъ изъ нихъ увольняется, и на мѣсто его избирается акціонерами другой; впрочемъ, смѣняющійся директоръ можетъ быть снова выбранъ. Отчеты свои правленіе представляетъ общему собранію акціонеровъ. Право на подачу голоса предоставляется только тѣмъ изъ акціонеровъ, которые имѣютъ десять акцій. Пятьдесятъ акцій даютъ право на два голоса, сто—на три, а двѣсти и болѣе акцій—на четыре голоса. Акціи могутъ быть переданы; по искамъ на компанію, акціонеры отвѣ-

чаютъ только своими вкладами. Для спасенія потонувшихъ судовъ компанія употребляетъ особый снарядъ, называемый гидростатомъ, отъ котораго заимствуетъ и свою фирму.

Въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ обнародовано объ отпущеніи на волю нѣсколькими помѣщиками ихъ крестьянъ, съ предоставленіемъ имъ въ собственность находящихся въ ихъ пользованіи поземельныхъ участковъ.

Въ Англіи всѣ интересы сосредоточены до сихъ поръ на парламентскихъ выборахъ. Политика кабинета все болѣе и болѣе торжествуетъ. Оппозиція потерпѣла сильный уронъ. Замѣчательнѣйшіе изъ ея представителей не были выбраны. Такой участи подверглись три главнѣйшіе члена партіи мира, вожди такъ-называемой манчестерской школы: гг. Кобденъ, Брайтъ и Гибсонъ. Г. Лейярдъ тоже не былъ выбранъ. Но гг. Гладстонъ и Робокъ будутъ членами новаго парламента. Выборы города Лондона, которые обращали на себя особенное вниманіе, какъ и слѣдовало ожидать, оказались благопріятны министерству: лордъ Джонъ Россель, хотя и былъ выбранъ, но только третьимъ кандидатомъ. Всѣхъ кандидатовъ четверо. Изъ нихъ трое, по всей вѣроятности, будутъ поддерживать кабинетъ.

Надобно отдать справедливость лорду Пальмерстону въ искусствѣ и ловкости, съ которою онъ защищаетъ свою политику на происходящихъ выборахъ. Пользуясь всякимъ случаемъ для ея защиты, онъ безпрестанно, въ публичныхъ рѣчахъ, объясняетъ ея направленіе и старается отклонить отъ нея всевозможные упреки. Случаи къ этому представляются тѣмъ чаще, что выборы составляютъ настоящій тріумфъ для перваго министра. Такъ, по поводу окончанія выборовъ въ мѣстечкѣ Тивертонѣ, лордъ Пальмерстонъ обратился съ благодарственною рѣчью къ своимъ избирателямъ, и въ ней съ особенною заботливостію отклонялъ отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи захватить въ свои руки диктатуру, чего такъ опасались г. Кобденъ и его партія. При той государственной организаціи, какою пользуется Англія, такое опасеніе, по словамъ перваго министра, лишено всякаго основанія, ибо въ томъ случаѣ, еслибы народъ лишилъ своего довѣрія теперешнее правительство, то на слѣдующихъ же выборахъ оно потерпѣло бы пораженіе на-голову. Подобная рѣчь была также произнесена лордомъ Пальмерстономъ на банкетѣ, происходившемъ недавно по случаю открытія Атенеума. Мы не станемъ передавать подробностей этихъ рѣчей. Въ сущности онѣ повторяютъ то, что̀ уже было прежде говорено первымъ министромъ, и что̀ въ свое время было сообщено нашимъ читателямъ. Замѣтимъ только, что во всѣхъ рѣчахъ своихъ лордъ Пальмерстонъ исключительно опирается на два обстоятельства: на соотвѣтствіе своей политики достоинству и желаніямъ націи, и на разнородный составъ оппози-

ціи, которой, еслибы она была призвана къ управленію дѣлами, было бы трудно согласиться насчетъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, потому что единственная связь ея членовъ есть общая вражда ихъ къ министерству. О томъ, какимъ образомъ кабинетъ будетъ дѣйствовать при новомъ парламентѣ въ дѣлѣ ожидаемыхъ реформъ, до сихъ поръ не сказано ни слова. Правда, государственные люди Англіи вообще рѣдко прибѣгаютъ къ общему изложенію своихъ началъ, довольствуясь обыкновенно объясненіемъ своихъ мнѣній относительно того или другаго частнаго вопроса; поэтому естественно, что лордъ Пальмерстонъ занялся въ своихъ рѣчахъ по преимуществу тѣми вопросами, которые теперь стоятъ на очереди. Но съ другой стороны, въ словахъ перваго министра выразилось и особенное направленіе его собственной политики, по преимуществу внѣшней и личной. По увѣренію нѣкоторыхъ журналовъ, кабинетъ не хочетъ дѣлать никакихъ уступокъ, и новому парламенту будутъ предложены только самыя неважныя реформы. Такая настойчивость возбуждаетъ, несмотря на сочувствіе либеральныхъ партій, нѣкоторыя опасенія даже въ друзьяхъ министерства. Times, съ нѣкоторыхъ поръ постоянно защищающій политику лорда Пальмерстона, предостерегаетъ его однакоже отъ излишняго упоенія своимъ торжествомъ и совѣтуетъ ему обратить серіозное вниманіе на вопросы внутренней политики, безъ чего опора парламентскаго большинства будетъ для него совершенно безполезна. Любопытно, что этотъ журналъ, столь рѣзко отзывавшійся насчетъ оппозиціи, дѣлаетъ такое признаніе, которое напоминаетъ отчасти его же собственныя возраженія кабинету. Нельзя не сознаться, говоритъ онъ, что когда китайскій вопросъ будетъ покончень, то положеніе лорда Пальмерстона будетъ совершенно личное. Въ этомъ, по словамъ Times, нѣтъ еще существенной невыгоды, но именно такое положеніе обязываетъ его не терять изъ виду внутреннихъ вопросовъ, ибо, отказываясь отъ нихъ, онъ рискуетъ потерять со временемъ то большинство, которымъ располагаетъ нынѣ. Въ этихъ словахъ много правды. Настоящею своею побѣдой министерство въ особенности обязано практическому смыслу Англіи, которая хорошо поняла, что народное достоинство требуетъ немедленнаго разрѣшенія вопросовъ внѣшней политики; но въ ней нисколько не высказывается полное одобреніе дѣйствій кабинета относительно политики внутренней. Въ этомъ-то, кажется, надобно искать причины, почему нѣкоторые изъ министерскихъ журналовъ встрѣтили большимъ сожалѣніемъ слишкомъ сильную неудачу оппозиціи на выборахъ. Въ ихъ отзывахъ, на другой день побѣды, выразилось умѣнье англійской націи цѣнить заслугу, въ какомъ бы лагерѣ она ни встрѣчалась, и вѣрное пониманіе государственнаго организма. Такими сожалѣніями встрѣчено было неизбраніе гг. Брайта и Кобдена. Times

особенно сожалѣетъ объ отсутствіи послѣдняго изъ новаго парламента, признавая при этомъ, что политическая роль г. Кобдена далеко не кончена, и что безъ него палата не будетъ имѣть надлежащей полноты. Въ самомъ дѣлѣ, при сильномъ торжествѣ министерства, есть опасность, что палата не будетъ полнымъ представительствомъ страны, и, вслѣдствіе такой односторонности, оппозиціонное движеніе обнаружится внѣ ея.

Таковъ внутренній ходъ выборовъ. Что̀ касается до внѣшняго ихъ порядка, то спокойствіе, за немногими исключеніями, почти не было нарушено. Въ самой Ирландіи они происходили чиннѣе и нормальнѣе, чѣмъ когда-либо. Англійскіе журналы привѣтствуютъ этотъ фактъ, какъ очевидный признакъ прогресса. Числительный перевѣсъ министерской партіи опредѣлить еще довольно трудно. Онъ обозначится не ранѣе первыхъ засѣданій парламента. Въ будущую палату поступило уже нѣсколько жалобъ на неправильности выборовъ и подкупы.

Во Франціи въ послѣднее время приняты правительствомъ двѣ важныя мѣры: учрежденіе высшаго училища въ Алжирѣ и проведеніе тамъ желѣзныхъ дорогъ.

Первымъ распоряженіемъ продолжается цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ на пользу просвѣщенія въ Алжиріи. Почти на другой день, послѣ ея покоренія французское правительство старалось водворить тамъ цивилизацію. Съ 1832 до 1836 года постепенно было открыто нѣсколько мавро-французскихъ школъ какъ въ самомъ Алжирѣ, такъ въ Оранѣ и Бонѣ. Въ 1837 году въ Алжирѣ была основана школа французскаго языка для взрослыхъ Мавровъ. Въ 1839 г. правительство хотѣло завершить эти мѣры основаніемъ въ Парижѣ арабо-французской коллегіи, которая, по исконному мусульманскому обычаю, должна была въ одно время служить домомъ призрѣнія для путешественниковъ и мѣстомъ воспитанія для дѣтей. Это учрежденіе, возбудившее при своемъ началѣ самыя жаркія надежды, осталось однако безъ всякихъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Неуспѣхъ былъ неизбѣженъ, потому что мѣра не была строго обдумана и не соотвѣтствовала настоящимъ потребностямъ алжирскаго населенія. Существованіе школъ въ Алжиріи дѣлало для нея ненужнымъ отправленіе дѣтей въ далекую сторону, куда, въ добавокъ, не привлекало полное тамъ отсутствіе средствъ религіознаго образованія. Вслѣдствіе всего этого, коллегія не была даже открыта. Позволительно даже сомнѣваться, принесла ли бы она существенную пользу, еслибы и повела къ какимъ-нибудь результатамъ. Воротясь изъ Парижа, молодые люди принесли бы съ собою идеи, слишкомъ превышающія уровень просвѣщенія въ ихъ родинѣ, что̀, конечно, не примирило бы ихъ съ туземнымъ бытомъ, а ихъ полудикимъ соотечественникамъ внушило бы противъ нихъ самое сильное предубѣжде-

ніе. Послѣ 1839 года эта попытка долго не была возобновляема. Безпрестанная война въ Алжиріи мѣшала правительству заняться серіозно дѣломъ воспитанія. Только послѣ 1847 года, вслѣдствіе покоренія Абдъ-эль-Кадера, открылась возможность дѣйствовать для этой цѣли съ большею послѣдовательностію, и въ 1850 году республиканское правительство съ ревностію занялось этимъ вопросомъ. Алжирская школа была переименована въ лицей, и получила право содержать на казенный счетъ нѣсколько воспитанниковъ. Въ то же время въ разныхъ городахъ были заведены новыя школы какъ для мужскаго, такъ и для женскаго пола. Подъ конецъ года въ четырехъ городахъ были открыты училища для высшаго образованія. Новый декретъ 14-го марта даетъ этимъ благодѣтельнымъ мѣрамъ дальнѣйшее развитіе учрежденіемъ еще новаго, высшаго училища.

Декретъ изданъ вслѣдствіе доклада, представленнаго императору военнымъ министромъ, мэршаломъ Вальяномъ, и до нѣкоторой степени носитъ на себѣ слѣды своего происхожденія. Мы позволимъ себѣ поговорить о немъ подробно, потому что, кромѣ непосредственнаго своего интереса, онъ выражаетъ отчасти общее направленіе теперешняго правительства въ вопросахъ просвѣщенія. Главныя основанія его суть слѣдующія. Отказываясь отъ мысли учредить смѣшанное заведеніе, составленное на половину изъ Европейцевъ и туземцевъ, военный министръ поставляетъ непремѣннымъ условіемъ пріема принадлежность воспитанника къ мусульманскому населенію и исповѣданію. Этимъ, по его мнѣнію, устраняется возможность столкновеній въ религіозномъ направленіи при совмѣстномъ преподаваніи правилъ христіанства и исламизма. Европейцы могутъ быть приняты въ это училище только въ качествѣ экстерновъ. Въ коллегіи будутъ открыты вакансіи казеннокоштныхъ пансіонеровъ и полупансіонеровъ. Право на эти вакансіи принадлежитъ сыновьямъ какъ тѣхъ арабовъ, которые были въ военной службѣ, такъ и племенныхъ начальниковъ. Издержки содержанія отнесены на счетъ общаго бюджета, а не мѣстнаго управленія, ибо министръ справедливо смотритъ на распространеніе просвѣщенія въ Алжиріи, какъ на обще-французскій интересъ. Для испытанія воспитанниковъ установлены годичные экзамены. Организованъ надзоръ какъ за преподаваніемъ, такъ и за внутреннимъ управленіемъ коллегіи. Таковы главныя положенія доклада. Въ нихъ, конечно, много благодѣтельнаго, а время, безъ сомнѣнія, дастъ возможность развить ихъ и улучшить еще болѣе. Но между ними есть два, которыя никакъ нельзя одобрить и въ которыхъ выразились особые пріемы настоящаго правительства. Это, во-первыхъ, исключительный характеръ, приданный учрежденію запрещеніемъ принимать Европейцевъ, и во-вторыхъ, подчиненіе его военному начальству. Первая мѣра прикрывается въ докладѣ отсутствіемъ прозелитизма и желаніемъ предоставить полную свободу совѣсти.

Сверхъ того, она вытекаетъ изъ того общаго невѣрія, которое военные люди Франціи вообще питаютъ къ идеѣ о сліяніи въ Алжиріи двухъ народностей; но опытъ, какъ извѣстно, рѣшительно не оправдываетъ этого невѣрія. Вездѣ, гдѣ правительство допускало смѣшанныя школы, разная національность нисколько не препятствовала сближенію между воспитанниками. Напротивъ, оно совершалось легко и быстро и, конечно, со временемъ принесло бы значительные результаты на пользу просвѣщенія. Пріемы французской администраціи, вмѣсто того, чтобы подвигать это дѣло, замедляютъ его всѣми мѣрами, какъ будто племенной бытъ, въ которомъ живетъ теперь Алжирія, былъ призванъ къ вѣчному существованію. Такая археологическая любовь къ формамъ этого быта, такое стремленіе предупредить его естественное разложеніе, были бы совершенно непонятны, еслибы Journal des Débats не потрудился намъ объяснить ихъ тайное значеніе. Французское правительство проникнуто такимъ почтеніемъ къ разъединенію національностей не безъ нѣкоторыхъ своекорыстныхъ видовъ. Въ современномъ, полудикомъ положеніи Алжиріи, оно справедливо видитъ необходимое условіе для продолженія тамъ военнаго господства, и потому не очень заботится о сліяніи туземнаго населенія съ французскимъ. Едва ли не такою же мыслію проникнута и другая мѣра — подчиненіе воспитанниковъ военному надзору. Военный министръ не говоритъ даже въ своемъ докладѣ, намѣренъ ли онъ обратиться къ министру народнаго просвѣщенія для снабженія новаго училища преподавателями; а между тѣмъ такое обращеніе было бы совершенною необходимостію, потому что когда, въ 1848 году, часть алжирскихъ школъ (именно, всѣ немусульманскія) была передана въ вѣдомство министерства просвѣщенія, то послѣднее должно было перемѣнить всѣхъ преподавателей. Эти слабыя стороны доклада имѣютъ особенную важность, потому что выражаютъ ясно, какое начало кладетъ нынѣшнее правительство въ основѣ воспитанія. Стараясь всего болѣе о дисциплинѣ, оно, безъ всякаго сомнѣнія, не много сдѣлаетъ на этомъ поприщѣ въ интересахъ просвѣщенія.

Другимъ декретомъ, отъ 8-го апрѣля, въ Алжиріи предполагается провести сѣть желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлію облегчить сообщеніе между тремя провинціями этого края. За основаніе сѣти принята большая линія, параллельная съ моремъ, отъ Алжира до Константины и отъ Орана до Алжира. Къ этой линіи примкнутъ другія, направленныя отъ разныхъ портовъ. Южная сторона отъ главной линіи будетъ сообщаться съ нею посредствомъ уже существующихъ простыхъ дорогъ. Дѣло просвѣщенія, въ Алжиріи, безъ сомнѣнія, болѣе выиграетъ отъ этой мѣры, нежели отъ всѣхъ распоряженій военнаго министра.

Засѣданія законодательнаго собранія не представляютъ ничего

особенно интереснаго. Наиболѣе любопытное обстоятельство есть докладъ коммиссіи, назначенной для разсмотрѣнія бюджета. Изъ тщательнаго изслѣдованія коммиссія убѣдилась въ двухъ существенныхъ недостаткахъ управленія: вопервыхъ, министры слишкомъ злоупотребляютъ своимъ правомъ перечислять ассигнованныя имъ суммы изъ одной статьи расхода въ другую; вовторыхъ, слишкомъ легкое разрѣшеніе министерствамъ сверхъ-бюджетнаго кредита ведетъ къ непріятнымъ финансовымъ затрудненіямъ. Коммиссія обращаетъ особенное вниманіе законодательнаго собранія на эти два обстоятельства. Пренія по этимъ вопросамъ, если получатъ надлежащее развитіе, могутъ быть очень интересны, потому что оба эти недостатка естественно были вызваны усиленною дѣятельностію правительства въ послѣднее время.

Въ финансовомъ мірѣ самое замѣчательное событіе есть пересмотръ устава совѣтомъ французскаго банка. Въ видахъ помощи финансовымъ оборотамъ при всеобщемъ уменьшеніи количества звонкой монеты, французскій банкъ намѣренъ увеличить свой капиталъ, который будетъ простираться отъ 91 до 100 милліоновъ. Количество выпускаемыхъ акцій будетъ умножено до одного милліарда. Эти акціи, по преимуществу, должны были быть розданы прежнимъ акціонерамъ. Въ вознагражденіе за вновь даруемыя права, правительство, какъ было слышно, предоставляетъ себѣ право занимать у банка до суммы ста милліоновъ, платя при этомъ однимъ процентомъ менѣе, нежели частныя лица. Такіе слухи ходили на биржѣ около 15-го апрѣля. Результатомъ ихъ было мгновенное повышеніе акцій банка, которыя вдругъ поднялись на цѣлыхъ триста фр. Но вскорѣ послѣ этого акціи упали до прежней своей стоимости. Причиною такого необыкновеннаго колебанія въ акціяхъ банка, отличающихся особеннымъ постоянствомъ, выставляютъ слѣдующее обстоятельство. Вмѣсто того, чтобъ выпустить сто тысячъ акцій по 1000 фр., банкъ, какъ увѣряютъ, намѣренъ выпустить 35 т. акцій по 3000 и не дѣлать изъ нихъ особой серіи, а, напротивъ, слить ихъ въ одну серію съ прежними акціями. Проектъ объ этомъ, какъ увѣряютъ, представленъ государственному совѣту.

Во Франціи тоже приближаются выборы; но между тѣмъ какъ въ Англіи они возбуждаютъ такую страстную полемику и въ журналахъ и въ рѣчахъ государственныхъ людей на избирательныхъ собраніяхъ, во Франціи журналы молчатъ о выборахъ, и всѣ свѣдѣнія о нихъ приходится искать въ иностранныхъ изданіяхъ. Это не значитъ однако, чтобъ они не возбуждали къ себѣ никакого вниманія. Напротивъ, сколько можно заключить изъ немногихъ и сбивчивыхъ извѣстій, парламентскій интересъ гораздо сильнѣе въ настоящее время, чѣмъ въ предшествовавшіе года. Въ Парижѣ, по этому поводу, ходили темные слухи, возбудившіе всеобщее любопытство. Правитель-

ство недавно арестовало 42 человѣка, и эти аресты подали поводъ къ разнымъ толкамъ. Основываясь на нихъ, англійскіе журналы говорили объ огромномъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлію напасть нечаянно на императора и захватить его... По болѣе точнымъ извѣстіямъ, ничего подобнаго не было, и аресты вовсе не находятся въ связи въ существованіемъ какого-нибудь тайнаго общества. Они просто были вызваны желаніемъ оппозиціонныхъ партій имѣть своего представителя на будущихъ выборахъ. Такъ какъ въ департаментахъ префекты слишкомъ ревностно старались о недопущеніи неблагопріятныхъ правительству избирательныхъ комитетовъ, то множество послѣднихъ открылось въ Парижѣ. Правительство, разумѣется, сочло это для себя опаснымъ и прибѣгло къ арестамъ. О выборахъ во Франціи были внѣ ея разные слухи. Увѣряли, что Карно, Бетмонъ, Гинаръ и Жюль Фавръ намѣрены принять кандидатуру и дать для этой цѣли присягу; а Каваньякъ, Дюфоръ и Гудшо, по избраніи своемъ, откажутся отъ представительства. По позднѣйшимъ и, кажется, болѣе вѣроятнымъ извѣстіямъ, главы прежнихъ партій (исключая Ледрю-Роллена) не намѣрены были принимать участіе въ выборахъ. Если справедливо, что послѣдніе аресты были вызваны именно этими опасеніями, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство приметъ дѣятельныя мѣры противъ вмѣшательства партій.

Упомянемъ въ заключеніе объ одномъ проектѣ закона, который какъ-то странно встрѣтить въ современной Франціи. Извѣстно, что французское законодательство наказываетъ тюремнымъ заключеніемъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ незаконное ношеніе орденовъ и мундировъ. При Наполеонѣ I-мъ къ числу подобныхъ случаевъ было также отнесено присвоеніе непринадлежащихъ титуловъ. Тогда эта прибавка была понятна: въ это время признавались только тѣ титулы, которые были даны императорскимъ правительствомъ. Повѣрка ихъ была легка и всегда возможна, наказаніе за ихъ присвоеніе было естественно, потому что они тоже имѣли значеніе награды за службу. Реставрація, не произведшая никакихъ перемѣнъ въ кодексѣ, удержала и эту статью безъ всякаго измѣненія, хотя положеніе дворянства было уже совершенно другое. Съ возстановленіемъ Бурбоновъ во Францію воротилось все старинное дворянство, а ему иногда очень было бы трудно доказать свои титулы, несмотря на всеобщую, историческую извѣстность фамилій. Большая часть документовъ была уже утрачена съ теченіемъ времени, оставалось полагаться на общественную извѣстность. Къ этому надобно прибавить, что и значеніе дворянства измѣнилось. Со временъ революціи оно перестало пользоваться исключительными правами, а потому не было и никакой необходимости въ строгомъ надзорѣ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла палата, въ первые дни іюльскаго правительства, поспѣшила исключить изъ статьи кодекса безполезную фразу. Тогда эта мѣра не

возбудила никакихъ особенныхъ возраженій. Но при теперешнемъ правительствѣ, вслѣдствіе сильнаго придворнаго настроенія въ обществѣ, въ Парижѣ очень развились дворянскія стремленія. Общество наполнилось маркизами, графами и виконтами. Правительство, которое серіозно смотритъ на титулы, котораго почти первою заботою 2-го декабря было возстановить ихъ, намѣрено положить преграду этому злоупотребленію, и его журнальные органы всѣми силами поддерживаютъ возстановленіе завѣтной фразы въ кодексѣ. На такую заботливость нельзя смотрѣть безъ нѣкотораго удивленія. При теперешнемъ положеніи дворянства едва ли найдется достаточно средствъ обличенія противъ незаконнаго присвоенія титуловъ. Законъ долженъ будетъ или допустить давность и лишить себя возможности точнаго изслѣдованія, или напротивъ, не признавать титуловъ за такими фамиліями, которыя носятъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Замѣтимъ, что самый фактъ легкомысленнаго присвоенія титуловъ, какъ ни мало благороденъ его источникъ, всего лучше свидѣтельствуетъ, что въ современной Франціи вовсе нѣтъ настоящихъ сословныхъ элементовъ. Въ Англіи, гдѣ отъ временъ феодализма уцѣлѣло почтеніе къ аристократіи, едва ли былъ бы возможенъ подобный случай.

Извѣстія изъ Испаніи принимаютъ все болѣе и болѣе благопріятный характеръ, совершенно противоположный тому волненію, которое еще такъ недавно тамъ царствовало. Важное событіе для королевства составляютъ дѣятельныя мѣры, принятыя въ послѣднее время для проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Испаніи. Путевыя сообщенія до сихъ поръ тамъ еще въ жалкомъ состояніи. Въ Испаніи почти вовсе нѣтъ порядочныхъ дорогъ, и это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ грустныя послѣдствія разобщенія съ остальною Европой, которое отчасти условливается уже самою природой. Это разобщеніе сохранило, конечно, Испаніи ея оригинальный характеръ, но исключительная самостоятельность не принесла ей особенной пользы, а лишила ее только плодовъ европейскаго просвѣщенія. Недостатокъ сообщеній съ Франціей и между разными частями полуострова особенно невыгодно отзывался въ торговлѣ. Вотъ почему, несмотря на обыкновенную непредпріимчивость испанскихъ капиталовъ, тамошніе негоціанты поняли необходимость желѣзныхъ дорогъ и начали еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ линію отъ Мадрида до Аликанте, которой назначеніе соединить столицу съ Средиземнымъ моремъ. Три четверти этой линіи открыты еще два года тому назадъ. Но мѣстные капиталы не въ состояніи были одни выполнить свою задачу, и потому надобно было обратиться къ иностраннымъ капиталистамъ. Такъ образовалась компанія желѣзныхъ дорогъ отъ Мадрида до Аликанте, и отъ Мадрида до Сарагоссы. Въ этой компаніи, какъ слышно, принимаетъ значительное участіе домъ Ротшильда. Вся линія будетъ открыта не ранѣе четырехъ лѣтъ, но нѣкото-

рыя изъ ея вѣтвей будутъ открыты ранѣе. Этими вѣтвями сѣть испанскихъ дорогъ примкнетъ къ Франціи, сношенія съ которой усилятся также и посредствомъ линіи отъ Мадрида до Аликанте, потому что тогда морское сообщеніе между Аликанте и Марселью получитъ особенно важное значеніе для внутреннихъ провинцій королевства. Съ своей стороны, Франція будетъ извлекать отсюда значительныя выгоды, какъ единственная страна, которая на сухомъ пути будетъ посредницей между Европою и Испаніей. Все это не останется безъ важныхъ послѣдствій, и знаменитое выраженіе Лудовика XIV: «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ», которое до сихъ поръ было такъ невѣрно, сдѣлается наконецъ совершенною правдой. Правительство старается также о правильныхъ сообщеніяхъ. 6-го апрѣля въ офиціяльной мадридской газетѣ обнародованъ королевскій декретъ о займѣ въ 6 милліоновъ реаловъ на устройство дорогъ.

Выборы продолжаются въ большомъ спокойствіи, что̀ также почти новость для Испаніи. До сихъ поръ они постоянно оказываются благопріятны для правительства. Нѣкоторыя неправильности въ выборахъ, подавшія поводъ къ жалобамъ, не произвели никакого смущенія. Общественное мнѣніе вскорѣ убѣдилось, что въ этомъ не было ничего злонамѣреннаго. Небольшія волненія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остались безъ послѣдствій и были вскорѣ усмирены. Недавнее возстаніе работниковъ въ Каталоніи не имѣло никакого отношенія къ происходящимъ выборамъ. Оно было слѣдствіемъ борьбы ихъ съ фабрикантами, которые не хотятъ возвысить задѣльной платы. Для усмиренія этихъ безпокойствъ мѣстная власть сочла нужнымъ уничтожить всѣ вспомогательныя кассы и общества, существующія между работниками, оставивъ только тѣ изъ учрежденій подобнаго рода, которыя основаны лицами разныхъ сословій. Безпокойства однако еще отчасти продолжаются.

Единственное замѣтное происшествіе на выборахъ составляетъ манифестъ герцога Витторіи къ избирателямъ Барселоны. Въ этомъ манифестѣ маршалъ Эспартеро оправдываетъ свое поведеніе въ прошломъ году. Онъ говоритъ, что не могъ оставаться главою такого кабинета, котораго власть совершенно исчезала передъ вліяніемъ маршала о'Доннеля; но въ доказательство своего патріотизма указываетъ на свое поведеніе во время кризиса. Ему стоило, говоритъ онъ, стать во главѣ національной гвардіи, чтобы подвергнуть правительство самой серіозной опасности. Свое удаленіе во время смутъ онъ объясняетъ тѣмъ, что не видѣлъ со стороны королевы желанія воспользоваться его услугами и не хотѣлъ безполезно приносить въ жертву свое личное достоинство.—Манифестъ Эспартеро извѣстенъ только по разказамъ журналовъ. Неизвѣстно, позволитъ ли правительство обнародовать его въ подлинникѣ.

Засѣданія новыхъ кортесовъ начнутся съ перваго мая. По словамъ

испанскихъ журналовъ, правительство намѣрено сдѣлать преобразованіе въ составѣ сената. Онъ будетъ состоять изъ двухъ разрядовъ сенаторовъ: одни будутъ получать это званіе пожизненно отъ королевы, другіе будутъ состоять изъ архіепископовъ, генераловъ и грандовъ; ихъ сенаторское званіе перейдетъ къ ихъ дѣтямъ и будетъ наслѣдственнымъ.

Носятся слухи о перемѣнахъ въ составѣ министерства; правительство обнародовало всеобщую амнистію.

Въ Пруссіи послѣднія засѣданія нижней палаты были почти исключительно посвящены разсмотрѣнію предложенія депутата фонъ-Патова по поводу новыхъ налоговъ, предполагаемыхъ правительствомъ. Въ предыдущемъ Обозрѣніи мы изложили начало этого вопроса. Предложеніе г. Патова, подробно развитое имъ въ засѣданіи 24-го марта, перенесло вопросъ на болѣе общую почву и тѣмъ едва не вырвало побѣду изъ рукъ министерства. Г. Патовъ не удовольствовался простымъ разборомъ представленнаго налога. Онъ выразилъ требованіе, чтобъ министерство прежде обсужденія отдѣльныхъ налоговъ представило ясныя доказательства: 1) необходимости пополнить бюджетъ государства, 2) невозможности пополнить его иначе, какъ посредствомъ введенія новыхъ налоговъ, 3) чтобъ оно представило гарантіи, что новые доходы не будутъ употреблены ни на что другое, кромѣ предназначенной цѣли. Отсюда къ главному предмету преній присоединились два новые: вопросы о трехлѣтнемъ срокѣ военной службы, объ увеличеніи жалованья чиновникамъ. О преніяхъ по этимъ вопросамъ уже было сказано. Отъ нихъ палата перешла къ обсужденію количества тѣхъ финансовыхъ средствъ, которыми располагаетъ правительство. Въ блестящей, полной дѣльныхъ соображеній и остроумной рѣчи, г. Патовъ доказывалъ, что всѣмъ настоящимъ своимъ потребностямъ правительство въ силахъ удовлетворить существующими средствами, особенно при томъ увеличеніи доходовъ, которое офиціяльно показываетъ само министерство финансовъ. Въ случаѣ, если бы эти средства оказались недостаточны, онъ совѣтовалъ прибѣгнуть къ сбереженіямъ, или къ продажѣ государственныхъ имуществъ. Доводы г. Патова и другихъ членовъ оппозиціи опровергали президентъ совѣта министровъ и министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Рѣчь перваго, краткая и сильная, произвела большое впечатлѣніе, хотя сила ея была болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя. Другіе два министра занялись практическою стороной вопроса. Пренія продолжались еще три засѣданія, 26-го 28-го и 30-го марта. Наконецъ одинъ изъ проектовъ — о возвышеніи налога на соль—былъ принятъ, но весьма слабымъ большинствомъ 164 голосовъ противъ 150. Проектъ налога на строенія былъ, напротивъ, отвергнутъ очень сильнымъ большинствомъ—241 голоса противъ 73. Неутвержденіе послѣдняго налога ставитъ правительство въ затруд-

нительное положеніе. Неизвѣстно, какимъ способомъ оно покроетъ теперь свои издержки. Пренія нижней палаты въ Пруссіи представляли большой интересъ. Нельзя не обратить вниманія на тотъ стройный порядокъ, въ которомъ они происходили. Несмотря на соединеніе противъ министерства людей разныхъ партій, рѣчи противниковъ отличались взаимнымъ уваженіемъ, и едва ли самое принятіе налога на соль не было вынуждено намекомъ перваго министра на то, что иначе кабинетъ будетъ принужденъ подать въ отставку. Нападая на министерство, г. Патовъ высказалъ мысль, которая доказываетъ, что въ Пруссіи понимается настоящее значеніе представительнаго правленія. Онъ особенно отклонялъ отъ себя подозрѣніе въ постоянной оппозиціи, въ оппозиціи по принципу, и сказалъ по этому поводу, что пора бы перестать глядѣть на членовъ палаты, какъ на естественныхъ враговъ правительства. Палата наравнѣ съ кабинетомъ есть необходимый органъ государственнаго тѣла и также, съ своей точки зрѣнія, стремится къ тому, что̀ почитаетъ благомъ для престола и отечества.

Въ томъ же засѣданіи 30 марта нижняя палата утвердила издержки, сдѣланныя въ 1856 г. военнымъ министромъ изъ числа 30 милліоновъ тал. экстраординарнаго кредита, открытаго министерству въ 1854 году.

Верхняя палата приняла законы о налогахъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Трактатъ о зундской пошлинѣ утвержденъ, но въ нижней палатѣ встрѣтилъ нѣкоторое раздраженіе. 4 апрѣля засѣданія палатъ прекращены, по случаю праздниковъ, до мая.

Въ Даніи произошелъ 10 апрѣля министерскій кризисъ, котораго, вслѣдствіе разногласія министровъ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ, давно уже слѣдовало ожидать. Извѣстно, что г. Андре, президентъ совѣта, принялъ управленіе дѣлами подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ главнѣйшія распоряженія каждаго изъ министерствъ въ его отдѣльномъ вѣдомствѣ получали утвержденіе въ совѣтѣ и безъ этого не могли быть приведены въ исполненіе. Это условіе естественно должно было повести къ столкновенію между президентомъ, принадлежащимъ къ датской партіи, и министромъ иностранныхъ и голштинскихъ дѣлъ, г. Шеле. Несогласіе межлу ними вспыхнуло въ засѣданіи 8 апрѣля, и вслѣдствіе его кабинетъ подалъ въ отставку. Король сначала не принялъ просьбы, но потомъ долженъ былъ уступить настояніямъ министерства. Составъ новаго кабинета еще неизвѣстенъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ правительство подвергло обсужденію конгресса законъ о пониженіи таможенныхъ пошлинъ, который послѣ долгаго и зрѣлаго обсужденія былъ утвержденъ и получилъ силу закона. Онъ вступитъ въ дѣйствіе 1-го іюля. Главныя основанія новой мѣры заключаются въ слѣдующемъ. Извѣстно, что въ

Соединенныхъ Штатахъ еще взимались пошлины съ нѣкоторыхъ сырыхъ матеріаловъ. Всѣ предметы этого рода теперь совершенно освобождены отъ всякаго налога. Пошлины съ фабричныхъ произведеній понижены на нѣсколько процентовъ, въ слѣдующей пропорціи: предметы, обложенные пошлиною въ 40 процентовъ, платятъ только 30 процентовъ; тѣ, которые платили 30, будутъ платить 24, вмѣсто 25 пр. взыскивается 19, вм. 20 — 15, вм. 15 — 12, вм. 10 — 8, вм. 5—4. Въ цѣломъ своемъ объемѣ это—довольно значительное пониженіе, и оно безъ сомнѣнія благодѣтельно отзовется въ торговыхъ сношеніяхъ Союза.

Говоря о финансовыхъ мѣрахъ американскаго правительства, нельзя оставить безъ вниманія отчетъ, недавно обнародованный секретаремъ казначейства, о расходахъ изъ прошлогодняго бюджета, то-есть до 30 іюня 1856. Въ этомъ отчетѣ находимъ слѣдующія любопытныя цифры. Въ 1855—56 году въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ привозъ заграничныхъ товаровъ простирался до суммы 315 мил. долларовъ (то-есть 1,680 мил. фр.). Изъ этой суммы предметовъ, освобожденныхъ отъ всякой пошлины, ввезено на 304 мил. Остальные были обложены умѣренною пошлиной. Отпускъ простирался до суммы 327 мил. долларовъ (1,744 мил. франковъ). Изъ этой суммы надобно исключить иностранные товары, которыхъ вывезено на 87 мил. франковъ; слѣд. собственно американскій отпускъ должно оцѣнить въ 1,657 мил. фр. Между предметами отпуска первое мѣсто принадлежитъ земледѣльческимъ продуктамъ. Хлѣбъ, овощи, табакъ и хлопчатая бумага отпущены въ такомъ значительномъ количествѣ, что этимъ само собою объясняется сильное требованіе, обнаружившееся въ прошломъ году, на европейскія мануфактурныя произведенія. Отпускъ мануфактурныхъ произведеній, напротивъ, сравнительно былъ очень незначителенъ. Онъ простирался только на сумму 417 мил. фр. Это составляетъ едва десятую часть англійскаго отпуска. Но если мы обратимъ вниманіе на отпускъ въ предыдущіе года, то увидимъ, что и въ этомъ отношеніи Сѣверная Америка сдѣлала гигантскіе шаги. Десять лѣтъ тому назадъ, отпускъ мануфактурныхъ произведеній едва доходилъ до суммы ста мил.

Но между тѣмъ, какъ финансовое положеніе Америки такъ блистательно обрисовывается при самомъ началѣ новаго правительства, не замедлилъ также обнаружиться самый грустный результатъ системы, принятой г. Букананомъ въ наиболѣе важномъ вопросѣ внутренней политики. Мы говорили по поводу посланія новаго президента, какимъ образомъ онъ поставилъ вопросъ о невольничествѣ. Уже тогда можно было предвидѣть, что демократическая партія, снова достигшая въ лицѣ его управленія Союзомъ, не остановится въ своей побѣдѣ на подтвержденіи прежнихъ сдѣлокъ по этому вопросу. Въ самомъ дѣлѣ недавно верховный судъ Союза постановилъ правило, идущее далѣе

сдѣлки 1850 года, далѣе билля о Небраскѣ 1854 г., правило, грозящее безъ сомнѣнія немаловажными бѣдствіями въ будущемъ. Вотъ какъ оно возникло. Одинъ негръ, по имени Дретъ Скоттъ, въ настоящее время находящійся въ невольническомъ состояніи въ штатѣ Миссури, отыскиваетъ свободы въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Онъ основываетъ свои права на слѣдующемъ обстоятельствѣ. За двадцать лѣтъ передъ этимъ его тогдашній господинъ, отправляясь въ г. Иллинойсъ, взялъ его съ собою. Въ Иллинойсѣ, какъ конституціею штата, такъ и положеніемъ, изданнымъ въ 1787 году Джефферсономъ, невольничество было совершенно запрещено. Потомъ онъ ѣздилъ съ своимъ господиномъ въ Небраску, гдѣ это «учрежденіе» тогда еще тоже не существовало. Въ обѣихъ мѣстностяхъ онъ прожилъ по нѣскольку лѣтъ, вовсе не подозрѣвая своего права. Но наконецъ онъ узналъ объ немъ и сталъ отыскивать свободы передъ судебными мѣстами штата Миссури. Случай былъ самый простой и разрѣшался очень легко. Въ тысячѣ подобныхъ случаевъ всѣ судебныя мѣста рѣшали въ пользу свободы. Въ практикѣ образовалось юридическое правило, по которому негръ, пріѣхавшій въ свободный штатъ съ согласія своего господина, дѣлается свободнымъ, хотя бы даже самъ не зналъ о своемъ правѣ и послѣ жилъ у своего господина въ невольническомъ штатѣ. Такого рѣшенія слѣдовало ожидать и по дѣлу Скотта, но когда, въ 1854 году, оно поступило на ревизію высшей инстанціи въ Миссури, раздраженіе демократической партіи достигло высшихъ предѣловъ, и бѣдному негру было отказано въ свободѣ. Верховный судъ штата, признаваясь съ наивною откровенностію въ своемъ приговорѣ, что слѣдодало бы освободить просителя, рѣшился однако оставить его въ рабствѣ, на томъ основаніи, что при враждебномъ настроеніи сѣверныхъ штатовъ, не слѣдуетъ угождать имъ. Само собою разумѣется, истецъ не удовольствовался такимъ рѣшеніемъ и перенесъ свое дѣло въ союзный верховный судъ, составляющій для всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ самую высшую инстанцію. Союзный верховный судъ подтвердилъ рѣшеніе суда въ Миссури. Свой незаконный приговоръ онъ не устыдился поставить подъ защиту союзной конституціи и великихъ основателей республики, ложно приписывая имъ такія мысли, которыхъ они никогда не имѣли. По мнѣнію верховнаго суда, Дредъ Скоттъ не имѣлъ даже права обратиться къ нему съ просьбой, ибо эта высшая инстанція для гражданъ Америки, а негръ не гражданинъ. Конституція, говоритъ приговоръ, имѣетъ въ виду только бѣлыхъ; гдѣ сказано въ ней: «люди», тамъ слѣдуетъ подразумѣвать: «бѣлые»; а негръ есть просто собственность, и т. д. Нечего и говорить, какъ мало справедливаго въ этихъ толкованіяхъ. Основатели республики не только не освятили невольничества, но вездѣ тщательно избѣгали дать ему это освященіе.

Кто вспомнитъ, что рѣшенія верховнаго Суда имѣютъ въ Америкѣ силу закона для всѣхъ штатовъ, тотъ легко пойметъ, какой страшный шагъ сдѣлало американское правительство. Въ сущности этимъ рѣшеніемъ уничтожается различіе между свободными и невольническими штатами. Но рѣшенъ ли этимъ самый вопросъ? Конечно нѣтъ; только новымъ закономъ борьба перенесена на болѣе широкое поле, вмѣсто того, чтобъ сталкиваться въ вопросахъ второстепенныхъ; и демократы можетъ-быть, создали себѣ этимъ такія затрудненія, за которыя ихъ не вознаградитъ временная побѣда.

СМѢСЬ

ИЗОБЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

Позвольте мнѣ, м. г., появляться отъ времени до времени въ вашемъ журналѣ подъ этою рубрикой. Мнѣ кажется — простите мнѣ эту самоувѣренность,—что я не совсѣмъ лишній человѣкъ для вашего журнала, что меня не доставало вамъ, и что недостатокъ этотъ — еще разъ простите — былъ немножко ощутителенъ. Объяснюсь опредѣленнѣе.

Вопреки задорнымъ возгласамъ журнальныхъ борзописцевъ, вы устояли на своемъ, вы не измѣнили, высказаннымъ вами, правиламъ, вы не вдались въ фельетонныя сплетни, убереглись отъ презрѣнной полемики заднихъ дворовъ журнэлистики, и публика отдала вамъ справедливость. Я не буду хвалить васъ,—потому что простое приличіе заставитъ васъ выпустить изъ моего письма всѣ хвалебныя выраженія, а я хочу, чтобы оно было напечатано вполнѣ безъ всякихъ передѣлокъ и пропусковъ, какъ вышло изъ-подъ моего пера,—но я смѣло могу выразить мое сочувствіе вашимъ литературнымъ правиламъ, а вы можете съ неменьшею смѣлостію напечатать это выраженіе моего сочувствія въ вашемъ журналѣ, тѣмъ болѣе что мое скромное, даже, можетъ-быть, нѣсколько странное и неизвѣстное публикѣ имя не придастъ ни малѣйшаго блеска «Русскому Вѣстнику». Но вы не отказывались вести дѣльную полемику; вы обѣщали безпощадно разоблачать ложь и злонамѣренность. Въ вашемъ журналѣ встрѣчались статьи, которыя останутся памятны этимъ двумъ сестрицамъ. Спа-

сибо вамъ за нихъ, но мнѣ кажется, что подобныя разоблаченія могли бы являться у васъ почаще. Вы назовете меня желчнымъ человѣкомъ, и удивитесь, что я какъ будто бы желаю, чтобы чаще встрѣчались такія явленія, которыя требуютъ изобличенія. Нѣтъ, напротивъ, я скорблю, что такія явленія встрѣчаются у насъ слишкомъ часто; мнѣ только кажется — и объ этомъ я тоже скорблю немного,—что эвмениды ваши ужь слишкомъ хромаютъ, что онѣ не поспѣваютъ за своими прыткими жертвами, что нѣкоторыя отмѣченныя для нихъ жертвы ускользаютъ отъ нихъ. Позвольте жь мнѣ поступить въ разрядъ вашихъ эвменидъ; я, право, пригожусь вамъ, тѣмъ болѣе что у меня есть товарищи, которые, надѣюсь, не отстанутъ отъ меня.

Впрочемъ, не подумайте, что я поощряю васъ къ *борьбѣ*, на которую на дняхъ вызывалъ всѣхъ и каждаго появившійся въ Москвѣ еженедѣльный листокъ «Молва». Борьба не шутка. Можно погорячиться о борьбѣ, какъ можно, по выраженію поэта, —за ужиномъ

Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Но дѣйствительная, и притомъ, какъ желаетъ упомянутый листокъ, честная, добросовѣстная (мнѣ кажется довольно бы ужь одной честной или одной добросовѣстной), безпощадная борьба — дѣло нелегкое. Да и надобно предъявить еще прежде свое право на борьбу. Съ кѣмъ борьба? За что борьба?

Говорятъ, боритесь съ «Русскою Бесѣдою». Но за что же съ нею бороться? Многіе изъ ея сотрудниковъ—люди умные и даровитые; многое читаешь въ ихъ журналѣ съ удовольствіемъ и сочувствіемъ. Если же между хорошимъ, попадается и плохое, и ошибочное, то это неизбѣжно въ совокупной дѣятельности; надобно только пожелать, чтобъ къ «Русской Бесѣдѣ» льнуло поменѣе всякой плохой и бездарной всячины; ну, да это можно пожелать всякому журналу. Написанное въ «Русской Бесѣдѣ» самимъ ея редакторомъ, на котораго прежде всего падаетъ отвѣтственность за изданіе, по большей части очень умно, дѣльно, благородно. За что же съ нимъ бороться? Если бы вамъ случилось указать на какую-либо односторонность или ошибочность въ его статьяхъ, или въ статьяхъ другихъ, ближайшихъ его сотрудниковъ, то называть это борьбою, и притомъ борьбою съ цѣлою свитой громоносныхъ прилагательныхъ, болѣе ужасныхъ чѣмъ самая борьба, было бы немножко смѣшно. Да, вы можете замѣтить свое разногласіе въ какомъ-либо отношеніи съ тою или другою статьей вашего журнала, съ тѣмъ или другимъ изъ вашихъ сотрудниковъ: неужели же это будетъ борьба? Правда, что въ «Русской Бесѣдѣ», или въ такъ-называемыхъ славянофилахъ, замѣтно желаніе составить особый кругъ, особое направленіе, исключительную котерію; но то, что̀ состав-

ляетъ ихъ характеристическую особенность, собственно славянофильское, не заслуживаетъ борьбы. Это смутная примѣсь къ доброму и умному, примѣсь, отъ которой никакой человѣкъ не бываетъ совершенно свободенъ, но которая, къ сожалѣнію, пріобрѣтаетъ неожиданную и какъ бы принудительную силу, коль скоро станетъ общимъ достояніемъ двухъ–трехъ человѣкъ. Это неясныя и сбивчивыя понятія, недомысленныя мысли, фактическое незнаніе и матеріяльныя ошибки; но все это стѣснительно и вредно только для своихъ владѣльцевъ, со всѣмъ этимъ они сами должны бороться, чтобы высвободить изъ этой примѣси свой умъ, свои дарованія, лучшее своей мысли. Изъ всѣхъ этихъ непріятностей не построишь никакой партіи, не сладишь никакого направленія, не сдѣлаешь никакого знамени. Борьба—дѣло хорошее, борьба есть долгъ, когда рѣчь зайдетъ о поступкѣ, о непремѣнномъ и неукоснительномъ выборѣ между *да* или *нѣтъ*; борьба есть долгъ, когда вопросъ получаетъ практическій характеръ, и тутъ ужь нечего разбирать противниковъ. Но когда рѣчь идетъ о вопросахъ общихъ, когда и вопросы–то еще не поставлены, когда претендентами на особое направленіе ровно ничего не сдѣлано въ духѣ своего направленія, когда эта особенность выражается, какъ сказано, въ сбивчивости понятій, въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, да еще въ нѣкоторыхъ маленькихъ странностяхъ, то къ чему же тутъ вызовъ на борьбу? Если г-ну N нравится шапка безъ козырька, или, напримѣръ, костюмъ въ родѣ поддевки, а другому въ родѣ армяка, то изъ чего же тутъ биться? И что за неблагодарная и жалкая роль ловить чужія ошибки и промахи, что за печальная роль постоянно браниться съ людьми хорошими и почтенными, и колоть имъ глаза ихъ случайными недостатками и странностями, заводить querelle d'Allemand, ссориться изъ пустаго? Для публики это скучно, для дѣла совершенно безполезно. Но, скажутъ, это было бы полезно для виновниковъ; указаніе ихъ промаховъ и ошибокъ послужило бы имъ въ урокъ, помогло бы имъ выпутаться изъ ложнаго положенія, освободить свои понятія отъ смутной примѣси. Такъ бы казалось; но кто имѣетъ опытность въ человѣческомъ сердцѣ, тотъ не скажетъ этого. Въ томъ-то и бѣда человѣка, что въ темной глубинѣ его души, не свѣдомо ему самому, кипятится котелокъ самомнѣнія, которое (врагъ лукавъ!) можетъ обманывать даже своего хозяина и изъ личнаго прикидываться напримѣръ народнымъ. Вотъ, кажется, безгрѣшное, святое возношеніе мысли,— а смотришь, оно подогрѣвается котелкомъ самомнѣнія. Кажется, чего бы лучше сознаться въ своей ошибкѣ, когда она намъ указана, и отречься отъ нея; и чѣмъ громче, чѣмъ общественнѣе подобное сознаніе, тѣмъ, кажется, было бы больше заслуги. Такъ бы оно и было, если бы не брать въ разсчетъ потаеннаго котелка. Бываетъ, напротивъ, что человѣкъ, впрочемъ, и очень добросовѣстный, и очень умный, невольно ожесточается, когда ему указываютъ его промахи, и

par dépit отстаиваетъ заблужденія, какъ бы улика ни была явна; человѣкъ можетъ спорить противъ всякой очевидности. Результатъ получится противный ожиданію: вашими уликами вы не только не поможете человѣку высвободиться, а еще закрѣпите его въ ложномъ положеніи. Скандалъ, который вы сдѣлаете, ничѣмъ для вашего нравственнаго чувства вознагражденъ не будетъ. Зачѣмъ же дѣлать скандалъ хорошимъ людямъ, зачѣмъ же безъ настоятельной нужды ссориться съ лицами, которыхъ вы уважаете, и которымъ, во всемъ ихъ лучшемъ вы сочувствуете? Зачѣмъ это, когда намъ именно нуженъ союзъ всѣхъ добрыхъ убѣжденій противъ злонамѣренной лжи? Итакъ, вы хорошо дѣлаете, что *безъ нужды* не заводите полемики, что не слѣдуете правилу воинственнаго листка, проповѣдующаго *безпощадную* борьбу — не противъ злонамѣренности, что̀ должно,—а борьбу между убѣжденіями, которыя взаимно уважаютъ себя. Легко сказать *безпощадная борьба!* При такой борьбѣ должно всяко лыко ставить въ строку, не пропускать никакой ошибки, никакого промаха, по какому бы то ни было случаю сдѣланнаго; при *безпощадной* борьбѣ мало опровергать ложно поставленный вопросъ, а надобно преслѣдовать противника повсюду, не давать ему отдыха, изобличать его во всемъ и обнаруживать его несостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ. Если воинственный листокъ хочетъ, чтобы такая борьба завязалась между вашимъ журналомъ и «Русскою Бесѣдою», то не слушайтесь его; въ отношеніяхъ между обоими журналами не было доселѣ, и, какъ я думаю, не будетъ никогда нравственнаго побужденія къ такой борьбѣ.

Итакъ вы видите, что я человѣкъ вовсе не желчный, и что вы можете допустить меня въ вашъ журналъ безъ опасенія. Но, м. г., я думаю, что есть случаи, когда *безпощадность* есть долгъ всякаго добросовѣстнаго человѣка, и въ опредѣленіи нѣкоторыхъ подобныхъ случаевъ я надѣюсь сойдтись съ вами.

Должно, напримѣръ, безпощадно преслѣдовать всѣ эти возмутительныя явленія, оскорбляющія и науку, и общество, и наше юное образованіе, которыя, увы! такъ еще часто повторяются у насъ и, скажу съ неменьшимъ прискорбіемъ, проходятъ безнаказанно. Нѣтъ, вы не должны щадить человѣка, который нагло рядится въ пышную мантію авторитета, который мистифируетъ публику, и обращаетъ легковѣріе, столь свойственное юному образованію, въ трубу своей славы. Безпощадно срывайте съ него эту мантію, безпощадно разгоняйте мракъ, которымъ питается его незаслуженный авторитетъ, особенно если онъ имѣетъ нѣкоторыя средства удачно мистифировать публику. Не изъ одного только чувства негодованія, которое одушевляетъ меня, эвмениду, требуется въ подобномъ случаѣ—не борьба, о борьбѣ тутъ смѣшно и говорить,—требуется просто безпощадность, но также и изъ убѣжденія, что такое дѣло полезно, что оно послу-

житъ къ очищенію нашей умственной и нравственной атмосферы, что оно послужитъ карою за оскорбляемую честь науки и литературы.

Повинуясь этимъ двумъ побужденіямъ, я на первый разъ хочу принести въ жертву общественной справедливости одного оратора, по имени г. Крылова.

Можетъ-быть, большинство вашихъ читателей съ недоумѣніемъ и вопросительно посмотритъ и подумаетъ: кто этотъ ораторъ, и что это за г. Крыловъ? Не только простые читатели, но и люди, слѣдившіе пристально за движеніемъ нашей литературы и за всѣми отраслями нашей библіографіи, могутъ не знать этого имени. И однакожъ г. Крыловъ провозглашается, напримѣръ, въ упомянутомъ листкѣ, *какъ ученѣйшій юристъ, заслуживший общую извѣстность и уваженіе*. Въ другихъ журналахъ говорится тоже объ его великихъ достоинствахъ и объ его блестящей учености. Этого мало, редакторъ «Молвы», г. Шпилевскій, объявляетъ съ особенною торжественностію, что въ его газетѣ будетъ съ слѣдующаго нумера постоянный отдѣлъ, подъ заглавіемъ: «Юридическія замѣтки профессора Крылова». Доселѣ нѣчто подобное велось въ одной «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ есть постоянная рубрика, отведенная для Ѳ. В. Булгарина. Но г. Булгаринъ, какъ бы кто объ немъ ни думалъ, есть дѣйствительно лицо извѣстное въ литературѣ. Онъ имѣетъ право озаглавливать всѣ статьи своимъ именемъ: читай кто хочетъ, не читай кто не хочетъ. А г. Крыловъ доселѣ подавалъ только однѣ надежды для своихъ приближенныхъ и пріятелей, и не пріобрѣлъ еще права, подобно г. Булгарину, рекомендовать своимъ именемъ свои статьи. Его имя еще само требуетъ рекомендаціи отъ его статей, и гораздо приличнѣе должно бы появляться подъ статьею, а не въ заглавіи статьи. Видите, какія замашки!

Но все это еще не разъясняетъ дѣла и не удовлетворяетъ читателей, желающихъ знать, въ чемъ же состоятъ права г. Крылова на такую знаменитость. Здѣсь, въ Москвѣ, извѣстно, что г. Крыловъ спеціяльно занимается римскимъ правомъ, что когда-то, лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, онъ произнесъ на университетскомъ актѣ рѣчь ex officio, что рѣчь эта подавала надежды, что послѣ того г. Крыловъ хранилъ въ литературѣ совершеннѣйшее молчаніе, которое не приводило никого въ отчаяніе, что онъ прервалъ наконецъ свое молчаніе въ текущемъ году новымъ ораторскимъ произведеніемъ, отхватившимъ чуть не полкниги «Русской Бесѣды», и угрожающимъ столько же занять мѣста во всѣхъ послѣдующихъ книгахъ за этотъ годъ, такъ что «Русской Бесѣдѣ» предстоитъ возможность превратиться также въ «Замѣтки профессора Крылова». Но это еще впереди, это еще только надежды, а больше ничего пока не имѣется.

Извѣстно еще, что г. Крыловъ преподаетъ предметъ своей спеціяльности и, охотно вѣрю, не безъ пользы. Но это тайна скромныхъ

стѣнъ университета; объ этомъ публика не хочетъ знать. Когда рѣчь идетъ о правахъ на *авторитетъ* въ *ученой литературѣ*, то ужь не слѣдуетъ прятаться за стѣны какого-либо зданія, равно какъ не слѣдуетъ, въ случаѣ общественнаго суда, искать убѣжища въ своихъ, напримѣръ, семейныхъ добродѣтеляхъ, или хорониться за друзей. Доказательства должны быть на лицо—доказательства общественныя, литературныя. А на слухахъ, что г. Крыловъ читалъ по своимъ тетрадкамъ твердо и ясно, нельзя основывать литературнаго авторитета, равно какъ ничего нельзя основывать и на слухахъ о томъ, будто онъ плохо знаетъ по-латыни: что за важность? благодаря этимъ проклятымъ Нѣмцамъ, отчего и не заниматься римскимъ правомъ безъ римскаго языка. Говорятъ еще, что онъ слушалъ даровитаго берлинскаго профессора Кленце, который, бывъ преждевременно похищенъ смертію, не успѣлъ издать своего курса... Но во тьмѣ этихъ сказаній нельзя же искать основанія для такого великаго дѣла, какъ литературная слава и ученый авторитетъ, и нельзя не посѣтовать, что г. Крыловъ заготовилъ такъ мало положительныхъ и явныхъ основаній для своихъ претензій, что эти темные закоулки остаются не прикрытыми для слѣдователя.

Претензіи же г. Крылова дѣйствительно громадны. Какъ было редактору «Молвы» не назвать его *ученѣйшимъ юристомъ*, и не сдѣлать ему такой торжественной встрѣчи у вратъ своей храмины? Послушайте, съ какимъ самоуслажденіемъ выражается о себѣ самъ г. Крыловъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ»: «Моя ученая дѣятельность сосредоточена въ другомъ мірѣ,—*римскомъ*; тамъ всегда весело работать: литературныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ было множество во всѣ времена. Всѣ вмѣстѣ, безъ различія временъ и народовъ, въ какой-то чудной, всемірной, дружественной бесѣдѣ, одинъ другому *помогаемъ* (замѣтьте, *помогаемъ*!), одинъ другому *передаемъ* свои впечатлѣнія и *работаемъ* надъ однимъ общимъ дѣломъ: понятно, что такая работа должна имѣть счастливый успѣхъ.» Какъ вамъ покажется эта форма перваго лица множественнаго числа, это *мы пахали*? Какая милая insolentia! Г. Крыловъ передавалъ свои впечатлѣнія по римскому праву, то-есть работалъ, и благодаря отчасти его помощи, эта совокупная работа, гдѣ такъ замѣтно и такъ уважительно красуется нашъ *ученѣйшій юристъ*, должна была имѣть счастливый успѣхъ. Сколько правъ на вниманіе публики, на всеобщее уваженіе, на ученый авторитетъ, особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ такъ мало *ученѣйшихъ мужей* вообще! Какъ же намъ-то не прислушиваться къ вѣщаньямъ и прорицаніямъ г. Крылова, когда по его скромному сознанію, онъ такъ успѣшно участвуетъ *во всемірной, въ чудной, въ дружественной бесѣдѣ*! какъ славно должно быть его участіе въ болѣе скромномъ и тѣсномъ кругу, какова *русская бесѣда*!

Упомянутая статья г. Крылова, напечатанная въ «Русской Бесѣдѣ», есть якобы рѣчь, произнесенная знаменитымъ ученымъ на диспутѣ г. Чичерина. Называется она: «Критическія замѣчанія, высказанныя профессоромъ Крыловымъ на публичномъ диспутѣ въ Московскомъ университетѣ 21-го января 1856 года, на сочиненіе г. Чичерина: Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Замѣтьте, статья озаглавливается именемъ своего великаго автора, которое для вящаго украшенія этой статьи появляется еще и подъ нею. Геніяльность автора прежде всего выразилась въ явномъ презрѣніи къ общепринятымъ формамъ и пріемамъ литературнаго изложенія; въ статьѣ царствуетъ тонъ полнѣйшей небрежности: то передъ вами рѣчь, то комментаріи на собственную рѣчь. Авторъ ломается и геніяльничаетъ до юродства. Не довольствуясь великою работою надъ римскимъ правомъ, не довольствуясь всемірною бесѣдою по этому предмету, въ которой онъ передалъ своимъ сотоварищамъ много свѣтлыхъ истинъ и содѣйствовалъ успѣху общаго дѣла, г. Крыловъ великодушно спускается принять участіе въ трудѣ русскихъ юристовъ, по русскому праву. Какъ боецъ, извѣдавшій свои силы въ другой, болѣе славной борьбѣ, онъ снисходительно смотритъ на этихъ юныхъ дѣятелей. Это какой-то патріархъ, поучающій цѣлое поколѣніе. Какое умилительное зрѣлище! Какъ сладостно льются его поученія! Онъ хочетъ одушевить молодыхъ ученыхъ, своихъ милыхъ учениковъ, вдохнуть имъ новыя силы, указать имъ новое направленіе въ ихъ дѣятельности. Правда, онъ никогда не занимался ни русскимъ правомъ, ни русскою исторіею. Онъ не знакомъ съ ея источниками, и врядъ ли не впервые изъ сочиненія г. Чичерина познакомился съ самыми названіями предметовъ русскаго права. Но такому великому ученому по предмету римскаго права позволительно быть судьею русскаго права и безъ спеціяльнаго знанія. Онъ внесетъ въ эту смутную область свѣтъ своей науки, своимъ великимъ мастерствомъ въ ней онъ подаетъ поучительный и блистательный примѣръ, какъ слѣдуетъ изучать исторію русскаго права.

Будемъ однако справедливы: въ статьѣ г. Крылова обнаруживается замѣчательное литературное дарованіе. Мнѣ кажется, что г. Крыловъ сильно ошибся въ своемъ назначеніи: изъ него бы могъ выйдти весьма хорошій беллетристъ и навѣрное отличный фельетонистъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ нѣкоторое сходство съ знаменитымъ въ свое время барономъ Брамбеусомъ. Я позволяю себѣ думать, что, если оставить въ сторонѣ дѣйствительно обширную ученость барона Брамбеуса, въ общихъ признакахъ они совершенно совпадаютъ. Г. Крыловъ умѣетъ выразиться мѣтко, умѣетъ, гдѣ нужно, нагнать для подавленія мысли цѣлую орду пестрыхъ словъ; онъ умѣетъ воспользоваться крайностями мысли противника, умѣетъ осѣдлать ихъ и ѣздить на нихъ съ разными эквилибристическими прыжками для по-

тѣхи публики; у него есть запасъ пріемовъ, которыми онъ владѣетъ искусно, запасъ нотъ, которыя онъ умѣетъ брать кстати: и милая грубость, и простодушная иронія, и хитрое простодушіе; а главное онъ надѣленъ въ избыткѣ тою *нестыдливостію*, тою нецеремонностію съ наукою, какими такъ блистательно отличался его предшественникъ, тою нестыдливостію, которая отлично упрочила бы успѣхъ его на фельетонномъ поприщѣ, на которое, какъ кажется, онъ и рѣшается вступить теперь въ «Молвѣ».

Но мнѣ пора приступить къ моей обязанности, къ обязанности эвмениды. Я намѣренъ не критику писать на статью г. Крылова. Когда она будетъ, со временемъ, благополучно кончена, вѣроятно, и оцѣнена будетъ по всей справедливости. Скажу только два слова о предметѣ статьи. Дѣйствительно — и хотя г. Чичеринъ вашъ сотрудникъ, вы примете безпристрастно мое замѣчаніе, — дѣйствительно, общія воззрѣнія г. Чичерина запечатлѣны нѣкоторою исключительностію. Онъ самъ даетъ противъ себя оружіе своими понятіями о значеніи государства вообще. Но честь и слава ему за его блестящіе и добросовѣстные труды! При всей односторонности общихъ воззрѣній, онъ далъ сильный толчокъ изученію русскаго права; никто изъ нашихъ юридическихъ дѣятелей такъ рѣшительно и энергически не ставилъ вопросовъ; съ первыхъ шаговъ, онъ занялъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей ученой литературѣ. И надъ нимъ-то такъ ломается *ученѣйшій юристъ*, его-то такъ великодушно третируетъ ученикомъ своимъ преемникъ барона Брамбеуса! Какъ будто на г. Чичеринѣ осталось навѣки неизгладимое клеймо, какъ будто онъ навѣки сталъ *sacer* (терминъ изъ римскаго права, значеніе котораго объяснитъ намъ ниже г. Крыловъ), за то, что когда-то судьба привела его слушать лекціи этого великаго учителя! — Односторонность нѣкоторыхъ мнѣній г. Чичерина была уже замѣчена съ разныхъ сторонъ. Въ той же самой книгѣ «Русской Бесѣды» помѣщена небольшая статейка г. Самарина, гдѣ въ сущности высказывается все то, что̀ справедливо или нѣтъ усиливается доказать г. Крыловъ. Но, еще прежде, главная односторонность г. Чичерина въ его понятіяхъ о централизаціи обозначена живыми чертами въ прекрасной статьѣ г. Кавелина, появившейся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Надѣюсь, что и въ вашемъ журналѣ вопросъ, поднятый г. Чичеринымъ, подвергнется новому разсмотрѣнію. Но къ дѣлу.

Г. Крыловъ выдвинулъ противъ г. Чичерина исторію римскаго права. Спеціалисту весьма было естественно, для поясненія дѣла, прибѣгнуть къ предмету своихъ постоянныхъ и неусыпныхъ занятій. Эта операція должна имѣть двоякую цѣль, двоякую силу: во-первыхъ, пояснить, какъ сказано, предметъ, — это польза для дѣла, для науки; а во-вторыхъ, научить и наставить ученыхъ по русской исторіи,

какъ слѣдуетъ имъ заниматься своимъ предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи русскаго права все темно, сбивчиво; въ исторіи римскаго права все ясно, все измѣрено, взвѣшено, опредѣлено, не только въ главныхъ очертаніяхъ, но и во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Дѣятелю по русскому праву приходится прорубаться сквозь дремучія дебри; римскій же юристъ прохаживается въ своемъ вѣдомствѣ, словно въ Версальскомъ саду. Представьте себѣ, съ какимъ удовольствіемъ и пользою могутъ русскіе юристы любоваться эволюціями такого знаменитаго ученаго, какъ г. Крыловъ, въ предметѣ, стяжавшемъ ему великій авторитетъ въ европейской наукѣ!

Представьте же себѣ, однако, добрый и часто легковѣрный читатель, что эта публичная прогулка профессора Крылова въ саду римскаго права есть непрерывный рядъ самыхъ жалкихъ паденій. Все, что̀ ни говоритъ онъ объ этомъ предметѣ своихъ спеціяльныхъ трудовъ, изобличаетъ ученическое невѣдѣніе. Надъ всѣмъ этимъ эпизодомъ, который долженъ бы сіять лучами солнца, виситъ туманъ, скрадывающій всѣ очертанія предметовъ, и придающій имъ такую зыбкость, отъ какой, слава Богу! свободна и исторія русскаго права. Что̀ говорю я! Весь этотъ эпизодъ представляетъ почти на каждой страницѣ столько грубыхъ, матеріяльныхъ ошибокъ, столько доказательствъ незнанія, что г. Чичеринъ, при своей строгости, извѣданной нѣкоторыми учеными, непремѣнно поставилъ бы г. Крылову на экзаменѣ, изъ исторіи римскаго права, единицу. Это неимовѣрно, но это такъ, это вѣрно.

Эвмениды, гдѣ бичи ваши?... Приступимъ...

Не будемъ, для усиленія впечатлѣнія, искусственно группировать грѣхи г. Крылова, будемъ слѣдовать порядку ихъ естественнаго нарожденія и отмѣчать, какіе попадутся подъ руку, въ той очереди, какъ они торопливо слѣдуютъ другъ за другомъ.

Изображеніе Римской республики начинается на страницѣ 58-й, и на этой же самой страницѣ читаемъ слѣдующее:

«*Весь народъ римскій былъ настоящая вольница; тягла не тянетъ, и послѣ Македонскихъ войнъ, не платитъ ни поземельной, ни подушной подати, кромѣ ценса.*»

Знаменитый юристъ не знаетъ, что подати, именуемой ценсомъ, въ Римѣ не было, а была подать *трибутъ*, которая взималась только на основаніи ценса. Народъ римскій ни прежде, ни послѣ македонскихъ войнъ не платилъ поземельной и подушной подати; до македонскихъ войнъ онъ платилъ только одну подать — *трибутъ*, послѣ же македонскихъ войнъ и эта единственная подать была отмѣнена. Пояснимъ это еще болѣе. Изъ словъ г. Крылова выходитъ, что до македонскихъ войнъ римскій народъ платилъ трибутъ (и, кажется, другія подати, подушныя и поземельныя), а послѣ македонскихъ войнъ всѣ другія подати, кромѣ трибута, были отмѣнены, такъ что остался

въ силѣ лишь одинъ трибутъ. Это совершенно новое открытіе въ римской исторіи, открытіе, котораго величіе объясняется только величіемъ авторитета его виновника; это новое открытіе противорѣчитъ самому извѣстному и во всѣхъ учебникахъ упоминаемому факту, что послѣ завоеванія Македоніи была отмѣнена единственная существовавшая въ Римѣ подать — трибутъ. При всемъ уваженіи къ авторитету ученѣйшаго нашего юриста, вѣроятно, всѣ сотоварищи его по предмету останутся при томъ убѣжденіи, что со времени завоеванія Македоніи, Римляне ужь не платили болѣе подати съ ценса; а до этого времени не платили никакой другой подати, кромѣ подати съ ценса, то-есть трибута.

Переходимъ на слѣдующую страницу.

На страницѣ 59, г. Крыловъ говоритъ слѣдующее:

«*Но дивная была эта машина, какъ видно изъ славныхъ дѣйствій народа. Главное ея достоинство—самокатъ. Повидимому, сановникамъ опредѣлены области управленія: консулы завѣдываютъ одними дѣлами, преторы—другими, цензоры—своимъ многосложнымъ цензомъ, и плебейскіе трибуны сосредоточены въ своихъ трибахъ. Но области эти не размежеваны, и каждый по праву вмѣшательства (jus intercedendi—veto) можетъ хозяйничать въ чужомъ министерствѣ.*»

Машина-самокатъ, какъ остро и глубокомысленно! Чтожь тутъ самокатнаго, если области управленія опредѣлены, и всякій можетъ вмѣшиваться въ чужую область? Но стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки, когда намъ предстоитъ важнѣйшая обязанность?

Приведенное мѣсто представляетъ какъ бы два рода знанія римской администраціи: одно знаніе—поверхностное (повидимому); другое—болѣе глубокое, какъ бы въ сущности. Взглянуть сверху—области управленія опредѣлены; глубокій анализъ открываетъ, что онѣ вовсе не размежеваны, и каждый сановникъ можетъ вмѣшиваться въ вѣдомство другаго: консулъ—въ должность цензора, претора, трибуна; преторъ въ должность консула, цензора и т. д. Г. Крыловъ, конечно, владѣетъ обоими родами знанія, и поверхностнымъ и глубокимъ; трудно только рѣшить, въ которомъ родѣ онъ болѣе отличается. Никакой ученикъ на экзаменѣ по римской исторіи не осмѣлился бы сослаться на такую *видимость*, какъ нашъ ученѣйшій юристъ; ученику не прошло бы даромъ такое странное увѣреніе, что трибуны, *повидимому, были сосредоточены въ трибахъ*. Что трибунъ не былъ гдѣнибудь сосредоточенъ, а поспѣлъ вездѣ съ своимъ veto, это фактъ до такой степени поверхностный, что не требуетъ ни малѣйшаго разсмотрѣнія. Вѣдѣнію трибуновъ подлежали не одни собранія по трибамъ. Значеніе трибуна, какъ органа плебеевъ, въ томъ именно и состояло, чтобы слѣдить за всѣмъ, что̀ дѣлается другими властями; *интерцес-*

сія трибуновъ простиралась на всѣ постановленія чиновниковъ, опредѣленія сената, и на всѣ народныя собранія. Трибунъ могъ запретить все и по всѣмъ частямъ. Спеціяльность трибуна именно состояла въ правѣ повсюднаго запретительнаго вмѣшательства.

Заглянемъ теперь въ глубину. *Каждый могъ хозяйничать въ чужомъ министерствѣ.* Помилуйте, да это изъ рукъ вонъ! Самое поверхностное знаніе римскихъ древностей достаточно убѣждаетъ, что преторъ никогда не могъ вмѣшиваться въ дѣла консула, а въ дѣла цензора никто и ни подъ какимъ видомъ не вмѣшивался.

Г. Крыловъ (на той же страницѣ, непосредственно за приведеннымъ мѣстомъ) продолжаетъ такъ описывать дивный самокатъ:

«При каждой отдѣльной магистратурѣ приставлены по нѣскольку личныхъ органовъ — равныхъ одинъ другому и неограниченныхъ: консуловъ 2, цензоровъ 5, плебейскихъ трибуновъ 10.»

Но это ужасно! Это ужъ, по выраженію г. Крылова на той же страницѣ, слишкомъ *рельефно* выдается! Пять цензоровъ! Это неслыханно! Благодарите судьбу свою, г. Крыловъ, что пишете порусски, и что не участвуете въ *дивной, всемірной бесѣдѣ* римскихъ юристовъ! Что если бы кто-нибудь услышалъ васъ! Впрочемъ и дома не оберешься срама съ пятью цензорами. Къ сожалѣнію цензоровъ было даже не *три*, чтобы по крайней мѣрѣ было можно свалить вину на наборщика, потому что цифры *5* и *3* похожи. Увы! цензоровъ было только *два*, *2:* цифра самая неблагопріятная для опечатки.

Градація несомнѣнная: *два, пять, десять.* Однако чѣмъ объяснить эту странность? Какъ могло совершиться такое важное открытіе? Какимъ путемъ къ двумъ цензорамъ прибавилось еще трое, и составилось всѣхъ пять? Вотъ единственно возможное объясненіе. Нашъ юристъ, когда слушалъ лекціи Кленце, ослышался; цензоры выбирались черезъ каждыя пять лѣтъ, а г. Крыловъ записалъ въ тетрадкѣ пять цензоровъ, и затвердилъ это навсегда.

Отправляемся далѣе по этому вертограду. Перевертываемъ страницу.

Стр. 60. *«Оставалось одно средство у сената провозгласить его (трибуна) врагомъ отечества (sacer esto) — и тогда всякій могъ убить его безнаказанно.»*

Гдѣ мы? Что съ нами? Нѣтъ, г. Крыловъ, этакъ вы и для фельетона не будете годиться. И фельетонистъ поостерегся бы рубить такъ сплеча; и тотъ, можетъ-быть, прежде справился бы въ книжкѣ или спросилъ бы кого-нибудь изъ свѣдущихъ людей. Что ни слово, то грубѣйшая ошибка.

Кто не знаетъ, какое было у сената самое могущественное средство противъ революціонныхъ стремленій? кто не знаетъ знаменитой формулы: *videant consules?* Но она по какому-то случаю не попала подъ перо г. Крылова, а вмѣсто нея явилось sacer esto, и притомъ въ неслыханномъ значеніи.

Sacer esto—формула сохранившаяся отъ далекихъ временъ въ памяти г. Крылова — вовсе не значитъ врагъ отечества. Это проклятіе религіозное. Sacer — тотъ, кто нарушилъ какой-либо изъ освященныхъ религіею законовъ (leges sacratae), sacer — это человѣкъ, обреченный подземнымъ богамъ.

Сенатъ никогда не имѣлъ права, такъ великодушно даруемаго ему г-мъ Крыловымъ; сенатъ не имѣлъ этого права не только относительно трибуновъ, но и относительно простыхъ гражданъ.

Если consecratio capitis подлежала когда судебному разсмотрѣнію, то уже конечно не въ сенатѣ, а въ народномъ собраніи, какъ напримѣръ, при осужденіи Ветурія, за то, какъ говоритъ Плутархъ со словъ Гая Гракха, что онъ не посторонился, встрѣтившись съ трибуномъ.

Законовъ, имѣвшихъ силу legum sacratarum, было очень мало, и не упоминается ни одного, который былъ бы постановленъ противъ трибуновъ.

Послѣ такихъ блестящихъ доказательствъ учености нашего юриста, мы уже не очень удивимся глубокимъ его свѣдѣніямъ въ латинскомъ языкѣ, прекрасное доказательство которыхъ представляетъ страница 62:

«*Сословіе всадниковъ (Ordo Equestris)*»

Ordo Equestris по латынѣ все то же, какъ еслибъ сказать по-русски: *знаменитая г. Крыловъ ! статья ваша очень ученъ.*

Ordo существительное мужескаго рода, *equestris*—прилагательное женскаго рода; всякій гимназистъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, обязанъ сказать *ordo equester*.

На слѣдующей страницѣ рѣчь зашла о народномъ судилищѣ, и г. Крыловъ утверждаетъ:

Стр. 63 «*Одинъ сборъ голосовъ продолжался по нѣскольку дней.*»

Нѣтъ, не по нѣскольку дней: сборъ голосовъ продолжался обыкновенно около пяти часовъ. Если до захожденія солнца онъ не оканчивался, то народное собраніе созывалось на слѣдующій день, и голоса подавались сызнова.

На страницѣ 64 г. Крыловъ заговорилъ о правѣ убѣжища, и выражается такъ:

«*Это знаменитѣйшее въ древности право убѣжища (Jus exulandi, asylus.)*»

Но развѣ одно и тоже jus exulandi и asylus? Азиломъ называлось священное мѣсто, гдѣ преступникъ могъ находить убѣжище отъ преслѣдующаго его правосудія. Происхожденіе азиловъ религіозное, но государственный порядокъ требовалъ ограниченія ихъ правъ. Благоустроенное общество не можетъ терпѣть безнаказанности преступленій, благоустроенная литература не допуститъ у себя азила для проступковъ, подобныхъ ученымъ подвигамъ г. Крылова. Но jus exu-

landi, право бѣгства, литература охотно предоставляетъ своимъ подсудимымъ, и столько же либерально поступало римское государство. Смерти преступника не нужно. Довольно, если онъ удалится изъ общества и перестанетъ вредить ему. Когда г. Крыловъ перестанетъ разсуждать печатно о римскомъ правѣ, настоящее преступленіе его будетъ охотно забыто; но литература наша тѣмъ не менѣе не будетъ виновна въ томъ, что дала у себя азилъ для такой литературной недобросовѣстности.

Стр. 68. «*Убѣдившись въ недѣйствительности всѣхъ правительственныхъ мѣръ, рѣшились выстроить небывалое въ мірѣ зданіе, въ которомъ и размѣщены были всѣ древніе боги по чинамъ. Таковъ былъ римскій Пантеонъ.*»

Кто видѣлъ рисунокъ Пантеона, тотъ долженъ знать, что въ немъ не было мѣста и сотой долѣ боговъ подвластнаго Риму, языческаго міра. Пантеонъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не имѣлъ вовсе и значенія храма. Эта была первая зала въ огромномъ зданіи общественныхъ бань Агриппы.

Стр. 72. «*Всадники... вступили въ новую придворную службу, составили лейбъ-гвардію императорской фамиліи.*»

Между сословіемъ всадниковъ (тѣмъ самымъ, которому г. Крыловъ такъ любезно далъ женскую форму) и преторіянцами, то-есть императорскою лейбъ-гвардіей, какъ выражается авторъ, нѣтъ ничего общаго. Преторіянцы, какъ и у насъ гвардейцы, набирались вездѣ; въ послѣдствіи времени только въ Италіи. Они были простые солдаты, отличенные отъ армейскихъ тѣмъ, что срокъ службы для нихъ былъ короче, и жалованья давалось имъ болѣе. Что же касается до сословія всадниковъ, то оно, потерявъ къ концу республики, свое особое государственное значеніе, осталось какъ почетное сословіе, какъ титулъ. Какъ почетный титулъ, оно продолжалось и во времена имперіи; императоры разнообразили этотъ титулъ, присовокупленіемъ къ нему нѣкоторыхъ прилагательныхъ, какъ напримѣръ equites illustres и пр. Это почетное званіе всадниковъ перешло и въ средніе вѣка; equites среднихъ вѣковъ были рыцари.

Самоуправство г. Крылова, какъ видимъ, не пощадило и всадниковъ: онъ просто-на-просто отдалъ ихъ въ солдаты.

Стр. 73. «*Въ 729 году 16-го ноября, Августъ отпраздновалъ всеобщее замиреніе, земскій миръ, при великолѣпнѣйшей религіозной церемоніи. Молились всѣ отъ сердечнаго умиленія, каждый своимъ богамъ и по своимъ обрядамъ. Тогда же совершился надъ нимъ первый человѣческій апотеозисъ: лицо его внесено въ церковный Канонъ (наши святцы), и ему стали молиться, какъ главному богу, стоящему въ Олимпійскомъ сонмѣ рядомъ съ Юпитеромъ* и т. д.»

Это мѣсто можетъ служить образчикомъ великолѣпнаго слога, какимъ пишетъ нашъ ученый. Какъ все и пышно, и плавно! Какъ напримѣръ эффектенъ земскій миръ, поставленный у него курсивомъ! Все было бы хорошо, еслибъ только было безошибочно. Божескія почести опредѣлены Августу не въ 729 году отъ основанія города, или въ 24 до Р. Х., какъ утверждаетъ ученый знатокъ римскаго міра, а въ 14-мъ году по Р. Х. сентября 17-го, черезъ 28 дней послѣ его смерти. При жизни же своей Августъ не пользовался въ Римѣ этими почестями; своимъ обоготвореніемъ заживо обязанъ онъ не римскому государству, а римскому юристу, г. Крылову, который въ этомъ случаѣ руководствоваться примѣромъ азіатскихъ провинціяловъ, привыкшихъ еще со временъ Александра Македонскаго покланяться живымъ людямъ.

Да не подумаютъ читатели, что этимъ ограничиваются всѣ доказательства глубокой учености, данныя г. Крыловымъ на десяти страницахъ; на этихъ немногихъ страницахъ ошибки кишатъ, ихъ многое множество. Но довольно и представленныхъ.

Однако нельзя не выписать тѣхъ строкъ, которыми нашъ ораторъ заключаетъ свою блестящую характеристику Римской республики:

«Но довольно этихъ оттисковъ (авторъ называетъ свои изображенія оттисками). Чувство зрителя и машиниста (такъ называетъ онъ себя, по какой-то особой машинѣ, придуманной имъ для изученія Римской республики) утомлено и начинаетъ страдать. Прошу читателя не забыть, что я совершилъ эту операцію по неволѣ, по принужденію. Я люблю Римъ во всѣхъ его историческихъ состояніяхъ: ибо прихожусь ему въ нѣкоторомъ родствѣ, по *ученому усыновленію*. Но ради стариковъ нашихъ Русскихъ, которымъ я близкій родственникъ по крови, рѣшился на такой тяжелый подвигъ... Оттиски эти вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами. Я на пробу сдѣлалъ ихъ немного и съ тою цѣлію, чтобы доказать достоинство нашей методической машины.»

Что можно прибавить къ этимъ умилительнымъ строкамъ? Напрасно только авторъ думаетъ, что онъ сдѣлалъ *немного* для пробы своей методической машины. Намъ кажется, что онъ довольно для этого потрудился. Онъ доказалъ также достаточно и любовь свою къ Риму, свое ученое родство съ нимъ. Что касается до стариковъ Русскихъ, то не знаю, какого были бы они мнѣнія о своемъ защитникѣ, но увѣренъ, что русскіе юристы, которыхъ тоже такъ нѣжно любитъ г. Крыловъ, не соблазнятся его примѣромъ, не усвоятъ его методической машины, и будутъ продолжать изученіе русскаго права иначе, нежели изучаетъ право Рима *ученый сынъ* его. Нѣтъ, они не переймутъ отъ него возмутительнаго неуваженія къ наукѣ, не заразятся его презрѣніемъ къ публикѣ. Они будутъ по прежнему вносить свѣтъ въ исторію своего народа, и предоставятъ этому суро-

вому, неблагодарному Римлянину вносить мракъ невѣжества въ ясную, разработанную область его *втораго отечества*.

Прощаясь теперь съ *ученымъ сыномъ* Рима, я не теряю надежды вскорѣ еще съ нимъ свидѣться. А вы, м. г., примите и пр.

Байборода.

Музыкальная хроника.

Дополнимъ нашу хронику нѣсколькими словами о второмъ концертѣ г. Шпаковскаго, бывшемъ еще 13-го марта. Г. Шпаковскій исполнилъ въ этотъ вечеръ третій концертъ Бетговена (in C-mol) съ извѣстнымъ уже публикѣ искусствомъ. Въ особенности въ *Largo* молодой артистъ возбудилъ истинно восторженное сочувствіе слушателей удивительною выразительностію своей музыкальной акцентуаціи. Благодаря своему замѣчательному дарованію и разумному, безукоризненно – чистому направленію своего таланта, г. Шпаковскій сталъ любимцемъ московской публики; въ этотъ вечеръ аплодисменты не умолкали, и послѣ каждой исполненной піесы онъ былъ по нѣскольку разъ вызванъ. Кромѣ концерта Бетговена г. Шпаковскій исполнилъ (à la demande du public) «рапсодію» Листа, которая попала въ большую милость въ салонахъ высшаго музыкальнаго круга, такъ что въ нотныхъ магазинахъ не осталось ни одного экземпляра. Это припоминаетъ намъ странную участь романса г. Даргомыжскаго: *Безумная, я все еще тебя люблю*. Романъ этотъ, несмотря на свои несомнѣнныя достоинства, долго лежалъ въ нотныхъ магазинахъ, погребенный подъ фоліантами разнаго музыкальнаго сброда. Г–жа Віардо-Гарсія вывела его къ жизни и, принарядивъ своимъ неподражаемымъ искусствомъ, пустила на бѣлый свѣтъ. Трудно пересказать какую *fureur* производили эти задушевные звуки въ концертахъ г-жи Віардо. Слушатели вставали съ своихъ мѣстъ и окружали пѣвицу, заставляя ее иногда по три раза повторять *Безумную*. Изданіе раскуплено въ нѣсколько дней; экземпляры, остававшіеся въ Петербургѣ, перевезены въ Москву. Но какъ удивились многія изъ юныхъ, прекрасныхъ пѣвицъ, *по любви къ искусству*, когда пропѣвъ романсъ дома, не нашли въ немъ той прелести, которая такъ увлекала ихъ, когда его пѣла г–жа Віардо. Романсъ не удержался въ салонахъ и снова канулъ въ нотную Лету. Мы обязываемся предупредить тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что и рапсодія Листа принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, которыя могутъ быть эффектны только при полномъ разумѣніи характера піесы и при замѣчательномъ превосходствѣ исполненія; иначе и ее постигнетъ незавидная участь «Безумной».

Во второмъ отдѣленіи концерта г. Шпаковскій исполнилъ «Романсъ безъ словъ» Литольфа, «Бамбуллу» Готшалька и «Русалку» своего сочиненія. «Романсомъ безъ словъ» и «Бамбуллой» давно уже восхищается высшій кругъ московской публики; г. Шпаковскій часто игралъ эти піесы во многихъ гостиныхъ; ихъ встрѣтило въ концертѣ всеобщее, единодушное одобреніе. Tableau musical «Русалка» отличается оригинальностію мыслей и отдѣлкой деталей. Мы никакъ не имѣемъ намѣренія придавать особенную важность этой музыкальной картинкѣ, набросанной въ минуту музыкальнаго вдохновенія, хотя легко, но изящно, игриво, граціозно; мы хотимъ только сказать, что и въ легкихъ сочиненіяхъ г. Шпаковскаго видны не одни признаки несомнѣннаго дарованія, но и заботливая, старательная отдѣлка, внимательный выборъ, изящная щеголеватость выраженія, и никогда не встрѣчается незрѣлой мысли или запутанности и неясности слога. Г. Шпаковскій трудится теперь надъ серіознымъ сочиненіемъ; намъ удалось слышать нѣсколько отрывковъ.

Въ этомъ концертѣ дебютировала молодая пѣвица М. А. Лялина, еще незнакомая московской публикѣ. У г-жи Лялиной *mezzo soprano* отъ контральтоваго *mi*, кажется, до верхняго *si*. Timbre голоса пріятенъ, особенно въ глубокихъ тонахъ, грудь сильная, интонація вѣрна, голосъ въ вокализаціяхъ послушенъ, хотя еще и не совершенно выработанъ; невполнѣ владѣя имъ, г-жа Лялина не можетъ еще придать своему пѣнію всѣхъ оттѣнковъ выраженія, которые, впрочемъ, судя по пріемамъ, хорошо понимаетъ. Мы слышали, что молодая артистка ѣдетъ въ Миланъ, для продолженія своего музыкальнаго образованія въ тамошней консерваторіи. Судя по довольно большому діапазону голоса, по его объему (son volume), по наружнымъ преимуществамъ дебютантки (наружность имѣетъ большое значеніе въ сценической пѣвицѣ), мы ожидаемъ встрѣтить въ г-жѣ Лялиной, по ея возвращеніи изъ Милана, прекрасную оперную пѣвицу. Она пропѣла въ этотъ вечеръ «Русалку» Доргомыжскаго и «арію изъ Моцартова Донъ-Жуана», и умѣла снискать весьма лестное для дебютантки одобреніе публики.

— 13-го апрѣля былъ большой концертъ Салтыково-Голицынской капеллы, о которой мы уже много разъ говорили на страницахъ «Русскаго Вѣстника». Мы пишемъ эти строки подъ вліяніемъ еще не затихшихъ въ душѣ звуковъ, но сомнѣваемся, чтобы намъ удалось вполнѣ передать глубокое, сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ концертомъ. Вотъ что мы слышали:

1. Wohl dem der in Gottes Furcht steht—муз. Озіандера (1586 г.)
2. Agnus Dei—муз. Палестрины (1554 г.)
3. I cieli narrano—муз. Марчелло (1724 г.); г-жа Мортье-де-Фонтенъ исполнила въ этой піесѣ соло.
4. Гимнъ Страделлы, въ которомъ соло исполнила г-жа Семенова.

Первые два нумера съ аккомпаньементомъ двухъ органовъ, третій съ двумя органами, четырьмя контрбасами и четырьмя віолончелями.

5. Requiem aeternam
6. Lacrymosa dies illa и пр.

} Изъ Requiem Керубини.

7. Фантазію Бетговена исполнилъ на фортепьяно г. Мортье-де-Фонтенъ; финалъ съ хоромъ пѣвчихъ.

8. Ave verum—муз. Моцарта.

Народный Гимнъ: «Боже Царя Храни.»

Для людей, исключительно посвятившихъ себя изученію музыки, достаточно было бы выписать эту программу и сказать, что всѣ нумера концерта были исполнены съ удивительнымъ совершенствомъ; но для любителей, понимающихъ красоты музыкальныхъ сочиненій инстинктивно, скорѣе воспріимчивостію эстетическаго чувства, чѣмъ аналитическимъ изслѣдованіемъ мысли, почитаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о музыкѣ первыхъ двухъ вѣковъ по возрожденіи искусствъ.

Композиторы XVI и XVII вѣковъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи такого многосложнаго оркестра какъ мы, старались вознаградить этотъ недостатокъ средствъ полнотою движенія въ гармоніи, придавая самостоятельность каждому изъ семи голосовъ гаммы и не ограничиваясь, какъ новѣйшіе симфонисты, доминантою и тоникою съ вспомогательнымъ участіемъ септимы и остальныхъ четырехъ тоновъ. Въ разработкѣ каждой темы, они тщательно озабочивались оркестрировкою. Тема перелетала съ одного инструмента на другой, вызывала всѣ его характеристическія достоинства, переходила изъ тона въ тонъ, и музыкальная мысль, въ многостороннемъ проявленіи своемъ, обозначалась, крѣпла, уяснялась и внятнымъ впечатлѣніемъ ложилась въ памяти слушателя. Вотъ въ чемъ кроется тайна тогдашнихъ композиторовъ дѣйствовать равно и на ученыхъ музыкантовъ и на профановъ въ искусствѣ, не лишенныхъ вкуса и музыкальнаго разумѣнія. Языкъ старинныхъ сочиненій не такъ популяренъ, чтобы исключительно ему приписывать доступность возвышенныхъ мыслей Перголезе, Палестрины и другихъ современныхъ имъ композиторовъ. Эта доступность объясняется простотою мысли и отчетливымъ ея изложеніемъ. Они не чуждались музыкальнаго краснорѣчія, но ихъ фигуры служили не только блестящимъ и часто безполезнымъ украшеніемъ, какъ это водится у насъ, а дополнительнымъ выраженіемъ мысли, не вполнѣ высказанной или не довольно ясно обрисовавшейся.

Всѣ піесы, исполненныя въ этотъ вечеръ хоромъ пѣвчихъ (за исключеніемъ финала фантазіи Бетговена и народнаго гимна) запечатлѣны величественнымъ характеромъ церковной музыки; всѣ прекрасны и превосходно были исполнены. Мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ, которыя обратили на себя особенное вниманіе публики. «Agnus Dei»—Палестрины принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ сочиненій XVI вѣка; въ немъ идея композитора выразилась цѣльно и въ чрезвычайно ясныхъ очертаніяхъ. Послѣдовательность развитія въ гармоніи составляетъ художественное достоинство этой піесы; публика вызвала ея повтореніе. «Гимнъ Страделлы»—молитва, проникнутая лиризмомъ самыхъ восторженныхъ чувствъ. «Ave verum» Моцарта, какъ и всѣ сочиненія этого композитора, замѣчательно изящною простотою мыслей и дивно-художественною оркестрировкой. У Моцарта техническая обработка сочиненія не стѣсняла вдохновенія, и въ «Ave verum», при самыхъ многосложныхъ сообра-

женіяхъ въ симфоніи, мечта не устаетъ, мысли роятся и вдохновеніе поэта-музыканта слышится въ каждой фразѣ. Но какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ дышатъ эти мысли, какъ свѣтло въ нихъ глубокое, сильное, но невстревоженное чувство, какъ чуждо ему всякое драматическое движеніе страсти! Здѣсь молитва выразилась звучнымъ словомъ музыки, во всей чистотѣ душевной вѣры.

Спѣшимъ сказать, что въ послѣдній концертъ искусство Салтыково-Голицинскихъ пѣвчихъ превзошло наше ожиданіе. Старинныя музыкальныя сочиненія, въ особенности церковныя, требуютъ въ исполненіи особеннаго характера, и этотъ характеръ былъ вполнѣ выдержанъ капеллою. Конечно, въ хоровомъ исполненіи, усиленная напряженность звуковъ, внезапное, или постепенное ихъ смягченіе, есть дѣло дирижирующаго капеллою, но нельзя не похвалить, въ отличномъ хорѣ и достоинство голосовъ.

Г. Мортье-де-Фонтенъ исполнилъ на фортепьяно фантазію Бетговена, одно изъ лучшихъ сочиненій этого компониста, гдѣ его могучій геній, не стѣсненный формою, проявился въ полномъ блескѣ. Еще до вступленія темы, воображеніе сочинителя переходитъ отъ одной мысли къ другой, будто пріискивая мелодію, и изумляетъ слушателя обиліемъ прекрасныхъ помысловъ и логичною послѣдовательностію въ ихъ развитіи. Тема чрезвычайно проста, часто повторяется, всегда ясна и не запутана гармоническими украшеніями. Симфоническая часть обработана старательно; фактура фразы вездѣ изумительно-прекрасна. Въ этой фантазіи обнаруживаются всѣ отличительныя достоинства Бетговена, и піесу эту должно причесть къ числу замѣчательнѣйшихъ его сочиненій.

Исполненіе не уронило достоинствъ сочиненія. Г. Мортье-де-Фонтенъ исполнилъ фантазію Бетговена съ истинно-художественною правдою, безъ тѣхъ увлеченій артистическаго своеволія, которыя такъ много вредили игрѣ его, въ его концертѣ.

Благодаримъ также г-жу Мортье-де-Фонтенъ за прекрасное исполненіе соло въ сочиненіи Марчелло. Безукоризненно правильная метода ея пѣнія даетъ ей право на признательность самыхъ строгихъ судей въ музыкѣ.

Входя въ залу, мы были поражены многочисленностію публики. Стулья всѣхъ рядовъ были нумерованные и всѣ заняты; для посѣтителей съ билетами безъ нумера оставались мѣста только на лавкахъ за колоннадою, и тѣ, большею частію, были заняты дамами; мущины стояли. Съ билетами въ залу не пускали наверхъ, а въ семь часовъ вечера не было уже въ продажѣ билетовъ на хоры, такъ что многія изъ дамъ, собравшихся на хоры и надѣявшихся взять билетъ при входѣ, вынуждены были прогуливаться въ залѣ *en robes montantes*, посреди красавицъ en toilette de bal. Ярко освѣщенная зала, наполненная многочисленною публикою, дамами въ роскошныхъ нарядахъ, представляла великолѣпное зрѣлище.

Прибавимъ, что сборъ съ этого концерта предназначенъ *въ пользу школъ московскаго благотворительнаго общества*.

— Мы не утомимъ читателей отчетомъ о множествѣ незамѣчательныхъ концертовъ, бывшихъ въ этотъ сезонъ, и о дарованіяхъ второ-

степенныхъ артистовъ, имъ же имя легіонъ. Но нельзя не упомянуть о прекрасномъ концертѣ, данномъ 22-го марта любителями музыки *въ пользу Общества для призрѣнія бѣдныхъ и сиротъ евангелическаго исповѣданія*. Въ этомъ концертѣ оркестръ исполнилъ прекрасное аллегро изъ эсъ-дурной симфоніи Моцарта; г. Грасси очень хорошо сыгралъ на скрипкѣ превосходную піесу Леонара; общество любителей исполнило два квартета Крейцера, и ораторію «Послѣдній судъ» (das Weltgericht) Шнейдера, съ оркестромъ; гг. Рубинштейнъ и Гоноре играли «duo concertante» Мендельсона и Мошелеса: публика оцѣнила превосходное исполненіе и вызвала артистовъ. Хоровое исполненіе любителями музыки было замѣчательно прекрасно.

Концерты Московскаго Благороднаго Собранія были болѣе или менѣе замѣчательны, смотря по артистамъ, которые *ex officio* въ нихъ участвовали.

Н. П—ій.

Разныя Извѣстія.

Изданіе, предпринятое студентами Императорскаго С. Петербурскаго Университета. — Мы получили объявленіе объ изданіи Учено-Литературнаго Сборника студентами Санктпетербурскаго Университета и спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями этою пріятною вѣстію. Сборникъ этотъ будетъ выходить безсрочными выпусками, подъ заглавіемъ: ***Труды студентовъ Императорскаго Санктпетербурскаго Университета.*** Разрѣшеніе на это изданіе воспослѣдовало отъ г. министра народнаго просвѣщенія вслѣдствіе ходатайства совѣта университета, въ который студенты подавали прошеніе.

Вотъ программа изданія: 1. Оригинальныя сочиненія, исключительно ученаго содержанія по всѣмъ предметамъ входящимъ въ университетскій курсъ: сюда войдутъ между прочимъ нѣкоторыя изъ кандидатскихъ и медальныхъ дисертацій. 2. Переводы лучшихъ иностранныхъ книгъ и статей, заслужившихъ авторитетъ въ наукѣ. 3. Всякаго рода учено-литературныя замѣтки, все что не имѣя законченности и полной обработки, тѣмъ не менѣе тѣсно связано съ интересомъ науки.

Къ участію въ изданіи и сотрудничеству приглашаются студенты всѣхъ университетовъ, все молодое поколѣніе, стоящее близко къ университетской наукѣ. Всѣ статьи печатаюся неиначе какъ съ одобренія того изъ професоровъ, по каѳедрѣ котораго писано сочиненіе.

Во общему желанію студентовъ профессоромъ-редакторомъ избранъ адъюнктъ-профессоръ русской словесности *М. И. Сухомлиновъ*. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ будутъ заниматься двѣнадцать

студентовъ-редакторовъ. Вотъ имена ихъ: *Тихменевъ* и *Новиковъ* (ист. фил. фак.) *Богушевичъ* и *Ивановъ* (фак. вост. яз.); *Коркинъ* и *Красновскій* (мат. фак.); *Фогель* и *Аверкіевъ* (фак. ест. н.); *Глуховъ* и *Остолоповъ*, (юрид. фак.); *Утинъ* и *Андреевъ* (камер. фак.).

Редакція ожидаетъ отъ изданія весьма утѣшительныхъ результатовъ. Въ программѣ говорится объ этомъ слѣдующее:

1) Обрабатывая ученымъ образомъ различные вопросы изъ области наукъ, студентъ ознакомится съ технической стороной подобныхъ трудовъ, требующею упражненія и навыка, поэтому и по окончаніи курса ученая дѣятельность для студента будетъ доступнѣе и знакомѣе.

2) Посредствомъ таковаго изданія, которымъ вѣроятно запасется большая часть студентовъ, произойдетъ обмѣнъ разнообразныхъ свѣдѣній и понятій, выносимыхъ изъ различныхъ наукъ, слушаемыхъ въ факультетахъ. Въ массѣ студентовъ явятся имена, отличенныя дѣльнымъ трудомъ, соревнованіе оживитъ молодыхъ людей и побудитъ къ новой дѣятельности.

3) Бѣдные студенты, получая вознагражденіе за свои труды, если на то будетъ возможность, избавятся отъ необходимости прибѣгать къ средствамъ, отвлекающимъ ихъ отъ своего дѣла.

4) Такое изданіе будетъ выраженіемъ того нравственнаго и ученаго направленія, которое пріобрѣтаютъ студенты въ университетѣ. Оно будетъ яркимъ выраженіемъ тѣхъ результатовъ, которыхъ университетъ ожидаетъ отъ своихъ воспитанниковъ. Университетъ увидитъ ясно, достигаетъ ли онъ своей цѣли—приготовленія будущихъ слугъ отечеству.

5) Имѣя такое значеніе, изданіе это будетъ служить для всякаго вѣрнымъ средствомъ ознакомленія съ университетомъ и его наукой. Молодые люди, оканчивающіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или получающіе домашнее воспитаніе и желающіе поступать въ университетъ, найдутъ въ «Сборникѣ» полезныя и даже необходимыя для себя свѣдѣнія объ университетѣ, о предметахъ его науки, о цѣли и значеніи студентовъ; тѣ же, которые ограничатся курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, найдутъ въ этомъ изданіи много полезныхъ для себя страницъ, украшенныхъ высокими идеями университетской науки, безъ которыхъ всякое образованіе не полно. Такимъ-образомъ «Сборникъ» можетъ довольно-тѣсно сблизить съ университетомъ русское молодое поколѣніе.»

Людвигъ Валеріяновичъ Тенгоборскій.—30-го марта скончался въ С.-Петербургѣ Л. В. Тенгоборскій. Государство потеряло въ немъ одного изъ ревностнѣйшихъ сановниковъ,—наука усерднаго и полезнаго дѣятеля. Какъ членъ государственнаго совѣта, Людвигъ Валеріяновичъ обращалъ неусыпное вниманіе на возникающіе вопросы по части народнаго хозяйства и въ разсмотрѣніе и разрѣшеніе ихъ вносилъ тотъ огромный капиталъ знанія, который пріобрѣлъ въ долгія лѣта трудовой жизни пламенною любовью къ наукѣ и долговременною опытностію; какъ ученый, онъ съ неутомимою дѣятельностію занимался наблюденіями и изслѣдованіями въ области политической экономіи и статистики нашего отечества, и полезные труды его по этой части пользуются заслуженною извѣстностію. Переводъ замѣчательнаго сочиненія покойнаго А. В. Тенгоборскаго «Производительныя силы Россіи», изданнаго на французскомъ языкѣ, печатается теперь въ Москвѣ; на дняхъ вполнѣ оконченъ 2-й выпускъ второй части

этого сочиненія и начинается печатаніемъ слѣдующая часть. «Экономическій Указатель» обѣщаетъ познакомить публику съ другимъ замѣчательнымъ трудомъ г. Тенгоборскаго «*О движимомъ кредитѣ*»; переводъ этого сочиненія появится въ этой газетѣ съ слѣдующаго выпуска. Не менѣе замѣчательно сочиненіе его « *О финансахъ Австріи* ». Всѣ ученые труды г. Тенгоборскаго изданы на французскомъ языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, относящихся преимущественно къ мѣстнымъ учрежденіямъ царства Польскаго, которые напечатаны на польскомъ.

ШЛЁЦЕРЪ

И АНТИ-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ 1

I.

Задолго еще до Шлёцера начались изслѣдованія объ инокѣ Кіево-Печерскаго монастыря Несторѣ, какъ первомъ русскомъ лѣтописцѣ, о времени и обстоятельствахъ его жизни, о сочиненіяхъ его, о значеніи его лѣтописи. Этими изслѣдованіями—изслѣдованіями Татищева, Мюллера,—Шлёцеръ пользовался; подобно предшественникамъ своимъ, онъ призналъ несомнѣннымъ существованіе Нестора, перваго русскаго лѣтописца, въ XI вѣкѣ. Но въ этомъ вопросѣ Шлёцеръ впервые взглянулъ на явленіе собственно исторически, началъ разсматривать явленіе лѣтописца не отдѣльно, какъ это дѣлалось прежде, а въ связи съ современнымъ состояніемъ русскаго общества, занялся рѣшеніемъ вопроса о возможности появленія лѣтописца въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ при обстоятельствахъ временныхъ и мѣстныхъ. Изъ разсмотрѣнія этихъ обстоятельствъ Шлёцеръ вывелъ возможность лѣтописи; послѣ, такъ-называемые скептики отрицали возможность явленія, также основываясь на современномъ состояніи общества, защитники Нестора утверждали противное, опять на томъ же

(1) См. о жизни Шлёцера «Русскій Вѣстникъ» 1856 года, № 17.

основаніи: но основаніе это было положено Шлёцеромъ, который задалъ вопросы: какъ житель Приднѣпровья въ XI вѣкѣ могъ достигнуть извѣстной степени образованности? какъ напалъ онъ на мысль написать лѣтопись и написать ее на отечественномъ языкѣ? кто служилъ ему образцомъ? изъ какихъ источниковъ почерпалъ онъ извѣстія? и какъ вообще онъ поступалъ при своемъ лѣтописаніи? Возможность извѣстной степени образованности Шлёцеръ объяснилъ христіянствомъ и постояннымъ сообщеніемъ Кіева съ Византіею; византійскія лѣтописи могли быть занесены на Русь, и такимъ образомъ русскій человѣкъ могъ придти къ мысли стать бытописателемъ своего народа; образцами его были византійскіе лѣтописцы, а не авторы сагъ; что же касается до источниковъ, то многое онъ описывалъ какъ современникъ, остальное по устнымъ преданіямъ. Осторожный и проницательный критикъ, Шлёцеръ остановился предъ вопросомъ: имѣлъ ли Несторъ предъ глазами древнѣйшія письменныя извѣстія? Несторъ, по мнѣнію Шлёцера, начинаетъ свою лѣтопись чисто по-византійски, съ раздѣленія земли между сыновьями Ноя; но изложеніе его не византійское, а библейское. Философскихъ идей объ исторіи народовъ, говоритъ Шлёцеръ, никто не станетъ требовать отъ приднѣпровскаго инока XI вѣка; мало говоритъ онъ о внутренней исторіи Руси; его болѣе занимаютъ внѣшнія событія, войны, и т. п. Но, несмотря на всѣ недостатки, русскій лѣтописецъ возвышается надъ позднѣйшими исландскими и польскими разкащиками на столькоже, насколько разсудокъ, хотя часто заблуждающійся, возвышается надъ постоянною глупостію.

«Философскихъ идей объ исторіи народовъ никто не станетъ требовать отъ приднѣпровскаго инока XI вѣка.» Такъ условіями мѣста и времени объяснился, опредѣлился характеръ лѣтописи: мы не въ правѣ отъ лѣтописца XI вѣка ожидать того, что привыкли встрѣчать у историковъ XIX вѣка; но мы въ правѣ ожидать отъ него добросовѣстной, безприкрасной передачи видѣннаго и слышаннаго; въ этомъ отношеніи Несторъ превосходенъ, возвышается надъ современными и даже позднѣйшими лѣтописцами другихъ народовъ; и потому онъ *главный* источникъ первоначальной исторіи сѣвера. Какъ же этотъ главный источникъ представляетъ намъ первобытный сѣверъ вообще и до-

рюриковскую Россію въ особенности? Это представленіе должно оправдать отзывъ Шлёцера о *честномъ* Несторѣ: «*Честный* Несторъ представляетъ свою страну до Рюрика пустынею, гдѣ живетъ нѣсколько народцевъ, которыхъ онъ называетъ всѣхъ по имени, которыхъ мѣста жительства часто съ точностію опредѣляетъ; эти народцы живутъ осѣдло, не кочуютъ, живутъ въ городахъ, то-есть въ огороженныхъ деревняхъ. Первымъ шагомъ къ образованности у нихъ было появленіе монарха, вторымъ принятіе христіянства.» Чтобъ понять всю важность этого Шлёцерова вывода изъ показаній Нестора, стóитъ только вспомнить, что имъ были убиты представленія о древней Руси, къ которымъ пріучали русскихъ людей XVIII вѣка Елагины и Эмины. Шлёцеръ вывелъ строгую науку, древній лѣтописецъ раскрылъ свой простой, правдивый разказъ, и произведенія бездарныхъ риторовъ упразднились; съ появленіемъ законнаго царя исчезли самозванцы.

Шлёцеръ коснулся и вопроса о языкѣ лѣтописи Несторовой. «Когда же, спрашивалъ онъ, славянская литература будетъ имѣть своего Вахтера, своего Ире, которые сравнятъ славянскія нарѣчія между собою и съ ихъ общимъ источникомъ?» Шлёцеръ не ограничился однимъ заданіемъ вопроса, однимъ изъявленіемъ желанія, но самъ приступилъ къ изслѣдованію о языкѣ церковнославянскомъ; потомъ изложилъ исторію русской исторіографіи. Понятно, что Шлёцеръ, имѣя въ виду исключительно критику источниковъ, не могъ вполнѣ оцѣнить достоинства трудовъ Татищева, Щербатова, Болтина; его отталкивало отъ нихъ отсутствіе критики, какъ онъ понималъ ее, отсутствіе ученаго приготовленія, ученой обработки вопросовъ; при односторонности своего направленія онъ забывалъ, что для русскихъ людей, кромѣ объясненія темныхъ мѣстъ Нестора, важно было объясненіе и княжескихъ отношеній въ древней Россіи, и характера Іоанна Грознаго, и событій смутнаго времени; вотъ почему во второй половинѣ XVIII вѣка Шлёцеръ видитъ въ русской исторіографіи шагъ назадъ, тогда какъ мы теперь видимъ большой шагъ впередъ; несмотря на то, Шлёцеръ все же умѣетъ найдти достоинства и въ Татищевѣ, и въ Щербатовѣ, и въ Болтинѣ; его отзывы о нихъ далеко не такъ неблагосклонны, какъ отзывы, которые мы встрѣчаемъ во второй четверти XIX вѣка,—отзывы

людей, не почетшихъ за нужное передъ произнесеніемъ суда надъ писателемъ познакомиться съ его сочиненіемъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ статей Шлёцеръ приступаетъ къ главному труду—своду рукописей, разбору каждаго слова, нуждающагося въ объясненіи, указанію источниковъ, откуда почерпалъ Несторъ свои извѣстія, сличенію извѣстій другихъ авторовъ и т. п. Мы не будемъ распространяться о важномъ значеніи этого труда въ русской наукѣ, перваго, превосходнаго образца низшей исторической критики: это значеніе давно уже признано; мы не будемъ входить также въ подробный разборъ каждаго изъ мнѣній Шлёцера: эти мнѣнія и сужденія, споры о нихъ между позднѣйшими учеными также хорошо извѣстны. Мы обратимъ вниманіе читателей на тѣ достоинства Шлёцерова труда, которыя сохранили вполнѣ свою поучительность въ настоящее время, которыя въ настоящее время имѣютъ быть-можетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ имѣли когда-либо прежде.

Шлёцеръ находилъ высокій интересъ въ занятіяхъ начальною русскою лѣтописью, самъ говорилъ, что это было его любимое занятіе; Шлёцеръ нашелъ въ Несторѣ важныя достоинства, предпочелъ его всѣмъ другимъ современнымъ лѣтописцамъ, и, по своему обычаю, рѣзко выразилъ это предпочтеніе: несмотря на то, онъ умѣлъ удержаться въ должныхъ границахъ, не увлекся своимъ любимымъ писателемъ. Признавъ достовѣрность Несторовой лѣтописи, показавъ возможность появленія лѣтописца въ Приднѣпровьѣ XI вѣка, Шлёцеръ и смотритъ на него какъ на лѣтописца начальнаго, какъ на монаха XI вѣка, на общество имъ описываемое какъ на общество новорожденное, первоначальное: «Философскихъ идей объ исторіи народовъ никто не станетъ требовать отъ приднѣпровскаго инока XI вѣка. Мало говоритъ онъ о внутренней исторіи Руси, его болѣе занимаютъ внѣшнія событія, войны и т. п.» Зная, что имѣетъ дѣло съ начальнымъ лѣтописцемъ, Шлёцеръ знаетъ также, что имѣетъ дѣло съ начальнымъ, первобытнымъ обществомъ: критикъ потому уважаетъ Нестора, что въ простомъ разказѣ его не находитъ ничего, что бы не соотвѣтствовало этому первобытному состоянію. Гласно и рѣшительно высказалось мнѣніе, что разказъ объ извѣстномъ времени въ жизни извѣстнаго общества долженъ соотвѣтствовать этому времени во всѣхъ чертахъ своихъ, это со-

отвѣтствіе выставлено какъ непогрѣшительная повѣрка подлинности памятника, оно выставлено главною нравственною обязанностію повѣствователя, и трудъ, отличающійся такимъ соотвѣтствіемъ, названъ *честнымъ*.

Шлёцеръ указалъ на законъ историческаго развитія положеніемъ, что все великое въ природѣ начинается съ малаго (1). Отсюда необходимое заключеніе для историка, что это малое и должно быть представлено малымъ, не должно быть похоже на позднѣйшее великое, образовавшееся вѣковымъ путемъ постепеннаго движенія. Несторъ есть *честный* лѣтописецъ, потому что, описывая начало государства, разказывая о бытѣ племенъ, вошедшихъ въ составъ его, изображаетъ малое малымъ, простое простымъ. Отъ сознанія этой честности, какъ главной обязанности историка, проистекало у Шлёцера это уваженіе къ извѣстіямъ источниковъ, отвращеніе отъ произвольныхъ прибавокъ и украшеній: другіе позволяли себѣ прибавлять, что Рюрикъ при концѣ своей жизни былъ боленъ и слабъ, что онъ остальное время своего правленія провелъ въ покоѣ, занимаясь внутреннимъ устроеніемъ государства: «А я? говоритъ Шлёцеръ:—я не знаю *ничего*, потому что Несторъ не говоритъ ничего объ этомъ. Два первые года по смерти Рюрика ничѣмъ не наполнены въ исторіи: а мнѣ бы очень хотѣлось знать, что̀ случѝлось въ эти важные годы! Какъ вели себя недовольные въ Новгородѣ? спрашивали ли ихъ о преемствѣ престола? признали ли они наслѣдственное право Игоря и опекунское правленіе Олега? Не было ли опять безпокойствъ, и какъ велъ себя Олегъ при этомъ? Все это и многое другое хотѣлось бы мнѣ знать: но исторія ничего не говоритъ, а вымыслами нельзя наполнять историческихъ пробѣловъ» (2).

Елагины и Эмины, стараясь вымыслами оживлять и украшать лѣтописныя извѣстія, представляя первыхъ князей въ видѣ монарховъ XVIII вѣка, не могли однако сообщить начальной русской исторіи никакого величія: Шлёцеръ, ограничиваясь одними

(1) Несторъ, III, 24: Siehe da, die Wiege Deines alten grossen festen Reichs, Russischer Alexander! es hat, wie alles Grosse in der Natur, klein angefangen.

(2) Несторъ, III, 33, 37, 40.

краткими, сухими извѣстіями лѣтописца, умѣлъ показать величіе событій и величіе заслугъ историческихъ дѣятелей: «Кто прочелъ исторію этихъ четырехъ всемірно-историческихъ людей (Рюрика, Олега, Ольги и Владиміра) у Татищева, Ломоносова, Щербатова, Елагина и другихъ, тотъ не легко пойметъ великое, общезанимательное, которое источники дѣйствительно представляютъ, ибо это великое погребено подъ хламомъ мелочей, постороннихъ прибавокъ, нейдущихъ къ дѣлу разсужденій, преувеличеній, народныхъ сказокъ.» Шлёцеръ указалъ на важное значеніе дѣятельности Олега, который положилъ начало будущему величію Россіи, могущественному вліянію ея на всемъ сѣверѣ, умѣлъ понять важность утвержденія Олега въ Кіевѣ, соединенія сѣвера съ югомъ (1). Шлёцеръ, имѣя дѣло только съ краткими, сухими извѣстіями лѣтописца, честно обходясь съ ними, не позволяя себѣ никакихъ прибавокъ, лучше всѣхъ риторовъ понялъ величіе русскаго народа, населителя третьей части земнаго шара, давшаго ей гражданственность, исторію (2); въ этомъ отношеніи Шлёцеру принадлежитъ первый разумный взглядъ на русскую исторію, ему принадлежитъ научное введеніе русскаго народа въ среду европейскихъ историческихъ народовъ. Путемъ честнаго, строго-научнаго обращенія съ источниками уразумѣвъ достоинство русской исторіи, Шлёцеръ требовалъ, чтобъ она обрабатывалась достойнымъ образомъ, а не такъ, какъ изображали ее риторы XVIII вѣка (3). То же честное обращеніе съ

(1) Несторъ III, 5, 6.

(2) Тамъ же, стр. 26, 27. Das grösste Drittel unsers Erdteils, der unwirthbare Nordöstliche Norden diesseit der Ostsee bis zum Eismeer und Ural, dessen Dasein kein Grieche und Römer erfaren hatte, wohin noch kein Deutscher gedrungen war, weil die Entfernung zu gross war. Siehe da bildete sich vor 1000 Jahren, durch Amalgamirung mehrer ganz verschiednen Horden, ein Volk, Russen genannt, das mit der Zeit Menschheit in Gegenden bringen sollte, die von dem Vater der Menschheit bis dahin vergessen zu sein schienen. Ein Zusammenfluss, eine Verkettung von Zufälligkeiten, leitete diese hohe Zwecke auf eine auffallende Weise. Menschen waren hier, vielleicht schon seit Jahrtausenden, aber nur wenige, sie wonten auf einer ungeheuren Strecke Landes zerstreut, one Verbindung unter sich, die die Verschiedenheit der Sprachen und Sitten erschwerte: und Menschheit ist doch nur das Werk de la population *rassemblée*, u s. w.

(3) Несторъ, II, 282.

источниками дало Шлёцеру возможность уразумѣть различіе начала русской исторіи отъ начала исторіи другихъ европейскихъ государствъ: будучи иностранцемъ, Нѣмцемъ, онъ не увлекся однако норманизмомъ, хотя по ясности туземныхъ и чужихъ извѣстій, и не могъ не признать первыхъ князей Норманнами: «Между пятью народцами, дѣйствующими въ началѣ русской исторіи, только одинъ принадлежитъ къ славянскому племени— Новгородцы (да развѣ еще Кривичи); и эти Новгородцы не отличаются ничѣмъ предъ другими, не первенствуютъ. Несмотря на то, Славяне становятся главнымъ народомъ новой монархіи, и поглащаютъ не только четыре остальные народца, но и самихъ завоевателей: все становится славянскимъ! Черезъ 200 лѣтъ отъ Варяговъ не остается ни малѣйшаго слѣда; даже скандинавскія собственныя имена послѣ Игоря исчезаютъ изъ княжескаго дома и замѣняются славянскими. Славянскій языкъ не терпитъ ни малѣйшей перемѣны отъ норманскаго языка повелителей. Совершенно иначе происходитъ въ Италіи, Галліи, Испаніи и другихъ странахъ: сколько германскаго внесено Франками въ латынь Галловъ! Новое доказательство, что норманнскія дружины, поселившіяся въ странѣ, не были многочисленны» (1).

II.

Намъ не нужно много распространяться о важномъ значеніи главныхъ положеній Шлёцера въ исторіи нашей науки. Изслѣдованія Шлёцера ограничиваются начальнымъ періодомъ русской исторіи; о дальнѣйшемъ ходѣ событій онъ имѣлъ ошибочныя понятія по недостатку подробнаго фактическаго изученія; онъ только началъ, но началъ какъ слѣдуетъ, именно, *началъ съ начала*, и потому его трудъ легъ въ основу историческаго направленія въ нашей наукѣ. Все великое начинается съ малаго; чтобъ опредѣлить правильно это малое и наблюдать многосторонне и, по возможности, непогрѣшительно за его возра-

(1) Несторъ, III, 21, 22.

станіемъ въ большое, надобно вникнуть въ простой, правдивый разказъ честнаго лѣтописца, не искажая его, не примѣшивая къ нему представленій, изъ другаго времени взятыхъ. Вопросъ: что было въ нынѣшней Россіи въ то время, какъ на ней еще русскаго имени не было? вопросъ этотъ, правильно, на основаніи лѣтописныхъ показаній рѣшенный,—чрезвычайной важности, ибо только посредствомъ его рѣшенія мы получимъ ключъ къ уразумѣнію начала нашего государства и дальнѣйшей его исторіи. Какъ же изображаетъ намъ лѣтописецъ это до-рюриковское состояніе своей страны? «Честный Несторъ представляетъ свою страну до Рюрика пустынею, гдѣ живетъ нѣсколько народцевъ.» Страна—пустыня, и какая пустыня, какихъ размѣровъ? Это грамадная равнина отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Каспійскаго до Балтійскаго! Если эта обширная страна въ половинѣ IX вѣка была пустынею, то могла ли она скоро перестать быть пустынею, скоро населиться? Явные слѣды постепеннаго и медленнаго населенія ея мы видимъ въ продолженіе всей нашей исторіи, видимъ, какъ древніе южные князья, какъ потомъ сѣверные князья, государи московскіе, тяготятся малочисленностію народонаселенія, стараются увеличить послѣднее; въ XV, XVI, XVII вѣкахъ путешественники описываютъ бо́льшую часть страны пустынею, покрытою на обширныхъ пространствахъ дремучими лѣсами, болотами, по которымъ можно ѣздить только зимою, а не лѣтомъ; вспомнимъ, какое ничтожное относительно пространства народонаселеніе имѣло Московское государство при переходѣ своемъ во Всероссійскую имперію и послѣ, въ XVIII вѣкѣ! Но, вспомнивши все это, мы не будемъ удивляться медленности государственнаго развитія, медленности установленія наряда въ землѣ великой, ибо знаемъ, какъ огромное пространство съ рѣдко-разбросаннымъ народонаселеніемъ препятствуетъ быстротѣ и правильности отправленій государственнаго организма. Какія важныя явленія нашей исторіи, нашей жизни легко объясняются, когда историкъ начнетъ съ начала, когда начнетъ съ того, что страна наша въ половинѣ IX вѣка была пустынею, по которой рѣдко были разсѣяны разные народцы, что до половины IX вѣка здѣсь не было исторіи!

Честный лѣтописецъ изображаетъ восточную равнину до Рю-

рика пустынею, гдѣ живетъ нѣсколько народцевъ; но какъ онъ изображаетъ бытъ этихъ народцевъ? «Каждый жилъ особо съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ, свой обычай имѣлъ». На сѣверѣ, въ нѣкоторыхъ племенахъ эти особные роды были приведены къ единству подъ одну общую власть сперва силою; потомъ, когда эта власть была отстранена, родовая особность высказалась вновь въ усобицахъ: «всталъ родъ на родъ»; но средство прекратить это положеніе было недавно испытано, и общая власть призывается. Призванные князья, благодаря соединеннымъ силамъ призвавшихъ племенъ, заставляютъ и всѣ другія племена восточной равнины подчиниться одной общей власти: происходитъ соединеніе племенъ, вмѣсто племенъ видимъ волости, каждую съ своимъ княземъ, но эти князья суть члены одного нераздѣльнаго рода, и эта нераздѣльность поддерживаетъ единство Русской земли во время государственнаго младенчества; потомъ волости соединяются въ одно государство, многіе князья исчезаютъ, является единовластіе. Внутренній процессъ государственнаго объединенія оканчивается, тяжелый, медленный процессъ опять вслѣдствіе громадности страны, составляющей свой отдѣльный міръ. По окончаніи этого процесса, государство получаетъ возможность войдти въ систему европейскихъ государствъ съ сильнымъ, по своимъ средствамъ, вліяніемъ, но въ то же время подвергаясь вліянію и другихъ государствъ, что̀ необходимо въ общей жизни народовъ, необходимо для успѣховъ народной жизни.

Но мы не можемъ высказать это послѣднее положеніе, какъ общепринятое, ибо существуетъ мнѣніе противное, существуетъ направленіе, противоположное *историческому* направленію, которое начинается Шлёцеровымъ Несторомъ. Въ чемъ состоитъ это направленіе, которое мы должны назвать *анти-историческимъ*, оказывается изъ положеній, высказанныхъ его послѣдователями.

Первое положеніе состоитъ въ томъ, что у восточныхъ Славянъ, и у Славянъ вообще, не было родоваго быта, а если и былъ, то рушился во времена до-историческія. Отрицать господство родоваго быта у Славянъ въ половинѣ IX вѣка и сильное вліяніе его послѣ въ отношеніяхъ самыхъ видныхъ, именно въ отношеніяхъ княжескихъ и вельможескихъ, можно только отвер-

гая свидѣтельства честныхъ лѣтописцевъ и другихъ неоспоримыхъ источниковъ, чего послѣдователи историческаго направленія позволить себѣ не могутъ. Послѣдователи анти-историческаго направленія могли это сдѣлать, или заподазривая подлинность лѣтописи, или перетолковывая ясный смыслъ лѣтописныхъ извѣстій, употребляя натяжки. Они предпочли второй способъ. Тамъ, гдѣ на сценѣ прямо явленіе изъ родоваго быта, какъ напримѣръ, если братья владѣютъ нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, тамъ послѣдователи анти-историческаго направленія видятъ явленіе семейное! Лѣтописецъ говоритъ ясно, что у восточныхъ Славянъ каждый жилъ особо съ родомъ своимъ и владѣлъ имъ: нѣтъ, говорятъ; это значитъ, что Славяне владѣли по родамъ, цѣлымъ родомъ совокупно,—и такимъ образомъ, вопреки своему желанію, прямо доказываютъ господство родоваго быта. Всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ языкомъ древнихъ памятниковъ, извѣстно, что слово: родъ, употреблялось для означенія современной совокупности всѣхъ живыхъ родственниковъ: послѣдователи анти-историческаго направленія отвергаютъ и это; говорятъ, что слово: родъ, означало только семью; родовыя княжескія отношенія они объясняютъ тѣмъ, что князья не были славянскаго племени, не указывая на тотъ не-славянскій народъ, у котораго это явленіе было бы въ такой степени развито, и умалчивая о тѣхъ славянскихъ народахъ, у которыхъ оно было развито.

Отвергнувши родовой бытъ, послѣдователи анти-историческаго направленія поставили изначальную общину договорную, провозгласили, что общинный бытъ есть господствующее явленіе нашей исторіи. Тщетно имъ говорятъ, что существованія общиннаго быта въ Россіи никто не оспариваетъ; тщетно говорятъ имъ, что бытъ этотъ и въ гораздо большемъ развитіи видимъ въ исторіи другихъ народовъ; тщетно говорятъ имъ, что явленіе должно быть объяснено исторически: послѣдователи анти-историческаго направленія продолжаютъ утверждать, что былъ общинный бытъ, господствовалъ — и только! Какъ начался, вслѣдствіе какихъ причинъ усиливался или ослаблялся, въ какія эпохи замѣчаемъ это усиленіе или ослабленіе? на эти вопросы они не отвѣчаютъ. Были вѣчевые города, говорятъ они. Дѣйствительно были, и давно уже историки обратили вниманіе на эти города, на ихъ *исторію*, указывая происхожденіе вѣчеваго быта,

его развитіе и упадокъ. Были вѣчевые города въ началѣ общественной русской жизни, исчезли при образованіи государства, которое исключило эту форму городоваго или областнаго быта. Сначала видимъ особные, замкнутые, самостоятельные роды, потомъ, вслѣдствіе извѣстныхъ вліяній, эти роды замѣняются обществами, члены которыхъ соединены не родственною связью, обществами, болѣе или менѣе самостоятельно управляющимися; но эти общества, или общины, такъ же замкнуты и особны, такъ же страдаютъ эгоизмомъ, какъ и роды; народъ, который остановится на этой ступени, не долго можетъ поддерживать свою самостоятельность. Чтобъ достигнуть высшей ступени развитія, чтобъ достигнуть единства государственнаго, яснаго сознанія объ этомъ единствѣ и способности пожертвовать всѣмъ для его сохраненія, народъ долженъ отказаться отъ этой общинной особности, пожертвовать ею, а потомъ, когда государство окрѣпнетъ, когда сознаніе объ его единствѣ утвердится, тогда вопросъ о той или другой формѣ областнаго управленія можетъ рѣшиться такъ или иначе, вслѣдствіе различныхъ условій. Мы знаемъ, какъ въ Московскомъ государствѣ рѣшаемъ былъ этотъ вопросъ, какъ давалось самостоятельное управленіе мірамъ, мѣстнымъ общинамъ, какъ потомъ, вслѣдствіе стремленія частей государственнаго организма къ большему развитію, община мѣстная должна была пасть передъ сословною, образованіе которой было дѣломъ новой Россіи, завѣщаннымъ ей старою; при этомъ мелькала неясная мысль о возможности не исключать мѣстную общину сословною, а соединить ихъ, но, какъ обыкновенно бываетъ, одно начало, пролагая себѣ дорогу, стремилось исключить совершенно другое; способность, не утрачивая стараго, соединять его съ новымъ, есть принадлежность поколѣній, крѣпкихъ просвѣщеніемъ, крѣпкихъ мудростію гражданскою. Объ этомъ надѣемся поговорить подробнѣе въ другой статьѣ.

Новгородъ не поддержалъ Ростова, Псковъ выдалъ Новгородъ—вотъ обычное поведеніе общинъ! Сѣверовосточная Россія для объединенія своего, для собранія земли, отреклась отъ вѣчеваго быта. У народовъ историческихъ, въ извѣстныя эпохи, замѣчаемъ извѣстныя симпатіи и антипатіи, показывающія историку, какое начало вырабатываетъ въ себѣ народъ, начало, необходимое для продолженія его исторической жизни, для вы-

хода на болѣе широкій путь: отсюда понятно у московскихъ лѣтописцевъ это отвращеніе къ вѣчу, это нерасположеніе къ Новгородцамъ, вѣчникамъ, крамольникамъ. Что выиграла сѣверо-восточная Русь этимъ отреченіемъ отъ вѣчеваго быта, показалъ ясно 1612 годъ, когда народъ, вслѣдствіе сознанія государственнаго единства, могъ встать какъ одинъ человѣкъ для охраненія этого единства.

Третій вопросъ, котораго коснулись послѣдователи антиисторическаго направленія, былъ вопросъ о земскихъ соборахъ. Вотъ мнѣніе ихъ о происхожденіи этого явленія (1):

«До московскаго періода, при множествѣ отдѣльныхъ княжествъ, мы безпрестанно (?) видимъ вѣча, видимъ сильный элементъ совѣщательный. Что же съ нимъ сталось, съ этимъ элементомъ? Внутри государственнаго состава произошла перемѣна. Отношенія государя къ дружинѣ перемѣнились. А что же отношенія государя къ землѣ? Перемѣнились ли они или нѣтъ? какъ перемѣнились? и чѣмъ стали они? Какъ отразилась или обозначилась правительственная перемѣна въ отношеніи къ народу?

«Древнія областныя вѣча, не всегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣшивавшія нерѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразились, при единодержавіи, въ земскій соборъ всей Россіи, явленіе, уже имѣющее одну чисто нравственную силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности, силу, къ которой обращалось правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Обратимся къ самой исторіи, къ самымъ событіямъ. Первымъ движеніемъ Іоанна царя было: созвать на Красную Площадь земскій соборъ. На этомъ соборѣ царь возвѣстилъ только землѣ, что наступила новая эпоха, новыя между ними отношенія. На этомъ соборѣ царь и земля увидались другъ съ другомъ, и ярко выступилъ новый составъ Россіи: единый царь и вся земля. Созваніе земскаго собора было собственнымъ дѣйствіемъ Іоанна, внушенное сознаніемъ значенія царя въ Россіи. Новое возвѣщенное начало, заявившее себя созваніемъ отъ царя перваго земскаго собора, было приложено къ дѣлу въ послѣдствіи. Въ 1566 году, Іоаннъ IV созвалъ опять земскій соборъ и спрашивалъ мнѣнія, мириться ли

(1) Русск. Бесѣда, 1856. № IV, Критика, стр. 1 и сл.

съ Польшею на предложенныхъ ею условіяхъ, или воевать, требуя бо́льшихъ уступокъ. Если скажутъ, что созваніе земскаго собора не имѣло того значенія, что это было личное дѣйствіе Іоанна, его личное желаніе, то въ отвѣтъ на это мы укажемъ на цѣлый рядъ земскихъ соборовъ, отсюда возникающихъ и продолжающихся вплоть до самаго Петра I, такъ что послѣдній земскій соборъ распускается отъ имени Петра. Намъ скажутъ, что этихъ соборовъ мы не видимъ ни въ царствованіе Ѳеодора, ни въ царствованіе Годунова. Отвѣчаемъ на это, вопервыхъ, что, начиная съ царя Михаила Ѳеодоровича, нельзя уже не признать цѣлаго ряда соборовъ, и что все-таки первый земскій соборъ былъ созванъ первымъ русскимъ царемъ. Вовторыхъ, только о нѣкоторыхъ соборахъ сохранились извѣстія полныя, цѣлые протоколы засѣданій, объ иныхъ извѣстія краткія; объ иныхъ узнаемъ изъ грамотъ, до нихъ касающихся, а объ иныхъ изъ грамотъ, даже не касающихся до нихъ, но гдѣ однако ясно и опредѣленно объ нихъ говорится въ нѣсколькихъ строкахъ. Итакъ, мы можемъ предположить, что земскіе соборы могли быть при Ѳеодорѣ и Борисѣ, но что извѣстія о нихъ или потеряны, или существуютъ въ другихъ грамотахъ, между множествомъ постороннихъ словъ.»

Въ этомъ изложеніи мнѣнія о соборахъ вполнѣ обнаруживается способъ, какой употребляютъ послѣдователи анти-историческаго направленія въ своихъ разсужденіяхъ. До московскаго періода были вѣча, былъ сильный элементъ совѣщательный. Что̀ съ нимъ сталось въ періодъ московскій? Его нѣтъ, говорятъ намъ источники; мало того, въ этихъ самыхъ источникахъ находимъ сильныя выходки противъ него; если этотъ элементъ былъ силенъ, то зачѣмъ онъ исчезъ, зачѣмъ не обнаруживался при дѣлѣ собиранія земли? что̀ ему мѣшало? Ясно, слѣдовательно, что новое общество строилось на другихъ началахъ, исключавшихъ вѣчевой элементъ; и дѣйствительно, когда Іоаннъ III потребовалъ отъ вѣчеваго Новгорода, чтобъ онъ принялъ обычаи московскіе, и Новгородцы спросили, какіе это обычаи, то Іоаннъ отвѣчалъ: не быть вѣчу. И вотъ этотъ совѣщательный элементъ, котораго не было въ новой сѣверовосточной Руси, вдругъ является, воскресаетъ при новомъ титулѣ, который принялъ Іоаннъ IV! Не являлся онъ, когда дѣло собиранія земли

совершилось на фактѣ, при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи, государяхъ *всея Руси*, и явился только тогда, когда Іоаннъ IV назвалъ себя царемъ! Преображеніе одного явленія въ другое можно допустить только тогда, когда между ними есть очевидная связь, когда можно указать на посредствующія звенья, посредствующія формы; но можно ли сближать между собою явленія, между которыми нѣтъ никакой связи, которыя отдѣлены другъ отъ друга вѣками? Созваніе выборныхъ на Красную Площадь не было слѣдствіемъ существованія когда-то и гдѣ-то вѣчей; не было и явленіемъ случайнымъ, не было личнымъ дѣйствіемъ Іоанна: это явленіе вытекало естественно и необходимо изъ отношеній царя къ дружинѣ, изъ естественнаго стремленія найдти себѣ опору противъ заподозрѣнной дружины. Зачѣмъ Іоаннъ созвалъ выборныхъ, что онъ имъ сказалъ? То, что въ его малолѣтство бояре беззаконствовали, и онъ не былъ виноватъ въ этихъ беззаконіяхъ; теперь, когда онъ возмужалъ, самъ принялъ власть, подобныхъ беззаконій уже не будетъ. Какъ несправедливо приписывать усиленіе выборнаго начала въ областномъ управленіи борьбѣ Іоанна съ дружиною, ибо это усиленіе началось прежде Іоанна вслѣдствіе ясно высказавшихся государственныхъ потребностей: точно также несправедливо приписывать созваніе выборныхъ чему-либо иному, а не этой борьбѣ, ибо здѣсь побужденія, проистекающія прямо изъ этой борьбы, ясно высказываются. Авторъ приведеннаго мнѣнія о происхожденіи собора отъ вѣча говоритъ, что соборъ 1566 года, по поводу войны литовской, былъ приложеніемъ къ дѣлу начала, заявившаго себя въ созваніи выборныхъ на Красной Площади. Дѣйствительно связь между этими явленіями ясна: они оба проистекали изъ одного источника; но между ними было еще посредствующее, однородное имъ явленіе: это обращеніе Іоанна къ московскимъ горожанамъ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу. Но если созваніе выборныхъ на Красную Площадь, обращеніе къ горожанамъ московскимъ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу и призывъ на соборъ 1566 года, кромѣ духовенства, бояръ и дворянъ, также приказныхъ людей, гостей и лучшихъ купцовъ московскихъ, суть явленія однородныя, изъ одной причины проистекающія: то уже ни въ какомъ случаѣ они не могутъ подтверждать мнѣнія,

что здѣсь высказалась мысль народная, что соборъ 1566 года былъ соборомъ *всей Россіи*, ибо намъ извѣстно, кто былъ на этомъ соборѣ: духовенство, бояре, окольничіе, казначеи, государевы дьяки, дворяне и дѣти боярскіе первой и второй статьи, помѣщики съ западныхъ литовскихъ границъ, какъ люди, которымъ болѣе другихъ были знакомы мѣстныя отношенія, дьяки и приказные люди, гости, лучшіе купцы московскіе. Гдѣ же выборные изъ городовъ, изъ областей? гдѣ же *вся* земля, позванная на совѣтъ вслѣдствіе объединенія государства? значитъ, гости и лучшіе купцы *московскіе* были представителями всѣхъ областей объединенной Россіи?

Самому автору приведеннаго мнѣнія представилось сильное возраженіе: «намъ скажутъ, что земскихъ соборовъ мы не видимъ ни въ царствованіе Ѳеодора, ни въ царствованіе Годунова». Какъ же онъ опровергаетъ это возраженіе? «Начиная съ царя Михаила Ѳедоровича, нельзя уже не признать цѣлаго ряда соборовъ, и все-таки первый земскій соборъ былъ созванъ первымъ русскимъ царемъ.» Выходитъ, что при царѣ Иванѣ было единое государство и мысль народная высказывалась на совѣтѣ всей земли, при царѣ Михаилѣ было то же самое; что́ же было при царѣ Ѳеодорѣ и при царѣ Борисѣ? Единство государственное рушилось стало-быть, и мысль народная замолкла? Любопытно это: *все-таки*: «все-таки первый земскій соборъ былъ созванъ первымъ русскимъ царемъ.» Какъ легко человѣку, который не обладаетъ предметомъ своего мышленія, но которымъ этотъ предметъ обладаетъ, впасть въ мистицизмъ! развѣ это не мистицизмъ—настаивать на таинственную связь перваго собора съ первымъ царемъ? Но еще любопытнѣе второй отвѣтъ автора: Земскіе соборы *могли* быть при Ѳеодорѣ и при Годуновѣ, но извѣстія объ нихъ потеряны! Спрашивается, чего нельзя доказать такимъ образомъ? Всякое явленіе, которое намъ нужно, *могло* быть, а если объ немъ нѣтъ извѣстій въ источникахъ, то это потому, что они потеряны: вопросъ порѣшенъ?

Мы привели мнѣніе автора о возможности соборовъ при царѣ Ѳеодорѣ и Борисѣ Годуновѣ для показанія способа, какой употребляютъ послѣдователи анти-историческаго направленія при рѣшеніи ученыхъ вопросовъ. Что же касается до фактовъ, то въ началѣ царствованія Ѳеодора, если мы и не можемъ рѣшительно

указать на настоящій земскій соборъ, то, по крайней мѣрѣ, можемъ указать на приготовленія къ нему, ибо со смертію Іоанна IV уже начинается время смутъ, изъ которыхъ государство могло выйдти только съ помощію всей земли, начинается время дѣйствительныхъ земскихъ соборовъ. По смерти Іоанна IV уже возникъ вопросъ, кому изъ двоихъ сыновей его быть царемъ? ибо старшій царевичъ, Ѳеодоръ, признавался неспособнымъ. Возникли вслѣдствіе этого безпокойства, поддерживаемыя честолюбцами. Англичанинъ Горсей говоритъ, что 4-го мая 1584 года созванъ былъ соборъ (parliament), на которомъ присутствовали митрополитъ, архіепископы, епископы, игумены и все дворянство (all the nobility Whatsoever); наши лѣтописи говорятъ: «По преставленіи государя І. В. пріидоша изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитые люди изъ всего государства Московскаго и молиша со слезами государя царевича Ѳеодора Іоанновича, чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ.» Мы не знаемъ, были ли эти именитые люди изъ городовъ на соборѣ, или дѣло ихъ ограничилось только просьбою царевичу Ѳеодору. Но кто были эти именитые люди? названіе: *именитый*, неопредѣленно, означаетъ вообще *знатнаго* человѣка; Горсей говоритъ, что на соборѣ было дворянство, и надобно замѣтить, что Англичане въ этомъ отношеніи очень точны, они постоянно различаютъ дворянство и горожанъ: тотъ же Горсей въ томъ же мѣстѣ говоритъ о безпокойствахъ между дворянствомъ и горожанами; Джонъ Мерикъ о Годуновѣ говоритъ, что онъ былъ избранъ кромѣ дворянства и всѣми горожанами. Но какъ бы то ни было, для насъ важно то, что великій вопросъ о престолонаслѣдіи, поднявшійся впервые, впервые вызываетъ участіе всей земли, здѣсь впервые слышится ея голосъ, ибо на Красной Площади, гдѣ говорилъ царь Іоаннъ Васильевичъ, ни чьего голоса, кромѣ его, не было слышно, на соборѣ 1566 года выборныхъ изъ городовъ не было; а въ 1584 году явились именитые люди (кто бы они ни были) изъ всѣхъ городовъ всего Московскаго государства и просили царевича Ѳеодора принять престолъ. Тотъ же самый великій вопросъ объ избраніи царя повторился по смерти Ѳеодора и былъ рѣшенъ всею землей на соборѣ. Началась эпоха смутъ, явилось нѣсколько искателей престола, наконецъ на Москвѣ не

стало болѣе никакого царя; боярская дума, преданная иновѣрцу Владиславу, не удовлетворяла требованіямъ земли, и земля, чрезъ своихъ представителей, должна была принять на себя правительство; грамоты писались отъ имени всей земли; по очищеніи земли, соборъ избираетъ царя, которому даетъ слово, что смуты не повторятся болѣе, что, несмотря на страшное разстройство всѣхъ государственныхъ отправленій, у новаго государя будутъ средства установить нарядъ и укротить враговъ. Это положеніе государства и это обѣщаніе, данное землей новому государю, условливали если не постоянный земскій соборъ, то, по крайней мѣрѣ, очень частое его созываніе, что̀ и видимъ на самомъ дѣлѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Состояніе государства, значеніе собора, его необходимость въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича всего яснѣе видны изъ переписки новаго царя съ земскимъ совѣтомъ еще до прибытія Михаила въ Москву; такъ онъ пишетъ изъ Ярославля: «отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси богомольцу нашему Кириллу митрополиту Ростовскому, архіепископамъ, епископамъ и всему освященному собору, боярамъ нашимъ и окольничимъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ большимъ, и приказнымъ людямъ, и жильцамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, головамъ стрѣлецкимъ, сотникамъ, атаманамъ, козакамъ, стрѣльцамъ, гостямъ, торговымъ и изъ городовъ пріѣзжимъ людямъ и всѣмъ Московскаго государства всѣхъ чиновъ людямъ. Писали вы къ намъ, чтобъ намъ идти къ Москвѣ вскорѣ, и прислали роспись, что̀ у васъ на Москвѣ, на дворцѣ всякихъ запасовъ: и по той росписи запасовъ во дворцѣ мало, и съ обиходъ нашъ того не будетъ и на пріѣздъ нашъ. А которые сборщики отъ васъ посланы по городамъ для кормовъ, и тѣ сборщики къ Москвѣ не бывали, а денегъ ни въ которомъ приказѣ въ сборѣ нѣтъ, а Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей до конца разорено, на нашъ обиходъ запасовъ и служилымъ людямъ на жалованье денегъ и хлѣба сбирать не съ кого. Атаманы и козаки безпрестанно намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьѣ, о своихъ и конскихъ кормахъ, а намъ ихъ пожаловать нечѣмъ и кормовъ давать нечего И вамъ бы приговоръ учинить: чѣмъ намъ ратныхъ людей жаловать, и свои обиходы полнить, и бѣдныхъ служилыхъ людей

чѣмъ кормить и поить, и ружнымъ и оброчникамъ на жалованье деньги и хлѣбные всякіе запасы давать? и про то бъ вамъ про все учинить полный приговоръ, какъ кому быть и къ намъ отписать вскорѣ. А то вамъ самимъ и всему Московскому государству, служивымъ и жилецкимъ людямъ, вѣдомо: учинились мы царемъ вашимъ прошеньемъ и челобитьемъ, а не своимъ хотѣньемъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею; и вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованье, намъ служить, и о всякомъ дѣлѣ радѣть, и приговоръ свой учинить, какъ тому всему быть.»

Авторъ приведеннаго мнѣнія о соборахъ говоритъ: «Отстоявъ свою независимость, Русская земля вновь призвала государство и вновь поставила себѣ царя, избраннаго всею землею. Отсюда начинается уже цѣлый рядъ земскихъ соборовъ: государство часто призываетъ землю на совѣтъ. Три первые царя изъ роду Романовыхъ охотно собираютъ земскіе соборы, какъ скоро встрѣчается важное дѣло, касающееся до всей Россіи. При одномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ насчитывается до 12 земскихъ соборовъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, для обсужденія Уложенія, былъ собранъ земскій соборъ. Когда Малороссія просила царя о присоединеніи ея къ Россіи, то рѣшеніе этого важнаго вопроса было предложено также земскому собору.» (Замѣтимъ, что по малороссійскому дѣлу было два собора.)

При царѣ Михаилѣ 12 соборовъ, а въ долговременное и обильное важными событіями царствованіе Алексѣя Михайловича только два (собственно 3)! Для послѣдователей анти-историческаго направленія это ничего не значитъ, ибо имъ нѣтъ нужды до исторіи явленія; вотъ почему происхожденіе собора у нихъ мистически соединено съ принятіемъ царскаго титула Іоанномъ IV, а окончаніе также мистически соединено съ именемъ Петра, ибо послѣдній соборъ, по ихъ мнѣнію, распущенъ именемъ Петра, хотя Петръ былъ въ то время младенецъ. Но для послѣдователей историческаго направленія эта разница, что при царѣ Михаилѣ было 12 соборовъ, а при царѣ Алексѣѣ только 2, чрезвычайной важности, ибо это ясно показываетъ вымираніе явленія, ослабленіе причины, его производившей. При царѣ Михаилѣ государство находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи, у правительства, какъ мы видѣли, не было никакихъ средствъ, и оно

постоянно обращалось за этими средствами къ землѣ, созывало соборы, требуя отъ нихъ средствъ для извѣстнаго предпріятія. Но мало-по-малу государство оправилось, пріобрѣло средства, и соборы по дѣламъ внѣшней политики, для войнъ, прекращаются. Послѣдній такого рода соборъ былъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, именно по случаю присоединенія Малороссіи, и въ обстоятельствахъ созванія собора ясно видно, что явленіе вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужнымъ еще исполнить изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія. 6 сентября 1653 года, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ гетману Богдану Хмельницкому ближняго стольника Родіона Стрѣшнева и дьяка Бредихина, а въ вѣрющей грамотѣ писалъ: «Послали мы, для нашихъ государскихъ дѣлъ, къ тебѣ и ко всему войску Запорожскому ближняго нашего стольника... а съ нимъ послали къ тебѣ наше государское жалованье, и о чемъ они тебѣ говорить учнутъ, и тебѣ бъ имъ въ томъ вѣрить (1).» Что же должны были говорить гетману Стрѣшневъ и Бредихинъ? Объ этомъ даетъ знать самъ гетманъ въ отпискѣ къ царю: «Зѣло утѣшилися есмя, когда грамоту прочитали есмы, отъ твоего царскаго величества присланную до насъ, всего войска Запорожскаго, черезъ ближняго стольника Р. М. Стрѣшнева и дьяка М. Бредихина, которые намъ объявили, что твое пресвѣтлое царское величество пожаловалъ насъ *и изволилъ принять подъ свою крѣпкую руку*. И мы тому обрадовалися вельми, и ради твоему пресвѣтлому царскому величеству вѣрно во всемъ служить и крестъ цѣловать» (2). Итакъ, *6-го сентября* государь послалъ къ гетману съ объявленіемъ, что онъ принялъ его въ подданство, а *1-го октября* созванъ былъ соборъ для разсужденія о томъ, принимать ли гетмана въ подданство? Положимъ, что Алексѣй Михайловичъ былъ увѣренъ въ согласіи собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде, но въ такомъ случаѣ для чего созывать вторично соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе? если же хотѣли бо́льшаго, окончательнаго удостовѣренія, то зачѣмъ было созывать соборъ послѣ рѣшенія дѣла? При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, при каждой новой войнѣ, требовавшей особыхъ из-

(1) С. г. г. и д. III, № 156.
(2) Тамъ же, № 159.

держекъ, сбора десятой деньги, созывался земскій соборъ; при царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ, передъ началомъ войны съ Турками сборъ десятой деньги рѣшили духовенство, бояре, окольничіе и думные люди. Такимъ образомъ, земскій соборъ, бывшій слѣдствіемъ извѣстныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ XVII вѣкѣ, вымираетъ съ уничтоженіемъ этихъ причинъ, вымираетъ въ древней же Россіи, прекращается въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и неправильно авторъ приведеннаго мнѣнія распущеніе послѣдняго собора соединяетъ съ именемъ малолѣтнаго Петра: «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, говоритъ онъ,—въ свое короткое царствованіе созывалъ два собора: одинъ—для уничтоженія мѣстничества; на этомъ соборѣ были только служилые люди, ибо вопросъ о мѣстничествѣ до земли не касался: земля не служила и не мѣстничалась. Другой—былъ земскій соборъ, предметъ котораго былъ весьма важенъ. Онъ былъ созванъ для уравненія всякихъ службъ и податей.» Первый соборъ на счетъ мѣстничества не былъ земскимъ соборомъ, слѣдовательно объ немъ и говорить не слѣдовало въ статьѣ «О земскихъ соборахъ»; наука требуетъ точности; такихъ соборовъ, какъ соборъ о мѣстничествѣ, созывалось много и прежде, и въ XVI вѣкѣ. Что же касается до созванія выборныхъ для уравненія службъ и податей, то и это—не земскій соборъ, такимъ онъ нигдѣ и не называется. Если же угодно подобныя созыванія выборныхъ изъ областей называть земскими соборами, то упомянутое созваніе 1682 года вовсе не будетъ въ такомъ случаѣ *послѣднимъ* земскимъ соборомъ, и не нужно распущеніе послѣдняго земскаго собора мистически соединять съ именемъ Петра, ибо обычай этотъ существовалъ и въ XVIII вѣкѣ точно такъ же, какъ въ XVII; здѣсь нѣтъ, слѣдовательно, грани между древнею и новою Россіею. Такъ въ царствованіе Петра II, въ 1728 году, для сочиненія Уложенія велѣно было выслать, къ Москвѣ, изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ отъ шляхетства. При Аннѣ Іоанновнѣ повелѣно опредѣлить къ составленію Уложенія добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію Сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ. При

императрицѣ Елисаветѣ, въ 1761 году, также по поводу сочиненія Уложенія, правительство объявило: «Какъ оное сочиненіе Уложенія, для управленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ, и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать. Того ради Пр. Сенатъ приказали: къ слушанію того Уложенія изъ городовъ изъ всякой провинціи кромѣ новозавоеванныхъ, тако жь Сибирской, Астраханской и Кіевской губерній, штабъ или оберъ-офицеровъ, происшедшихъ изъ дворянъ, и знатнаго дворянства, не выключая изъ того и вѣчно отставныхъ отъ всѣхъ дѣлъ, токмо къ тому дѣлу достойныхъ, по два человѣка изъ каждой провинціи, за выборомъ всѣхъ тѣхъ городовъ шляхетства; ежели же они кого изъ обрѣтающихъ въ С. Петербургѣ, у статскихъ дѣлъ, къ означенному дѣлу выбрать пожелаютъ, то въ томъ дается имъ на волю; по тому жь и купцовъ за такимъ же отъ купечества выборомъ по одному человѣку. Губернаторамъ, воеводамъ, также и магистрату въ тѣ ихъ выборы ни во что̀ не вступать.» Потомъ велѣно выслать къ слушанію Уложенія изъ дворянства и купечества Тобольскаго, Иркутскаго, Кіевскаго, Нѣжинскаго и Оренбургскаго. Намъ не нужно говорить объ извѣстной Коммиссіи для Уложенія при Екатеринѣ II.

Переходя къ новой Россіи, къ объясненію отношенія ея къ Руси древней, послѣдователи историческаго направленія тѣсно связываютъ обѣ половины русской исторіи—допетровскую и послѣ-петровскую; въ явленіяхъ послѣдней видятъ результаты явленій первой. Послѣдователи противнаго направленія отрицаютъ эту связь, отрицаютъ законность происхожденія явленій новой Россіи изъ явленій древней, видятъ въ первыхъ уклоненіе отъ естественнаго, правильнаго хода, замѣчаемаго ими во вторыхъ. «Время, говорятъ они (1), есть мыслимое, внѣшнее выраженіе и ограниченіе развитія, есть форма, которая безпрестанно готова распасться въ ничто безъ внутренняго содержанія, безъ того, что̀ совершается во времени. Этой формы и содержанія невозможно разнять человѣку въ трудѣ земнаго развитія: но еще опаснѣе смѣшать и слить ихъ, ибо тогда ускольз-

(1) Русск. Бес. 1856, II, Критика, стр. 45.

нетъ вѣчное и существенное. То, что̀ *послѣ*, окажется тогда непремѣнно *выше*, несмотря на то, что по отношенію къ прежнему существенному развитію оно можетъ быть ниже. И вотъ примѣръ. Мы знаемъ форму просвѣщенія, господствующую у насъ въ оболочкѣ времени послѣднихъ полутораста лѣтъ; но и прежде того мы видимъ на Руси существеннѣйшее стремленіе къ просвѣщенію, шагъ за шагомъ выражавшее себя яснѣе и яснѣе: выводятъ отсюда, что просвѣщеніе новой Руси есть искомая задача древней, есть удовлетвореніе и отвѣтъ на ея стремленія. Но, *можетъ-статься*, тѣ былыя стремленія разногласятъ въ сущности съ новою формой? *можетъ-статься*, до нынѣ хранятся въ глубинѣ народа отъ древности иные задатки, иныя требованія, какъ слабая искра, пепломъ закрытая и для поверхностнаго взгляда темная, въ сравненіи со свѣтомъ поверхностнаго просвѣщенія? Видите ли, что основа заблудившагося вывода лежитъ въ смѣшеніи формы и содержанія?»

Ничего не видимъ, ибо вы намъ ничего не показали. Вы сказали: *можетъ-статься* есть тутъ что-нибудь, и непосредственно послѣ этого: *можетъ-статься*, позволяете себѣ говорить: «видите ли, что вы ошибаетесь, не усматривая, что тутъ *дѣйствительно* есть что-то!» Но обратимся къ фактамъ. Приведенное мнѣніе высказано по поводу важнаго явленія въ исторіи просвѣщенія древней Руси, именно собранія книгъ Священнаго Писанія воедино, сдѣланнаго извѣстнымъ новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ въ XV вѣкѣ. Оказывается, что дѣло это совершено неудовлетворительно, а именно: текстъ занятъ былъ не всегда древнѣйшій и лучшій; текстъ, взятый изъ списковъ толковыхъ, не вездѣ очищенъ отъ толкованій и кой-гдѣ перебитъ вносками; порядокъ въ послѣдованіи книгъ всюду почти сообразенъ съ латинскою Библіею; нѣкоторыя оглавленія и предисловія заимствованы не только съ подлинника латинскаго, но даже и нѣмецкаго; нѣкоторыя книги ветхозавѣтныя или мѣста изъ нихъ, въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ неизвѣстныя Геннадію или затерявшіяся, приняты имъ въ переводѣ съ латинскаго.

Для послѣдователей историческаго направленія это явленіе вполнѣ понятно: трудъ Геннадія былъ первый опытъ собранія книгъ Св. Писанія воедино, опытъ, предпринятый при очень не-

удовлетворительномъ состояніи просвѣщенія, и потому не могшій быть совершенъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Но иначе считаютъ своею обязанностію смотрѣть на дѣло послѣдователи анти-историческаго направленія. Дѣло, совершенное въ древней Руси, не можетъ имѣть недостатковъ; если же имѣетъ ихъ, то это вина не общества, а частнаго лица, совершившаго трудъ. И вотъ Геннадій подвергается упрекамъ за небрежность, за нежеланіе отыскать славянскія рукописи и выбрать изъ нихъ древнѣйшія и лучшія. Не хотятъ объяснять дѣло самымъ простымъ и естественнымъ образомъ, что рукописи древнѣйшія и лучшія были рѣдки, неизвѣстны, затеряны по разнымъ угламъ обширной страны, что Геннадій и его сотрудники, несмотря на все свое желаніе и стараніе, не могли отыскать, и, отыскавши, по недостатку необходимыхъ познаній, не умѣли выбрать лучшаго; нѣтъ, изъ желанія отстоять мысль о непогрѣшительности древней Руси, предпочитаютъ осыпать упреками одно изъ самыхъ почтенныхъ лицъ нашей древней исторіи! Прекрасныя древнія рукописи были на Руси; но вотъ когда одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ (если не самый просвѣщенный) пастырей церкви задумалъ собрать воедино книги Св. Писанія, то не могъ найдти, или не умѣлъ выбрать лучшихъ! Кажется, это явленіе должно служить самымъ лучшимъ мѣриломъ просвѣщенія на Руси въ XV вѣкѣ.

Доказывая, что Геннадій заставлялъ переводить нѣкоторыя книги съ латинскаго по небрежности, по нежеланію заняться хорошенько дѣломъ, а не потому, что греческій текстъ былъ неизвѣстенъ и недоступенъ, говорятъ: «На Руси, стоявшей въ постоянныхъ и ближайшихъ сношеніяхъ съ Греціей, на Руси, употреблявшей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греческій языкъ даже при богослуженіи, принимавшей къ себѣ множество Грековъ, а въ Грецію посылавшей столько путешественниковъ, столько иноковъ и торговыхъ людей на постоянное житье; имѣвшей въ греческихъ монастыряхъ своихъ особыхъ переписчиковъ; въ языкѣ торговыхъ перехожихъ людей, Варяговъ, сохранившей на половину слова греческія; справлявшей постоянно, и въ это самое время, текстъ св. книгъ конечно не безъ подлинника греческаго; наконецъ продолжавшей переводить съ греческаго нѣкоторыя книги и не задолго передъ тѣмъ имѣвшей въ главѣ ду-

ховенства Грека, митрополита Фотія: на этой Руси не было людей, достаточно знающихъ греческій языкъ? Положимъ. Но при этомъ да потрудятся объяснить намъ: какъ на этой же Руси, въ этотъ же вѣкъ Геннадія, нашлись достаточные переводчики съ языка латинскаго, который никогда не привлекалъ особеннаго расположенія нашего народа, называвшаго все католичество латинствомъ? Какъ у Геннадія нашлись люди для переводовъ съ нѣмецкаго, съ языка того народа, который по преимуществу названъ на нашемъ языкѣ нѣмымъ, какъ бы не признанъ даже языкомъ, или, по счастливому выраженію Нестора, признанъ за языкъ, но только *языкъ нѣмъ*?»

Любопытно, что авторъ считаетъ труднымъ отвѣтъ на свои вопросы, употребляетъ выраженіе: да потрудятся! Кто же не знаетъ, что въ вѣкъ Геннадія и послѣ латинскій и нѣмецкій языки были необходимы для внѣшнихъ сношеній, что у насъ были постоянно толмачи латинскіе и нѣмецкіе, къ числу которыхъ принадлежалъ извѣстный Димитрій, помогавшій Геннадію своими познаніями? Что же касается до языка нѣмецкаго, то въ Новгородѣ и Псковѣ, епархіи Геннадіевой, вслѣдствіе безпрерывныхъ связей съ Нѣмцами, должны были всегда находиться знатоки нѣмецкаго языка. Просимъ также автора указать намъ на *множество* Грековъ, на *столько* путешественниковъ, иноковъ и торговыхъ людей; но еслибъ даже ихъ было дѣйствительно *множество* и *столько*, то неужели всякій Грекъ, всякій купецъ, паломникъ и монахъ былъ способенъ заняться важнымъ дѣломъ перевода или исправленія книгъ? Да попробуетъ авторъ, встрѣтивши перваго богомольца, возвратившагося съ Аѳона, изъ Константинополя, предложить ему перевести что-нибудь съ греческаго! Неужели авторъ думаетъ, что и Варяги способны заняться этимъ дѣломъ, и что греческія слова, сохранившіяся въ ихъ языкѣ, были слѣдствіемъ знакомства нашихъ предковъ съ греческою литературой? Гдѣ доказательства, что въ Геннадіево время происходило исправленіе св. книгъ съ греческаго подлинника? Какое вліяніе могло имѣть греческое происхожденіе митрополита Фотія на вѣкъ Геннадіевъ? Должны мы наконецъ остановиться и на томъ, что послѣдователи анти-историческаго направленія называютъ у нашихъ лѣтописцевъ *счастливыми* выраженіями; къ этимъ выраженіямъ они относятъ вы-

раженіе: *языкъ нѣмъ*, для обозначенія языка иностраннаго, непонятнаго; происхожденіе такого выраженія понятно какъ слѣдствіе младенческаго взгляда, и *счастливымъ* можно назвать его развѣ по отношенію къ извѣстному выраженію: *счастливое младенчество*. Если выраженіе счастливо, значитъ оно вѣрно, вѣрно само по себѣ, вѣрно для всѣхъ временъ, значитъ, по мнѣнію послѣдователей анти-историческаго направленія, языкъ Германцевъ дѣйствительно языкъ нѣмъ? Этотъ взглядъ на иностранные языки очень любопытенъ; надобно надѣяться, что онъ будетъ изложенъ въ надлежащей полнотѣ.

Отъ существованія въ XV вѣкѣ людей, знающихъ латинскій и нѣмецкій языки, авторъ, не обративши вниманія на служебное значеніе этихъ людей, заключилъ о существованіи людей, знающихъ греческій языкъ, способныхъ заняться переводомъ книгъ съ греческаго, исправленіемъ старыхъ переводовъ по греческому подлиннику. Но авторъ встрѣтилъ непреодолимое возраженіе; какими же средствами онъ думалъ преодолѣть его? «Вы указываете, говоритъ онъ на Максима Грека, который, не много лѣтъ спустя, вызванъ былъ въ Москву, потому что здѣсь не находили хорошо знающихъ греческій языкъ. — Позвольте сказать, что это несправедливо; не потому былъ вызванъ Максимъ, а для того, чтобы служить ему руководителемъ и исправителемъ свѣдѣній и занятій; явленіе это подтверждаетъ только наше исконное стремленіе къ просвѣщенію и само говоритъ въ подтвержденіе нашихъ сношеній съ Греціею. Другимъ дѣломъ Максима, за которое тотчасъ и посадили его по пріѣздѣ, былъ разборъ книжныхъ русскихъ сокровищъ, которыя въ то время и послѣ такъ удивляли иностранцевъ, и для которыхъ именно нуженъ былъ иностранецъ, со свѣдѣніями иностранныхъ университетовъ. И вотъ новый вопросъ противъ того предположенія, будто бы въ нашихъ книгохранилищахъ не находили въ то время — чего же?—даже греческаго текста Библіи.»

Сначала уступимъ, согласимся, что Максимъ Грекъ былъ призванъ для того, чтобъ служить руководителемъ и исправителемъ свѣдѣній и занятій, также для того, чтобъ разобрать книжныя русскія сокровища. Отсюда выходитъ прямо, что русскіе люди конца XV и первой половины XVI вѣка не могли сдѣлать ничего исправнаго безъ помощи ученаго Грека, пріобрѣтшаго свою

ученость въ иностранныхъ университетахъ; не могли оцѣнить и разобрать своихъ книжныхъ сокровищъ. Спрашиваемъ теперь: какое же право имѣлъ авторъ порицать Геннадія за то, что онъ не умѣлъ найдти того, что ему было нужно, не умѣлъ выбрать лучшаго, не умѣлъ исправить того, что у него было? Не ясно ли слѣдовательно, что погрѣшности дѣла Геннадіева были слѣдствіемъ состоянія современнаго общества, а не личности самого дѣлателя. Далѣе авторъ говоритъ, что призывъ Максима для исправленія и руководства подтверждаетъ наше исконное стремленіе къ просвѣщенію: но какъ же тотъ же авторъ позволилъ себѣ вооружиться противъ положенія, что въ древней Руси существовало исконное стремленіе къ просвѣщенію, что потребность эта высказывалась все яснѣе и яснѣе, и наконецъ нашла себѣ удовлетвореніе въ мѣрахъ, знаменующихъ дѣятельность новой Россіи; если въ XVI вѣкѣ для исправленія, руководства и разбора своихъ сокровищъ, которымъ не знали цѣны, не умѣли пользоваться, понадобился воспитанникъ иностранныхъ университетовъ, то на какомъ основаніи считать какимъ-то уклоненіемъ отъ законнаго пути сближеніе съ иностранными университетами въ XVIII вѣкѣ? Не ясно ли, что древняя Русь собственными средствами не могла удовлетворить своему исконному стремленію, и средство къ этому удовлетворенію, употребленное новою Русью, было естественно, необходимо, законно, и было не ново, потому что употреблялось уже и древнею Русью?

Наконецъ мы не можемъ исполнить просьбу автора, не можемъ позволить ему сказать, будто несправедливо, что Максимъ Грекъ былъ вызванъ по недостатку въ Москвѣ людей, хорошо знающихъ греческій языкъ. Извѣстно, что Максимъ Грекъ былъ переводчикъ, а не руководитель только; какъ онъ переводилъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ученикъ его, знаменитый Зиновій Отенскій: «Когда пришелъ отъ Св. Горы Максимъ, то великій князь Василій повелѣлъ ему переводить толковую псалтирь съ греческаго языка на русскій; Максимъ взялъ толмачей латинскихъ и перевелъ псалтирь съ греческаго языка на латинскій, а толмачи латинскіе перевели съ латинскаго на русскій, потому что Максимъ по-русски плохо разумѣлъ.» Еслибъ въ то время въ Москвѣ были люди, знавшіе греческій языкъ, то для

чего Максиму было поступать такимъ образомъ? переводить сначала на латинскій языкъ?

Чтобъ оправдать древнюю Русь въ недостаткѣ просвѣщенія и возложить всю вину на Геннадія, авторъ старается доказать, что въ XVI вѣкѣ дѣлу Геннадія не сочувствовали, не одобряли его: «По совершеніи дѣла Геннадія, оно въ послѣдствіи не было признано открыто, служебно, письменно и дѣйствительно ни государствомъ, ни церковію и духовенствомъ.» Но спрашиваемъ: какія формы, по мнѣнію автора, должна была употребить древняя Русь для выраженія этого признанія? Дѣло, совершенное архіепископомъ, нуждалось ли въ какомъ-нибудь признаніи? Признаніе было полное и торжественное: одинъ списокъ Геннадіева труда принадлежалъ митрополиту Варлааму, который отдалъ его, какъ вкладъ по своей душѣ и по своихъ родителяхъ, въ Троицкій монастырь; второй принадлежалъ царю Іоанну; третій епископу Рязанскому; наконецъ, что всего важнѣе, когда князь Константинъ Острожскій обратился къ царю Іоанну съ просьбою прислать ему полный списокъ Библіи для печатанія, царь послалъ ему списокъ Геннадіевскій: ясный знакъ, что въ Москвѣ признавали этотъ трудъ вполнѣ достойнымъ.

Мы должны довольно долго остановиться на этомъ анти-историческомъ взглядѣ на трудъ Геннадія, ибо взглядъ этотъ показываетъ всего яснѣе, къ чему ведетъ вообще анти-историческій взглядъ на древнюю Россію: если признали своею задачею доказывать превосходство древняго русскаго общества, то необходимо должны всѣ явленія, которыхъ нельзя назвать превосходными, приписать случайности, сложить всю вину несовершенства на историческаго дѣятеля. Послѣдователи историческаго направленія съ глубокимъ сочувствіемъ остановятся на дѣлѣ Геннадія, скажутъ слово сочувствія и тому обществу, въ которомъ могло явиться такое дѣло, особенно когда знаютъ, при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ развивалось это общество. А послѣдователи анти-историческаго направленія вопервыхъ должны выставить въ черномъ свѣтѣ трудъ и характеръ совершителя труда, лишить древнюю Русь одного изъ лучшихъ ея людей; вовторыхъ употребить тяжелую и крайне-неловкую натяжку, утверждая, что трудъ не былъ признанъ обществомъ. Но одною этою натяжкою ограничиться уже стало нельзя, ибо

у всякаго читателя готово возраженіе: пусть Геннадій, вслѣдствіе личныхъ своихъ недостатковъ, не хотѣлъ и не умѣлъ сдѣлать дѣло какъ должно; но какъ же однако восхищаться состояніемъ общества, которое не имѣло полнаго списка священныхъ книгъ? Все же, значитъ, Геннадій совершилъ великое дѣло. Какъ же отвѣчать на это возраженіе? иначе нельзя, какъ прибѣгнувши къ самому отчаянному средству. Зачѣмъ имѣть полный списокъ св. книгъ? стоитъ ли это труда? «Неужели (говоритъ авторъ разбираемой статьи) для древней Руси можетъ служить какимъ-нибудь упрекомъ то, что не всѣ св. книги были у ней собраны и записаны въ одинъ списокъ? По свойству жизни ея, не чаявшей гибели, было ли даже нужно, необходимо или естественно предпринимать такой трудъ, какъ бы предъ смертію, ради одной только пользы потомковъ? И естественно ли цѣлому народу заботиться о такомъ письменномъ завѣщаніи духовномъ, о какомъ въ правѣ думать только отдѣльный человѣкъ, да и тотъ не всегда думаетъ? чтобъ сокровищъ моихъ не разбросали, долженъ ли я при жизни держать всѣ ихъ въ кучѣ?»

Вѣрные своему взгляду, послѣдователи анти-историческаго направленія нынче должны развѣнчать одно знаменитое историческое лицо древней Руси, завтра принуждены будутъ сдѣлать это съ другимъ, и т. д. Въ XV вѣкѣ Геннадій предпринялъ ненужный трудъ; въ XVI митрополитъ Макарій составилъ свои знаменитыя Минеи, громадный сборникъ извѣстныхъ тогда книгъ религіознаго содержанія. Вопервыхъ, зачѣмъ было предпринимать такой трудъ ради одной только пользы потомковъ? древняя Русь въ немъ не нуждалась. Притомъ же въ этомъ сборникѣ видимъ погрѣшности; трудъ съ погрѣшностями не былъ достоинъ древней Руси, это личное дѣло Макарія, онъ одинъ долженъ быть осужденъ за ошибки, которыя произошли по его небрежности. Надъ Сильвестромъ уже произнесенъ приговоръ: въ его «Домостроѣ» находятся правила, которыя не могутъ намъ теперь нравиться: древнее русское общество не могло выставить такихъ требованій, Сильвестръ ихъ выдумалъ отъ себя, и потому долженъ быть одинъ осужденъ.

Но Сильвестръ и Макарій, въ глазахъ послѣдователей антиисторическаго направленія, вовсе не такъ виноваты, какъ Ген-

надій, ибо этотъ новгородскій архіепископъ осмѣлился объявить, что въ современномъ ему русскомъ обществѣ господствовало сильное невѣжество, даже между людьми, долженствовавшими учить другихъ, и требовалъ учрежденія школъ. Геннадій такимъ образомъ является въ XV вѣкѣ человѣкомъ новой Россіи, человѣкомъ отрицательнаго направленія. Да не подумаютъ читатели, что это наша собственная догадка, нашъ собственный выводъ; нѣтъ, послѣдователи анти-историческаго направленія, не обинуясь, высказали свое мнѣніе на-счетъ Геннадія. Въ Синодальной Библіотекѣ хранится псалтирь, переведенная въ концѣ XVII вѣка переводчикомъ посольскаго приказа Фирсовымъ. Фирсовъ возбудилъ страшное негодованіе послѣдователей анти-историческаго направленія: ибо этотъ *выскочка*, какъ они его величаютъ, осмѣлился въ припискѣ къ своей книгѣ сказать слѣдующее: « Свидѣтельствована сія св. книга псалтирь со многихъ печатныхъ древнихъ книгъ, ради истинныя вѣдомости, въ разумѣ, и увѣренія неразумныхъ и простыхъ людей, понеже нашъ Россійскій народъ грубый и неученый, не токмо простыя, но и духовнаго чина: истинныя вѣдомости и разума во Св. Писаніи не ищутъ, и ученыхъ людей поносятъ, и укоряютъ, и геретиками ихъ называютъ.» Авторъ разбираемой статьи замѣчаетъ: «Геннадій также точно жаловался на необразованность своего времени. Видно, что во всѣ времена люди отрицательнаго направленія одинаковы.»

Бѣдные ревнители просвѣщенія въ древней Руси! не избѣжали вы участи ревнителей просвѣщенія Россіи новой, не спасло васъ то, что вы жили въ XIV, XV, XVI вѣкахъ: тѣмъ не менѣе вы люди новаго времени, выскочки, люди отрицательнаго направленія. Кипріанъ, Курбскій, архимандритъ Діонисій, и товарищи его, знаменитые мученики просвѣщенія въ XVII вѣкѣ— все это люди отрицательнаго направленія, потому что жаловались на невѣжество современнаго имъ общества. Отрицательнаго направленія будутъ и церковные соборы XVII вѣка, которые въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ Геннадіевы, жалуются на необразованность своего времени! Уже не говоримъ о Матвѣевѣ, этомъ архивыскочкѣ, о Нащокинѣ, этомъ человѣкѣ отрицательнѣйшаго направленія. Арсеній Глухой, товарищъ Діонисія по исправленію книгъ, такъ писалъ: «Есть иные и

таковы, которые на насъ ересь возвели, кои едва и азбукѣ умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбукѣ писмена гласныя и согласныя и двоегласныя, а еже 8 частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, то имъ ниже на разумъ всхаживало.» Жалоба на необразованность времени, отрицательное направленіе! А было отъ чего Арсенію Глухому сдѣлаться человѣкомъ отрицательнаго направленія: кузнецы и другіе ремесленники московскіе хотѣли побить исправителей книгъ, ибо люди положительнаго направленія распустили между ними слухъ, что исправители книгъ хотятъ огонь изъ міра вывесть. Какое же основаніе слуха? исправители уничтожили въ требникѣ лишнія слова: *и огнемъ*, въ молитвѣ при водоосвященіи!

Такимъ образомъ, послѣдователи анти-историческаго направленія сами дошли до того необходимаго вывода, что направленіе, которое они называютъ отрицательнымъ и которое, по ихъ мнѣнію, господствуетъ въ новой русской исторіи, существовало также и въ древней исторіи. Ужь не начать ли намъ новую русскую исторію съ XV вѣка, со временъ Геннадія? Но вотъ въ XIV вѣкѣ слышатся жалобы митрополита Кипріана на невѣжество составителей толстыхъ сборниковъ; а тамъ, изъ глубокой древности, слышимъ жалобы на преданность язычеству, на суевѣрія, которыми зараженъ народъ: это тоже жалобы на невѣжество; слѣдовательно, тоже отрицательное направленіе. Гдѣ же мы наконецъ найдемъ покой отъ этого отрицательнаго направленія? въ половинѣ IX вѣка? но и здѣсь, о ужасъ! племена, призывающія князей, говорятъ: «въ землѣ нашей наряда нѣтъ». Жалоба на дурное состояніе современнаго общества значитъ опять отрицательное направленіе! Кому угодно избѣжать отрицательнаго направленія, тотъ пусть занимается чѣмъ-нибудь другимъ, а не исторіею, ибо то, въ чемъ онъ видитъ отрицательное направленіе, есть начало *историческое*, начало движенія, начало развитія, безъ котораго исторіи нѣтъ.

Такъ и русская исторія начинается съ тѣхъ поръ, какъ племена сказали: «въ нашей землѣ нѣтъ наряда: будемъ искать средствъ, чтобъ установить его». Исторіи не было, когда Дреговичи и Радимичи, Дулѣбы и Вятичи жили при господствѣ блаженнаго положительнаго направленія, не сознавая потребности выйдти изъ своего состоянія и не сознавая средствъ къ этому

выходу. Насъ упрекнутъ въ повтореніи вещей всѣмъ извѣстныхъ, если мы скажемъ, что назначеніе человѣка—жить въ обществѣ, что только въ обществѣ себѣ подобныхъ, при постоянномъ и безпрепятственномъ размѣнѣ мыслей и плодовъ своей дѣятельности, при раздѣленіи занятій, при взаимномъ вспомоществованіи можетъ онъ развивать свои способности, извлекать изъ нихъ всевозможное для себя и для другихъ добро. Но что справедливо въ отношеніи къ одному человѣку, то справедливо и въ отношеніи къ цѣлому народу, который также можетъ развиваться и совершенствовать свой бытъ, и въ нравственномъ, и въ матеріяльномъ отношеніи, только въ обществѣ другихъ народовъ. Что мы замѣчаемъ въ народѣ, который живетъ особнякомъ? Необходимо застой; ибо только разнообразное, новое, противоположное оживляетъ мысль и дѣятельность человѣка, мысль и дѣятельность народа; однообразіе формъ, господствующее въ народѣ, который живетъ особнякомъ, необходимо усыпляетъ мысль и заставляетъ смотрѣть человѣка и цѣлый народъ на это постоянство формъ, какъ на нѣчто необходимо-вѣчное, носящее въ самомъ себѣ условіе самостоятельности и вѣчности, однимъ словомъ, какъ на нѣчто божественное. У народовъ языческихъ это ведетъ прямо къ обоготворенію формъ и отношеній, постоянно существующихъ, освященныхъ этимъ постоянствомъ, долговременностію; но и народы христіянскіе, если долго живутъ особнякомъ, не освобождаются отъ суевѣрнаго поклоненія формамъ, обряду, буквѣ, чему яснымъ доказательствомъ служитъ русское раскольничество, естественный и необходимый плодъ особной жизни народа.

Противъ этого послѣдователи анти-историческаго направленія возражаютъ (1): «Китай и Японія жили въ полнѣйшемъ разобщеніи съ остальнымъ человѣчествомъ; но, сколько намъ извѣстно, никто до сихъ поръ не оспаривалъ у нихъ оригинальности развитія. Правда, они стоятъ можетъ-быть ниже всѣхъ въ семьѣ человѣчества, но вовсе не по развитости или безцвѣтности своего развитія, а по ложности духовныхъ началъ, изъ которыхъ вытекла ихъ неоспоримо богатая образованность. Возьмемъ другой примѣръ въ Европѣ. Изъ всѣхъ западныхъ наро-

(1) Русск. Бесѣд. 1856, № 2, Смѣсь, стр. 103.

довъ въ сравнительно-большемъ разобщеніи съ другими развивалась Англія; со всѣхъ сторонъ обнесенная моремъ, она, по самому своему положенію, вела болѣе сосредоточенную въ себѣ жизнь, чѣмъ Франція или Австрія; но помѣшало ли это оригинальности и самостоятельности ея развитія? Въ правѣ ли мы думать, что она менѣе внесла отъ себя и болѣе заимствовала у другихъ общечеловѣческихъ истинъ, чѣмъ ея сосѣди на европейскомъ материкѣ?»

Мы согласны, что Китай и Японія ниже всѣхъ въ семьѣ человѣчества по ложности духовныхъ началъ, изъ которыхъ вытекла ихъ образованность. Но какое средство для Китая и Японіи стать на высшую степень въ семьѣ человѣчества, измѣнить ложныя духовныя начала своей образованности на истинныя? Принятіе христіянства, вступленіе въ семью христіянскихъ народовъ, отреченіе отъ своей замкнутости, исключительности! Всѣ нехристіянскіе народы имѣютъ ложныя духовныя начала своей образованности; ложность этихъ началъ именно и выражается въ томъ, что народы эти должны жить особно, не могутъ признать народнаго братства, каждый кланяется своему богу, а въ этомъ поклоненіи и лежитъ основа замкнутой, отталкивающей народности. Отсюда и проистекаетъ эта основная форма жизни языческаго міра—разобщенность и вражда, въ силу которыхъ народы существовали насчетъ другъ друга, то-есть сильнѣйшій покорялъ себѣ слабѣйшіе, образовывались громадныя царства и падали, смѣняя другъ друга,—явленіе, котораго не терпитъ новое европейское общество, основанное на совершенно иномъ началѣ, на христіянствѣ. Христіянство упразднило языческое распаденіе на варваровъ, Еллиновъ, Скиѳовъ; оно не упразднило отдѣльныхъ народностей, но подчинило ихъ высшему началу, началу единства всѣхъ народовъ во Христѣ, единомъ пастырѣ единаго стада. Любопытно, что въ древнемъ языческомъ мірѣ высшей образованности, до какой только могло достигнуть языческое общество, достигла Грецiя, и почему? потому что формы ея политической жизни представляютъ что-то похожее на формы политической жизни новой христіянской Европы. Грецiя была раздѣлена на множество отдѣльныхъ государствъ, которыя, при особности своего внутренняго управленія, были соединены однако однимъ общимъ началомъ, сознаніемъ своего еллинизма,

учрежденіями, которыя поддерживали это сознаніе. Такъ благодѣтельно бываетъ это взаимнодѣйствіе особности и общности! Какъ вредно, слѣдовательно, выводить одно изъ этихъ началъ изъ должной ему мѣры!

Что же касается до примѣра Англіи, то, конечно, это обмолвка со стороны почтеннаго автора, приведшаго этотъ примѣръ, ибо извѣстно, что Англія, несмотря на то, что обнесена моремъ, постоянно принимала самое дѣятельное участіе въ общей жизни Европы: стóитъ только вспомнить, что изученіе исторіи Англіи невозможно безъ изученія исторіи Франціи: такъ тѣсно связаны судьбы этихъ двухъ странъ! стоитъ только вспомнить участіе Англіи въ крестовыхъ походахъ; о новой исторіи, начиная съ протестантизма, мы уже не говоримъ; наконецъ замѣтимъ, что на почвѣ Англіи столкнулись двѣ крѣпкія народности—саксонская и норманно-французская; изъ взаимнодѣйствія этихъ двухъ народностей и произошла крѣпкая народность англійская. Если уже указывать въ Европѣ на государства, которыя, особенно въ новой исторіи, начали отличаться большею сосредоточенностію въ себѣ самихъ, меньшимъ внутреннимъ участіемъ въ общеевропейской жизни, такъ это государства Пиренейскаго полуострова, и слѣдствія этого положенія ихъ очевидны.

Мы имѣемъ возможность изучить характеръ древняго русскаго общества въ большей или меньшей полнотѣ въ настоящее время на одномъ изъ сословій, именно, на сословіи земледѣльческомъ, въ общихъ чертахъ одинаковомъ вездѣ. Однообразіе, простота занятій, подчиненіе этихъ занятій природнымъ условіямъ, надъ которыми трудно взять верхъ человѣку, однообразіе формъ быта, разобщеніе съ другими классами народа, ведетъ въ земледѣльческомъ сословіи къ господству формъ давностію освященныхъ, къ безсознательному подчиненію обычаю, преданію, обряду. Отсюда въ этомъ сословіи такая удержливость относительно стараго, такое отвращеніе къ нововведеніямъ, осязательно полезнымъ, такое безсиліе смысла предъ подавляющею силою привычки. Въ земледѣльческомъ сословіи сохранились преданія, обряды, идущіе изъ глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледѣльца объясненія смы-

сла обряда, который онъ такъ суевѣрно соблюдаетъ — вы не получите другаго отвѣта, кромѣ: «такъ водится»; но попробуйте нарушить обрядъ или часть его, вы взволнуете человѣка, цѣлое общество, которые придутъ въ отчаяніе, будутъ ждать всѣхъ возможныхъ бѣдствій отъ нарушенія обряда. Но понятно, какую помощь оказываетъ это сословіе государству, когда послѣднее призоветъ его на защиту того, что̀ всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Поэтому справедливо называютъ земледѣльческое сословіе по преимуществу охранительнымъ. Почтенныя свойства этого сословія, *какъ сословія*, не могутъ быть оспариваемы; но что̀ же, если цѣлый народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльческаго сословія?

Необходимое въ государствѣ противодѣйствіе этой формѣ представляетъ городъ, какъ центръ торговли, мануфактурной промышленности, умственной дѣятельности. Здѣсь разнообразіе занятій именно такихъ, гдѣ человѣкъ вполнѣ владѣетъ предметомъ и можетъ совершенствовать его до безконечности, гдѣ слѣдовательно онъ имѣетъ полную возможность упражнять, совершенствовать свои умственныя способности; безпрестанное столкновеніе съ людьми изъ различныхъ сферъ общественной дѣятельности, изъ различныхъ странъ, расширяютъ горизонтъ, окриляютъ мысль и ведутъ народъ къ успѣхамъ *гражданственности*. Это слово: *гражданственность*, всего лучше показываетъ намъ значеніе города въ народной жизни.

Итакъ если человѣкъ для полноты своего человѣческаго развитія долженъ жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, если народъ для полноты своего народнаго развитія долженъ жить въ обществѣ другихъ народовъ, то вопросъ рѣшенъ о значеніи петровской эпохи, эпохи преобразованія, вопросъ рѣшенъ объ отношеніяхъ древней Россіи къ новой. Древнее русское общество, несмотря на величіе подвиговъ, совершенныхъ имъ въ дѣлѣ внѣшняго государственнаго созиданія, въ преодолѣніи препятствій, этому созиданію противопоставленныхъ, не могло двигаться далѣе на пути нравственныхъ и матеріяльныхъ улучшеній, не вступивъ въ семью европейско-христіянскихъ народовъ, да и по характеру своему не могло не вступить въ эту семью при первой возможности. Слѣдствія особной жизни такъ явны

въ нашей древней исторіи, что объ нихъ не нужно много распространяться; безсознательное, суевѣрное подчиненіе обычаю, обряду, формѣ, буквѣ, ослабленіе вѣры въ духъ, который живитъ, слишкомъ явны. Древняя Россія именно пребывала въ формахъ быта земледѣльческаго, въ ней господствовало село, деревня; городъ не имѣлъ того значенія, какое мы теперь съ нимъ соединяемъ: это было укрѣпленіе для защиты отъ непріятельскаго нашествія, это былъ административный центръ— и только; городскіе жители точно такъ же занимаются хлѣбопашествомъ, какъ сельчане и деревенщики, мануфактурная промышленность находится на самой низкой ступени развитія.

Чтобъ выйдти изъ состоянія застоя, оцѣпенѣнія нравственнаго, чтобъ понять себя и свое, для человѣка и для народа одно средство — сообщество съ другими людьми, другими народами; и вотъ Россія въ началѣ XVIII вѣка вступаетъ въ это сообщество. Какія же должны быть слѣдствія этого вступленія? Мы видѣли, что въ народѣ, живущемъ долгое время особнякомъ, развитіе мысли задерживается постояннымъ однообразіемъ формъ быта, начинаетъ господствовать безсознательное подчиненіе преданію, обычаю, обряду. Необходимымъ слѣдствіемъ этого безсознательнаго подчиненія старинѣ бываетъ безсознательное же подчиненіе новому, когда подобный народъ вдругъ входитъ въ сообщество съ другими народами, болѣе развитыми, болѣе образованными. Вотъ почему такъ страненъ упрекъ, дѣлаемый Петру Великому и вообще русскимъ людямъ XVIII вѣка за то, что они рабски подражали чужому, брали все безъ разбора, не обращая вниманія на свое, на приложеніе чужаго къ своему: подобный разборъ, подобная разсудительность, безпристрастная оцѣнка своего и чужаго могли бы быть только слѣдствіемъ развитаго сознанія,—но какъ же оно могло быть развито прежде, при безсознательномъ подчиненіи принятому, освященному вѣками? Это ясное различеніе своего и чужаго, это разумное, глубокое обращеніе вниманія на себя и на свое могло быть только плодомъ долговременной жизни народа въ обществѣ другихъ народовъ, могло быть только плодомъ долговременнаго упражненія мысли народной, плодомъ глубокаго просвѣщенія. Вслѣдствіе безсознательнаго подчиненія своему, стариною освящен-

ному, человѣкъ, когда разъ освобождался отъ этого подчиненія, являлся совершенно чистымъ, ибо прежняя связь его съ своимъ и старымъ существовала безъ вѣдома его разума, коренилась только въ одной половинѣ его существа, безъ вѣдома другой. Русскій человѣкъ XVIII вѣка явился совершенно чистымъ, вполнѣ готовымъ къ воспринятію новаго, однимъ словомъ явился ребенкомъ, ребенкомъ чрезвычайно способнымъ, воспріимчивымъ, но ребенкомъ, для котораго наступила пора ученія, пора подражанія, — ибо что̀ такое ученіе, какъ не подражаніе?

Юнъ былъ Русскій народъ въ началѣ XVIII вѣка, юнъ во всю жизнь былъ и геніяльный представитель этого народа—Петръ Великій. Эта неутомимая дѣятельность, эта страстная воспріимчивость, чуткость ко всѣмъ явленіямъ, безпокойное обращеніе вниманія на все, пытливость, торопливое желаніе все узнать, до всего дотронуться самому, все попробовать, все сработать самому—развѣ это не ясныя черты юности? развѣ мы не видимъ въ Петрѣ геніяльнаго юношу, передъ которымъ открылся вдругъ новый міръ явленій, и который, побуждаемый благородною жадностію, хочетъ забрать все себѣ?

Даровитый воспріимчивый ребенокъ начинаетъ учиться; узнаетъ много новаго, чего другіе не знаютъ: первое необходимое слѣдствіе этого въ ребенкѣ гордость, чувство своего превосходства надъ другими, желаніе высказывать это превосходство, хвастаться, щеголять новопріобрѣтеннымъ знаніемъ; новое, чужое, что̀ имъ пріобрѣтено, имѣетъ для него необыкновенную прелесть; старое, свое, всѣмъ извѣстное, всѣмъ доступное—не имѣетъ никакой; ребенокъ необходимо педантъ, ибо не имѣетъ силы овладѣть новымъ предметомъ и овладѣть самимъ собою при пользованіи этимъ предметомъ, и потому носится съ нимъ, всѣмъ показываетъ и хвастаетъ: отсюда страсть употреблять не кстати научныя положенія и слова, страсть употреблять иностранныя слова вмѣсто своихъ, говорить безъ нужды на иностранномъ языкѣ, подражать иностраннымъ обычаямъ, даже и такимъ, которые ничѣмъ не лучше своихъ прежнихъ: все это мы видимъ у русскихъ людей XVIII вѣка, и все это было естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ состоянія русскаго общества въ до-

петровское время: чего древняя Русь не завѣщала, того новая вдругъ изъ ничего создать не могла; для созданія новаго, чего именно не доставало древней Руси, потребны были вѣка.

Существуетъ странное мнѣніе, что такъ-называемый петровскій переворотъ совершился насильственно въ томъ смыслѣ, что противники его выставляли ему разумное сопротивленіе. Этого не было, и быть не могло; извѣстій объ этомъ нѣтъ нигдѣ. Человѣкъ, который не хотѣлъ перемѣнить стараго покроя своего платья и сбрить бороды, не разсуждалъ такъ: «Неразумно мѣнять свое, приспособленное къ климату, на чужое; не можетъ произойдти отсюда никакой пользы; одежда должна служить внѣшнимъ выраженіемъ народности» и т. д. Онъ не хотѣлъ измѣнить покроя одежды и сбрить бороду въ силу безсознательнаго подчиненія ведущемуся изъ старины обычаю, нарушить который онъ считалъ грѣхомъ. Точно также и приверженцы новаго брили бороды и надѣвали нѣмецкое платье, безсознательно увлекаясь стремленіемъ къ новому, безсознательно подчиняясь силѣ новаго начала, подъ вліяніе котораго вступалъ тогда народъ Русскій. Приверженцы новаго не разсуждали такъ: «Правда, что одежда должна служить внѣшнимъ выраженіемъ народности; но у насъ на первомъ планѣ вопросъ: къ семьѣ какихъ народовъ долженъ принадлежать народъ Русскій? онъ долженъ принадлежать къ семьѣ народовъ европейско-христіянскихъ, а покрой одежды его есть азіятскій, слѣдовательно, долженъ быть измѣненъ; и притомъ согласіе всѣхъ европейскихъ народовъ ознаменовать свое единство однимъ покроемъ платья есть такое прекрасное явленіе, что мы, Русскіе, не имѣемъ права не подражать имъ въ этомъ.»

Недоразумѣнія, споры, искаженія фактовъ, происходятъ отъ непростительной для уважающаго науку человѣка привычки навязывать настоящія наши воззрѣнія предкамъ. Чтобъ объяснить себѣ явленія петровскаго времени мы должны обратиться къ современникамъ Петра. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнны извѣстія и взгляды Посошкова, человѣка изъ народа, человѣка непріязненнаго къ иностранцамъ, и потому вполнѣ безпристрастнаго. Подозрительность, непріязнь къ иностранцамъ, ясно видна

изъ его словъ: «Не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою; они торгуютъ торгами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлахъ они и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что вмѣняютъ. Не компанствами ли они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ, а самою истиною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высоко была, а наши всегда бъ въ поношеніи были, и всегда бъ ихъ за господъ себѣ имѣли.»

Посмотримъ же теперь, какъ этотъ русскій человѣкъ петровскаго времени разсуждаетъ о старинѣ и преобразованіи. «Паче вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ пещися о невещественномъ богатствѣ, то-есть о истинной правдѣ. Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи ни мало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато. Что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣнія себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублей теряютъ. Не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ, а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная разправа никуда не годная, и какіе указы ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ. И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами, отъ обидъ, богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно; такожде и славы добрыя намъ не нажить, понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія, и отъ разбоевъ. И какія гибели ни чинятся, а все отъ неправды.»

Какія же средства предлагаетъ Посошковъ для искорененія главнаго, основнаго зла, которымъ страдало древнее русское общество и которое передавалось новому во всей полнотѣ? Прежде всего Посошковъ предлагаетъ средства насильственныя. Убѣжденіе въ

пользѣ крутыхъ насильственныхъ мѣръ должно было господствовать въ древней Руси и въ первой половинѣ XVIII вѣка, и было опять необходимымъ слѣдствіемъ неразвитости сознанія, было слѣдствіемъ уваженія ко внѣшнему, къ веществу, непризнанія могущества силъ духовныхъ въ человѣкѣ и обществѣ. Убѣжденіе въ недѣйствительности насильственныхъ мѣръ, въ необходимости для прекращенія пороковъ дѣйствовать на внутреннюю природу человѣка посредствомъ просвѣщенія, нравственно-религіознаго воспитанія, общественнаго мнѣнія—такое убѣжденіе есть плодъ сознанія, плодъ просвѣщенія, и могло явиться только позднѣе. Такого убѣжденія мы не можемъ искать въ петровское время, и потому Посошковъ говоритъ: «Аще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ, быть уже такъ. А не такимъ страхомъ не чаю я того злаго коренія истребить: аще бо кая и земля вельми задернѣетъ, и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сняти: тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти.»

Вторая мѣра, предлагаемая Посошковымъ,—это коренной переворотъ, совершенное разрушеніе стараго зданія и созданіе новаго. Эта страсть къ кореннымъ переворотамъ, къ полному отрицанію стараго и созданію новаго, есть также плодъ неразвитости сознанія. Одна крайность—безсознательное подчиненіе старому—ведетъ необходимо къ другой крайности—къ безсознательному стремленію къ новому. Вообще всѣ крутые, коренные перевороты, въ какомъ бы смыслѣ ни происходили и откуда бы ни шли, сверху или снизу, суть слѣдствіе неразвитости сознанія, дѣтства народнаго, и способны къ нимъ обыкновенно бываютъ тѣ народы, которые, при видимой возмужалости, сохраняютъ въ своемъ характерѣ много дѣтскаго. Ясный признакъ неразвитости сознанія, дѣтскости, представляетъ намъ и то явленіе, когда постановленія безпрерывно измѣняются. Дѣти—безжалостный, истребительный народъ: что ни дай имъ, все сломаютъ; они любятъ и строить—карточные домики, безпрестанно разрушаютъ ихъ сами, чтобъ вновь строить, а если вѣтеръ сдуетъ, сердятся, кричатъ и плачутъ. Коренные, насильственные перевороты суть слѣдствія отчаянія, нетерпѣливости, а это также дѣтскія качества, слѣдствія слабости. Вотъ почему Посошковъ, представитель

петровскаго времени, разсуждаетъ такъ: «Ради совершенныя правды никоими дѣлы, древнихъ уставовъ не измѣня, самого правосудія насадить и утвердить невозможно. Видимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: то какъ дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто готовы (замѣчательное противорѣчіе вышесказанному!). И того ради, не измѣня древнихъ порядковъ, сколько ни бившись, покинуть будетъ. Не токмо суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и поподробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхія не разсыпавъ всея, и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити.»

Повидимому, справедливо разсуждалъ Посошковъ; но когда дошло дѣло до того, какъ, разрушивши старую храмину и очистя каждое бревно отъ гнилости, создать новую, то и обнаружилось, съ какимъ обществомъ имѣемъ мы дѣло. Когда человѣкъ почувствуетъ несостоятельность стараго, своего, и съ неразвитымъ сознаніемъ переходитъ къ новому, чужому, то какъ онъ обыкновенно поступаетъ? Своего самостоятельно образовавшагося убѣжденія онъ не имѣетъ, ибо къ старому у него были безсознательныя отношенія, разнообразіе новыхъ явленій поражаетъ его одиночно, безъ внутренней связи между ними:—и онъ становится эклектикомъ, выбираетъ то, что̀ кажется ему получше, и набравши такимъ образомъ отовсюду всякой всячины, думаетъ, что поступилъ какъ нельзя лучше. Какъ совѣтуетъ Посошковъ поступать при составленіи новаго уложенія? «Правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложенія и новоуставленныя гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, новосостоявшіяся и древнія указныя статьи собрать, и по приказамъ изъ прежнихъ, вершенныхъ дѣлъ, выписать такіе приговоры, на которыя дѣла ни въ уложеньяхъ, ни въ новоуказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣняясь, надлежитъ учинить пункты новые, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить. И къ тѣмъ русскимъ разсужденіямъ, прежнимъ и нынѣшнимъ, приложить изъ нѣмецкихъ судебниковъ, и

кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять и присовокупить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и турецкій судебникъ перевести на славянскій языкъ и прочіе ихъ судебные и съ гражданскаго устава порядки управительные переписать, и кои сличны намъ, то бы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче нѣмецкаго правленія. И того ради и дѣла у нихъ скоро и право рѣшатъ, и бумаги, по нашему, много не тратятъ, а и хлѣба напрасно не теряютъ, а наипаче купечество праведно хранятъ.»

Узнавши такое мнѣніе русскаго человѣка петровской эпохи, намъ нисколько неудивительно уже будетъ встрѣтить въ 1715 году резолюцію на докладъ генерала Вейде: достать иностранныхъ ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ. Эти иностранные ученые отправляли свою должность посредствомъ толмачей. Послѣднее обстоятельство казалось крайне затруднительнымъ, и потому данъ былъ наказъ резиденту при австрійскомъ дворѣ Веселовскому достать изъ Чеховъ и Моравовъ шрейберовъ. Въ 1716 году уже придумано было новое, лучшее средство: послать въ Кёнигсбергъ человѣкъ сорокъ молодыхъ подъячихъ учиться, чтобъ послѣ быть въ коллегіяхъ; но дожидаться этихъ подъячихъ было долго, а потому въ 1717 году предложено шведскимъ плѣннымъ вступить въ гражданскую службу при коллегіяхъ. Въ 1718 году видимъ указъ объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру шведскихъ, о переводѣ шведскаго уложенія и объ учиненіи свода россійскихъ законовъ со шведскими; объ опредѣленіи въ губерніяхъ должностныхъ лицъ согласно съ шведскимъ земскимъ управленіемъ. Какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка слабо развито было сознаніе о необходимости знать свое, и какъ потомъ, благодаря большему и большему просвѣщенію, это сознаніе укоренялось, видно всего лучше изъ исторіи изученія своего, прошедшаго и настоящаго. Когда, въ царствованіе Анны Іоанновны, учрежденъ былъ кадетскій корпусъ, не имѣвшій вначалѣ значенія спеціяльнаго военнаго училища, то въ немъ преподавалась универсальная исторія и *исторія нѣмецкаго государства*. При учрежденіи Московскаго

университета въ философскомъ факультетѣ назначенъ былъ профессоръ исторіи для показанія исторіи универсальной и *россійской*. Наконецъ потребность знать свое во всей силѣ высказывается въ инструкціи, данной Екатериной II князю Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей: «Пока дѣти учатся языкамъ, начать географію общую и частную Россійской имперіи. Русское письмо и языкъ, надлежитъ стараться чтобъ знали какъ возможно лучше. Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія, лишь примѣняясь къ оной, представлять надлежитъ. Исторію россійскую имъ знать нужно, и для нихъ сочиняется.» Мы не можемъ въ настоящей статьѣ разсмотрѣть всѣ явленія второй половины XVIII вѣка, въ которыхъ ясно видно различіе этой половины вѣка отъ предшествующей, ясно видны признаки возмужалости народа, развитія сознанія, обращенія отъ внѣшняго къ внутреннему, обращенія вниманія на самихъ себя, на свое. Надѣемся поговорить объ этомъ подробнѣе въ особой статьѣ.

Итакъ если мы, не впадая въ мистицизмъ, сохраняя власть надъ предметомъ познаваемымъ, а не позволяя ему владѣть нами, будемъ внимательно слѣдить за ходомъ явленій нашей исторіи, то связь между такъ-называемою древнею и такъ-называемою новою Россіей будетъ ясна; ясенъ будетъ и характеръ дѣятельности великаго историческаго лица, которое стоитъ на грани между древнею и новою Россіей. Историкъ не можетъ настраивать своего повѣствованія о дѣлахъ Петра Великаго на тонъ хвалебныхъ пѣснопѣній въ стихахъ и прозѣ, крекшинскихъ и ломоносовскихъ, не можетъ восклицать, что Петръ внесъ свѣтъ въ Россію, что Петръ привелъ русскихъ людей отъ небытія въ бытіе, и т. п. Историкъ очень хорошо знаетъ, что вѣкъ Петра былъ вѣкомъ не свѣта, а разсвѣта; съ разсвѣтомъ начинается движеніе, пробужденіе, но разсвѣтъ, полумракъ, мерцаніе условливаетъ также хожденіе ощупью, спотыканіе, захожденіе не туда, куда надобно, вслѣдствіе неяснаго различенія предме-

товъ. Величіе Петра состоитъ въ томъ, что онъ началъ великое дѣло народнаго просвѣщенія, съ юношескою силой и самоотверженіемъ отдалъ этому дѣлу всего себя и, въ силу своей геніяльности, въ короткое время сдѣлалъ изумительно много, разумѣется, въ внѣшнемъ, матеріяльномъ отношеніи преимущественно, ибо его призваніе было начинать, а человѣкъ всегда и во всемъ начинаетъ со внѣшняго. Христіянскіе народы не могутъ дѣлать изъ своихъ героевъ боговъ и полубоговъ: религія и наука за одно тому противятся. Вотъ почему наука не можетъ принять ни того мнѣнія, по которому дѣятельности Петра приписываются сверхъ-естественные, нечеловѣческіе размѣры, ни того, по которому Петру приписывается также сверхъ-естественное, нечеловѣческое дѣло, будто онъ, одною своею волей, совратилъ народъ съ настоящаго пути. Какъ безусловные поклонники Петра, такъ и его противники грѣшатъ одинаково, ибо одинаково дѣлаютъ человѣка богомъ; и у тѣхъ, и у другихъ взглядъ на дѣятельность Петра ненаучный, анти-историческій. Историческій народъ, каковъ Русскій, не допускаетъ дѣятелей подобныхъ гунскимъ, татарскимъ, Аттиламъ, Чингисханамъ, Тамерланамъ, которые силою своей воли увлекаютъ народныя массы, передвигаютъ ихъ съ одного мѣста на другое; повинуясь увлекающей силѣ, народы эти движутся стремительно, но потомъ останавливаются, возвращаются къ прежнему образу жизни, когда вождей нѣтъ болѣе. У народовъ историческихъ великій дѣятель есть полный представитель своего народа въ извѣстную эпоху, выполнитель потребностей, чувствуемыхъ народомъ въ извѣстное время, вождь, за которымъ народъ идетъ свободно и продолжаетъ начатое дѣло, когда вождя уже нѣтъ болѣе. Таковъ былъ, именно, Петръ Великій, полный представитель своего народа, сынъ своего вѣка, передовой человѣкъ въ томъ стремленіи, которое являлось какъ необходимое. Любопытно, что люди, которые такъ часто говорятъ о любви къ русскому, къ русской исторіи, позволяютъ себѣ унижать Русскій народъ, низводить его на степень неисторическаго народа, предполагая, что одинъ человѣкъ могъ увлечь его на неправый путь. Если намъ скажутъ, что масса низшаго народонаселенія не послѣдовала за Петромъ, осталась при старомъ, то мы от-

вѣтимъ, что движеніе, сообщенное Петромъ, не было движеніемъ въ родѣ сообщеннаго Чингисханомъ своему народу: физически двигаться цѣлый народъ можетъ за своимъ вождемъ, но нравственно не можетъ, это нравственное движеніе совершается въ продолженіе вѣковъ. Вспомнимъ, какъ принималось христіянство: когда въ Новгородѣ явился волхвъ, то масса простаго народа бросилась къ нему; подлѣ епископа остался только князь съ дружиной. Дѣло извѣстное, что восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ.

Но не всѣ послѣдователи анти-историческаго направленія указываютъ паденіе самобытной русской образованности въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, въ эпоху Петра Великаго; нѣкоторые начинаютъ гораздо раньше (1): «Древне-русская, православно-христіянская образованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія, и создавшая особенный характеръ кореннымъ русскимъ нравовъ, проникнутыхъ постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному, — эта образованность, которой слѣды до сихъ поръ еще сохраняются въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи, прежде чѣмъ могла принести прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ.» Признавши, что дерево самобытной древне-русской образованности не только безплодно, но и безцвѣтно, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: «Чья вина была въ томъ, что древне-русская образованность не могла развиться и господствовать надъ образованностью Запада?» и отвѣчаетъ: «Нельзя не предположить, что хотя сильныя внѣшнія причины, очевидно, противились развитію самобытной русской образованности, однакоже упадокъ ея совершился и не безъ внутренней вины русскаго человѣка. Стремленіе къ внѣшней формальности, которое мы замѣчаемъ въ русскихъ раскольникахъ, даетъ поводъ думать, что въ первоначальномъ направленіи русской образованности произошло нѣкоторое ослабленіе еще гораздо прежде пе-

(1) «Русская Бесѣда» 1857 г., № 1, Науки, стр. 2 и слѣд.

тровскаго переворота, — когда же мы вспомнимъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка были сильныя партіи между представителями тогдашней образованности Россіи, которыя начали смѣшивать христіянское съ византійскимъ, и по византійской формѣ хотѣли опредѣлить общественную жизнь Россіи, еще искавшую тогда своего равновѣсія; — то мы поймемъ, что въ это самое время, и можетъ-быть въ этомъ самомъ стремленіи, и начинался упадокъ русской образованности. Ибо, дѣйствительно, какъ скоро византійскіе законы стали вмѣшиваться въ дѣло русской общественной жизни, и для грядущаго Россіи начали брать образцы изъ прошедшаго порядка Восточно-Римской имперіи: — то въ этомъ движеніи ума уже была рѣшена судьба русской коренной образованности. Подчинивъ развитіе общества чужой формѣ, русскій человѣкъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности живаго и правильнаго возрастанія въ самобытномъ просвѣщеніи, и хотя сохранилъ святую истину въ чистомъ и неискаженномъ видѣ, но стѣснилъ свободное въ ней развитіе ума и тѣмъ подвергся сначала невѣжеству, потомъ, вслѣдствіе невѣжества, подчинился непреодолимому вліянію чужой образованности.»

И такъ древне-русская образованность, создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянно памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному, могла допустить внутреннюю порчу русскаго человѣка, могла позволить ему принять какую-то чуждую форму, которая испортила все дѣло! На такой превосходной почвѣ, каковы древніе коренные русскіе нравы, могло вырости, что же? забвеніе одной изъ необходимыхъ основъ общественной добродѣтели: уваженіе къ святынѣ правды! «Если есть какое зло въ Россіи (говоритъ авторъ разбираемой статьи), если есть какое-нибудь неустройство въ ея общественныхъ отношеніяхъ, если есть, вообще, причины страдать русскому человѣку, то всѣ онѣ первымъ корнемъ своимъ имѣютъ неуваженіе къ святости правды.» Авторъ рѣшился объявить, что это неуваженіе къ святости правды явилось въ послѣднія 150 лѣтъ, вслѣдствіе господства чуждой образованности: а громкіе голоса противъ неправды, дошедшіе до насъ изъ древней Руси, когда не было чуждой образованности, голоса, сохранившіеся во множествѣ памятниковъ?

Ужь не отнести ли лучше начало неуваженія къ правдѣ къ концу XV и началу XVI вѣка и приписать втѣсненію чуждой формы? Мы порицаемъ раскольниковъ за уваженіе къ формѣ; а сами приписываемъ ей какое могущество? Народъ живетъ въ высокомъ, блаженномъ состояніи, нравы его проникнуты постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному, человѣческаго къ божественному — и вотъ является какая-то чуждая форма, незванная, непрошенная, и все портитъ! Намѣстникъ, волостель не уважаетъ правды,—здѣсь вліяніе одной формы, положимъ византійской; а въ Новгородѣ цѣлый конецъ можно было поднять посуломъ: здѣсь вліяніе какой формы? тоже византійской? Да и что̀ это за чуждыя византійскія формы, когда мы знаемъ, что формы, господствовавшія въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, были произведеніемъ внутреннихъ условій русской общественной и государственной жизни?

Бѣдная, бѣдная русская исторія! Послѣднія полтораста лѣтъ должны быть изъ нея вычеркнуты: здѣсь порча вслѣдствіе господства чуждой образованности. Но, по крайней мѣрѣ, древняя допетровская исторія остается у насъ? Нѣтъ, изъ нея должны быть исключены два вѣка, XVI и XVII, самые блестящіе, самые любопытные, самые зиждительные вѣка! ибо здѣсь также порча отъ византійской формы. Да кромѣ того изъ древней русской исторіи надобно исключить всѣ тѣ знаменитыя лица, которыя жаловались на недостатки современнаго имъ общества, на недостатокъ образованности, ибо это все вольнодумцы, выскочки, люди отрицательнаго направленія! И такое разрушеніе русской исторіи производится во имя любви къ ней! Послѣ этого истинные любители русской исторіи не имѣютъ ли права сказать: «Читая сочиненія послѣдователей анти-историческаго направленія, невольно думаешь: что̀ за несчастная судьба толкнула ихъ и толкаетъ постоянно на предметъ, котораго терпѣть они не могутъ?»

Любопытнѣе всего то, что послѣдователи анти-историческаго, отрицательнаго направленія обвиняютъ другихъ — въ чемъ же? въ отрицательномъ направленіи! Вышла книга объ областныхъ учрежденіяхъ въ XVII вѣкѣ, авторъ которой указываетъ на

недостаточность этихъ учрежденій и тѣмъ самымъ указываетъ на необходимость новаго порядка, который и явился въ вѣкѣ послѣдующемъ. И вотъ со стороны послѣдователей анти-историческаго направленія поднялись крики: отрицательное направленіе! Авторъ означенной книги говоритъ, что судъ въ древней Руси разсматривался съ точки зрѣнія частнаго права, что судья кормился отъ суда. Ему возражаютъ (1): «Извѣстно всѣмъ, что никакое общество не можетъ существовать безъ суда — конечно, не въ смыслѣ кормленія, — что судъ составляетъ существенную потребность всякаго общества — конечно, не ради поборовъ, съ нимъ сопряженныхъ, — такъ въ чемъ же заключалось понятіе народа о томъ, что̀ есть судъ самъ по себѣ и чѣмъ долженъ быть судья для подсудимыхъ, въ чемъ выражалось это понятіе и какъ оно относилось къ офиціяльному воззрѣнію служилаго сословія? Эти вопросы не со стороны примыкаютъ къ главному тезису; они въ немъ содержатся, и взявшись опредѣлить характеръ цѣлаго общественнаго устройства по характеру судебныхъ учрежденій, нельзя было миновать ихъ разрѣшенія. Если не нашлось для этого никакихъ данныхъ въ юридическихъ актахъ, въ чемъ позволительно усомниться, то вольно жь было ими ограничиваться. Здѣсь *вѣроятно* пригодилась бы къ дѣлу справка съ проповѣдями и посланіями, посредствомъ которыхъ церковь проводила въ гражданское общество идеальныя понятія, прививавшіяся ко всѣмъ сословіямъ; *можетъ-быть*, и повѣствованія лѣтописцевъ, особенно тѣ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ народныхъ преданій, дали бы указаніе для воспроизведенія понятій древней Руси о правдѣ и о судѣ.»

Можно ли позволить себѣ при важныхъ возраженіяхъ употреблять слова: *вѣроятно, можетъ быть*? Далѣе: есть ли какой-нибудь народъ на свѣтѣ, который бы понималъ судъ иначе, какъ судъ правый? Народъ требуетъ суда праваго, а до того, кто его судитъ, ему дѣла нѣтъ. Творится судъ правый — народъ молчитъ; беззаконствуетъ судья, грабитъ подсудимыхъ — раздаются жа-

(1) Русск. Бес. 1857, I, Критика, стр. 105.

лобы. Эти громкія жалобы, дошедшія до насъ изъ древней Руси, свидѣтельствуютъ о неправомъ судѣ, и въ то же самое время свидѣтельствуютъ, что жалующіеся, подсудимые, и верховная власть, подтверждающая законность жалобъ, также церковь, напоминающая о судѣ правомъ, имѣютъ иное понятіе о судѣ, чѣмъ судьи. Этотъ разладъ между идеальными понятіями и дѣйствительностію и служитъ намъ мѣркою для оцѣнки общественнаго состоянія и заставляетъ насъ произнести приговоръ, что это состояніе было неудовлетворительно, требовало выхода изъ него, и если общество ищетъ этого выхода, то оно вполнѣ оправдано, возбуждаетъ въ насъ полное сочувствіе. Но жалоба — какого рода она? Если мнѣ попадается подъ руку юридическій актъ, или множество актовъ такого содержанія: Кузьма прибилъ Ивана безвинно, а судья, взявши посулъ съ Кузьмы, обвинилъ Ивана же, — то эти акты не имѣютъ для меня, какъ для историка, никакого значенія, не могу я на ихъ основаніи произнести приговора относительно нравственнаго состоянія общества, не могу сказать, что въ извѣстное время судьи беззаконствовали, ибо это отдѣльные случаи. Но если въ актѣ земскаго собора цѣлое сословіе говоритъ: «мы разорены не войною, а московскою волокитою», то я не имѣю никакого права отвергнуть это свидѣтельство, какъ голосъ всей земли. Заподазриваютъ юридическіе акты, указываютъ на лѣтописи. Мы не станемъ говорить, что въ лѣтописяхъ, *вѣроятно, можетъ-быть,* ничего не найдемъ; въ лѣтописяхъ мы найдемъ кой-что: Годуновъ, говоритъ лѣтописецъ, старался искоренить взяточничество, но никакъ не могъ. При описаніи извѣстнаго видѣнія въ Успенскомъ соборѣ, читаемъ страшныя слова: «Неправеденъ судъ творятъ и правымъ насилуютъ и грабятъ чуждая имѣнія, нѣсть истины во всемъ народѣ»; уже не говорю о жалобахъ псковскаго лѣтописца. Это для XVII вѣка; а если обратимся къ глубокой старинѣ, къ тому блаженному времени, когда русскіе нравы были проникнуты постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному, — то найдемъ, что у народа слово *тіунъ* было синонимомъ беззаконника.

Историку встрѣчается явленіе, о которомъ современники выражаются, положимъ, такъ: «мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ».

Историкъ, пораженный такимъ явленіемъ, начинаетъ разыскивать причины, по которымъ оно произошло, а ему кричатъ: «Какъ не стыдно? Какое одностороннее, отрицательное направленіе! Толкуетъ объ одной мерзости запустѣнія, а святаго мѣста не видитъ, у народа была не одна мерзость запустѣнія, было и святое мѣсто!» Разумѣется, историку отвѣчать легко на эти крики: «Если бы мерзость запустѣнія была на приличномъ ей мѣстѣ, а не на святомъ, то я бы объ ней и не говорилъ.»

Положительная сторона въ трудахъ по русской исторіи обозначилась ясно; послѣдователи историческаго направленія съ глубокимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдятъ за строеніемъ великаго зданія; замѣчаютъ, какъ участвуетъ въ этой постройкѣ каждый вѣкъ, каждое поколѣніе, что прибавляетъ къ зданію прочнаго, остающагося; участіе къ строителямъ, къ передовымъ людямъ въ дѣлѣ созиданія усиливается при видѣ тѣхъ страшныхъ препятствій, съ которыми они должны были бороться; съ особеннымъ сочувствіемъ прислушиваются къ жалобѣ на недостатокъ свѣта. Ивотъ, наконецъ, является свѣтъ, сначала слабый, потомъ постепенно распространяется; но чѣмъ болѣе распространяется онъ, тѣмъ болѣе чувствуется въ немъ нужда, требуется, чтобъ все зданіе было освѣщено, чтобъ всѣ работники видѣли другъ друга и тѣмъ согласнѣе могли дѣйствовать, чтобъ не было темныхъ угловъ, куда бы могли укрыться и лѣнь и зло; отовсюда слышится громкій, утѣшительный вопль: «Свѣта! больше свѣта!»

А тутъ слышатся другіе голоса: «Что ваше зданіе? Началось оно строиться хорошо, матеріялъ былъ свой, крѣпкій, но ничего не вышло, ни цвѣта, ни плода, съ конца XV вѣка уже начало подгнивать; выскочки, люди отрицательнаго направленія стали кричать, что свѣта нѣтъ, взяли свѣтъ чужой и стало еще темнѣе прежняго.»

Анти-историческое, отрицательное направленіе высказалось, кажется, вполнѣ. Кажется, между послѣдователями его уже начинаетъ пробуждаться сознаніе его несостоятельности; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ ихъ поэтовъ недавно сказалъ:

.... какъ плащемъ, рядясь борьбою
Пустой, не давшею плода,

Стою предъ жизнію живою
Безъ животворнаго труда.
Порывъ, упрекъ, негодованья,
Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причётъ!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодовъ живыхъ не принесетъ!

Пользуемся этими прекрасными стихами, чтобы окончить статью словомъ сочувствія: Богъ помочь на новой дорогѣ!

С. Соловьевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

КУТАИСѢ[1]

V. Народъ.

Жители Кутаисской губерніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей ея, о коихъ мы скажемъ въ послѣдствіи отдѣльно, принадлежатъ къ грузинскому племени, съ давнихъ временъ поселившемуся по южному склону Кавказскаго хребта.

Было время, когда Грузія составляла одно нераздѣльное царство, если не могущественное, то по крайней мѣрѣ, на столько сильное, что оно могло отстаивать свою независимость. Со смертію государей, виновниковъ подобнаго положенія, Грузія, волнуемая смутами, перерѣзанная естественными преградами, распалась на части, которыя, въ свою очередь, продолжали слѣдовать тѣмъ же путемъ безпорядка. Изъ краткаго историческаго очерка Имеретіи мы видѣли, сколько выстрадала эта несчастная страна, пока ей не удалось окончательно успокоиться подъ могущественнымъ покровомъ Россіи. Но несмотря на эти тяжкія испытанія, народъ грузинскій, руководимый національнымъ геніемъ, не потерялъ ни языка своего, ни обычаевъ, ни религіи, а это лучше всего свидѣтельствуетъ о блестящихъ качествахъ, которыми отличается грузинская нація.

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 7.

Прежде нежели приступимъ къ разказу о характерѣ туземцевъ Кутаисской губерніи, объ ихъ внутренней и внѣшней жизни, полагаемъ необходимымъ коснуться народныхъ сословій, безъ чего намъ не будетъ понятно многое изъ настоящей ихъ жизни.

Во времена своего самостоятельнаго существованія, Имеретія управлялась царями, называемыми на туземномъ нарѣчіи *мепе, хельмципе* и *батони;* царицы назывались *дедопали* (мать народа), а царскія дѣти—*батоно-швили* (швили — сынъ). Владѣтели Гуріи и Мингреліи назывались *гурьелями* и *дадьянами*.

Власть и права имеретинскихъ царей, по своему объему и внѣшности, напоминаютъ средневѣковую Европу. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, государи, окруженные сильными, буйными и подчасъ непокорными владѣтелями, нерѣдко находились въ затруднительномъ положеніи. Все зависѣло отъ личности верховнаго владыки: государи мужественные, одаренные отъ природы необходимыми для своего назначенія качествами, находили возможность обуздывать строптивыхъ тавадъ (князей) и повелѣвать безусловно; государи слабые, напротивъ, были въ полной зависимости отъ нихъ и при первой попыткѣ къ самовластію, неминуемо теряли корону, а нерѣдко и самую жизнь. Вся разница въ этомъ отношеніи между средневѣковою Европой и Имеретіей заключалась въ томъ, что въ послѣдней событія происходили въ болѣе ограниченномъ кругѣ; все здѣсь было какъ-то темно, безъ мысли, безъ послѣдствій, между тѣмъ какъ первая оставила намъ великія начала жизни

За семействомъ государя, за дадьянами и гурьелями, слѣдовало благородное сословіе, которое, въ свою очередь, подраздѣлялось на степени, имѣвшія бо́льшую или меньшую важность.

Первую степень дворянства составляли *тавады*, отъ слова тави — голова; собственно тавада означаетъ «самъ себѣ голова». Батоно-швили и тавады, также какъ дадьяны и гурьели, нынѣ признаны въ достоинствѣ князей имперіи.

За тавадами слѣдуютъ *сопатіокаце,* или почетные люди. Названіе это производится отъ двухъ словъ: *патави* — честь и *каце* — человѣкъ. Сопатіокаце принадлежали ко второй степени дворянства.

Низшую степень дворянства составляли *азнауры,* которые въ дворянскомъ сословіи играли почти ту же роль, какъ нѣкогда въ Россіи боярскія дѣти, жильцы и однодворцы. Это были, по боль-

шей части, мелкопомѣстные владѣльцы, которые цѣлыми десятками обитали въ помѣстьяхъ тавады и обязаны были ему службой. Преданіе говоритъ, что азнауры — потомки воиновъ Грека Азона, котораго Александръ Македонскій, во время похода въ Персію, сдѣлалъ правителемъ Закавказья. Когда же туземцы свергли съ себя чужеземное иго и убили Азона, то Греки его дружины, перешедши на сторону туземцевъ, получили нѣкоторыя дворянскія права, и поселились въ странѣ подъ именемъ *азнаури*.

Послѣднія двѣ степени благороднаго сословія сравнены русскою герольдіей во всѣхъ правахъ съ потомственнымъ дворянствомъ, такъ что въ краѣ теперь нѣтъ ни тавадъ, ни сопатіокаце, ни азнауровъ, а есть князья и дворяне, подобно тому, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Но несмотря на это, туземцы, особенно неслужащіе, въ сношеніяхъ между собою, все еще сохраняютъ слѣды прежняго различія, и азнауръ, хотя бы онъ былъ и старше чиномъ тавады, въ земляхъ котораго находится его помѣстье, пріѣхавши на родину, не посмѣетъ сѣсть въ его присутствіи и, при случаѣ, не откажется держать ему стремя.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что въ сущности ни тавады, ни сопатіокаце, ни азнауры не составляли собственно одного сословія, подраздѣленнаго только на степени. Это, скорѣе, были разныя ступени общества, гдѣ каждый членъ занималъ свое мѣсто, смотря по состоянію, которое одно только и могло давать ему настоящее значеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало этой классификаціи надо искать въ заслугахъ, нѣкогда оказанныхъ отечеству предками тавадъ и сопатіокаце; такъ нѣкоторыя лица, какъ напримѣръ князья Эристовы, пріобрѣли и званіе свое и даже фамилію отъ занимаемой ими должности. Фамилія Эристовыхъ происходитъ отъ слова *эристави* — глава народа; такимъ именемъ назывались прежде правители пограничныхъ земель (маркграфы у Нѣмцевъ), и уже въ послѣдствіи званіе это обратилось въ имя собственное. Такимъ образомъ есть Эристовы гурійскіе, имеретинскіе, кахетинскіе и проч. Родоначальники же ихъ вышли изъ Осетіи.

Къ числу лучшихъ фамилій принадлежатъ: въ Имеретіи — Церетелли, Цулукидзе, Агіевы, Абашидзе и проч.; въ Мингреліи — Дадьяны (которыхъ, кромѣ семейства владѣтеля, очень много),

Пагавы, Чековани; въ Гуріи — Гурьели, Накашидзе, Мачутадзе, Эристовы и другіе.

Средняго, или собственно торговаго, сословія не было въ Имеретіи, а торговалъ всякій, кто только могъ; мѣщане (*моколаки*) были въ одномъ Кутаисѣ, и названіе это преимущественно принадлежало иностранцамъ, поселившимся въ краѣ съ цѣлью коммерческою.

Крестьянъ также, какъ и дворянъ, было нѣсколько разрядовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свои, впрочемъ весьма запутанныя, отношенія къ господину. Такъ одни изъ нихъ обязывались только сопровождать своего помѣщика на войну или въ его поѣздкахъ по краю въ качествѣ оруженосцевъ и уже, кромѣ этой обязанности, отъ нихъ ничего другаго нельзя было требовать; другіе имѣли обязанностью подавать коня, держать стремя, возить *азаръ-пешу* (серебреная ложка, похожая на нашъ суповой ковшъ) и проч. Самыя подати были весьма странно распредѣлены: одна часть крестьянъ платила помѣщику извѣстную долю вина и продуктовъ; другіе же обязывались сшить своему барину *по сапогу*. Въ имѣніи князей Гурьелей и до сихъ поръ есть одно семейство, подать котораго состоитъ въ томъ только, что оно разъ въ годъ обязано принести своему помѣщику форелей. Вслѣдствіе этой запутанности въ отношеніяхъ случались на моихъ глазахъ преуморительныя сцены: помѣщикъ, находящійся на службѣ и уже достаточно образованный, чтобъ забыть эти глупые предразсудки, пріѣзжаетъ въ свою деревню, останавливается у мужика и проситъ его что-нибудь для себя сготовить къ ужину. Мужикъ прехладнокровно ему отвѣчаетъ, что это не его обязанность, а что вотъ въ ихъ деревнѣ, искони вѣковъ, подобная служба, въ отношеніи къ барину, лежала на такомъ-то семействѣ. Спорить противъ этого было бы рѣшительно безполезно, и усталому помѣщику предстояло на выборъ двѣ вещи: или идти за версту (потому что дома въ деревнѣ страшно разбросаны) отыскивать указанный домъ, или самому себѣ готовить ужинъ.

Вообще, гражданское устройство края было основано на феодальныхъ началахъ, или, по крайней мѣрѣ, близко подходило къ нимъ. Тавады и сопатіокаце зависѣли отъ однихъ государей; но азнауры были и государевы и тавадины, и даже принадлежали монастырямъ. Государь, желая набрать войско, приглашалъ та-

вадъ, которые являлись, подобно германскимъ баронамъ, сопутствуемые своими азнаурами и крестьянами. Сильные тавады нерѣдко ослушивались своихъ государей и вступали съ ними въ открытую борьбу, которая не всегда оканчивалась въ пользу послѣднихъ.

Тавады имѣли надъ крестьянами своими полную власть; не могли только лишать ихъ жизни или продавать въ неволю. Казнить имѣлъ право одинъ государь; но продавать въ неволю—никто. Впрочемъ, то и другое дѣлалось не разъ и совершенно безнаказанно.

Судъ, разбирательство и рѣшеніе дѣлъ совершались по преимуществу изустно, причемъ, имѣющіе право суда руководились вышеизложенными отношеніями сословій, обычаями, преданіями и законами царя Вахтанга, общепринятыми въ цѣлой Грузіи. Впрочемъ, эти законы всегда нарушались по прихоти судящаго.

Имеретинскіе цари, также какъ и владѣтели Гуріи и Мингреліи, находились постоянно въ странствіяхъ. Во время этихъ поѣздокъ къ нимъ стекались толпы народа; обиженные приносили свои жалобы, и царь, если могъ, удовлетворялъ ихъ, либо предоставлялъ дѣло на волю Божью. Ежедневно къ помѣщику сходились ему подвластные, и тутъ, посреди двора, подъ развѣсистымъ деревомъ, тавада, окруженный своими вассалами, давалъ изустныя рѣшенія, которыя выполнялись нехуже любаго судейскаго приговора. Таковъ, вообще, судъ на всемъ Востокѣ. Этотъ обычай, несмотря на повсемѣстное введеніе русскаго законодательства, и до сихъ поръ сохранился въ нѣкоторыхъ болѣе удаленныхъ мѣстахъ; и до-сихъ поръ дворы помѣщиковъ биткомъ набиты ихъ крестьянами, которые являются судиться или, просто, покалякать съ бариномъ, который и самъ не прочь отъ этого. Особенно это замѣтно въ Мингреліи, предоставленной по гражданской части управленію своего владѣтеля, и мнѣ нерѣдко случалось видѣть сцены, поразительныя своею обстановкой. Часто передъ домомъ правительницы собиралась огромною толпою Мингрельцы, въ своихъ національныхъ костюмахъ, вооруженные съ головы до ногъ. Они устанавливались въ самыя живописныя группы, кто облокотившись на свою винтовку, кто держа оружіе на плечѣ. Затѣмъ на крыльцо выходила правительница и обращала къ народу рѣчь, которая слушалась съ величайшимъ вниманіемъ. Во всемъ этомъ

такъ было много поэзіи прошедшаго, что мнѣ казалось, будто я, какимъ-то волшебствомъ, попалъ въ одну изъ сценъ вальтеръ-скоттовскаго романа.

Туземцы, особенно изъ благороднаго сословія, чрезвычайно красивы и между ними рѣдко встрѣчаются личности, которыхъ можно было бы отнести къ разряду уродовъ. Мущины высоки, стройны, съ открытымъ пріятнымъ лицемъ, съ умѣреннымъ носомъ и, по большей части, всѣ черноволосы; впрочемъ, въ Мингреліи довольно много и бѣлокурыхъ. Здѣшнія женщины, по красотѣ своей, первенствуютъ на цѣломъ Востокѣ. Всѣмъ извѣстно, что Мингрелія, вмѣстѣ съ Черкессіею, долгое время служила главнымъ и довольно дешевымъ разсадникомъ турецкихъ и персидскихъ гаремовъ, пока Русскіе, своимъ оружіемъ, не прекратили этотъ отвратительный сбытъ живаго товара.

Характеръ вполнѣ гармонируетъ ихъ пріятной, но не лишенной рѣзкаго выраженія, наружности, ихъ гибкому, легкому стану, ихъ необыкновенной подвижности во всѣхъ мускулахъ тѣла. Онѣ веселы, любятъ игры, пляски, въ которыхъ особенно ловки, и при этомъ обладаютъ въ высшей степени качествомъ общежительности. Этому послѣднему не мѣшало бы и намъ у нихъ немного поучиться. Между туземцами мнѣ ни разу не удавалось встрѣчать такъ-называемыхъ желчныхъ людей; такъ всѣ они просты, привѣтливы и сообщительны. Если нѣкоторые изъ Русскихъ и жалуются на мнимую къ нимъ непріязнь туземцевъ, вѣрьте, что они сами въ этомъ виноваты. Наши рѣзкіе отзывы, надменное поведеніе и дурно скрываемое презрѣніе къ народнымъ обычаямъ, разумѣется, не могутъ нравиться туземцамъ и вызываютъ съ ихъ стороны чувства подобнаго же рода. Спрашивается теперь, кто же виноватъ въ этомъ: туземцы или мы? А при ласковомъ обращеніи, они легко и охотно сближаются съ нами, оказываютъ радушное, почти дружеское гостепріимство, причемъ, обнаруживая любовь и уваженіе къ Русскимъ, они не забываютъ и своей родины, качество вполнѣ достойное уваженія.

Любовь къ музыкѣ развита въ сильной степени. У Гурійцевъ есть особые напѣвы, напоминающіе тирольскіе. Всѣ полевыя работы туземцевъ сопровождаются пѣніемъ, издали похожимъ на вскрикиванье, или скорѣе на ауканье. Этотъ-то обычай развлекать

себя во время трудовъ пѣснью, свойственный почти всѣмъ народамъ, и былъ выставленъ Шарденомъ какъ признакъ тѣлесной слабости и лѣни, нуждающихся въ ободреніи. Туземныя пѣсни напоминаютъ собою греческія рапсодіи; въ нихъ, также какъ и въ послѣднихъ, разказываются цѣлыя отдаленныя событія, прославляются подвиги героевъ, воспѣвается несчастная и, какъ водится, неизмѣнная любовь. Пѣніе это довольно пріятно, но утомляетъ слушателя своею монотонностію и безконечною длиннотою. Не будучи знакомы съ туземнымъ языкомъ, мы не можемъ здѣсь произнести сужденія о литературномъ достоинствѣ этихъ музыкальныхъ рапсодій.

Нельзя сказать, чтобъ туземцы не любили удовольствій, которыя конечно должны быть весьма ограниченны въ этомъ еще полуразвитомъ краѣ. Молодежь, не служащая и живущая по деревнямъ, подъ крылышкомъ своихъ папенекъ, губитъ бо́льшую часть времени въ оргіяхъ и волокитствахъ, нерѣдко преступныхъ, потому что и здѣсь дамы, какъ можетъ-быть и въ другихъ мѣстахъ, не отличаются особенною строгостію нравовъ. Цѣлыя недѣли и мѣсяцы проводятся или въ поѣздкахъ изъ одного селенія въ другое, отъ одного помѣщика къ другому. Эта странствующая кавалькада, первоначально состоящая изъ двухъ, трехъ записныхъ гулякъ, постепенно чрезъ присоединеніе другихъ увеличивается, и подъ конецъ, подобно снѣжной лавинѣ, достигаетъ страшныхъ размѣровъ. Буйная и кипящая жизнію молодежь толпою вваливается на дворъ помѣщика, шумитъ, напивается, и по прошествіи двухъ и болѣе дней безпрерывнаго пиршества, увлекаетъ съ собою хозяина и отправляется далѣе. Исторія эта продолжается до тѣхъ поръ, пока не надоѣстъ; тогда все расходится по домамъ и успокоивается до слѣдующаго благопріятнаго случая. Но, какъ мнѣ кажется, это счастливое времечко, какъ его называютъ любители, теперь почти наизлетѣ.

Въ большіе праздники, или въ дни какихъ-нибудь важныхъ событій, какъ напримѣръ свадьбъ, совершаются пиршества, которыя, по громадности своей и какому-то дикому разгулу, въ состояніи превзойдти самое смѣлое воображеніе. На эти торжества, происходящія обыкновенно подъ открытымъ небомъ, если только тому не препятствуетъ погода, собирается вся окрестная

молодежь, на лихихъ коняхъ, вооруженная съ головы до ногъ. Здѣсь же, и это единственный случай (1), можно встрѣтить и туземныхъ дамъ, молодыхъ и старыхъ, раззолоченныхъ и разукрашенныхъ со всею вычурностію Востока. Празднества эти заключаются въ разнаго рода военныхъ скачкахъ, называемыхъ джигитовками, въ стрѣльбѣ изъ винтовокъ и пистолетовъ, производимой съ необыкновенною ловкостію на всемъ скаку, въ колосальныхъ обѣдахъ и лезгинкѣ,—танцѣ, въ которомъ принимаютъ участіе мущины и женщины.

Не видавшему никогда туземныхъ обѣдовъ трудно составить себѣ понятіе о томъ огромномъ количествѣ пищи, которое на нихъ истребляется. По нѣскольку быковъ зажаривается разомъ; мясо ихъ рубится на части, фунтовъ въ пять каждая, и подается за столъ, загроможденный колосальными блюдами съ пловомъ и цѣлыми кучами *гоми*. Обѣды эти также происходятъ на открытомъ воздухѣ, подъ густымъ, развѣсистымъ деревомъ, совершенно защищающимъ присутствующихъ отъ солнечныхъ лучей. Какъ только усядутся за столъ, каждый изъ гостей обстанавливается множествомъ тарелокъ и блюдечекъ съ яствами изъ зелени, рыбы, говядины, баранины отваренной, баранины зажаренной на вертелѣ и называемой шашлыкомъ, куръ, приправленныхъ рубленными яйцами, жареныхъ фазановъ и прочей четвероногой и двуногой дичи, какъ-то туровъ, дикихъ козъ, джейрановъ, куропатокъ, и безконечною вереницей разнаго рода соусовъ изъ зелени, прѣсныхъ, горькихъ, соленыхъ... и все это запивается неимовѣрнымъ количествомъ вина. Горячаго за обѣдомъ не подается, за исключеніемъ тѣхъ домовъ, которые уже начинаютъ жить на европейскую ногу.

Нигдѣ, быть можетъ, не соблюдается столько этикета какъ за этими обѣдами. Гости почетные, по старшинству, садятся за особый столъ (столы начали заводиться съ прибытіемъ Русскихъ; прежде обѣдали просто на разостланныхъ по полу или по землѣ коврахъ), который, по высотѣ своей, господствуетъ надъ про-

(1) Это замѣчаніе не относится къ тѣмъ изъ туземокъ, которыя живя въ самомъ Кутаисѣ, или вблизи отъ него, не считаютъ предосудительнымъ являться во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ.

чими и за которымъ помѣщается остальное общество. Дамы никогда не принимаютъ участія въ общихъ обѣдахъ, а ѣдятъ отдѣльно на своихъ половинахъ. Хозяинъ также не садится за столъ, а расхаживаетъ кругомъ и угощаетъ своихъ гостей. Каждый изъ почетныхъ присутствующихъ, получивъ какое-нибудь блюдо или кусокъ мяса, отрѣзываетъ себѣ небольшую часть, остальное же передаетъ кому-нибудь изъ гостей то же самое дѣлается и съ прочими кушаньями. Подобная передача блюдъ, если только она происходитъ отъ старшаго къ младшему, считается знакомъ особеннаго вниманія со стороны перваго, за что̀ получившій спѣшитъ отблагодарить пренизкимъ поклономъ. За столомъ ѣдятъ руками, не употребляя ни ножа, ни вилки, ни ложки; впрочемъ, въ послѣднее время, эти необходимые обѣденные приборы начинаютъ входить въ употребленіе у многихъ.

Но за исключеніемъ этихъ празднествъ, называемыхъ *томашами*, туземцы очень умѣренны въ пищѣ. Пища растительная предпочитается ими мясной, какъ не сообразной съ климатомъ страны; вмѣсто хлѣба они употребляютъ *гоми*, родъ сарачинскаго пшена, густо отваренное на водѣ; иногда гоми замѣняется лепешками изъ кукурузы, извѣстными подъ именемъ *чади*. Въ богатыхъ домахъ къ столу подаютъ тонкія, не много засушенныя блинцы (изъ муки), называемыя *лавашами* и приготовляемыя туземцами съ большимъ искусствомъ; эти лепешки въ одно и тоже время служатъ для обѣдающихъ и хлѣбомъ и салфеткой.

Ежели мы станемъ сравнивать между собою обитателей Кутаисской губерніи, то, несмотря на кажущееся между ними сходство, замѣтимъ и ощутительную разницу; такъ напримѣръ Имеретины откровеннѣе, простодушнѣе Мингрельцевъ, въ характерѣ которыхъ встрѣчается болѣе хитрости. Первые обладаютъ спокойною, разсудительною храбростію, скорѣе похожею на европейскую; вторые же Азіятцы въ полномъ смыслѣ этого слова. Самые способные къ войнѣ—Гурійцы, которые всегда сражаются пѣшкомъ. Будучи ловки, сильны, неутомимы, довольствуясь пищею въ самомъ умѣренномъ количествѣ, они образуютъ изъ себя отличную легкую пѣхоту, неоцѣненную въ этихъ лѣсистыхъ и неровныхъ мѣстностяхъ. Гурійцы слывутъ ходоками и не было примѣра, чтобъ они, во время перехода когда-нибудь отстали

отъ кавалеріи. Объ этой ихъ способности я весьма много слышалъ въ краѣ, не считая того, что и мнѣ иногда приходилось видѣть поразительные примѣры скороходства. Князь Г... разказывалъ мнѣ, что у него былъ человѣкъ, который въ 36 часовъ ходилъ пѣшкомъ изъ Озургетъ въ Кутаисъ, и обратно. Правда, что онъ для своего путешествія избиралъ кратчайшую дорогу; но все-таки это составитъ взадъ и впередъ около ста пятидесяти верстъ. Я бы конечно этому не повѣрилъ, еслибъ самому не случалось видѣть нѣчто въ этомъ родѣ. Разъ мнѣ пришлось ѣхать съ однимъ гурійскимъ дворяниномъ верстъ за шестнадцать отъ мѣста нашего пребыванія. Мы сѣли на лошадей и, желая прибыть аккуратно къ назначенному времени, поѣхали рысью. Каково же было мое удивленіе, когда, по пріѣздѣ къ мѣсту назначенія, я увидѣлъ, что лошадь моего спутника опять была въ рукахъ того самаго служителя, который подавалъ ее при нашемъ выѣздѣ, между тѣмъ какъ въ нашей конной свитѣ его не было. Тогда, на вопросъ мой, Гуріецъ объяснилъ мнѣ съ улыбкой, что въ ихъ странѣ обычай таковъ, что всякое важное лицо принимаетъ и сдаетъ лошадь одному и тому же служителю, куда бы и какъ бы далеко оно не ѣхало и что слуга, тоже по гурійскому обычаю, не допускающему, чтобы простонародье ѣздило верхомъ, пѣшій вездѣ долженъ слѣдовать за бариномъ и поспѣвать, какъ знаетъ. Тогда только мнѣ сдѣлалось вполнѣ понятною причина удивительной, непостижимой легкости Гурійцевъ.

Къ числу прекрасныхъ качествъ туземцевъ Кутаисской губерніи надо отнести ихъ любовь къ Россіи, которую они считаютъ старшимъ своимъ отечествомъ, ихъ горячее сочувствіе ко всему новому, достойному подражанія. Они охотно перенимаютъ отъ Русскихъ ихъ обычаи, ихъ образованіе и день ото дня сами убѣждаются въ своей отсталости. Глава всякаго сколько-нибудь почетнаго семейства спѣшитъ дать приличное образованіе своимъ сыновьямъ и племянникамъ, и отправить ихъ въ русскую службу; такимъ образомъ много имеретинской молодежи состоятъ офицерами и юнкерами въ кавказскихъ полкахъ, и между ними я не встрѣчалъ ни одного, который обнаружилъ бы стремленіе къ прежнему порядку вещей. Я вспоминалъ только, какъ подобныя вещи туго дѣлались у насъ въ Россіи.

Но и не безъ того, чтобъ въ краѣ не было приверженцевъ ста-

раго. Къ нимъ преимущественно принадлежитъ прежнее, уже отжившее поколѣніе, которое не легко подается на нововведенія. Они ходятъ въ національныхъ костюмахъ, живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, окруженные патріархальнымъ бытомъ деревни, и желаютъ умереть въ обычаяхъ, доставшихся имъ по наслѣдству отъ предковъ. Но и они не противятся, если сыновья и дочери ихъ надѣваютъ европейское платье; напротивъ, послѣдніе еще болѣе уважаются, ибо здѣсь европейское платье служитъ въ нѣкоторой степени вывѣской образованія.

Особенно воспріимчивы ко всему новому туземныя женщины, да это и очень понятно: новая жизнь для туземки имѣетъ много прелести, давая ей въ свѣтѣ положеніе, которое принадлежитъ женщинѣ по праву; между тѣмъ какъ при старомъ порядкѣ вещей, хотя женщины и не стѣснялись здѣсь такъ, какъ на мусульманскомъ Востокѣ, все-таки далеко не имѣли того значенія и свободы, которыя предоставляетъ имъ наше общество. Для образованія туземныхъ дѣвочекъ въ Кутаисѣ существуетъ заведеніе Св. Нины, основанное, въ 1848 году, княгинею Е. К. Воронцовою. Мы знали многихъ дѣвушекъ, вышедшихъ изъ этого заведенія, которыя вступивъ туда, не зная ни слова по-русски, по прошествіи трехъ, четырехъ лѣтъ, выходили съ образованіемъ, если и не блестящимъ, то по крайней мѣрѣ съ такимъ, которое необходимо женщинѣ, какъ члену общества и какъ матери семейства. Вообще, заведеніе Св. Нины, надѣляя общество прекрасными, благовоспитанными дѣвушками, есть одно изъ полезнѣйшихъ учрежній въ краѣ, ибо женщина всегда останется могущественнѣйшею силою при какой бы то ни было нравственной перемѣнѣ.

Для мальчиковъ существуетъ въ Кутаисѣ губернская гимназія, и въ ней теперь считается до 300 человѣкъ учащихся. Тамъ же есть и духовное училище, для образованія новаго поколѣнія духовенства, которое и дастъ правительству средство снабдить городскіе и сельскіе приходы умными и дѣльными священниками.

До сихъ поръ намъ не удалось ни слова сказать о туземной одеждѣ, между тѣмъ, какъ она такъ живописна, что сама по себѣ заслуживаетъ подробнаго изученія костюмеровъ. Туземцы, свято придерживающіеся обычаевъ старины, надѣваютъ, посверхъ широкихъ шароваръ и бешмета или архалука, изъ какой-нибудь

цвѣтной матеріи, *чуху*, которая своими длинными, разрѣзными рукавами, закидываемыми назадъ, напоминаетъ польскій кунтушъ. Вокругъ таліи чуха стягивается неширокимъ ременнымъ поясомъ, со множествомъ насаженныхъ на него серебряныхъ бляхъ, украшенныхъ рѣзною работой подъ чернь. Спереди, къ поясу, привѣшивается небольшой кинжалъ, въ кожаныхъ, также украшенныхъ серебромъ, ножнахъ. Поясъ, въ то же время служитъ и портупеей для кривой полусабли, похожей на турецкія. Голова прикрывается тонкимъ, круглымъ кусочкомъ вышитаго золотомъ или серебромъ сукна, называемаго *папанахи*, и который прикрѣпляется къ подбородку узенькимъ ремешкомъ. Въ дорогѣ туземцы надвигаютъ этотъ кусочекъ сукна напередъ такъ, что онъ служитъ имъ вмѣсто зонтика или козырька для предохранія глазъ отъ солнечнаго свѣта, а маковка головы, снабженная въ изобиліи густыми, волнистыми прядями волосъ, остается открытою. Это естественное прикрытіе головы такъ прочно, что не было примѣра, чтобъ туземцы подвергались такъ-называемому солнечному удару (coup de soleil).

Но на дикомъ Кавказѣ, какъ и въ образованной Европѣ, есть мѣсто, гдѣ портные денно и нощно трудятся, ломаютъ себѣ голову и снабжаютъ весь край безконечными варіаціями модъ: это Кабарда. Оттуда вылетѣла такъ-казываемая черкеска съ пришитыми на груди патронами, въ которой, обыкновенно, изображаются на картинкахъ горцы, и которая повсемѣстно вытѣснила изъ употребленія туземные костюмы. Я не скажу, чтобъ черкеска была дурна, даже она удобнѣе чухи для боевой жизни, но далеко не такъ граціозна, какъ послѣдняя. Та же самая мода заставляетъ молодыхъ людей, вмѣсто папанахи, носить на головѣ шапку съ бараньимъ околышемъ и высокимъ остроконечнымъ верхомъ, называемую *папахой*.

Гурійцы — сосѣди племенъ, населяющихъ азіятскую Турцію, сохранили и ихъ костюмъ, состоящій изъ короткой цвѣтной куртки, вышитой тесьмою, а у богатыхъ людей серебромъ и золотомъ, и пышныхъ шароваръ; талія опоясывается широко-сложенною шалью, за которую они затыкаютъ свое оружіе; голова обвязывается суконнымъ башлыкомъ (который покроемъ своимъ походитъ на капюшонъ у дамскихъ бурнусовъ) на подобіе чалмы. Вообще, одежда Гурійцевъ изящна и очень красива.

Женщины носятъ платья, по покрою довольно схожія съ европейскими; каждое платье имѣетъ на груди вырѣзку, прикрываемую кускомъ матеріи, называемымъ *гилиспери*. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ *тавсакрави*, нешироκаго обруча, охватывающаго кругомъ голову, и *лачаки* — кусковъ бѣлой кисеи, падающихъ на плечи изъ-подъ тавсакрави по обѣимъ сторонамъ лица. Этотъ головной уборъ, который у богатыхъ женщинъ вышивается золотомъ, жемчугомъ и каменьями, придаетъ имъ величественный, почти царственный видъ. Посверхъ платья, на плечи, накидывается *катиба*, родъ короткой шубы съ перехватомъ на таліи (такъ что она очень удобно можетъ надѣваться въ рукава) и съ длинными, разрѣзными рукавами. Всѣмъ любительницамъ изящнаго, мы рекомендуемъ катибу, которая въ холодное время чрезвычайно удобна для прогулокъ, а сдѣланная изъ алаго или голубаго бархата образуетъ одно изъ лучшихъ женскихъ одѣяній.

Эта сельская жизнь, беззаботность, отличающая жителей Востока, малое напряженіе физическихъ, а особенно умственныхъ силъ, служатъ причиною, что средняя долгота жизни человѣка, при всей зловредности климата, довольна удовлетворительна. Приведемъ здѣсь слова г. Гнилосорова изъ его прекрасной статьи «Разказы объ Имеретіи», напечатанной въ «Кавказскомъ Календарѣ» за 1853 годъ. «Туземцы болѣютъ мало и доживаютъ до хорошей старости. Но въ настоящее время, по случаю бывшей здѣсь въ 1847 году холеры, стариковъ въ Кутаисѣ немного. По камеральному описанію 1850 года, здѣсь исчислено 1136 душъ податнаго сословія мужескаго пола, и между ними находится стариковъ: отъ 60 до 70 лѣтъ—20 человѣкъ, отъ 70 до 80 лѣтъ—4 человѣка, отъ 80 до 90 лѣтъ—3 человѣка. Столѣтняго же старика нѣтъ ни одного.» Такія цифры еще довольно утѣшительны.

До сихъ поръ мы разсматривали жизнь туземцевъ съ одной хорошей стороны, не касаясь дурной; но, къ сожалѣнію, здѣсь, какъ и вездѣ, кроются многіе, весьма непростительные, пороки. Самый главный и общій всѣмъ порокъ—ужасная лѣнь, возмутительное отсутствіе желанія трудиться и быть полезнымъ себѣ и обществу. Дѣйствительно, крестьяне считаютъ обязанностью работать только четыре дня въ недѣлю: пятница празднуется, потому что это базарный день, воскресенье—по обычаю христіянскому,

а суббота—вѣроятно потому, что она стоитъ между двумя праздничными днями. Мужикъ издалека тащится въ городъ и несетъ съ собою одну курицу или небольшой пучокъ *чалы*; придя на базаръ, онъ прехладнокровно прошатается цѣлое утро съ своимъ ничтожнымъ товаромъ и сбудетъ его за безцѣнокъ. Вы думаете, онъ не понимаетъ, что даже и выгодная продажа принесеннаго имъ товара не стóитъ такой прогулки; напротивъ, ему это очень хорошо извѣстно: но, по свойственному ему бездѣйствію, онъ не хочетъ допустить и мысли серіозно заняться торгомъ. Здѣшніе мужики по большей части ходятъ въ городъ не за тѣмъ, чтобъ сбывать сельскія произведенія, а для развлеченія отъ скуки и изъ желанія покалякать о новостяхъ; отправляясь туда, они только для виду захватятъ съ собою какую-нибудь несчастную курицу, о которой потомъ вовсе не заботятся. Впрочемъ, земля здѣсь такъ благодатна, край такъ мало образованъ, что подобная лѣнь теперь еще терпится.

Но есть пороки, болѣе непростительные и которые, несмотря на всѣ старанія правительства, никакъ не могутъ вывестись. Къ нимъ принадлежатъ: контрабанда въ Гуріи и конокрадство въ Мингреліи. Оба эти промысла считаются туземцами молодечествомъ и нимало не преслѣдуются общественнымъ мнѣніемъ. Въ Мингреліи, напримѣръ, кражею лошадей занимаются даже нѣкоторые изъ дворянъ. Подкараулить табунъ, выбрать ночку потемнѣе и, воспользовавшись оплошностью табунщиковъ, выхватить оттуда нѣсколько лошадей—такіе подвиги, которыми не постыдится похвастать и дворянинъ. Во время движенія гурійскаго отряда въ Кобулетскій санджакъ, весною 1855 года, на ночлегѣ въ окрестностяхъ Озургетъ, вся конная милиція отряда, составленная изъ Имеретинъ и Мингрельцевъ, была расположена по рѣкѣ Набадѣ. Человѣкъ пять Мингрельцевъ, самыхъ отчаянныхъ конокрадовъ, рѣшились воспользоваться удобнымъ случаемъ и увести у Имеретинъ нѣсколько лошадей. Но къ счастію, виновники были схвачены на мѣстѣ преступленія, и вознегодовавшіе Имеретины вознамѣрились наказать ихъ по-своему. Пойманные Мингрельцы были раздѣты до-нага, и сквозь связанныя руки и ноги каждаго была продѣта довольно толстая и длинная палка, посадивши ихъ на этотъ особаго рода вертелъ, Имеретины каждаго изъ конокрадовъ повернули по нѣскольку разъ надъ пылаю-

щимъ костромъ. Несчастные, съ поджаренными спинами, опрометью бѣжали изъ отряда домой, и послѣ того, конечно, цѣлую жизнь не придетъ имъ въ голову мысль — еще разъ рискнуть на подобное воровство!

Въ настоящее время правительство обратило строгое вниманіе на этотъ предметъ и, изображая яркими красками всю гнусность порока, старается, въ то же время, разными мѣрами взысканія обуздать его.

«Здѣсь нѣтъ почти ни одного крестьянина, который бы не тягался съ своимъ сосѣдомъ за землю, съ своимъ помѣщикомъ за повинности; нѣтъ почти ни одного дворянина или князя, который не имѣлъ бы наслѣдственныхъ враговъ по процессу, подобно тому какъ въ Дагестанѣ имѣютъ наслѣдственныхъ враговъ по кровомщенію. Разница только въ томъ, что тамъ дѣйствуютъ кинжалами или порохомъ, а здѣсь перомъ и чернилами. Не то чтобъ Имеретины не были храбры, Боже сохрани объ этомъ и подумать! храбрость свою они доказали вѣковыми войнами съ врагомъ и экспедиціями при русскомъ правительствѣ, но, живя теперь въ мирныя времена, они только поотстали отъ воинскихъ подвиговъ и отъ нечего-дѣлать принялись за сутяжничество. Поэтому въ молодомъ поколѣніи здѣсь уже не существуетъ извѣстныхъ храбрецовъ или наѣзниковъ, но есть за то люди грамотные, смышленые, законники, которыхъ боятся, которымъ низко кланяются и у которыхъ ищутъ знакомства и расположенія. Поэтому здѣсь не слышно уже о шайкахъ удальцовъ или разбойниковъ, но за то образовались цѣлыя фаланги писакъ, повѣренныхъ, сочинителей, которые мутятъ добродушныхъ поселянъ, выжимаютъ у нихъ послѣднюю копѣйку и пользуются извѣстностью. Молодые люди, даже лучшихъ фамилій, тѣснятся въ присутственныхъ мѣстахъ и добиваются, какъ почетнаго званія, должности штатнаго писца; отцы же ничему такъ не радуются, какъ когда дѣти пишутъ каракульки и начинаютъ понимать подъяческіе крючки и заковычки. Въ домѣ будетъ свой адвокатъ, а это то же, что имѣть лишнюю часть дохода. Даже самыя шалости молодыхъ людей имѣютъ здѣсь характеръ подъяческій. Они не буянятъ, ведутъ себя скромно, прилично; но чтобы шалостью заплатить дань молодости, они сочиняютъ гадкіе пасквили, подбрасываютъ ругательныя письма и подписы-

ваютъ подъ почеркъ начальника такія бумаги, въ которыхъ заключается нелѣпица, производящая всеобщее удовольствіе и смѣхъ. А посмотрите на здѣшняго мужика. Онъ не можетъ пройдти мимо присутственнаго мѣста, чтобы не завернуть туда и не взять какой-нибудь справки, не можетъ сойдтись съ грамотнымъ человѣкомъ, чтобы не попросить его написать себѣ какую-нибудь просьбу. Напримѣръ: онъ пріѣдетъ на базаръ, продастъ дровъ, кукурузы, куръ, выручитъ хорошіе барыши, и какъ вы думаете, что онъ потомъ сдѣлаетъ? Выпьетъ водочки? купитъ обнову? никогда! Впрочемъ, можетъ-быть, что-нибудь и купитъ, особенно если у него молодая жена, но главное зайдетъ въ казначейство и возьметъ гербовой бумаги. «Да на что тебѣ эта дрянь?» скажетъ ему, пожалуй, добрый человѣкъ односелецъ.—«И! кумъ, какъ на что! это вещь нужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику, да кромѣ того я и самъ думаю подать просьбу; нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ писаки, такъ не дорогаго, абаза за три съ листа?»—«Какъ не быть, ихъ въ Кутаисѣ какъ собакъ. Да вѣдь ты недавно подалъ просьбу?»—«А какъ недавно! мѣсяца три будетъ, тогда отказали, а теперь можетъ не откажутъ.»—«Почемужь не откажутъ?»—«А вотъ почему: вопервыхъ чиновникъ, который разбиралъ мое дѣло, какъ я узналъ послѣ, родственникъ куму моего противника и стало-быть сдѣлалъ дѣло несправедливо, а вовторыхъ у насъ и начальникъ новый. Авось не откажетъ, а откажетъ, такъ пойду жаловаться къ губернатору; губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику, а потомъ пошлю просьбу въ сенатъ, а если уже и сенатъ откажетъ, тогда утоплюсь или лучше надѣну на шею сабели (крученая веревка, изображающая висѣлицу) и опять пойду къ намѣстнику.»—Вы пожалуй мнѣ скажете, что я сочиняю, выдумываю — нисколько! спросите у казначея, на какую сумму выходитъ здѣсь гербовой бумаги: одной недоимки въ нынѣшнемъ году считается около 6 тыс. руб. сер.

Подобныя явленія въ народѣ, находящемся въ переходномъ состояніи, весьма понятны. То же самое было у насъ въ Малороссіи; даже и теперь не вывелось окончательно. Когда Имеретія существовала отдѣльною, самостоятельною жизнію, Имеретины умѣли раздѣлываться оружіемъ съ своими врагами, посягавшими на ихъ честь или жизнь; теперь же русскіе законы строго при-

слѣдуютъ всякую месть съ оружіемъ въ рукахъ; да и сами Имеретины убѣдились въ нелѣпости прежнихъ своихъ кровомщеній. Но оскорбленія не прекратились, и что жь остается дѣлать оскорбленному, который еще вовсе чуждъ тѣхъ обычаевъ и понятій о чести, научающихъ насъ, какъ предотвращать обиду и какъ поступать, если случится подвергнуться ей? что̀ ему остается дѣлать, какъ не написать ябеду? Искусно придуманною, хитро сплетенною ябедой, онъ отмщаетъ всѣ прошедшія и настоящія оскорбленія и считаетъ себя вполнѣ правымъ. Въ бытность нашу въ краѣ, мы не разъ были свидѣтелями, какъ личныя оскорбленія служили поводомъ къ важнымъ и запутаннымъ процессамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя явленія, съ бо́льшимъ развитіемъ образованія, сами собою прекратятся.

Что̀ же касается до уголовныхъ преступленій, то ихъ весьма немного въ краѣ, и для примѣра мы приведемъ нѣкоторыя цифры изъ статьи г. Гнилоросова.—Въ Кутаисѣ, въ теченіи пяти лѣтъ, были слѣдующія происшествія: въ 1847 году—пять покражъ, въ 1848 году—три покражи, въ 1849 году—четыре покражи и одно безчинство въ церкви, въ 1850 году — пораненіе въ ссорѣ, въ 1851 году—четыре покражи. Согласимся, что это весьма незначительно для города, куда на еженедѣльные базазары стекается довольно народа изъ деревень.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ нашемъ очеркѣ мы старались быть очень осторожными съ цифрами и приводили только тѣ изъ нихъ, которыя, по нашему мнѣнію, заслуживали наибольшаго вѣроятія.

VI. Сванетія и Самурзакань.

Скажемъ нѣсколько словъ еще объ отдѣльныхъ частяхъ Кутаисской губерніи, о Сванетіи и Самурзакани, которыя, не имѣя съ ней другой связи кромѣ географическаго положенія, вслѣдствіе разныхъ причинъ, до сихъ поръ остаются почти въ полудикомъ состояніи.

Подъ общимъ именемъ *Сванетіи* разумѣютъ двѣ довольно обширныя котловины, образованныя горными отрогами, отдѣляющимися отъ главнаго хребта. Одна изъ нихъ, лежащая въ верховьяхъ Ингура, носитъ названіе Вольной Сванетіи; другая, въ верховьяхъ Цхени-цхале, извѣстна подъ именемъ Сванетіи

Дадьяновской. Послѣдняя, по мѣстности своей будучи болѣе доступною, издавна принадлежитъ мингрельскому владѣтельному дому. Сванеты дадьяновскіе — народъ очень смирный, нравомъ походятъ на Мингрельцевъ, говорятъ мингрельскимъ языкомъ (нѣсколько отличнымъ отъ грузинскаго), и управляются старшинами и приставомъ по назначенію владѣтеля Мингреліи. Они состоятъ изъ трехъ обществъ, въ которыхъ считается не болѣе 300 дворовъ. Напротивъ, вольные Сванеты до сихъ поръ сохранили полную независимость, несмотря на неоднократныя попытки владѣтелей Мингреліи подчинить ихъ своей власти, и хотя еще и теперь существуетъ обычай, по которому Сванетъ, проходя мимо одной старой башни, лежащей на границѣ Сванетіи и мингрельскихъ владѣній, обязанъ высыпать патронъ пороху, но на это странное обыкновеніе, получившее начало неизвѣстно по какимъ причинамъ, нельзя смотрѣть какъ на подать. Скорѣе всего можно допустить, что оно появилось вслѣдствіе договора между Дадьянами и Сванетами, и въ свою очередь служитъ доказательствомъ ихъ независимости.

Мы нисколько не удивимся послѣднему, если хоть поверхностно ознакомимся съ положеніемъ котловины Вольной Сванетіи. Примыкая съ сѣвера къ стѣнѣ главнаго Кавказа, она съ юга совершенно запирается кольцеобразнымъ отрогомъ горъ, отдѣляющимся отъ подошвы Пасмты и столь же громаднымъ какъ и главный хребетъ. Въ промежуткѣ этихъ двухъ стѣнъ течетъ Ингуръ, который, въ началѣ своего теченія удерживаясь постоянно въ направленіи почти параллельномъ главному хребту, по миновании селенія Ерхуангъ круто поворачиваетъ на югъ и сквозь скалистыя горы пробиваетъ себѣ путь къ морю. Ущелье Ингура, отъ селенія Джваръ до Ерхуанга, одно изъ самыхъ страшныхъ, самыхъ неприступныхъ: съ обѣихъ сторонъ высятся отвѣсныя скалы, и нѣтъ даже узенькаго карнизика, гдѣ бы можно было проложить тропинку. Дорога отъ Джваръ въ Ерхуангъ (то-есть изъ Мингреліи въ Вольную Сванетію) проходитъ по косогору хребта, отдѣляющаго басейнъ Ингура отъ басейна Цхени-цхале, черезъ вершины Урулапъ, Штенешъ и Оди, да и то не дорога, а скорѣе тропинка, трудная и для пѣшеходовъ. Другіе пути, ведущіе изъ верховьевъ Цхени-цхале въ верховья Ингура (изъ Сванетіи Дадьяновской въ Воль-

ную), почти также трудно проходимы, какъ и первый. Ихъ всего два. Оба начинаются у селенія Лентехи и идутъ—одинъ (западный) черезъ перевалъ Лешнюль, другой (восточный) черезъ перевалъ Цхеру. Обѣ эти тропинки только и доступны, что всадникамъ, и то на добрыхъ горскихъ лошадяхъ, привычныхъ къ подобнаго рода путешествіямъ. Бо́льшую же часть года, то-есть съ октября и почти до іюня, по причинѣ снѣговъ, покрывающихъ гребни горъ, всякое сообщеніе съ Вольною Сванетіей прекращается.

Сванеты рѣзко отличаются отъ грузинскихъ народовъ своимъ языкомъ и обычаями. До сихъ поръ не совершенно извѣстно, принадлежитъ ли этотъ народъ къ кореннымъ туземцамъ, или случайно заброшенъ одною изъ тѣхъ бурь, которыя въ началѣ нашей эры взволновали всю среднюю Азію; впрочемъ, Страбонъ упоминаетъ о какомъ-то народѣ *Суановъ* или *Сваповъ*, обитавшихъ, по его указанію, на мѣстахъ нынѣшней Сванетіи. По всей вѣроятности, Сванетія въ XIII столѣтіи уже была провинціей Грузіи, что̀ доказываютъ находящіеся тамъ храмы грузино-византійской постройки, иконы съ грузинскими надписями, относящіяся къ этому времени, и главное—уваженіе, питаемое всѣми вообще Сванетами, къ памяти царицы Тамары. Въ Сванетіи показывается даже мѣсто, гдѣ, по преданіямъ, находится могила знаменитой царицы; но это несправедливо: Тамара погребена въ Мцхетскомъ соборѣ, сооруженномъ при сліяніи Арагвы съ Курою, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Тифлиса. Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что въ правленіе этой царицы Сванетія принадлежала Грузіи; въ послѣдствіи же, при раздорахъ постигшихъ послѣднюю, Сванеты сѣверные, пользуясь неприступностію своихъ жилищъ, отдѣлились окончательно; Сванеты же цхени-цхальскіе, какъ болѣе доступные, остались въ зависимости Дадьяновъ.

Такимъ образомъ, Вольная Сванетія, замкнутая въ своихъ горахъ, незамѣтно отчуждила себя отъ своей первоначальной владычицы и тѣмъ самымъ успѣла избѣгнуть смутъ, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ свирѣпствовали у ея подножія. Существованіе ея вполнѣ бы можно назвать счастливымъ (разумѣется, принимая это въ условномъ значеніи), если бы она, въ свою очередь, по временамъ не служила позорищемъ для внутреннихъ междуусобій. Къ самымъ кровавымъ изъ нихъ должно

отнести соперничество фамиліи Рачіани (владѣвшей цѣлою страной) съ Дадешкиліанами. Послѣдствіями этого соперничества были: 1) истребленіе князей Рачіани, 2) переходъ Сванетіи во власть Дадешкилiановъ, и 3) пріобрѣтеніе независимости обществами, обитающими въ верховьяхъ рѣчекъ Калларо и Мульхары (въ восточной части Сванетіи). Трудно съ точностію указать эпоху, въ которую совершились эти событія; однако, въ народѣ есть преданіе о томъ, *какъ Отаръ (Дадешкиліанъ) убилъ Отара (Рачіани)*, изъ котораго видно, что разказываемыя дѣйствія происходили уже по введеніи огнестрѣльнаго оружія, что̀ было не такъ-то давно между горскими племенами Кавказа. Дадешкиліаны же увѣряютъ, что они владѣютъ страной около пятисотъ лѣтъ; но это очевидная ложь, распространяемая ими съ цѣлью придать себѣ бо́льшую важность въ глазахъ русскаго правительства. Въ 1833 году, Сванетія вступаетъ въ подданство Россіи. Причиной къ тому послужило личное оскорбленіе, нанесенное княземъ Дадьяномъ Ціоху Дадешкиліану, заставившее послѣдняго искать покровительства у Русскихъ. Примѣру Ціоха послѣдовали и другіе князья. Впрочемъ, зависимость Сванетовъ скорѣе номинальная, и правительство наше не вмѣшивается въ ихъ дѣла.

Вольная Сванетія, за исключеніемъ восточной ея части, не признающей ни чьей власти, составляетъ нынѣ собственность князей Константина (Мурзакана), Джамсуга и Отара Дадешкилiановъ. Первый изъ нихъ находится въ нашей службѣ и числится въ драгунскомъ наслѣднаго принца Евгенія Виртембергскаго полку штабсъ-капитаномъ; остальные же нигдѣ не служатъ и живутъ постоянно въ своихъ владѣніяхъ. Мнѣ только разъ случилось видѣть князя Джамсуга, котораго, по его колосальному росту, статности и красивости, я готовъ былъ принять за героя временъ первобытныхъ.

Все населеніе Сванетіи сосредоточивается на восьмидесяти верстахъ, именно на томъ пространствѣ, гдѣ Ингуръ имѣетъ направленіе, параллельное главному хребту. Селенія ихъ лѣпятся по косогорамъ и нисходятъ амфитеатрами до самаго логовища рѣки; здѣсь же и вся ихъ пашня, а ребра горъ, одѣтыя роскошными лугами, питаютъ ихъ стада. Сванеты живутъ довольно тѣсно, частію отъ недостатка въ помѣщеніи, частію для собственной защиты, ибо Дадешкиліанъ не осмѣлится обидѣть тотъ домъ, гдѣ

рискуетъ найдти много вооруженныхъ. По этой же причинѣ всѣ сванетскіе дома окружены высокою каменною стѣной съ бойницами и отличаются тщательною, крѣпкою кладкою; внутри двора, на случай осады, имѣется достаточное помѣщеніе для домашняго скота и хлѣба, а самый дворъ плотно убивается, и по окончаніи полевыхъ работъ служитъ для хозяина гумномъ. Какъ горцы, Сванеты не прихотливы и, въ случаѣ нужды, умѣютъ довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ. Обыкновенную ихъ пищу составляютъ: пшеничныя лепешки, замѣняющія хлѣбъ, мясо вареное и жареное, рыба, медъ и проч.; особенно любятъ водку (арака), въ употребленіи которой не уступятъ сѣвернымъ народамъ. Одежду они носятъ общую всѣмъ горскимъ народамъ Кавказа, то-есть, черкеску, съ нашитыми на груди мѣстами для патроновъ, шаравары, чевяки (мягкая обувь въ родѣ туфель) и ноговицы, въ родѣ чулокъ изъ плотной шерстяной матеріи, прикрывающія ноги отъ щиколодки до колѣнъ. На голову надѣваютъ круглую сѣрую шляпу, похожую на наши пуховыя, но только съ узенькими и завороченными на бокахъ полями; нѣкоторые же носятъ на головѣ суконный кружокъ, въ родѣ имеретинскаго папанахи. Всѣ брѣютъ бороду; впрочемъ, этому обычаю не слѣдуютъ принявшіе магометанство, а къ нимъ принадлежитъ князь Отаръ съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ. Одежда женщинъ зажиточныхъ похожа на грузинскую; остальныя же носятъ нѣчто въ родѣ длинныхъ, шерстяныхъ рубахъ, перехватываемыхъ на таліи поясомъ; замужнія женщины подпоясываются ниже живота, что̀ очень не красиво, особенно при беременности.

Религія Сванетовъ есть смѣсь грубаго идолопоклонства съ христіянствомъ. Послѣднее водворилось тамъ со временъ царицы Тамары и первоначально было въ цвѣтущемъ состояніи, чему служатъ доказательствомъ до сихъ поръ уцѣлѣвшіе храмы, образа, церковныя утвари и книги, писанныя на грузинскомъ языкѣ. Нынѣ же бо́льшая часть оставшихся церквей обращены въ капища, и внутренность ихъ, сохранившая слѣды прежняго благолѣпія, украшается, по туземному обычаю, рогами убитыхъ на охотѣ звѣрей. Причину упадка христіянства надо искать въ томъ, что всѣ религіозные обряды совершались на чуждомъ для Сванетовъ грузинскомъ языкѣ, и самыя книги были писаны на немъ; такимъ образомъ, народъ началъ мало-по-малу отставать отъ

богослуженія, котораго онъ вовсе не понималъ; многіе обряды сами собою забылись или получили превратный смыслъ, и въ настоящее время мы встрѣчаемъ въ Сванетіи самые ничтожные остатки христіянства. По словамъ нѣкоторыхъ лицъ, посѣщавшихъ этотъ край, Сванеты все-таки считаютъ себя христіянами, и ужасно обижаются, если ихъ назовутъ идолопоклонниками; когда же начинаютъ оспаривать ихъ въ этомъ, то они, въ подтвержденіе словъ своихъ, дѣлаютъ знаменіе креста и читаютъ наизусть нѣкоторыя христіянскія молитвы, но только въ искаженномъ видѣ. Такъ напримѣръ, чтеніе молитвы начнутъ съ конца, потомъ перейдутъ къ началу и затѣмъ къ серединѣ. Какъ новое доказательство, что въ Сванетіи еще и теперь уцѣлѣли слѣды христіянской религіи, можно привесть и то, что туземцы чтятъ нѣкоторыхъ изъ святыхъ православной церкви, какъ напримѣръ Св. Георгія, Св. Михаила Архангела и Пресвятую Дѣву, и соблюдаютъ нѣкоторые изъ праздниковъ, какъ-то: Рождество Христово, Свѣтлое Воскресенье и Успеніе Богородицы. Вообще же можно сказать, что распространеніе христіянства не встрѣтитъ въ Сванетіи сопротивленія и лучше всякаго оружія обуздаетъ этотъ дикій край. Доказательствомъ могутъ служить дѣйствія священника Гульбани, природнаго Сванета. Гульбани получилъ воспитаніе въ Тифлисской семинаріи, былъ рукоположенъ въ священники и въ этомъ качествѣ отправился на родину. Одаренный рѣдкимъ умомъ, одушевленный пламеннымъ рвеніемъ, онъ горячо принялся за дѣло обращенія своихъ соотечественниковъ, и имѣлъ успѣхъ неожиданный. Въ короткое время и безъ всякаго затрудненія онъ распространилъ свѣтъ христіянства въ обществѣ Мулахъ, и съ перваго же разу успѣлъ отклонить новообращенныхъ отъ исполненія одного звѣрскаго обычая, повсемѣстно соблюдаемаго въ Сванетіи. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что туземцы, по недостатку земли опасаясь размноженія народа, убиваютъ младенцевъ женскаго пола, если въ семействѣ родится ихъ болѣе одного или двухъ; для этого они набиваютъ ребенку въ ротъ золы, и тотъ задыхается. Подобное варварское обыкновеніе, напоминающее отчасти республику Платона, Сванеты оправдываютъ еще и тѣмъ, что, по ихъ понятіямъ, тотъ народъ, гдѣ разводится много женщинъ — дурной народъ, не стоящій никакого вниманія. Затѣмъ всякая новорожденная дѣвочка, которой

признано нужнымъ сохранить жизнь, отъ колыбели назначается въ невѣсты какому-нибудь восьмнадцати-лѣтнему парню, который и женится на ней по достиженіи ея совершеннолѣтія. Впрочемъ, надо сказать, что туземцы не слишкомъ любятъ брачную жизнь, и въ Сванетіи много встрѣчается холостыхъ стариковъ.

Сваны, обитая въ странѣ суровой по климату, по большей части люди атлетическаго тѣлосложенія, воинственны и чрезвычайно дорожатъ своею свободой. Главное занятіе ихъ, земледѣліе и скотоводство, даетъ всѣ средства къ ихъ не прихотливому существованію; но они не прочь и отъ грабежей, которые, вслѣдствіе принятыхъ правительствомъ мѣръ, нынѣ значительно уменьшились; а въ прежнее время, бывало, хищники нерѣдко угоняли у Мингрельцевъ скотъ цѣлыми стадами. Домашнія произведенія Сваны сбываютъ сосѣднимъ народамъ, живущимъ по ту и по сю сторону Кавказскаго хребта, и для этого торгуютъ съ Карачаевцами, Баксанцами, и ходятъ на ярмарки въ Лечгумъ (горная область Мингреліи).

Сванетія у насъ мало извѣстна, и Дадешкиліаны, опасаясь прихода Русскихъ, тщательно скрываютъ всѣ свѣдѣнія о ней. Съ этою же цѣлью и преувеличенная молва объ ея неприступности поддерживается ими весьма разсчетливо; но очень достаточно двухъ баталіоновъ и нѣсколькихъ горныхъ орудій, гула которыхъ Сваны никогда не слыхивали, чтобъ покорить весь край.

На одинаковую степень съ Сванетіею, по умственному развитію, можно поставить и Самурзакань; тамъ мы встрѣчаемъ ту же неясность и сбивчивость религіозныхъ понятій и тѣ же первобытныя потребности частной и общественной жизни.

Самурзакань отдѣляется отъ Мингреліи рѣкою Ингуромъ, а отъ Абхазіи рѣкою Галидзгой. На узкомъ пространствѣ между этими рѣками и моремъ, по плоскости и отчасти по предгоріямъ Кавказскаго хребта разбросаны самурзаканскія селенія.

Грузинское племя, встрѣчая на востокѣ естественныя преграды къ своему распространенію, взамѣнъ того свободно подвигалось на западъ, населяя прибрежье Чернаго моря; такимъ образомъ, на крайнемъ предѣлѣ западныхъ границъ Грузіи, являются два сѣплеменныя съ нею владѣнія—Абхазія и Самурзакань.

Въ послѣдствіи Абхазія составила отдѣльное царство, которое, подчинивъ себѣ все прибрежье Чернаго моря, съ одной стороны до Ингура, а съ другой — до границъ черкесскихъ пле-

менъ, пріобрѣтаетъ чрезъ это самостоятельную исторію, отличную отъ исторіи грузинскаго народа, поселившагося какъ разъ на пути завоевателей.

Но эта многовѣковая отдѣльность была причиною совершеннаго перерожденія Абхазцевъ и Самурзаканцевъ; религія и языкъ ихъ до такой степени измѣнились, что въ нихъ теперь трудно узнать прежнихъ Грузинъ.

Въ настоящее время Абхазія составляетъ особое владѣніе; Самурзакань же принадлежитъ Мингреліи.

Самурзаканцы ни магометане, ни христіяне. Магометанство проповѣдывалось тамъ въ концѣ прошлаго столѣтія, когда Турки господствовали на восточномъ берегу Чернаго моря, но встрѣтивъ сопротивленіе со стороны Русскихъ, оно погибло въ смѣси самыхъ нелѣпыхъ повѣрій. Нѣкоторые остатки христіянства уцѣлѣли съ тѣхъ временъ, когда Абхазія управлялась православными государями, и, въ свою очередь, исчезли бы изъ народной памяти, если бы правительство наше не обратило на этотъ предметъ полнаго вниманія. Въ послѣднее время христіянство съ успѣхомъ водворяется въ Самурзакани, и теперь тамъ считается до двѣнадцати церквей, между коими одна каменная въ мѣстечкѣ Набакеви, главномъ пунктѣ области.

Бо́льшая же часть народа въ своихъ религіозныхъ обрядахъ до сихъ поръ придерживается самыхъ странныхъ повѣрій. Мы не беремся подробно описывать ихъ, какъ не имѣющихъ никакого интереса, и притомъ же всѣ они прекрасно изложены въ статьѣ г. Званбая (родомъ Абхазца), которая, подъ названіемъ «Абхазскія повѣрья», была помѣщена въ газетѣ «Кавказъ» за 1855 годъ. Скажемъ только о нѣкоторыхъ. Самурзаканцы, напримѣръ, почитаютъ кузницу мѣстомъ священнымъ, равняющимся по святости съ церковью; тамъ, передъ наковальней, они совершаютъ всѣ свои клятвы и даютъ разные обѣты. Всѣ кузнецы, по ихъ понятію, колдуны, и къ ихъ рѣшенію обращается народъ въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ, превышающихъ разумѣніе обыкновеннаго смертнаго. Самурзаканцы, подобно Индусамъ, вѣрятъ въ переселеніе душъ; по ихъ убѣжденію, душа умершаго человѣка можетъ легко перейдти въ кого нибудь другаго. Случается, что иная Самурзаканка почувствуетъ въ себѣ присутствіе чужой души, напримѣръ своего брата, родственника или знакомаго, вдругъ начинаетъ воображать себя имъ же:

крутитъ, подобно ему, усы, хвастается его подвигами, лихими воровствами, джигитуетъ и проч. Такая женщина почитается въ народѣ больною, и излѣчиваютъ ее посредствомъ разныхъ заклинаній. Есть и другое повѣрье, по идеѣ сходное съ первымъ: напримѣръ, если кто-нибудь утонетъ, то родственники и ближніе покойника, вытащивъ трупъ, стараются добыть изъ воды и душу утопленника, потому что душа, оставаясь въ рѣкѣ, можетъ причинить ему большія безпокойства. Для этого совершаются, обыкновенно кузнецомъ, заклинанія, и когда душа, по нѣкоторымъ примѣтамъ, покажется на поверхности воды, заклинающіе осторожно принимаютъ ее въ пустой бурдюкъ и потомъ относятъ на могилу утопленика.

Образъ жизни Самурзаканцевъ, ихъ домашнія занятія, обычаи, одежда, проистекаютъ изъ смѣси горскаго вліянія съ вліяніемъ Мингрельцевъ и Абхазцевъ; жители плоскости занимаются садоводствомъ и хлѣбопашествомъ, въ горахъ преобладаетъ скотоводство. Вообще этотъ край одинъ изъ самыхъ мирныхъ, и Самурзаканцы очень послушны всѣмъ распоряженіямъ правительства.

VII. Города.

Въ топографическомъ описаніи страны мы не безъ причины умолчали о городахъ Кутаисской губерніи. Принимая слово: городъ, въ опредѣленномъ значеніи, мы не можемъ назвать такъ ни одинъ изъ пунктовъ описываемаго нами края, кромѣ самаго Кутаиса (1). Шаропань, Они, Озургеты (послѣдній притомъ еще и разоренъ Турками въ 1854 году), центры управленія уѣздовъ Шаропанскаго, Рачинскаго и Озургетскаго, суть не болѣе какъ мѣстечки, обитаемые служащими въ уѣздахъ чиновниками, ремесленниками, базарными торговцами (по большей части мелочными) и военными, занимающими въ нихъ гарнизоны. Всѣ названные пункты, не представляя никакой особенности, не заслуживаютъ ни малѣйшаго описанія. Затѣмъ остается Редутъ-Кале, бывшій до начала войны главнымъ портомъ края, но и онъ, сожженный весною 1854 года, нынѣ почти не существуетъ,

(1) Конечно не подразумѣвая здѣсь Ахалциха, главнаго пункта уѣзда этого имени. Городъ этотъ, расположенный по живописной мѣстности, пользуясь здоровымъ климатомъ, принадлежитъ къ однимъ изъ богатѣйшихъ и промышленнѣйшихъ городовъ цѣлаго Востока.

и самое мѣсто занято турецкимъ укрѣпленіемъ. Относительно этого пункта, мы должны сказать, что послѣдняя война, ко всеобщему сожалѣнію, совершенно остановила только что начинавшееся его развитіе. Окруженный рядомъ болотъ, присутствіе которыхъ обнаруживало пагубное вліяніе на здоровье живущихъ, Редутъ-Кале въ короткое время сталъ значительно поправляться въ этомъ отношеніи: ближайшіе къ городу лѣса вырубались постепенно и доставляли воздуху свободное теченіе, стоячая болотная вода, заражавшая атмосферу тысячами вредныхъ испареній, спускалась, посредствомъ канавъ, въ *хопи*; самый городъ начиналъ мало-по-малу обстраиваться, а приходящія въ его портъ суда обѣщали ему со временемъ хорошую будущность... какъ вдругъ война все это разомъ останавливаетъ! Въ своемъ мѣстѣ мы уже имѣли случай говорить о водяныхъ путяхъ края, которые связываютъ Кутаисъ съ моремъ; Редутъ-Кале въ этомъ отношеніи, играетъ довольно важную роль какъ портъ, хотя и не совсѣмъ удобный.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о Кутаисѣ.

Кутаисъ лежитъ подъ 42° 31' сѣверной широты и 60° 27' восточной долготы, на обоихъ берегахъ Ріона; по выходѣ его изъ горъ на плоскость. По мѣстоположенію своему Кутаисъ принадлежитъ къ лучшимъ городамъ всего Закавказскаго края; въ этомъ отношеніи и злѣйшіе его враги не скрываютъ должнаго къ нему уваженія, но, какъ губернскій городъ, Кутаисъ оставляетъ желать еще многаго. По изобилію въ лѣсѣ, городъ состоитъ большею частію изъ деревянныхъ, оштукатуренныхъ снаружи построекъ, что̀ и придаетъ ему свѣжій, опрятный видъ. На главныхъ улицахъ нерѣдко встрѣчаются и каменныя зданія, изъ коихъ нѣкоторыя могутъ быть отнесены къ разряду весьма хорошихъ. Между послѣдними замѣчательны: старинный грузинскій соборъ въ византійскомъ стилѣ, къ сожалѣнію невыгодно расположенный, такъ что окружающіе дома совершенно скрываютъ его; зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и губернской гимназіи — обширныя и великолѣпныя постройки (послѣдняя еще не совсѣмъ окончена), домъ благороднаго собранія (частный), домъ военнаго губернатора, и нѣсколько другихъ частныхъ домовъ. Разумѣется, что исчисленныхъ нами зданій еще очень недостаточно для губернскаго города въ полномъ значеніи этого слова; но ежели принять въ соображеніе, что губер-

нія существуетъ только десять лѣтъ, и что съ этого времени можно считать и начало существованія теперешняго города, то конечно мы не будемъ слишкомъ взыскательными. Есть еще нѣкоторыя зданія, только что отстраиваемыя, которыя въ свою очередь значительно украсятъ городъ, какъ напримѣръ новая русская церковь и зданіе городской полиціи, гдѣ будутъ сложены пожарные инструменты, въ которыхъ Кутаисъ очень нуждается. Но недостатокъ въ хорошихъ зданіяхъ выкупается живописнымъ мѣстоположеніемъ города. Въ то время какъ правая сторона Кутаиса (слѣдуя по теченію Ріона), поднимаясь по предгоріямъ, въ вершинѣ своей увѣнчивается величественными развалинами Багратова собора, лѣвая (плоская) сторона, раздѣленная на правильные квадраты, утопаетъ въ яркой зелени садовъ, и пріѣзжій, любуясь восхитительною панорамой Кутаиса, охотно прощаетъ ему многое.

Обѣ части города, правая и лѣвая, связываются между собою двумя мостами, изъ коихъ одинъ, каменный, выстроенный при имеретинскихъ царяхъ, нынѣ пришелъ въ совершенную негодность и служитъ только для перехода пѣшихъ; другой деревянный, въ 38 саженей длиною и на каменныхъ устояхъ, соединяетъ съ городомъ такъ-называемую за-ріонскую слободку, или Балохвань.

Весь городъ состоитъ изъ пяти отдѣловъ: 1) собственно городъ, 2) нагорная слободка, 3) католическій кварталъ, населенный Армянами, преимущественно занимающимися торговлею и называемыми здѣсь *католиками*, 4) за-ріонская слободка и 5) еврейская слободка, жители которой занимаются мелкимъ торгашничествомъ и нѣкоторыми ремеслами. Вообще еврейская нація, уклончивая, покорная, полезная для городскихъ жителей, особенно для пріѣзжихъ, есть сущая язва для края, потому что она всегда найдетъ тысячу средствъ ловко воспользоваться барышами и переманить въ свои засаленные карманы деньги, которыя безъ того доставались бы на долю крестьянамъ.

Въ Кутаисѣ между многими полезными для края учрежденіями обращаютъ на себя вниманіе: губернская гимназія, предназначенная для образованія туземнаго дворянскаго сословія, духовное училище и въ особенности пансіонъ для дѣвицъ, или такъ-называемое заведеніе Св. Нины, гдѣ туземки и Русскія за самую умѣренную плату (50 руб. сер. въ годъ) получаютъ

весьма приличное образованіе. Полный курсъ въ заведеніи Св. Нины продолжается шесть лѣтъ; всякая вступающая туда дѣвушка обязана принести съ собою въ первый годъ два платья, шесть перемѣнъ бѣлья, столовый приборъ, постель, и затѣмъ уже до выпуска остается вполнѣ на казенномъ содержаніи. Само собою разумѣется, что пансіонъ не могъ бы существовать при столь умѣренной платѣ, если бы княгиня Воронцова, которая до сихъ поръ считается главною его попечительницею, и нѣкоторыя другія дамы, избранныя членами, не дѣлали для него болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованій. Мы уже имѣли случай сказать, повторяемъ и теперь, что заведеніе Св. Нины — одно изъ благодѣтельнѣйшихъ въ краѣ.

Также полезно для края основаніе въ Кутаисѣ образцовой фермы, которая, распространяя способы ухаживанія за растеніями, можетъ въ послѣдствіи послужить разсадникомъ искусныхъ садоводовъ.

Что̀ касается до торговли Кутаиса, то, за неимѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній, мы умалчиваемъ объ этомъ предметѣ. Въ прежнее время здѣшняя торговля была въ довольно-хорошемъ состояніи; но потомъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и преимущественно по прекращеніи безпошлиннаго ввоза въ Редутъ товаровъ, она стала постепенно упадать. Послѣдняя война, прекративъ сообщеніе моремъ, также причинила ей значительный ущербъ.

По пятницамъ въ Кутаисѣ бываютъ базары, на которые стекаются огромныя толпы изъ окрестныхъ деревень. На базарѣ, кромѣ чисто-сельскихъ произведеній, почти ничего не бываетъ, но за то говору и шуму такъ много, что пройдти черезъ базарную площадь, для непривычнаго человѣка, есть уже истинное наказаніе. Впрочемъ здѣсь иногда попадаются довольно интересныя вещи туземнаго произведенія, какъ напримѣръ четки, весьма искусно выдѣлываемыя изъ каменнаго угля. Кутаисскія лавки нельзя сказать чтобъ были слишкомъ роскошны, но онѣ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ тамошняго общества, и больше этого требовать отъ нихъ нельзя.

Жителей въ Кутаисѣ, кромѣ солдатъ, считается до 3,500 человѣкъ; вообще же въ Кутаисской губерніи, включая и Ахалцыхскій уѣздъ, полагается 300 тысячъ душъ, въ Мингреліи — 168 тысячъ, въ Самурзакани — 16 тысячъ, въ Сванетіи — 12 тысячъ. Общее пространство губерніи приблизительно можно опредѣлить въ 25 тысячъ квадратныхъ верстъ.

Н. Окольничій.

МАТУШКА МАВРА КУЗЬМОВНА

Пропаганда, по моему мнѣнію, можетъ быть отражена лишь пропагандою, то-есть, противъ распространителей раскола могутъ дѣйствовать распространители православія или миссіонеры. Раскольники пропагандисты дѣйствуютъ на мѣстныхъ жителей болѣе наружнымъ благочестіемъ таинственнаго появленія, странническимъ видомъ и убіеніемъ плоти, чѣмъ силою убѣжденія. Нѣтъ сомнѣнія, что распространители православія, движимые силою вѣры, строго соблюдающіе уставы религіозные, привыкшіе къ лишеніямъ и готовые на всякую жертву, ради православія, могутъ побѣдить лжеучителей.

Заволжская часть Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Соч. графа Н. С. Толстаго. (Московскія Вѣдомости 1857 года, № 3.)

Вмѣсто введенія.

Предлагаемый разказъ заимствованъ изъ записокъ, оставшихся послѣ пріятеля моего, Марка Ардаліоныча Филоверитова, съ которымъ читатель имѣлъ уже случай отчасти познакомиться (1). Онѣ показались мнѣ, несмотря на небрежность отдѣлки, достаточно любопытными, чтобы предложить ихъ на судъ публики.

Я не намѣренъ возобновлять здѣсь знакомство читателя съ Филоверитовымъ, тѣмъ не менѣе обязываюсь однакожь сказать, что онъ, одною своею стороной, принадлежалъ къ породѣ тѣхъ

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г., № I, очеркъ «Надорванные».

крошечныхъ Макіавелей, которыми наводнились, въ послѣднее время, наши губернскіе города, и которые охотно оправдываютъ всѣ средства, лишь бы они вели къ достиженію предположенныхъ цѣлей.

Городъ С***, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ разказѣ, не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго; но мѣстность, среди которой онъ расположенъ, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ. Коли хотите, нѣтъ въ ней ни особенной живописности, ни того разнообразія, которое веселитъ и успокоиваетъ утомленный взоръ путника, но есть какая-то дѣвственная прелесть, какая-то привлекательная строгость въ пустынномъ однообразіи, царствующемъ окрестъ. Необозримые лѣса, по мѣстамъ истребленные жестокими пожарами и пересѣкаемые быстрыми и многоводными лѣсными рѣчками, тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги, скрывая въ своихъ неприступныхъ нѣдрахъ тысячи звѣрей и птицъ, оглашающихъ воздухъ самыми разнообразными, самыми пріятными голосами; дорога, бѣгущая узенькимъ и прихотливымъ извивомъ среди обгорѣлыхъ пней и старыхъ деревьевъ, наклоняющихъ свои косматыя вѣтви такъ низко, что они безпрестанно цѣпляются за экипажъ, напоминаетъ тѣ старинныя просѣки, которыя устроены какъ бы исключительно для насущныхъ нуждъ лѣсниковъ, а не для ѣзды; паръ, встающій отъ тучной, нетронутой земли, сообщаетъ мягкую, нѣжную влажность воздуху, насыщенному смолистымъ запахомъ сосенъ и елей, и милыми, свѣжими благоуханіями многоразличныхъ лѣсныхъ злаковъ... И если надъ всѣмъ этимъ представить себѣ палящій весенній полдень, какой иногда бываетъ на нашемъ далекомъ сѣверѣ въ концѣ апрѣля,— вотъ картина, которая всегда производила и будетъ производить на мою душу могучее, всесильное впечатлѣніе. Каждое слово, каждый лѣсной шорохъ какъ-то чутко отдаются въ воздухѣ и долго еще слышатся потомъ повторяемые лѣснымъ эхомъ, покуда не замрутъ, наконецъ, Богъ вѣсть въ какой дали. И несмотря на тишину, царствующую окрестъ, несмотря на однообразіе пейзажа, уныніе ни на минуту не овладѣваетъ сердцемъ; ни на минуту нельзя почувствовать себя одинокимъ, отрѣшеннымъ отъ жизни. Напротивъ того, въ себѣ самомъ начинаешь сознавать какую-то особенную чуткость и воспріимчивость, начинаешь смутно понимать эту общую жизнь

природы, отъ которой такъ давно уже отвыкъ... И тихіе, ясные сны проносятся надъ душой, и сладко успокоивается сердце, ощущая нестерпимую, безграничную жажду любви.

Но вотъ лѣсъ начинаетъ мельчать; впереди сквозь рѣдкія насажденія деревьевъ бѣлѣетъ свѣтъ, возвѣщающій поляну, рѣку или деревню. Вотъ лѣсъ уже кончился, и передъ вами рѣчонка, черезъ которую вы когда-то переѣзжали лѣтомъ вбродъ. Но теперь вы ея не узнаете; передъ вами цѣлое море воды, потопившей собою и луга, и лѣсъ верстъ на семь. Вы подъѣзжаете къ спуску, около котораго долженъ стоять досчаникъ, но его нѣтъ.

— Неужто это Уста такъ разлилась, ребята? спрашиваете вы мужичковъ, которые, должно-быть, уже много часовъ грѣются на солнышкѣ, выжидая досчаника.

— По́што не Уста, Уста и есть, отвѣчаетъ одинъ изъ ожидающихъ, не только не привставая, но даже не оборачивая къ вамъ своей головы: — а кма (много) нонѣ воды, па́ря: тра́вы поди важныя будутъ!

— Скоро ли досчаникъ будетъ? спрашиваете вы.

— А кто его знаетъ! нонѣ онъ поди верстъ семь за одинъ конецъ, холитъ. Къ вечеру, надо быть, придетъ...

Скрѣпя сердце вы располагаетесь на берегу, разстилаете коверъ подъ тѣнью дерева и ложитесь; но сонъ не смыкаетъ глазъ вашихъ, дорога и весенній жаръ привели всю кровь вашу въ волненіе и послѣ нѣсколькихъ попытокъ заставить себя заснуть, вы убѣждаетесь въ рѣшительной невозможности такого подвига. Вы встаете и садитесь около самой воды, неподалеку отъ группы крестьянъ, къ которой присоединился и вашъ ямщикъ, и долгое время безцѣльно слѣдите мутными глазами за кружками, образующимися на поверхности воды. Лошади отъ вашей повозки отложены и пущены пастись на траву; до васъ долетаетъ вздрагиванье бубенчиковъ, но какъ-то смутно и неясно, какъ будто уши у васъ заложило. Въ группѣ крестьянъ возобновляется прерванный вашимъ пріѣздомъ разговоръ.

— Эхъ, братецъ ты мой, да ты пойми, любезный, говоритъ одинъ голосъ:—вѣдь она, старуха-то, всему нашему дѣлу голова; ну онъ къ ней, стало-быть, и преставился, становой-етъ... «Коли вы, говоритъ, матушка Уалентина, захочете, такъ и дѣлу этому конецъ будетъ какой вамъ желательно.» Ну, а она по на-

чалу тоже думала, что онъ ее заманиваетъ, чтобы какъ ни на есть въ острогъ угодить: «Я, говоритъ, ваше благородіе, тутъ не причемъ, я человѣкъ мертвый, ветхій, только именемъ человѣкъ, а то ноги на силу таскаю...» Однако онъ отъ своего планту не отступился и началъ со всею откровенностью: «Я, говоритъ, матушка, не притязатель какой. Потому какъ знаю, что не сегодня такъ завтра, во всякое время дебошь могу сдѣлать и васъ изобидѣть... А я, говоритъ, по усиленной только необходимости это дѣлаю, потому какъ деньги мнѣ ужь оченно нужны...» Ну, и она тоже ему: «Коли ты, говоритъ, ваше благородіе, со всею откровенностью, такъ, пожалуй, станемъ бесѣдовать. Сколь жемолъ вашему благородію денегъ нужно?» — Да сотни кабы три, говоритъ, такъ я бы и уѣхалъ... «Ну это, говоритъ, много: неравно облопаешься: ты молъ и безъ того три дня у насъ тутотка живешь, всю снѣдь отъ насъ тащишь, такъ поэтому судя и полторы сотни тебѣ за глаза будетъ...» Только онъ было ее и застращивать и просить примался—уперлась баба да и вся недолга, а безъ ея то-есть приказу видитъ, что ему никакого дѣла сдѣлать нельзя. Ну, и порѣшилъ на томъ, что̀ дали... Такъ она у насъ теперь и стоитъ, часовня-то, исправленная, да такая ли, парень, едрёная, что, кажется, и скончанья ей никогда не будетъ... Въ ту пору вотъ, какъ исправлять-то ее примались, такъ плотникъ Осипъ началъ накаты было рубить: такіе ли здоровенные, что слышь и топоръ не беретъ, а нутро-то у бревна словно желтокъ желтое скипѣлось... во̀ какъ отцы-то наши на долгіе вѣка строились, словно чуяли, что и про насъ будетъ надобѣ...

— Когда же не надобѣ?.. да чтой-то парень, словно онъ дешево больно отъ васъ отступился? вступился другой голосъ.

— И то, голова, дешево. Ужь пытали и мы сумнѣваться, что̀бы такò значило, что вотъ прежній становой за это же самое дѣло по пятисотъ и больше съ насъ таскалъ... ужь и на то, братъ, думали, что, може, приказъ у него есть, чтобы насъ то-есть не замать...

— А что думаешь, може и взаправду есть!

— А кто его знаетъ? може и такъ, а може и отъ того, что въ тѣ поры какъ пятьсотъ-то давали, не было у насъ старицы нашей, не кому было, стало-быть, и говорить-то съ нимъ толкомъ.

— Да, благодатная эта старица... да что жь она въ кельи что ли у васъ живетъ?

— А у дяди Онуфрія на дворѣ въ банѣ... чай, знаешь дядю Онуфрія. Ну, и мы къ ней съ полнымъ нашимъ уваженіемъ, только заступись за насъ, матушка.

Разговоръ на нѣсколько минутъ прекращается, и до васъ долетаютъ только вздохи, которые испускаетъ ветхій старикъ, сидящій въ самомъ центрѣ группы, да хлестъ кнута, которымъ ямщикъ, для препровожденія времени, бьетъ себя по сапогу.

— Ну, а ты, дѣдушка, каково перевертываешься? спрашиваетъ разкащикъ, обращаясь къ старику.

— Да вотъ къ Онисиму на Заводь ходилъ хлѣбушка попросить... только чтой-то онъ ужь нонѣ больно сердитъ сталъ: ничего-такъ не далъ.

— Что́ жь снѣдать-то будете?

— А чего снѣдать—нечего!

Снова наступаетъ молчаніе, и снова слышатся вздохи старика.

— Да ты, дѣдушко, опять сходи попроси, вступается ямщикъ: — дядя Онисимъ старикъ любезный: ты уважь его, сходи въ другой разъ; онъ дастъ, какъ не дать!

— Извѣстно, дядя Онисимъ любитъ, чтобъ передъ нимъ завсегда съ почтеніемъ пребывали, объясняетъ разкащикъ.

— Инъ и взаправду сходить придется, отвѣчаетъ старикъ, вздыхая:— только но́женьки-то у меня больно ужь ходимши примаялись... словно вотъ вертма вертитъ въ костѣ-то... а сходить надо будетъ: не ѣмши вѣку не изживешь!

— Ну, а у васъ какъ, все ли на порядкахъ? спрашиваетъ разкащикъ у ямщика.

— А что! ничего, живемъ. Вотъ ономнясь вятскіе купцы въ Москву проѣзжали.

— Ну?

— Ну, и проѣхали, отвѣчаетъ ямщикъ, нахлестывая себя слегка по ногѣ.

— Экъ тебя вывезло! а ты говори дѣло!

— Да что́ говорить-то! извѣстно, живемъ. Да чу! некакъ досчаникъ-отъ пловетъ!

Дѣйствительно, вдали изъ-за кустовъ показывается чуть замѣт-

ная точка, которая мало-по-малу разрастается и черезъ нѣсколько минутъ вы уже начинаете ясно различать очертанія лодки.

— Да-а-вай! кричитъ ямщикъ, устроивши изъ кулака своего подобіе трубы.

— По-о-спѣешь! долетаетъ издали отвѣтный голосъ лодочниковъ.

— Вона! вона! мотри-ка, никакъ наши стàрочки изъ лѣсу выходятъ! вскрикиваетъ внезапно молодой парень съ добродушнѣйшею физіономіей, доселѣ не принимавшій никакого участія въ разговорѣ.

— Ишь тебя разобрало! говоритъ ямщикъ: — спалъ небось, соня, а дѣвокъ увидѣлъ, во какъ зазѣвалъ. А и то стàрки! да никакъ и Полинарія (Аполлинарія) тутъ! продолжаетъ онъ, всматриваясь пристально вдаль:—эка вѣдь вористая дѣвка: въ самую то-есть въ пору завсегда поспѣетъ.

Дѣйствительно изъ лѣса выходитъ группа молодыхъ бабъ, которыя спѣшатъ къ рѣкѣ. Одна изъ нихъ, побойчѣе, опережаетъ прочихъ и подбѣгаетъ къ группѣ мужиковъ.

— А и то, дѣвки въ пору пришли! сказано: стань передо мной, какъ листъ передъ травой! говоритъ она, какъ бы отвѣчая на замѣчаніе ямщика: — ну, а вы тутъ поди чай съ утра ранняго ждете-поджидаете...

— Ну, гдѣ же ты, чтица, была-побывала? спрашиваетъ разкащикъ.

— Надъ дѣдушкой Парфентьемъ читать ходила, да больно ужь отъ покойника-то словно нестройно смердитъ...

— Чего, чай, надъ дѣдушкой читала, замѣчаетъ ямщикъ: — поди, Омелькѣ, чай, на печи сказки сказывала.

— А и Омелькѣ сказывала, отвѣчаетъ бойкая баба, не конфузясь:—тебѣ, стало-быть, завидно что ли?

— Мнѣ-ка чего! говоритъ ямщикъ, дѣлая полуоборотъ и пристально уставляя глаза на сапогъ: — не видался я что ли сказокъ-ту?

— То-то чего!.. Вѣрно, чего-нибудь да надобѣ, коли только объ Омелькѣ да объ Омелькѣ и рѣчи на языкѣ.

— Мнѣ чего Омелько! продолжаетъ ямщикъ: — мнѣ Омелько плюнуть да растереть — вотъ что! а только это точно, что какъ

встрѣтимся мы съ нимъ, не пройдетъ безъ того чтобъ не обломать ему бока: право слово, обломаю.

Аполлинарія хохочетъ.

— Да такъ-таки обломаю, что тебѣ и взаправду читать надъ нимъ придется... Да-а-вай! кричитъ онъ перевозчикамъ, какъ будто желая на нихъ сорвать свое сердце.

Досчаникъ приближается; это небольшая лодка, поперекъ которой перекинутъ досчатый накатъ. Тарантасъ едва можетъ уставиться на немъ, да и то заднія колеса, только въ половину умѣстившіяся на накатѣ, ежеминутно угрожаютъ скатиться въ воду и увлечь за собою весь экипажъ. Лошадей заставляютъ спрыгнуть на корму, и только испытанное благонравіе этихъ животныхъ можетъ успокоить ваши опасенія на счетъ того, что одно самое ничтожное, самое естественное движеніе лошади можетъ стоить жизни любому изъ пассажировъ, кое-какъ пріютившихся по стѣнкамъ и большею частью сидящихъ не праздно, а съ весломъ въ рукахъ.

Русло рѣчки переплывается очень скоро, и затѣмъ досчаникъ вступаетъ въ лѣсъ. Зрѣлище это поражаетъ васъ своею новизной и оригинальностью; вы плывете по аллеямъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ дѣлаются до того узкими, что досчаникъ только съ помощью величайшихъ усилій протаскивается впередъ. Случается, что на поворотахъ теченіе воды столь быстро, что даже совокупное дѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ, сопровождаемое дружными и одобрительными криками, на нѣкоторое время дѣлается тщетнымъ. Напрасно командируется одна партія гребцовъ въ воду, и тамъ, схватившись руками за вѣтви деревьевъ и кустовъ, тянетъ всѣмъ корпусомъ веревку, прицѣпленную къ досчанику: лодка какъ будто бы топчется на одномъ мѣстѣ, не подвигаясь ни на пядь впередъ, и только слышно, какъ вода, не то чтобы шумитъ, а какъ-то сосредоточенно жужжитъ кругомъ, поминутно угрожая перевернуть вверхъ дномъ утлую скорлупу. Такого рода препятствія встрѣчаются на каждомъ шагу, и оттого переправа совершается до такой степени медленно, что переѣздъ этихъ шести-семи верстъ отнимаетъ, по крайней мѣрѣ, пять-шесть часовъ. Но вотъ, наконецъ, виднѣется за туманами берегъ, образуемый пригоркомъ, на которомъ привольно растетъ все тотъ

же неисходный лѣсъ; говоръ и шумъ стихаютъ, весла опускаются, и досчаникъ потихоньку и плавно подступаетъ къ берегу...

И опять зазвенѣлъ колокольчикъ, опять потянулись направо и налѣво лѣса; только тишина сдѣлалась какъ-то глубже, торжественнѣе, потому что и звѣри, и птицы, и растенія, все это заснуло чуткимъ сномъ подъ прозрачнымъ покровомъ весенней ночи.

Понятно, что необычайная простота и незатѣйливость этой природы должна сурово дѣйствовать и на человѣка, въ ней обитающаго. И дѣйствительно, поселяне, живущіе въ деревняхъ, которыя, какъ рѣдкіе оазисы, попадаются среди лѣсовъ, упорно держатся такъ-называемыхъ старыхъ обычаевъ, и непріязненно смотрятъ на всякаго проѣзжаго, если онъ видомъ своимъ напоминаетъ чиновника или вообще барина. Живутъ они очень зажиточно и опрятно, но на всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, на всѣхъ движеніяхъ лежитъ какая-то печать формализма, устраняющая всякій намекъ на присутствіе идеала или того наивно-поэтическаго колорита, который хоть изрѣдка обливаетъ мягкимъ свѣтомъ картину поселянскаго быта. Коли хотите, есть у нихъ свои удовольствія, свои отклоненія отъ постоянно-суровой, уединенно-эгоистической жизни, но эти удовольствія, эти увлеченія принимаютъ какой-то темный, плотяный характеръ; въ нихъ нѣтъ ни мягкости, ни искренней веселости, и потому они легко превращаются въ безобразный и голый развратъ. И до сихъ поръ въ лѣсахъ этой мѣстности попадаются одинокіе скиты, въ которыхъ нерѣдко находитъ убѣжище не жажда молитвы и спасенія душевнаго, а преступленіе и грубое распутство. Но поселяне не только съ тупымъ равнодушіемъ смотрятъ на такое явленіе, но даже нѣкоторымъ образомъ способствуютъ развитію его...

Таковъ народъ, такова мѣстность, окружающіе городъ С***. Городокъ этотъ, самъ по себѣ ничтожный, имѣетъ, впрочемъ, весьма важное нравственное значеніе какъ центръ, къ которому тянетъ не только вся окрестность, но многія самыя отдаленныя мѣстности Россіи. Въ особенности замѣчательно въ немъ преобладаніе женскаго элемента надъ мужскимъ. На улицахъ и у воротъ почти исключительно встрѣчаются однѣ женщины, въ неизмѣнныхъ темносинихъ сарафанахъ, съ пуговицами, идущими до низу, и съ черными миткалевыми платками на головахъ, закалывающимися у самаго подбородка, вслѣдствіе чего лицо пред-

ставляется какъ бы вставленнымъ въ черную рамку. Встрѣчаются домà (а такихъ чуть ли даже не большинство), въ которыхъ живутъ исключительно однѣ женщины. И весь этотъ женскій людъ движется какъ-то чинно и истово по улицамъ, вслѣдствіе чего и самый городъ пріобрѣтаетъ церемонно-унылый характеръ. Ни пьянства, ни дракъ не замѣтно, почему даже самый откупщикъ, обыкновенно душа и украшеніе уѣзднаго общества, угрюмо и озлобленно выглядываетъ изъ оконъ каменныхъ палатъ своихъ.

Но обращаюсь къ запискамъ Филоверитова.

I.

— Ваше высокоблагородіе немедленно приступить изволите? спросилъ меня исправникъ Маслобойниковъ въ ту самую минуту, какъ я вылезалъ изъ тарантаса съ намѣреніемъ направиться къ станціонному дому, расположенному въ самомъ центрѣ города С***.

Маслобойниковъ былъ небольшой, но коренастый мущина, рябой и безобразный, съ узенькимъ лбомъ, чрезвычайно развитымъ затылкомъ и налитыми кровью глазами. Онъ безпрестанно отиралъ потъ, выступавшій на его лицѣ, но при этомъ всякій разъ отворачивался, и исполнялъ это на скорую руку. Когда ему сообщали что-нибудь по дѣлу, въ особенности же секретное, то онъ всѣмъ корпусомъ подавался впередъ, причемъ мялъ губами, а глазами разбѣгался во всѣ стороны, какъ дикій звѣрь, почуявшій носомъ добычу. Впрочемъ, онъ не прочь былъ иногда прикинуться простачкомъ и разказать игривый анекдотецъ, особливо, если дѣло касалось его служебной дѣятельности; но всѣ эти анекдоты пріобрѣтали, въ устахъ его, какой-то мрачный характеръ.

Меня изумило, вопервыхъ, то, какимъ образомъ Маслобойниковъ очутился у станціоннаго двора въ такую именно минуту, когда я подъѣхалъ къ нему, вовторыхъ то, какимъ образомъ онъ вызналъ не только о характерѣ моего порученія, но, повидимому, и о самомъ предметѣ его. Я не могъ воздержаться, чтобы не выразить моего изумленія.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, мы васъ ужь съ утра поджидаемъ, отвѣчалъ онъ весьма хладнокровно: — съ часъ на-

задъ и гонецъ съ послѣдней станціи прискакалъ, гдѣ вы изволили чай кушать.

И при этомъ на лицѣ его показалась какая-то безцвѣтная, но отвратительно-проницательная улыбка, которая привела меня въ невольное смущеніе.

— Странно! сказалъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Помилуйте-съ, по мѣрѣ силы возможности стараемся облегчать вашимъ высокоблагородіямъ-съ, произнесъ онъ скороговоркой, глядя на меня изподлобья и какъ-то странно извиваясь передо мною: — нашъ братъ народъ сѣрый, мы и въ трубу и въ навозъ сходимъ-съ... извѣстно, перчатокъ не покупаемъ...

— Да вѣдь здѣсь городъ, сказалъ я: — какимъ же образомъ вы, а не городничій...

— Они, ваше высокоблагородіе, человѣкъ слабый, можно сказать, и въ умѣ даже повредившись, по той причинѣ, что съ утра, теперича, и до вечера въ одномъ этомъ малодушествѣ спокойствіе находятъ... Да и дѣло-то оно такое-съ, что хоша онѣ (то-есть скитницы) и не въ уѣздѣ, а все єловно изъ уѣзда порядкомъ въ городъ не водворены, такъ мы, то-есть земскій судъ-съ, по этому самому случаю и не лишаемъ ихъ своего покровительства... Мы на счетъ этого имѣли ужь съ Иваномъ Макарычемъ (городничимъ) матерію, что будто бы ихъ супруга очень ужь оскорбляются, что этимъ дѣломъ не они, а мы заправляемъ-съ... ну, да ихнее дѣло дамское; имъ, конечно, оно и не вдомекъ, почему и какъ обращеніе земли совершается... Такъ прикажете приступить? повторилъ онъ, возвращаясь къ дѣлу.

— Да я полагаю, что можно и завтра...

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, наклонившись ко мнѣ: — часа черезъ два у нихъ, можно сказать, ни синя пороха не останется... это вѣрное дѣло-съ.

— Да вѣдь теперь и ночь скоро...

— Это нужды нѣтъ-съ: они завсегда обязаны для полиціи домъ свой открытымъ содержать... Конечно-съ, вашему высокоблагородію почивать съ дорожки хочется, такъ ужь вы извольте мнѣ это дѣло довѣрить... Будьте, ваше высокоблагородіе, удостовѣрены, что мы своихъ начальниковъ обмануть не осмѣлимся, на чести дѣло сдѣлаемъ, а на счетъ проворства и проницательности

такъ истинно осмѣлюсь вамъ доложить, что мы однимъ глазомъ во всѣхъ углахъ самомалѣйшее насѣкомое усмотрѣть можемъ...

— Нѣтъ, ужь у меня свой разсчетъ есть, чтобы начать дѣло завтра.

— Слушаю-съ.

— Только, если вы что-нибудь съ своей стороны узнаете относящееся до дѣла, то предувѣдомьте меня.

— Слушаю-съ.

— Да вотъ еще: завтра къ ночи должны сюда прибыть люди, такъ вы поставьте кого-нибудь у заставы... понимаете? чтобъ ихъ въ городѣ не видали.

— Слушаю-съ.

Онъ всталъ, чтобы откланяться, и направилъ было къ двери шаги свои, но съ половины комнаты воротился.

— Имѣю сообщить вашему высокоблагородію нѣчто весьма секретное, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ, и потомъ шопотомъ прибавилъ:—ваше высокоблагородіе до Мавры Кузьмовны дѣло имѣть изволите?

— Да вѣдь вы знаете: зачѣмъ же спрашивать?...

— Извините, это точно-съ... Я тоже до нея хоша въ настоящій моментъ и не имѣю касательства, однако на сихъ дняхъ безотмѣнно имѣть таковое намѣренъ.

— По какому же случаю?

— По предмету о совращеніи, такъ какъ по здѣшнему мѣсту это , можно сказать, первый сюжетъ-съ... Вашему высокоблагородію, конечно не безызвѣстно, что народъ здѣсь живетъ совсѣмъ не обнатуренный-съ, такъ эти бабы да дѣвки такъ на нихъ своимъ естествомъ вліяніе имѣютъ, что даже представить себѣ не возможно... Я думалъ, что ваше высокоблагородіе прикажете, можетъ, по совокупности...

— А у васъ заведено развѣ ужь дѣло?

— Никакъ нѣтъ-съ; дѣло это, такъ сказать, еще въ воображеніи...

— Почему же вы думаете, что оно изъ области вашего воображенія непремѣнно должно перейдти въ область дѣйствительности?

— Слѣдимъ... шестую недѣлю, можно сказать, денно и нощно

слѣдимъ... такъ какъ же ему не быть-то-съ? Это все одно, что бабѣ понести, да въ десятый мѣсяцъ не родить-съ...

— Въ такомъ случаѣ, если что-нибудь будетъ, то сообщите мнѣ, а я пріобщу къ своему дѣлу... да вы объ моемъ-то дѣлѣ знаете?

— Помилуйте-съ, ваше высокоблагородіе.

— Однакожь?

— Помилуйте-съ, ваше высокоблагородіе.

— А Мавра Кузьмовна знаетъ?

— Въ этомъ, ваше высокоблагородіе, будьте безъ сумнѣнія-съ: гонецъ прямо къ ней въ домъ и прискакалъ.

— Однакожь, это непріятно.

— Ничего, ваше высокоблагородіе.

— Какъ ничего? Она можетъ принять свои мѣры, будетъ запираться.

— Мѣры она точно что принять можетъ-съ, да и запираться будетъ непремѣнно, однако на это обращать вниманія не слѣдуетъ, потому какъ съ ними одинъ разговоръ — подъ арестъ-съ, а тамъ какъ Богъ разсудитъ... А впрочемъ, вашему высокоблагородію, на счетъ этого дѣла и опасаться нельзя-съ, потому какъ тутъ и истцы на лицо...

— Ну, а ваше дѣло въ чемъ же состоитъ?

— Нѣтъ-съ, ужь позвольте до завтрева... по той причинѣ что у вашего высокоблагородія ужь и глазки слипаются, а наша исторія длинная, и до завтрева не убѣжитъ.

Мы разстались.

II.

Городъ С***, въ которомъ мнѣ пришлось производить слѣдствіе, принадлежитъ къ числу самыхъ плохихъ городовъ Россіи. Если онъ расположился или лучше сказать разлѣзся на довольно большомъ пространствѣ, то нельзя сказать, чтобы къ этому была какая-либо иная побудительная причина, кромѣ того, что русскому человѣку вообще просторъ любъ. Напримѣръ, домъ мѣщанина Карпущенкова занимаетъ всего-на-все двадцать пять квадратныхъ саженъ, но за то подъ дворовымъ участкомъ, при-

надлежащимъ тому же мѣщанину, навѣрное отыщется саженъ тысячу. Спросите у Карпущенкова, зачѣмъ ему такое пространство земли, изъ которой онъ не извлекаетъ никакой для себя выгоды, онъ вопервыхъ не пойметъ вашего вопроса, а вовторыхъ, пораздумавши маленько, отвѣтитъ вамъ: «чтожь, Христосъ съ ней! развѣ она кому въ горлѣ встала, земля-то!» — Да вѣдь нужно, любезный, устраивать тротуаръ, поправлять улицу передъ домомъ, а куда жь тебѣ сладить съ такимъ пространствомъ? — «И, батюшка! отвѣтитъ онъ вамъ:—какая у насъ улица! дорога, извѣстно, про всѣхъ лежитъ, да и по ней не кому ѣздить».

Такимъ образомъ прозябаетъ это грустное племя, внѣ всякихъ понятій о красотѣ и удобствѣ прямыхъ линій. Вообще, въ рѣдкихъ еще городахъ Россіи, земля имѣетъ какую-нибудь цѣнность. Мѣщане и даже крестьяне пріобрѣтаютъ огромные дворовые участки за безцѣнокъ, а часто и за даромъ, то-есть, самовольно, и всѣ послѣдствія такого пріобрѣтенія ограничиваются выстройкой какой-нибудь бани, въ которой ютится хозяинъ съ семействомъ, и обнесеніемъ участка плетнемъ или заборомъ. Отъ этого такое множество пустырей, которые придаютъ нашимъ городамъ нестерпимо тоскливый видъ.

Многіе благонамѣренные начальники старались превозмочь это тупое равнодушіе жителей къ ихъ собственнымъ выгодамъ и удобствамъ. Когда князь Левъ Михайлычъ (1) пріѣхалъ въ губернію, то первымъ дѣломъ его было написать, «чтобы въ городахъ *непремѣнно* были заведены мостовыя, и чтобы дома возводимы были въ два этажа, и *по возможности,* каменные.» Однако, успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, потому что князь все-таки кротокъ очень. Тутъ надобно льва, который, не взирая ни на что, могъ бы настоять.

Только къ центру, тамъ, гдѣ находится и базарная площадь, городъ становится какъ будто люднѣе и принимаетъ физіономію торговаго села. Тутъ уже попадаются изрѣдка каменные домы мѣстныхъ купцовъ, лари, на которыхъ симметрически расположены калачи и баранки, тутъ же снуютъ приказные, поспѣшаю-

(1) См. Губернскіе Очерки. Филоверитовъ былъ однимъ изъ фаворитовъ князя.

щіе въ присутствіе или обратно, и меланхолически прислонясь гдѣ-нибудь у воротъ, тупо посматриваютъ на базарную площадь туземные мѣщане, въ нагольныхъ тулупахъ, заложивъ одну руку за пазуху, а другую засунувъ въ боковой карманъ.

На другой день по пріѣздѣ въ С***, я раннимъ утромъ отправился къ Маврѣ Кузьмовнѣ.

У меня былъ свой планъ; къ сожалѣнію, я долженъ былъ отказаться отъ выполненія нѣкоторыхъ частей его. Я хотѣлъ остановиться въ городѣ инкогнито, прикинуться этакъ мѣщаниномъ, желающимъ получить «просвѣщеніе» и вывѣдать все дѣло исподволь. На этотъ конецъ было у меня припасено и соотвѣтственное одѣяніе, какъ-то: тулупчикъ дубленый, азямъ, сапоги русскіе и проч.; но появленіе Маслобойникова и завѣреніе, что Кузьмовна меня ожидаетъ, разсѣяли въ прахъ мои надежды. Во всякомъ случаѣ я вынужденъ былъ если не совершенно отказаться отъ своего плана, то подвергнуть его измѣненіямъ. Но и теперь, прежде всего, я разсчитывалъ на то обстоятельство, что хотя, быть-можетъ, и знаетъ Мавра Кузьмовна, что имѣетъ наѣхать чиновникъ, но знаетъ это смутно, не имѣя настоящаго понятія ни о цѣли пріѣзда, ни о намѣреніяхъ чиновника. Въ такомъ случаѣ, думалъ я, можно будетъ сказать, что я имѣю порученіе сдѣлать дознаніе объ истинномъ состояніи раскола или что-нибудь подобное. Руководители и руководительницы этого дѣла охотно подаются на эту удочку, если взяться за нее умѣючи. Натура человѣческая до крайности самолюбива, и если, ловко набросивъ на свое лицо маску добродушія и откровенности, слѣдователь обращается къ всемогущей струнѣ самолюбія, успѣхъ почти всегда бываетъ вѣренъ. Тутъ охотно выкладываются на столъ всѣ самыя сокровенныя вещи, а ради краснаго словца даже и прилыгается малость; слѣдовательно, остается только на усъ мотать. Тутъ же могутъ быть, кстати, употреблены и другія невинныя средства, внушающія довѣренность. Такимъ образомъ, можно, напримѣръ, направить рѣчь издалека о собственныхъ дѣлахъ Мавры Кузьмовны, поприласкать ее (посадить), начать слегка соболѣзновать и вообще «бесѣдовать разумно», сбросивъ съ себя всякую офиціяльность и пригнувъ себя къ одному уровню съ почтенною старухой. Я знавалъ слѣдователей весьма благонамѣренныхъ, которые своимъ неумѣніемъ обращаться съ живымъ матеріяломъ,

щекотливостью, съ которою они относились къ темнымъ сторонамъ жизни, съ перваго же шагу возбуждали полное недовѣріе подсудимаго и разумѣется не достигали никакихъ результатовъ. Съ другой стороны знавалъ я и такихъ слѣдователей, которые были, что̀ называется, до мозга костей выжиги, и между тѣмъ сразу внушали полное довѣріе къ себѣ потому только, что умѣли кстати ввернуть слово «голубчикъ», или потрепать подсудимаго по брюху, или даже дать ему, въ *шутливомъ русскомъ тонѣ*, порядочную затрещину въ спину — полицейская ласка, имѣющая равносильное значеніе съ словомъ «голубчикъ». И въ самомъ дѣлѣ, какъ не расплыться передъ веселымъ бариномъ, который такъ ласково шутитъ!

Я слѣдователь благонамѣренный и добиваюсь только истины, не имѣя при этомъ никакихъ личныхъ видовъ; слѣдовательно, я не только могу, но и обязанъ изыскать всѣ средства, чтобы достигнуть этой истины. Конечно, я не стану давать любезныхъ затрещинъ — на это я неспособенъ — но, и кромѣ затрещинъ, есть цѣлый рядъ полицейскихъ хитростей, который можетъ быть употребленъ въ дѣло. Мнѣ скажутъ, можетъ-быть, что это нравственное вымогательство (другіе, пожалуй, не откажутся употребить при этомъ и слово «подлость»), но въ такомъ случаѣ я позволяю себѣ спросить, какія же имѣются средства къ открытію истины?

Итакъ мнѣ нужна была довѣренность Мавры Кузьмовны; необходимо было вызвать ее на откровенность, и если бы она, въ частномъ и любезномъ разговорѣ (особливо же при свидѣтеляхъ), высказала то, что̀ для меня потребно, въ такомъ случаѣ я не прочь былъ бы оформить эту любезную откровенность законнымъ порядкомъ. Само собою разумѣется, что, въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла, могутъ быть пущены въ ходъ разнаго рода неожиданности: чтеніе нѣкоторыхъ писемъ, появленіе изъ заднихъ дверей интересныхъ лицъ и т. п. И все это въ пользу истины, только истины...

Полный этихъ намѣреній я рѣшился лично посѣтить Мавру Кузьмовну, чтобы ее, такъ сказать, сразу ошеломить моею благосклонною внимательностью. Сверхъ того, нелишне было ознакомиться и съ характеромъ моей новой паціентки, чтобы при-

способиться къ нему и замѣтить ту струнку, на которую удобнѣе можно дѣйствовать.

Домъ Мавры Кузьмовны, недавно выстроенный, глядѣлъ чистенько и уютно. Дверь изъ сѣней вела въ корридоръ, раздѣлявшій весь домъ на двѣ половины. Въ послѣдствіи я узналъ, что этотъ корридоръ былъ устроенъ не случайно, а вслѣдствіе особыхъ и довольно остроумныхъ соображеній.

Дѣло въ томъ, что по обѣимъ сторонамъ корридора были расположены горницы, изъ которыхъ каждая имѣла свой особый ходъ и образовала родъ кельи, не имѣвшей съ сосѣднею комнатой иного сообщенія, какъ черезъ корридоръ. Первыя и ближайшія къ сѣнямъ, а слѣдовательно и къ свѣту, горницы имѣли хозяйственное назначеніе; тутъ были: стряпущая, кладовыя и т. д. Но чѣмъ далѣе нужно было углубляться въ корридоръ, тѣмъ тусклѣе достигалъ свѣтъ, такъ что съ трудомъ можно было разпознать даже двери; тутъ-то и были покои самой Мавры Кузьмовны, жившей вмѣстѣ съ племянницей и нѣсколькими посторонними старухами, которыхъ она пропитывала на старости лѣтъ. За тѣмъ, въ самой глубинѣ корридора, тамъ, куда свѣтъ совершенно почти не досягалъ, было нагорожено множество мелкихъ чуланчиковъ, которыхъ не было возможности даже днемъ нащупать безъ помощи свѣчи.

— Какъ же вы-то успѣваете вдругъ осмотрѣть всѣ эти закоулки? спрашивалъ я у Маслобойникова, когда, въ послѣдствіи, самъ ближе познакомился съ устройствомъ этого рода домовъ.

— Это точно-съ, что по началу дѣло было трудное, отвѣчалъ онъ: — въ первый разъ, какъ былъ я еще неопытенъ, они меня лихо надули. Пришелъ я къ нимъ этта съ обыскомъ; ну, она меня и встрѣчаетъ, такая, знаете, ласковая... «Милости просимъ, говоритъ, Иванъ Демьянычъ, удостойте старуху своимъ посѣщеніемъ», а сама, ваше высокоблагородіе, и отворяетъ мнѣ первую-то дверь. Ну, я съ дураковъ-то и вошелъ — кухня-съ; разумѣется, чумички, лахани, ведра, все какъ слѣдуетъ. «Да ты показывай, говорю, мнѣ настоящее дѣло».—« А вотъ, говоритъ, пожалуйте». И привела меня насупротивъ въ кладовую. Ну, точно, вижу полна горница сундуковъ и мѣшковъ—надо все это свидѣтельствовать. Съ часъ я тутъ бился, разсматривалъ: ну, разумѣется, кромѣ солоду, муки да крупы ничего не нашелъ, а по-

куда я тутъ копался, въ другихъ-то комнатахъ и поприбрали... Съ тѣмъ и ушелъ, что ничего найдти не могъ... «Ну, говорю, спасибо, голубушка, за науку». «Ничего, говоритъ, на здоровье родимый!» А у самой отъ смѣху даже нутро все колыхается, у поганки. Ну, да добро-молъ, за мной не за кѣмъ другимъ: наука не пропадетъ. Пришелъ и опять случай: «нѣтъ, думаю, шалишь баба!» И прямо, знаете, какъ ворвался, въ самую, что̀ называется, въ глубь, покуда въ стѣну лбомъ не наткнулся... тутъ и замеръ-съ... А между тѣмъ на прочихъ пунктахъ свое распоряженіе идетъ; двери всѣ настежъ, и какъ кого смертный часъ засталъ, такъ и пребывай; застынь, не шевелись... Ну и точно-съ, диковинныя иногда вещи въ этихъ чуланчикахъ находишь...

Но возвращаюсь къ разказу. Встрѣтила меня въ сѣняхъ какая-то старуха, должно-быть, стряпка, которая, взглянувъ на мои пуговицы, поблѣднѣла и какъ-то странно вся всколыхалась. Испугъ, очевидно, парализировалъ всю ея мыслящую силу, потому что она безотчетно топталась на одномъ мѣстѣ, какъ бы недоумѣвая, оставаться ей или бѣжать.

— Дома Мавра Кузьмовна? спросилъ я.

— Ась? закричала она во всю мочь, съ очевиднымъ намѣреніемъ, чтобы голосъ ея какъ-нибудь дошелъ по назначенію.

Я повторилъ вопросъ.

Она опять затопталась на мѣстѣ, а губы ея начали судорожно подергиваться.

— Дома Мавра Кузьмовна? крикнулъ я ей въ самое ухо.

— Не упомню я, батюшка, не упомню... кажется, не бывала... стара, я ваше сіятельное благородіе, больно стара, да чтой-то нынѣче и памятью-то Богъ изобидѣлъ... объ комъ это изволишь спрашивать?

Сознавая безполезность дальнѣйшихъ разспросовъ, я хотѣлъ было идти далѣе въ тотъ знаменитый корридоръ, о которомъ говорено выше, какъ вдругъ, совершенно для меня неожиданно, старуха какъ снопъ повалилась поперекъ двери.

— Батюшки! спасители! рѣжутъ! вопила она, уцѣпившись за фалды моего вицъ-мундира: — отецъ родной! не ходи, не губи своей душеньки!

На этотъ крикъ выбѣжала баба высокая и плотная, въ синемъ

сарафанѣ, повязанная чернымъ платкомъ. Это была сама хозяйка дома, которая вмигъ поняла въ чемъ дѣло.

— Мать Меропея, мать Меропея! сказала она ласковымъ, но твердымъ голосомъ, подходя къ намъ: — полно, не блажи, пусти его благородіе.

Старуха встала, глухо кашляя и злобно посматривая на меня. Она одною рукой уперлась объ косякъ двери, а другою держала себя за грудь, изъ которой вылетали глухіе и отрывистые вопли. И долгое еще время, покуда я сидѣлъ у Мавры Кузьмовны, раздавалось по всему дому ея тоскливое голошеніе, нагоняя на меня нестерпимую тоску.

— Милости просимъ, ваше благородіе! говорила между тѣмъ Мавра Кузьмовна: — милости просимъ къ намъ въ горницу... Аннушка! отворь-ка дверь: посвѣтлѣе барину идти будетъ! Ужь вы насъ, сударь, не обезсудьте за старуху-то! Здѣсь мы собрались народъ все старый да пуганый; мущинъ никого нѣтъ—ну, и думается, что лихой человѣкъ старухъ сирыхъ изобидѣть хочетъ... А такимъ гостямъ, какъ ваше благородіе, или хочь и Иванъ Демьянычъ (Маслобойниковъ), мы оченно завсегда рады... Или, можетъ, ваше благородіе, изначала съ обыскомъ пройдете? прибавила она, какъ-то масляно засматривая мнѣ въ глаза.

— Нѣтъ... да развѣ ты не видишь, что и понятыхъ со мной нѣтъ.

— Такъ-съ; а то мы завсегда готовы... У насъ, ваше благородіе, завсегда и ворота и горницы всѣ безъ запору... такое ужь Иванъ Демьянычъ, дай Богъ имъ много лѣтъ здравствовать, заведеніе завелъ... А то, кабы съ обыскомъ, такъ милости просимъ хошь въ эту горницу (она указывала на кладовую), хошь куда вздумается... Такъ милости просимъ въ наши покои.

— А эта Меропея у тебя въ стряпкахъ что ли живетъ? спросилъ я.

— Въ стряпкахъ, сударь, въ стряпкахъ... что жь, это, кажется, сударь, не запрещается?..

Мы вошли въ это время въ горницу чистую и свѣтлую. На полу разосланъ бѣлый холстъ, а стѣны гладко выструганы; горница раздѣлена перегородкой, за которой виднѣлась кровать съ цѣлою горой перинъ и подушекъ и по временамъ слышался шорохъ. Передъ диваномъ, на столѣ, стояла закуска, которую, въ

попыхахъ, очевидно забыли прибрать. Закуска была, такъ-называемая, дворянская, то-есть зачерствѣлый балыкъ, колбаса твердая какъ камень и мелко нарѣзанные куски икры буроватаго цвѣта; на томъ же подносѣ стоялъ графинъ съ бѣлой водкой и бутылка тенерифа.

— Милости просимъ бесѣдовать! сказала Мавра Кузьмовна, усаживая меня на диванъ.

Но мы были не одни; кромѣ лицъ, которыя скрылись за перегородкой, въ комнатѣ находился еще человѣкъ въ длиннополомъ узкомъ кафтанѣ, съ длинными свѣтло-русыми волосами на головѣ, собранными въ косичку. При появленіи моемъ онъ всталъ, и вынувъ изъ за-пояса гребенку, подошелъ пошатываясь къ зеркалу и началъ чесать свои туго связанные волосы.

Блѣдножелтое, отекшее лицо его, украшенное жиденькою бородкой, носило явные слѣды постоянно невоздержной жизни; маленькіе голубые и воспаленные глаза смотрѣли какъ-то слѣпо и тупо, губы распустились и не смыкались, руки, изъ которыхъ одна была засунута въ боковой карманъ, дѣйствовали не твердо. Во все время, покуда продолжалось причесыванье волосъ, онъ вполголоса мурлыкалъ какую-то пѣсню, и изрѣдка причмокивалъ языкомъ и губами.

— Это что̀ за человѣкъ? спросилъ я хозяйку.

Мавра Кузьмовна желала улыбаться, но губы ея только судорожно двигались, и никакъ не складывались въ улыбку; она постоянно заглядывала мнѣ въ глаза, какъ бы усиливаясь уловить ихъ мысль, а своимъ собственнымъ глазамъ старалась придать выраженіе безпечности и даже наивной веселости.

— Это, ваше благородіе, такъ... уволенный, ваше благородіе... онъ передъ вами только что выпить зашелъ... это вѣдь, кажется, можно?..

Послѣднія слова были сказаны не безъ ироніи.

— Да чтой-то, Михеичъ, хошь бы ты почтеніе его благородію отдалъ, продолжала Мавра Кузьмовна: — а то мурлыкаешь тамъ не вѣсть что̀.

Неизвѣстный обернулся, подошелъ къ столу и уставилъ безсмысленный взоръ на водку.

— А что̀, благодѣтельница, повторить, чай, можно? спросилъ

онъ сиплымъ, ненастнымъ голосомъ, и слабо трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Что̀ ты за человѣкъ? спросилъ я его.

Онъ посмотрѣлъ на меня мутными глазами.

— То-есть... ваше благородіе желаете знать, каковъ я таковъ человѣкъ есть? сказалъ онъ, спотыкаясь на каждомъ словѣ: — чтожь, для насъ объясниться дѣло не мудреное... не прынцъ же я, потому какъ и одѣянія для того приличнаго не имѣю, а лучше сказать, просто на просто я исключенный изъ духовнаго званія причетникъ, сирѣчь овца заблудшая... вотъ я каковъ человѣкъ есть.

Онъ остановился, сначала глубоко вздохнулъ, но потомъ вдругъ фыркнулъ и изобразивъ изъ себя фертъ, внезапно перешелъ изъ довольно густаго баритона въ самый тонкій, маслянистый теноръ.

— Не возмогу рѣщи, продолжалъ онъ, вздернувъ голову кверху и подкативъ глаза такъ, что видны дѣлались одни воспаленные бѣлки: — не возмогу рѣщи, сколь многія претерпѣлъ я гоненія. Если не сподобился, яко Іона, содержаться во чревѣ китовѣ, за то въ собственномъ моемъ чревѣ содержалъ бѣса три года и три мѣсяца... И паки обуреваемъ былъ злою женою, по вся дни износившею предо мной звѣриный свой образъ... И паки обуянъ былъ жаждою огненною и не утолилъ гортани своей до сего дня...

— Вы его не обезсудьте, ваше благородіе, прервала Мавра Кузьмовна:—онъ у насъ ужь такой отъ рожденія, въ умѣ оченно ужь недостаточенъ... Полно, полно, Михеичъ; пора, чай, и по домамъ.

— Нѣтъ, Мавра Кузьмовна, ужь коли языкъ самъ возговорилъ, стало-быть говорить ему надо, и вы мнѣ не препятствуйте... Ваше высокоблагородіе! вотъ какъ предъ Богомъ такъ и передъ вами... нагъ и босъ, нищъ и убогъ предстою. Прошу водки — не даютъ! прошу денегъ — не даютъ! Стало-быть за что̀ же я, за что̀ же...

— Да; не даютъ тебѣ водки! и то ужь почесть кабакъ внутрѣто у тебя завелся! прервала его хозяйка, стараясь улыбнуться, но съ очевиднымъ озлобленіемъ.

— Не препятствуйте, Мавра Кузьмовна! я здѣсь передъ ихъ высокоблагородіемъ... Они любопытствуютъ знать, каковъ я есть человѣкъ — должо̀нъ же я объ себѣ отвѣтствовать! Ваше высоко-

благородіе! позвольте рѣчь держать! позвольте какъ отцу объявиться, почему какъ я на краю погибели нахожусь, и если не изведетъ меня оттуду десница ваша, то въ скорости буду даже на днѣ оной! за что они меня рѣжутъ!

И онъ неожиданно подбѣжалъ къ окну, и отворивъ его, неистовымъ голосомъ закричалъ:—Православные! рѣжутъ!

Мавра Кузьмовна поблѣднѣла. Сцена эта видимо ее безпокоила съ самаго начала; но при такомъ неожиданномъ окончаніи она до такой степени смутилась, что какъ будто бы совершенно позабыла обо мнѣ.

— Ахъ, ты Господи! Вотъ ужь шестую недѣлю такъ-то съ нимъ маемся! инъ искать ужь другаго! повторяла она про себя:—одною этою водкой всю келью испоганилъ, антихристъ ты этакой!

И уцѣпившись за полы его кафтана, она тянула его отъ окна. Во время этой суматохи, изъ-за перегородки шмыгнули двѣ фигуры: одна мужская, въ вицъ-мундирномъ фракѣ, другая женская, въ нѣмецкомъ платьѣ. Мавра Кузьмовна продолжала нѣкоторое время барахтаться съ Михеичемъ, но онъ присмирѣлъ такъ же неожиданно, какъ и пришелъ въ экстазъ, и обратился къ намъ уже съ веселымъ лицомъ.

— Ну, полноте, полноте, Мавра Кузьмовна, сказалъ онъ, съ улыбкою глядя на хозяйку, которая вся тряслась:—я ничего... я такъ только покуражился маленько, чтобъ знали ихъ высокоблагородіе, каковъ я человѣкъ есть, потому какъ могу въ вашемъ домѣ всякое неистовство учинить, и ни отъ кого ни въ чемъ мнѣ запрету быть невозможно... По той причинѣ, что могу я вамъ въ глаза всѣмъ наплевать, и безъ меня вся ваша механика погибе́.

Старуха была ни жива, ни мертва ; она и тряслась и охала, и кланялась ему почти въ ноги и въ то же время охотно вырвала бы ему поганый его языкъ, который готовъ былъ, того и гляди, выдать какую-то важную тайну. Мое положеніе также дѣлалось изъ-рукъ-вонъ неловкимъ; я не могъ не предъявить своего посредничества уже по тому одному, что присутствіе Михеича рѣшительно мѣшало мнѣ приступить къ дѣлу.

— Что ты за человѣкъ, и по какому случаю находишься здѣсь? спросилъ я снова Михеича:—отвѣчай!

Онъ улыбнулся и поглядѣлъ на Мавру Кузьмовну, которая съ пытливымъ безпокойствомъ смотрѣла ему въ глаза.

— А хочешь разкажу? сказалъ онъ.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія.

— Ну, не трясись! такъ ужь и быть, не скажу! только завтра смотри у меня! перевертываться живѣе! теперь ужь всего два денька и погулять-то осталось! Прощай, старуха! припасай водки!

И взявши картузъ, онъ тутъ же въ комнатѣ надѣлъ его на голову и побрелъ пошатываясь къ двери. Мавра Кузьмовна вздохнула свободнѣе и начала креститься.

— А хорошъ буду архіерей? спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ и растопыривъ руки фертомъ.

Мавра Кузьмовна снова заохала.

— Ну, ну, добро, не трясись! прощенья просимъ, ваше высокоблагородіе! какъ буду архіереемъ, безотмѣнно отпущу вамъ вольная и невольная...

— Чтожь это за человѣкъ? спросилъ я Мавру Кузьмовну, когда онъ вышелъ.

Она уже оправилась отъ страха, который нагнала-было на нее выходка Михеича, и стояла передо мной довольно спокойно.

— Не пожалуете ли водочки? сказала она, не отвѣчая на мой вопросъ:—али, можетъ, винограднаго... или чайку угодно?

— Хитришь ты со мной, Мавра Кузьмовна.

— Зачѣмъ, кажется, мнѣ съ тобой хитрить, баринъ! Кажется, хитрить мнѣ съ тобой не надо... да просимъ милости откушать... Аннушка! Аннушка!

— Отчего жь ты не хочешь сказать, что̀ за человѣкъ этотъ Михеичъ?

— Да что̀ сказать-то, ваше благородіе? такъ праздношатающій, пьяница... его и оттолѣва-то ужь выгнали... гдѣ ему настоящее мѣсто есть. Ходитъ по домамъ да водку пьетъ... это хоть у кого въ городѣ спросите...

— Зачѣмъ же ты его къ себѣ въ домъ пускаешь?

— А коли не пустишь! Сами чай видѣли, каковъ онъ есть человѣкъ... не пусти, такъ пожалуй и гнѣздо-то наше огнемъ разоритъ. Да выкушайте хоть винограднаго-то!

Въ это время вошла Аннушка, дѣвка лѣтъ двадцати пяти, шумя великимъ множествомъ туго-накрахмаленныхъ юбокъ; на ней было ситцевое нѣмецкое платье декольте, а на рукахъ перчатки,

у которыхъ пальцы на половину обрѣзаны. Дѣвка, какъ всѣ вообще русскія мѣщанки, воспитанныя на пуховикахъ и чаѣ, отличалась свиду тою дряблою тучностью, которая почему-то напоминаетъ о китовомъ жирѣ; лицо у нея было, что называется, форменное: мясистое, круглое, плоское, мягкое, сильно набѣленное и съ крѣпко-приглаженными волосами, намазанными мусатовскою помадой.

— Вы меня, тетонька, кликали? спросила она, потупляя глаза и произнося слова въ носъ..

— Подь, подь сюда, умница, сказала Мавра Кузьмовна, которой лицо расцвѣло, при видѣ этого жирнаго, бѣлаго выкормка: —вотъ, батюшка, какую красавицу выростила... племянница мнѣ будетъ.

— Ахъ, тетонька, вы меня завсегда въ конфузію приводите, проговорила дѣвица, какъ будто нехотя подвигаясь впередъ.

— Подь, чего стыдиться-то! подь, касатка, баринъ доброй! Мы здѣсь; ваше благородіе, въ дикости живемъ, окромѣ приказныхъ да пьянаго народу никого не видимъ... Было и наше времячко! тоже съ людьми важивались; народъ все чистый, капитальный ѣзживалъ... ну, и мы, глядя на нихъ, обхожденіе перенимали... Попроси, умница, его благородіе чайкомъ.

— Я чаю не буду пить, Мавра Кузьмовна; теперь ужь поздно, да и дѣло мнѣ есть до тебя.

— Чтой-то, батюшка, ужь будто дѣло горитъ! дѣло дѣломъ, а чай чаемъ: выкушай родимый.

— Ужь сдѣлайте такое ваше одолженіе, господинъ графъ, пролепетала Аннушка, складывая губы на манеръ сердца:—мы завсегда съ пріѣзжими учтивыми кавалерами компанію имѣть готовы, по той самой причинѣ, что и сами обхожденіемъ заимствоваться оченно желаемъ..

— Просимъ выкушать! настаивала, съ своей стороны, Кузьмовна:—у меня, сударь, и генералы чай кушивали... Тоже, чай, знаете генерала Гореглядова, Ардальона Михайлыча — ну, пріятель мнѣ былъ. Пріѣдетъ, бывало, въ скиты, царство ему небесное,—«ну, говоритъ, Кузьмовна, хоть келью мы у тебя и станемъ ужотка зорить, а чаю выпить можно»... Да гдѣ же у тебя женихъ-отъ дѣвался, Аннушка? ты бы, не бось, позвала его сюда: все бы барину-то поповаднѣе было.

— А у васъ въ домѣ и свадьба? спросилъ я.

— Какъ же, сударь; тоже за благороднаго Аннушку выдаю: больно ужь смиренъ парень-этъ... да позови же Алексѣя-то Иваныча.

— Они, тетонька, въ присутствіе пошли: сказываютъ, дѣловъ оченно много.

— Какъ же ты отдаешь племянницу за чиновника? вѣдь онъ не дозволитъ ей въ старыхъ-то обычаяхъ оставаться.

— И, батюшка! объ насъ только слава этта идетъ, будто мы кому ни-на-есть претимъ.... какіе тутъ старые обычаи! она вонъ и теперича въ нѣмецкомъ платьѣ ходитъ... Да выкушай же чайку-то, господинъ чиновникъ!

Нечего дѣлать, я долженъ былъ согласиться выпить чаю среди бѣла дня.

— Однако, признайся, Кузьмовна, сказалъ я, когда Аннушка вышла:—знала ты, что я сегодня у тебя буду?

Мавра Кузьмовна пристально взглянула на меня и какъ будто призадумалась.

— Почемъ же я тако́ дѣло знать могу? сказала она немного погодя.

— Однако, вспомни: можетъ-быть и знала.

— Нѣтъ, ваше благородіе, намъ въ мнѣніяхъ нашихъ начальниковъ произойти невозможно... Да хоша бы я и могла знать, такъ значитъ, никакой для себя пользы изъ этого не угадала, почему какъ ваше благородіе сами видѣли, въ какихъ меня дѣлахъ застали.

— Это-то́ меня и удивляетъ, что ты знала, что я долженъ у тебя быть, и не приготовилась...

— Кабы знать, отчего бы не приготовиться.

— А къ кому же вчера вечеромъ шалдежскій Аѳанасій пріѣзжалъ?

Она посмотрѣла на меня съ такимъ наивнымъ изумленіемъ, что я не могъ не расхохотаться. Она тоже улыбнулась.

— Какой же это такой Аѳонасій! Кажется, я никакого Аѳонасья словно и не знаю.

— Полно, старуха, вѣдь Аѳанасій-то у исправника въ арестантской сидитъ; онъ ужь сознался.

— Нѣтъ, батюшка, ваше благородіе, ужь коли на то пошло,

такъ я истинно никакого Аѳонасья не знаю.... Можетъ, злые люди на меня сплётки плетутъ, потому какъ мое дѣло одинокое, а я ни въ какихъ дѣлахъ причинна не состою... Посѣщенію твоему, мы, конечно, оченно ради, однако за какимъ ты дѣломъ къ намъ пріѣхалъ, объ эвтомъ мы не извѣстны... Такъ-то, сударь!

— Мнѣ нужно бы кой объ чемъ спросить тебя.

— Спрашивай, сударь, спрашивай, я завсегда готова. Извѣстно, ваше дѣло спрашивать, а наше отвѣчать. Только объ чемъ же ты спрашивать-то будешь?

— Да нужно мнѣ кой объ чемъ узнать... Изволишь ты видѣть, много ужь вашего стада здѣсь прибываетъ...

— Кто же это прибываетъ... кажется, мы всѣ старые: мы, сударь, никого вѣдь неволить ни къ себѣ, ни отъ себя не можемъ... Да что жь ты ко мнѣ-то, сударь? Вѣдь тутъ, кажется, и мущины есть—вонъ хоть бы Иванъ Мелентьичъ...

— Да вѣдь ты, Мавра Кузьмовна, въ скитахъ живала, начальницей была.

— Оно, конечно, живала... игуменьей тоже прозывали... Ну, что жь, спрашивай, сударь, я отвѣчать тебѣ могу.

— Нѣтъ, объ этомъ надо ладкомъ поговорить,—приходи какъ-нибудь ко мнѣ, а теперь некогда, другіе дѣла есть... А что, Кузьмовна, кабы ты эти дѣла-то оставила? прибавилъ я какъ будто стороною.

— Какія же это дѣла, сударь? спросила она съ наивнымъ изумленіемъ.

— Ну, да извѣстно какія: расколъ. За тобой бы — поди вся здѣшняя сторона старину бы оставила.

— Чтой-то, будто я этому дѣлу причинна стала? Кажется и до меня люди были, и послѣ меня будутъ... чай, у всякаго свой умъ есть.

— А славно было бы...

— Нѣтъ ужь, сударь, этотъ разговоръ нужно оставить, сказала она серіозно.

— Да вѣдь я жалѣючи тебя говорю, старуха.

— Оно такъ... можетъ, и добрый ты баринъ, да объ этомъ разговаривать намъ ужь не приходится, потому какъ, значитъ, слова за-напрасно терять будемъ.. а вотъ поразказать какъ и что—это дѣло возможное...

III.

Я воротился домой, предварительно условившись съ Маврой Кузьмовной насчетъ «новаго свиданія». Но загадочное лицо Михеича мучило меня, и я непремѣнно хотѣлъ объяснить себѣ его. Въ это самое время вошелъ ко мнѣ Маслобойниковъ, но вошелъ на цыпочкахъ, и предварительно засвидѣтельствованья мнѣ почтенія, заглянулъ въ замочную скважину двери, ведущей въ комнату, въ которой помѣщались хозяева.

— Изволили видѣть? спросилъ онъ меня шопотомъ.

— Кого?

— А Михеича-съ?

— Да; скажите, пожалуйста, что̀ это за человѣкъ такой?

— Нашъ-съ... ужь шесть недѣль въ предметѣ имѣемъ-съ... только говорить-то здѣсь не удобно-съ... хозяева-съ...

И онъ снова на цыпочкахъ перешелъ черезъ всю комнату къ враждебной двери, отворилъ ее и посмотрѣлъ. Оказалось, что сосѣдняя комната пуста.

— Осмѣлюсь доложить вашему высокоблагородію, началъ онъ, воротившись на прежнее мѣсто:—что намъ всѣ ихніе прожекты въ самой подробности завсегда извѣстны, потому что мы отъ этихъ ихнихъ прожектовъ, можно сказать, все наше пропитаніе имѣемъ. Теперича главный у нихъ сюжетъ въ томъ состоитъ, чтобы какъ можно попа себѣ добыть. Бѣглыхъ не навертывается, старые повымерли,—вотъ-съ они и истаеваютъ. Прошелъ нынѣче слухъ, будто бы у нихъ и архіереи завелись, и ѣздятъ якобы эти архіереи скрытно по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ этотъ развратъ коренится; сказываютъ, что и къ намъ посулилъ быть. По здѣшнему мѣсту, всему ихнему дѣлу голова эта самая Мавра Кузьмовна, которую вы давеча видѣть изволили. Жила она прежде въ скитахъ и была въ которомъ-то изъ нихъ чуть ли не настоятельницей обители. Баба подлинно умная, и всѣмъ этимъ стадомъ вертитъ какъ ей желается. Въ недавнее время, съ тѣхъ поръ, какъ скиты эти разогнали, приписалась она сюда въ мѣщанки, и завела здѣсь свою фабрику. Только смѣю доложить, что если эти скиты не будутъ опять въ скоромъ времени сформированы, такъ можно пору-

читься, что и весь этотъ край разврата не минуетъ, по той причинѣ, что эти «матери» по всѣмъ деревнямъ, можно сказать, какъ воро́ны разлетѣлись и всюду падаль клюютъ-съ. Въ прежнее время, какъ они всѣ въ одномъ гнѣздѣ каркали, оно, конечно, *пейзажъ* былъ не пригожъ, да, по крайности, всѣ на виду и на счету были. Пріѣдетъ, бывало, къ нимъ съ ярмарки купчина какой,—первое дѣло, что благодарности все-таки не минетъ (эта у насъ статья, какъ калачъ, каждый годъ бывала), да и въ книжку-то, бывало, для памяти его запишемъ: ну, и пойдетъ онъ на замѣчаніе по всядни живота. А нынѣче совсѣмъ и надзору за ними не можетъ быть, потому что вездѣ они, во всякомъ мѣстѣ, словно черви расползлись. Только и пропитываешься, что частными случаями... тамъ, слышишь, книжки проявились, тамъ ночнымъ временемъ для своихъ дѣловъ соберутся, въ другомъ мѣстѣ бракъ совершили гнуснымъ манеромъ безъ повѣнчанія,—ну, и дѣйствуешь, смотря по силѣ-возможности...

Говоря это, Маслобойниковъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза какъ-то особенно искательно, какъ будто усиливаясь угадать, какое впечатлѣніе производятъ на меня его слова. Очевидно, онъ желалъ повеселить меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставлялъ у себя, на всякій случай въ запасѣ оговорку: «помилуйте-дескать, ваше высокоблагородіе, я только къ слову пошутить желалъ.»

— Такъ вотъ-съ эта Мавра Кузьмовна, продолжалъ Маслобойниковъ:—и задумала учередить здѣсь свою эпархію. Скитовъ ей, пожалуй, не жалко, потому что въ ту пору хоть и была она въ уваженьи, да все какъ-то на народѣ ея не видать было; тамъ, что ни выдетъ, бывало, все-таки больше не къ ней, а ко всѣмъ скитамъ сообща относятъ, ну, а теперь она дѣйствуетъ сама собой, и у всѣхъ, значитъ, персонально на виду. Я даже думаю, ваше высокоблагородіе, что современемъ изъ нея отличный полицейскій сыщикъ выдетъ. Этихъ примѣровъ видали по нашему мѣсту очень довольно, потому какъ и народишко этотъ дрянной, и дозволь ты ему только свои барыши наблюдать, такъ онъ, пожалуй, и Христа-то продать готовъ, не токма-что своего брата,—самые то-есть алтынники. Скажу къ слову хошь про себя. Познакомился я этта съ матерью Варсонофіей — тоже преехидная баба и въ скитахъ большимъ почтеньемъ пользовалась. Было какъ-то у меня до нея небольшое дѣло касательно совращенія, только очень

ужь она ловка, на мякину никакъ не подденешь. Вотъ-съ я и надумалъ: если нельзя ее по-христіянски облупить, такъ, по крайности, хошь бы на будущее время отъ нея польза была. Окончивши спросы, подхожу это къ ней.

«— А что, говорю, мать, вѣдь мы съ тобой, кажется, другъ дружку понимать можемъ?

«— Можемъ, говоритъ.

«— Тебѣ-молъ будетъ, чай, сподручнѣе, какъ ни отъ кого въ твоей промышленности помѣшательства не будетъ?

«— Это точно, что сподручнѣе.

«— Ну, а мнѣ говорю, сподручнѣе, коли у меня по вашей части дѣловъ больше будетъ... понимаешь?

«— Понимаю, говоритъ, только ужь не будетъ ли это оченно зазорно, да и другіе-то чтобъ не запримѣтили, что ты будто одну меня оставляешь?

«— На этотъ счетъ, говорю, будь безъ сумнѣнія, потому что мы и у тебя примѣрныя тревоги дѣлать будемъ... ладно что ли?

«— Право, говоритъ, не знаю: какъ-то ужь оченно оно зазорно будетъ...

А черезъ два дня и дала, сударь, знать, что у нихъ на селѣ у такого-то мужичка «странникъ» остановился...

Вотъ-съ эта же самая Варсонофія увѣдомила меня, мѣсяца съ два тому назадъ, что къ Маврѣ Кузьмовнѣ какой-то купчина московскій участилъ ѣздить, и что свиданья у нихъ бываютъ на дому у ней, Варсонофіи, въ селѣ версты за три отсюда. Хорошо-съ. Далъ я имъ время снюхаться, войдти, такъ сказать, во вкусъ, да выбравши этакъ ночку потемнѣе, и отправился самолично въ это самое село. Вѣрьте совѣсти, ваше высокоблагородіе, что собственными ногами весь вояжъ сдѣлалъ, даромъ что дѣло было зимнее. И чего я, сударь, шомши дорогой, не передумалъ! Первое дѣло, что никто ей, этой Варсонофіи, въ душу не лазилъ: стало быть, дѣло возможное, что она и продастъ; второе дѣло, что весь я какъ есть, въ одномъ нагольномъ тулупишкѣ, и хоша взялъ съ собой пистолетъ, однако употребить его невозможно, потому какъ убійство совершать закономъ запрещается, а я не токма что на каторгу, а и на покаянье идти не желаю; третье дѣло, стало-быть, думаю, они меня, примѣрно, какъ тухлое яйцо раздавить тамъ могутъ въ горячахъ-то... Однако, перекрестившись, не на-

задъ, а впередъ-съ пошелъ. А тамъ у Варсанофіи мнѣ и мѣстечко такое было пріуготовлено, около печки, такъ чтобы только стать было можно, а дышать ужь какъ Богъ помилуетъ. Однихъ таракановъ, ваше высокоблагородіе, такое тамъ множество увидѣлъ, что даже удивительно, какъ они живаго меня не съѣли. Часовъ этакъ, по нашему, около одиннадцати приходитъ это купецъ, а слѣдомъ за нимъ и Мавра Кузьмовна и еще человѣкъ съ ней, этотъ самый Михеичъ, котораго вы видѣть изволили.

— А не знаете ли вы, какъ купца звали? спросилъ я.

— По фамиліи не могу знать-съ, а величали его тутъ Михайломъ Трофимычемъ. (Скажу здѣсь мимоходомъ, что я доискивался нѣкоего Михайла Трофимыча Тебенькова, который, давши, по сношенію моему съ NN полиціей, недостаточное показаніе, неизвѣстно куда потомъ скрылся. Можно себѣ представить мое радостное изумленіе при словахъ Маслобойникова.)

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ я Маслобойникову.

— Только пришли они это, поздоровались.

«— Ну вотъ, говоритъ Мавра Кузьмовна, и еще новобранца привела, и въ грамотѣ *доволенъ*, и съ книгами обращеніе имѣть можетъ, и по крюкамъ знаетъ, и демественному обучался — молодецъ на всѣ руки: какого еще къ чорту попа желать надоть!

«— Въ семинаріи до реторики досягалъ, вступился тутъ Михеичъ:—и еслибы не воля родителей, которые уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ обрѣтаются, то вѣроятія достойно, что былъ бы теперь человѣкъ...

«— Да чѣмъ же ты и теперь не человѣкъ, братецъ? сказалъ купецъ:—во всѣхъ статьяхъ...

«— Это точно, что человѣкъ, но не смѣю скрыть предъ лицомъ столь почтенной особы, что имѣю единую слабость...

«— Водку что ли пить любишь?

«— Справедливо сказать изволили... Но нынѣ, будучи просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ и насыщенъ паче меда словесами моей благодѣтельницы Мавры Кузьмовны, желаю вступить подъ ваше высокое покровительство... Ибо не имѣю я пристанища, гдѣ приклонить главу мою, и босъ и нагъ, влачу свое существованіе гдѣ ночь, гдѣ день, а болѣе въ питейныхъ домахъ, гдѣ, въ качествѣ свидѣтеля, снискиваю себѣ малую мзду.

«— А какъ же насчетъ водки-то молодецъ? спросилъ купецъ: —вѣдь это малодушество, чай, бросить придется?

«— Объ этомъ предметѣ у насъ съ моей благодѣтельницей такой уговоръ былъ: чтобъ быть мнѣ въ теченіи шести недѣль всѣмъ довольну, на ихнемъ коштѣ, да и въ водкѣ-бъ отказу мнѣ не было, потому какъ, имѣя въ предметѣ столь великій подвигъ, я и въ силахъ своихъ долженъ укрѣпленъ быть.

«— Да ты ужь и нынче, кажется, на ногахъ-то не больно твердъ, молодецъ?

«— По милости благодѣтельницы, точно, что горло будто промочилъ маленько...

«— Да заодно и самъ ужь промокъ, прибавила весело Мавра Кузьмовна:—такъ вотъ, отцы вы наши; какъ я объ нашемъ дѣлѣ радѣю, какихъ вамъ слугъ добываю, что изъ-за рюмки сивухи, а ужь не изъ чего другаго, радъ жизнь потерять.

«— Это точно что готовъ по первому повелѣнію... да вотъ, отцы вы наши, денегъ бы триста рублей надо...

«— Ужь и триста! вотъ мать Магдалина (Мавра Кузьмовна) по двугривенничку выдавать будетъ.

«— Нѣтъ ужь, честной господинъ, по двугривенничку обидно будетъ.

«— Такъ ты говори дѣло, а то триста рублей!..

И условились они тутъ на полтораста рублей: половину впередъ отдать, а половину по совершеніи.

«— А вы еще ладите, чтобъ быть здѣсь архіерею, сказала Кузьмовна:—мать Варсонофія! своди-тко молодца-то въ свѣтелку, а мы здѣсь втроемъ по душѣ потолкуемъ.

Михеича дѣйствительно увели, и остались они втроемъ. Тутъ я всего, ваше высокоблагородіе, наслушался, да и объ архіереѣ-то, признаться, впервой узналъ. Зналъ я, что они, съ позволенія сказать, развратники, ну, а этого и во снѣ не чаялъ. И кто жь архіерей-то! Андрюшка Прорвинъ, здѣшній, ваше высокоблагородіе, мѣщанинъ, по питейной части служилъ, и сколько даже разъ я его за мошенничества стегалъ, а у нихъ вотъ пастырь-съ! Даже смѣху достойно, какъ они очки-то втираютъ!

— Позвольте, однакожь, прервалъ я: по какой же причинѣ они выбрали себѣ такого бездѣльника? неужели у нихъ получше людей нѣтъ?

— Какъ не быть-съ! вотъ хоть бы здѣсь купецъ есть, Иванъ Мелентьевъ прозывается—ну, этотъ точно что человѣкъ, однако видно, ему не рука,—по той причинѣ, что этому архіерею, будь онъ хошь семи пядей во лбу, годикъ, много два поцарствовать, а потомъ извѣстно въ тюрьмѣ же сгнить придется. Да и для нихъ-то самихъ, пожалуй, черезъ два-то года корысть въ немъ не велика, потому какъ онъ свою пакость уже исполнитъ, поповъ имъ наставитъ, такъ они и сами его хошь съ руками выдадутъ. Никто хорошій-то на такой карьеръ и не соблазняется. Только вотъ-съ купецъ-отъ, объявивши Маврѣ Кузьмовнѣ, что такого-то они дескать архіерея для себя добыли, все, знаете, настаиваетъ, чтобъ жить ему въ здѣшнемъ мѣстѣ.

«— Здѣсь, говоритъ, нашего христіянства вся колыбель состоитъ, такъ и пастырю быть тутъ пригоже.»

— Ну, а Кузьмовна тоже свой разсчетъ въ головѣ держитъ: «не дѣло, говоритъ, вы, стцы, затѣваете.»

«— Помилуйте, матушка Мавра Кузьмовна, да почему же вамъ теперича этотъ сюжетъ поперекъ сталъ-съ?

«— А потому поперекъ, что для насъ, старинныхъ вашихъ радѣтелей, этакъ ту, пожалуй, и обидно будетъ.

«— Почему жь, обидно-съ? Будьте удостовѣрены, матушка, что мы насчетъ содержаніевъ не постоимъ-съ, потому какъ мы собственно для христіянства тутъ разсужденіе имѣемъ, и оченно хорошо понимаемъ, какія ваши въ этомъ предметѣ заслуги состоятъ-съ.

«— Вы вотъ тамотка все насчетъ христіянства заботу имѣете... А ты сперва разкажи, чѣмъ оно теперь-то, по твоему, не хорошо, христіянство-то?

«— Да какъ же-съ, матушка! извѣстно, овцы безъ «просвѣщенія» ходятъ-съ, оно даже и со стороны зазорно!

«— А какого имъ ляду «просвѣщенія»! ты вотъ говоришь, «просвѣщеніе», а они, пожалуй, и пріобыкли безъ «просвѣщенія»-то, такъ имъ оно поди и за ересь еще покажется.

«— Помилуйте, какъ же это возможно-съ? Да ужь одно то во вниманіе примите, что служба какая будетъ! На одни украшенія сколько тысячъ пошло-съ, *лепиріи* золотыя, и все одно къ одному-съ...

«— Такъ-то, такъ... ну, и пущай къ намъ въ побывку ѣздитъ:

это точно, что худаго тутъ нѣтъ. Только оставаться ему здѣсь не слѣдъ, и вотъ тебѣ мое послѣднее слово, что не бывать этому, какова я на этомъ мѣстѣ жива состою.

«— Да, въ чемъ же вы сомнѣваться изволите, Мавра Кузьмовна?

«— Господи! жили-жили, радѣли-радѣли, и нутка, ступай теперь вонъ, говорятъ! да вы, отцы, жирны что ли ужь больно стали, что тамъ обѣсились! Теперича хоть и я: стара, стара, а все же утроба, чай, ѣсть проситъ! я вѣдь, почтенный, ужь не молоденькая постничать-то! А то подитка, Андрюшкѣ свое мѣсто уступи! вѣдь извѣстно, не станетъ онъ задаромъ буркулами-то вертѣть, почнетъ тоже къ себѣ народъ залучать, такъ мы то причемъ будемъ?»

— Сталъ было онъ ее еще уговаривать, однако старуха укрѣпилась. Сколь ни говорилъ, обѣщалъ даже капиталъ въ ланбартъ положить, ничѣмъ не пронялъ. Твердитъ себѣ одно: «не хочу да не хочу!» — «Я, говоритъ, не затѣмъ вѣкъ изжила, чтобъ подконецъ жизни въ панёвщицы произойдти; мнѣ, говоритъ, окромя твоего капиталу, то же величанье лестно, а какой же я буду человѣкъ за твоимъ за Андрюшкой—просто послѣдній человѣкъ!» На томъ и порѣшили, что быть въ здѣшнемъ мѣстѣ Андрюшкѣ только наѣздомъ, и ни во что̀, безъ согласія Мавры Кузьмовны, не вступаться. И диво бы они такъ не рѣшили: купецъ-отъ зналъ, что эта ехидная Маврушка такую власть надъ этой яичницей имѣетъ, что сто́итъ ей только слово въ народъ кинуть, такъ, пожалуй, и Андрюшку-то въ колья примутъ-съ.

— Тутъ же я узналъ, что долженъ онъ быть сюда черезъ шесть недѣль, и что къ этому времени Мавра Кузьмовна и людей такихъ должна пріискать, чтобы грамотны были... Вѣрьте Богу, ваше высокоблагородіе, что когда они ушли, я въ силу великую отдохнуть даже могъ. Прибѣжалъ домой, и въ ту жь минуту послалъ секретно за Михеичемъ; привели мнѣ его, что называется, мертвецки.

«— А что, говорю, рыло ты пьяное, тоже въ попы хочешь?

«Какъ ни былъ онъ пьянъ, однако тутъ отрезвѣлъ и уставилъ на меня сонные глаза.

«— Ну, говорю, у меня цыцъ! пей и блажи сколько душѣ угодно, а изъ-подъ моей власти не выходить! слышишь? Какъ

выдетъ у васъ что-нибудь новенькое, а пуще всего дастъ свой духъ Андрюшка—живымъ манеромъ ко мнѣ!

«Палъ онъ мнѣ, сударь, въ ноги, и поклялся родителями обо всемъ мнѣ вѣсть подавать. И точно-съ, съ этихъ поръ, кажную ночь я ужь знаю, объ чемъ у нихъ днемъ сюжетъ былъ, и долженъ быть онъ здѣсь, то-есть, Андрюшка-съ, по моему разсчету, не завтра, такъ послѣ завтрева къ ночи безпремѣнно-съ.

«И диковинное это дѣло, ваше высокоблагородіе! человѣкъ я, кажется, къ этимъ дѣламъ пріобыкшій, всякаго, что называется, пороху нанюхался, даже самые побои принималъ—а теперь вотъ словно новичекъ какой, весь куражъ потерялъ-съ. Въ груди будто тѣснота, спину ломитъ, даже губы сохнутъ-съ... И чѣмъ ближе подступаетъ время, тѣмъ все больше и больше будто естество въ тебѣ все вверхъ поднимается. Точно тѣ времена воротились, какъ, бывало, около Глафиры Николавниной юбки прохаживался. Ходишь, знаете, бывало, задѣнешь только, такъ словно ознобъ всего прошибетъ... Даже во снѣ вижу, какъ я ихъ всѣхъ накрою, какъ они, знаете, собрались, и свѣчи горятъ-съ...»

— Ну, а если не удастся накрыть? спросилъ я.

Маслобойниковъ испугался и даже поблѣднѣлъ.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, какъ же этому быть возможно?.. да у меня даже теперь поясница отнялась отъ однихъ вашихъ словъ.

— А какъ же вы предполагаете распорядиться, если вамъ это дѣло удастся?

Маслобойниковъ вздохнулъ и задумался.

— Придется по начальству представить, сказалъ онъ угрюмо и опять задумался.

— Вѣдь они, ваше высокоблагородіе, продолжалъ онъ:—многихъ тысячъ не пожалѣли бы, только чтобъ это дѣло какъ ни-наесть покрыть! а отъ начальства какую отраду, кромѣ огорченья, получишь, сами изволите знать! Да скрыть-то нельзя-съ! потому что, кто его знаетъ? можетъ, онъ и въ другомъ мѣстѣ попадется, такъ и тебя за одно ужь оговоритъ, а нашъ братъ полицейскій тоже свинья не послѣдняя: не размыслитъ того, что товарища на поруганье предавать не слѣдуетъ — ломитъ себѣ на бумагу все, что̀ ни сбрешутъ ему на допросѣ! ну, и не раздѣ-

лаешься съ нимъ, пожалуй, въ ту пору... Нѣтъ, видно, ужь по начальству придется.

Сказавъ это, Маслобойниковъ впалъ въ какое-то меланхолически-сантиментальное настроеніе духа, глаза уставилъ въ землю, руками началъ «тужить» и все дальнѣйше произносилъ тоненькимъ головнымъ теноромъ:

— И добро бы доподлинно не служили! А то, кажется, какой еще службы желать! Намеднись, его высокородіе говоритъ: «ты, говоритъ, хапанцы свои наблюдай, да помни тоже, какова совѣсть есть!» Будто мы ужь и «совѣсти» не знаемъ-съ! Сами, чай, изволите знать, про какую ихъ высокородіе «совѣсть» поминаютъ-съ! такъ мы завеегда по мѣрѣ силы-возможности и себя наблюдали, да и начальниковъ безъ призрѣнія не оставляли... Однако сверхъ силъ тяготы носить тоже невозможно-съ.

— А скажите, пожалуста, вотъ вы меня увѣряли, что Мавра Кузьмовна знала, что я сюда ѣду...

— Точно знала-съ.

— Почему жь она, однакожь, не только не приготовилась, но даже не отклонила и Михеича?

— Первое дѣло, ваше высокоблагородіе, что нонѣ весь этотъ народъ къ полицейскому дѣлу сталъ оченно ужь привышенъ и, можно сказать, обрушнѣлъ, а второе дѣло, она ждала васъ не утромъ, а ночью, по той причинѣ, что наши къ нимъ наѣзды завсегда въ ночное время бываютъ-съ.

— И вы думаете, что она знаетъ зачѣмъ именно я пріѣхалъ?

— Должно полагать, что смекаетъ; однако на счетъ людей, ваше высокоблагородіе, можете быть благонадежны: весь этотъ предметъ въ величайшей тайности соблюденъ. Люди будутъ безотмѣнно готовы-съ.

IV.

На другой день вечеромъ все было уже готово; не доставало только депутата ратмана Половникова, который, заслышавъ о предстоящемъ депутатствѣ, съ утра сбѣжалъ изъ дома и неизвѣстно куда скрылся.

Время, предшествующее началу слѣдствія, самое тягостное для слѣдователя. Если планъ слѣдствія хорошо составленъ, вопросы обдуманы, то нетерпѣніе слѣдователя растетъ, можно сказать, съ каждою минутой. Всѣ мыслящія силы его до такой степени поглощены предметомъ слѣдствія, что самая малѣйшая помѣха выводитъ его изъ себя и заставляетъ горячиться и дѣлать тысячу промаховъ въ то самое время, когда всего нужнѣе хладнокровіе и разсчетъ.

Я ходилъ по комнатѣ и, признаюсь откровенно, неоднократно таки посылалъ куда слѣдуетъ Половникова и всѣхъ этихъ депутатовъ, которые какъ будто для того только созданы, чтобы на каждомъ шагу создавать для слѣдователя препятствія. Я вообще люблю дѣла дѣлать безпрепятственно, потому что оно какъ-то ловчѣе, прохладнѣе распоряжаться на просторѣ. Шумъ у дверей прервалъ мои размышленія; я оглянулся и увидѣлъ полицейскаго солдата, который держалъ за веревочку человѣка съ бородой, одѣтаго въ русскій кафтанъ. У человѣка въ рукахъ была печать, которую онъ какъ-то ожесточенно мялъ пальцами.

— Привелъ, ваше благородіе, сказалъ полицейскій.

— Что это за человѣкъ?

— Мѣщанинъ Половниковъ, ваше благородіе.

— Гдѣ ты пропадалъ? нѣтъ, ты скажи, гдѣ ты пропадалъ? закричалъ я, вдругъ почувствовавъ въ сердцѣ новый приливъ гнѣва и нетерпѣнія, при видѣ этого господина, который своею медленностію могъ порвать всю нить соображеній, обуревавшихъ мою голову.

Половниковъ мялся на одномъ мѣстѣ и продолжалъ вертѣть печать въ рукахъ.

— На чердакѣ, за старымъ хламомъ спрятавшись нашли, ваше благородіе! пытали мы съ нимъ маяться-то, продолжалъ солдатъ.

— Ваше благородіе... ваше превосходительство... ваше сіятельство!... помилуйте, сударь, не погубите!

Говоря это, Половниковъ то и дѣло протягивалъ руку съ печатью и потомъ снова ее отдергивалъ.

— Секлетарь-съ, ваше благородіе... они противъ меня злобу питаютъ... потому какъ я человѣкъ бѣдный-съ и поклониться мнѣ нечѣмъ-съ... по той причинѣ я и обчествомъ выбранъ, что въ не-

доимщикахъ былъ: семья оченно ужь угнетаетъ, такъ обчество и присудило: по крайности-молъ онъ хоть службы отбудетъ...

— Такъ что жь секретарь-то?

— Да вотъ все наряжаетъ-съ; а у меня, ваше благородіе, семья есть, тоже работишка-съ, ложечки ковыряю, а онъ все наряжаетъ: я, говоритъ, тебя въ раззоренье произведу... Господи! что жь это такое съ намъ будетъ!

— Что жь у тебя въ рукахъ-то?

— Да тамга, ваше благородіе, тамга: неученый вѣдь я, сударь, такъ вотъ и прикладываю, гдѣ господа укажутъ.

— Посмотри, пришла ли Кузьмовна? сказалъ я полицейскому.

— Ваше благородіе! обратился ко мнѣ Половниковъ, когда полицейскій вышелъ:—другіе господа бываютъ добрые...

— А что?

— Да вотъ, кабы была ваша милость меня отпустить, такъ я бы, замѣсто себя, тамгу-то свою здѣсь оставилъ.

— А вотъ посмотримъ, какъ Кузьмовна скажетъ.

Въ это время вошла Мавра Кузьмовна. Она не обнаруживала ни въ лицѣ, ни въ фигурѣ своей ни малѣйшаго признака смущенія. Напротивъ того, очень спокойно перекрестилась стариннымъ обычаемъ и поклонилась мнѣ какъ-то сухо и чванно, а на Половникова не обратила даже ни малѣйшаго вниманія, хотя онъ нѣсколько разъ сряду поклонился ей.

— Вотъ ратманъ-то проситъ, чтобъ я отпустилъ его, сказалъ я.

— Что жь, сударь, это ваше ужь дѣло; коли безъ свидѣтелей спрашивать хотите, такъ отчего же и не отпустить, отвѣчала Мавра Кузьмовна: — а кажется, въ законѣ этого не написано, чтобъ безъ свидѣтелей спрашивать.

— Ну, нечего дѣлать; садись, Половниковъ.

— Помилуйте, матушка Мавра Кузьмовна, взмолился Половниковъ: — что жь, значитъ, я передъ господиномъ чиновникомъ могу?... если бы я теперича сказать что-нибудь отъ себя возможность имѣлъ такъ и то, значитъ, меня бы въ шею отселѣ вытолкали, потому какъ мое дѣло молчать, а не говорить... разсудите же вы, матушка, за что жь я, не будучи, можно сказать, вашему дѣлу причиненъ, изъ-за него свою жизнь терять должонъ... вѣдь я все одно, тамгу свою господину чиновнику оставляю.

— Какъ знать-то: можетъ, его благородію и притязаніе заблагоразсудится объявить, сказала Мавра Кузьмовна, насильственно улыбаясь:—а впрочемъ, мы люди подчиненные!

— Да вѣдь я съ тобой просто, по душѣ поговорить желаю, сказалъ я.

— А что жь, сударь, и по душѣ говорить будемъ, все лишній человѣкъ не помѣха... Да и что̀ ему сдѣлается—не сахарный!

— Помилосердуйте, матушка!

Но Мавра Кузьмовна, по какому-то капризу, осталась непреклонною, и только улыбалась на мольбы Половникова, хотя ей очень хорошо было извѣстно, что печать Половникова имѣла здѣсь точно то же значеніе, какъ самъ онъ.

— Такъ-то вотъ, ваше благородіе, ѣдма насъ ѣдятъ эти шельмы! сказалъ Половниковъ, злобно запахивая свой азямъ:—цѣлую зиму, почитай, чиновники изъ городу не выѣзжали, все по ихней милости!... анаѳемы! прибавилъ онъ, огрызаясь въ ту сторону, гдѣ стояла Мавра Кузьмовна:—ну, да ладно же.

V.

— Такъ ты думаешь, что прежде вамъ лучше житье было? просилъ я Мавру Кузьмовну, когда замѣтилъ, что она, по выраженію Маслобойникова, достаточно обручнѣла.

Кузьмовна сидѣла передо мной нѣсколько наклонившись и разказывала тихимъ, но внятнымъ голосомъ, размахивая нерѣдко одною рукой, между тѣмъ какъ другою ко́мкала носовой платокъ.

— Когда же сравнить можно! да ты послушай, сударь, въ моей одной обители что́ дѣвокъ было, и все отъ богатыхъ отцовъ, рѣдконькая такъ-то съ улицы придетъ. Всякая, значитъ, и съ собой, по возможности, принесетъ, да и по времени тоже присылаютъ. Ну, и всѣ эти деньги старшимъ матерямъ шли... такъ какъ же сравнивать-то можно! Теперь мы что̀? вдовы беззащитныя; живемъ гдѣ ночь, гдѣ день; кабы старыхъ крохъ не было, такъ и пропитаться-то бы не знаю чѣмъ. Купцы-то, бывало, съ ярмонки въ скиты пріѣдутъ, такъ ровно разахаются, какъ оно благочинно у насъ тамъ было—ну, тоже всякій по силѣ-возможности и жертву приносилъ; а нынѣче въ нашу сторону не по что̀ и ѣздить; развѣ

другой на «святыя» мѣста поглядѣть полюбопытствуетъ, прослезится да и уѣдетъ... такъ-то сударь.

— И ученыя дѣвки бывали?

— Какъ же, сударь, по церковному-то всѣ ужь умѣли, а были и такія начетчицы, что послушать, бывало, любо; я вотъ и сама смолоду-то куда востра на грамоту была... Господа тоже большіе къ намъ въ скиты посмотрѣть на нашъ обиходъ ѣзживали.

— Ты, чай, грамотѣ-то и теперь знаешь?

— Какъ не знать: могу мало; что жь бы я была за настоятельница, кабы грамотѣ не могла?

— А что, развѣ прежде васъ не тревожили?

— Бывало, сударь, бывало всякое. Да прежніе-то больше на деньги падки были; ну, а какъ деньгами довольны, такъ и тревоги намъ нѣтъ. Былъ у насъ, сударь, исправникъ — молода я еще въ ту пору была — Петромъ Михайлычемъ прозывался, такъ это точно что озорникъ былъ; пріѣдетъ, бывало, въ скитъ-отъ въ карандасѣ, пьяной-распьяной: «ну, говоритъ, мать Лександра (игумень наша была), собирай, говоритъ, дѣвокъ поедренѣе, я, говоритъ, кататься желаю.» Ну, и соберутъ этта дѣвокъ, а онъ ихъ и велитъ запрягчи, кого въ корню, кого на выносъ, да такъ-ту и проклажается по скитамъ. Такъ вотъ, сударь, какъ заслышишь бывало, что Петръ Михайлычъ пріѣхалъ, такъ отъ страху даже вся издрожишься, зароешься гдѣ-нибудь въ сѣно, да и лежишь тамъ, доколѣ онъ не выѣдетъ совсѣмъ изъ скита. Ну, этотъ точно обидчикъ былъ; давай ему и того и сего, даже изъ полей нашихъ четвертую часть отдѣлилъ: то, говоритъ, ваше, а эта часть моя; вы, говоритъ, и посѣйте, и сожните, и обмолотите, и ко мнѣ въ городъ привезите. Или вотъ придетъ въ келью къ матери игуменьѣ, напьется пьянъ да и заставитъ дѣвокъ плясать да пѣсни пѣть... ну, и пляшутъ,—не что станешь дѣлать-то! Однако, даже и этотъ трогать насъ не трогалъ, а только озорство свое соблюдетъ да и уѣдетъ... Ну, а прочіе были, тоже человѣчество понимали: пріѣдутъ, бывало, оберутъ деньги, и не показываются до времени. Одно для насъ, сударь, тяжеленько бывало: больно ужь часто начальниковъ намъ мѣняли, не успѣетъ еще одинъ накорыстоваться довольно, глядишь его ужь и смѣнили — ну, и стараются тоже за одинъ разъ свою выгоду соблюсти.

— Да ты-то какъ въ скиты попала?

— А я, сударь, отъ родителей, въ Москвѣ, еще маленька осталась, ну, братья тоже были, торговлю имѣли; думали-думали, куда со мной дѣваться, и рѣшили въ скиты свезти. Конечно, они тутъ свои разсчеты держали, чтобы меня какъ ни-на-есть отъ наслѣдства оттереть, ну, да по крайности, хоть душѣ моей добро сдѣлали — и на томъ спасибо?

— А живы они и теперь!

— Какъ не жить—живутъ; только одинъ-отъ, на старости лѣтъ, будто отступился, сталъ вино пить, табакъ курить; я, говоритъ, звѣриному образу подражать не желаю, а желаю, говоритъ, съ хорошими господами завсегда кампанію имѣть; а другой тоже прощенья пріѣзжалъ ко мнѣ сюда просить, и часть мою, что мнѣ слѣдовало, выдалъ, да вотъ и племянницу свою подарилъ... я, сударь, не изъ какихъ-нибудь...

— Кому жь тебя въ скитахъ-то отдали?

— Игуменьѣ, сударь, матери Лександрѣ; тоже вѣдь хошь и обидѣли меня братья, а безприданницей пустить не захотѣли, тысячу рублевъ бумажками матушкѣ отдали. Жила я у ней въ послушаньи съ десятаго годка и до самой ихъ кончины: строгая была мать. Довольно сказать, что въ колодки нашу сестру запирала, на цѣпь саживала, и не за что-нибудь, сударь, такое, чтобы ужь очень зазорно было, а просто или поклонъ не по чину сдѣлала, или старшимъ уваженья не отдала. Совсѣмъ другое это время было. Теперича хошь и это сказать: пріѣдутъ, бывало, купцы съ ярмонки: въ другихъ скитахъ посмотришь, самыя старшія матери встрѣчатъ ихъ бѣгутъ да и игуменья-то съ ними, равно онѣ голодныя, а мать Лександра скоро ли еще выдетъ, а и выдетъ такъ именно можно сказать, что игуменья вышла: изъ себя высокая да широкая, голосъ рѣзкой. Ну, купцамъ-то это и любо: этакую, говорятъ, мать и не уважить не возможно, потому какъ она и себя соблюдаетъ строго. И въ обхожденьи тоже сноровку имѣла: съ богатымъ человѣкомъ и поговоритъ ласково и угощенье сдѣлаетъ, съ среднимъ обойдется попроще, а съ бѣднымъ и разговаривать, пожалуй, не станетъ: эти мужики, да мѣщанишки только стоятъ, бывало, да издальки на нее крестятся. Привередлива она тоже была, покойница, особливо подъ конецъ житія: платокъ это или четки, тамъ подлѣ, кажется,

лежатъ, а она сама ни въ свѣтѣ руки за ними не подыметъ, все Маврушка подай; натерпѣлась-таки я съ ней. Бывало, даже молиться начнетъ, такъ и то и нагни ты ее, и подними ты ее, а она только знаетъ ругается. Или вотъ гулять выдетъ: на крылечкѣ маленичко постоитъ, ручки скламши, посмотритъ на насъ какъ мы въ горѣлки бѣгаемъ да и домой. Ни за что̀ въ свѣтѣ даже шагу не сдѣлаетъ. Такъ другія-то матери при ней и языка развязать не смѣли, а только глядятъ, бывало, на нее да усмѣхаются, потому что она тоже любила, чтобъ у ней всѣ некручинно смотрѣли. И прожила она, сударь, такимъ родомъ лѣтъ за сотню, и хоша подъ конецъ жизни очень ужь стара была, даже ноги едва волочила, а строгость свою всю соблюла, такъ что я и въ сорокъто лѣтъ ея словно маленькая страшилась.

— Ишь анаѳема какая! сказалъ Половниковъ, но Мавра Кузьмовна не только на удостоила его отвѣтомъ, но даже и не взглянула на него.

— Кого же послѣ нея игуменьей сдѣлали?

— Дай Богъ ей здоровья, сама меня еще при жизни назначила, а другія матери тоже попротивиться этому не захотѣли: такъ я и оставалась до самаго конца, то-есть до разоренья... только плохое, сударь, было мое настоятельство...

— Да за что̀ же эту Александру такъ любили, коли она была такая строгая?

— А какъ же, сударь, не любить-то? Ну, хошь бы ты, сударь, человѣкъ подначальный — развѣ возможно тебѣ своихъ начальниковъ не любить? Первое дѣло, что у нея вездѣ свой глазъ былъ: стало-быть, тутъ не только разговору, да и мысли ни единой скрыть было невозможно. Были, примѣрно, и между нами такія сестры, которыя обо всемъ ей вѣсть подавали. Шушукали тоже ей въ уши-то: такая-то молъ Дорофея такими-то зазорными словами твою милость обозвала, такая-то Иринарха то̀-то сказала. Ну, а старуха тоже была властная, съ амбиціей, перекоровъ не любила, и хочь, по началу, и не подастъ виду, что ей всякое слово извѣстно, однако, при первой возможности, возмѣститъ безпремѣнно: иная вина и легкая, а у ней идетъ за тяжелую; иной сестрѣ слѣдовало бы, за вину, сто поклоновъ назначить, а она на цѣпь посадитъ, да два дни не ѣмши держитъ... ну, оно не любить-то и невозможно. А второе было дѣло, что мы все

наше пропитанье, можно сказать, черезъ нее получали, потому что ни въ одномъ скиту столько милостыни не бывало, какъ въ нашемъ: и деньгами, и припасомъ — всѣмъ изобильны бывали. А тягости намъ не что̀ было: только одну наружность соблюсти, такъ изъ-за этого много разговаривать не приходилось, потому что и сами-то мы не Богъ знаетъ какіе дворяне. Пища бывала завсегда въ лучшемъ видѣ, труда немного — развѣ на постели поваляться; такъ за зиму-то иныя матери такъ, бывало, отъѣдятся, что даже смотрѣть зазорно.

— Да купцамъ-то почему эта Александра такъ по нраву пришлась, что они ей больше другихъ милостыню подавали?

— А какъ же, ваше благородіе, вступился Половниковъ:—кто же, какъ не мать Александра, ихнія блудныя дѣла обдѣлывала! Дѣвка тамъ у нихъ согрѣшитъ — куда дѣвать? въ скитъ къ Александрѣ подъ началъ отдать; жену мужъ взненавидитъ—тоже въ скиты везетъ; даже такіе бывали случаи, что купцы и большихъ сыновей, подъ видомъ убогонькихъ, къ этой Александрѣ важивали. Это, ваше благородіе, такая ужь у нихъ матерія была, чтобъ погубленіемъ душъ человѣческихъ заниматься... Вотъ и то опять: увидятъ, который изъ нашего брата совѣстью шатается — ну, и привлекаетъ...

— Ужь и тебя не привлекали ли? спросила его Мавра Кузьмовна, оглядывая его съ головы до ногъ.

— А то не привлекали небось?.. Въ ту пору, годовъ этакъ съ десятокъ будетъ, былъ я, ваше благородіе, помоложе, къ хмѣльному тоже приверженность большую имѣлъ, потому какъ жена кажный годъ все таскаетъ да таскаетъ... ну, стало-быть, не въ моготу пришлось, а христіянства въ насъ мало, и сталъ я съ печали въ винѣ забываться... Такъ тоже приходила изъ ихняго скита одна гадина: «подь молъ, Филатъ Ѳинагеичъ, къ намъ въ вѣру, пшеничный хлѣбъ будешь ѣсть.» Какъ только Богъ тогда спасъ! Да и ты вѣдь сплетница извѣстная! прибавилъ онъ, обращаясь къ Маврѣ Кузьмовнѣ: — изъ-за твоихъ изъ-за сплетенъ сиди тутъ, слушай твои розказни!

— Неужто и вправду къ вамъ въ скиты дѣвокъ въ неволю отдавали?

— Какая, сударь, неволя! онъ, сударь, чай и теперь еще съ похмѣлья не проспался.

— Да, съ похмѣлья! а Варсонофью-то небось позабыла? кажется, на послѣднихъ временахъ это было, при твоемъ честномъ игуменствѣ... позабыть-то бы еще рановато!

Сказавши это, Половниковъ даже повернулся на мѣстѣ: до такой степени кипѣла въ немъ досада на Кузьмовну за то, что она не отпустила его.

— Вы ея, ваше благородіе, не слушайте, обратился онъ ко мнѣ: — она все вретъ... А ты разкажи-ка про Варсонофью-то, какъ ты ее ублажала!

Я сталъ прислушиваться, потому что здѣсь именно выступалъ на сцену главный предметъ моихъ поисковъ. Я боялся даже взглянуть на Кузьмовну, потому что взглядъ мой могъ выразить невольное любопытство и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить ее сдѣлаться осторожнѣе.

— А чтожь Варсонофія? сказала Мавра Кузьмовна совершенно спокойно: — какъ пришла къ намъ, такъ отъ насъ и ушла Варсонофія...

— Нѣтъ, ты разкажи-ка барину, какъ она пришла-то къ вамъ, то-есть, къ тебѣ въ обитель; вотъ ты что разкажи.

— Чтожь, пришла! извѣстно, пришла какъ приходятъ: родитель привезъ, своей охотой привезъ... да ты что больно вступаешься? тутъ, чай, господинъ чиновникъ разговариваетъ, а не ты съ суконнымъ своимъ съ рыломъ...

— Ну, а какъ, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ привезъ къ вамъ отецъ Варсонофію? спросилъ я, стараясь сколько возможно смягчить голосъ.

Мавра Кузьмовна посмотрѣла на меня какъ-то сомнительно, однакожь, видя, что передо мною нѣтъ чернильнаго припаса, и что самъ я сижу совершенно невинно, успокоилась.

— А что, баринъ, коли по истинной правдѣ сказать, начала она: — такъ это точно, что она не своей охотой у насъ жила Лѣтъ съ пятокъ назадъ — была ужь я въ ту пору игуменьей — пріѣзжаетъ къ намъ по осени знакомый купецъ изъ Москвы. Время было самое ненастное, глухое, а пріѣзжаетъ онъ ночью и требуетъ меня настоятельно. Стало-быть, думаю, ужь больно велика нужда, коли въ такую пору себя безпокоитъ Михайло Трофимычъ. И точно; вышла я это къ нему, а онъ не далъ мнѣ даже поздороваться, прямо въ ноги. «Али что у васъ, Михайло Трофи-

мычъ, случилось?» говорю. А онъ стоитъ это передо мной блѣдный, ровно самъ не свой: «Помоги, говоритъ, мать Магдалина, (въ «чинѣ»-то я Магдалиной прозывалась); съ еретикомъ, говоритъ, Варька-то моя связалась, съ приказнымъ.» — Чтожь, говорю, развѣ ужь больно худо дѣло? «Да такъ-то, говоритъ, худо, что черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, разрѣшенью быть надо; ты, говоритъ, подумай, матушка, одно только дѣтище и было, да и то въ крапиву пошло!» А самъ, знаешь, говоритъ это, да такъ-то, сердечный, льется-разливается. «Про кого, говоритъ, я деньги-то копилъ!...» Ну, это точно, что мы тогда съ нимъ условіе сдѣлали, чтобы она у меня подъ началомъ выпросталась... Такъ вѣдь на это онъ, сударь, и родитель, чтобы своимъ дѣтищемъ располагаться какъ ему угодно: въ чемъ же я могу ему тутъ препятствіе сдѣлать?

— Такъ онъ навсегда ее въ скиты отдалъ?

— На житье, сударь, на житье... точно, что старикъ онъ суровый, непреклонный; я, говоритъ, теперича, и на глазахъ-то ее держать не хочу, и если, говоритъ, пропадетъ она, такъ жалѣть не объ чемъ...

— И поди, чай, прервалъ Половниковъ:—сдѣлавши такое доброе дѣло, сталъ на молитву, выпустилъ рубаху, опояску ниже пупа спустилъ... и правъ, думаетъ... Ну, а робенка-то куда вы дѣвали? ты говори да досказывай! продолжалъ онъ, обращаясь къ Кузьмовнѣ.

— Чтожь робенокъ? отвѣчала Кузьмовна совершенно равнодушно:—робенокъ мертвенькій родился: тутъ его и схоронили — это точно.

— Да, какъ придушить человѣка, оно точно, что мертвенькій будетъ.

Мавра Кузьмовна позеленѣла; она никакъ не разсчитывала ни на вмѣшательство Половникова, ни на то, что разговоръ приметъ столь непріятный для нея оборотъ.

— Ваше благородіе! сказала она, вставая со стула и вся дрожа отъ злости: — прикажите этому псу молчать!

Но Половниковъ разгорячился, и съ своей стороны всталъ со стула и началъ наступать на нее.

— Нѣтъ, ты зачѣмъ же его благородіе обманываешь? нѣтъ, ты

скажи, какъ ты Варьку-то тиранила, какъ ты въ послушанье-то ее приводила! ты вотъ что разкажи, а не то, какія у васъ тамъ благочинія въ скитахъ были! эти благочинія-то намъ вотъ какъ извѣстны! а какъ ты била-то Варьку, какъ вы, скитницы смиренныя, младенцевъ выдавливаете, какъ въ городѣ распутство заводите, какъ вы съ Александрой-то въ ту пору купеческаго сына помѣшаннымъ сдѣлали — вотъ что ты разкажи!

— Тетонька! пожалуйте-ка сюда! раздался въ это самое время изъ передней голосъ племянницы, съ которою я познакомился еще вчера утромъ.

— Можно, ваше благородіе? спросила Кузьмовна голосомъ, въ которомъ слышалось сильное волненіе.

Я отпустилъ ее, и между тѣмъ поспѣшно отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату, изъ которой вышла другая женщина, высокая, блѣдная, но очень еще красивая. Я поставилъ ее въ уголъ комнаты, такъ чтобы Кузьмовна не могла ее съ перваго раза замѣтить. Въ то же самое время я перенесъ съ окна чернильницу и всѣ нужныя по дѣлу бумаги.

VI.

— Не можно ли мнѣ домой отлучиться, ваше благородіе? сказала Кузьмовна, входя въ комнату.

Она была сильно взволнована и тряслась всѣмъ тѣломъ.

— Развѣ что-нибудь случилось? спросилъ я.

— Да что случиться-то! вотъ дѣвка сказываетъ, что Иванъ Демьянычъ въ дому шаритъ — только чудо, право!... Отпустите, сударь, по крайности, хошь бы посмотрѣла, какъ гнѣздо-то мое разоряютъ.

— Нѣтъ, Кузьмовна, теперь домой не время идти: ты отвѣчать должна.

— Въ чемъ же я отвѣчать буду? Я, сударь, тебѣ напередъ говорю, что ничего не знаю.

— Посмотримъ. Какъ тебя зовутъ?

— А какъ зовутъ — Маврой зовутъ.

Я сдѣлалъ здѣсь обычные вопросы, которыми начинается всякій допросъ.

— Знаешь ли ты Варвару Михайлову Тебенькову, она же скитница Варсонофія?

— Да ты какъ же, сударь, это спрашиваешь: просто что ли, или записать хочешь?

— Ты видишь, что я первый твой отвѣтъ (объ имени и т. д.) записалъ: стало-быть, это не разговоръ, а слѣдствіе.

— Такъ, сударь... Не припомню, сударь, чтой-то я, никакой Варвары Михайловой не припомню...

И она дѣлала видъ, какъ будто старалась припомнить.

— Можетъ быть, Варсонофію припомнишь?

Она снова задумалась.

— Ну, и Варсонофіи никакой не припомню; можетъ-быть и была у насъ Варсонофія, да ужь, право, не знаю, про какую ты спрашиваешь... Была у насъ Варсонофія кривая, была Варсонофія горбуша, а Тебеньковой Варсонофіи что-то и не бывало.

— А Тебенькова Михаила Трофимыча, московскаго купца, знаешь?

— Н... не знаю... какой же это такой Трофимъ Тебеньковъ? что-то и не слыхала я про такого...

— Не Трофимъ, а Михайло Трофимовъ Тебеньковъ... знаешь ты его, или нѣтъ?

— Нѣтъ, сударь, не знаю я Тебенькова...

— А грамотѣ умѣешь?

— Какая, сударь, у насъ грамота? печать церковную читать коё-какъ еще могу... да и то нонѣ глазами ослабла. Намеднись вотъ Петръ Васильевичъ канунчикъ прочитать просилъ, такъ и то, сударь, не могла: даже Дарья Семеновна, хозяйка ихняя, удивилась—вотъ, сударь, какова наша грамота... Это хошь у кого хотите спросите.

— А писать не умѣешь?

— Не умѣю, сударь, не стану лгать: не умѣю; даже молода была, никогда писать не могла.

— Слушай.

По молитвѣ.

«Ангельскаго житія подражательницѣ, горняго Іерусалима рев-
«нительницѣ, добродѣтелей небесныхъ поборницѣ, дѣвственныя
«чистоты охранительницѣ, матушкѣ и. Магдалинѣ, азъ, грѣшный
«рабъ вашъ Михаилъ земно кланяюсь, здравія и всякаго благопо-
«лучія желаю; какъ вы, тамъ, матушка, въ своей честной обите-
«ли, благополучно ли проживаете?.. А что̀ вы, матушка, на счетъ
«Варвары пишете, такъ вы на ея злонравное прекословіе не
«глядите, а стригите ее какъ вамъ пожелается. Я свои капиталы
«распорядилъ; богатство наше, матушка, тлѣнное, надо тоже
«и о душѣ подумать, чтобъ было съ чѣмъ предъ Создателя
«предстать. Нынѣче же мы большое для христіянства дѣло за-
«тѣваемъ, однако дока̀ ничего объ немъ не пишу, потому что и
«извѣстнаго ничего еще нѣтъ. Такъ вы бы на нее, матушка, не
«смотрѣли, а внушали бы ей, что на родителей надѣяться не-
«чего, потому какъ сама себя соблюсти не умѣла, стало-быть и
«надѣяться не на кого. И еще вы пишете, что и за косу ее при-
«вязывали и другими средствіями началили, и все якобы проку
«отъ этого нѣтъ... Такъ вы бы ее еще, матушка, маленько,
«яко мать, повымучили, а буде, какова пора ни мѣра, и за тѣмъ
«противничать станетъ, въ холоднемъ бы чуланѣ заперли, до-
«колѣ не восчувствуется, или и иную мѣру одумали. А мнѣ съ
«Варварой дѣваться некуда, по той причинѣ, что я и въ сердцѣ
«своемъ положилъ остальное время живота своего посвятить бо-
«гоугоднымъ дѣламъ. Даже и объ томъ помышляю, чтобы, на ста-
«рости лѣтъ, совсѣмъ отъ мірскія прелести удалиться, и сказы-
«вали мнѣ, будто для того въ закамской сторонѣ и мѣста удоб-
«ныя обрѣтаются, и живутъ въ нихъ старцы великіе постники и
«подражатели; такъ вы бы, матушка, отъ странниковъ, въ ваши
«мѣста приходящихъ, объ томъ узнавали, гдѣ тѣхъ великихъ
«старцевъ сыскать, и мнѣ бы потомъ отписали. А у насъ на
«Москвѣ горше прежняго; старецъ нѣкій изъ далекихъ странъ
«сюда приходилъ и сказывалъ, видѣли въ египетской странѣ
«звѣзду необычную: красна яко кровь и хвостъ великъ. И тамош-
«ній египетскій салтанъ съ звѣздочеты зѣло таковому чуду див-
«ляхуся... Ужь и подлинно, матушка, не быть ли въ скорости

«второму пришествію! о, увы, намъ, беззаконнымъ! Матушкамъ: «Манефѣ, Евфаліи, Уалентинѣ нижайше кланяюсь: напрасно вы, «матушки, себя безпокоите гостинцы намъ высылать; помоли- «тесь за насъ грѣшныхъ, а мы вамъ, завсегда, по силѣ-помо- «щи, всѣмъ служить рады.

«Рабъ вашъ смиренный
Михаилъ Тебеньковъ.»

— Къ тебѣ это писано?

— Какое же это письмо! Чтой-то будто я ни отъ кого такихъ писемъ не получивала?

— Да ты говори прямо: къ тебѣ или не къ тебѣ это письмо писано?

— А кто жь его, сударь, знаетъ: вѣдь писать никому не запрещается—можетъ кому и вздумалось написать, только я ничего этого не получивала, и объ чемъ тамъ сказано, не знаю...

— Такъ и записать прикажешь?

— Такъ, батюшка, и запиши. Это точно, что не знаю, не стану на себя лгать. Да и обычая у насъ такого не бывало, чтобъ переписываться: мы, батюшка, старухи старыя, слѣпенькія, намъ впору божественныя книжки читать, а не то, чтобъ переписываться.

— Ну, слушай-же еще.

По молитвѣ.

«Доброжелателю нашему, добродѣтелями яко смарагдъ изукра- «шенному, батюшка Михайло Трофимычъ, азъ смиренная и. «Магдалина со всѣми нашими матушками нижайше кланяюсь, «спаси васъ Богъ, а паче всего пріумножь нетлѣнныя богатства «души вашей... А что вы намъ про дѣвицу Варвару пишете, «такъ объ ней много безпокоиться не извольте: ужь она не Вар- «вара а и. Варсонофія, смирилась и стричь себя допустила. Мно- «го было у насъ съ ней въ этомъ разговору: все прежняя пре- «лестная жизнь смущала, да я, положившись на ваше родитель- «ское благословленіе, стала ее усиленно къ богоугодному дѣлу «нудить, а еслибы не то, такъ и въ жизнь бы, кажется, не доз- «волила: такого твердаго нраву дѣвица. На счетъ того дѣла,

«про которое вы секретно пишете, и у насъ прошли было слухи,
«и мы очень этому возрадовались, а сестры-старухи даже про-
«слезились всѣ, что древнее благочестіе не токмо не изведется,
«но паче солнца возсіять должно. Спаси васъ Господи за ваши тру-
«ды, почтеннѣйшій мужъ Михайло Трофимычъ; мы, что̀ можемъ,
«съ своѐй стороны на общую пользу готовы, только сами знаете,
«старухи сироты что̀ въ такомъ великомъ дѣлѣ могутъ, кромѣ
«молитвъ? А когда вы, батюшка, одумаете отъ прелести мірско̀й
«уклониться, такъ прежде не худо бы вамъ въ нашемъ скиту
«погостить, около дочки вашей; наши старушки за вами походи-
«ли бы и вашу старость бы упокоили. Всѣ онѣ, нижайше вамъ,
«нашему благодѣтелю, кланяются, и всѣ, благодаря Бога, бла-
«гополучны, только престарѣлая мать Палинарія недѣлю тому
«назадъ преставилась, такъ многія старушки сильно объ ней рас-
«тужились. Посылаемъ вамъ, батюшка, нашей работы ложе-
«чекъ: примите, и насъ, сирыхъ скитницъ, не оставьте. До-
«брожелательница ваша

«и. Магдалина.»

— Ты писала это письмо?

— Нѣтъ, батюшка, какое такое письмо, я и не знаю... вѣрно, какой-нибудь ворогъ на меня эту напраслину взводитъ, а я, сударь, вотъ что̀ тебѣ скажу, что я и писать-то не учена... да ужь нельзя ли, ваше благородіе, до завтрева спросы-то покинуть: больно мнѣ что-то не можется, а завтра, можетъ, и припомню что̀.

— Такъ ты рѣшительно утверждаешь, что никакой Варсонофіи или Варвары Тебеньковой не знаешь?

— Не знаю, батюшка, не знаю.

— Вспомни, однакожь, что не далѣе, какъ за полчаса передъ этимъ, ты сама подробно разказала всю исторію своихъ отношеній къ Тебенькову и созналась, что Варвара точно жила у тебя въ обители.

— Не знаю, сударь, можетъ, съ испугу и точно я что̀ солгала, а теперь даже просто что̀ и говорила-то, позабыла... вотъ я тебѣ, какъ, сударь, скажу...

— Господинъ ратманъ, вы можете засвидѣтельствовать, что Кузьмовна созналась въ томъ, что она знаетъ Тебенькову?

— Да помилуй, сударь, развѣ ты судомъ меня спрашивалъ? вѣдь тотъ разговоръ у насъ по душѣ былъ.

— Здравствуйте, матушка Мавра Кузьмовна, сказала въ это самое время Варвара Тебенькова, подошедшая, по знаку моему, къ допрашиваемой.

Еслибы въ эту минуту слетѣлъ огонь съ неба, то и онъ не поразилъ бы Мавры Кузьмовны въ такой степени, какъ слабый и тихій голосъ Тебеньковой. Кузьмовна растерялась и какъ будто со всѣмъ ослабла; первымъ ея движеніемъ было перекреститься, вторымъ—опуститься на стоявшій вблизи стулъ. Казалось, впечатлѣніе было полное, подавляющее; Кузьмовна задыхалась, стонала и безпрестанно крестилась. Я ожидалъ, что вотъ-вотъ вырвется у нея признаніе. Однако, минуты черезъ двѣ, она немного успокоилась, встала и не только не созналась, но продолжала запираться еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

— Извините, ваше благородіе, сказала она голосомъ еще не успокоившимся; — очень ужь я испужалась... словно изъ земли незнакомой человѣкъ выросъ... да кто жь ты такая, голубушка, что я словно не припомню тебя? продолжала она, обращаясь къ Тебеньковой.

— Чтой-то, матушка, будто ужь смиренной Варсонофіи не припомните? чай не день и не два съ вами жили.

— Какая же ты, голубушка, Варсонофія? была у насъ горбуша Варсонофія, такъ неужто ты та самая и есть?

— Вишь, какъ пришло ей узломъ, вишь какую чушь городить начала! Память что ли у те отшибло, старая, что Варвару не узнаешь? сказалъ Половниковъ.

— Куда чай узнать? отозвалась Варвара съ горечью:—мы люди тёмные, подначальные, поколь въ глазахъ, дотоль насъ и знаютъ... А вспомните, можетъ, матушка, какъ вы меня въ холоднемъ чуланѣ безъ пищи держивали, за косы таскивали... али вамъ не въ диковину такія-то дѣла, али много за вамъ этого водилось, что и на памяти ничего не удержалось?..

— Повтори свое показаніе, сказалъ я.

VII.

—Осталась я послѣ мамыньки по восьмому годку; родитель нашъ не больно чтобы меня очень любилъ, а такъ даже можно сказать, что съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, окромѣ бранныхъ словъ, ласки отъ нихъ я не видывала. Должно полагать, что на мамыньку они неудовольствіе питали, потому что и меня часто ею попрекали, что будто бы я какъ не ихняя дочь, а какого-то приказнаго. По этой самой причинѣ родитель нашъ меня съ собой и не держалъ, а соблюдалъ больше на кухнѣ съ рабочими людьми. Родитель нашъ человѣкъ суровый, словно какъ даже безъ души совсѣмъ...

— Вотъ какъ нынче объ родителяхъ-то говорятъ, отозвалась Кузьмовна, язвительно улыбаясь.

— Конечно, ихнія добродѣтели вамъ больше извѣстны, матушка, потому какъ ихнее къ вамъ большое пристрастіе было, особливо на счетъ Манефы Ивановны...

— Еще и Манефу Ивановну какую-то приплела... ну, плети, плети свои сплётки, голубушка.

— Въ дѣвочкахъ я точно, что больно шустрà была, ваше благородіе. Извѣстно, безъ призору какъ крапива у забора росла, такъ и наровишь, бывало, озорство какое ни-на-есть сдѣлать. Добру учить было некому, а и начнетъ, бывало, родитель учить, такъ все больше со зломъ: за волосы притаскаетъ, либо такъ прибьетъ, а не то такъ и прищемитъ норовитъ... какъ это еще жива осталась... Вотъ матушка Мавра Кузьмовна сказывала вамъ, будто родитель нашъ плакался, какъ меня въ скиты привезъ, такъ это они напрасно сказали. Родитель нашъ такое сердце въ себѣ имѣютъ, что даже что̀ такое есть слезы не знаютъ... А если и въ сáмъ-дѣлѣ плакали, такъ это потому, что по обычаямъ въ такомъ дѣлѣ слезы слѣдуютъ, а безъ слезъ люди осудятъ. Была у насъ сусѣдка, старуха старая, такъ она только одна и жалѣла меня, даже до господина надзирателя доходила съ жалобой, какъ родитель со мной обходится, только господинъ надзиратель у родителя закусилъ и сказалъ, что начальство въ эти дѣла не входитъ. Такъ старуха-то, бывало, только́ дивится, какъ это я жива состою: вотъ какое мое житье было...

Тебенькова закручинилась, и утирала концомъ платка, которымъ повязана была ея голова, катившіяся изъ глазъ слезы; Кузьмовна, напротивъ, стояла совершенно безстрастно, сложивши руки и изрѣдка улыбаясь.

— Конечно, сударь, можетъ мамынька и провинилась передъ родителемъ, продолжала Тебенькова, всхлипывая; — такъ я въ этомъ виновною не состою, и коли имъ было такъ тошно на меня смотрѣть, такъ почему жь они меня къ дяденькѣ Павлу Иванычу не отдали, а безпремѣнно захотѣли въ своемъ домѣ тиранить? А дяденька сколько разъ ихъ объ этомъ просили, какъ братъ почитая память покойной ихней сестры, однако родитель не согласились ихней просьбы уважить, потому что именно хотѣли они меня своей рукой загубить, да и дяденькѣ Павлу Иванычу прямо такъ и сказали, что молъ я ее изъ своихъ рукъ до смерти доведу...

Половниковъ вздохнулъ.

— Вотъ они каковы всѣ, сказалъ онъ:—по наряду, гдѣ написано плакать, во всякое время плакать готовы, а христіянскую душу загубить ничего не значитъ.

— Что̀ дѣлать! каковы уродились, таковы и есть, не посѣтуй, родимый! замѣтила иронически Кузьмовна:—у тебя бы поучиться, да ты вишь только ложечки ковырять умѣешь, а Нѣмца наймовать силы нѣтутка.

— Жила я такимъ родомъ до шестьнадцати годковъ. Родитель нашъ и прежде кажный годъ съ ярмонки въ скиты ѣзживалъ, такъ у него завсегда съ матерями дружба велась. Только по одинъ годъ пріѣзжаетъ онъ изъ скитовъ ужь не одинъ, а съ Манефой Ивановной—она будто замѣсто экономки къ намъ въ домъ взята была. Какая она ужь экономка была, этого я доложить вашему благородію не умѣю...

— Будто ужь и не умѣешь? прервала Кузьмовна.

— А ты почему знаешь, что умѣетъ? спросилъ я.

— Да вѣдь и по виду, сударь, различить можно, что дѣвка гулящая, сказала она.

— Только стало мнѣ жить при ней по-легче. Начала она меня въ скиты сговаривать; ну, я по началу-то было въ охотку соглашалась, да потомъ и другіе тоже тутъ люди нашлись: «полно, говорятъ, дура, тебя хотятъ отъ наслѣдства оттереть, а ты и ротъ

разинула». Ну, я и уперлась. Родитель было прогнѣвался, сталъ обзывать непристойно, убить посулилъ, однако Манефа Ивановна ихъ усовѣстили. А онѣ у себя въ головѣ то же свой разсчетъ держали. Ходилъ въ это время, мимо нашего дому...

Тебенькова потупилась и покраснѣла. Нѣсколько секундъ стояла она такимъ образомъ, не говоря ни слова, но потомъ оправилась, и продолжала свой разказъ тѣмъ мягко-застѣнчивымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы молодой и неиспорченной еще души.

— Ходилъ въ это время мимо нашего дому молодой баринъ. Жили мы въ ту пору на Никольской, въ проулкѣ, ну, и ходилъ онъ мимо насъ въ свое присутствіе кажной день... Да это нужно ли, ваше благородіе?

— Ничего, продолжай.

— Только больно ужь полюбился мнѣ этотъ баринъ. Дѣвчонка я была молодая, не балованная, а онъ изъ себя казалъ такой смирный да тихонькій. Идетъ, бывало, мимо самыхъ окошекъ, а самъ въ землю глядитъ, даже на окошко-то глаза поднять не смѣетъ. Одѣтъ, бывало, чистенько, изъ лица блѣдный, глазки бо́льшенкіе, и все пѣсенку про себя мурлычитъ. По началу хаживалъ онъ только утромъ, въ присутствіе и назадъ, а потомъ началъ и вечеромъ учащать. И столько я любила смотрѣть, какъ онъ, бывало, идетъ по улицѣ, что даже издалеки завидишь, такъ словно въ грудѣ у тебя похолодѣетъ.

Тебенькова задумалась, нѣсколько минутъ крѣпилась и потомъ вдругъ горько и сосредоточенно зарыдала.

— Ничего, матушка, Богъ дастъ, соединитесь съ своимъ предметомъ, замѣтилъ, въ видѣ утѣшенія, Половниковъ.

— Только разъ, сижу я это вечеромъ подъ окошкомъ, и вижу, что идетъ мой баринъ милый. Поравнялся онъ съ моимъ окошечкомъ да и сталъ туточка; говорить ничего не говоритъ, а словно замѣшался... А я тожа сижу будто въ пяльцахъ работаю, а сама даже ничего не вижу, только дрожу вся. Вотъ онъ постоялъ-постоялъ и пошелъ, однако, своею дорогой, не сказавши слова. А мнѣ и не вдомёкъ, что въ этой же горницѣ Манефа Ивановна сидѣли, и все за нами выслѣживали; только тогда и догадалась, какъ онѣ заговорили со мной. — «А что, говоритъ, Варвара Михайловна, или вамъ господинъ приказный по ндраву пришелъ?»

Только я испужалась, даже дыханье у меня захватило. —«Нѣтъ, говорю, никакого приказнаго я не знаю» — «Ну, полноте же, моя голубушка, отъ меня скрываться вамъ нечего; я, говоритъ, давно за вами примѣчаю, и хотя въ иночествѣ нахожусь, однако слабость человѣческую понимать могу; такъ вы, говоритъ, лучше во всемъ мнѣ откройтесь—можетъ, заодно какъ-нибудь и устроимся.» Ну, я тоже на это ей и говорю: «коли вы ужь такъ, говорю, Манефа Ивановна, такъ я передъ вами скрыться не могу: давно ужь я въ Митрія Филипыча очень влюблена. Ну; и точно-съ, на другой это день, родителя нашего дома не было, идетъ Митрій Филипычъ мимо, а Манефа Ивановна въ окошко глядитъ. «Позвольте, говоритъ,—васъ просить, господинъ приказный, не угодно ли побесѣдовать.» Онъ и вошелъ; натурально угощенье тутъ подали. «Вѣрно, говоритъ Манефа-то Ивановна,—вамъ наши горницы полюбились, что очень часто мимо насъ ходите.» Ну, онъ точно сознался, что влюбленъ. «А коли такъ, опять говоритъ Манефа Ивановна,—такъ я вамъ препятствія дѣлать не могу.» И оставила насъ вдвоемъ. Только что̀ у насъ тутъ съ нимъ было, доподлинно сказать вашему благородію не могу, потому какъ я даже разсудка своего ровно какъ лишилась. Больно ужь онъ меня любилъ; сталъ это меня обнимать да цѣловать: «Варенька, говоритъ,—жизнь вы моя, очень я по васъ сокрушаюсь.» А самъ это, знаете, все ласкается да цѣлуетъ. Однако я по началу виду не подавала: «мущины, говорю,—всѣ обманщики, и вы тоже обманете.» Ну, и все такое...

— Да хошь бы ты покороче что ли разказывала, прервала Мавра Кузьмовна, съ худо скрытою досадой.

— Прикажете что ли? спросила меня Тебенькова.

— Разумѣется, продолжай.

— Такимъ родомъ пробыли мы съ полгода мѣста, и хоша и былъ у насъ разговоръ, чтобы наше дѣло законнымъ порядкомъ покончить, однако Манефа Ивановна отговорила родителя этимъ безпокоить, а присовѣтовала до времени обождать. Только въ полгода времени можно много и хорошаго и худаго дѣла сдѣлать; стало-быть, выходитъ, что я не сильна была свою женскую слабость произойти и...

Тебенькова опять вспыхнула и потупилась.

— Что жь, чай тоже забеременила, скитница! замѣтила Кузьмовна:—такое хорошее дѣло и не въ мѣсяцъ сдѣлать можно!

— Ваше благородіе! прикажите мнѣ одной говорить, сказала Тебенькова.

— Замолчи, Кузьмовна, твоя рѣчь впереди.

— Вотъ какъ этакое-то дѣло со мной сдѣлалось, и стали мы приступать къ Манефѣ Ивановнѣ, чтобы передъ родителемъ открыться. «А что, говоритъ,—развѣ ужь къ концу дѣло пришло?» И замѣсто того, чтобъ передъ родителемъ меня заступить и осторожненько ему разказать, что вотъ господинъ хорошій и попоправить свой грѣхъ желаетъ, она все, сударь, противъ стыда и совѣсти сдѣлала. Сама меня, можно сказать, въ грѣхъ ввела, да и сама же съ руками родителю и выдала. Сталъ онъ допрашивать меня что̀ и какъ, и столько я, сударь, въ то время побоевъ и ругательства приняла, что, кажется, не помни я завсегда, что христіянская во мнѣ душа есть, такъ именно смертію умереть слѣдовало. Порѣшили они на томъ, чтобъ въ скиты меня на всю жизнь погребсти. Ну, наше дѣло дѣтское: что надъ нами родители захотятъ сдѣлать, то и сдѣлаютъ, потому какъ мы и словъ противъ этого не имѣемъ. Меня хошь за вину въ скиты сослали, а то вотъ у Мавры Кузьмовны въ обители купеческая дочь Арина Яковлевна жила, такъ та просто молодой мачихѣ не по нраву пришлась, ну, и свезли въ скиты. Вотъ тоже и Филатъ Ѳинагеичъ вашему благородію истинную правду про купеческаго сына разказывалъ, котораго родители малоумнымъ захотѣли сдѣлать: нашей власти тутъ нѣтъ, чего старики захотятъ, то мы и исполнять должны.

— Какую-то тамъ еще Арину Яковлевну приплела—только чудо, право! замѣтила Мавра Кузьмовна, улыбаясь и покачивая головой.

— Видно старые грѣхи гвоздемъ выходятъ, Мавра Кузьмовна; откуда слезъ ни брать, а стало-быть плакать приходится, сказалъ Половниковъ.

— Въ скитахъ чего ужь со мной не дѣлали! вотъ эта самая Мавра Кузьмовна надо мною тѣшилась: и въ холодній-то чуланъ запирала, и голодомъ морила, и на цѣпь саживала. Думаю я такъ, что онѣ съ Манефой Ивановной извести меня захотѣли, чтобъ я, значитъ, померла, и имъ послѣ того родительскій капиталъ весь

получить. Только, видно, Богъ не попустилъ до этого; хошь и больно я отъ ихнихъ побоевъ разхворалась, однако разрѣшилась благополучно младенцемъ...

— Куда жь младенца-то дѣвали?

— А сказывали, что на деревню къ мужичку въ сыновья отдали, да потомъ будто бы померъ, отвѣчала Тебенькова, и потомъ обратившись къ Кузьмовнѣ, какъ будто внезапная мысль озарила ея голову, прибавила: — нѣтъ, ты скажи, куда ты Мишутку-то дѣвала?

Кузьмовна все также улыбалась, а изрѣдка даже пожимала плечами.

— Нѣтъ, ты скажи, однако, приставала къ ней Тебенькова: — вѣдь ты, можетъ, его въ помойную яму выкинула—у васъ въ обители на это мода была...

— Отвѣчай же, Кузьмовна, сказалъ я.

— Да что же я, сударь, скажу, когда ужь я показала разъ, что и ея-то совсѣмъ не знаю... объ какомъ она Мишуткѣ еще спрашиваетъ! право, чудо!

— Ну, слушай-же.

«18** года марта... дня, нижеименованныя лица, бывъ спро-«шены, по расколу и прикосновенности, безъ присяги, показали:

«1) Михайломъ зовутъ меня, сыномъ Трофимовымъ, по про-«званію Тебеньковъ, отъ роду имѣю лѣтъ, должно полагать шесть-«десятъ, а доподлинно сказать не умѣю; вѣры настоящей, самой «истинной, «старой»; у исповѣди и св. причастія былъ лѣтъ во-«семь тому назадъ, а въ какомъ селѣ и у какого священника не «упомню, потому какъ пріѣхали мы въ то село ночью, и ночью же «изъ него выѣхали; помню только, что село большое, и указалъ «намъ туда дорогу какой-то мужичекъ деревенскій; онъ же и про «священника сказывалъ. Подъ судомъ бывалъ ли не знаю, а по «слѣдствіямъ тоже волочили, безъ этого не бываетъ; объ штра-«фахъ тоже сказать не умѣю; развѣ что въ консисторію гоняли, «такъ это точно бывало. Дочь моя Варвара точно ушла отъ меня «въ скиты своею охотой, и съ моего благословенія, и жила тамъ «въ обители у игуменьи Магдалины, которая нынѣ мѣщанкой въ «городѣ С** приписана и зовется Маврой Кузьмовной. Чтобы она «напредь того была беременна, того я не знаю, и гдѣ она теперь «находится также не умѣю сказать, потому что съ тѣхъ поръ,

«какъ скиты разогнали, никакихъ извѣстій оттуда не имѣю. Ма-«нефа Ивановна, старушка, точно у меня, живетъ, однако не въ «любовницахъ, а въ домоправительницахъ. Что показалъ по сущей «справедливости, и пр.»

«2) Манефа Ивановна Загуменникова, отъ роду имѣю тридцать «лѣтъ; состою по расколу и жила въ скитахъ, въ обители у игу-«меньи Магдалины, гдѣ пострижена въ иноческій образъ подъ «именемъ Маремьяны. Варвара Тебенькова, дочь моего хозяина, «точно ушла отъ родителя своего въ скиты, гдѣ и жила въ той же «самой Магдалининой обители, но про беременность ея ничего «не знаю. Какая причина заставила ее идти въ скиты, сказать не «умѣю, потому какъ хотя я въ то время и жила у Михайла Тро-«фимыча въ ключахъ, однако въ ихнія дѣла не вступалась, и лю-«бовницей у хозяина моего тоже не бывала, и съ чего это взято «мнѣ неизвѣстно. Что показавъ справедливо и пр.»

«3) Лжеинокини Иринарха, Дорофея, Павлина, Аполлинарія и «другія, нынѣ мѣщанки разныхъ городовъ, бывъ спрошены, каж-«дая порознь, показали, что означенная Варвара Тебенькова при-«была въ ихъ скиты, въ Магдалинину обитель, ночью, и въ скоромъ «времени родила мальчика, но куда дѣвала его настоятельница, «того онѣ не знаютъ. Онѣ же сознались, что Магдалина дѣйстви-«тельно вынуждала Тебенькову различными истязаніями остричь-«ся, что послѣдняя, наконецъ, и исполнила, и даже какъ будто «примирилась съ настоятельницей, почему не за долгое время до «разогнанія ихъ изъ скитовъ, была даже послана въ разныя мѣста «за сборомъ милостыни.»

— Изъ всѣхъ этихъ показаній ясно, *вопервыхъ*, что ты напрасно запираешься въ знакомствѣ съ Тебеньковымъ, и въ укрывательствѣ дочери его; *вовторыхъ*, что Варвара Тебенькова дѣйствительно родила въ твоей обители, и сынъ ея неизвѣстно куда пропалъ... Куда дѣвала ты этого сына?

— Что жь, сударь, вся ваша власть: хочь въ желѣзы меня куйте, хочь бейте, хочь въ куски рѣжьте,—я вся тутъ, отвѣчала Кузьмовна по прежнему съ безстрастіемъ, въ которомъ даже проглядывало еще болѣе рѣшимости.

— Приходится прочитать тебѣ и еще документецъ.

По молитвѣ.

«Почтеннѣйшему благодѣтелю Михайлѣ Трофимычу азъ грѣш-«ная и. Магдалина земно кланяюсь. Дочка ваша на вчерашнюю «ночь распросталась благополучно сынкомъ, и я на счетъ его по-«ступила по вашему желанію, а Варварѣ Михайловнѣ матушки «сказали, что отдали его въ деревню въ сыны къ мужичку, и она «очень довольно объ этомъ тужила, что при ней его не оставили. «Послѣ можно будетъ сказать, что онъ и померъ, и вы бы, нашъ «благодѣтель, были въ томъ безъ сумнѣнія, что это дѣло въ тай-«ности останется, и никто объ томъ, кромѣ матушки Меропеи, «не знаетъ...»

— Позвать сюда Меропею, сказалъ я полицейскому, и потомъ, обращаясь къ Кузьмовнѣ прибавилъ: — ну, что жь ты на это скажешь?

— А что̀ сказать? что̀ прежде говорила, то и теперь скажу: не знаю я ничего; хочь что хотите со мной дѣлайте, а чего не знаю, такъ не знаю.

— Ишь, скаредъ какой! замѣтилъ Половниковъ, терявшій терпѣніе:—такъ тебя и послушаютъ, незнайка!

— Такъ видно и взаправду Мишушку-то въ яму свалили! сказала Тебенькова, всхлипывая и потомъ, обращаясь къ Кузьмовнѣ, прибавила:—чортъ ты этакой, чо-ортъ!

— Продолжай свое показаніе, сказалъ я.

— Да чего больше сказывать-то! жила я, сударь, въ этой обители еще года съ два, ну, конечно, и попріобыкла малость, да и вижу, что супротивничествомъ ничего не возьмешь—покорилась тоже. Стали меня «стричься» нудить—ну, и остриглась, изъ Варвары Варсонофіей сдѣлалась: не что станешь дѣлать. Въ послѣднее время даже милостыню сбирать довѣрили, только не въ Москву пустили, а къ сибирскимъ сторонамъ...

— Какъ же тебя такую молоденькую отпустили?

— Да по ихнему, сударь, что моложе, то лучше: купцы больше денегъ даютъ. Ужь, конечно, тутъ больше грѣхъ одинъ, да по скитскому правилу, то и хорошо, что грѣхъ, потому что «не согрѣшивши возмечтаешь, не согрѣшивши не покаешься, а не покаявшись не спасешься». Вотъ я и ходила такимъ родомъ мѣся-

цевъ съ семь, покуда до Камы не дошла; тамъ, сударь, городъ есть такой, въ которомъ радѣтелей нашихъ великое множество проживаетъ. Стала я оттуда писать въ скиты, что пачпорту срокъ вышелъ, а тутъ, замѣсто пачпорта-то, вѣсть пришла, что и скиты всѣ разогнали...

— Ваше высокоблагородіе! извольте сюда пожаловать! кликнулъ показавшійся въ дверяхъ полицейскій.

Я вышелъ.

— Въ ихнемъ домѣ господинъ исправникъ съ понятыми — архіерея изловили, сейчасъ сюда будутъ-съ!

— А Меропея?

— Мерошка въ безчувствіи-съ.

VIII.

Въ эту самую минуту на улицѣ послышался шумъ. Я поспѣшилъ въ слѣдственную комнату и подошелъ къ окну. Передъ станціоннымъ домомъ медленно подвигалась процессія съ зажженными фонарями (было уже около 10 часовъ); цѣлая толпа народа сопровождала ее. Тутъ слышались и вопли старухъ, и просто вздохи, и даже ругательства; идрѣдка только раздавался въ воздухѣ сиплый и нахальный смѣхъ, отъ котораго подиралъ по кожѣ морозъ. Впереди всѣхъ приплясывая шелъ Михеичъ и горланилъ пѣсню.

— Господи! что̀ такое съ нами будетъ? бормотала ветхая старушонка, ковыляя мимо окна и размахивая руками.

— А то, матушка, будетъ, что, видно, умирать наше время пришло! отвѣчалъ какой-то старикъ, стоявшій у воротъ, и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, прибавилъ:—ишь ты, Господи!

— Прочь съ дороги! кричалъ Михеичъ, который, повидимому, распоряжался всей процессіей:—эй, вы! стойте тутъ, на дворѣ, покедова я его высокоблагородію доложу.

— Соколовъ привели, ваше высокоблагородіе! сказалъ онъ, входя въ мою комнату: — такихъ соколовъ, что самъ Иванъ

Демьянычъ, можно сказать, угорѣлъ. А! Маремьяна старица, обо всемъ мірѣ печальница! продолжалъ онъ обращаясь къ Маврѣ Кузьмовнѣ:—каково, сударушка, поживаешь? ну, мы, нече сказать, благодаря Богу живемъ, хлѣбъ жуемъ, а потроха-то твои тоже повычистили! да и сокола твоего въ золотую клѣтку посадили... фю!

Я взглянулъ на Мавру Кузьмовну; она была совершенно уничтожена; лицо помертвѣло, и все тѣло тряслось будто въ лихорадкѣ; но за всѣмъ тѣмъ ни малѣйшаго стона не вырвалось изъ груди ея; видно было только, что она физически ослабла, вслѣдствіе чего, не будучи въ состояніи стоять, опустилась на стулъ и, подпершись обѣими руками, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на дверь, ожидая чего-то. Привѣтствіе Михеича не коснулось слуха ея. Очевидно, ей было не до него и его циническихъ выходокъ, что всѣ ея мысли, всѣ чувства были сосредоточены на этой драмѣ, которой послѣдній актъ такъ неожиданно разрѣшился безъ всякаго участія съ ея стороны.

— А именно, ваше высокоблагородіе, понялъ я теперь, что мнѣ въ полицейской службѣ настоящее мѣсто состоитъ! продолжалъ между тѣмъ Михеичъ:—именно, въ самой, можно сказать, тонкой чистотѣ всю штуку обработали... Ваше высокоблагородіе! не соблаговолите ли, въ счетъ будущей награды и для поощренія къ будущимъ таковымъ же подвигамъ, по крайности, стаканъ водки поднести? Сего числа, имѣя въ виду принятіе священническаго сана, даже ни единыя росинки чрезъ гортань не пропущалъ.

— Имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе съ крестничкомъ! сказалъ Маслобойниковъ, входя въ комнату:—кончили все благополучно-съ. Даже со всѣми онёрами изловили-съ. И тотъ самый здѣсь, про котораго изволили спрашивать... Прикажете позвать-съ?

Лицо Маслобойникова сіяло; онъ мялъ губами гораздо болѣе прежняго, и въ голосѣ его слышались визгливые перекатистые тоны, непремѣнно являющіеся у человѣка, котораго сердце до того переполнено радостію, что начинаетъ тамъ какъ будто саднить. Мнѣ даже показалось, что онъ, изъ дому Мавры Кузьмовны, сбѣгалъ къ себѣ на квартиру и припомадился по случаю столь

великаго торжества, потому что волосы у него не торчали вихрами какъ обыкновенно, а были тщательно приглажены.

— Стало-быть этотъ купецъ и былъ Тебеньковъ? спросилъ я.

— Такъ и родитель нашъ тутъ же схваченъ... Господи помилуй! вскричала Тебенькова.

— Точно такъ-съ, моя красавица! и ему тоже бонжуръ сказали, а въ скоромъ времени скажемъ: мусьё аллё призо! отвѣчалъ Маслобойниковъ, притопывая ногой и какъ-то подло и масляно подмигивая мнѣ однимъ глазомъ:—а что, Мавра Кузьмовна, напрасно, видно, безпокоиться изволили, что Андрюшка у васъ жить будетъ; этакимъ большимъ людямъ въ нашей глухой сторонѣ, по нашимъ проселкамъ не жительство, передъ ними большая дорога, сибирская: ей, Андрюшка! поди, поди сюда, любезный!

Вошелъ мущина лѣтъ сорока, небольшаго роста съ лицомъ весьма благообразнымъ и украшеннымъ небольшою русою бородкой. Одѣтъ онъ былъ въ длинный сюртукъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ въ великороссійскихъ городахъ мѣщане, занимающіеся прикащичествомъ, и въ особенности по питейной части; волоса обстрижены были въ кружокъ, и, вообще, ни почему нельзя было замѣтить въ немъ ничего обличающаго похищенный имъ санъ.

— Вотъ-съ, имѣемъ честь рекомендовать—крестничекъ! каковъ телецъ упитанный! Ну, сказывай же его высокоблагородію, какъ ты во архіереи попалъ?

Но Андрюшка молчалъ, и безъ малѣйшаго смущенія, ясно смотрѣлъ въ глаза Маслобойникову.

— Ну, чтожь, ты, сударь, не отвѣчаешь? а ты не стыдись! вѣдь тебя, сударь, и заставить можно разговаривать-то!

Андрюшка, по прежнему, молчалъ упорно.

— Вотъ-съ, сколь жестокъ человѣкъ сдѣлаться можетъ! обратился ко мнѣ Маслобойниковъ:—вѣрите ли, ваше высокобародіе, полчаса я его усовѣщивалъ, даже рукъ для него не пожалѣлъ-съ, и однакожь ни одного слова добиться не могъ.

— Ваше благородіе! да ушли ты исправника-то! вѣдь зазорно! вступилась Кузьмовна, вставая со стула и подходя ко мнѣ.

Я самъ начиналъ сознавать, что Маслобойниковъ зашелъ слишкомъ далеко и далъ ему понять, что было бы не лишнее оставить меня одного.

— Здравствуйте, батюшка Андрей Ларивонычъ, сказала Мавра Кузьмовна, когда мы остались одни, кланяясь Ларивонову до земли:—видно, не на радость свидѣлись!

И крупныя слезы полились ручьями изъ глазъ ея.

— Здравствуйте, сударыня Мавра Кузьмовна! отвѣчалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ: — много мы, видно, съ вами пожили; пора и на покой, въ лоно Превѣчнаго Христа Спаса нашего, иже первый подъялъ смерть за человѣки.

— Прости и ты мнѣ, Варвара Михайловна! много я предъ тобой согрѣшила! продолжала Кузьмовна, склоняясь передъ Тебеньковой:—ну, видно, нечего дѣлать, растопило у меня сердце... батюшка, ваше благородіе! все это точная правда, что они тебѣ про скитское-то наше житье сказывали! вели поскорѣй записать!

Съ своей стороны, Тебенькова тоже повалилась въ ноги къ Маврѣ Кузьмовнѣ, и за глухими ея рыданіями нельзя было даже разобрать ея словъ.

— Позовите сюда Тебенькова, сказалъ я, чтобъ кончить поскорѣе эту сцену, которая тяготила меня.

Вошелъ Тебеньковъ. То былъ высокій и съ виду очень почтенный старикъ, съ окладистою бородой и суровымъ выраженіемъ въ лицѣ. При видѣ его, Варвара быстро поднялась и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— А! ну, здравствуй, доченька! давно ли своихъ родителей продавать научилась! сказалъ Тебеньковъ, улыбаясь холодно, но не безъ горечи: — здравствуй и ты, Кузьмовна; пришли, видно наши часы... что жь, ваше благородіе, если спросить желаете, такъ спрашивайте, а на счетъ того, чтобы нашу чувствительность растревожить, такъ это лишнее будетъ—такъ-то-съ...

— Нѣтъ, ты прости ее, батюшка Михайло Трофимычъ, вступилась Мавра Кузьмовна:—она тоже вѣдь невольнымъ дѣломъ...

— Богъ ее проститъ, матушка, а мы прощать не можемъ, потому какъ это Божье дѣло, а не наше...

— Батюшка! вскрикнула Варвара, почти безъ чувствъ падая къ ногамъ его и обнимая ихъ.

Тебеньковъ задумался и посмотрѣлъ на нее; я даже замѣтилъ, что въ его холодныхъ, суровыхъ глазахъ блеснулъ на минуту лучь нѣжности. Но это чувство, освѣтившее внезапно его существо, столь же внезапно уступило мѣсто прежней суровости.

— Нѣтъ, доченька, сказалъ онъ, вздохнувши и махнувъ рукой:—намъ теперича объ эвтомъ разговаривать нечего: живи съ Богомъ, да не поминай насъ лихомъ, потому какъ мы здѣшняго свѣта ужь не жильцы... что жь, ваше благородіе, спрашивать что ли будете, или прямикомъ на казенную фатеру прикажете?

. . . . . .

И тутъ началось у меня слѣдствіе....

Н. Щедринъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. И. ГЛИНКѢ

(Письмо къ Л. И. Шестаковой.)

Не могу еще свыкнуться съ грустною и неизбѣжною мыслію, что вашего брата уже нѣтъ на свѣтѣ... Извѣстіе о его смерти глубоко тронуло всѣхъ, цѣнившихъ великій талантъ и возвышенную душу покойнаго. Утрата его—утрата всей образованной части Россіи. Съ нимъ еще жила ея прежняя поэтическая слава, соединенная съ именами Жуковскаго и Пушкина, которыхъ пѣсни онъ передавалъ въ музыкальныхъ звукахъ, можно сказать, почти въ то самое время, какъ онѣ создавались; пѣсня сироты, въ операѣ: *Жизнь за Царя*, какъ слышалъ я отъ покойнаго, написана Жуковскимъ; сверхъ того опера: *Русланъ и Людмила*, и содержаніемъ и стихами напоминаетъ поэму Пушкина. И кому изъ любителей и знатоковъ музыки не извѣстна арія изъ этой оперы: «О поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями»? Онъ разказывалъ мнѣ также, что музыка на *Ночной Смотръ* (Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ и проч.) была импровизована имъ въ присутствіи обоихъ поэтовъ.

Итакъ, нашего Михаила Ивановича не стало!

Невольно тѣснятся мнѣ въ душу воспоминанія о прошедшемъ и той дружбѣ, которая соединяла меня съ вашимъ братомъ.

Вы желали, чтобы я описалъ вамъ все, что̀ сохранилось у меня въ памяти о немъ, преимущественно во время пребыванія его въ Варшавѣ, котораго подробности, можетъ-быть, никому такъ не извѣстны, какъ мнѣ. Охотно исполняю ваше желаніе и, вмѣстѣ съ этимъ, свой долгъ—сохранить для воспоминанія нѣкоторыя характеристическія черты его личности.

Въ первый разъ увидѣлъ я его, и то на короткое время, когда онъ еще былъ въ полномъ развитіи молодой жизни. Это было въ Москвѣ, въ 1834 году, у извѣстнаго нашего писателя Н. Ф. Павлова, съ которымъ я коротко былъ знакомъ. Михаилъ Ивановичъ только-что возвратился изъ Италіи и уже мечталъ о русской оперѣ. Тогда же онъ сочинилъ музыку на слова Н. Ф. Павлова: «Не называй ее небесной», которыя до сихъ поръ хранятся у меня, переписанныя рукою самого поэта, и напоминаютъ мнѣ свѣтлые года первой юности...

Вскорѣ послѣ того Михаилъ Ивановичъ оставилъ Москву и уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ, и меня судьба забросила въ иной, далекій край...

Находясь уже въ Варшавѣ, осенью 1847 г., я узналъ, что пріѣхалъ *Глинка*, возвращавшійся изъ Испаніи. Случай свелъ меня съ нимъ на вечерѣ у Н. А. Н.

Не забыть мнѣ этого прекраснаго вечера, проведеннаго въ образованномъ и одушевленномъ обществѣ. Михаилъ Ивановичъ въ то время былъ необыкновенно вдохновленъ; многое игралъ и пѣлъ изъ своихъ сочиненій. Тогда же услышалъ я впервые его музыку на слова, переведенныя изъ Мицкевича: «Когда въ часъ веселый откроешь ты губки». Я изустно передалъ ему тѣ же самыя слова въ подлинникѣ, и его чуткое, музыкальное ухо подмѣтило всѣ оттѣнки и всю прелесть гармоническихъ стиховъ геніяльнаго поэта, хотя польскій языкъ тогда еще мало ему былъ извѣстенъ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что прежде не зналъ этихъ словъ въ подлинникѣ, и что ихъ гораздо лучше можно бы было положить на музыку. На этомъ же вечерѣ онъ пѣлъ свое *Прощаніе съ друзьями*, столь извѣстное и драгоцѣнное по воспоминаніямъ для тѣхъ, которые имѣли высокое наслажденіе слышать эту пѣсню отъ самого Михаила Ивановича. Дѣйствительно, какое-то вдохновеніе свыше осѣняло въ это время незабвеннаго пѣвца, и съ окончательными стихами:

«Я пѣснь послѣднюю пою
И струны лиры разрываю...»

вырывались изъ груди его грустные и страшные звуки, отъ которыхъ замирало сердце... Вамъ и другимъ, слышавшимъ это *Прощаніе*, понятно, какъ трудно передать то впечатлѣніе, которое оно производило на слушателей. Въ его исполненіи столько было жизни и задушевнаго чувства! Много разъ слыхалъ я его; много разъ видалъ, какъ дружескій кружокъ, съ грустными ли-

цами, обступалъ милаго пѣвца и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушалъ его, когда онъ начиналъ:

«Прощайте, добрые друзья!»

Не разъ случалось мнѣ также слышать это *Прощаніе* наканунѣ самаго дня его отъѣзда въ далекій путь и съ затаеннымъ вздохомъ подумать: придется ли снова увидѣть и услышать его?..

На вечерѣ у Н. А. Н. я познакомился съ молодымъ пріятелемъ Михаила Ивановича, съ Испанцемъ Донъ-Педро Фернандесомъ, который съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и былъ для него почти тѣмъ, чѣмъ famulus для художниковъ въ среднихъ вѣкахъ. Его серіозная и нѣсколько суровая наружность, съ смуглымъ лицомъ и черными глазами, составляла совершенную противоположность съ вашимъ братомъ, который всегда былъ живаго и пылкаго характера. Несмотря на это, они тогда были очень дружны между собою. Донъ-Педро, самъ довольно-хорошій музыкантъ, не могъ не сочувствовать ему. Онъ разказывалъ мнѣ много занимательнаго о своемъ путешествіи съ Михаиломъ Ивановичемъ по Испаніи, и въ послѣдствіи времени, когда я уже ближе съ нимъ познакомился, въ Варшавѣ, въ 1848 году, представлялъ мнѣ, съ необыкновеннымъ простодушіемъ, романическія и комическія сцены, то въ Андалузіи, то въ Гренадѣ, то въ Севильѣ.

Подъ конецъ вечера Донъ-Педро одушевился, особенно, когда по просьбѣ М. И. взялъ гитару и вмѣстѣ съ нимъ пѣлъ народные испанскіе романсы, подъ его акомпаниментъ на фортепьянѣ. Помню, какъ тогда увлекательно объяснялъ покойный значеніе и смыслъ каждаго испанскаго романса. Вы знаете, что онъ былъ истиннымъ поэтомъ въ душѣ и имѣлъ необыкновенный даръ слова; слѣдовательно поймете, какъ пріятно было его слушать и вмѣстѣ съ нимъ перенестись въ Испанію, о которой онъ тогда вспоминалъ съ восторгомъ художника.

На другой же день мы разстались. Онъ уѣхалъ въ свою смоленскую деревню послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Варшавѣ, гдѣ ему очень понравилось. Онъ обѣщалъ возвратиться туда, и дѣйствительно возвратился весною 1848 года. По пріѣздѣ, онъ былъ боленъ и никуда не выходилъ, и я каждый день раздѣлялъ съ нимъ его уединенную жизнь. Мы вмѣстѣ перечитали тогда лучшихъ поэтовъ. Нельзя было не удивляться его обширному знанію европейской литературы и искусствъ. Онъ очаровывалъ меня своими замѣчаніями о произведеніяхъ испанской поэзіи и живописи. Не говорю ужь о музыкѣ. Самъ

необыкновенный въ ней мастеръ, часто слушая исполненіе лучшихъ произведеній Гайдена, Глюка и др., онъ приходилъ въ самозабвеніе и однажды сказалъ мнѣ: «И я не отрубилъ себѣ эту руку, которая, послѣ такихъ великихъ созданій, осмѣлилась писать ноты!»—Вотъ истинный художникъ!

1848 годъ, проведенный Михаиломъ Ивановичемъ въ Варшавѣ, вообще былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ его жизни. Тогда онъ написалъ свою знаменитую фантазію на тему Камаринской, романсы: *Маргарита, Слышу ли голосъ твой, Кубокъ и Финскій Заливъ*. Сверхъ того уже начерно были написаны *Воспоминанія Кастиліи* (испанское скерцо). Я помню, такъ сказать, рожденіе большей части этихъ произведеній, о чемъ и разкажу вамъ.

Покойный князь Варшавскій, графъ Паскевичъ, изъ особеннаго расположенія къ Михаилу Ивановичу, предоставилъ въ его распоряженіе свой домашній оркестръ и пѣвчихъ. Тогда онъ уже замышлялъ написать Камаринскую; нѣкоторыя ея части набросалъ на бумагу и пробовалъ съ княжескимъ оркестромъ, который, по его желанію, иногда собирался у него дома. Не разъ присутствовалъ я при этихъ пробахъ и былъ свидѣтелемъ черновой работы этого превосходнаго произведенія. Наконецъ пробы были оставлены; М. И. долго не принимался за окончательную отдѣлку и постоянно обдумывалъ свое произведеніе. Въ это время онъ даже вовсе не игралъ на фортепіянѣ.—Однажды утромъ я прихожу къ нему (это было лѣтомъ) и застаю его въ комнатѣ, гдѣ за перегородкою изъ сѣтки летало штукъ пятнадцать птицъ соловьиной породы, которую покойный любилъ. Онъ сидѣлъ за маленькимъ столомъ, посрединѣ комнаты, передъ своими птичками, и что-то писалъ на большомъ листѣ бумаги... Это была *Камаринская*. Она совершенно была готова въ его воображеніи; онъ записывалъ ее, какъ обыкновенный смертный, записывающій какія-нибудь бѣглыя замѣтки, и въ то же время разговаривалъ и шутилъ со мною. Вскорѣ пришли два, три пріятеля, но онъ продолжалъ писать при громкомъ хохотѣ и говорѣ, нисколько этимъ не стѣсняясь;—а между тѣмъ передавалось нотными знаками одно изъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній!

Иногда я ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ замокъ, гдѣ жилъ покойный фельдмаршалъ. Тамъ, въ одной изъ его залъ, собирались оркестръ и пѣвчіе, которые исполняли для М. И. любимыя имъ музыкальныя произведенія. Однажды капельмейстеръ, г. По-

ленсъ, сдѣлалъ для него сюрпризъ. Зная, какъ М. И. любилъ музыку Глюка, онъ разучилъ съ оркестромъ и пѣвчими хоръ Фурій, терзающихъ Ореста, изъ оперы: *Ифигенія въ Тавридѣ*. Живо помню, какъ исполнялся этотъ хоръ въ огромной залѣ стариннаго княжескаго замка. Кромѣ вашего покойнаго брата, капельмейстера, донъ-Педро и меня, никого изъ постороннихъ не было. Оркестръ и пѣвчіе стали исполнять этотъ удивительный хоръ; Михаилъ Ивановичъ слушалъ, и слезы текли у него изъ глазъ...

Разкажу теперь исторію его другихъ произведеній, въ то же время имъ написанныхъ. Я самъ навелъ на нихъ Михаила Ивановича. Однажды мы вмѣстѣ читали Гётева *Фауста*, и остановились на пѣснѣ Маргариты:

«Meine Ruh' ist hin,
Mein Herz ist schwer,» и т. д.

Я намекнулъ ему, какъ прекрасно было бы возсоздать эту пѣсню въ музыкальныхъ звукахъ; даже принесъ ему на другой день русскій переводъ Губера,—и превосходная музыка на него была готова черезъ нѣсколько дней. Въ другой разъ я читалъ ему Лермонтова и подалъ мысль написать музыку на стихи: «Слышу ли голосъ твой»,—и музыка на нихъ, можно сказать, была импровизована. Вотъ какъ это случилось. Мы ѣздили съ Михаиломъ Ивановичемъ за городъ, за четыре версты отъ Варшавы, въ Бѣляны, гдѣ находится монастырь ордена Камальдуловъ. Это было въ маѣ, на другой день послѣ праздника Сошествія Св. Духа и послѣ шумнаго гулянья, которое тамъ ежегодно бываетъ, при стеченіи многочисленной публики. Живописное мѣстоположеніе Бѣлянъ на крутомъ берегу Вислы, роскошная роща, благодатный майскій вечеръ и остатки веселой толпы, оканчивавшей вчерашній праздникъ польскими народными танцами и пѣснями, подъ открытымъ небомъ и при пискливыхъ звукахъ какой-то несчастной скрипки,—все это привело Михаила Ивановича въ самое доброе ивеселое расположеніе духа.

Мы ѣздили въ Бѣляны въ обществѣ нашихъ знакомыхъ, между которыми особенно воодушевляла Михаила Ивановича одна рѣзвая и миловидная Полька...

Когда мы возвратились домой, то онъ сѣлъ за фортепьяно и романсъ: «Слышу ли голосъ твой», былъ готовъ.

Въ 1848 году, какъ извѣстно, западъ Европы волновался; въ самой Варшавѣ, въ которой, впрочемъ, все было совершенно спо-

койно, по ночамъ ходили патрули и на площадяхъ располагались отряды солдатъ. Была уже осень. Одно окно квартиры Михаила Ивановича (въ 3-мъ этажѣ) выходило прямо на площадь, напротивъ зданія банка, и мы вечеромъ всегда видали разложенный огонь бивака. Это, въ своемъ родѣ, была живописная картина. Въ то же время въ Варшавѣ была холера, и по той улицѣ, на которой жилъ М. И. (на Рымарской), и которая лежитъ по пути къ главному варшавскому кладбищу, часто проходили похороны. Хотя это и было для него непріятно, однакожь онъ не скучалъ, постоянно будучи окруженъ веселымъ обществомъ. Сторы въ окнахъ его комнатъ всегда были опущены, и онъ большею частію проводилъ время въ своей спальнѣ, въ задней половинѣ. Иногда онъ садился за фортепьяно и импровизировалъ... Вы знаете, какой великій мастеръ онъ былъ въ этомъ искусствѣ. Иногда случалось, что въ это время проходила погребальная процессія съ длиннымъ рядомъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, которыхъ въ Варшавѣ есть довольно. Ихъ печальный, громкій хоръ часто вдругъ прерывалъ торжественные звуки импровизаціи Михаила Ивановича. Заглушая сильными аккордами это потрясающее душу пѣніе, это гробовое de profundis, онъ поспѣшно уходилъ въ дальнія комнаты...

Въ томъ же году, вы помните, что осенью онъ уѣхалъ изъ Варшавы и, больной, провелъ слѣдующую зиму въ Петербургѣ. Въ 1849 году, весной, я опять увидѣлъ его въ Варшавѣ, совершенно неожиданно. Едва ли причиной его возврата не былъ портретъ одной милой ему особы, который я послалъ ему въ Петербургъ.

1849 годъ, проведенный Михаиломъ Ивановичемъ въ Варшавѣ, также принадлежитъ къ свѣтлымъ годамъ его жизни. Онъ часто проводилъ время въ одномъ изъ загородныхъ садовъ за Вольскою заставой, у О....., въ трехъ верстахъ отъ Варшавы. Тамъ на его долю выпало много ясныхъ дней; тамъ нравилась ему шестнадцатилѣтняя дочь О....., и тамъ же написалъ онъ свои превосходные романсы: *Пью за здравіе Мери*, *Играй Адель* и *Разговоръ* (польскія слова Мицкевича). Они совершенно согласовались съ тогдашнимъ состояніемъ его души, да и вообще каждый его романсъ (а ихъ всѣхъ, кажется, будетъ болѣе 60-ти!), можно сказать, прямо взятъ изъ его жизни, вырванъ изъ самаго сердца.

И *Мери*, и *Адель*, и *Разговоръ* имѣли для него дѣйствительное поэтическое значеніе. *Разговоръ* былъ посвященъ Эмиліи О..... Это первый и единственный романсъ, написанный имъ на

польскія слова. Прежде нежели М. П. положилъ ихъ на музыку, онъ не разъ заставлялъ Эмилію О..... повторять ихъ себѣ, и такимъ образомъ изучалъ смыслъ и гармонію стиховъ геніяльнаго поэта; потомъ уже создалъ музыку, написанную такъ народно, такъ по-польски, что все изданіе этого романса разошлось въ Варшавѣ въ самое короткое время. Въ послѣдствіи, какъ вамъ извѣстно, онъ вышелъ съ русскимъ переводомъ (О милая дѣва, и проч.) въ 1852 году, въ Петербургѣ.

Года 1850 и 1851, проведенные Михаиломъ Ивановичемъ также въ Варшавѣ, уже не были столь счастливы для него, по причинѣ болѣзненныхъ страданій и мрачнаго расположенія духа, которое его почти не оставляло до конца жизни. Въ послѣднее время онъ преимущественно занимался церковною музыкой.

Въ 1851 году Михаилъ Ивановичъ собирался за границу, и вы тогда сами пріѣхали къ нему въ Варшаву для свиданія съ нимъ на короткое время. Помните ли, какъ мы провожали васъ въ обратный путь и остановились надъ Вислой, передъ мостомъ? Братъ вашъ, прощаясь съ вами, сказалъ, что никогда уже не желаетъ болѣе переѣзжать на ту сторону Вислы... Грустное чувство возбуждаютъ теперь эти слова, когда вспомнишь, что незабвенный нашъ Михаилъ Ивановичъ скончался за рубежомъ родной страны, одинъ безъ вашихъ нѣжныхъ о немъ заботъ...

Хотя въ 1851 г. онъ собирался за границу, однакожь вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе и вслѣдъ за вами уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ вы и провели зиму.

Пусть будущій біографъ разкажетъ остальную жизнь покойнаго (1). Для этого могутъ служить прекраснымъ матеріяломъ его собственныя записки, хранящіяся у васъ и начатыя имъ еще лѣтомъ 1854 года, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онъ жилъ на дачѣ вмѣстѣ съ вами. Съ удовольствіемъ вспоминаю то время, когда я бывалъ у васъ частымъ гостемъ въ Царскомъ Селѣ, и Михаилъ Ивановичъ, въ саду, на террасѣ своей дачи, читывалъ мнѣ свои записки...

Я былъ искренно привязанъ къ вашему брату и всегда глубоко чтилъ его талантъ; да и кто могъ не любить и не уважать этой благородной личности? Враговъ у него, кажется, не было и быть не могло, хотя иногда и случались мелководные зоилы,

---

(1) Основательный знатокъ музыки и даровитый литераторъ нашъ, В. В. Стасовъ, уже занимается полною біографіей М. И. Глинки, предназначенною для «Русскаго Вѣстника».

на которыхъ онъ не обращалъ никакого вниманія. Кстати разкажу одинъ случай. Это было въ Петербургѣ, зимою 1854 года. Въ одномъ обществѣ, знакомый мнѣ меломанъ, имѣющій претензію слыть глубокимъ знатокомъ музыки, и давно уже, по слухамъ, имъ же распространеннымъ, занимающійся приготовленіемъ къ изданію будто бы огромнаго сборника малороссійскихъ пѣсенъ съ ихъ мотивами, сталъ отзываться о произведеніяхъ Михаила Ивановича съ нѣкоторою двусмысленностію и даже замѣтилъ, что музыка его на пѣсню: «Гуде витеръ» и проч. цѣликомъ заимствована изъ народнаго малороссійскаго мотива, и что онъ присвоилъ себѣ чужое! Зная, что это—оригинальное произведеніе, мнѣ хотѣлось уличить *глубокаго знатока музыки* и дерзкаго зоила. Въ то же время я послалъ записку къ Михаилу Ивановичу съ запросомъ объ этомъ, объяснивъ ему въ чемъ дѣло, и немедленно получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: « Дѣйствительно, музыка на пѣсню «Гуде витеръ» (слова Забѣлы) сочинена мною, а если она похожа на народный малороссійскій мотивъ—я въ этомъ не виноватъ!»

Кажется, что меломанъ не удовлетворился и этимъ остроумнымъ отвѣтомъ!

Итакъ, предоставляя будущему біографу подробно описать всю жизнь Михаила Ивановича на основаніи его записокъ, укажу еще на нѣкоторыя его любопытныя письма, полученныя мною отъ него изъ-за границы. Вотъ что онъ писалъ ко мнѣ изъ Парижа, въ началѣ 1853 года (отъ $^{11}/_{23}$ января):

«Не гнѣвайтесь, что до сихъ поръ я не отвѣчалъ на ваше дружеское посланіе. Дѣло извѣстное—зима, хотя и чрезвычайно легкая въ сравненіи съ нашею (снѣгъ выпалъ только разъ и сейчасъ же растаялъ, а кромѣ ничтожныхъ по утрамъ морозовъ, другихъ не было), а все-таки *зима*, врагъ мой, беретъ свое. Я не хвораю, а сижу въ комнатѣ и вполовину не свой.»

«Что сказать вамъ? Если желаете знать, каково мнѣ здѣсь, могу отвѣтить: pas assez jeune pour bien m'amuser, pas assez bête pour trop m'ennuyer. Въ итогѣ — живу тихо, уединенно, довольно *сытно* и *тепло* (по возможности) (1); страдаю несравненно менѣе, нежели въ Россіи, за то не рѣдко овладѣваетъ мною *носталгія*, напавшая на меня съ самаго выѣзда изъ Вар-

(1) Слова, напечатанныя курсивомъ, въ подлинномъ письмѣ подчеркнуты.

шавы и сопутствовавшая до береговъ Средиземнаго моря и Пиренеевъ, такъ, что вмѣсто Севильи я очутился снова здѣсь, въ Парижѣ (1). Не сѣтую; къ своимъ ближе, и мѣстечко не совсѣмъ дурное.

«Впрочемъ, эту носталгію легко объяснить. Бывало путешествіе облегчало мои страданія и оживляло, освѣжало сердце и воображеніе; теперь же путешествіе (особенно въ дилижансахъ и по желѣзнымъ дорогамъ) для меня трудъ, мука и пытка. Шибко, нелѣпо постарѣлъ я, милый баринъ; удовольствія свѣта не по силамъ; къ тому же какъ-то ничто не утѣшаетъ. Въ добавокъ потолстѣлъ до безобразія.»

Далѣе онъ упоминаетъ о своемъ портретѣ, которымъ занимался въ Парижѣ одинъ изъ его пріятелей; потомъ съ заботливостію спрашиваетъ, получилъ ли нашъ общій другъ, докторъ Л. А. Г., тѣхъ *колибри*, которыхъ онъ выслалъ ему изъ Парижа, и наконецъ прибавляетъ:

«Зима все остановила: и украинскую симфонію, и чтеніе. До ноября я прочиталъ здѣсь Гомера, Софокла и Овидія, разумѣется въ переводѣ на французскій языкъ.»

Упоминаемой здѣсь украинской симфоніи покойный М. И. хотѣлъ дать названіе: *Тарасъ Бульба*, основываясь на повѣсти Гоголя. Онъ давно задумалъ ее и еще въ Варшавѣ импровизировалъ мнѣ нѣкоторыя ея части, мечтая то объ украинской степи, гдѣ вьется ковыль, то о Запорожской сѣчи; и тутъ же представлялъ себѣ жида изъ повѣсти Гоголя, передавая смѣлыми и оригинальными звуками характеръ жидовской музыки, которую онъ всегда преслѣдовалъ безпощаднымъ юморомъ; онъ не могъ равнодушно слышать нѣкоторыхъ новѣйшихъ произведеній, напоминавшихъ ему, какъ онъ самъ выражается, *синагогу*. Вы знаете, что опытъ этой симфоніи былъ написанъ въ Парижѣ, но Михаилъ Ивановичъ сжегъ его.

Въ концѣ того же 1853 года, онъ уже писалъ ко мнѣ изъ Парижа (отъ $^{6}/_{18}$ декабря), между прочимъ, слѣдующее:

«Вмѣсто веселой и поэтической Андалузіи, я нахожусь въ самомъ отвратительномъ городѣ, въ особенности для художника.

---

(1) Здѣсь нужно припомнить, что въ 1852 году, М. И. дѣйствительно отправился изъ Парижа въ Испанію и уже былъ близко Пиренейскихъ горъ; но, увидѣвъ издалека Средиземное море, которое на него какъ-то особенно подѣйствовало, внезапно возвратился въ Парижъ.

Парижанки, хотя безъ души, но милы и привѣтливы (въ родѣ Полекъ), Парижанинъ же—самое отвратительное животное (animal) въ мірѣ. Но оставимъ все это. При свиданіи изустно лучше передамъ мои впечатлѣнія. Скоро надѣюсь вырваться изъ этого проклятаго Вавилона.»

Такъ разныя душевныя прискорбія, испытанныя имъ въ жизни, и разстроенное здоровье постепенно убивали въ послѣдніе годы могучую душу геніяльнаго русскаго художника.

С.-Петербургъ.
12-го апрѣля, 1857 года.

П. Дубровскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Творяй истину грядетъ къ свѣту.
Іоан. III, 21.

Мы долго лежали повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ,
Забита тяжелая крыша; —
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Какъ будто бы рѣчь прозвучала, —
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало...
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта!...

А. Жемчужниковъ.

* * *

Когда очнусь душою праздной —
Мнѣ станетъ страшно за себя;
Бѣгу я прочь съ дороги грязной,
И негодуя, и скорбя.
Болящимъ сердцемъ я тоскую
И узы спутанныя рву,
И съ неба музу мнѣ родную
Въ молитвѣ пламенной зову.
Она задумчиво взираетъ;
Какъ лѣтній сумракъ хороша...
Свой первообразъ въ ней узнаетъ
Моя заблудшая душа;
Но въ область, гдѣ свѣтлѣй и чище,
Ей и постыднѣй, и больнѣй
Переносить свое кладбище
Умершихъ звуковъ и тѣней....

А. Жемчужниковъ.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Вскорѣ прислала за мной лошадей Татьяна Петровна, къ которой посланъ былъ нарочный для извѣщенія о тетушкиной кончинѣ. Она довольно любезно выразила въ письмѣ ко мнѣ свое желаніе взять меня къ себѣ.

Какъ ни тягостно мнѣ было оставить Амилово, но все же лучше уѣхать, чѣмъ оставаться до пріѣзда дяди, теперь законнаго и полнаго наслѣдника тетушкинаго имѣнія. И какъ горестно, какъ томительно проходили для меня часы въ осиротѣломъ домѣ, гдѣ еще всѣ оставшіеся люди считали меня своею барышней, и гдѣ всѣ они ходили съ печальнымъ, заплаканнымъ лицомъ.

Утромъ, въ день отъѣзда, я встала ранѣе обыкновеннаго, чтобъ наединѣ проститься съ предметами, столько лѣтъ служившими обстановкой моей молодой жизни. Это была невольная дань привычки и сожалѣнія о невозвратно-убѣгающемъ отъ меня тихомъ берегѣ, который съ сей поры скрывался надолго, можетъ-быть навсегда изъ глазъ моихъ; дань безотрадной и без-

надежной тоски о существѣ, потерянномъ для меня, чьей безграничной любви никто и ничто не могли замѣнить мнѣ.

Я вошла въ комнату тетушки; ясное февральское утро освѣщало ее безмятежнымъ свѣтомъ; кровать, ширмы, столикъ съ ея кружкой и табатеркой, любимый темный капотъ, висѣвшій на ширмахъ, кресло съ истертымъ сафьяномъ на ручкахъ и спинкѣ, все было на своемъ мѣстѣ, все вѣяло такимъ свѣжимъ воспоминаніемъ, все было еще такъ полно ея недавнимъ присутствіемъ, что становилось почти страшно, почти невѣроятно подумать, что она зарыта въ темной, холодной могилѣ!. Мнѣ казалось, что она со мной, что мысль ея говорила съ моею... Наконецъ я горько и безутѣшно зарыдала. Потомъ прошла въ гостиную, пустую и безмолвную. Полосатые диваны и стулья съ прорѣзными спинками стояли въ чинномъ порядкѣ, портреты Цицерона и Суворова безжизненно красовались по боковымъ стѣнамъ, а на средней какъ-то особенно улыбалась напудренная головка хорошенькой молодой женщины — это былъ портретъ тетушкиной подруги, умершей въ ранней молодости. Изъ оконъ видна была хрустальная сѣть деревьевъ и длинная аллея сада. Въ залѣ зацвѣтали авриколіи и вился плющь около двухъ зеркалъ, имѣвшихъ особенность придавать престранное выраженіе физіономіи и сворачивать на сторону черты лица, осмѣлившагося заглянуть въ нихъ.

— Прощай, Мурочка, прощай! обратилась я къ кошкѣ, грѣвшейся на солнцѣ:—ты ничего не чувствуешь, не понимаешь, не знаешь, что я уѣзжаю отсюда навсегда, не знаешь, какое горе случилось со мной... И ты, дружокъ, говорила я скворцу,— и ты ничего не знаешь, Марья Ивановна беретъ тебя къ себѣ и будетъ кормить. Ты не жди меня: завтра не подойду къ твоей клѣткѣ, не положу тебѣ корму; завтра я буду далеко, мой милый... мы ужь не увидимся...

Скворецъ слушалъ меня съ важнымъ видомъ, потомъ вытянулъ шейку и свиснулъ. Вошла Ѳедосья Петровна.

— Что, матушка, али съ охоткой-то прощаетесь, сказала она печальнымъ голосомъ. — Господи! прибавила она:—вотъ, опустѣетъ домъ-то. Экая тоска, экая тоска несосвѣтная! уѣдетъ и наша родная барышня! мы все васъ своею считали.

— Помните обо мнѣ, Ѳедосья Петровна.

— Ой, сударыня, вы то объ насъ забудете, а ужь мы-то вѣкъ не забудемъ. Полноте, матушка, глазки наплачете, прибавила она.

Послѣ обѣда мы выѣхали. Марья Ивановна и Катерина Никитишна проводили меня съ горячими слезами...

И вотъ, отправилась я въ зимней повозкѣ, какъ и полтора года тому назадъ, но теперь не радовала меня мысль о возвратѣ. Уже повозка давнымъ-давно тащилась по снѣжной дорогѣ; уже спутница моя, горничная Татьяны Петровны, давно спала сладкимъ сномъ, покачиваясь на каждомъ ухабѣ, а я все еще видѣла передъ собой знакомыя лица, столпившіяся на крыльцѣ; слышала голоса, которыхъ ужь, можетъ-быть, никогда не приведется болѣе слышать...

Въ Т** мы пріѣхали утромъ. Татьяна Петровна встрѣтила меня ласковѣе прежняго, она даже обняла меня. Одѣтая въ трауръ, она показалась мнѣ моложе и лучше прежняго.

Нѣсколько слезъ пролила она, разспрашивая о болѣзни и кончинѣ тетушки, потомъ заключила мудрымъ разсужденіемъ, что смерти никто не избѣжитъ, и что всѣмъ надо ожидать ея рано или поздно; но что все-таки ей душевно жаль сестрицы. Что же касается до меня, то конечно она понимаетъ, какъ велика моя потеря,—но, какъ знать? прибавила она: — можетъ-быть, все къ лучшему.

Явилась и Амфиса Павловна и также изъявила свое «душевное сожалѣніе».

— Теперь поди, отдохни и переодѣнься къ обѣду, сказала мнѣ Татьяна Петровна,—а послѣ мы съ тобой поговоримъ кой о чемъ.

Я отправилась на верхъ, въ прежнюю комнату, гдѣ все было по старому: тотъ же комодъ, тѣ же два стула и два кожаные дивана, жесткіе, какъ деревянныя скамейки. Портретъ старика висѣлъ на томъ же мѣстѣ, только лицо его показалось мнѣ еще суровѣе, еще глубокомысленнѣе...

Невольно припомнила я первый мой пріѣздъ сюда съ Лизой. Какъ далеко ушла я душой отъ того времени, какъ состарѣлась нравственно!

Я вынула изъ чемодана свои вещи и стала укладывать въ ящики комода. Никто изъ горничныхъ не явился помочь мнѣ,

это было для меня ново и странно. До сихъ поръ я была такъ избалована ухаживаньемъ за собой, что почти не умѣла приняться за дѣло и даже такой пустой трудъ утомлялъ меня. Мнѣ стало досадно на себя и какъ-то совѣстно своей изнѣженности... Только тутъ пришло мнѣ въ голову, что такимъ образомъ я поставлю себя въ непріятную зависимость отъ другихъ, въ необходимость постоянно принимать одолженія. Я рѣшилась впередъ быть для себя болѣе полезною.

Вскорѣ пришла ко мнѣ Степанида Ивановна. Увидя, что я тащу въ уголъ пустой чемоданъ, она ахнула и всплеснула руками.

— Что̀ это, матушка, сама трудишься! сказала она.—Хорошо принимаемъ гостью! Да мало что̀ ли у насъ дѣвокъ! какъ собакъ, прости Господи, натолкано... Ну, ужь народецъ!

Затѣмъ она перешла къ моему положенію·

— Вотъ, заговорила она,—осталась сироткой безъ тетеньки! конечно, и наша-то вѣдь добра, ну, да ужь все не то, скупенька, иногда надъ пустяками дрожитъ, а большое пропадаетъ. А вѣдь, подумаешь, куда все пойдетъ? умретъ, все останется. Вотъ, у насъ варенье по три года стоитъ. Ужь я и то говорю: матушка! что̀ не кушаете? ужь засахарилось. Такъ, нѣтъ, говоритъ, не трогай, постоитъ. Ужь чего стоять, хоть ножемъ рѣжь... Да отказала ли вамъ что̀ тетенька-то покойница?

Эта мысль не приходида еще мнѣ въ голову, и потому меня затруднилъ вопросъ Степаниды Ивановны.

— Видно не успѣла, голубушка! Ужь плохо безъ своего жить, все лучше, какъ своя-то копѣечка есть.

Въ это время пришла горничная позвать ее зачѣмъ-то къ тетушкѣ.

— Безстыдница! халда окаянная! что̀ не вошла къ барышнѣ-то?

Дѣвка разсердилась и отвѣчала:

— Да что̀ вы ругаетесь? мы никакого приказа не слыхали.

— А тебя надо носомъ ткнуть, тогда ты и сдѣлаешь...

— Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сказала я,—почему же она знала?

— Какъ, сударыня, не знать, только лѣность одна... сказала Степанида Ивановна и ушла.

Я попросила горничную помочь мнѣ одѣться, что̀ та исполнила съ кислою миной.

Во время моего туалета, посѣтила меня Амфиса Павловна.

— Вотъ вы и на житье къ намъ, сказала она.—Что̀, получаете ли письма отъ Лизаветы Николаевны?

— Я получила отъ нея одно письмо, послѣ того, какъ она гостила у насъ.

— Что же это она рѣдко пишетъ, послѣ такой дружбы?.. Лѣтомъ, они обѣщали къ намъ пріѣхать; они тогда и отъ васъ заѣзжали, только не надолго.

— Какъ бы это было хорошо! сказала я. — Вы не знаете, съ мужемъ она обѣщала пріѣхать?

— Какъ же, съ мужемъ. Татьяна Петровна и Александра Матвеича приглашали.

— Какъ я рада!

— Что же вы такъ рады Александру Матвеичу?

— Я всѣмъ имъ рада.

— Барышни молодыя, вмѣшалась горничная, — такъ и рады, все повеселѣе въ деревнѣ-то будетъ. Александръ Матвеичъ такіе веселые и изъ себя такіе красивые.

Господи! подумала я: ужь онѣ, ничего не видя, цѣлый романъ сочинили.

— Ужь на что̀ съ вами, продолжала горничная,—такъ и тутъ шутили да заигрывали...

— Ахъ, мать моя! сердито отвѣчала Амфиса Павловна:—на что̀ со мной! Да я уродъ, что ли, какой! Я еще, слава Богу, не старокъ, мнѣ всего двадцать семь лѣтъ...

— Все же не семнадцать, справедливо замѣтила горничная.

— Многіе мущины предпочитаютъ женщинъ вашихъ лѣтъ,— сказала я, желая утѣшить оскорбленную Амфису Павловну.

— Конечно, отвѣчала она,—человѣкъ солидный, умный, никогда не выберетъ молоденькой.—И она вышла изъ комнаты, ласково примолвя: до свиданія, душенька!

— Что тебя-то до сихъ поръ не выберетъ умный-то человѣкъ? сказала вслѣдъ ей горничная.

— Она можетъ услышать, замѣтила я.

— А пусть... ужь она надоѣла мнѣ хуже горькой рѣдьки. Вѣдь я за ней хожу. Одно глаженье такъ съ ума сведетъ... не надѣнетъ юбки не глаженой. А ужь пялится, пялится передъ зеркаломъ, ахъ ты, Боже мой! то брови пощиплетъ, то щеки

потретъ,—смотрѣть тошно! А передъ барыней-то, поглядитека, какой постницей прикидывается. А что не по ней, такъ сейчасъ и нажалуется... Вотъ, вы и совсѣмъ готовы.

Татьяна Петровна сказала мнѣ длинную рѣчь о моемъ положеніи, коснулась очень искусно правилъ общежитія и умѣнья вести себя при постороннихъ, не пропустила и того, какъ должно быть скромною и осторожною съ мущинами. Въ заключеніе, она сказала мнѣ, что покойница тетушка вручила ей вексель, данный на мое имя, въ пять тысячъ серебромъ, и что въ этой суммѣ все мое богатство. Татьяна Петровна совѣтовала мнѣ, когда я получу эти деньги по векселю, положить ихъ въ приказъ и не касаться ихъ безъ крайней надобности, прибавивъ, что въ ея домѣ, я не буду имѣть нужды въ необходимомъ.

— Конечно, прибавила она,—я не могу дѣлать тебѣ роскошнаго туалета, но ты будешь одѣта прилично. На балы я тоже тебя вывозить не стану, бѣдной дѣвушкѣ балы не нужны. Впрочемъ, когда снимешь трауръ, я буду брать тебя на простенькіе вечерки къ знакомымъ, гдѣ ты можешь потанцовать...

— Я не танцую, простодушно замѣтила я.

— Какъ не танцуешь? почему?

— По очень простой причинѣ—не умѣю.

— Ахъ, Боже мой! до чего упущено твое воспитаніе! Ну, нечего дѣлать! надо тебя поучить. У меня есть знакомая гувернантка, я ей и мѣсто-то доставила, попрошу ее. Дѣвицѣ въ твои годы нельзя не умѣть танцовать. Чѣмъ же ты будешь у меня заниматься? вышивать умѣешь?

— Да, умѣю.

— Ну, такъ я дамъ тебѣ работу. Вышей мнѣ, отъ нечегодѣлать, воротничокъ, покажи свое умѣнье. Я достану узоровъ, а тамъ и для себя что-нибудь сработаешь. Вонъ, Амфиса прекрасно шьетъ, она и тебя поучитъ, чего не сумѣешь. Надо всегда что-нибудь работать: занятіе—украшеніе женщины. А тебѣ это можетъ очень, со временемъ, пригодиться. Много, много потеряла ты, что не жила у меня съ дѣтства, не то бы ты была! Ужь не бѣгала бы цѣлые дни по полямъ и лѣсамъ. Я не говорю, отчего не погулять: но чтобъ все было въ свое время и при-

лично. Посмотри-ка, продолжала она,—вонъ, у Анны Дмитревны десяти лѣтъ дѣвочка, какъ себя держитъ! какой входъ! какой поклонъ! Ну, да что о томъ говорить, чего ужь не воротить! Я надѣюсь, что и теперь ты многимъ воспользуешься; ты не глупа, этого нельзя у тебя отнять. Нужно побольше опытности да вниманія къ совѣтамъ старшихъ... Да, пожалуста, выбрось изъ головы пустую сантиментальность — она ни къ чему не поведетъ... Вспомни, въ какую пропасть ввалилась было ты, еще ребенкомъ! Хорошо, что я пріѣхала. Конечно, ты сдѣлала это тогда такъ, не понимая послѣдствій; ну, а ужь теперь, милая Геничка, другое дѣло: теперь ты должна дорожить своею репутаціей. Дѣвица все равно, что бѣлое платье — малѣйшее пятнышко замѣтно. Теперь пойдемъ обѣдать. Гдѣ же Амфиса?

— Здѣсь, отвѣчала та, вдругъ явясь въ дверяхъ, у которыхъ, по всей вѣроятности, она слушала рѣчь Татьяны Петровны.

Послѣ обѣда Татьяна Петровна пошла отдыхать, а я ушла въ свою комнату, которая теперь сдѣлалась для меня почти пріятна. Здѣсь я была одна, я была свободна; здѣсь я могла думать, плакать, молиться; здѣсь мнѣ открывался входъ въ мой тайный, задушевный міръ, гдѣ я вела бесѣду съ моимъ прошедшимъ, перебирая, какъ скупецъ свои сокровища, одно за другимъ мои воспоминанія. Здѣсь самое будущее принимало для меня, порой, радужные оттѣнки. Но теперь я пришла къ себѣ не съ мечтами, не съ воспоминаніями; въ ушахъ моихъ раздавались слова: бѣдной дѣвушкѣ балы не нужны; бѣдная дѣвушка должна работать... И, вотъ, какую-то гувернантку попросятъ, Христа ради, поучить бѣдную дѣвушку танцовать... и Татьяна Петровна сдѣлаетъ доброе дѣло, за которое я обязана буду заслуживать ей моею внимательностью и угожденіемъ!... Вся кровь бросалась мнѣ въ голову при этихъ мысляхъ, теперь, когда я была одна, потому что какое-то инстинктивное благоразуміе руководило мной въ присутствіе Татьяны Петровны, заставляя меня, молча, выслушать ее. До сихъ поръ я не была, не считалась бѣдною дѣвушкой,—мнѣ этого и въ голову не приходило. Я такъ была богата тамъ, гдѣ меня ласкали, гдѣ меня любили! И, вотъ, я столько гордая, самонадѣянная,—вдругъ уни-

жена, обезсилена... Я, бѣдная дѣвушка, живу въ чужомъ домѣ, на чужой счетъ!.. Душа моя рвалась и металась, какъ дикій конь, на котораго надѣли узду... Но чѣмъ больше рвалась она, тѣмъ упорнѣе вызывала я нравственныя силы на помощь самой себѣ, чтобъ одолѣть ея волненіе и смѣло взглянуть въ глаза неутомимой дѣйствительности. Была даже какая-то горькая отрада въ этой борьбѣ, въ этомъ желаніи твердо и смѣло не только выносить свое положеніе, но и становиться выше равнодушіемъ къ нему. Удастся ли это? я не знала.

II.

Уже около двухъ недѣль я жила у Татьяны Петровны. Великій Постъ былъ на исходѣ. Мартъ дарилъ тѣми розовыми, ясными закатами, которые такъ пріятно дѣйствуютъ на душу.

Я сѣла, однажды, къ окну, чтобъ полюбоваться, какъ горятъ подъ вечерними лучами главы церквей, окна и крыши домовъ, на которыхъ блестѣлъ и искрился недавно выпавшій уже весенній снѣгъ,—тотъ снѣгъ, о которомъ тетушка, бывало, говорила, что это «внучекъ за дѣдушкой идетъ.»

Улицы почернѣли, стекла въ окошкахъ оттаяли; прохожіе не кутались въ воротники шубъ; дамы гуляли въ ватошныхъ платьяхъ и бурнусахъ. Я нечаянно взглянула на окна противоположнаго дома и увидѣла у одного изъ нихъ двѣ женскія фигуры; онѣ сидѣли рядомъ, очень близко другъ къ другу, и весело смѣялись и говорили, глядя на проходящихъ. Лицо одной совсѣмъ прильнуло къ стеклу, и мнѣ не трудно было разглядѣть черныя брови, живые черные глазки и полныя розовыя щечки. Прехорошенькое личико! Другая была въ тѣни, но черезъ нѣсколько минутъ, косвенные лучи упали на нее и помогли мнѣ разсмотрѣть ея наружность. Эта была русая, чрезвычайно граціозная головка, съ пышными отливающими золотомъ волосами, съ чертами выразительными и пріятными. Въ улыбкѣ ея довольно большихъ, но правильно очерченныхъ губъ, было что-то необыкновенно привлекательное.

— Кто живетъ противъ насъ? спросила я Амфису Павловну, работавшую у другаго окна.

— Низановы, двѣ очень милыя дѣвицы; онѣ живутъ у своего дѣдушки, почтеннаго, солиднаго человѣка.

— Знакомы онѣ съ тетушкой?

— Знакомы; онѣ недавно были, да насъ не было дома.

— У нихъ нѣтъ ни отца, ни матери?

— Нѣтъ никого. Онѣ всѣмъ обязаны дѣдушкѣ; онъ ихъ какъ дочерей содержитъ. Особенно старшую, Софью, онъ ужасно любитъ, жить безъ нея не можетъ. Да, вотъ, онъ идетъ! Здравствуйте, Дмитрій Васильичъ! закричала Амфиса Павловна, умильно отвѣчая на поклонъ пожилаго мущины, снявшаго шляпу и открывшаго сѣдую голову, забывая, что онъ не могъ ее слышать.

Хорошенько разглядѣть его я не успѣла.

Лицо Амфисы Павловны нѣсколько минутъ сохраняло умильное выраженіе, послѣ его поклона.

Вошла Татьяна Петровна, возставшая отъ послѣ-обѣденнаго сна.

— А что, Амфисочка, сказала она, — послать бы къ нашимъ старичкамъ (Нилу Иванычу и Антону Силычу), что они запали?

— Такъ что же, пошлите... А я сейчасъ съ Дмитріемъ Васильичемъ раскланивалась.

— Тебѣ, мать моя, отъ него счастье, — онъ съ тобой всегда любезенъ.

— А чтожь, вѣдь онъ прекрасный человѣкъ.

— Поди-ка, пошли кого-нибудь къ старичкамъ.

На другой день, я подошла къ окну, въ надеждѣ увидѣть Низановыхъ. Брюнетка работала, блондинка читала; дѣдушка ихъ ходилъ по комнатѣ, часто останавливаясь у котораго-нибудь окна и барабаня пальцами по стеклу. Вскорѣ онъ ушелъ со двора; дѣвушки оставили занятія и опять стали говорить и смѣяться.

— Какъ онѣ счастливы! подумала я.

Порой онѣ смотрѣли на меня, наконецъ обѣ поклонились, я тоже поклонилась. Спустя нѣсколько минутъ, обѣ онѣ, въ шляпахъ и бурнусахъ, вышли изъ воротъ и поворотили къ намъ.

У меня забилось сердце отъ пріятнаго ожиданія. Я вышла въ залу и слышала, какъ звучный голосокъ спросилъ: «дома Тать-

яна Петровна?» — какъ слуга отвѣтилъ, что «ихъ дома нѣтъ (и въ самомъ дѣлѣ ея не было дома), а дома одна барышня».

— Ну, поди, спроси барышню, можетъ ли она принять насъ?

Я велѣла просить.

— Мнѣ захотѣлось поскорѣе познакомиться съ вами, сказала мнѣ Софья,—вы скучаете и мечтаете; мы тоже скучаемъ, порой; намъ будетъ веселѣе вмѣстѣ.

— А не мечтаете? спросила я.

— Я? нѣтъ; вотъ, она, Надя, мечтаетъ, она еще молода, а я ужь старуха.

— Вы старуха? сказала я, глядя на ея молодое пріятное лицо.

— Вы по лицу не судите, наружность обманчива. Впрочемъ, не бойтесь, я еще не такая старуха, чтобъ не понимать порывовъ и увлеченій молодаго свѣжаго сердца. Я старуха сама для себя, а не для другихъ. Не могу ли быть вамъ чѣмъ-нибудь полезна? У меня довольно книгъ, узоровъ, если угодно.

Я поблагодарила.

— Вы рѣдко выѣзжаете? спросила я.

— Рѣдко; не стоитъ хлопотъ.

— Какъ не стоитъ хлопотъ? нельзя же быть безъ общества.

— У меня есть нѣсколько домовъ, гдѣ я запросто, гдѣ я не связана ни глупымъ чванствомъ, ни смѣшною чопорностью — вотъ и общество. Впрочемъ, и нашему большому свѣту я дѣлаю нѣсколько офиціяльныхъ визитовъ, этимъ и кончаются всѣ мои отношенія къ нему. Я слишкомъ лѣнива, чтобы изучать всѣ его законы, чтобъ терять время на всѣ его сплетни и интриги. Интересы здѣшней аристократіи мнѣ чужды и странны.

— А притомъ же, сказала Надя,—нужны большія средства; свѣтскій туалетъ требуетъ много денегъ.

— О, моя милая! сказала Софья, слегка покраснѣвъ:—еслибы у меня были большія средства, я сумѣла бы употребить ихъ на что-нибудь получше и полезнѣе, чѣмъ на то, чтобъ блистать нарядами здѣсь.

— Ну, ужь все же лучше быть въ обществѣ, чѣмъ жить такъ, какъ мы живемъ—настоящій монастырь.

Софья улыбнулась.

— Ахъ, еслибъ мы были свободны! сказала Надя.

— Вотъ, спроси M-lle Eugénie, свободна ли она?

— Такъ будто ей и весело?

— Было время, сказала я,—и мнѣ было весело...

— Бѣдное дитя! сказала Софья со вздохомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — въ ваши годы, и уже горевать о прошедшемъ! Чтожь, продолжала она, — надѣйтесь, жизнь долга; авось и пошлетъ она вамъ счастье и радость. Кто молодъ, тотъ надѣется или любитъ.

— Вы говорите это такимъ тономъ, какъ будто сами ужь любить не можете.

— Я... кажется, Татьяна Петровна пріѣхала...

И въ самомъ дѣлѣ она пріѣхала.

Татьяна Петровна очень любезно встрѣтила гостей, спросила Софью о дѣдушкѣ, потолковала съ ней о новомъ архіереѣ, у котораго была въ тотъ день послѣ обѣдни, перекинулась нѣсколькими городскими новостями и проводила ихъ приглашеніемъ не забывать ее старуху. Софья, въ свою очередь, попросила Татьяну Петровну позволить намъ видѣться почаще, на что̀ та изъявила свое согласіе.

Черезъ нѣсколько дней, Татьяна Петровна отпустила меня къ Низановымъ.

Въ сѣняхъ, я позвонила. Мнѣ отворилъ мальчикъ въ худомъ, засаленномъ казакинѣ. Онъ побѣжалъ въ другую комнату и торопливо сказалъ кому-то: «доложи барышнямъ». Женскій голосъ отвѣчалъ: «сейчасъ!»

Послышались шаги вверхъ по лѣстницѣ...

Между тѣмъ въ боковыхъ дверяхъ показалась суровая фигура въ халатѣ и въ ту же минуту скрылась со словомъ «извините!..»

Вскорѣ прибѣжала Надя.

— Sophie проситъ васъ къ ней, сказала она:—не взыщите, что мы принимаемъ васъ за́просто, а не въ гостиной. Дѣдушка еще не одѣтъ и ходитъ по тѣмъ комнатамъ.

Я взошла. На верху было всего двѣ маленькія комнатки. Въ одной стояли шкафы для платьевъ, столъ и пяльцы, за которыми шила дѣвочка; въ другой комнатѣ жили двѣ сестры.

Лучи мартовскаго солнца сквозили въ бѣлыя кисейныя занавѣски на окнахъ; по стѣнамъ стояли двѣ кушетки и кресло, передъ которымъ находился письменный столъ. На окнахъ много зелени,

въ особенности плющъ вился по всѣмъ направленіямъ, падая зелеными гирляндами даже на раму зеркала въ простѣнкѣ.

— Какъ я рада васъ видѣть! сказала Софья.—Снимите, душка, вашу шляпку и садитесь.

Софья была въ самой простой, темной шерстяной блузѣ, съ бѣлымъ гладенькимъ батистовымъ воротничкомъ. Костюмъ ея былъ почти небреженъ, пелеринка съѣхала на бокъ; но блестящая бѣлизна ея бѣлья и прекрасно обутая ножка, маленькая, почти дѣтская, смягчали эту небрежность.

— Простите, сказала она,—я васъ встрѣчаю такою неряхой. Я не могу носить корсета, у меня грудь болитъ. Я цѣлое утро лежала, оттого и волосы не въ порядкѣ.

Она подошла къ зеркалу и поправила прическу и пелеринку.

— Вотъ, и пелеринка съѣхала на бокъ, продолжала она. —Милая Надя! приколи мнѣ ее. Да мнѣ хочется чаю. Прикажи поставить самоваръ.

— Развѣ вы не пили еще чаю? (Было 12 часовъ утра.)

— Пили, но я всегда еще пью въ это время. Вы не откажетесь?

— Не откажусь выпить чашку. Вы хвораете?

— Да; по утрамъ я чувствую себя дурно. Нервы...

— Чтожь вы не лѣчитесь?

— Лѣчилась, да толку мало; надоѣло.

— Вамъ бы на воды ѣхать.

— Къ этому много препятствій. Проживу какъ-нибудь. Половина жизни, лучшая половина, прожита, о другой не стóитъ хлопотать.

— Въ ваши годы! сказала я въ свою очередь.

— Въ мои годы! Я вамъ говорила, что я старуха. Мнѣ двадцать семь лѣтъ.

— Не можетъ быть!

И въ самомъ дѣлѣ, на видъ ей казалось не болѣе девятнадцати лѣтъ.

— У меня такое лицо. Это фамильная моложавость. Ужь такая живучая натура.

Вскорѣ она развеселилась; мы болтали о чемъ-попало, разсказывали смѣшные анекдоты. Вдругъ послышались тяжелые шаги по лѣстницѣ. Лица дѣвушекъ отуманились, какъ будто даже страхъ выразился на нихъ. Онѣ обѣ въ одинъ голосъ сказали:

«дѣдушка!»—но Софья сказала эти слова спокойно и холодно, а Надя съ видимою досадой.

Дѣдушка вошелъ.

Тутъ я могла разглядѣть его лицо: оно было продолговатое, худощавое; крутой лобъ, вмѣстѣ съ бровями надвинувшійся на глаза, напоминалъ Тарханова; носъ прямой, короткій; губы тонкія, съ рѣзкими чертами на углахъ, борода вытянутая и загнутая. Свѣтло-сѣрые глаза глядѣли быстро, съ какою-то суровою разсѣянностью, не останавливаясь ни на чемъ. Смотря на него, думалось, что онъ сдерживаетъ внутренній гнѣвъ, внутреннее недовольство окружающими, и что вотъ-вотъ, сейчасъ, скажетъ что-нибудь непріятное. Чувствовалось, что ему все не нравится, все не по немъ.

Софья познакомила насъ.

— Вы навсегда останетесь у Татьяны Петровны, или на время? Вѣдь Авдотья Петровна умерла?

Я отвѣчала утвердительно на эти вопросы.

— Оставила ли вамъ что-нибудь Авдотья Петровна?

Софья вспыхнула.

— Да, она дала мнѣ вексель въ небольшую сумму.

— Ну, все же это вамъ пригодится, хоть на приданое. Какихъ лѣтъ умерла Авдотья Петровна? вѣдь, я думаю, ей подъ семьдесятъ было?

— Да, ужь было.

— Ну, что же, слава Богу, пожила. Для женщины это очень довольно.

— Однако, все же Евгеніи Александровнѣ очень тяжела эта потеря, сказала Софья.

— Чтожь дѣлать? этого надо было ожидать. Смерть вещь обыкновенная, особливо въ наши годы, она уже въ порядкѣ вещей. Вотъ, молодой человѣкъ умираетъ — жаль: тутъ нарушается законъ природы.

— А все равно жаль, старъ или молодъ умираетъ тотъ, кого любишь...

— Ну, ужь это, душа моя, ваши женскія разсужденія. Ужь какъ женщины начнутъ разсуждать, такъ бѣги дальше... сказалъ онъ рѣзко.

— Развѣ женщины неспособны разсуждать? спросила я.

— Вы способны разсуждать вотъ о чепчикѣ, о модахъ, — вотъ, это ваше дѣло.

— Неужели намъ только это дано въ удѣлъ? сказала я.

— Э, сударыня! удѣлъ-то данъ вамъ прекрасный, да вы презираете его. Фи! какъ можно! — романтизмомъ питаетесь, фантазіями. Страсти различныя сочиняете себѣ... Посмотрите-ка, нынче дѣвушка замужъ не иначе пойдетъ, какъ дай ей по страсти, а страсть-то прогоритъ, тутъ — фю! — и свисти въ ноготокъ.

— Нельзя же безъ любви, вдругъ отозвалась Надя.

— Ну, ужь и ты туда же! закричалъ онъ. — Ужь ты, сдѣлай милость, не мѣшайся! Ты, матушка, живешь фантазіями! Ты—матеріяльность... Тебѣ бы только романы читать.

— Такая же матеріяльность, какъ и всѣ, пробормотала Надя, надувшись.

— Бормочи, бормочи себѣ подъ носъ. Да! я все не дѣло говорю, я старый дуракъ!

Софья не выдержала и сказала съ горечью:

— Ахъ, дѣдушка! можно ли это! ктожь это думаетъ?

— Да вѣдь я знаю, что вы это думаете! Вамъ все не нравится. Вы бы все по-своему перевернули! Погоди вотъ, умру; вотъ тогда вспомните меня, да поздно. Тогда...

Но Софья быстро вспрыгнула къ нему на колѣна, обняла его и прервала его рѣчь поцѣлуями.

— Не смѣйте этого говорить, не смѣйте, говорила она съ ласковою фамильярностью,—я разозлюсь, я буду больна...

Онъ видимо смягчился, но старался скрывать это смягченіе нахмуреннымъ видомъ.

— Нечего злиться, душа моя, отвѣчалъ онъ, уже довольно нѣжно, хотя все еще раздражительно,—я дѣло говорю... А по-моему, когда старшій говоритъ, хорошо ли, дурно ли, такъ ли, не такъ ли,—младшіе должны молчать. Правда ли, Евгенія Александровна? обратился онъ ко мнѣ.

— Я думаю, правда, отвѣчала я противъ души, единственно изъ страха возобновить его рѣзкій, громкій говоръ противорѣчіемъ.

— Да, сказалъ онъ,—всѣ вы, должно-быть, не такъ думаете.

Вотъ, и самоваръ принесли. Пейте чай; а мнѣ нужно съѣздить.

— Куда вы ѣдете? спросила Софья.

— Мало ли куда нужно! экое вѣдь женское любопытство.

— Я такъ спросила...

— Такъ, такъ! то-то и есть, что вы дѣлаете все такъ, не подумавши. Что̀ придетъ въ голову, то и давай. Также, какъ давеча вдругъ пришла фантазія — дымомъ пахнетъ... а дымомъ и не думаетъ пахнуть... Ну, прощай, душа моя!

Софья поцѣловала у него руку, Надя послѣдовала ея примѣру.

— Не пугайтесь дѣдушкиной рѣзкости, Евгенія Александровна, сказала мнѣ Софья, — онъ, подъ часъ раздражителенъ, особенно, когда его что-нибудь заботитъ... Въ сущности, это благородный, честный человѣкъ, увѣряю васъ. У него здравый, практическій умъ, много опытности, довольно вѣрный взглядъ на многіе предметы.

— Я вамъ вѣрю...

— Ну, ужь, мой другъ, сказала Надя,—Богъ съ ней, съ его честностью, съ его благородствомъ! Пусть бы онъ былъ поменьше честенъ и благороденъ,—только бы не кричалъ такъ.

Софья засмѣялась.

— Что̀ дѣлать, моя милая, у всякаго свои слабости. Вотъ, ты не можешь говорить съ нимъ покойно, всегда какимъ-то недовольнымъ тономъ отвѣчаешь; не можешь промолчать ни разу на его замѣчанія, а это бы избавило насъ обѣихъ отъ многихъ непріятностей...

— Не могу! сказала Надя:—я дѣлаюсь больна, если переломлю себя. Слышите, сказала она мнѣ,—есть ли человѣческая возможность сдѣлать изъ себя деревяшку, быть безгласной, быть дурой — не смѣть сказать ни одного слова? Васъ, напримѣръ, стали бы сейчасъ увѣрять, что у васъ бородавка на носу, и если бы вы осмѣлились сказать— нѣтъ! подняли бы страшный крикъ и исторію? Было бы вамъ это пріятно? Да это адъ, это пытка! Я точно надъ пропастью хожу по тоненькой жердочкѣ и каждую минуту обмираю, чтобъ не оступиться...

— Вѣдь онъ часто и правду говоритъ, моя милая.

— Богъ съ нимъ и съ правдою! отвѣчала Надя:— эта правда

опротивѣетъ. Онъ воображаетъ, что грубостью и крикомъ заставитъ полюбить истину. Онъ, право, похожъ на тѣхъ миссіонеровъ, которые огнемъ и мечомъ проповѣдывали христіянство.

— Ну, довольно объ этомъ. Евгеніи Александровнѣ, я думаю, не оставитъ пріятнаго впечатлѣнія первый визитъ къ намъ. Какъ хорошъ свѣтъ солнца! сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, глядя, какъ солнечный лучъ озарялъ вѣтки плюща и рисовалъ ихъ правильною тѣнью на бѣлыхъ занавѣскахъ.—Что еслибы не было солнца, весны и цвѣтовъ, продолжала она,—я бы съ ума сошла. У меня едва достаетъ силъ переносить нашу угрюмую, морозную, восьмимѣсячную зиму. Къ концу, я начинаю впадать въ физическое и нравственное утомленіе, и продолжись зима еще два мѣсяца, мнѣ кажется, я умерла бы.

Съ этихъ поръ я часто бывала у Низановыхъ.

Дмитрій Васильевичъ Низановъ былъ странный человѣкъ. Я слѣдила съ невольнымъ любопытствомъ за этимъ многосложнымъ характеромъ, достойнымъ пера не столь слабаго, какъ мое.

Особенность этого характера заключалась не въ главныхъ его правилахъ и убѣжденіяхъ, — обозначеніе и разъясненіе этихъ правилъ и убѣжденій указало бы только на одну сторону его и сдѣлало бы его похожимъ на многихъ и многихъ, тогда какъ это сходство не довершило бы и въ половину его портрета. Нѣтъ, у него въ характерѣ было нѣсколько физіономій, если можно такъ выразиться, и всѣ онѣ сливались въ одну, подъ однимъ господствующимъ суровымъ колоритомъ. Духъ неудержимаго противорѣчія царствовалъ въ душѣ этого человѣка; онъ противорѣчилъ всѣмъ и каждому; противорѣчилъ даже самому себѣ, если слышалъ собственныя свои мнѣнія въ устахъ другихъ, особенно въ устахъ тѣхъ, кому онъ хотѣлъ доказать, что они глупѣе его, и что у него на все свой взглядъ. Онъ даже дотого увлекался этою страстію имѣть свой взглядъ, что, будучи человѣкомъ умнымъ отъ природы, говорилъ иногда несообразности. Эти противорѣчія лились страшнымъ потокомъ особенно тогда, когда дѣло доходило до предметовъ, выходящихъ изъ круга его понятій. Искажать эти предметы, налагать на нихъ печать своего страннаго сужденія—было для него какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ.

Но когда онъ встрѣчался съ людьми практическими, когда

дѣло шло о какой-нибудь матеріяльной общественной пользѣ, или общественномъ учрежденіи, или рѣшался такъ, между собой, какой-нибудь административный вопросъ, тогда Дмитрій Васильевичъ выказывалъ мудрость прямую, опытную, здравую. Честность и правдивость его признавалась всѣми.

Этотъ человѣкъ, за порогомъ своей домашней жизни и за порогомъ интересовъ души и сердца, искусства и науки, былъ человѣкъ полезный и дѣльный.

Въ домашней жизни, онъ создалъ себѣ желѣзный тронъ, и воля его близкихъ, нравственная самостоятельность ихъ личности разбивались объ этотъ тронъ.

Онъ преслѣдовалъ ихъ даже въ самыхъ намѣреніяхъ, онъ подозрѣвалъ, угадывалъ эти намѣренія: это значитъ, что онъ все-таки понималъ человѣческую природу, и громилъ, душилъ, давилъ ихъ своими грозными, раздражающими сентенціями. Онъ неутомимо преслѣдовалъ одну цѣль: заставить Софью и Надю, а хорошо бы и всѣхъ, думать, чувствовать, глядѣть на Божій свѣтъ и людей, такъ, какъ онъ думаетъ, чувствуетъ и глядитъ. Никакого отступленія отъ этихъ требованій онъ не-допускалъ, самую натуру хотѣлъ бы онъ передѣлать.

И всѣ эти преслѣдованія онъ пересыпалъ выраженіями нѣжности не только къ Софьѣ, которую любилъ истинно, но даже и къ неудержимой спорщицѣ Надѣ, которая не мало способствовала дурному расположенію его духа. Онъ не былъ злопамятенъ, и ласка производила на него, подъ часъ, благодатное дѣйствіе.

Жизнь его сложилась изъ мелочей, между тѣмъ какъ душа стремилась къ болѣе возвышенной дѣятельности, и, вотъ, чтобъ удовлетворить этой душевной потребности, онъ часто изъ пустой причины, изъ ничтожнаго обстоятельства дѣлалъ важные, строгіе и мрачные нравственные выводы, — и клалъ камнемъ на сердце то, что̀ могло бы скользнуть тихо и незамѣтно, не оставляя тягостнаго впечатлѣнія.

Можетъ-быть человѣкъ, съ его волей, и точно много бы могъ сдѣлать, могъ бы имѣть огромное вліяніе на близкихъ ему,— но способы, которые употреблялъ онъ, были ложны и неправильны; онъ въ самомъ дѣлѣ походилъ на тѣхъ миссіонеровъ, которые огнемъ и мечемъ проповѣдывали христіянскую вѣру.

При всемъ этомъ, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ человѣкъ кроткій, уступчивый.

Ко мнѣ былъ онъ расположенъ очень милостиво.

Удивятся можетъ-быть, что онъ даже съ перваго моего знакомства съ ними прямо началъ свои нотаціи молодымъ дѣвушкамъ: но онъ не стѣснялся ни при комъ, вслѣдствіе убѣжденія въ глубокой правотѣ своей въ подобныхъ сценахъ, и даже съ какою-то торжественною увѣренностью отдавалъ себя на судъ постороннимъ, будучи убѣжденъ, что всякій приметъ его сторону.

Повторяю, странный человѣкъ былъ Дмитрій Васильевичъ.

Вотъ нѣсколько сценъ, въ которыхъ онъ говоритъ самъ за себя.

— Скоро и весна! Какое счастіе! сказала однажды Софья, когда мы, отобѣдавши, сидѣли въ небольшой диванной Низановыхъ.

Дмитрій Васильевичъ ходилъ взадъ и впередъ, мурлыча про себя не то пѣсню какую, не то собственную фантазію.

— Да, сказалъ онъ, вслушавшись въ слова внуки, — если бы не было зимы, вѣдь человѣкъ не чувствовалъ бы такого удовольствія при наступленіи весны; а вотъ теперь это такъ пріятно, все начнетъ оживать... Такъ-то, дружокъ мой Сонечка.

— Не худо бы, дѣдушка, сказала она, — еслибъ зима была покороче.

— Зима какъ зима, отвѣчалъ онъ, вѣдь это вы все создаете себѣ разныя фантазіи, а я такъ никогда не тягощусь зимой.

— Нѣтъ, я чувствую себя дурно, особенно въ сильные морозы.

— Воображай, мой другъ, воображай себѣ разные вздоры! Ну, можетъ ли быть, чтобъ для русскаго человѣка были нездоровы морозы! Да что ты, изъ Италіи что ли пріѣхала?

Все это онъ проговорилъ уже пѣвучимъ, рѣзкимъ голосомъ.

— Да вѣдь ужь я, дѣдушка, не виновата.

— Конечно, конечно... на все можно себя настроить. Я тебѣ говорю, душа моя, серіозно, что ты находишься на опасной дорогѣ; ты удержись, ты работай надъ собой. Дѣвушка ты не дура, а составляешь такія глупыя идеи, что, право, слышать смѣшно.

— Какія же идеи, дѣдушка?

— Вотъ въ томъ и бѣда, что ты не видишь своихъ недостатковъ. Что ты, матушка, думаешь, въ Италіи-то рай что ли

земной? Ошибаешься, моя милая, ошибаешься! Путешествіямъ ты вѣришь? Врутъ они всѣ, врутъ! (Почти крикъ.)

— Да я не говорю объ Италіи.

— Не говоришь, да въ душѣ-то у тебя что?

— Признаюсь, я хотѣла бы жить гдѣ-нибудь поюжнѣе, въ Россіи же, если бы была возможность.

— А чего нельзя, того и желать не должно, вотъ какъ по-моему слѣдуетъ. То-есть тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. «Мнѣ моркотно молоденькѣ, нигдѣ мѣста не найду.» Ужь чисто моркотно вамъ, какъ я погляжу! Какая неблагодарность, къ Творцу-то какая неблагодарность! Данъ холстъ, нѣтъ, видите, толстъ. Желанія-то человѣческія безпредѣльны; только дай имъ волю—тутъ-то и ядъ, тонкій ядъ, не мышьякъ, не сулема, а нравственный ядъ...

Софья замолчала. Дмитрій Васильевичъ долго еще развивалъ причины ея нравственной порчи, но, не слыша возраженій, также умолкъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ къ ней и сказалъ нѣжно:

— Прощай, ангелъ мой, я пойду отдохнуть, — и поцѣловалъ ее.

Разъ, Софья, утомивъ зрѣніе продолжительнымъ чтеніемъ, опустила сторы на окнахъ. Приходитъ дѣдушка.

— Это зачѣмъ опустила сторы?

— Солнце прямо въ глаза, дѣдушка.

— Удивляюсь! для меня такъ ничего нѣтъ пріятнѣе солнца. Я не знаю, что вы за люди! Право, душечка, даже видѣть непріятно, что внука моя, точно разбойникъ, убѣгаетъ дневнаго свѣта...

Надя съ трудомъ удержалась отъ смѣха, да—грѣшный человѣкъ—и я чуть не расхохоталась. Софья тоже состроила оцѣпенѣлую физіономію, чтобъ не улыбнуться, и подошла поднять стору.

— Да оставь, оставь, мой другъ, пріучи себя къ потемкамъ. Вотъ какъ я этихъ глупостей не дѣлаю, такъ могу прямо смотрѣть на солнце...

— Вотъ какой у насъ орелъ! шепнула Надя.—Не у всякаго такое прочное зрѣніе, сказала она вслухъ.

— Ужь ты-то молчи, пожалуста!

— Я правду сказала...

— Ну да, конечно, я вру, а ты правду говоришь. А по-моему, когда старшій говоритъ, меньшіе должны молчать.

— Да что же это такое, продолжала Надя, несмотря на всѣ мины Софьи, выражавшія просьбу молчать, — нельзя слова сказать...

— Да ужь, матушка, ты мнѣ скоро глаза выцарапаешь!

— Что же я сказала?

— Пошла, пошла! Смотри, ужь позеленѣла отъ злости.

— Я и не думала зеленѣть отъ злости...

Всѣ мины Софьи пропали даромъ. Раздражительная, упрямая, вспыльчивая Надя продолжала отвѣчать и затѣяла непріятную исторію; дѣдушка вспылилъ и кричалъ ужасно, наговорилъ ей оскорбительныхъ вещей, вызванныхъ ею же самой, и кончилось тѣмъ, что она со слезами вышла изъ комнаты, потому что она иначе не хотѣла или не могла заставить себя замолчать.

Когда мы остались однѣ, Надя разразилась ропотомъ; Софья была разстроена и за дѣдушку, котораго любила, несмотря ни на что, и понимала что ему самому непріятно было, что онъ такъ вспылилъ, и за Надю, которая плакала.

— Скажи мнѣ, Надя, сказала ей Софья, — тебѣ доставляетъ особенное наслажденіе отвѣчать ему? Вѣдь ты очень хорошо знаешь, что за это наслажденіе ты дороже заплатишь, чѣмъ оно стóитъ... Промолчи ты, и ничего бы не было.

— Не могу я, чтожь мнѣ дѣлать, не могу!

— Милая моя! сказала Софья: — ты знаешь, какъ я была вспыльчива; ты знаешь, что не безъ труда передѣлала я себя. Дѣдушку ты не перемѣнишь, а только доведешь, да уже и довела, до крайней раздражительности съ собой. Посмотри, вѣдь слова не можетъ сказать съ тобой безъ крика. Что же это будетъ? Всѣ мои труды пропали даромъ. Я мучусь, я въ такомъ страхѣ, когда ты начинаешь съ нимъ говорить, что чувствую себя просто несчастной.

— Да что я сказала, что сказала такого?

— Тонъ музыку дѣлаетъ.

— Тонъ у меня обыкновенный, тебѣ только хочется обвинить меня понапрасну.

— Какъ тебѣ могло придти это въ голову? Я говорю только

правду, ты прибавляешь зло. Мы обѣ могли бы жить покойнѣе, если бы у тебя было побольше силы воли.

— Я не могу, какъ ты, выносить все это. За что̀ *онъ* на меня опрокинулся?

— За то, что ты всегда что-нибудь возражаешь, и возражаешь безконечно! А право, часто бываешь сама виновата.

— Господи! несчастная я! вскричала вдругъ Надя: — хоть бы умереть мнѣ поскорѣе! — и въ припадкѣ неожиданнаго бѣшенства, она упала на диванъ и била себя кулаками въ грудь и въ голову.

Софья спокойно и печально смотрѣла на эту комедію. Я бросилась къ Надѣ и схватила ее за руку.

— Не уговаривайте ея, милая Геничка, она будетъ послѣ покойнѣе и веселѣе.

Этотъ равнодушный тонъ, это спокойствіе удивительно какъ подѣйствовали на Надю. Она встала и успокоилась мгновенно.

Софья завела со мной разговоръ о постороннихъ предметахъ. Погодя немного, Надя подошла къ ней и, обнявъ ее съ нѣжностью, сказала:

— Ты сердишься на меня?

— Ты знаешь, что нѣтъ, но мнѣ жаль, что ты, такая хорошенькая, такая умненькая, подвержена такой страшной нравственной болѣзни, искажающей до дурноты твое лицо. Если ты выйдешь замужъ, очень пріятно будетъ мужу глядѣть, какъ ты бѣснуешься! Вѣдь ужь онъ не будетъ имѣть моей снисходительности.

— Ну, не сердись, ангелъ мой, не сердись!

— А назавтра тоже? сказала Софья.

— Нѣтъ, ужь я не буду ничего говорить.

— Увидимъ.

Надя, при первомъ же спорѣ, сдержала свое обѣщаніе не возражать дѣдушкѣ. Пустивъ на задоръ ему какую-то фразу, она, какъ только началъ онъ возвышать голосъ, вскочила, не дослушавъ его, выбѣжала вонъ изъ комнаты и хлопнула дверью. Софья обомлѣла. Дѣдушка имѣлъ теперь полное право разсердиться, но онъ, къ удивленію моему, сказалъ, правда сердито, но довольно тихо:

— Софья Павловна! Ты изволь сказать своей сестрицѣ, чтобъ

она не смѣла этого дѣлать, а то я ее изъ дому вышвырну. Смотри-ка, ужь дверьми изволитъ хлопать! Ну, въ какой порядочной семьѣ это дѣлается? я думаю, ни въ одномъ домѣ не позволятъ себѣ подобной выходки противъ старшихъ. Ты изволь ее унимать, если не хочешь, чтобъ я вытолкалъ ее. Ты старшая; она говоритъ, что любитъ тебя, ну такъ и дѣйствуй; не заставь дѣйствовать меня, ужь я примусь не по-твоему. Что, Евгенія Александровна, обратился онъ ко мнѣ, — вы этакъ поступаете съ своею тетушкой? Я человѣкъ кроткій, я не деспотъ, я ихъ, кажется, ни въ чемъ не стѣсняю...

Софья приласкалась къ нему, и онъ успокоился.

Съ Надей опять была у Софьи прежняя исторія: опять увѣщанія Софьи, опять бѣшенство и вспыльчивость Нади, обращенныя на себя, потомъ примиреніе, потомъ обѣщаніе — въ буквальномъ смыслѣ — не хлопать дверью. Чѣмъ-то она замѣнитъ это хлопанье? Бѣдная Софья!

Я отъ души полюбила молодыхъ дѣвушекъ, особенно Софью. Чѣмъ больше всматривалась я въ эту душу, тѣмъ больше проникалась къ ней самымъ живымъ участіемъ, самымъ искреннимъ сочувствіемъ. Меня увлекалъ ея умъ, живой, образованный, своебытный. Въ ея ласкахъ, въ ея манерахъ было что-то чарующее. Надя не даромъ называла ее волшебницей. Часто, лѣнивая, холодная, она вдругъ перерождалась и согрѣвала ваше сердце такою глубокою симпатичностью, такою благодатною лаской, что вамъ становилось весело и хорошо, какъ при лучахъ весенняго солнца. Ни чье страданіе не было для нея чуждо: она всякаго умѣла ободрить и развеселить. И если задѣвала, нечаянно, какую-нибудь грустную струну въ чужомъ сердцѣ, то тотчасъ же старалась сгладить непріятное впечатлѣніе. Въ ней столько было силы воли, что она не позволяла разрушать себя житейскимъ невзгодамъ. Она не бѣгала дѣйствительности, но вглядывалась въ нее кротко и любовно, и желала только, чтобы, по временамъ, туманные дни ея жизни озарялись солнечнымъ свѣтомъ. Въ прошедшей своей юности, она любила и была любима страстно, но пронеслась надъ нею какая-то тайная буря и смяла навсегда ея счастье; послѣ этого, измученное сердце ея уже не искало страсти, оно устало для нея — и на Надю и дѣдушку перенеслась вся глубокая, ясная и прочная нѣжность этого сердца. Но судьба,

какъ нарочно, устроила такъ, что именно эти два существа, огорчая и раздражая другъ друга, были для нея источникомъ многихъ непріятностей.

Обманутая въ лучшихъ надеждахъ, придавленная въ домашней жизни желѣзною волей дѣда, эта женщина тихо и спокойно глядѣла въ свою будущность, гдѣ было уже все для нея опредѣленно, гдѣ ничто не манило ея, кромѣ спокойствія и свободы, которыя должны были придти поздно. И если вспыхивала она, порой, ропотомъ и негодованіемъ, то считала это слабостью, пароксизмомъ душевной болѣзни, какъ она выражалась. Ясное небо, распустившійся цвѣтокъ, заунывная пѣсня на улицѣ,— все доставляло ей долгое и тихое наслажденіе.

— Берегите свою душу, Геничка, часто говорила она мнѣ:—не выдавайте ея на жертву первому горю; берегите свои силы, — жизнь долга, доживать ее убитой и обезсиленной тяжело.

Однажды я пришла къ нимъ утромъ.

Она была, по обыкновенію, какъ-то лѣниво-спокойна. Вдругъ, среди веселаго разговора, брови ея сдвинулись, на поблѣднѣвшемъ лицѣ выразились тоска и страданіе... Мы съ Надей посмотрѣли на нее съ безпокойствомъ и участіемъ.

— Ради Бога, не тревожьтесь, сказала она:—у меня, по временамъ, болятъ старыя раны; это сейчасъ пройдетъ.

Она отошла, сѣла въ уголъ и горько зарыдала.

— Глупая нервность! сказала она, проплакавшись: — это истерика; теперь я опять покойна, все прошло.

И вправду она была опять попрежнему.

О, какъ мнѣ иногда было жаль ея! какъ было жаль, что судьба втиснула въ такую узкую, безцвѣтную среду эту сильную, энергическую душу. Разумно сознавая невозможность расширить эту среду, она сама сжимала, давила свою богатую природу, чтобы установиться въ ней по возможности. Когда ея томленіе, ея жажда, ея тоска по лучшей жизни вспыхивали, она безжалостно усмиряла ихъ силой воли. Она походила на больнаго, строго исполняющаго предписанія опытнаго врача, съ желаніемъ выздоровѣть. Врачъ этотъ былъ разсудокъ; болѣзнь — стремленіе души къ наслажденіямъ высшимъ и благороднымъ. Прекрасная болѣзнь, но все-таки болѣзнь, особенно при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ.

Къ сожалѣнію, недолго довелось мнѣ пользоваться обществомъ Низановыхъ. Дмитрій Васильевичъ неожиданно получилъ значительное наслѣдство и, въ концѣ апрѣля, отправился съ своими внучками въ другую, довольно отдаленную, губернію.

Хотя и грустно мнѣ было съ ними разстаться, но я порадовалась за нихъ и пожелала имъ счастія.

III.

Татьяна Петровна переѣзжала на лѣто въ деревню, и вскорѣ послѣ отъѣзда Низановыхъ засуетилась и Степанида Ивановна, укладывая банки, бутылки и всякую домашнюю утварь въ корзины и кульки, для отправки на подводахъ въ деревню. Анна возилась съ барынинымъ гардеробомъ; горничныя — каждая съ своимъ добромъ. Татьяна Петровна ни во что не вмѣшивалась; ея дѣло было только отдать приказаніе, да наказать, чтобъ было взято все, что̀ нужно. Такъ какъ переѣзды совершались каждый годъ, то и знали, что̀ нужно. Однако Анна, вѣроятно, затрудняясь перемѣной, представлявшеюся въ моей особѣ, рѣшилась спросить барыню, въ какой сундукъ прикажетъ она уложить мои вещи.

— Ахъ, мать моя! будто ты не знаешь? ну, уложи куда-нибудь. Пришла безпокоить меня объ этакомъ вздорѣ!

Анна скрылась. Черезъ нѣсколько минутъ она явилась ко мнѣ въ мою комнату.

— Вы извольте, Евгенія Александровна, переписать все ваше, чтобы послѣ какого грѣха не вышло.

Удовлетворивъ ея требованіямъ, я сдала ей на руки мое имущество.

Наконецъ насталъ день отъѣзда.

Съ особеннымъ удовольствіемъ сѣла я въ высокую старую четвероместную карету, запряженную четверней, съ форрейторомъ жирными, добрыми конями, о которыхъ Татьяна Петровна имѣла самое нѣжное попеченіе, и потому всегда ѣздила шагомъ. Проѣхавъ нѣсколько мощеныхъ и немощеныхъ улицъ, мы выбрались за заставу, и на меня пахнуло свѣжимъ воздухомъ полей.

Еще первый годъ въ моей жизни я до первыхъ чиселъ мая не видала озими, лѣса и далекаго горизонта.

Березы, одѣтыя молодымъ листомъ, разливали ароматъ и весело качали своими зелеными вершинами. Что-то знакомое, привольное, радостное обуяло мою душу; мнѣ хотѣлось выскочить изъ экипажа, бѣжать по мягкому лугу, нарвать незабудокъ, купальницы, синихъ колокольчиковъ. Мнѣ хотѣлось слѣдить за весенними облаками не изъ узкаго окна кареты, а разлегшись на душистой травѣ. Вонъ тамъ, вдали, сосновая роща; вонъ бабочки кружатся надъ цвѣтами; вотъ и жаворонокъ залился своею весеннею пѣснью...

— Боже мой! Боже мой! какъ все хорошо! невольно сказала я вслухъ, высунувшись въ окно.

— Что̀ это такъ хорошо? спросила Татьяна Петровна.

— А вотъ все это, отвѣчала я: — поле, небо, лѣсъ.

— Ахъ ты деревенская барышня! сказала Татьяна Петровна довольно снисходительно. — Смотри, не ушибись на первомъ толчкѣ; смотрѣть страшно, какъ ты сидишь—вся высунулась въ окно. Любуйся такъ своими полями, а то и неприлично такъ выглядывать: могутъ встрѣтиться знакомые.

Я усѣлась чинно и прямо.

— Вы любите деревню, Амфиса Павловна? спросила я мою сосѣдку.

— Что-съ? отозвалась она рѣзко.

— Любите вы деревню? Вы спите что ли?

— И не думаю... мнѣ все равно, гдѣ ни жить, въ городѣ ли, въ деревнѣ.

— Ну, полно, Амфиса, городъ больше любишь; да, признаться, я и сама не могу жить зимой въ деревнѣ. Не хочешь ли, я тебя съ Амфисой оставлю на зиму въ деревнѣ? спросила она меня.

— Нѣтъ, соскучатся, отвѣчала та, невольно испугавшись.

— Чтожь, можно найдти занятіе — крысъ ловить.

И Татьяна Петровна сама засмѣялась своей острой шуткѣ.

— Это молоденькимъ хорошо, а мы ужь стары.

— Давно ли ты въ старухи-то записалась?

— Ужь я веду-то себя давно, какъ старуха.

— И прекрасно дѣлаешь: ничего нѣтъ смѣшнѣе старыхъ дѣвушекъ, которыя молодятся.

— Я, по-вашему, съ семнадцати лѣтъ старая дѣвушка.

Татьяна Петровна была въ веселомъ расположеніи духа; видно, и на нее благотворно дѣйствовалъ загородный воздухъ. Она, впрочемъ, съ нѣкотораго времени не казалась мнѣ такою сухою и строгою, какою я видѣла ее прежде. У нея были только свои правила и свои коренныя привычки смотрѣть на вещи. А такъ какъ въ ней было нѣкоторое фамильное сходство въ чертахъ съ покойною тетушкой, то мнѣ подчасъ хотѣлось полюбить ее и пріобрѣсти ея расположеніе.

Такъ какъ усадьба Татьяны Петровны была только въ тридцати верстахъ отъ города, то мы скоро и пріѣхали. Мы подъѣзжали дорогой, лежащею между полей, зеленѣющихъ озимью; мѣсто было открытое и ровное; двѣ довольно большія рощи зеленѣли въ сторонѣ, за полями. Эти рощи, равно какъ и поля, принадлежали къ усадьбѣ. Мы въѣхали на широкій дворъ съ приличными строеніями, и подъѣхали къ довольно-большому каменному дому мрачной наружности.

Все это имѣніе досталось Татьянѣ Петровнѣ послѣ ея мужа, съ которымъ она жила недолго. Замужъ она вышла уже немолода. Впрочемъ, она была гораздо моложе моей тетушки, и ей на видъ казалось лѣтъ сорокъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ насъ пожилой человѣкъ съ полубарскою физіономіей, въ темнобуромъ сюртукѣ, съ маленькими глазами и огромными рыжими бакенбардами; это былъ прикащикъ, котораго я видала и въ городѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ отчетомъ и за приказаніями, но приказанія эти были только одною формой: онъ самъ очень ловко ихъ подсказывалъ, и такимъ образомъ избавлялъ помѣщицу отъ лишней заботы.

Татьяна Петровна, какъ всѣ люди, эгоистическіе по натурѣ, не любила труда и заботливыхъ наблюденій.

Покуда разбирались и хлопотали въ домѣ, я успѣла уже обѣжать комнаты, вышла на балконъ и сошла въ маленькій, квадратный садикъ, окруженный стриженными липовыми аллейками; осмотрѣла его небольшіе, тоже квадратные, цвѣтники и скамеечки, разставленныя по всѣмъ четыремъ угламъ. Садъ былъ обнесенъ невысокимъ, но плотнымъ частоколомъ. Одною стороной выходилъ онъ на дорогу, другою примыкалъ къ теплицѣ. Мнѣ показалось въ немъ тѣсно и скучно.

Я возвратилась въ домъ. Комнаты хотя и были освѣщены яркимъ весеннимъ солнцемъ, но пахли еще пустотой и зимнею сыростью. Пріемныя комнаты, съ чинно-уставленными креслами и диванами, обитыми полинялою шерстяною тканью и какъ-будто привинченными къ полу, показались мнѣ холодны и пусты; шаги въ нихъ раздавались глухо и дико, какъ-будто самыя комнаты одичали, рѣдко посѣщаемыя живыми существами. Я бы не рѣшилась сдвинуть въ нихъ ни одного кресла; мнѣ казалось, что сейчасъ явится какой-нибудь грозный духъ и накажетъ меня за безпорядокъ. Нѣсколько потемнѣвшихъ картинъ висѣли по стѣнамъ; сюжеты ихъ большею частью были изъ священной исторіи

Татьяна Петровна помѣстилась въ небольшой комнатѣ съ лежанкой, въ другой половинѣ дома, и расположилась пить чай.

— Ты была въ саду, Геничка? спросила она меня. — Вотъ у меня садикъ, хотя и небольшой, но въ порядкѣ, не то что у покойной сестрицы: тамъ садъ былъ совсѣмъ запущенъ. Ну, отъ ея ли состоянія было поддерживать такой огромный садъ! И домъ-то весь заглушилъ, въ окна лѣзъ.

— Я его очень любила, сказала я.

— Ну, да тебѣ въ немъ бѣгать было просторно.

— У насъ было много воздушныхъ жасминовъ, бѣлой и лиловой сирени... всякихъ цвѣтовъ.

— Хорошо, что ты напомнила мнѣ о воздушныхъ жасминахъ; надо достать кустикъ, да посадить. А вотъ посмотри-ка тамъ, въ огородѣ, сколько ягодъ.

— Вы мнѣ, ma tante, позволите гулять подальше въ полѣ? Я привыкла много гулять.

— Неужели одна?

— Одна, ma tante.

— Какъ ты не боишься? мало ли что̀ можетъ случиться! Все до времени... Вотъ, гуляйте вмѣстѣ съ Амфисой.

— Очень рада, отвѣчала та.

— Степанида Ивановна! гдѣ моя комната? спросила я ключницу, выйдя въ дѣвичью.

— Вонъ, матушка, наверху; пожалуй за мной, я провожу.

— Что̀, вы рады ли въ деревню, Степанида Ивановна?

— Что̀, матушка, наше дѣло подвластное: куда прикажутъ, туда и ѣдешь; родныхъ у меня нѣтъ. Въ городѣ-то вотъ только

тѣмъ хорошо, что церковь Божья близко; грѣшница, хоть лобъ-то лишній разъ перекрестишь.

— Молиться вездѣ можно.

— Да ужь, матушка, живешь на грѣхѣ, — какая молитва! Вонъ, посмотришь, добрые люди гдѣ-гдѣ по святымъ мѣстамъ не побываютъ! У меня есть старушка знакомая, такъ она въ Кіевъ три раза ходила, въ Соловкахъ была. Чтой-то, какъ она поскажетъ, какихъ она мѣстъ не видала! А въ Кіевѣ-то, говорятъ, груши да черносливъ такъ вотъ растутъ, какъ у насъ рябина, либо черемуха. Уродилъ же Господь этакую сторонку! хоть бы глазкомъ взглянулъ, да и умеръ!

Путешествіе въ Кіевъ сдѣлалось у Степаниды Ивановны, со времени знакомства ея, съ годъ тому назадъ, съ одною старушкой-богомолкой, постоянною мечтой. Эта мечта тревожила ее до такой степени, что Степанида Ивановна начинала тяготиться своими обязанностями, и часто говорила:

— Хоть бы ужь отпустила меня Татьяна Петровна! Послужила я ей, и безъ меня у ней много; ну, на что̀ я ей нужна? По кладовымъ-то есть кому ходить. Хоть бы я о душѣ-то своей порадѣла.

— Эхъ, Степанида Ивановна! неужели вы думаете, что какъ вы пошатаетесь по разнымъ мѣстамъ, такъ и спасетесь? замѣчала я ей.

— Такъ неужто здѣсь, на этакомъ грѣхѣ, спáсенье? Только, окаянная, осудишь, лишнее скажешь; ну, видишь—не терпится.

Грѣхомъ она называла всѣ соблазнительныя вольности молодыхъ горничныхъ, возмущавшія ее до глубины души.

Степанида Ивановна очень любила меня и дѣлилась со мной всѣми своими горестями. Но не всегда жаловалась Степанида Ивановна; часто, когда я уже укладывалась въ постель, она приходила ко мнѣ въ ночномъ костюмѣ (она спала въ смежной комнатѣ), то-есть въ одной рубашкѣ и пестромъ платкѣ на головѣ, вставала на колѣни у моей кровати и разговаривала о разныхъ интересныхъ предметахъ. Мнѣ доставляло удовольствіе говорить ей о вещахъ неслыханныхъ и до сихъ поръ неподозрѣваемыхъ ею. Она, старая Степанида Ивановна, съ совершенно-дѣтскимъ, жаднымъ любопытствомъ слушала меня. Да и какъ ей было не слушать: отъ меня узнавала она, что есть страны, гдѣ не бываетъ зимы, что есть

далеко, далеко большое государство Китай, откуда привозятъ чай, столь ею любимый, гдѣ онъ растетъ въ поляхъ и гдѣ его собираютъ, какъ у насъ сѣно; узнавала, какіе люди въ Китаѣ, и что они идолопоклонники. Также узнала она за великую новость, что Французы, Нѣмцы, Итальянцы—христіяне, а Турки вѣруютъ въ Бога и не вѣрятъ въ Христа.

Пожелавъ мнѣ покойной ночи, она всегда говорила, уходя:

— Больно вы умны, матушка, Господь открылъ вамъ... А-а-хъ! чего нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ!

Вскорѣ получили письмо отъ Лизы, въ которомъ извѣщалось, что она съ мужемъ, по разнымъ причинамъ, не можетъ пріѣхать нынѣшнее лѣто, а что если будутъ живы, то на будущее непремѣнно постараются быть.

Татьяна Петровна получила также письмо отъ Абрама Иваныча (весельчака-генерала, пріѣзжавшаго на свадьбу Лизы и покровительствующаго ея мужу). Тетушка объявила, что Абрамъ Иванычъ обѣщается въ іюлѣ мѣсяцѣ непремѣнно пріѣхать къ ней погостить. Она объявила это съ какою-то скрытою радостью, и хотя въ голосѣ ея было обычное равнодушіе, но лицо оживилось дотого, что покрылось яркимъ румянцемъ.

— Вотъ, прибавила она, — нынче ужъ такихъ знакомствъ не дѣлаютъ: пятнадцатъ лѣтъ я его знаю, и во все это время никогда не перемѣнялся. Въ память покойнаго моего *друга* (такъ называла она своего мужа) онъ готовъ для меня въ огонь и въ воду.

— Почтенный человѣкъ! сказала Амфиса, — ужь точно онъ для васъ все равно что̀ родной...

Татьяна Петровна какъ-то подозрительно взглянула на Амфису; но видя, что та безстрастно стегаетъ иголкой, отвернулась и сказала:

— Родные бываютъ въ двадцать разъ хуже. Вонъ, есть у меня родной братецъ—все равно что̀ чужой.

— Это дядюшка Василій Петровичъ?

— Да, вѣдь ты его знаешь. Что̀! допекалъ, я думаю, онъ покойницу сестрицу, какъ жилъ у васъ прошедшее лѣто?

— Случалось.

— Ужь я такъ и думала, какъ она написала мнѣ, что къ вамъ этотъ дорогой гость пожаловалъ.

— Гдѣ онъ теперь служитъ, тетушка?

— Хорошее мѣсто получилъ; еще, право, онъ счастливъ.

Послѣ этого тетушка взяла со стола письмо Абрама Ивановича и стала его снова перечитывать.

Я глядѣла на тетушку, и мнѣ вдругъ пришелъ въ голову странный вопросъ: могла ли бы она влюбиться?

Однажды я взяла карты и стала ихъ раскладывать передъ Татьяной Петровной.

— Что, ты это, гадаешь, что ли? спросила она меня.

— Гадаю.

— Будто ты что-нибудь и смыслишь?

— О, я мастерица! Я у Катерины Никитишны выучилась.

— Ну-ка, погадай.

— Извольте, задумывайте.

— Ну, на трефовую даму.

Я разложила карты, движимая какимъ-то особеннымъ вдохновеніемъ.

— Ну, что же вамъ сказать?—У этой дамы есть король, который желаетъ ее видѣть, — желаніе его исполнится. У этой дамы на душѣ есть тайная, глубокая любовь, въ которой она не признается никому. Она думаетъ, что о ней не догадывается даже и тотъ, кого она любитъ, а онъ знаетъ это или догадывается. Она не надѣется, не ждетъ ничего, но въ жизни ея случится счастливый переворотъ; ей предстоитъ дорога.

Тетушка улыбнулась и сказала:

— Кажется, ты все врешь.

Она еще никогда такъ фамильярно-ласково не говаривала со мной.

— Погодите еще, не все, съ чѣмъ останется.

Я сняла пары, трефовая дама осталась съ червоннымъ королемъ и трефовою девяткой.

— Видите, она не разстанется съ червоннымъ королемъ и будетъ жить съ нимъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Дама эта, продолжала я, выдергивая еще нѣсколько картъ,—очень недовѣрчива; она кажется веселою и покойною, но часто груститъ. Въ ея прошедшемъ та же любовь и къ тому же королю. У ней были враги, но они далеко.

Все это я говорила съ важнымъ, таинственнымъ видомъ.

— Амфиса! сказала тетушка:—вѣдь она въ самомъ дѣлѣ чудесно гадаетъ.

— Я и то слушаю да удивляюсь.

Съ этихъ поръ,—увы!—тетушка заставляла меня гадать по нѣскольку разъ въ день. Попавши разъ на удачную тему, я развивала ее вполовину по картамъ, вполовину по какому-то смутному инстинкту. Я говорила тетушкѣ такія вещи, относя ихъ къ трефовой дамѣ, которыя никогда бы не рѣшилась сказать ей безъ картъ. Я осторожно прикасалась къ тайнымъ и скрытымъ пружинамъ души ея, будила чувства, повидимому, уснувшія, — и поняла, что тетушка не безстрастна и не стара душой. Каждый разъ черты лица ея смягчались и оживлялись,— она дѣлалась веселѣе и говорливѣе.

Амфиса Павловна тоже попросила меня предсказать ей ея судьбу; я пророчила ей скорое, счастливое замужство, и она просіяла.

Однимъ словомъ, я сдѣлалась оракуломъ этихъ двухъ женщинъ и могла ихъ огорчать или радовать по своему произволу. Съ тетушкой устроился у насъ даже родъ нѣкоторой откровенной бесѣды, посредствомъ картъ, и изъ существа лишняго, ненужнаго, я обратилась почти въ пріятную собесѣдницу.

Татьяна Петровна, вмѣсто прежнихъ строгихъ предписаній заниматься больше работой, сама очень снисходительно позволила мнѣ пользоваться довольно хорошею, деревенскою библіотекой ея, также какъ и гулять, когда и гдѣ мнѣ вздумается.

— Нѣтъ, сегодня я даромъ не буду вамъ гадать, сказала я однажды шутя,—прикажите садовнику поставить резеды въ мою комнату.

И горшки съ резедой явились на моихъ окнахъ.

Итакъ случилось, что одно обстоятельство, повидимому ничтожное, имѣло вліяніе на домашнюю жизнь мою у Татьяны Петровны! ..

Прогулки, какъ и всегда, доставляли мнѣ большое наслажденіе. Уединеніе деревенской жизни успокоительно дѣйствовало на мою душу и цѣлило раны прошедшаго. Воспоминаніе о немъ не обливалось уже тою горечью. Правда, часто, когда я уходила въ глубину березовой рощи, подъ шумъ деревьевъ, подъ пѣніе

птицъ, мнѣ слышались знакомые голоса, видѣлись родныя мѣста... Часто образъ Данарова являлся передо мной, будя уснувшее чувство, напоминая сладкія и горькія минуты нашей встрѣчи,—и мнѣ бывало грустно, грустно,—но сердце мое уже не ныло болью разочарованія и досады. Новой любви я не ждала и не просила; я боялась ея, я уже не вѣрила въ нее.

IV.

Татьяна Петровна вздумала исполнить свое давнишнее обѣщаніе — съѣздить помолиться въ *** монастырь, находящійся верстахъ въ шестидесяти отъ ея усадьбы. Насъ съ Амфисой также брала она съ собой.

Къ вечеру на другой день открылся передъ нами монастырь, окруженный съ одной стороны лѣсомъ, на темномъ фонѣ котораго рисовались его бѣлыя колокольни, блестѣли вызолоченныя главы, съ другой стороны—озеромъ, неподвижнымъ и чистымъ какъ зеркало. Дорога шла по берегу большой рѣки, быстрой и шумной отъ мельницъ, устроенныхъ на ней. Справа простиралась обширная лощина, пестрѣвшая стадами и мелкимъ кустарникомъ; слѣва рѣка катила свои синія воды. Вечеръ былъ тихій и ясный, и обливалъ весь ландшафтъ легкимъ, золотистымъ свѣтомъ. Мы остановились въ монастырской гостинницѣ, гдѣ помѣстилось также нѣсколько семействъ, пріѣхавшихъ на богомолье, по случаю годоваго праздника въ монастырѣ, и тотчасъ же отправились ко всенощной. Возвращаясь домой и проходя коридоромъ гостинницы, мы встрѣтили нѣсколько незнакомыхъ лицъ, каждый спѣшилъ въ свое отдѣленіе насладиться вечернимъ чаемъ. Особенно шумѣла, зачѣмъ не готовъ самоваръ, одна толстая помѣщица, пріѣхавшая съ худощавою, высокою дочерью въ бѣлой шляпкѣ съ зеленымъ вуалемъ, изъ-подъ котораго ярко и бойко сверкали ея черные глаза, и двумя маленькими сыновьями, которыхъ велъ за руку молодой человѣкъ, какъ видно было—гувернеръ.

Корридоръ былъ освѣщенъ однимъ нагорѣвшимъ сальнымъ огаркомъ, но, несмотря на его тусклое мерцаніе, мнѣ показалось

что-то знакомое въ осанкѣ молодаго человѣка; я оглянулась на него невольно, пропустивъ впередъ тетку съ Амфисой, и оглянулась именно въ то время, когда онъ снялъ фуражку у дверей нумера и говорилъ что-то дѣтямъ: лицо и голосъ были Павла Иваныча. Я чуть не вскрикнула, чуть не подошла къ нему. Но это была одна минута, онъ вошелъ къ себѣ, не замѣтивъ меня. Я послѣдовала за своими, едва скрывая волненіе, охватившее меня при мысли, что старый другъ, которому я такъ вѣрила и котораго любила самою первою, хотя и полудѣтскою, но искреннею любовью,—такъ близко! Да, это былъ онъ, это его кроткое, задумчивое лицо, его мягкій, пріятный голосъ и свѣтлорусыя волнистыя кудри. Онъ почти не измѣнился, только одѣтъ пощеголеватѣе, да какъ-будто станъ немного сгорбился.

— Неужели ты еще, Геничка, не устала? сказала мнѣ Татьяна Петровна:—расхаживаешь взадъ и впередъ. Садись-ка лучше, пей чай.

Я помѣстилась на диванъ, которымъ была заставлена дверь сосѣдняго нумера, занимаемаго толстою помѣщицей; оттуда слышались голоса, къ которымъ я любопытно прислушивалась.

— Павелъ Иванычъ! хотите чаю? произнесъ звонкій, свѣжій женскій голосъ.

— Прошу васъ, налейте, отвѣчалъ Павелъ Иванычъ.

— Не надо бы давать вамъ чаю, не стóите: всю дорогу дремали; на чтò это похоже! А еще съ дамами ѣхали,—куда какъ любезно!

— Сонъ въ дорогѣ—отрада.

— Ахъ, Таничка, чего ты только не выдумаешь! Не спи, человѣкъ, когда спать хочетъ! Вѣдь не всѣмъ быть такимъ безсоннымъ птицамъ, какъ ты, раздался хриплый, густой голосъ помѣщицы.—А я, вотъ, и рада бы уснуть, да кашель не даетъ; привязался, проклятый, другую недѣлю.

— Это вы, маменька, въ жаръ холоднаго напились.

— Нѣтъ, душенька, не оттого, такъ.

— Хотите папироску? Павелъ Иванычъ! господинъ философъ! я вамъ говорю...

— Ахъ, извините! очень вамъ благодаренъ.

— «Папироска, другъ мой тайный! Какъ тебя мнѣ не любить!» запѣла Таничка, немного фальшивя.

— Татьяна Алексѣвна! опомнись! гдѣ мы? въ какомъ мѣстѣ? Кажется, не пѣсни пѣть сюда пріѣхали.

— Ахъ, виновата—забыла.

Между тѣмъ мальчики о чемъ-то зашумѣли между собой.

— Вонъ, ученики-то ваши ужь скоро подерутся, прибавила она.

— Господа! въ чемъ дѣло? Ай-ай! какой стыдъ такъ шумѣть! Ваня! подойди сюда! мнѣ хочется съ тобой поговорить...

— Боже мой! что тутъ за ватага? они покою не дадутъ! сказала Татьяна Петровна.—Пересядь, Геничка, на другое мѣсто, чего слушать!

Я встала и отошла къ окну. По монастырскому двору шло нѣсколько монаховъ; ихъ черныя фигуры таинственно рисовались въ вечернемъ сумракѣ; плакучія березы разрослись широко и развѣсисто по оградѣ; сквозь тонкую сѣть ихъ вѣтокъ проглядывалъ рогъ молодаго мѣсяца, сливая свой трепетный свѣтъ съ отблескомъ потухавшей зари; въ окнахъ келій мерцали огоньки..

Шумъ въ дверяхъ нашей комнаты заставилъ меня оглянуться. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла толстую помѣщицу и за ней Таничку, входящихъ къ намъ.

— Татьяна Петровна! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Привелъ Богъ встрѣтиться. Узнаешь ли меня, другъ мой?

— Лукерья Андревна! любезный другъ! Тебя ли я вижу? Какими судьбами?

— А вотъ, помолиться пріѣхала. Вѣдь я потеряла моего Алексѣя Дмитрича!

— Давно ли? Ахъ, Боже мой!

— Да ужь другой годъ; съ тѣхъ поръ и Москву оставила, въ деревню переѣхала. Рекомендую мою Таничку. Ты ее еще крошкой видѣла.

— Поцѣлуйте меня, милочка! Мы съ мамашей вашей очень дружески были знакомы. А это, вотъ, также рекомендую—племянница моя. Геня! познакомься съ mademoiselle. Амфисочку-то помнишь, Лукерья Андревна?

— Какъ не помнить! Очень пріятно видѣть.

И барыни занялись разказами о своей жизни, воспоминаніями о прежнихъ знакомыхъ. Амфиса присоединилась къ нимъ.

Таничка живо и нецеремонно подала мнѣ руку, весело примолвя:

— Очень рада съ вами познакомиться! Вы въ первый разъ здѣсь?

— Въ первый. А вы ужь бывали здѣсь?

— Да, прошлаго года, когда, послѣ кончины папеньки, ѣхали изъ Москвы.

— Вы постоянно жили въ Москвѣ?

— Почти постоянно. Ахъ, вотъ тамъ было весело! не то что здѣсь, въ деревнѣ. Вы не бывали въ Москвѣ?

— Нѣтъ.

— Ахъ, Москва чудный городъ!.. Какіе магазины, бульвары!.. Какъ весело!.. у насъ много было знакомыхъ,—вечера, танцы... Ахъ, ужь лучше не вспоминать!..

— Вы очень скучаете въ деревнѣ?

— Да, скучаю иногда. Притомъ же сосѣдей порядочныхъ нѣтъ, никакого разсѣянія. А вы чѣмъ занимаетесь? много читаете?

— Да, читаю, работаю, гуляю. У насъ тоже нѣтъ сосѣдей.

— Ну, такъ и вамъ скучно?

— Я привыкла къ уединенной жизни; я выросла и воспиталась въ деревнѣ.

— Ну, это конечно легче. А вотъ, у насъ учитель живетъ,— такъ никогда не скучаетъ, такой философъ! Я съ нимъ часто ссорюсь, все хочу разсердить его, ни за что не разсердишь. Все сидитъ за книгой, даже надоѣлъ. Онъ очень ученъ, въ университетѣ въ Москвѣ экзаменъ выдержалъ на кандидата; и теперь все учится, все ученыя книги читаетъ; половину жалованья на нихъ тратитъ. Я иногда и книгу-то у него унесу, спрячу... Ужь онъ проситъ, проситъ отдать назадъ.

— За что̀ вы его такъ мучите?

— Ничего, пусть помучится: это здорово!

И она засмѣялась.

— Я романы иногда люблю читать, продолжала она, стихи люблю, ужасъ какъ люблю! Вы знаете эти стихи:

«Разстались мы, но твой портретъ
Я на груди моей храню...»

— Чудесные! Не знаете ли вы хорошенькихъ стишковъ?

— Таничка! Поди, позови учителя съ дѣтьми сюда. Татьяна Петровна желаетъ видѣть дѣтей.

— Ой-ой! какъ будетъ тѣсно, когда мы всѣ сюда заберемся, сказала Таничка и побѣжала, сверкнувъ на меня своими быстрыми глазками и примолвя съ улыбкой: до свиданія!

Я знала, что онъ сейчасъ придетъ, а я не осмѣлюсь даже подать вида, что знаю его! Что̀ сказала бы Татьяна Петровна, еслибъ узнала, что это тотъ самый молодой человѣкъ, присутствіе котораго поставило меня когда-то «на краю пропасти», отъ которой она такъ торжественно спасла меня! Узнаетъ ли онъ меня? И если узнаетъ, какъ онъ выразитъ это?

Сердце у меня замерло, когда у дверей раздались голоса, и вошелъ Павелъ Иванычъ съ дѣтьми.

Я нарочно стала въ тѣни, такъ, чтобъ онъ не могъ хорошенько разглядѣть моего лица. Я не подумала, что между нами прошли цѣлыя пять лѣтъ, что изъ ребенка я стала взрослою дѣвушкой. По Татьянѣ Петровнѣ онъ также не могъ узнать меня; едва ли онъ зналъ или помнилъ ея имя. Можетъ-быть, и меня позабылъ онъ! Мало ли новыхъ чувствъ и впечатлѣній набралось у него въ эти пять лѣтъ!

Вскорѣ онъ подошелъ къ намъ. При первомъ взглядѣ на меня, на лицѣ его не выразилось ничего, кромѣ обыкновеннаго, легкаго любопытства, при встрѣчѣ съ новымъ лицомъ.

Мнѣ становилось грустно и досадно: отчего же я помню? отчего я узнала его?

— Ужь я пожаловалась на васъ Евгеніи Александровнѣ, сказала Таничка.

— Евгеніи Александровнѣ! повторилъ онъ, весь вспыхнувъ, и устремивъ на меня внимательный взглядъ, сдѣлалъ невольное быстрое движеніе впередъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой.

— Что̀ вы такъ изумились? сказала, смѣясь, Таничка.—А, испугались наконецъ! всѣмъ буду на васъ жаловаться, что вы несносный, что вы философъ, ученый, что вы сидите цѣлые дни, уткнувъ носъ въ книгу... А знаете что? пойдемте гулять по монастырскому двору, вечеръ чудесный. Вонъ, тамъ какой-то монахъ идетъ, прибавила она, выглядывая за окно.—Можно? попроситесь...

— Прекрасная мысль! сказалъ Павелъ Иванычъ.

Мы отпросились.

Тотъ только, кому приходилось быть въ положеніи, подобномъ моему, то-есть притворяться незнакомою съ человѣкомъ, когда душа рвется высказаться, когда дорого бы далъ за возможность остаться хоть на минуту наединѣ, на свободѣ, и быть принужденною говорить о предметахъ постороннихъ, нисколько незанимательныхъ, тотъ только пойметъ, что я переносила нравственную пытку.

Мы вышли.

Къ счастію Таничка, болтая съ Павломъ Иванычемъ, избавляла меня отъ труда говорить; но все-таки я наконецъ отвѣтила совершенно невпопадъ на одинъ изъ ея вопросовъ.

— Что это какъ вы разсѣяны? спросила она:—у васъ есть что-нибудь на душѣ. Можетъ-быть, вы нездоровы?

Я очень рада была свалить мою неловкость на нездоровье.

— О, сказала Таничка,—еслибъ вы жили вмѣстѣ со мной, я бы не дала вамъ задумываться. Я васъ что-то полюбила, сказала она, подумавъ,—хотите быть моимъ другомъ? давайте переписываться!

— Женская дружба только на словахъ, сказалъ Павелъ Иванычъ.

— Развѣ я не другъ вамъ? сказала Таничка:—неблагодарный! развѣ вы замѣтили, что я плохой другъ?

— Я говорю о дружбѣ между двумя женщинами.

— Такъ вы не вѣрите ей?

— Не совсѣмъ вѣрю.

— Ахъ, Боже мой! вы просто злы сегодня.

— Татьяна Алексѣвна! а что еслибъ *одна особа* явилась сюда теперь, не забыли ли бы вы и меня, и Евгенію Александровну, которую вы такъ полюбили, судя по вашимъ словамъ, и дружбу, и все на свѣтѣ?..

— Ахъ, да, сказала Таничка, обративъ къ намъ свое оживленное лицо,—забыла бы все на свѣтѣ!

Она такъ показалась мнѣ мила въ эту минуту, что я невольно пожала ей руку. Съ быстротой молніи, прижала она свои губы къ моимъ и звонко, крѣпко поцѣловала меня.

— А боюсь я за васъ, Татьяна Алексѣвна, замѣтилъ Павелъ Иванычъ.

— Чего бояться! или панъ или пропалъ. У меня такой характеръ; люблю, такъ ужь люблю на всю жизнь.

— А если тотъ, кого вы любите, заплатитъ вамъ оскорбленіемъ, забудетъ, разлюбитъ? сказала я.

Таничка задумалась.

— Я никогда не забуду его, всегда буду желать ему счастія, и ужь никого, никого не полюблю.

— А цѣлые долгіе годы впереди! прибавилъ Павелъ Иванычъ. Какое право имѣете вы губить себя нравственно для человѣка, не оцѣняющаго вашей жертвы?.. Вы не дорожите собой, вотъ самый главный вашъ недостатокъ. Вы съ какимъ-то безумнымъ самопрезрѣніемъ отдаетесь страсти и дѣлаете изъ себя безполезную и ненужную жертву...

— Вы можете говорить, что̀ хотите, сказала она,—а я не забуду его, не перестану любить! Что̀ мнѣ въ жизни, въ самой себѣ, если ужь не будетъ того счастія, которое было?

— Вы неизлѣчимая больная!

— Я и не хочу лѣчиться. Эта болѣзнь—жизнь моя.

Данаровъ! подумала я, вотъ съ кѣмъ бы встрѣтиться тебѣ и кого полюбить....

— Вотъ, это называется истинною страстью, сказала я.

— То-есть безуміемъ, прибавилъ Павелъ Иванычъ.

— Вы безстрастный, холодный человѣкъ; вы любите понемножку и съ разсчетомъ, сказала она.—Вы счастливы, что такъ созданы.

— Что̀ дѣлать! отвѣчалъ Павелъ Иванычъ:—судьба дала мнѣ инстинктъ самосохраненія, въ которомъ отказала вамъ.

— Такъ развѣ я виновата?

— Вы не хотите направить вашей воли. Вы даже и не подумаете о борьбѣ разсудка съ сердцемъ. Борьба оправдываетъ многое.

— Не могу. Вы меня не исправите, мы только поссоримся... Вотъ вы и теперь меня разозлили; прощайте, мнѣ нужно успокоиться.

Она отошла и стала ходить по противоположной тропинкѣ, напѣвая вполголоса:

«Ненаглядный ты мой!»

— Наконецъ-то! Боже мой, какое мученье! видѣть васъ и не смѣть показать, что я узналъ васъ, что я радъ, что я, Богъ знаетъ, какъ радъ! я нарочно разсердилъ ее; я зналъ, что она убѣжитъ.

— Мнѣ было не легче вашего.

— И вы узнали меня?

— Я еще въ корридорѣ узнала васъ.

— А я-то, я-то! преспокойно пилъ чай, когда вы были тутъ, за стѣной... Ну, какъ вы? вы теперь у Татьяны Петровны; вижу, по черному платью, что у васъ не все благополучно.

— Да, тетушки уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Хорошо ли вамъ у Татьяны Петровны?

— Покуда ничего...

— Цѣлыхъ пять лѣтъ прошло послѣ разлуки съ вами! изъ дѣвушки-ребенка вы сдѣлались дѣвушкой взрослою. Теперь, когда всматриваюсь—нахожу, что вы мало измѣнились наружно, хотя и перемѣнили прическу; лицо все то же, тѣ же глаза, та же улыбка... Боже мой! Боже мой!

— Вспоминали ли вы иногда обо мнѣ?

— Вы спрашиваете! ужь вѣрно больше, чѣмъ вы... Я уже не былъ ребенкомъ, когда узналъ васъ и... чувство мое было опредѣленнѣе, глубже. Ну, какъ же вы провели эти пять лѣтъ? много новаго случилось съ вами въ это время?

— Да, много новаго, грустнаго...

— И радостнаго?.. Не правда ли?

— Пожалуй, и радостнаго, если считать немногія, отрадныя минуты...

— Немногія, почему же немногія?.. Такъ неужели вы не совсѣмъ забыли меня? спросилъ онъ меня.

— Я всегда съ отрадой вспоминала о васъ, даже и тогда...

— Даже и когда? живо спросилъ онъ.

— Даже и тогда, когда любила другаго...

Онъ вздрогнулъ.

— Любили! развѣ это уже въ прошедшемъ? значитъ, вы не долго были счастливы? Ну, а *онъ* много любилъ васъ? онъ долженъ былъ любить васъ, не правда ли?

Вся оскорбленная любовь моя къ Данарову вспомнилась мнѣ и сдавила сердце тяжелымъ чувствомъ... Волненіе, принужденіе,

выдержанныя мной въ продолженіи почти цѣлаго вечера, утомительно подѣйствовали на мои нервы: я неожиданно, горько заплакала.

— Ахъ, сказалъ онъ съ какимъ-то особеннымъ, печальнымъ выраженіемъ,—это была уже не шутка!

— Что̀ вы хотите этимъ сказать? спросила я вспыльчиво:— *что̀* же было шуткой? неужели я способна шутить самыми лучшими моими чувствами?

— Да, это вы! точно вы, я узнаю васъ... Виноватъ, если я ошибся! И какъ радъ быть виноватымъ!

— Прекрасно! сказала Таничка, подкравшись къ намъ при послѣднихъ словахъ:—прекрасно! И вамъ не грѣхъ, не совѣстно! Павелъ Иванычъ! неужели вы не знаете еще меня? мучиться, скрывать и не сказать мнѣ! вы давно знакомы, любите другъ друга, а я васъ стѣсняла, я не могла доставить вамъ до сихъ поръ случая поговорить свободно! Богъ съ вами! вы не знаете, что̀ онъ для меня дѣлаетъ, обратилась она ко мнѣ,—безъ него я не переписывалась бы съ моимъ Викторомъ; онъ пишетъ мнѣ на его имя, и Павелъ Иванычъ, такой добрый! согласился доставлять мнѣ это блаженство! и послѣ этого... Какъ вамъ не стыдно... Богъ съ вами! Богъ съ вами! какъ у васъ достало терпѣнія! я бы съ ума сошла на вашемъ мѣстѣ. Влюбленъ, встрѣтился нечаянно, послѣ долгой разлуки, и молчитъ!

— Татьяна Алексѣвна! вы говорите все, что̀ придетъ вамъ въ голову, я такой же истинный другъ Евгеніи Александровнѣ, какъ и вамъ.

— Неправда, я слышала, что̀ она сейчасъ говорила. Вѣдь неправда? спросила она меня.

Я молчала. Таничка неожиданно поставила насъ обоихъ въ неловкое положеніе.

— Видите? что̀? она не отвѣчаетъ.

— Не на всякій вопросъ можно отвѣчать, сказалъ онъ.

— Нечего вамъ вывертываться... То-то вы давеча вспыхнули, когда услышали ея имя! то-то и она отошла въ уголъ, какъ вы входили, и послѣ была такъ печальна и разсѣянна! ништо вамъ! сами себя наказали!

— Господа! пора домой! закричала намъ изъ окна Амфиса Павловна.

— Прощайте, Евгенія Александровна! сказалъ Павелъ Иванычъ : — тяжело и горько мнѣ думать, что не дальше, какъ завтра , мы разойдемся опять въ разныя стороны. Богъ знаетъ, когда опять встрѣтимся!

Молча возвратились мы всѣ трое въ домъ, и вскорѣ разошлись.

На другой день, когда мы только-что встали и собирались идти къ обѣднѣ, Анна доложила Татьянѣ Петровнѣ, что кучеру нужно видѣть ее.

— Что̀ такое? не лошадь ли захворала? тревожно спросила Татьяна Петровна.—Позови его сюда.

Кучеръ объявилъ, что карета требуетъ починки.

— Какъ же ты вчера не сказалъ? чего же ты ждалъ цѣлый вечеръ?

— Да вчера кузнеца-то не было дома-съ.

— Скоро ли же онъ починитъ?

— Да завтра къ утру будетъ готова-съ ; оно , пожалуй и сегодня къ вечеру, да вѣдь къ ночи-то, я думаю, не поѣдете

— Отчего же не ѣхать? теперь ночи свѣтлыя.

— Какъ угодно-съ. Къ ночи будетъ готова.

— Да что̀ съ каретой сдѣлалось?

— Винты ослабли-съ, да на правомъ колесѣ шина надтреснула.

— Это все оттого, что ты ѣздишь неосторожно. Вчера какіе толчки давалъ. Мчится себѣ, дуракъ, по гладкой ли, по дурной ли дорогѣ — все равно.

— Помилуйте, сударыня, экипажъ-то вѣдь старъ ужь больно.

— Самъ ты старъ да глупъ, какъ я посмотрю.

— Да ужь не молоденькій-съ, отвѣчалъ кучеръ лаконически, погладивъ свою полусѣдую бороду.

— Ступай, да скорѣй отвези карету къ кузнецу.

— Слушаю-съ.

— Какая непріятность , Амфиса! Вѣдь раньше вечера не уѣдемъ. Я хотѣла сейчасъ же послѣ обѣдни и ѣхать.

Послѣ обѣдни, за которой были и Душины, мы всей компаніей возвращались изъ церкви въ гостиницу. Ясное утро дышало всѣми ароматами травъ, березъ и тополей; Павелъ Иванычъ шелъ рядомъ съ Таничкой и о чемъ-то тихо разговаривалъ; на лицѣ его по временамъ вспыхивалъ легкій румянецъ; утрен-

ній вѣтерокъ раздувалъ его шелковистые волосы; чистый тонкій профиль рисовался на бѣломъ фонѣ каменной стѣны монастыря, возлѣ которой мы проходили. Въ эту минуту онъ показался мнѣ похожимъ на одинъ изъ тѣхъ задумчивыхъ образовъ, которые такъ умѣлъ рисовать Шиллеръ. Какой рѣзкій контрастъ составляло съ нимъ живое, страстное, смуглое лицо Танички!

Странное дѣло! я сознавала, что во мнѣ ожила прежняя глубокая нѣжность къ этому человѣку; но въ этомъ чувствѣ было столько безмятежности, свѣтлой тишины и прелести, что оно было въ моемъ сердцѣ какъ бы только отраженіемъ личности того, кто возбуждалъ его. Оно, такъ же какъ онъ, походило на ясное, тихое, весеннее утро. Я знала, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не способенъ былъ возмутить мою душу никакою рѣзкою выходкой, что весь онъ былъ доброта, кротость и терпѣніе. Напрасно искала я въ нѣжныхъ чертахъ лица его слѣдовъ борьбы, труда и той сильной воли, подвигнувшей его выбиться изъ ничтожнаго круга, въ который помѣстила его судьба, той воли, которая изъ бѣднаго семинариста, выключеннаго изъ философіи, безъ средствъ и состоянія, сдѣлала кандидата Московскаго университета и вывела на широкую дорогу науки и образованія. Дѣятельность души его не проявлялась ни въ какихъ энергическихъ порывахъ; она работала втайнѣ, какъ тѣ невидимыя силы природы, которыя вызываютъ изъ земли богатую растительность, распускаютъ почки на деревьяхъ, наполняютъ воздухъ благоуханіемъ цвѣтовъ...

Послѣ обѣда Таничка устроила прогулку въ поле. Старушки соединились въ одномъ нумерѣ и отпустили насъ съ легкими замѣчаніями о жарѣ и объ усталости.

— Вотъ молодость — то! сказала Лукерья Андревна. — намъ бы съ тобой, Татьяна Петровна, теперь отправиться гулять за монастырь, да мы бы на десяти шагахъ сѣли...

Лукерья Андревна ошиблась; тетушка еще была довольно свѣжа; отсутствіе излишней полноты дѣлало ее гораздо моложавѣе толстой Лукерьи Андревны, хотя, по словамъ послѣдней, онѣ и были однихъ лѣтъ. Тетушка нерѣдко обходила поля, а въ саду гуляла каждый день. Таничка забѣжала далеко впередъ съ своими братьями.

— О чемъ вы такъ задумались? спросила я Павла Иваныча.

— Я? я перенесся мыслію въ прошедшее.

— Вы ни одной минуты не хотите удѣлить настоящему.

— Я не знаю: настоящее, прошедшее, все сливается въ душѣ моей въ какой-то неопредѣленный сонъ.

— Жить снами — какая это неполная жизнь!

— Жизнь моя точно не полна: это какое-то вѣчное плаваніе около цвѣтущихъ, населенныхъ береговъ, которыхъ я не могу достигнуть.

— Однако вы многаго достигли.

— За то многое и потерялъ... Отецъ мой умеръ, вскорѣ послѣ того какъ я разстался съ вами; матушка пережила его не долго; я имѣлъ утѣшеніе быть при ней въ послѣднія минуты, слышать отъ нея, что батюшка благословилъ меня заочно.

— Вы не встрѣчались съ княземъ?

— Ни съ нимъ, ни съ Травянской. Знаю только, что князь постоянно живетъ въ Петербургѣ, а Травянская, какъ я слышалъ, уѣхала за границу лѣчиться.

— Вы много трудились; эти пять лѣтъ не прошли для васъ безполезно!...

— Да, я много трудился. Да что это я вамъ толкую о себѣ! Надоѣлъ я вамъ?

— Какъ вамъ не грѣхъ! Право, вы вчера были лучше, задушевнѣе, сказала я:—Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось!

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Странное дѣло! я самъ не знаю, что со мной сдѣлалось... Но, ради Бога, скажите что-нибудь о себѣ самихъ! Для меня эти пять лѣтъ прошли безъ всякихъ новыхъ привязанностей, а вы... Вчера вы невольно высказали, что у васъ на сердцѣ лежитъ какое-то глубокое, хотя и нерадостное чувство. Ваши слезы навели меня на догадки, но догадки часто обманчивы.

— Что вамъ сказать? Не пускаясь въ непріятныя подробности, я скажу только, что человѣкъ, котораго я любила, умѣлъ внести самую жестокую отраву въ мое чувство. Между нами все кончено, мы разстались чуждыми другъ другу, оба недовольные, оба измученные.

— Ктожь виноватъ? спросилъ онъ.

Никто не виноватъ, я набѣжала на огонь, на бурю, вотъ и все. Силъ что ли у меня много въ душѣ, что я оправилась и

спаслась, или, можетъ-быть, я пущена въ житейское море не для того, чтобъ погибнуть при первой бурѣ.

— Можетъ-быть и то, и другое... Но я хотѣлъ бы знать, — простите ли мое любопытство? — каковъ тотъ, кого вы любили? Молодъ онъ, богатъ, хорошъ собой?

Я улыбнулась.

— Развѣ въ этомъ дѣло? Развѣ мы знаемъ, что̀ мы любимъ въ человѣкѣ? Развѣ иногда не случается, что нравится именно то, что̀ другіе осуждаютъ?

— Нѣтъ, онъ не любилъ васъ. Вы разошлись оскорбленные, недовольные другъ другомъ: какъ же это могло случиться?

— Да вотъ случилось...

— Странно! я помню васъ тогда, при нашей первой встрѣчѣ...

— Вѣрно я очень измѣнилась.

— Да и смѣшно бы было желать противнаго. Все же мнѣ остается отрада думать, что ваша первая привязанность, хотя полудѣтская, обращена была на меня. Сердце мое приняло ее съ благодарностью. Я разставался съ вами, безъ надежды васъ увидѣть когда-либо; но мысль моя неслась въ тотъ благодатный уголокъ, гдѣ вы расли и развились. Теперь вы снова передо мной; но какъ многое измѣнилось въ вашемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!...

— Вамъ принадлежала любовь ребенка, вамъ будетъ принадлежать и дружба взрослой.

Онъ не отвѣчалъ и задумчиво глядѣлъ въ даль.

— А вѣдь смѣшно подумать, сказала я: — мнѣ уже послѣ пришло въ голову, что вы любили меня, какъ дитя, а въ то время я не думала этого, я преважно считала себя большой.

Таничка присоединилась къ намъ; мы сѣли у опушки сосновой рощи. Разговоръ не клеился. Прогулка близилась къ концу; мы встали и повернули назадъ.

— Вонъ, кажется, лошадей вашихъ закладываютъ, сказала Таничка, вдругъ присмирѣвшая и печальная. — Какъ досадно! когда-то мы увидимся!

— Прощайте, Павелъ Иванычъ! сказала я.

— Прощайте! Знайте, что во мнѣ вы имѣете самаго преданнаго вамъ человѣка, и быть вамъ когда-нибудь нужнымъ и полезнымъ — лучшая мечта моя.

Я дружески протянула ему руку.

Черезъ часъ мы уже катились въ починенной каретѣ по песчаной дорогѣ, оставляя все дальше и дальше бѣлѣющій монастырь съ блестящими главами, темный лѣсъ и голубое озеро.

Встрѣча съ Павломъ Иванычемъ оставила во мнѣ какое-то неясное, неполное впечатлѣніе, было что-то между нами недосказанное, непонятое. Я была недовольна имъ, недовольна его непрестанными сожалѣніями о прошедшемъ, какъ будто онъ не радъ былъ настоящему! А я-то какъ обрадовалась ему!

На половинѣ пути мы остановились ночевать. Упоминаю объ этомъ ночлегѣ потому, что онъ остался мнѣ надолго памятенъ по слѣдующему случаю.

Тетка съ Амфисой съ вечера уснули крѣпко, а мнѣ плохо спалось за перегородкой, гдѣ было очень душно. Ночью Татьяна Петровна проснулась, безпокоимая мухами, и разбудила Амфису. Воображая, что я сплю, онѣ завели между собою разговоръ, который, возвышаясь постепенно, вывелъ меня окончательно изъ полудремоты. Вотъ что̀ я услышала:

— Ахъ, мать моя! такъ чего же ты смотрѣла, не сказала мнѣ? Ей и дѣла нѣтъ,— это мнѣ нравится! Спасибо! Да этакъ Евгеніи Александровнѣ вздумается повѣситься на шею къ первому встрѣчному, а ты будешь глядѣть, да молчать! Я ее переверну! Нѣтъ, чтобъ она у меня съ мущинами въ разговоры не вступала; я ей подходить-то къ нимъ запрещу.

— Не безпокойтесь, къ ней сами подойдутъ... Они очень понимаютъ, къ кому надо подойдти.

— Ну, вотъ, я тебѣ говорю, Амфиса, если ты не будешь за ней слѣдить и остерегать ее, смотри у меня...

— Помилуйте, Татьяна Петровна, вѣдь она не маленькая! Какъ я могу ей говорить? . . . Она скажетъ: а вамъ что̀ за дѣло?. . .

— А ты скажи, что я тебѣ поручила, и что ты мнѣ скажешь. Смотри же, я на тебя надѣюсь...

— Я рада вамъ служить.

— Послужишь, такъ не оставлю. Господи помилуй! продолжала она,—что это за дѣвчонка! Гдѣ только есть мущина, ужь непремѣнно къ ней. Да она этакъ и домъ-то мой осрамитъ.

Въ роду у насъ не было кокетокъ, а въ ней эта гадость завелась.

— Вѣдь какъ запретишь?.. неприличнаго, кажется, нѣтъ.

— Ужь это неприлично, что къ ней мущины льнутъ, значитъ подаетъ поводъ. Вѣдь къ тебѣ не льнутъ же.

— Да я и не желаю...

— Вѣдь не красавица же и она, продолжала Татьяна Петровна, отвѣчая на свою же недосказанную мысль. — Мущинамъ не красота нужна, а кокетство...

— Ну, ужь этого избави Боже!

— Хоть бы ужь ей женихъ поскорѣе нашелся! Богъ бы съ ней! а то покойна не будешь. Хоть бы сколько-нибудь приличный, чтобы хоть кусокъ хлѣба вѣрный имѣлъ.

— Можетъ и найдется. Нынче которая помоложе да повѣтренѣе, той-то и счастье. Нынче скромная-то, солидная дѣвушка вѣкъ проживетъ такъ.

— Не отчаивайся, Амфиса, еще и твоя судьба не узнана. Еще успѣешь выйдти. Выходятъ и старше тебя. А мы съ тобой еще не такія старухи. Дай-ка мнѣ тутъ на столѣ мятныя лепешки.

Я была глубоко оскорблена. Никогда чувство совершеннаго одиночества не овладѣвало мною такъ сильно, какъ въ эту минуту.

Амфисѣ я во всю дорогу, послѣ этого разговора, отвѣчала нехотя и раздражительно, хотя она и старалась заговорить со мной.

V.

По пріѣздѣ домой, мы нашли у себя гостя—веселаго генерала. Татьянѣ Петровнѣ доложили объ этомъ, какъ только мы подъѣхали къ крыльцу.

Тетка покраснѣла отъ удовольствія, Амфиса поблѣднѣла.

Гость насъ не встрѣтилъ, потому что спалъ послѣ дороги.

Татьяна Петровна пошла тотчасъ же заняться своимъ туалетомъ. Мы съ Амфисой отправились къ себѣ на верхъ; комнаты наши были рядомъ. Амфиса была очень взволнована и дрожа-

щими руками принялась разчесывать свои жиденькіе волосы. Я, отъ нечего-дѣлать, наблюдала за ея туалетомъ.

Мнѣ вдругъ пришло желаніе подразнить и расшевелить Амфису Павловну; во мнѣ еще не стихло негодованіе за ночной разговоръ.

— Я слышала, что вы говорили обо мнѣ сегодня ночью съ тетушкой, сказала я.

— Вы, душенька, сердитесь на меня?

— Не за что̀ сердиться; вы не виноваты, что у васъ такія странныя понятія. Только я васъ предупреждаю: если вы будете вредить мнѣ, перетолковывая по-своему мои поступки, я, въ свою очередь, также буду примѣчать за вами, при первомъ удобномъ случаѣ.

— Нечего за мной примѣчать, ничего не замѣтите, отвѣчала она, вспыхнувъ.

— А, испугались? сказала я, шутя.—Я сама знаю, что нечего за вами примѣчать. Какую неосторожность можете вы сдѣлать? Вы такъ холодны и благоразумны, что не увлечетесь; сердце ваше высохло. Вы счастливы! Вы уже не можете любить, оттого васъ и удаляются мущины,—это невольно чувствуется,— вы въ этомъ сами сознались, говоря обо мнѣ съ Татьяной Петровной. Никто, повѣрьте, не выскажетъ вамъ ни своего горя, ни радости. Неужели вы думаете, что ко мнѣ подходятъ и говорятъ только для того, чтобъ волочиться?— нѣтъ, оттого, что чувствуютъ, что въ молодомъ, тепломъ сердцѣ моемъ найдется участіе и отвѣтъ на многое другое, кромѣ любви.

— Что̀ же это, вы меня за деревяшку что ли считаете? сказала она, обижаясь.—Можетъ-быть не меньше васъ чувствую.

— Что̀ вы чувствуете? Если бы вы чувствовали, вы бы не были такъ строги къ другимъ. Что̀ вы чувствуете?—вы готовы первая бросить камень не только въ грѣшную, но даже въ невинную сестру свою! Развѣ такъ чувствуютъ?

— Да что̀ это вы и въ самомъ дѣлѣ опрокинулись на меня? Что̀ вы, Богъ съ вами! просто въ прахъ втоптали! Господи помилуй! я этакой обиды ни отъ кого не видала.

— Я и не думаю обижать васъ; я сужу потому, что̀ вижу. Неужели вы никогда не любили?

— Я объ этакихъ глупостяхъ и не думала.

— Вотъ, видите, значитъ и васъ никто не любилъ. А вы еще хвастаете этимъ, да я бы и жить не желала, если бы меня никто не любилъ! Значитъ, я правду сказала.

— Что̀ вы это только говорите — ужасти! До чего свѣтъ дойдетъ?!

— Да вотъ вы прожили больше половины вашей жизни, а были ли вы счастливы?

— Ужь какое мое счастье! Не всякому дается счастье. Какъ кому судьба назначитъ.

— Чѣмъ вы вспомните вашу молодость?

— Полноте-ка, что̀ вы привязались ко мнѣ! Пойдемте лучше внизъ. Какъ бы вы все знали, такъ не то бы говорили!

— Тѣмъ хуже, если вы любили, чувствовали и не сдѣлались добрѣе.

— А вотъ, если вы еще будете придираться ко мнѣ, право скажу тетенькѣ.

— Я не боюсь. Я, пожалуй, при ней скажу то же самое.

— Да что̀ это, Господи! не рехнулись ли вы?

Я засмѣялась.

— Можетъ-быть, отвѣчала я.—Да постойте на минутку: вѣдь вашъ генералъ тоже мущина, такъ научите меня, какъ мнѣ съ нимъ говорить... *да* и *нѣтъ*?—только?

— Мой! сказала она, снова вспыхнувъ. — Къ чему вы его *моимъ*-то называете? это съ чего?

— Я такъ сказала, безъ намѣренія; а кто знаетъ, можетъ, это предчувствіе... Вамъ все и въ картахъ женихъ выходитъ.

— Ахъ, душенька, погадайте-ка!

— Подите сперва пожалуйтесь на меня тетушкѣ.

— Ну, вотъ, мало ли что̀ говорится въ сердцахъ. Вѣдь я тоже человѣкъ, и вспылю. Вы ничего не знаете, а говорите. Вы думаете, мнѣ легко что ли бываетъ?

И у нея навернулись слезы.

— Ну вотъ то-то и есть.

— Что̀ выходитъ?

— Свадьба.

— Полноте!

— Право.

— Ну, пойдемте,—пора.

— Не влюбился бы въ меня вашъ гость, боюсь; вѣдь видите, какая я кокетка.

— Ну, ужь не безпокойтесь, видалъ онъ и красавицъ на своемъ вѣку, его не удивите. Онъ кокетства ненавидитъ.

— Такъ я буду кокетничать, чтобы его отвратить отъ себя.

— Прекрасно! это сдѣлаетъ вамъ честь! Онъ будетъ надъ вами смѣяться. Вы думаете, что это не грѣшно?

Генералъ гостилъ у насъ уже нѣсколько дней. Татьяна Петровна и Амфиса были необыкновенно оживлены. Первая старалась угощать гостя, какъ можно лучше. Послѣ обѣда, отдохнувъ, садились они втроемъ за карты.

Бо́льшую часть дня я сидѣла въ своей комнатѣ или гуляла. Татьяна Петровна не только не сердилась за это, но еще поощряла меня одобрительною улыбкой каждый разъ, какъ я приходила къ нимъ послѣ продолжительнаго отсутствія. Съ Абрамомъ Иванычемъ мнѣ почти не приходилось говорить.

— Что̀ это вы, сударыня, не посидите съ нами? обратился онъ ко мнѣ однажды, когда я вошла въ комнату, гдѣ они играли,—или вамъ со стариками скучно?

— Какіе же вы старики? подхватила Амфиса Павловна.

— Да ужь противъ нея-то старикъ... Гдѣ это вы изволили пропадать? спросилъ онъ меня шутливо.

— Въ своей комнатѣ.

— Чѣмъ же вы занимались?

— Работала, потомъ читала.

— Романы все почитываете! молодыя дѣвушки живутъ романами: у нихъ и въ головѣ романы, и въ жизни романы... Я думаю, воображеніе-то, воображеніе какъ работаетъ! Ну, что̀ же вы ужь составили себѣ этакъ идеалъ какой-нибудь? Что̀ онъ—съ усами, въ мундирѣ, съ эполетами?

— Глупа будетъ, если станетъ составлять себѣ пустые идеалы; ей не надобно еще о нихъ и думать въ ея годы, сказала Татьяна Петровна.—Я бы ей и книгъ-то не дала читать, слишкомъ серіозныхъ для ея лѣтъ, да она еще у сестрицы начиталась.

— Пылкая головка! сказалъ гость.

— Да, есть тотъ грѣшокъ. Мы и вѣтрены немножко, да и упрямства у насъ не мало.

— Однимъ словомъ огонекъ! сказалъ генералъ и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Отойди-ка, Геничка, отъ свѣта, сказала Татьяна Петровна. —Вонъ, сядь тамъ на кресло. И она указала на мѣсто въ простѣнкѣ, за спиной у гостя.

— Какже, сударыня, я къ вамъ этакъ буду спиной... Ужь извините.

— Охота вамъ церемониться съ ней, Абрамъ Иванычъ, она еще ребенокъ.

Тутъ только замѣтила я, что Татьяна Петровна была одѣта наряднѣе обыкновеннаго, что чепчикъ на ней былъ новенькій, съ палевыми лентами, что хотя онъ былъ слишкомъ легокъ и щеголеватъ для ея лѣтъ, а все-таки шелъ къ ней, что черное шелковое платье съ мантильей дѣлало ее тоньше и стройнѣе обыкновеннаго; что со щекъ ея не сходилъ румянецъ, и кожа на лицѣ была бѣлѣе прежняго; даже довольно замѣтныя морщины около глазъ будто исчезли.

Часто они втроемъ просиживали далеко за полночь, отпустивъ меня на верхъ; и, въ тишинѣ, въ мою комнату, которая находилась надъ гостиной, доносились звуки разговора и громкій смѣхъ гостя. Иногда я еще не спала, когда Амфиса приходила къ себѣ, и я слышала, что она часто вздыхала и даже плакала.

Однажды, утромъ, Степанида Ивановна разбудила меня слѣдующими словами:

— Вставай, матушка, пора! Тетеньку проспала.

Я не поняла ея.

— Какъ тетеньку проспала? спросила я съ изумленіемъ.

— Да такъ. Съ новымъ дяденькой васъ поздравляю. Тетенька сегодня изволили обвѣнчаться. Поѣхала къ ранней обѣднѣ, да и обвѣнчалась съ Абрамомъ Иванычемъ.

Я подумала, что это мнѣ видится во снѣ.

— Да извольте вставать, вѣдь я правду говорю.

Изъ другой комнаты слышались рыданія.

— Вонъ, Амфиса-то Павловна надсажается! Она сама надѣялась, — да гдѣ же? куда ей генеральшей быть! ужь наша-то настоящая генеральша, король-барыня! Только поздненько надумала замужъ-то выйдти. Охъ, грѣхи людскіе! о душѣ бы лучше подумать...

Я была въ совершенномъ недоумѣніи и пошла провѣдать Амфису.

Она сидѣла одѣтая въ кисейное платье и плакала.

— О чемъ вы плачете? спросила я ее.

— Вотъ вамъ и гаданье! вскричала она: — нагадали хорошо! Вотъ вамъ и свадьба! Радуйтесь!

— Да я бѣды еще не вижу.

— То-то молоды вы! Теперь ужь Татьяна Петровна не то будетъ, вспомните меня. Прежде у ней были вы да я на первомъ мѣстѣ, а теперь ужь ей не до насъ, — теперь своя забота. До сихъ поръ, только ей надо было угождать, а теперь ей-то угодите да и дядюшкѣ-то. Вотъ поживите, такъ увидите, что я правду говорю... Да что̀ вы это не одѣваетесь? Вѣдь сейчасъ пріѣдутъ. Прислали человѣка изъ церкви, чтобы все приготовить. И дворня ужь собралась поздравлять; вонъ всѣ ждутъ у крыльца. Вы одѣньтесь получше, прибавила она, махая себѣ въ лицо платкомъ, чтобы освѣжить заплаканные глаза.

Мнѣ стало жаль ея; я видѣла, что у ней разбилась послѣдняя надежда, что блестящая мечта ея разсыпалась прахомъ. Я подумала, что, можетъ-быть, въ жизни она ни отъ кого не видала нѣжнаго участія, искренней ласки, что оттого она и сама такая сухая...

— Успокойтесь, все пойдетъ хорошо, еще пожалуй и лучше прежняго, сказала я.

— Эхъ, полноте-ка! отвѣчала она раздражительно:—что̀ пустяки-то говорить, одѣвайтесь лучше, а то не поспѣете поздравить.

Только что успѣла я надѣть свое парадное бѣлое платье, какъ вбѣжала одна изъ горничныхъ и запыхавшись, проговорила: «ужь подъѣхали!»

Мы съ Амфисой сошли внизъ и прошли въ гостиную дожидаться молодыхъ, принимавшихъ поздравленія дворни.

Наконецъ они вошли. Для меня было что-то чрезвычайно-неловкое въ этомъ поздравленіи, я пробормотала его кой-какъ и была радехонька, когда Татьяна Петровна прервала его поцѣлуемъ и словами:

— И тебя поздравляю съ новымъ дядюшкой, старайся снискивать его расположеніе, отъ этого будетъ зависѣть для тебя мно-

гое. Вотъ, Амфиса, прибавила она,—теперь мы нашли съ тобой хозяина и покровителя, а я друга, который, надѣюсь, до конца будетъ любить меня. Десять лѣтъ я привыкла считать его за роднаго и благодарю судьбу, что она наконецъ соединила меня съ нимъ.

Амфиса Павловна отвѣчала приличными фразами. Дядюшка, еще вчера мнѣ посторонній, наградилъ меня родственнымъ поцѣлуемъ и сказалъ шутя:

— А вы, сударыня, теперь... о, смотрите! вѣдь дяди-ворчуны, строгіе! Я буду за вами глядѣть, чтобъ какіе-нибудь этакіе усики не соблазнили... Вѣдь огонекъ, огонекъ!.. Татьяна Петровна васъ побаловываетъ.

Шутки эти мнѣ не совсѣмъ понравились, и я ничего не отвѣчала.

За обѣдомъ пили шампанское. На другой день послали въ городъ къ знакомымъ съ извѣщеніями о бракосочетаніи тетушки и съ приглашеніями на обѣдъ, назначенный черезъ недѣлю.

VI.

Отпировавъ свою свадьбу обѣдомъ, на который съѣхались, большею частью, люди пожилые, служащіе, съ своими супругами, — дѣвицъ не было ни одной, а потому дѣло обошлось безъ танцевъ и музыки, — молодые зажили жизнью однообразною и мирною.

Новый дядюшка сталъ заниматься хозяйствомъ; сперва онъ совѣтывался съ тетушкой, но вскорѣ она отдала все на его волю.

Не знаю, какъ онъ распоряжался хозяйствомъ, только Степанида Ивановна стала вздыхать и охать о грѣхахъ людскихъ громче и чаще прежняго. И когда я спросила однажды о причинѣ ея вздоховъ, она сказала:

— Ну, матушка, ужь теперь другіе порядки завелись...

— Какіе же?

— Да ужь все не попрежнему. Мужикамъ стало тяжеленько,

оброку прибавили. Видно стошла коту масляница. И управителю-то хвостъ прижали, смѣняетъ *самъ-то*.

Въ другой разъ она вошла ко мнѣ, пылающая гнѣвомъ.

— Какъ бы моя была воля, такъ взяла бы я этихъ дѣвокъ да ужь такъ бы отодрала, вскричала она.

— За что̀ же? спросила я.

— А за то, чтобы онѣ, прости Господи, какъ бѣсы не вертѣлись передъ бариномъ. А ему-то съ сѣдыми волосами, какъ не стыдно!

— Можетъ ли быть! давно ли женился!

— Эхъ, матушка, да что онъ по любви что̀ ли женился! Вѣдь у него только и есть, что эполеты-то на плечахъ трясутся. Что́ ему не жениться-то? Этакое имѣнье,—какъ сыръ въ маслѣ катайся. А наша-то вѣдь ничего не видитъ, онъ ее въ глазахъ проведетъ. Вѣдь это, Евгенія Александровна, ее бѣсъ сомустилъ! Ну-те-ка, въ этакіе годы замужъ идти!

— А кто говорилъ, что она настоящая генеральша?

— Ну, да она, конечно, барыня еще свѣжая, да все ужь не слѣдъ бы выходить. Жила бы себѣ одна-то, какъ у Христа за пазушкой. И люди-то бы были довольны, и сама покойна...

Наступилъ августъ. Дни стали короче, ночи темнѣе и звѣздистѣе.

Татьянѣ Петровнѣ понадобилось съѣздить въ городъ на нѣсколько дней. Она взяла съ собой горничную и Амфису; меня оставила дома съ новымъ дядюшкой, потому что поѣхала въ коляскѣ, гдѣ можно было помѣститься только троимъ. Въ каретѣ ѣхать отсовѣтовалъ ей мужъ, по случаю рабочей поры, чтобы меньше забирать людей. Татьяна Петровна въ каретѣ ѣздила всегда съ форейторомъ.

На другой день, послѣ ихъ отъѣзда, мнѣ было какъ-то странно и неловко обѣдать вдвоемъ съ дядюшкой. Я не только не умѣла приняться снискивать его расположеніе, но этотъ совѣтъ, повторявшійся довольно часто теткой, отнималъ у меня всякую возможность быть съ нимъ любезной. Я боялась сказать ему ласковое слово изъ страха, что онъ подумаетъ, что я стараюсь снискивать его расположеніе. Эта мысль оскорбила бы меня. Поэтому на всѣ его шуточки я или молчала, или отвѣчала односложно. Я думала, что онъ разсердится; однако послѣ обѣда онъ

наградилъ меня довольно нѣжнымъ поцѣлуемъ. Я отправилась гулять, а послѣ прогулки до вечерняго чаю просидѣла въ своей комнатѣ.

Послѣ чаю, когда уже почти стемнѣло, я вышла на балконъ. Вечерній вѣтерокъ доносилъ до меня сильный запахъ флоксовъ, зарница сверкала вдали изъ темной тучи, а звѣзды ярко свѣтили надо мной въ глубинѣ вечерняго неба.

Мнѣ было очень грустно. Въ моихъ мысляхъ и чувствахъ было что-то смутное, неопредѣленное; какой-то туманъ падалъ на жизнь; не было ни одной цѣли, ни одной привязанности, которой бы я могла посвятить душевныя силы. Я видѣла ясно, что судьба проведетъ меня околицей, помимо общества и свѣта, и что жизнь моя пройдетъ безъ борьбы, безъ животворныхъ ощущеній, мóрокомъ, — какъ говоритъ Степанида Ивановна, — что ни одинъ, можетъ-быть, дружескій голосъ не раздастся близь меня въ тяжелыя минуты унынія. Я съ ужасомъ подумала, что можетъ-быть, со временемъ, я сдѣлаюсь чѣмъ-то въ родѣ Амфисы,—также завяну и очерствѣю душой. Но въ то же время, мнѣ казалось это почему-то невозможнымъ; противъ этого вопіяло мое молодое, полное желаній и надеждъ сердце.

Сзади меня послышались тяжелые шаги, и въ полумракѣ показалась полная фигура дяди.

— Ты что̀ тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ меня — А? что̀ ты тутъ дѣлаешь, плутовка?

— Ничего, сижу и наслаждаюсь чудесною ночью.

— А ты это что отъ меня все бѣгаешь? Не посидишь со мной? Что я медвѣдь что ли какой?—не бойся, не укушу... Нѣтъ, что бы приласкать дядю—точно коза дикая.

— Я не умѣю ласкаться.

— Ну, такъ я тебя научу—хочешь?

И онъ сѣлъ со мной рядомъ... Я невольно отодвинулась. Въ тонѣ его голоса было что-то непріятное.

— Куда отодвигаешься? Сядь поближе. Да что ты ненавидишь что ли меня?

— Что̀ за странная мысль пришла вамъ въ голову!

— Да ужь видно такъ. Ну-ка, докажи противное, поцѣлуй меня.

Я подставила ему свое лицо.

— Да ты хорошенько, вотъ, такъ! и онъ звонко чмокнулъ меня.—А ты будь ласкова ко мнѣ, глупенькая, продолжалъ онъ,— тогда я буду хорошъ, буду утѣшать, баловать тебя. Что тетушкато твоя, много ли доставила тебѣ удовольствій? А я буду тебя и въ театръ, и на балы возить.

— Зачѣмъ! не нужно...

— Какъ не нужно! Молоденькой дѣвочкѣ нельзя чтобы не хотѣлось повеселиться...

Онъ погладилъ меня по головѣ.

— Видишь, какая у тебя коса славная, точно шелковая.—Потомъ охватилъ своею мощною рукой мою шею и прибавилъ съ страннымъ выраженіемъ:—возьму да и задушу!..

— Вотъ вы, такъ видно, ненавидите меня, сказала я, отшучиваясь,—что задушить хотите.

— Вотъ и ошиблась! Ахъ, ты, глупенькая! Да ты развѣ не видишь, что ужь я давно на тебя только смотрю... А ты все отъ меня да отъ меня!

— А задушить хотите!

— Это отъ любви. Ты ничего не понимаешь: когда любишь, такъ и хочется проглотить!

— Странная любовь! сказала я, смѣясь.

— Чтожь? тебя славно проглотить: ты молоденькая, нѣженькая.

Что за нелѣпости говоритъ онъ? подумала я, и ничего не сказала.

— А хочется тебѣ замужъ? Мечтаешь, я думаю, фантазіи создаешь? Ну-ка, скажи, какой твой идеалъ-то: бѣлокурый или черноволосый? Военный или статскій?

— Нѣтъ у меня идеала никакого!

— Вздоръ, не повѣрю! Что жь ты влюблена, что ли? А? Скажика мнѣ, въ кого ты влюблена?

— Не влюблена я!

— Сердчишко-то бьется? не притворяйся. Охъ, вѣдь отъ вашей братьи - дѣвчонокъ правды не скоро добьешься! Не велики птички, а скрытности бездна.

— Вольно же вамъ видѣть скрытность и хитрость тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

— Толкуй, толкуй себѣ, а я, матушка, ужь старый воробей, женщинъ-то хорошо понимаю.

— А мнѣ кажется, нѣтъ...

— Что, что? Ахъ, ты, огонекъ этакій! Смотри, пожалуй... Ну, хорошо, увидимъ.

Молчаніе.

— Вамъ, я думаю, скучно безъ тетушки? сказала я.

— Ну, ее—старуху! сказалъ онъ шутливо.—Вотъ, ты помоложе, съ тобой было бы повеселѣе, какъ бы ты не дичилась. За что̀ это ты ненавидишь меня? Ты меня этимъ огорчаешь. Богъ съ тобой! не ожидалъ я!

— Дядюшка! право, вы несправедливы ко мнѣ...

— Хорошо, хорошо! увижу на дѣлѣ.

— Чѣмъ же доказать мнѣ?

— А ты, какъ я останусь одинъ,—приди да поцѣлуй меня.

— Отчего мнѣ не поцѣловать васъ? я и при всѣхъ поцѣлую.

— Нѣтъ, при всѣхъ хуже. Тетушка твоя порядочная ханжа, Амфиса старая, завистливая дѣвка... Еще сочинятъ что-нибудь.

— Что̀ же могутъ сочинить?

— Мало ли что̀? люди вездѣ люди; ты еще ихъ не знаешь.

— Какъ же мнѣ быть къ вамъ послѣ этого ласковою?

— Такъ, чтобы этого никто не замѣчалъ.

— Да вѣдь вы мнѣ родня.

— Ну, ужь ты слушай, что̀ я говорю.

Прикащикъ, явившійся за приказаніями, прервалъ этотъ странный tête-à-tête.

Вотъ еще Богъ посылаетъ наказанье, подумала я:—непрошенную нѣжность дядюшки!

На другой день была почти та же исторія съ незначительными перемѣнами; то же надоѣданье со стороны дяди съ поцѣлуями; на третій, поцѣлуи и навязчивость его начинали принимать для меня какой-то зловѣщій характеръ.

Положеніе мое становилось очень непріятнымъ. Что̀ я могла сдѣлать! Оттолкнуть его грубою выходкой казалось мнѣ опаснымъ и неловкимъ; отшучиваться постоянно, дѣлать видъ, что ничего не понимаю, покуда казалось мнѣ лучшимъ. На меня находилъ непонятный страхъ и трусость каждый разъ, какъ я слышала шаги его, направлявшіеся ко мнѣ, гдѣ бы ни находилась я, въ своей

ли комнатѣ, въ садикѣ ли. Разъ онъ отыскалъ меня даже въ рощѣ. Это было сущее наказанье, постоянная игра въ кошку и мышку.

Меня брали тоска, горе, досада, злость. Я чувствовала себя оскорбленною въ самыхъ лучшихъ и священныхъ моихъ понятіяхъ; дѣвическая гордость моя страдала невыносимо. Если бы дядюшка провалился сквозь землю, я порадовалась бы отъ души. Я плакала и молила Бога избавить меня отъ такого страшнаго положенія.

Наконецъ мученія цѣлой недѣли кончились; пріѣхала Татьяна Петровна, и никогда еще такъ не была я рада увидать ее. Я бросилась къ ней съ непривычнымъ для нея порывомъ нѣжности и чуть не заплакала. Это ей понравилось.

— Развѣ ты скучала безъ меня? сказала она мнѣ.

— Я такъ рада, что вы пріѣхали!

— То-то же и тетку вспомнила. Ну, поди, поцѣлуй меня. Какъ же вы здѣсь съ дядюшкой поживали безъ меня?

— Чего? я почти не видалъ ея, отвѣчалъ Абрамъ Иванычъ: — точно коза, все бѣгаетъ. Что это ты ее, другъ мой, не присадишь? Право, она этакъ совсѣмъ одичаетъ... Не хорошо, молодая дѣвушка все одна да одна.

— Слышишь, Геничка, и дяденька ужь говоритъ. Изволь-ка сидѣть съ нами. Оттого у тебя и манеры нѣтъ никакой. Что тебѣ? сиди, работай, читай тамъ, гдѣ мы. Неужели тебѣ это такъ тяжело?

— Нисколько. Я не знала, что это нужно.

— Ну, вотъ умна, что слушаешься.

— Ты, кажется, избалуешь ее, испортишь совсѣмъ, сказалъ дядя очень серіозно.

Я посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Ну, ужь не безпокойся, это мое дѣло, сказала Татьяна Петровна:—я хорошо понимаю, какъ мнѣ должно поступать; учить меня нечего, это не хозяйство.

— Вотъ старуха моя и разворчалась, сказалъ онъ, шутя и ласково цѣлуя у нея руку. — Амфиса Павловна! съ вами-то я не поздоровался! Какъ здоровье ваше?

— Благодарю, слава Богу; я вамъ кланялась, прибавила она обидчиво.—Тетенька вамъ подарокъ привезли, сказала она мнѣ

тихонько:—прекрасной кисеи на платье. Что̀ вы похудѣли что-то... здоровы ли? прибавила она вслухъ.

На другой день Амфиса пришла утромъ въ мою комнату.

— Что̀, дядюшка-то ласковъ былъ до васъ? спросила она меня между прочимъ.

— Какъ всегда...

— Вы, говорятъ, съ нимъ и въ рощѣ гуляли...

— Вамъ доносятъ вѣрно; точно гуляли. Чтожь изъ этого?

— Ахъ, батюшки мои! ничего, я такъ сказала. Что̀ это вамъ нынче слова нельзя сказать? Вѣдь это не секретъ.

— Да ужь вы, пожалуста, не дѣлайте изъ этого секрета.

— Вотъ вамъ бы и давно быть къ тетенькѣ-то поласковѣй.

— Ради Бога, избавьте меня отъ совѣтовъ.

— Я для васъ же... Господи! какъ васъ перевернуло! худыя стали!

— Это отъ тоски по васъ, сказала я шутя.

— По мнѣ ли, полно? Что̀ вы пустяки-то говорите! Вы все злитесь на меня за то, что̀ мы тогда съ Татьяной Петровной говорили. А вы зачѣмъ подслушивали?

— Я не имѣю этой прекрасной привычки. Я слышала, потому что не спала и была въ той же комнатѣ.

— Такъ что̀ же, я что ли подслушиваю? Экой у васъ языкъ змѣиный! Ни за что̀ обидитъ! Мнѣ отъ васъ скоро житья не будетъ.

— Бѣдная вы!

— Да за что̀ вы злитесь? Экое въ васъ злопамятство!

— Я не злюсь, а просто не въ духѣ; мнѣ грустно.

— О чемъ вамъ грустить-то?

— А вы неужели никогда не грустите?

— Мнѣ есть о чемъ грустить! Поживите-ка на моемъ мѣстѣ.

— Татьяна Петровна васъ любитъ.

— Что̀ въ ея любви-то! Угождай какъ собачонка, такъ и любитъ. Ужь чужой домъ, чужой и есть. Что̀ у меня? ни родныхъ, ни своего угла.

— Ваши родители давно умерли?

— Я послѣ нихъ маленькою осталась. Папенька служилъ въ магистратѣ, потомъ захворалъ и скончался. Послѣ него и маменька недолго нажила. Я одна только и была у нихъ. Мнѣ было домъ остался послѣ нихъ въ наслѣдство, да сгорѣлъ. Такъ я безъ

ничего и осталась, да вотъ безъ малаго пятнадцать лѣтъ живу здѣсь.

— Татьянѣ Петровнѣ тяжело бы было разстаться съ вами, да и вамъ тоже. Привычка: шутка ли пятнадцать лѣтъ!

— Э, полноте, она меня, я думаю, на всякаго промѣняетъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Да будто она можетъ кого любить? любитъ для себя. Подвернись другая, такъ и меня въ сторону.

— Ну, нѣтъ вы несправедливы.

И точно, она была несправедлива: Татьяна Петровна очень привыкла къ ней.

— Вотъ ужь теперь мужа нашла, такъ и скрытнѣе стала. Все съ нимъ да съ нимъ... Я ужь часто ухожу, чтобъ не быть лишней. Господи! какъ трудно узнать человѣка! прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— А что?

— Да такъ. Иной кажется ангеломъ; думаешь: вотъ ужь этотъ умница, скромница, а поглядишь — не лучше другихъ. Не даромъ говорятъ: женится — перемѣнится. Страшно и замужъ-то выйдти — какой навяжется!

— Что это васъ такъ испугало?

— Вижу примѣры... А жены-то дуры и уши развѣсятъ, такъ и ввѣряются. А какъ посмотришь, вездѣ интересъ проклятый.

— Вотъ, значитъ, недурно и бѣдной быть.

— Ну, ужь все хорошо.

Къ вечеру произошла странная сцена.

Абрамъ Иванычъ былъ весь день необыкновенно ласковъ съ тетушкой. Она оживилась и помолодѣла, даже кокетничала съ нимъ немного. Послѣ чаю они о чемъ-то долго говорили въ кабинетѣ, откуда Татьяна Петровна вышла блѣдная, взволнованная, и упала на первое попавшееся кресло въ сильной истерикѣ.

Мы съ Амфисой бросились ей помогать. Вскорѣ пришелъ и дядя и очень равнодушно сказалъ мнѣ:

— Съ твоею тетушкой сдѣлалась истерика отъ скупости.

Татьяна Петровна вскрикнула и зарыдала громче прежняго.

Мы уложили ее въ постель.

— Не оставляйте меня! сказала она.

— Господи помилуй! произнесла Амфиса горестно: — до чего дошло!

— Да, мой другъ, до того дошло, что онъ принуждаетъ меня продать половину имѣнія за его долги, а другую отдать ему бумагой при жизни. Это онъ хочетъ меня въ руки забрать — этакую дуру нашелъ! Я еще не хочу, чтобъ меня послѣ выгнали изъ дому! Нѣтъ, онъ очень ошибается!

Вскорѣ явился Абрамъ Иванычъ. Онъ сталъ на колѣни передъ кроватью Татьяны Петровны, просилъ прощенья, говорилъ, что онъ пошутилъ, что онъ только проситъ ее заплатить за него, а о половинѣ имѣнія и не думаетъ; что онъ готовъ для нея сдѣлать все на свѣтѣ; что онъ выплатитъ ей, со временемъ, все; что онъ самъ богатъ, но только въ настоящее время ничего не имѣетъ въ распоряженіи, а что у него братъ при смерти, послѣ котораго онъ получитъ наслѣдство.

— Какъ тебѣ не стыдно, Таничка, сказалъ онъ, — надѣлать столько шуму изъ-за глупой шутки! Что о насъ подумаютъ наши люди? ты унизишь меня въ ихъ глазахъ. Богъ съ тобой! Ничего мнѣ не надо! Я думалъ, что ты любишь меня и хотѣлъ испытать твою любовь. Вотъ и испыталъ—ну, благодарю, мой другъ!

Татьяна Петровна присмирѣла и, въ свою очередь, созналась, что погорячилась, что ей было горько думать, что онъ любитъ ее изъ интереса, что она теперь сама для него ничего не пожалѣетъ и проч.

Затѣмъ она простилась съ нами, сказавъ, что ей нужно успокоиться.

— Каково! сказала мнѣ Амфиса: — погодите, еще то ли будетъ! Ужь онъ выманитъ у ней все!

Вскорѣ пришелъ къ намъ дядюшка и, обратясь къ Амфисѣ, попросилъ ее посидѣть у Татьяны Петровны, пока она спитъ.

Было десять часовъ вечера. Только Амфиса ушла, онъ подалъ мнѣ большой пакетъ конфетъ и сказалъ:

— На-ка, вотъ тебѣ... спрячь, не показывай.

— Благодарю васъ, но зачѣмъ же прятать? Если и тетушка узнаетъ, она, вѣрно, не разсердится.

— Ужь ты слушай меня. Я знаю, что говорю. Я нарочно выпроводилъ Амфису, чтобы съ тобой посидѣть. Садись сюда, поближе...

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— Экая глупенькая! Да вѣдь я тебя не укушу. Отчего ты меня боишься?

— Я васъ не боюсь, но...

— Но, но! ну, что̀ но! сказалъ онъ, передразнивая меня приторно.—Видишь, ножонку-то выставила — экая маленькая, точно птичья... Вотъ спрятала. А поди-ка, мужа бы не стала дичиться! Ну-ка, поцѣлуй меня такъ, какъ бы ты его поцѣловала... Что̀ плечиками-то пожимаешь? Думаешь, влюбился старый дядя... Ну, и влюбился; ну, чтожь такое!

— Вѣдь не съ ума же вы сошли, да и я не помѣшалась, чтобы думать такія вещи.

— Послушай-ка, что̀ я тебѣ скажу: я получу наслѣдство отъ брата, тетка твоя заплатитъ мой долгъ, потомъ я уѣду въ Малороссію, а ты и пріѣзжай ко мнѣ жить; я тебя какъ герцогиню буду утѣшать.

— Господи Боже! сказала я наконецъ, потерявъ терпѣніе: — скажите, ради Бога, чѣмъ я имѣла несчастіе внушить вамъ такія мысли?

— А вотъ этими глазенками.

— Въ какое ужасное положеніе ставите вы меня!

— Ничуть не бывало. Какъ бы ты была умнѣе, такъ поняла бы, что надо наслаждаться жизнью. Это тебѣ старыя бабы натолковали разныхъ глупостей...

— Оставьте меня въ покоѣ, возьмите ваши конфеты, онѣ у меня въ горлѣ остановятся.

— Упряма ты, какъ чортъ, какъ я посмотрю! Тебѣ судьба счастье посылаетъ, а ты рыло воротишь. Вотъ я тетушкѣ-то твоей скажу, что я принесъ тебѣ конфетъ, а ты выдумала, что я влюбленъ въ тебя. Пусть она полюбуется, какіе чистые взгляды на вещи у семнадцатилѣтней дѣвушки.

Я ничего не отвѣчала, только, вѣроятно, въ моемъ взглядѣ многое сказалось.

— О, какая королева! не убей взглядомъ! Ну, полно, не сердись, не скажу; только будь поласковѣе.

Я стояла молча. Послышались шаги Амфисы. Онъ поспѣшно спряталъ конфеты подъ диванъ и вышелъ. Сальная свѣча нагорѣла. Амфиса сняла съ нея и пытливо посмотрѣла на меня.

— Что̀ тетушка? спросила я, стараясь скрыть волненіе.

— Ничего, проснулись. У васъ дядюшка все время сидѣлъ?

— Да.

Она многозначительно сжала губы, и безъ того тонкія.

— Видно, дядюшкѣ-то весело съ молоденькою племянницей. Это онъ такъ полюбилъ васъ съ нашей поѣздки въ городъ. Прежде и не подходилъ къ вамъ. Что̀ значитъ однимъ-то на недѣлю остаться!...

— Амфиса Павловна! сказала я съ упрекомъ.

— Полноте! сказала она строго:—не надуете вы меня! я все вижу, стыдно вамъ!

— Не смѣйте мнѣ этого говорить! вскричала я почти съ бѣшенствомъ:—не смѣйте говорить ни слова! А то все полетитъ въ васъ, я не ручаюсь за себя въ эту минуту.

— Господи помилуй! сказала она, оробѣвъ и отступая къ дверямъ.—Да вы, никакъ помѣшались!—А это что? вскричала она и съ быстротою кошки прыгнула къ дивану и вытащила оттуда проклятыя конфеты.

— Возьмите ихъ себѣ, сказала я уже спокойно и твердо.

— Мнѣ не нужно! А къ чему вы спрятали ихъ? Нѣтъ, вѣдь передъ Татьяной Петровной я за васъ отвѣтчица! Какъ бы все было чисто да хорошо, не стали бы вы ихъ прятать, не приносили бы вамъ ихъ крадучи! Эки хитрости! меня нарочно выслали! Прекрасно! Я это все тетенькѣ передамъ, чтобъ послѣ мнѣ не отвѣчать.

— Завтра я сама все передамъ тетенькѣ, и ни минуты не останусь подъ кровлей этого дома, сказала я.

— Куда же вы пойдете?

— Куда-нибудь, мнѣ все равно.

— Полноте! вы себя погубите, сказала она, смягчаясь.

— Не я себя погублю, а другіе; да накажетъ ихъ Богъ!

— Да вы поставьте себя на мое мѣсто, что̀ бы вы сдѣлали?

— Я бы наперед̀ъ узнала правду, а не заключала по однимъ невѣрнымъ признакамъ...

— Да Христа ради, объясните вы мнѣ.

— Что̀ мнѣ вамъ объяснять? вы опять перетолкуете посвоему: —вы не хотите вѣрить въ добро, у васъ нѣтъ сердца. Вы меня ненавидите, Богъ знаетъ за что̀, и стараетесь мнѣ вредить.

— Да кто это вамъ надулъ въ уши, что я васъ ненавижу? Намъ нечего дѣлить: что мнѣ васъ ненавидѣть? Вы сами не хотите мнѣ открыться... Вотъ хоть бы теперь, не потакать же мнѣ этакимъ проказамъ.

— Эти проказы дорого мнѣ обходятся. Вашъ хваленый генералъ—подлецъ!

— Это вы дядю-то такъ!

— Развѣ я виновата, что онъ преслѣдуетъ меня? Ну, что бы вы стали дѣлать на моемъ мѣстѣ? Если бы вамъ при малѣйшемъ намекѣ грозили все свалить на васъ же и васъ же очернить?

— Ай! и вправду, какое ваше положеніе... Какъ же быть? надо тетенькѣ сказать.

— Вѣдь это убьетъ ее. Да и-насъ же обвинятъ: для этого человѣка нѣтъ ничего святаго. Скажите! Вы себѣ наживете непримиримаго врага, потому что Татьяна Петровна не вытерпитъ, все скажетъ ему. Все, что вы можете для меня сдѣлать, не оставляйте меня одну.

— Да пожалуй, отчего же! Ужь если вы мнѣ все откровенно открыли, такъ я подлости не сдѣлаю. Вѣдь ужь и я вамъ скажу всю правду, онъ прежде и за мной волочился... Да я ему носъ наклеила, прибавила она самодовольно.

Съ этой поры, я очень удачно избѣгала встрѣчъ наединѣ съ дядюшкой; я поселилась въ диванной съ работой и чтеніемъ, гулять стала во время ихъ карточной игры, а поздно вечеромъ довольствовалась прохаживаньемъ по саду съ Амфисой, которая стала даже принимать во мнѣ нѣкоторое участіе. Трудно ей было не говорить Татьянѣ Петровнѣ о всемъ случившемся, но она крѣпилась, потому что боялась повредить себѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня угрюмо и, по временамъ, придирался, указывая теткѣ на мои недостатки; послѣдняя же, по какому-то духу противорѣчія, заступалась за меня.

Такъ прошла осень, къ концу которой мы переѣхали въ городъ.

По пріѣздѣ туда, Татьяна Петровна объявила, что она намѣрена взять меня съ собою дѣлать визиты. По этому случаю, мнѣ заказали новое, первое шелковое платье, сѣраго цвѣта.

Когда мнѣ принесли его отъ губернской модистки, то, въ назначенный для визитовъ день, я нарядившись, пошла показаться теткѣ. Она сидѣла съ дядей въ портретной. Осмотрѣвъ меня, она сказала ему:

— Хорошенькое платьице!

Онъ сдѣлалъ очень серіозную мину, и, подозвавъ меня къ себѣ, глубокомысленно велѣлъ повернуться и очень больно ущипнулъ

мнѣ руку. Я вскрикнула отъ боли и неожиданности. Татьяна Петровна спросила меня:—что съ тобой? Дядя также очень важно спросилъ, что со мной?

Такое лицемѣріе взбѣсило меня, и я отвѣчала ему:

— Вы ущипнули меня.

— Что это тебѣ пришло въ голову, Абрамъ Иванычъ? сказала тетка.

— Съ чего это она выдумываетъ? отвѣчалъ онъ.—Я едва дотронулся до нея. Это еще что за новые капризы?

— Eugénie! слышишь?

— Слышу и чувствую, отвѣчала я.

— Вѣришь ли, мой другъ, отвѣчалъ дядя съ горячностью:—что я только вотъ какъ дотронулся до нея!

И онъ показалъ какъ, слегка прикасаясь къ рукѣ жены.

— Съ чего жь ты выдумала кричать? сказала мнѣ Татьяна Петровна.

— Отъ капризовъ! сказалъ протяжно дядя.—Я тебѣ говорю давно, мой другъ, она, чортъ знаетъ, какъ капризна: вѣдь это ты только слѣпа къ ней!

Я отворотила рукавъ платья и показала Татьянѣ Петровнѣ красное пятно на рукѣ. Она была въ недоумѣніи.

— Какже вонъ пятно, сказала она.

— Да-да-а! ты повѣрь ей, она тебѣ выдумаетъ. Можетъ, это пятно у ней давно было. Вѣдь этакая лгунья дѣвчонка! сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ: — а я тебя не за это мѣсто и взялъ!..

Я посмотрѣла ему прямо въ глаза съ изумленіемъ. Меня поразило такое безстыдство; до сихъ поръ я не могла понять, чтобъ можно было такъ поступать.

— Полюбуйся! сказалъ онъ Татьянѣ Петровнѣ:—полюбуйся, какъ смотритъ дерзко на дядю племяненка! Превосходно! А ты балуй ее, потакай ей, такъ она насъ съ тобой скоро бить будетъ. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, пока она не исправится, никуда бы не бралъ ея;—пусть-ка посидитъ дома. Для чего ты ее везешь съ собой? чтобъ еще больше блажи въ голову набить. Нѣтъ, мой милый другъ,—послушайся меня, выдержи ее хорошенько... если для тебя мужъ—не тряпка, а что-нибудь значитъ. Вѣрь моей опытности, я тебѣ дурнаго не посовѣтую.

— Поди раздѣнься и оставайся дома, сказала Татьяна Петровна.

Я вышла, возмущенная до глубины души.

— Что вы? сказала Амфиса, встрѣчаясь со мной: — опять что-ли непріятность?

Я не отвѣчала, слезы готовы были брызнуть у меня изъ глазъ.

Сцены въ этомъ родѣ съ дядюшкой стали повторяться довольно часто. Онъ обладалъ необыкновеннымъ искусствомъ выискивать къ нимъ причины, такъ что я стала невиннымъ предметомъ неудовольствій для тетушки. Она и сама сдѣлалась со мной холодна и строга. Жизнь моя стала тяжела и непріятна. Въ характерѣ моемъ и въ самомъ дѣлѣ начали появляться рѣзкость и раздражительность, которыхъ я прежде не замѣчала въ себѣ. Это ужь не была прежняя вспыльчивость, мгновенно исчезавшая,—это было постоянно-желчное расположеніе духа, повергавшее меня въ уныніе.

Однажды, пришло письмо отъ дяди Василья Петровича, гдѣ онъ объяснялъ, что такъ какъ сумма по векселю, данному мнѣ покойною тетушкой, превышаетъ все его наслѣдство, то онъ и отказывается платить,—вопервыхъ, по этой причинѣ, а вовторыхъ потому, что такъ какъ Амилово заложено и проценты въ опекунскій совѣтъ просрочены, то его описали и будутъ продавать съ публичнаго торга, и что онъ отъ него отступается и свою деревеньку продалъ, что тетушка послѣднее время, по слабости здоровья, хозяйствомъ и дѣлами не занималась, и ее обманывали и скрывали многое, вѣроятно въ надеждѣ, что на ея вѣкъ станетъ... За этимъ слѣдовало церемонно-ироническое поздравленіе Татьянѣ Петровнѣ съ законнымъ бракомъ, и колкіе намеки на ея истинно-родственную любовь къ нему.

Итакъ я лишилась послѣдняго состоянія и все больше и больше утопала въ страшномъ омутѣ зависимости. Амилово, этотъ благословенный пріютъ моего дѣтства, будетъ продано въ чужія руки, и я никогда уже не увижу дорогихъ и милыхъ для меня мѣстъ... —О, Боже мой!—и я горько плакала, одна, въ своей комнатѣ.

VII.

Зима уже установилась. Къ хандрѣ присоединилась скука. Однообразіе сумрачныхъ дней; вечера, посвященные картамъ; вѣчно одни и тѣ же Нилъ Иванычъ и Антонъ Силычъ, порою,

двѣ-три пожилыя гостьи въ темныхъ капотахъ; по воскресеньямъ визитныя карточки, да какая-нибудь вычурная афиша заѣзжихъ акробатовъ, съ обыкновенными рисунками необычайныхъ скачекъ и позъ, на которыхъ изображенные люди походятъ на фантастическихъ гномовъ въ волшебныхъ сказкахъ, а лошади имѣютъ видъ животныхъ, не существующихъ на земномъ шарѣ, или театральная афиша съ названіемъ драмъ и водевилей, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ столько же, сколько и самая сцена, которой я никогда не видала, потому что не бывала ни-разу въ театрѣ.

Мнѣ иногда дѣтски хотѣлось повеселиться, и душѣ моей, утомленной внутренними разнообразными ощущеніями, оставался еще нетронутымъ источникъ жизни внѣшней, міръ искусствъ и удовольствій общественныхъ; онъ представлялся мнѣ какъ бы въ туманѣ, невѣрно и неясно, самою неизвѣстностью маня меня къ себѣ. Во мнѣ говорила молодость, слишкомъ рано придавленная преждевременнымъ развитіемъ и страданіемъ. Она требовала правъ своихъ, несправедливо отнимаемыхъ печальнымъ сиротствомъ и бѣдностью. Иногда же мнѣ вдругъ становилось легко и хорошо, какъ будто уже исполнялись всѣ мои желанія и будто въ будущемъ должно было придти счастіе и возвратиться все утраченное. Это работала та же молодость, которая живетъ, дышитъ и надѣется, до тѣхъ поръ, пока время не умчитъ ея вмѣстѣ съ золотыми надеждами.

Однажды вечеромъ, неожиданно пріѣхали Душины, Лукерья Андревна съ Таничкой. Послѣдней я обрадовалась чрезвычайно. Мы бросились другъ къ другу въ объятія, какъ давнишнія искреннія подруги.

— Ахъ, душка моя, какъ я рада тебя видѣть! сказала она, и это непривычное *ты*, вылившееся безо всякихъ уговоровъ и просьбъ, было для меня пріятно.

— Какой добрый духъ принесъ тебя сюда?

— Кучеръ нашъ Артамонъ... важно отвѣчала она.

— Веди меня въ твою комнату, сказала мнѣ Таничка, поздоровавшись съ Татьяной Петровной и посидѣвъ немного въ гостиной. Мнѣ хочется поговорить съ тобою.

Мы вошли въ мою комнату.

— Ай-ай! какой сарай! сказала она,—ну, не великолѣпно же помѣщаетъ тебя тетушка! Вѣдь мы ужъ здѣсь узнали, что она

замужъ вышла. Маменька обидѣлась, что ее не извѣстили, и ѣхать не хотѣла, да я уговорила. А Павелъ-то Иванычъ!—получилъ мѣсто учителя при здѣшней гимназіи.

— Неужели? Стало-быть, я его буду видать у васъ?

— У насъ! онъ познакомится съ Татьяной Петровной, онъ говорилъ мнѣ... Ахъ, душка! продолжала она, помолчавъ,—какъ я рада, какъ я счастлива, что наконецъ вижу тебя, могу говорить съ тобой! Мнѣ такъ хочется открыть тебѣ всю душу!.. знаю, что ты добра и примешь во мнѣ участіе...

— Не сомнѣвайся въ этомъ. Я часто думала о тебѣ, часто мысленно старалась угадать твои страданія, чтобъ сочувствовать имъ. Давно ли ты не получала отъ *него* писемъ?

— Получила недавно. Я все также люблю его и вѣчно буду любить! Онъ мой дорогой, ненаглядный другъ!

— Что̀, онъ женихъ твой?

— Слушай,—я отъ тебя ничего не скрою: я можетъ-быть никогда не буду его женой, никогда не доживу до этого счастія. Онъ гордъ и бѣденъ; притомъ же онъ не можетъ такъ любить меня, какъ я его люблю; но онъ обѣщалъ всегда остаться моимъ братомъ, другомъ, и я всегда буду обожать его. Его никто такъ не понимаетъ, какъ я; онъ открываетъ мнѣ все, что̀ у него на душѣ; у него не будетъ друга вѣрнѣе меня. У него чудный, благородный характеръ, но онъ не можетъ долго страстно любить одну. Что̀ же ему дѣлать—онъ и самъ не радъ. Притомъ же онъ такъ хорошъ, имѣетъ такую чудную манеру, что противъ него не устоитъ ни одна женщина. Но онъ всѣхъ забываетъ скоро, одну меня помнитъ и любитъ, какъ сестру, за это и я его буду вѣчно обожать. Я не хочу разлюбить его, безъ любви къ нему я мертвый человѣкъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могу думать о немъ, вспоминать о тѣхъ минутахъ, когда онъ былъ со мной... И какія письма пишетъ онъ! Ахъ, вотъ ты увидишь, что нельзя не любить его... Какіе у него глаза! страстные, чудные... Какая манера! Когда онъ сядетъ, бывало, противъ меня, вотъ такъ (она облокотилась на столъ и посмотрѣла, загнувъ слегка голову, съ выраженіемъ гордой, самонадѣянной страстности), то я забывала все на свѣтѣ. . Ахъ, прибавила она, вдругъ заливаясь слезами,—все прошло, и ужь никогда я не буду такъ счастлива!

— Давно ты любишь его?

— Скоро три года. Я разкажу тебѣ все, только не обвиняй его: онъ не виноватъ. Я одна понимала его: его всѣ обвиняютъ, потому что не знаютъ его души, такъ какъ я знаю. Слушай: три года тому назадъ, мы переѣхали въ Москву на зиму, чтобы опредѣлить старшаго моего брата на службу: у меня есть еще братъ. Папенька былъ еще живъ, и мы жили очень весело; у насъ часто бывали вечера, на которыхъ танцовали наши знакомые. Братъ познакомилъ съ нами многихъ своихъ товарищей, въ томъ числѣ и его. Я была еще тогда такою глупою дѣвочкой. Когда онъ вошелъ съ братомъ къ намъ вечеромъ, сердце у меня замерло, я не могла отвести отъ него глазъ—такъ хорошъ онъ былъ! У насъ въ тотъ вечеръ было много знакомыхъ. Я танцовала съ однимъ офицеромъ, была разсѣянна, и все глядѣла въ ту сторону, гдѣ былъ онъ. Кавалеръ мой, смѣясь, спросилъ меня: нравится ли мнѣ онъ, и прибавилъ: «берегитесь, онъ опасный человѣкъ, въ родѣ Донъ-Жуана». Это еще больше заинтересовало меня. Сердце мое замерло какимъ-то сладкимъ страхомъ. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ и просилъ на кадриль, а самъ взглянулъ на меня чуднымъ, невыразимымъ взглядомъ. Не помню, что̀ мы говорили, — я слушала только очаровательные звуки его голоса. Послѣ мы играли въ вопросы и отвѣты, потому что дама, игравшая для насъ на фортепьяно, захворала и уѣхала. Когда я отошла, кончивъ игру, къ фортепьяно и стала перебирать ноты, въ надеждѣ не подойдетъ ли онъ, — онъ подошелъ. «Нравится вамъ игра въ вопросы и отвѣты?» спросилъ онъ.—Да, отвѣчала я,—только тутъ и спрашиваютъ и отвѣчаютъ неискренно.—«А вы отвѣтили бы искренно на одинъ мой вопросъ?»—Отвѣтила бы. Спросите.—«Я спрошу васъ черезъ недѣлю», сказалъ онъ. — Въ это время я уронила носовой платокъ; онъ поднялъ его и, подавая, схватилъ мою руку и пожалъ, сказавъ такъ нѣжно, съ такимъ чуднымъ выраженіемъ: «вы меня простите?...» Я не понимала себя, у меня въ глазахъ темнѣло. Всю ночь я не спала, продумала о немъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ часто бывать у насъ. Маменька его очень полюбила, онъ очаровалъ ее своимъ обращеніемъ; вѣришь ли, онъ иногда и съ ней кокетничалъ своими взглядами. Со мной при другихъ онъ не говорилъ ни слова; съ братомъ былъ очень друженъ. Прошла недѣля, я напомнила ему о вопросѣ... Онъ взялъ каран-

дашъ и на лоскуткѣ бумажки написалъ: «можете ли вы любить меня?» Я написала на другой сторонѣ: «не могу не любить». Ну, ужь съ этого времени, душка, я потеряла голову и отдалась ему всей душой. Я была его другомъ, рабой, — я все прощала ему. Были минуты, когда онъ почти ненавидѣлъ меня и употреблялъ всѣ средства, чтобы истощить мое терпѣніе, — я все переносила: его вспыльчивость, измѣны, холодное обращеніе. Стоило только ему попросить прощенія у меня тѣмъ нѣжнымъ, чуднымъ голосомъ, котораго я никогда не забуду, и я готова была отдать ему жизнь. Наконецъ, онъ признался мнѣ, что уже не можетъ любить меня страстно, что это не въ его силахъ, но поклялся, что я всегда буду для него доброю, милою сестрой, которую онъ никогда не забудетъ, просилъ меня писать къ нему, не забывать его. Я счастлива и этимъ. Вотъ вся моя исторія. Я уже не могу никого любить; сердце мое умерло для всѣхъ, кромѣ его.

Непріятно подѣйствовалъ на меня этотъ разказъ. Несмотря на всю безграничность самоотверженія подобной любви, я не сочувствовала ей. Нѣтъ! меня возмущало такое самоуничтоженіе, такія жертвы кумиру, недостойному ихъ. Я могла жалѣть бѣдную Таничку, какъ неизлѣчимо-больную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ досадно было за униженное достоинство женщины... Мнѣ казалось даже грѣшно подавлять такъ безумно всѣ силы души однимъ такимъ случайнымъ и невѣрнымъ чувствомъ...

Я высказала мои мысли Таничкѣ; она поцѣловала меня и сказала:

— Если бы я встрѣтилась съ тобой раньше, прежде чѣмъ узнала его, ты, можетъ-быть, спасла бы и поддержала меня, а теперь поздно... Онъ заставилъ меня произнести страшную клятву, что я не буду принадлежать никому. Странно! хотя онъ любитъ меня не больше, какъ сестру, — онъ страшно ревнивъ.

Мы обѣ замолчали, волнуемыя различными ощущеніями. Таничка отошла къ окну и запѣла съ печальнымъ выраженіемъ:

«Онъ меня разлюбилъ!»

— Ну, какже, сказала она, снова подходя ко мнѣ, — какже ты поживаешь здѣсь? Весело ли тебѣ? Ты, вѣрно, тоже любишь, тоже страдаешь? Люби его, душка, — онъ чудный, благородный человѣкъ!

— О комъ говоришь ты?

— Не грѣхъ ли тебѣ хитрить и скрывать отъ меня! Клянусь тебѣ, что ты найдешь во мнѣ вѣрнаго друга! Я открыла тебѣ всю душу, а ты платишь мнѣ недовѣріемъ. Будто ты не знаешь, что я говорю о Павлѣ Иванычѣ!

— Мнѣ кажется, я люблю его, какъ брата.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Правда, сказала она, подумавъ, — онъ не можетъ внушить такой пламенной, безумной страсти, какъ мой Викторъ, но все-таки я думала, что ты влюблена въ него.

— Не влюблена, хоть и очень люблю его. Да, вѣроятно, и онъ питаетъ ко мнѣ одну дружбу.

— Конечно, онъ не глядѣлъ на тебя такимъ страстнымъ взглядомъ, какъ способенъ глядѣть Викторъ, но это оттого, что у него другой характеръ, другая натура. Послѣ нашей встрѣчи въ монастырѣ, я замѣчаю, что онъ сдѣлался гораздо печальнѣе, задумчивѣе.

Мы хотѣли уже идти, какъ въ дверяхъ моей комнаты показалась закутанная фигура, въ которой, черезъ минуту, я узнала Марью Ивановну. Это былъ вечеръ сюрпризовъ.

Я бросилась къ ней и почти со слезами обняла ее.

— Марья Ивановна! какъ это вы надумали сюда пріѣхать?

— Ѣду къ своимъ гостить. Какой у насъ, другъ мой, пожаръ былъ, и моя хата сгорѣла.

— Неужели?

— Вотъ, я и ѣду гостить, пока не выстрою новой. Тяжеленько, да какъ-нибудь Богъ поможетъ, Яшка Косой будетъ строить. Ужь я его на совѣсть подрядила. Вотъ былъ страхъ-то! Вѣдь въ Амиловѣ-то и домъ, и флигеля сгорѣли. Загорѣлось, мать моя, въ ткацкой, вечеромъ. Вѣтеръ былъ сильный. Мы всѣ обезпамятѣли; чѣмъ бы что выносить, суемся въ разныя стороны... Катерина Никитишна у меня сидѣла, — какъ сидѣла, выбѣжала на дворъ съ прялкой, да — ай, батюшки, ай батюшки! кружится на одномъ мѣстѣ... А Ѳедосья вынесла изъ дому подушку, да ужь до того испугалась, что забыла, что покойницы маменьки давнымъ-давно нѣтъ на свѣтѣ, кричитъ: барыню-то не испугайте! Такой переполохъ былъ!

Я горько заплакала.

— Ну, вотъ я думала насмѣшить ее, а она расплакалась... Ты-то какъ поживаешь? Похудѣла что-то. Видно,—ахъ, прошли, прошли наши красны дни!... Помнишь, какъ, бывало, Ѳедя это пѣлъ, такъ за сердце и хватало! Да, моя радость, опустѣло Амилово... и домъ сгорѣлъ. Смотрѣть тошно. А знаешь ли, кто покупаетъ его? — Данаровъ. Ужь и довѣреннаго прислалъ. А самъ, какъ слышно, въ Петербургѣ.

Татьяна Петровна очень рада была Марьѣ Ивановнѣ и вскорѣ прислала просить ее къ себѣ. Марья Ивановна пріодѣлась и вышла въ гостиную. Черезъ нѣсколько времени, она ужь сидѣла за картами и оживляла своихъ партнеровъ неизмѣнною веселостью своего характера. Душина просила ее познакомиться съ ними, потому что Татьяна Петровна рѣшительно объявила, что она ее не отпуститъ скоро въ дорогу.

Я передала Марьѣ Ивановнѣ о томъ, что Павелъ Иванычъ находится здѣсь, и просила ее держать втайнѣ то, что мы знали его прежде. Она торжественно обѣщала мнѣ это.

Душины наняли квартиру въ двухъ шагахъ отъ насъ, и на другой день, послѣ обѣда, мы съ Марьей Ивановной отправились къ нимъ.

Таничка встрѣтила насъ въ прихожей и, цѣлуя меня, шепнула, что Павелъ Иванычъ у нихъ.

Хозяйка была намъ очень рада, особенно Марьѣ Ивановнѣ, которая при встрѣчѣ съ Павломъ Иванычемъ умѣла ловко и незамѣтно дать ему знать, что онъ долженъ смотрѣть на нее, какъ на незнакомую

Хозяйка, Марья Ивановна, да еще какая-то подслѣповатая старушка, съ безжизненною физіономіей, составили партію въ преферансъ; мы, то-есть Таничка, я и Павелъ Иванычъ, ушли въ залу, довольно слабо освѣщенную одною лампой. Таничка сѣла за фортепьяно; она играла хорошо и, большею частію, серіозныя, печальныя піесы, которыя шли къ расположенію ея души. Мы съ Павломъ Иванычемъ сидѣли поодаль.

До сихъ поръ намъ не удалось еще сказать другъ другу ни слова.

— Здоровы ли вы, Евгенія Александровна? спросилъ онъ, устремивъ на меня взоръ, полный участія. — Вы такъ измѣнились, такъ блѣдны...

— Я не хворала.

— Но отчего же измѣнились вы? Вы страдали, у васъ было какое-нибудь горе?

— Говорить о печальномъ—почти все равно, что дважды переживать его.

— О, въ такомъ случаѣ, не говорите, не разказывайте.... Странно, сказалъ онъ,—я, напротивъ, радъ былъ бы облегчить мою душу передачей другу того, что̀ тревожитъ меня. Что̀ это? скрытность съ вашей стороны или недовѣріе? Во всякомъ случаѣ, простите меня, что я такъ неловко напросился на вашу откровенность! Но вы сами обѣщали ее, вы сами сказали, въ послѣднее наше свиданіе: вамъ будетъ принадлежать дружба взрослой... Неужели прошло время даже и для дружбы? Грустно! Впрочемъ, и я безуменъ...

— Наконецъ и между нами появились недомолвки, недоразумѣнія! Это не только грустно для меня—это досадно.

— Ктожь виноватъ? я все тотъ же.

— Знаете ли вы, что иногда, несмотря на все желаніе высказаться, открыть все, что̀ на душѣ, не достаетъ силъ, не достаетъ умѣнья? Вы хотите знать, страдала ли я? Да, я страдала, я измучилась одною самою странною, самою нелѣпою непріятностію.

— Опять любовь?

— Богъ съ ней, съ любовью!

— Вы ужь не вѣрите въ это чувство?

— Что̀ до того, вѣрю я, или не вѣрю? Но вы сами, любите ли вы кого-нибудь?

— Да, я люблю всею силой души моей...

— Дай Богъ вамъ счастія, дай Богъ вамъ не ошибиться!

— Счастіе далеко; ошибкѣ нѣтъ мѣста, потому что я люблю безотвѣтно!

— А кто проповѣдывалъ Таничкѣ?

— Проповѣдывать легко...

— Но тяжело то, что ваше сердце не оцѣнено, не понято.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ кроткой нѣжности и грусти.

Когда мы уѣзжали домой, Таничка и Павелъ Иванычъ вышли провожать насъ въ прихожую. Послѣдній подалъ мнѣ мой

салопъ, очень нещеголеватый и хотѣлъ непремѣнно самъ застегнуть его; при этомъ руки его слегка коснулись моей шеи, — онъ вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ...

Онъ проводилъ насъ на крыльцо и, несмотря на холодъ и наши просьбы не выходить, усадилъ насъ въ сани и смотрѣлъ намъ вслѣдъ, пока мы не выѣхали за ворота.

VIII.

— Что̀ это Татьяна Петровна такъ холодна къ тебѣ? сказала мнѣ однажды Марья Ивановна. — Лизавету мою она больше любила. А ты, моя радость, угождай ей, что̀ дѣлать, — хоть и тяжеленько. Принудь себя.

У меня невольно навернулись слезы.

— Да не вышло ли чего у васъ? Что-то и дядюшка-то на тебя дуется...

— Ахъ, Марья Ивановна! Ничего вы не знаете!

— Да что̀? разкажи ты мнѣ.

— Спросите Амфису Павловну.

Амфиса Павловна пересказала все Марьѣ Ивановнѣ и привела ее въ сильное волненіе и удивленіе. Отъ души сожалѣла обо мнѣ добрая Марья Ивановна и, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе принимала во мнѣ участіе.

Вскорѣ познакомился съ нашимъ домомъ, черезъ Душиныхъ, и Павелъ Иванычъ. Татьянѣ Петровнѣ онъ понравился; она просила его посѣщать насъ почаще и запросто, чѣмъ онъ и воспользовался.

Наши свиданія и разговоры съ нимъ принимали мало-по-малу характеръ самой задушевной симпатіи. Онъ уже не вызывалъ меня болѣе на откровенность; но я чувствовала, что близь меня находится другъ, который всегда съ любовью и участіемъ готовъ протянуть мнѣ руку въ опасную и тяжкую минуту. Онъ пристально и серіозно вглядывался въ мою жизнь у Татьяны Петровны, ловилъ каждое, даже повидимому ничтожное обстоятельство, которое могло разъяснить ему мое положеніе.

Дядюшка какъ-то притихъ и оставилъ свои попытки пріобрѣсть мою нѣжность; но въ его обращеніи со мной было что-то суровое; какое-то затаенное, непріязненное чувство проглядывало

во взглядахъ и словахъ, относившихся ко мнѣ; случались и непріятности, и придирки, направленныя на меня черезъ тетушку.

Марья Ивановна тоже наблюдала за всѣмъ; но странно, что она не передавала мнѣ своихъ замѣчаній.

Однажды Павелъ Иванычъ у насъ обѣдалъ и, послѣ обѣда, когда всѣ отдыхали,—онъ долго о чемъ-то разговаривалъ вполголоса съ Марьей Ивановной, ходя по залѣ; я работала въ другой комнатѣ. Когда они подошли ко мнѣ, онъ былъ блѣденъ и взволнованъ, и смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ состраданія и глубокой нѣжности. Въ продолженіе вечера онъ былъ задумчивѣе и разсѣяннѣе обыкновеннаго.

Марья Ивановна, ложась спать, сказала полусоннымъ голосомъ: «Устрой тебя Господи!» — и вскорѣ уснула, потому что поздно окончила пульку съ Татьяной Петровной.

Черезъ нѣсколько дней Душины пригласили Татьяну Петровну съ мужемъ, Марью Ивановну и меня пить вечеромъ чай.

У Душиныхъ были гости, разумѣется, не изъ блестящей губернской аристократіи, потому что для такихъ надо бы было устроить роскошный вечеръ съ музыкантами и угощеніемъ, и потому звать ихъ часто было накладно. Тутъ были семейства помѣщиковъ, пріѣхавшихъ на зиму въ городъ, чтобы вывести своихъ дочекъ разъ или два въ благородное собраніе или на офиціяльный балъ губернатора.

Устроились танцы подъ фортепьяно.

Я уединилась въ небольшой комнаткѣ, служившей кабинетомъ Таничкѣ, и задумалась подъ звуки музыки.

Пришелъ Павелъ Иванычъ.

— Какое счастіе! сказалъ онъ.—Я нахожу васъ одну и какъ радъ поговорить съ вами! А сказать вамъ мнѣ нужно многое, очень многое...

— Что такое? Я рада васъ слушать.

— Не стану долѣе скрывать отъ васъ; я знаю черезъ Марью Ивановну, что вы несчастливы, что вы много терпите непріятнаго. Евгенія Александровна! вѣрите ли вы моему безпредѣльному участію, моей глубокой дружбѣ?

— О, конечно! вы единственный человѣкъ, которому я довѣрилась бы во всемъ.

— А еслибъ я сказалъ вамъ, что... что... — голосъ его задрожалъ,—я люблю васъ,—повѣрите ли вы?..

Я смутилась, но отвѣчала: да.

— Помните, пять лѣтъ тому назадъ, я сказалъ вамъ то же самое подъ тѣнью старой березы?

— Помню.

— Ваше сердце отвѣчало мнѣ тогда; что-то скажетъ оно теперь? Никогда не рѣшился бы я сдѣлать вамъ подобное предложеніе, еслибъ не былъ твердо убѣжденъ, что никто, никто не будетъ такъ заботиться о васъ, такъ любить васъ! Что же смущаетъ васъ? Отчего вы молчите? Скажите мнѣ всю правду, не стѣсняйтесь ничѣмъ: каковъ бы ни былъ отвѣтъ вашъ, я останусь неизмѣннымъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказала я. — Я столько люблю васъ, чтобы посвятить вамъ всю жизнь мою, чтобъ добросовѣстно исполнить долгъ мой и найдти въ этомъ невыразимую отраду. Никого не сравню я съ вами, никого не буду любить такъ, какъ васъ...

И сердце мое билось сильно; мнѣ стало покойно, хорошо и отрадно, подъ вліяніемъ этого свѣтлаго, полнаго любви взора.

IX.

Вскорѣ я сдѣлалась невѣстой Павла Иваныча.

Никто не радовался такъ истинно перемѣнѣ судьбы моей, какъ добрая Марья Ивановна. Амфиса Павловна вздыхала и впадала, по временамъ, въ желчное расположеніе духа. Ради меня, какъ невѣсты разумѣется, всѣ суетились и хлопотали въ домѣ. Татьяна Петровна была тоже радехонька сбыть меня съ рукъ и разомъ избавиться отъ лишней заботы. Она сама толковала съ портнихами, сама даже ѣздила въ лавки закупать мнѣ приданое, которое хотя было не богато, но заключало въ себѣ множество пестрыхъ тряпокъ и мелочей, обреченныхъ быть по большей части, въ послѣдствіи, безъ употребленія и пользы. Меня ни о чемъ и ни въ чемъ не спрашивали. Я была существо чисто-пассивное, да и странно было бы *невѣсть* думать о своемъ приданомъ, когда есть старшіе. На меня примѣ-

ривали обновы и, не спрашиваясь моего собственнаго вкуса, рѣшали хорошо или дурно, идетъ или нейдетъ. Впрочемъ въ этомъ положеніи есть своя прелесть: какая-то лѣнь и беззаботность овладѣваютъ вами, и вы предаетесь наконецъ чужой волѣ охотно, тѣмъ болѣе, что сознаете, что скоро она потеряетъ для васъ свою силу, и что это уже послѣдняя ея вспышка.

— А что, Геничка, сказала мнѣ однажды Марья Ивановна,— я думаю тебѣ теперь всѣхъ милѣе Павелъ Иванычъ? Какъ онъ приходитъ, у тебя, я думаю, сердце такъ и замираетъ отъ радости?

— Да, я очень бываю рада.

— А что, моя радость, ужь дѣло прошлое, ты не сердись, скажи по правдѣ, вѣдь ты больше любила Николая Михайлыча?

— Не знаю, Марья Ивановна, ужь то прошло.

— Да ужь не хитри,—больше.

— Почему вы такъ думаете?

— Да вѣдь я помню: бывало, тотъ входитъ, такъ ты вся и въ лицѣ перемѣнишься, и руки задрожатъ.

— Я будто боялась его; сама не знаю отчего, но этотъ страхъ имѣлъ свою прелесть.

— Это-то и есть любовь настоящая; это и значитъ, что ты ужь къ нему страсть имѣла. Не боялась же ты его и вправду, а ты своей страсти боялась... знала, что не скроешь ея, вотъ что.

Я невольно задумалась надъ словами Марьи Ивановны. Правда, заключавшаяся въ нихъ, была для меня тяжела.

— Ты съ этимъ счастливѣе будешь, онъ тебѣ будетъ въ глаза глядѣть, а тотъ, помнишь, какъ нофыркивалъ: что не по немъ, такъ и вспыхнетъ, и глаза, какъ свѣчки, загорятся... А иногда надуется да сидитъ по цѣлымъ часамъ, вотъ такъ, облокотившись на столъ, и глаза закроетъ рукой, а волосы-то черные, густые— такъ и разсыплются по бѣлой рукѣ.. Ахъ, чортъ его возьми! вѣдь какъ былъ хорошъ, окаянный!

— Что объ этомъ вспоминать, сказала я, припадая къ стеклу окна пылающимъ лицомъ и смотря на стадо галокъ, проносившихся съ крикомъ.

Это было за двѣ недѣли до масляницы; была оттепель; сыроватая, тяжелая атмосфера проникала въ комнату; особенный полусвѣтъ, свойственный только немногимъ зимнимъ теплымъ днямъ при закатѣ солнца, освѣщалъ предметы. При этомъ полу-

свѣтѣ, въ этомъ воздухѣ, пронеслось для меня что-то знакомое, бывалое; будто запахло лѣтомъ и вечернею сыростью тѣнистаго сада. Сердце мое забилось, голова отуманилась. Какое-то пламенное, одуряющее чувство пролетѣло по душѣ...

Въ эту минуту вошелъ Павелъ Иванычъ. Видно, было что-нибудь особенное въ пожатіи руки моей, что онъ отвѣтилъ мнѣ на него горячѣй и восторженнѣй обыкновеннаго.

— Марья Ивановна! посмотрите, какъ она хороша теперь! сказалъ онъ, вглядываясь въ мое лицо.—Въ первый разъ еще такъ блестятъ глаза твои! ты взволнована? у тебя руки холодны, какъ ледъ, продолжалъ онъ съ безпокойствомъ,—что̀ съ тобой, не огорчена ли ты?

— О, нѣтъ, мой другъ...

— О чемъ говорили вы до меня?

— О прошедшемъ. Марья Ивановна напомнила мнѣ прошедшее.

— Мнѣ-такъ не нужно напоминать ни о чемъ. Для меня воскресло все лучшее моей жизни.

— И для меня также, сказала я съ затаенною горечью.

Я была недовольна собой.

Павелъ Иванычъ пристально посмотрѣлъ на меня и задумался. Марья Ивановна устремила на меня взоръ, которымъ будто хотѣла спросить:—онъ ничего не знаетъ? я отвѣтила ей также взоромъ.

Вечеромъ пріѣхали Душины, и мы, по обыкновенію, провели его пріятно.

X.

Дни за три до моей свадьбы, Татьянѣ Петровнѣ вздумалось взять ложу въ театръ, гдѣ дебютировалъ какой-то пріѣзжій артистъ въ ролѣ Гамлета.

Въ половинѣ седьмаго Марья Ивановна, въ парадномъ чепцѣ и турецкомъ платкѣ съ разводами, дожидалась, вмѣстѣ со мной, въ залѣ, выхода тетушки; Амфиса Павловна охорашивалась передъ зеркаломъ, звеня своими бронзовыми браслетами. Дядюшка прошелъ мимо насъ со словами: «пора вамъ ѣхать».

Мы отправились.

Павелъ Иванычъ дожидался насъ въ ложѣ; плохой оркестръ наигрывалъ польку; небольшой, но чистенькій театръ былъ освѣщенъ ярче обыкновеннаго. Партеръ былъ наполненъ мущинами; самые отъявленные львы и франты настойчиво лорнировали ложи; губернскія красавицы и модницы сіяли довольствомъ своего наряда и неподвижностью физіономій.

Татьяна Петровна раскланивалась со многими. Насъ также лорнировали довольно внимательно. Отъ Татьяны Петровны знали, что я выхожу замужъ, а невѣста—всегда занимательное лицо, даже и тогда, когда она неизвѣстна и небогата.

Занавѣсъ поднялся... Тѣнь отца Гамлета явилась, въ видѣ актера, натертаго бѣлилами и разрисованнаго синею краской, чтобы походить на мертвеца. Артистъ, игравшій роль Гамлета, выполнялъ ее, мѣстами, недурно, хотя часто горячился и кричалъ некстати. Офелія была невыносима... визгливо и жеманно прокричала она: «изцѣлите его, силы небесныя!» Мнѣ становилось досадно. Я съ жаромъ передавала мои замѣчанія Павлу Иванычу въ антрактѣ...

Вдругъ Марья Ивановна толкнула меня локтемъ, и таинственнымъ, многозначащимъ взглядомъ указала на партеръ. Я посмотрѣла туда, по направленію ея глазъ, и встрѣтила яркій, блестящій взглядъ Данарова... Онъ смотрѣлъ на насъ прямо, безъ бинокля, и язвительная улыбка играла у него на губахъ.

Я не могу опредѣлить чувства, овладѣвшаго мной въ первую минуту этой неожиданной встрѣчи. Я чувствовала, что дыханье у меня захватило и разноцвѣтные круги заиграли передъ глазами. Необъяснимый ужасъ овладѣлъ мной, я затрепетала и невольно отодвинулась назадъ.

Къ счастію, я успѣла оправиться прежде, чѣмъ кто-либо, кромѣ Марьи Ивановны, замѣтилъ мое волненіе.. Кто-либо, кромѣ Марьи Ивановны!—нѣтъ, былъ еще человѣкъ, замѣчавшій мои движенія,—это самъ Данаровъ, упорно и настойчиво устремлявшій на меня магнетизмъ своихъ глазъ.

Представленіе кончилось. Въ суматохѣ одѣванья и выхода, рука моего жениха нѣсколько разъ съ любовью пожимала мою холодную, трепетную руку, и душевная сила мало-по-малу возвращалась ко мнѣ, и въ сердцѣ моемъ снова начиналъ свѣтить теплый лучъ чувства, нѣжнаго и глубокаго.

Тѣснота у подъѣзда усилилась дотого, что начинала переходить въ толкотню. Павелъ Иванычъ, охраняя меня по возможности отъ толчковъ, отвелъ въ сторону отъ дверей и съ безпокойствомъ спрашивалъ о причинѣ моей блѣдности. Въ эту минуту Данаровъ сходилъ съ лѣстницы. Густые, черные волосы упругою волной набѣгали изъ-подъ шляпы почти на самыя брови, глаза искали кого-то тревожно въ толпѣ, пока не остановились на мнѣ. Онъ прислонился къ периламъ лѣстницы и снова сталъ смотрѣть на меня... Но первое впечатлѣніе, промчавшись бурей по душѣ моей, оставило по себѣ одно утомленіе. Я начинала привыкать къ этому взгляду, какъ человѣкъ, подверженный галлюцинаціи, привыкаетъ къ видѣніямъ, являющимся въ его разстроенномъ воображеніи...

Я продолжала говорить съ моимъ женихомъ до тѣхъ поръ, пока громкій голосъ квартальнаго офицера не извѣстилъ, что наша карета подана.

— Ужь недолго вамъ ѣздить въ каретѣ, деликатно замѣтила мнѣ Амфиса Павловна.

— Э, мать моя! сказала Марья Ивановна:—не всѣмъ ѣздить въ каретахъ; живутъ люди и безъ кареты да бываютъ счастливы.

— Каково! сказала Марья Ивановна, оставшись со мной наединѣ,—ожидала ли ты такой встрѣчи? Вѣдь онъ узналъ насъ! Какъ ты меня перепугала, Геничка, — сидишь блѣдная, какъ смерть. А ты, моя радость, старайся владѣть собой, — ну, этакъ Павелъ Иванычъ замѣтитъ... будетъ имѣть подозрѣніе. Это его огорчитъ.

— Меня поразила неожиданность...

— Смотри, Геничка, не влюблена ли еще ты въ него! Сохрани Богъ! вѣдь это, моя радость, несчастіе. Ты ужь какъ-нибудь переломи свое сердце.

— Нѣтъ, Марья Ивановна, я скорѣй ненавижу его. Оттого такъ и тяжело мнѣ было. Я желала бы никогда не встрѣчаться съ нимъ.

— Это конечно бы лучше.

— Впрочемъ, теперь если и встрѣчу, такъ не испугаюсь, и пріучу себя къ мысли, что онъ здѣсь, что я увижу его...

Марья Ивановна улеглась и замолчала. Я думала, что она уснула,—и дала волю слезамъ, долго удерживаемымъ.

— Какъ возьму я, да приколочу тебя! произнесла вдругъ Марья Ивановна.—О чемъ ты плачешь, сумашедшая? Да и онъ-то, песъ этакій, сто́итъ ли, чтобъ ты изъ-за него убивала себя! Онъ, я думаю, пріѣхалъ домой, да и забылъ, что ты и на свѣтѣ-то живешь; я думаю, у него ужь давно другая въ предметѣ. Чѣмъ бы тебѣ благодарить Бога, что Онъ посылаетъ тебѣ въ мужья хорошаго человѣка, за которымъ ты будешь, какъ за каменною стѣной,—а ты убиваешься!

Долго успокоивала и уговаривала она меня; слезы также не мало облегчили мнѣ душу,—и я вскорѣ уснула.

На другой день, все вчерашнее показалось мнѣ сномъ, а свиданіе съ Павломъ Иванычемъ еще болѣе изгладило впечатлѣніе встрѣчи моей съ Данаровымъ. Таничкѣ я не сказала ничего, не потому, чтобы не довѣряла ей, а потому, что боялась растравлять душевную рану, касаясь къ ней воспоминаніемъ.

Притомъ же приближался послѣдній день моей дѣвической жизни и вѣялъ на меня какою-то торжественною таинственностью, всею важностью новаго, рѣшительнаго шага, за которымъ меня ждала святая и строгая обязанность исполненія долга, отвѣтственность за счастіе человѣка, беззавѣтно вручавшаго мнѣ свое будущее.

XI.

Наконецъ насталъ и день моей свадьбы, въ который, по принятому обычаю, я не должна была видѣть моего жениха до самаго вѣнчанья.

Утромъ Степанида Ивановна, возвратясь отъ ранней обѣдни, принесла мнѣ просвиру и совѣтовала цѣлый день больше ничего не ѣсть,—поговѣть, чтобъ Богъ послалъ счастья. Я безпрекословно исполнила совѣтъ ея. Мысли мои были точно парализованы, сердце будто окаменѣло. Мысли являлись и исчезали въ головѣ, не производя на сердце никакого впечатлѣнія. Мнѣ казалось, что часы били иначе, что въ воздухѣ носилось что-то особенное, что надо мной произнесенъ непреложный, таинственный приговоръ судьбы.

Въ семь часовъ вечера, Анна пришла въ мою комнату, молча

вынула изъ шкафа мое вѣнчальное платье, взяла картонъ, въ которомъ заключалась гирлянда искусственныхъ померанцовыхъ цвѣтовъ, и скрылась. Марья Ивановна также притихла; Амфиса Павловна приходила не разъ навѣстить меня, но я не расположена была пускаться съ ней въ разговоры. Она не сердилась. Вообще всѣ въ домѣ показывали въ этотъ день, въ отношеніи ко мнѣ, какое-то молчаливое снисхожденіе. Степанида Ивановна не бранилась съ горничными, и въ домѣ царствовала тишина ожиданія чего-то выходящаго изъ круга ежедневныхъ впечатлѣній.

Наконецъ меня позвали къ теткѣ. Она сидѣла въ своей спальнѣ, одѣтая парадно. Увидя меня, она прослезилась и указала мѣсто подлѣ себя. Тутъ она дала мнѣ нѣсколько совѣтовъ житейской мудрости — объ умѣньи вести себя, о долгѣ жены, о терпѣніи, смиреніи и кротости.

— Ежели я была съ тобой строга, сказала она въ заключеніе, тономъ искренности, — то это оттого, что желала тебѣ добра.

— О, я не сомнѣваюсь въ этомъ! отвѣчала я и въ невольномъ порывѣ неложной благодарности бросилась къ ней на грудь.

Она обняла меня и снова прослезилась. Я тоже плакала, и, казалось, подъ этими обоюдными слезами таяла ледяная кора, разлучившая насъ.

— Теперь, Геничка, когда ты готовишься къ такому великому таинству, рѣшающему твою участь,—ты должна смириться и не имѣть зла ни противъ кого. Ты не любишь дядю —это грѣшно. Поди къ нему, попроси у него прощенія и помирись. Пойдемъ, я сама тебя доведу до кабинета.

Я послѣдовала за ней. Въ другое время, меня, можетъ-быть, возмутила бы мысль просить прощенья у этого человѣка, но тутъ мнѣ казалось, что я исполняю должное. Въ эти памятныя, торжественныя минуты, мнѣ хотѣлось вынести изъ этого дома впечатлѣніе мира и любви.

Дядя лежалъ на диванѣ, спиной къ дверямъ, и курилъ. Свѣтъ отъ свѣчи падалъ на его полусѣдую голову и рѣзкія черты.

— Кто тутъ? спросилъ онъ, когда я вошла.

Я отвѣчала. Онъ обернулся ко мнѣ лицомъ.

— Что тебѣ надо?

Я хотѣла было отвѣчать, но онъ быстро перебилъ меня:

— Э, матушка, все глупости! Я не люблю этихъ вашихъ жен-

скихъ комедій. Пустяки, все пустяки! Пора тебѣ одѣваться. Будь счастлива. Вотъ, какъ узнаешь нужду, такъ и раскаешься, да поздно. Я тебѣ добра желалъ.

Я скрѣпила сердце и вышла. Татьяна Петровна стояла за дверями.

— Вотъ видишь, сказала она: — къ чему ты раздражала его своею холодностью? вообразила какую-то глупую ненависть въ дядѣ. Можно ли это?... Ну, теперь одѣвайся. Все приготовлено въ портретной. Тамъ и зеркало поставлено.

Я отворила дверь въ портретную. Ярко освѣщенная, она потеряла свой обыкновенный, мрачный характеръ. Самые портреты глядѣли веселѣе; пудра и парадные мундиры казались свѣжѣе. Будто и эти неподвижныя лица нашихъ предковъ ожили, принарядились и хотѣли принять участіе въ важной перемѣнѣ судьбы моей.

Я была уже почти одѣта, какъ вошла ко мнѣ Таничка, тоже въ бѣломъ платьѣ, съ розовыми лентами на головѣ. Она сама приколола мнѣ цвѣты и вуаль, и крѣпко поцѣловала меня.

Я посмотрѣлась въ зеркало и не вдругъ узнала себя въ вѣнчальномъ нарядѣ. Неотразимость дѣйствительности настоящаго случая еще разъ налегла на меня какимъ-то страннымъ, оцѣпеняющимъ чувствомъ, какимъ-то нравственнымъ усыпленіемъ.

Какъ во снѣ вышла я въ гостиную, гдѣ передъ диваномъ, у стола, покрытаго бѣлою скатертью, на которой лежалъ образъ, сіяющій золотою ризой, сидѣла тетка рядомъ съ дядей, окруженная Душиной, Марьей Ивановной и еще двумя или тремя дамами.

Какъ во снѣ приложилась я къ образу, вышла со всѣми вмѣстѣ въ залу, гдѣ накинули на меня шаль и нарядную шубу, крытую сѣрымъ атласомъ. Какъ во снѣ поднялась я на каменныя ступени освѣщенной церкви, гдѣ цѣлая толпа устремила на меня тысячу любопытныхъ глазъ... Вскорѣ будто туманъ закрылъ отъ меня эту толпу, я слышала только пѣніе клироса, чувствовала, что стою передъ «судомъ Божіимъ» объ руку съ человѣкомъ, избраннымъ въ вѣчные спутники остальной половины моего жизненнаго пути, и вдругъ сквозь этотъ туманъ сверкнули мнѣ черные, магнетическіе глаза, обрисовалось знакомое блѣдное лицо... Но я уже не трепетала, не боялась. Надо мной вѣяло величіе религіи, благо-

словеніе пастыря, а съ высоты сіялъ божественный, кроткій ликъ Спасителя...

Когда изъ церкви карета подвезла насъ къ небольшому свѣтленькому, чистенькому домику, когда пахнуло на меня всею прелестью уютнаго, прочнаго пристанища, куда вошла я хозяйкой и любимою женой, когда обратилось ко мнѣ восторженное, улыбающееся лицо моего мужа, и всѣ заговорили громко и весело, — я будто пробудилась, будто новая жизнь и новая сила наполнила меня, и не нашлось въ душѣ мѣста ни одной мрачной мысли, ни одному тяжелому предчувствію.

— Ну, теперь мы закутимъ, сказала Марья Ивановна съ торжествующимъ лицомъ, и въ то же время появился слуга съ подносомъ, уставленнымъ бокалами съ шампанскимъ...

1857.

Ю. Жадовская.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНІИ (1).

IV.

Лудвигсбургъ. — Штуттгартъ.

Штуттгартъ, 28 марта 1857 г.

Дождавшись окончанія зимняго семестра въ Гейдельбергѣ (2), я поспѣшилъ въ Штуттгартъ, гдѣ не задолго передъ симъ открыты были палаты; съ этимъ совпадали засѣданія судовъ присяжныхъ въ нѣкоторыхъ городахъ Виртембергскаго королевства, — и по дорогѣ я надѣялся воспользоваться пребываніемъ въ Лудвигсбургѣ, чтобы ознакомиться съ этимъ новымъ для Германіи учрежденіемъ. Но моимъ надеждамъ не суждено было осуществиться: какъ это ни странно, я все-таки разкажу вамъ исторію моей оригинальной неудачи.

Суды присяжныхъ, существующіе въ южной Германіи съ 1848 года, открываютъ засѣданія свои только четыре раза въ годъ; по газетамъ можно было видѣть, что съ 15-го марта поступило на очередь въ Лудвигсбургѣ нѣсколько интересныхъ случаевъ, — и я разсчитывалъ пріѣхать къ рѣшенію одного изъ нихъ. Въ половинѣ девятаго, утромъ, я уже занялъ мѣсто въ галлереѣ; черезъ полчаса вошли трое судей (здѣсь коллегіяльность, по образцу Франціи), секретарь и прокуроръ въ мундирахъ, за ними 21 присяжный; подсудимый помѣстился на скамьѣ осужденныхъ, позади его находился жандармъ. Первое впечатлѣніе было не изъ лучшихъ: истомленное лицо подсудимаго, его безсмысленный взглядъ мало располагали въ его пользу. Карточки съ именами присяжныхъ были брошены въ урну; затѣмъ первыя 12, вынувшіяся изъ нея, обозначали присяжныхъ, которымъ предстояло произнести свое мнѣніе по дѣлу, стоявшему на очереди. Подсудимый не объявилъ никакого подозрѣнія на избранныхъ, и они произнесли присягу. Прочтенъ обвинительный актъ, слѣдовало приступить къ допросу, наступила тревожная минута ожиданія.... какъ въ это время королевскій прокуроръ прочелъ статью закона, по которой процессы, оскорбительные для нравственности, должны быть

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857, № 5.

(2) Я у васъ въ долгу, не сказавъ ни слова о Гейдельбергскомъ университетѣ; надѣюсь скоро исправить ошибку.

рѣшаемы не публично, in der geschlossenen Sitzung; судья согласился съ мнѣніемъ прокурора, подписалъ актъ, — и мы принуждены были удалиться. Можетъ-быть, прокуроръ былъ и правъ, а все-таки досадно было заѣхать въ маленькій городокъ съ спеціяльною цѣлью, и покинуть его, не услышавши суда присяжныхъ. Притомъ нѣмецкія газеты отличаются удивительною скромностью: о Nothzucht, рѣшившемся въ Лудвигсбургѣ, въ нихъ не было и помину (остальныя рѣшенія публикованы), и я не могъ повѣрить своего предубѣжденія, которое возбудилъ во мнѣ наружный видъ подсудимаго; не знаю, былъ ли онъ осужденъ или оправданъ.

Лудвигсбургъ — небольшой городъ, на прекрасномъ мѣстоположеніи. Я пріѣхалъ подъ вечеръ; заходящее солнце, золотистымъ свѣтомъ, обливало черепичныя крыши домовъ и вершины деревьевъ; на площадяхъ, у колодцевъ, собрались толпы женщинъ съ своими ведрами; это—всѣмъ знакомая картина нѣмецкаго города. Но вотъ потянулись цѣлыя улицы казармъ, и за ними огромная аллея, ведущая ко дворцу, съ его садами и фонтанами. Лудвигсбургъ — центральный военный городъ Виртемберга, военное предмѣстіе Штуттгарта, до котораго только 15 минутъ ѣзды по желѣзной дорогѣ; здѣсь арсеналъ, военная школа, даже книжныя лавки, исключительно посвященныя военной литературѣ, и тѣ учрежденія, которыя вызываются досугомъ молодежи; на другой день, утромъ, площади наполнились солдатами въ ихъ неизмѣнно-голубыхъ мундирахъ, вездѣ производилось ученье. Конечно, Лудвигсбургъ имѣетъ свою мѣстную газету, Anzeiger, стоящій 5 коп. сер. въ мѣсяцъ, съ доставкою на домъ, и предлагающій своимъ читателямъ повѣсти и мѣстныя объявленія.

Виртембергская камера представителей открыла свои засѣданія 13-го марта. Для палаты, которая, въ теченіе восьми лѣтъ, пять разъ подвергалась распущенію, слѣдовало бы избѣгать по возможности несчастныхъ чиселъ, чтобы не оправдать старинныхъ повѣрій; но въ этотъ разъ вина лежала не на камерѣ: ея открытіе было назначено 10-го, всѣ представители были въ сборѣ, но три дня нужно было ждать изготовленія докладовъ и предложеній со стороны правительства. Камера штандесгерровъ приступила къ своимъ занятіямъ еще позже.

Казалось бы, на нынѣшній разъ засѣданія должны пройдти тихо и мирно: бюджетъ, обыкновенный источникъ разногласій, въ Виртембергѣ вотируется одинъ разъ на три года, и срокъ сужденія о немъ наступитъ только въ октябрѣ; нынѣшнее засѣданіе палатъ служитъ какъ бы продолженіемъ засѣданій прошлаго года, съ цѣлью разсмотрѣть три главные проекта законовъ: о желѣзныхъ дорогахъ, о тюрьмахъ и объ устройствѣ школъ. До сихъ поръ подверглись обсужденію только первые два проекта, но и здѣсь палаты нашли случай высказать свое направленіе и показать, чего можно ждать отъ будущихъ

преній. Правительство вездѣ почти потерпѣло неудачу: на скамьяхъ палаты гораздо болѣе даровитыхъ и знающихъ людей, чѣмъ за министерскимъ столомъ; отъ этого борьба не ровная, и палаты имѣютъ перевѣсъ не только количественный. Начну, по старшинству, съ камеры штандесгерровъ.

Штандесгерры — это особое сословіе, котораго исторія коренится въ старинномъ быту Германской имперіи, и продолжается до сихъ поръ въ южно-германскихъ государствахъ. Въ Виртембергѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ и Баденѣ они составляютъ одинъ изъ questions pendantes, но нигдѣ въ такой степени, какъ въ первомъ: изъ 58 фамилій штандесгерровъ, на долю Виртембэрга приходится около 40. До образованія Рейнскаго союза въ 1806 году, Германія составляла 1,200 отдѣльныхъ, независимыхъ владѣній, immediats; послѣ 1815 года — только 36; слѣдовательно, болѣе тысячи епископовъ, свѣтскихъ владѣтелей и городовъ были лишены самостоятельности, перешли въ положеніе подданства; нѣкоторые князья и графы были медіатизованы, mediatisés: съ титуломъ штандесгерровъ имъ оставлены были нѣкоторыя права судебныя и имущественныя, они получали десятину съ своихъ прежнихъ владѣній и не участвовали въ общихъ повинностяхъ; это — такъ-называемые Zehnten и Grundrechte. Въ 1848 году провозглашена была свобода собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительныя права штандесгерровъ уничтожены; подъ тотъ же уровень подведены были земли церковныя и дворянскія. При возстановленіи правительствъ, вопросъ о положеніи штандесгерровъ оставался на степени факта, не былъ рѣшенъ окончательно; штандесгерры обратились съ жалобами къ сейму во Франкфуртъ, требуя возстановленія своихъ правъ, гарантированныхъ актомъ 1815 года. Сеймъ призналъ справедливость ихъ просьбы, предоставивъ способы ея удовлетворенія собственной волѣ каждаго государства въ отдѣльности. При этомъ представляется возможнымъ два исхода: или возстановить права штандесгерровъ въ прежнемъ ихъ видѣ, какъ они существовали до 1848 года, или предоставить денежное вознагражденіе штандесгеррамъ, выкупить на счетъ государственный ихъ прежнія имущественныя привилегіи. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ на дняхъ вопросъ рѣшенъ въ первомъ смыслѣ, въ Виртембергѣ правительство обратилось къ другому средству: оно уже нѣсколько разъ предлагаетъ своимъ палатамъ дать штандесгеррамъ вознагражденіе изъ государственныхъ суммъ, — и палаты постоянно отвергаютъ такое предложеніе; онѣ согласились на признаніе судебныхъ привилегій штандесгерровъ, но не соглашаются на выдачу 6,000,000 гульденовъ (3,200,000 р. с.) за отмѣну десятинъ: штандесгеррамъ, церкви, дворянству и правительству (церковь при этомъ самый большой кредиторъ — ей приходится $^2/_3$ всей суммы). Этотъ вопросъ подавалъ поводъ къ самой упорной оппозиціи; вторая палата въ Штуттгартѣ об-

виняла сеймъ въ несправедливомъ вмѣшательствѣ во внутренне-государственныя дѣла, и требовала его преобразованія; съ особенною силою это высказалось въ 1855 году,—палата представителей, большинствомъ 64 голосовъ противъ 15, приняла предложеніе о народномъ представительствѣ во Франкфуртѣ; засѣданіе происходило безъ министровъ — и тотчасъ же палата была распущена. Правительство, конечно, желало бы окончить дѣло, которое тянется такъ долго, но встрѣчаетъ множество препятствій; оно полагаетъ вознаградить штандесгерровъ суммою въ 1,700,000 гульденовъ, но послѣдніе этимъ не довольствуются: одинъ князь Турнъ-и-Таксисъ требуетъ для себя около 2,000,000. Правительству предстоитъ трудная задача согласить различные интересы; во Франкфуртѣ оно старается дѣйствовать противъ неумѣренныхъ притязаній штандесгерровъ, въ палатахъ — въ ихъ пользу. И между тѣмъ, ни одна сторона не удовлетворена: палата думаетъ, что правительство на сторонѣ штандесгерровъ, а штандесгерры составляютъ оппозицію въ первой камерѣ.

Такого рода положеніе вопроса служитъ источникомъ множества столкновеній между властями; чѣмъ скорѣе будетъ рѣшенъ онъ, тѣмъ выгоднѣе для обѣихъ сторонъ. Едва ли возстановленіе десятинъ приведетъ къ удовлетворительному результату: въ теченіи восьми лѣтъ сложились уже новыя отношенія, которыя трудно переломить и подвести подъ старую норму. Не лучше ли обратиться къ системѣ умѣреннаго вознагражденія штандесгерровъ, тѣмъ болѣе, что въ 1848 году они нашли возможнымъ отказаться отъ своихъ правъ? Говорятъ, что этотъ отказъ былъ вынужденъ обстоятельствами, но онъ имѣетъ за себя уже восьмилѣтнюю давность, народъ привыкъ въ это время смотрѣть на землю, какъ на свою собственность, въ этихъ видахъ совершено уже множество сдѣлокъ между частными лицами. Справедливость требуетъ сохраненія новаго порядка вещей; пусть государство возьметъ на себя вознаградить штандесгерровъ, пусть это вознагражденіе произойдетъ чрезъ его посредство, въ размѣрахъ необременительныхъ. Едва ли права виртембергская оппозиція, упорно каждый разъ отказываясь разсматривать вопросъ о штандесгеррахъ и отвѣчая на него предложеніемъ о преобразованіи франкфуртскаго сейма; въ этомъ она руководится страстію, которая не можетъ убѣдить никого и не подвигаетъ нисколько рѣшенія вопроса.

Таково положеніе медіатизованныхъ князей и графовъ, которые по своему званію засѣдаютъ въ первой палатѣ; кромѣ того, членами ея считаются принцы крови и 12 лицъ, назначаемыхъ отъ правительства пожизненно. Въ засѣданіи, при которомъ я присутствовалъ, не было ни одного штандесгерра, за исключеніемъ предсѣдателя, князя Гоэнлоэ-Лангенбурга; неприсутствовавшіе передали право голоса другимъ: это дозволено конституціей, съ условіемъ, чтобы одно лицо не имѣло болѣе трехъ голосовъ. Дѣло шло о проектѣ желѣзныхъ до-

рогъ, отвергнутомъ уже второю палатою; за министерскимъ столомъ сидѣлъ министръ финансовъ Кнаппъ, докладчикомъ былъ прежній министръ Герттнеръ (Gärttner). Въ засѣданіи принималъ личное участіе его высочество принцъ Фридрихъ; всѣ члены были въ мундирахъ. Пренія не отличались особенною живостію; трудно себѣ представить, какъ вяло и слабо защищался Кнаппъ; «это человѣкъ, который не былъ даже въ университетѣ», говорятъ Нѣмцы, чтобы объяснить его постоянныя пораженія. Дѣйствительно, побѣда надъ такимъ противникомъ можетъ достаться безъ особеннаго труда; онъ не обладаетъ никакими качествами конституціоннаго министра, даже ловкостію пользоваться обстоятельствами и руководить дебатами; онъ говоритъ съ какою-то безнадежностію, ему было видимо неловко, онъ съ томленіемъ ждалъ конца преній, а одинъ разъ, по недостатку матеріяла для рѣчи, сѣлъ на мѣсто, не сказавъ ни слова.

Необходимо взглянуть на карту, чтобы видѣть различіе линіи желѣзныхъ дорогъ, предложенныхъ правительствомъ и назначенныхъ второю палатою. Дѣло въ томъ, что послѣднія идутъ чрезъ болѣе ровныя мѣста, такъ что, прибавивъ два милліона гульденовъ (всего около 12 милл.), палата находитъ возможнымъ построить дорогу на гораздо большемъ протяженіи. Сверхъ того — и это обстоятельство довольно важное — докладчикомъ во второй палатѣ былъ представитель Аалена, Морицъ Мооль, человѣкъ замѣчательно-талантливый, и, по его проекту, дорога должна проходить черезъ городъ, отъ котораго онъ уполномоченъ: начиная съ границы Баваріи, то-есть отъ Нёрдлингена, линія должна идти прямо до Канштадта. Конечно, найдутся недовольные этимъ проектомъ; такъ напримѣръ Ульмъ печатно высказалъ уже свой протестъ, — онъ останется въ сторонѣ и потеряетъ прежнее значеніе. Я уже говорилъ вамъ о томъ соперничествѣ, которое существуетъ между германскими городами, и о борьбѣ ихъ интересовъ; Ульму выпадаетъ не лучшая доля въ общемъ сочувствіи; это — общегерманская крѣпость, воздвигнутая Австріею для собственной защиты, въ память, можетъ-быть, знаменитаго пораженія Австрійцевъ Наполеономъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ защитить *Германію* отъ Французовъ крѣпость, построенная на границѣ Виртемберга и Баваріи? (1) Наконецъ нельзя жертвовать государственною выгодою даже ульмскимъ интересамъ.

Камера штандесгерровъ подтвердила въ общихъ основаніяхъ поло-

(1) Конечно, скудная общегерманская казна должна бы скоро истощиться, еслибы на ея счетъ пришлось отмѣчать крѣпостями всѣ мѣста австрійскихъ пораженій. Мнѣніе объ Ульмѣ высказано въ одной брошюрѣ, напечатанной еще въ 1820 году, подъ заглавіемъ: Manuscript aus Süddeutschland; мнѣ случилось прочесть ее въ Königl. Hand-Bibliothek въ Штуттгартѣ. Deutsche Vierteljahrsschrift не разъ повторяла ту же мысль о необходимости перенести крѣпость на границу Германіи, то-есть на Рейнъ.

женіе второй палаты ; когда секретарь сталъ называть по именамъ всѣхъ членовъ палаты , только одинъ отвѣтилъ «nein» на вопросъ, отвергаетъ ли камера проектъ правительства.

Замѣчу еще одну особенность относительно желѣзныхъ дорогъ: въ Виртембергѣ онѣ строятся на счетъ казны и составляютъ источникъ государственныхъ доходовъ ; теперь дороги даютъ отъ 5 до 6 процентовъ; полагаютъ, что съ окончаніемъ пути отъ Мюнхена до Вѣны, чистый доходъ виртембергскихъ желѣзныхъ дорогъ дойдетъ до 10% и даже болѣе. Когда одинъ изъ представителей излагалъ мнѣ всѣ выгоды устройства дорогъ на государственный счетъ, я предложилъ ему вопросъ: откуда государство возьметъ средства для этого? «О, у насъ много теперь свободныхъ капиталовъ ; опекунскія управленія прежде отдавали деньги малолѣтныхъ подъ залогъ земель ; теперь крестьяне освободились отъ долговъ и пользуются благосостояніемъ, — тѣ же деньги могутъ быть переданы государству.» — Если въ самомъ дѣлѣ уничтоженіе десятинъ и земельныхъ правъ штандесгерровъ и церковныхъ имѣло такое благодѣтельное вліяніе на экономическій бытъ народа , то , мнѣ кажется , государство поступило бы справедливо, еслибы взяло на себя вознагражденіе прежнихъ владѣльцевъ; нельзя предписывать пожертвованій... «Да , ваша правда, — а 6,000,000 , — вѣдь это цѣлая желѣзная дорога.»

Перехожу ко второй палатѣ , засѣданія которой посѣщались мною постояннѣе ; здѣсь больше движенія и жизни, — по крайней мѣрѣ сравнительно. Начну съ описанія наружнаго вида палаты.

Ständehaus, въ которомъ происходятъ ея засѣданія, находится въ центрѣ города ; зала преній имѣетъ форму полукруга , по которому расположены скамьи представителей; передъ ними два стола для стенографовъ; затѣмъ далѣе министерскій столъ; наконецъ въ углубленіи мѣсто предсѣдателя , по сторонамъ котораго, за двумя столами, сидятъ четыре секретаря палаты. Представители располагаются въ такомъ порядкѣ : сначала идутъ уполномоченные отъ дворянства, числомъ 13, потомъ 8 прелатовъ , за тѣмъ канцлеръ университета и представители городовъ; второй и третій рядъ скамей занятъ уполномоченными отъ общинъ; всего 92 члена. Этотъ способъ размѣщенія не указываетъ на политическія мнѣнія: на лѣвой сторонѣ часто сидятъ члены правительственной партіи, а на право оппозиція и даже демократы.

Есть пословица , что два врача всегда даютъ три совѣта одному и тому же больному; кажется, германскія партіи слѣдуютъ примѣру медиковъ,—въ нихъ существуютъ общія, раздѣленія, потомъ частныя, далѣе подраздѣленія и проч. У всякаго кружка особенный взглядъ на вещи,—но всѣ они соединяются во едино, какъ только дѣло идетъ о противорѣчіи правительству; тогда является одна большая партія—оппозиціонная. Она необыкновенно сильна своею отрицательною силою, но

бѣдна иниціативою; прежде всего, она не уяснила себѣ, чего она хочетъ, къ чему стремится; одного стремленія во *всемъ* противорѣчить правительству еще недостаточно. L'opposition, писалъ нынѣшній императоръ Французовъ въ 1843 году, — n'occupera jamais une grande place dans l'opinion publique, tant qu'elle n'aura pas une passion, un système, un but. . . car les peuples se lassent de marcher toujours sans espoir d'arriver jamais. Именно этой твердой системы не достаетъ штутгартской оппозиціи; «шумимъ» — единственный девизъ ея; громкія слова и непониманіе самыхъ простыхъ началъ государственной жизни встрѣчаются на каждомъ шагу. Быть депутатомъ— конечная цѣль многихъ, о дальнѣйшемъ они не задумываются. У меня подъ руками теперь одна брошюра, написанная по поводу выборовъ: какими общими мѣстами привлекается расположеніе избирателей, какія прокламаціи вывѣшиваются по этому случаю! каждый выставляетъ себя «единственнымъ, свободнымъ, независимымъ, дѣятельнымъ и неутомимымъ другомъ народа»! И при этомъ никакой profession de foi, никакой программы для будущихъ дѣйствій. Исключенія очень рѣдки; почти всегда даются самыя щедрыя обѣщанія, сулятся золотыя горы, безмятежное счастіе по Гёте и Шиллеру; это, конечно, легко, но не всегда ведетъ къ цѣли. Ничего похожаго на подобные адресы въ Англіи.

Для людей, не имѣющихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій, часто остается одно руководство — личныя симпатіи и настроенія. Одинъ переходитъ въ оппозицію потому только, что хотѣлъ жениться на дѣвицѣ изъ аристократической фамиліи и получилъ отказъ; другой—Шлейеръ—потому, что въ 1848 году принужденъ былъ выйдти изъ министерства, гдѣ ознаменовалъ себя притѣсненіемъ и изгнаніемъ трехъ лучшихъ профессоровъ Тюбингена: Роберта фонъ-Мооля, Рейшера и Вехтера, третій— Гопфъ— былъ лишенъ духовнаго сана, а потому ударился въ демократію и проч. Біографіи членовъ оппозиціи не представляютъ утѣшительныхъ подробностей; здѣсь не безъ «темныхъ дѣлъ и силъ сокрытыхъ», и между тѣмъ, безспорно, много талантливыхъ людей увлекаются приманкой извѣстности во что бы то ни стало.

Виртембергская вторая палата считается теперь самою оппозиціонною во всей Германіи, но повторю: она сильна только отрицательно и, можетъ-быть, еще потому, что правительство противопоставляетъ ей не слишкомъ сильное министерство. Я упомянулъ уже о Кнаппѣ; министръ юстиціи Вехтеръ выше его и въ состояніи еще выдерживать борьбу; министръ народнаго просвѣщенія (Cultusministerium прибавлено въ 1848 году къ прежде-существовавшимъ пяти) Рюммелинъ—изъ теологовъ, прекрасно пишетъ по-латыни, но едва ли отличается государственнымъ взглядомъ на вопросы. Объ остальныхъ

министрахъ не могу ничего сказать, потому что мнѣ не случилось ихъ слышать (1).

На двухъ противоположныхъ концахъ политическихъ «стремленій» второй палаты стоятъ партіи: правительственная и демократическая; къ первой принадлежитъ около одной четверти всѣхъ членовъ; послѣдняя не многочисленна; кажется, кромѣ Гопфа и Фетцера, она не имѣетъ другихъ представителей.

Между крайнею оппозиціею и партіею правительства занимаютъ средину такъ-называемые Altliberalen, то-есть считавшіеся либералами до 1848 года. Они пользуются общимъ уваженіемъ, сознаютъ важность своихъ обязанностей, спокойно, съ достоинствомъ, держатъ государственный порядокъ. Въ ихъ средѣ лучшіе ораторы: баронъ Фарнбюллеръ, благородная наружность котораго съ перваго раза располагаетъ въ его пользу, молодой даровитый Пробстъ, наконецъ, предсѣдатель палаты Рёмеръ: на послѣднемъ нельзя не остановиться нѣсколько.

Уже не въ первый разъ онъ облекается званіемъ президента. Этимъ всеобщимъ уваженіемъ онъ обязанъ той роли, которая выпала на его долю въ трудныя минуты 1848 года; изъ адвокатовъ онъ былъ сдѣланъ тогда министромъ юстиціи такъ-называемаго мартовскаго министерства, но, по своему вліянію, сталъ во главѣ тогдашняго правительственнаго собранія. Рёмеръ — одинъ изъ лучшихъ представителей умѣренно-либеральной партіи. Извѣстно, что еще въ 1847 году въ южной Германіи эта партія первая начала движеніе съ цѣлью реформъ, и надѣялась произвести его въ предѣлахъ порядка и умѣренности; 1848 годъ поднялъ массы народныя, — и чрезъ нѣсколько дней, можно сказать даже чрезъ нѣсколько часовъ, прежняя оппозиція получила характеръ консервативный, не измѣнивъ нисколько своихъ убѣжденій, не отступивъ ни на шагъ отъ своихъ требованій. Это спасло государство; крайній демагогическій элементъ былъ подавленъ силою правительства и умѣренныхъ либераловъ. Такое явленіе повторилось всюду — въ Баденѣ, во Франкфуртѣ и проч.; демагоги нашли самыхъ сильныхъ противниковъ въ лицѣ умѣренныхъ; послѣдніе стали во главѣ усмиряющей силы; многіе изъ нихъ пали жертвами на полѣ сраженія (2). Рёмеръ былъ однимъ изъ представителей

---

(1) Фонъ-Линденъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, отчасти соотвѣтствуетъ англійскому Premier. Замѣчательно, что административная власть въ Виртембергѣ всегда была сильна; еще въ XV вѣкѣ народъ имѣлъ своихъ представителей не въ собственной средѣ, а въ лицѣ шрейберовъ (Schreiber); новое представительство имѣетъ только сорокалѣтнюю исторію; шрейберство стояло между курфирстомъ и народомъ, заслоняло собою всѣ государственныя сословія, которыя оставались равнодушны къ общимъ дѣламъ. Исторія объясняетъ многое и въ настоящемъ.

(2) Такъ погибъ генералъ Гагернъ, измѣннически убитый во время пере-

порядка ; худощавый, необыкновенно-живой, энергическій старикъ, онъ грозилъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ,—и народъ смирился передъ его твердою волею. Окончивъ свое дѣло, Рёмеръ снова перешелъ къ скромнымъ занятіямъ адвокатурою; не знаю, вознаградило ли правительство за услуги, оказанныя имъ государству; воспоминаніе о нихъ живо во всѣхъ классахъ общества, и палата, избравъ Рёмера президентомъ, «награждаетъ самое себя»; люди порядка и умѣренности могутъ составить ея силу, а не крайніе приверженцы оппозиціи, и чѣмъ больше людей такого закала будетъ призвано къ управленію, тѣмъ тверже и прочнѣе будетъ общественный порядокъ. Рёмеръ, своею твердостію и безпристрастіемъ, и теперь избавляетъ палату отъ сценъ, которыя могли бы уронить достоинство законодательнаго собранія.

Перехожу къ дебатамъ. На очереди стоялъ вопросъ объ исправительныхъ тюрьмахъ въ Виртембергѣ, то-есть о томъ, какую изъ двухъ системъ, обурнскую или пенсильванскую, принять въ основаніе. Вопросъ этотъ требовалъ немедленнаго рѣшенія; уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ палата утвердила бюджетъ въ 300,000 гульденовъ для постройки тюрьмы въ Штуттгартѣ, бо́льшая часть ея уже приведена въ исполненіе, теперь необходимо рѣшить, съ какою цѣлью должна сообразоваться окончательная отдѣлка: необходимо ли устроить отдѣльныя комнаты для каждаго преступника, или принять систему общихъ работъ въ тюрьмѣ. Пренія по этому дѣлу продолжались почти безпрерывно съ 18-го до 26-го марта; въ первый день рѣшенъ былъ общій вопросъ въ пользу уединеннаго заключенія; затѣмъ разсматривалась каждая изъ 16 статей проекта въ отдѣльности ; напередъ записавшіеся ораторы говорили свои рѣчи по вызову президента. Такимъ образомъ, восемь засѣданій необходимы были для постановленія одного закона. Но за то желающій основательно познакомиться съ вопросомъ нашелъ бы въ засѣданіяхъ обильный матеріялъ для себя; часто самое странное мнѣніе, высказанное ораторомъ, ставило вопросъ на новую точку зрѣнія. Передъ началомъ засѣданій министры подходятъ къ скамьямъ представителей, дружески разговариваютъ съ ними, — но вотъ раздается звонокъ президента, каждый занимаетъ свое мѣсто, и начинается борьба.

Самый важный шагъ въ дѣлѣ палатскихъ преній — выборъ знающихъ членовъ коммиссіи для доклада: мнѣніе, высказанное въ послѣднемъ, располагаетъ съ перваго раза въ свою пользу; члены, входя въ палату, уже согласны съ нимъ —нужно много искусства, чтобы разубѣдить ихъ. На этотъ разъ выборъ былъ сдѣланъ удачно: до-

---

говоровъ съ республиканцемъ Гекеромъ, въ Баденѣ. На сколько народъ не понималъ направленія умѣренныхъ, видно изъ того, что онъ считалъ ихъ измѣнниками, перешедшими на сторону стараго порядка вещей; такія обвиненія не разъ случается слышать въ Баденѣ.

кладъ порученъ былъ Пробсту, еще молодому человѣку, но владѣющему прекрасно даромъ слова и глубокими свѣдѣніями. Докладъ, написанный имъ, составляетъ въ печати 70 стр. въ 4-ю д. л. и излагаетъ всю исторію пенсильванской и обурнской системы въ различныхъ государствахъ; это — прекрасная ученая монографія. Въ образецъ принята была баденская тюрьма въ Брухзалѣ, въ которой крайній срокъ уединеннаго заключенія есть шестилѣтній, и отдѣльность преступниковъ проведена во всей строгости. Можно было по первому засѣданію предвидѣть, что положенія доклада будутъ приняты безъ измѣненія; явный перевѣсъ былъ на сторонѣ Пробста, который блистательно защищалъ свою «диссертацію». И въ самомъ дѣлѣ, всѣ статьи умно-написаннаго проекта были приняты. Здѣсь дѣйствовали согласно правительство и камера: послѣдняя утвердила положеніе своей коммиссіи; министръ юстиціи высказалъ, что, еслибы правительство стало искать органа для выраженія своей мысли, оно не могло бы найдти лучше того, какой назначила палата.

Только два раза я былъ свидѣтелемъ общаго движенія въ камерѣ. Министръ юстиціи, Вехтеръ, сталъ упрекать палату въ томъ, что она назначила слишкомъ незначительную сумму для содержанія тюремъ. «Въ этой самой залѣ, говорилъ онъ, раздавались голоса противъ роскошнаго содержанія преступниковъ; господа представители не разъ высказывали мысль о томъ, что несправедливо строить дворцы и кормить изобильнымъ столомъ виновныхъ, въ то время, когда множество бѣдныхъ страдаетъ отъ нужды. Вы впали въ другую крайность, и вотъ плоды ея: недостаточностью содержанія объясняется огромная смертность въ нашихъ тюрьмахъ.» Общій голосъ негодованія былъ отвѣтомъ на эти слова. «Жаль, что правительство не сказало этого прежде» раздалось нѣсколько голосовъ. «Правительство говорило объ этомъ много разъ—и камеры не давали достаточно денегъ.» Оппозиціонная газета Beobachter извѣстила своихъ читателей, что министръ признался въ голодной смерти виртембергскихъ преступниковъ. Министръ на другой день жаловался въ палатѣ на превратное истолкованіе его словъ: «Я не говорилъ, что преступники умираютъ съ голоду; я сказалъ только, что недостатокъ пищи производитъ болѣзни и смертность между ними.» Камера, кажется, осталась довольна такимъ объясненіемъ; по крайней мѣрѣ, никто не возражалъ на него въ нынѣшнемъ ряду засѣданій; можетъ-быть, это молчаніе было выраженіемъ сознанія вины со стороны палаты: укорачивать бюджетъ безъ мѣры, во что̀ бы то ни стало — также одинъ изъ коньковъ оппозиціи.

Въ другой разъ сцена была болѣе комична; говорилъ Гопфъ, одинъ изъ двухъ-трехъ демагоговъ, засѣдающихъ въ палатѣ. Наружность этого оратора стоитъ описанія: вообразите себѣ человѣка небольшаго роста, съ огромною рыжею всклоченною бородою и съ та-

кими же волосами на головѣ; широкія шаровары, нанковый сюртукъ, никакого признака бѣлья, сломанная шляпа,—составляли его костюмъ; видно было, что Гопфъ старался много, чтобы достигнуть того искусственнаго неряшества, которое, по его мнѣнію, необходимо для представителя народа; въ довершеніе всего, у него подъ мышкою портфель, на которомъ выбитъ золотомъ общегерманскій гербъ. Гопфъ всталъ съ своего мѣста и началъ говорить о бѣдствіяхъ народа, который угнетенъ налогами, который страдаетъ отъ бѣдности, тогда какъ министры... получаютъ жалованье. Президентъ замѣтилъ, что въ настоящее время вопросъ идетъ объ исправительныхъ тюрьмахъ и пригласилъ депутата обратиться къ дѣлу. Гопфъ пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей и искусственно-дрожащимъ голосомъ продолжалъ: «Я плáчу, глаза мои полны слезъ при воспоминаніи о несчастныхъ братьяхъ, тогда какъ...» Всеобщій хохотъ заглушалъ слова оратора; президентъ рѣшительно пригласилъ его говорить о тюрьмахъ. Тогда Гопфъ перешелъ къ политическимъ преступленіямъ, вспомнилъ о Лудовикѣ XVI и о Блумѣ, называлъ себя представителемъ лучшей партіи и въ заключеніе предложилъ подвергать всѣхъ политическихъ преступниковъ уединенному заключенію въ тюрьму, «чтобы спасти ихъ отъ оскорбленій народа». Когда президентъ предложилъ палатѣ изъявить свое мнѣніе относительно предложенія Гопфа,—только одинъ Гопфъ всталъ съ своего мѣста, и министръ юстиціи могъ съ увѣренностью сказать: «Палата признала мнѣніе г. вансингенскаго представителя чисто-личнымъ, и это избавляетъ меня отъ необходимости отвѣчать ему.» Слѣдующіе ораторы говорили снисходительно о Гопфѣ, какъ о человѣкѣ, нуждающемся въ пощадѣ (1).

Другой предметъ занятій палаты составляли выборы членовъ въ различныя комиссіи для доклада по извѣстному вопросу и пр. При мнѣ совершались два раза такіе выборы: въ вицепрезиденты палаты и въ члены финансовой комиссіи для обсужденія бюджета. И здѣсь, и тамъ результатъ былъ къ невыгодѣ правительства. По конституціи, палата избираетъ трехъ кандидатовъ въ вицепрезиденты, изъ которыхъ король утверждаетъ потомъ одного; на этотъ разъ всѣ три кандидата принадлежали къ оппозиціи; одинъ изъ нихъ, Дювернуа, былъ утвержденъ его величествомъ. При выборахъ палата выказала какую-то патріархальность, чтобы не сказать болѣе. Выборъ первыхъ двухъ кандидатовъ произошелъ довольно скоро; при 88 наличныхъ членахъ образовывалось большинство 44-хъ голосовъ. Но избраніе третьяго кандидата замедлилось: большинство не превышало 41 голоса,

---

(1) Сегодня по поводу издержекъ на желѣзную дорогу Гопфъ имѣлъ случай высказать свое мнѣніе, съ которымъ только онъ одинъ былъ согласенъ; это его спеціяльность.

нѣкоторые получали по одному голосу; когда прочитывались имена послѣднихъ, въ палатѣ раздавался общій хохотъ. Мнѣ показалось это страннымъ. Дювернуа, выбранный уже одинъ разъ, снова получилъ 2 голоса въ свою пользу; этого даже президентъ не могъ объявить безъ улыбки и не замѣтить палатѣ ея разсѣянность.

Въ финансовую коммиссію изъ 15 членовъ, тринадцать избрано изъ среды оппозиціи. Это особенно важно, потому что въ октябрѣ будетъ обсуждаться бюджетъ. Оппозиція въ состояніи дойдти до крайностей; во что̀ бы то ни стало она бьется изъ-за ограниченія бюджета, хотя отъ этого страдаетъ государственное устройство. Особенно непріязненно смотритъ она на предложеніе правительства объ увеличеніи жалованья чиновникамъ; при увеличившейся всеобщей дороговизнѣ это становится настоятельною потребностью. Теперешнее жалованье оказывается недостаточнымъ; такъ, напримѣръ, министры получаютъ по 6,000 гульденовъ, а виртембергскій посланникъ въ Парижѣ 12,000 франковъ; развѣ возможно съ 3,000 руб. сер. жить въ Парижѣ представителю какого бы то ни было государства? «Съ новою коммиссіею не сдѣлаешь никакого бюджета», говорятъ нѣкоторые. Должно желать, чтобы эти предчувствія не оправдались; нѣтъ спора, что желѣзныя дороги необходимы и полезны, но странно ради ихъ жертвовать другими интересами, нарушать основанія политической азбуки, даже лишать преступниковъ дневной пищи. Положимъ, что для содержанія театра король прибавляетъ своихъ 80,000 гульденовъ (къ 50,000, отпускаемымъ палатою); но посланникъ есть представитель государства, министръ — его органъ; они не могутъ получать содержанія изъ собственнаго королевскаго капитала; вѣдь и сами представители не отказываются отъ своего денежнаго содержанія. Чѣмъ серіознѣе будутъ они смотрѣть на свои обязанности, чѣмъ менѣе будутъ давать простора своимъ личнымъ увлеченіямъ, тѣмъ серіознѣе станетъ смотрѣть правительство на нихъ самихъ; дѣлая первый шагъ въ нарушеніи конституціи, они даютъ поводъ правительству сдѣлать два шага; легкомысліе есть слабость, и отвѣтственность за нее велика.

Въ настоящемъ ряду засѣданій, которыя прекратятся передъ Пасхою, вѣроятно, не успѣютъ разсмотрѣть закона о цензурѣ; имъ должна начаться дѣятельность палатъ осенью. Пока, книгопродавцы подали отъ себя просьбы; въ мѣстной газетѣ Schwäbischer Merkur появилось нѣсколько статей, приготовляющихъ къ уразумѣнію вопроса. Авторъ ихъ справедливо полагаетъ, что штуттгартская книжная торговля одолжена своимъ процвѣтаніемъ покровительству верховной власти, которая съ 1817 года отмѣнила строгіе цензурные уставы; недаромъ книжная торговля Германіи сосредоточилась въ Штуттгартѣ, Лейпцигѣ и Готѣ,— это служитъ лучшею мѣркою цен-

зурныхъ законовъ: торговля и промышленность сосредоточивается тамъ, гдѣ онѣ встрѣчаютъ меньше препятствій и ограниченій. Благодаря высокому покровительству, которое король оказываетъ литературѣ и книгопечатанію, Штуттгартъ сдѣлался литературнымъ центромъ южной Германіи; 1,400 работниковъ получаютъ свое пропитаніе отъ типографій въ одной столицѣ Виртемберга; при 40,000 жителей, здѣсь 49 книжныхъ лавокъ, 21 типографія, 30 литографій. Теперь грозитъ перемѣна существующему порядку вещей: въ 1854 году Германскій Сеймъ издалъ болѣе строгія ограниченія книгопечатанія и предложилъ всѣмъ германскимъ государствамъ ввести ихъ у себя. Большинство членовъ союза приняло постановленія сейма, смягчивъ ихъ въ значительной степени; такъ поступилъ Баденъ, Веймаръ, особенно же Франкфуртъ (то-есть вольный городъ). Неужели Виртембергъ не послѣдуетъ ихъ примѣру? Развѣ южногерманская пресса вдавалась въ какія-либо крайности, которыя вызываютъ репрессивныя мѣры? спрашиваетъ авторъ. Нисколько! можетъ-быть, прежде можно было упрекнуть ее въ личныхъ выходкахъ, — но эти юные годы, первые шаги на пути свободнаго выраженія мыслей, теперь миновались. Журналы приняли серіозное научное направленіе, «они предлагаютъ свое добровольное сотрудничество правительству, и послѣднее можетъ имъ воспользоваться», они выставляютъ наружу истину, объясняютъ вопросы экономическаго быта страны, собираютъ матеріялъ для правительственныхъ цѣлей — вотъ ихъ значеніе *въ* государствѣ и *для* государства! Должно надѣяться, что виртембергское правительство не приметъ буквально положеній сейма 1854 года; «на постановленія германскаго сейма можно смотрѣть, какъ на общія нормы, а не какъ на обязательный законъ; каждое государство можетъ приложить ихъ иначе, найдти для нихъ смягченія. Зачѣмъ виртембергское законодательство хочетъ быть строже другихъ?»

Отъ цензуры естественно перейдти къ журналистикѣ. Но въ предшествовавшемъ письмѣ моемъ я говорилъ уже о журнальной дѣятельности Виртемберга. Лучшая газета здѣсь — за неимѣніемъ лучшей —Schwäbischer Merkur; онъ составляется недурно, особенно второй отдѣлъ его—Schwäbische Kronik, гдѣ помѣщаются извѣстія изъ разныхъ городовъ виртембергскихъ; но у этой газеты нѣтъ, какъ говорится, головы; не ищите въ ней направленія или особенно-свѣтлаго взгляда на современные вопросы, — она старается поддѣлаться подъ общее мнѣніе, а не указывать ему прямую дорогу; отъ этого бездна противорѣчій, и часто незнаніе основныхъ началъ политики; все зависитъ отъ случая. Deutsche Vierteljahrsschrift не выставляетъ имени своего редактора и всегда представляетъ болѣе или менѣе дѣльныя статьи. Издатель — Котта. Изъ литературныхъ журналовъ назову Erhei-

terungen и Morgenblatt; оба они не представляютъ особенныхъ достоинствъ. Котта имѣетъ свои типографіи въ Штуттгартѣ и Аугсбургѣ, а потому издаваемыя имъ политическія газеты—Das Ausland и Allgemeine Zeitung могутъ быть отнесены къ обоимъ городамъ. Всеобщая (Аугсбургская) Газета въ послѣднее время значительно измѣнила свое направленіе; Котта подъ старость вспомнилъ подвиги своей юности — около 1815 года онъ былъ австрійскимъ агентомъ — и перешелъ на сторону Австріи, о чемъ многіе жалѣютъ отъ души. Вообще органовъ австрійскихъ здѣсь, то-есть въ южной Германіи не мало; мелкія газеты «изъ усердія», или не безкорыстно поддерживаютъ австрійскую политику. Не говорю о Journal de Francfort, который пополнѣлъ значительно и давно надѣлъ извѣстную кокарду; но второстепенныя газеты хлопочутъ изо всѣхъ силъ объ интересахъ Австріи и своею преданностью компрометируютъ ихъ. Недавно Postzeitung, издающаяся въ Франкфуртѣ подъ редакціею какого-то Заттлера, напечатала статью, въ которой взываетъ къ Германіи вооружиться и принять мѣры противъ Италіи — послѣдняя де грозитъ германской независимости (1).

Но независимо отъ политическихъ убѣжденій или услугъ, Котта заслуживаетъ признательность за свою книгопродавческую дѣятельность; съ 1810 года работаетъ онъ неутомимо на пользу нѣмецкой литературы; послѣдняя книга, вышедшая изъ его типографіи, есть переписка Генца и Мюллера съ 1809 до 1829 года; въ этихъ письмахъ есть много драгоцѣнныхъ подробностей, характеризующихъ эпоху.

Изъ мѣстныхъ писателей штуттгартскихъ особенно извѣстенъ Гаклендеръ, отличающійся необыкновенною плодовитостью; онъ приводитъ въ восторгъ многихъ изъ своихъ соотечественниковъ. Kölnische Zeitung, въ которой на послѣднихъ страницахъ такъ часто появляется интимная переписка любящихся сердецъ, поздравленія съ днемъ именинъ и рожденій и другія семейныя дѣла (2), не разъ печатала стихи въ честь Гаклендера отъ неизвѣстныхъ по-

---

(1) Кстати о Postzeitung. Недавно одинъ желчный пасторъ Юргенсъ написалъ книгу о франкфуртскомъ собраніи 1849 года, въ которой бросаетъ грязью и взводитъ неприличныя обвиненія на нѣкоторыхъ изъ его дѣятелей. Извѣстный германскій ученый отвѣчалъ на эту книгу статьею въ Allg. Ztg; Юргенсъ сдѣлалъ своимъ органомъ Postzeitung и забылъ всякія общественныя приличія.

(2) Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ помѣщается здѣсь слѣдующее объявленіе, почти ежедневно: Degreck, ehemals Notar, jetzt Agent in New Iork! Promissis non impletis—gieb meine Gelder wieder. I. Odendahl. Конечно, кредитъ Дегрека потерянъ; онъ не возражалъ, слѣд. оружіе публичности караетъ его справедливо.

читателей; въ ея фельетонѣ тянется безконечный романъ того же автора «Новый Донкишотъ». Гаклендеръ былъ сначала прикащикомъ въ купеческой конторѣ, потомъ прусскимъ артиллеристомъ, наконецъ секретаремъ при наслѣдномъ принцѣ виртембергскомъ. Всѣ эти должности онъ исполнялъ, надо думать, по возможности дурно, и теперь предался исключительно литературѣ; онъ диктуетъ свои сочиненія,—и многіе полагаютъ, что онъ дѣлаетъ это по причинѣ незнанія нѣмецкой орѳографіи... Какъ бы то ни было, но его сочиненія нравятся, а въ доказательство его популярности можно привести то, что Котта платилъ ему по 50 гульденовъ за страницу писемъ изъ Италіи, напечатанныхъ въ Allgemeine Zeitung.

Отъ нѣмецкой литературы на этотъ разъ могу перейдти къ русской. Не знаю, новость ли для васъ одно изъ первыхъ стихотвореній Лермонтова; я въ первый разъ узналъ о немъ въ Германіи.

У баронессы Г., урожденной Русской, хранилось давно въ рукописи посвященное ей стихотвореніе Лермонтова, которое въ нынѣшнемъ году напечатано въ Карлсруэ на 23 стр. въ 8-ю дол. л. Стихотвореніе носитъ заглавіе: «Ангелъ Смерти, восточная повѣсть» и написано еще въ 1831 году; помнится, первое изъ напечатанныхъ стихотвореній Лермонтова «Хаджи Абрекъ» относится къ 1834 году. Можетъ-быть, особенный тактъ поэта побуждалъ его оставлять безъ гласности юношескій опытъ, можетъ-быть также, онъ считалъ его исключительною собственностію той, для которой стихотвореніе было назначено. Въ этомъ опытѣ замѣтны уже нѣкоторые признаки, которыми отличались позднѣйшія произведенія поэта. Но я не берусь произносить свое сужденіе, постараюсь передать вамъ содержаніе «Ангела Смерти», и сдѣлаю изъ него нѣсколько выписокъ. «Русскій Вѣстникъ» напечаталъ послѣдніе стихи Лермонтова; если хотите, дайте мѣсто на страницахъ вашего журнала отрывкамъ изъ его первыхъ опытовъ.

Вотъ начало:

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья;
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догараетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!

Затѣмъ разказывается преданіе о томъ, почему теперь смерть страшна для людей, —

Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались—сладостный удѣлъ.

Это объясняется восточною легендой о любви Зораима и Ады.

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ,
Покрыта дикими кустами
На немъ пещера есть одна —
Жилище змѣй—хладна, темна,
Какъ умъ обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада—мѣсяцъ полный,
Съ ней говорятъ морскія волны,
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Въ этой пещерѣ жилъ Зораимъ, который не былъ счастливъ; онъ,

Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.

Впервые открылось ему счастье, когда онъ увидалъ Аду и полюбилъ ее. Поэтъ не описываетъ этого счастья; онъ прямо переноситъ читателя къ картинѣ смерти Ады. Зораимъ въ отчаяніи. Въ это самое время пролетаетъ ангелъ смерти, присутствіе котораго облегчало для каждаго разлуку съ жизнью.

И ангелъ мыслью пораженъ,
Достойною небесъ; желаетъ
Вознаградить страдальца онъ:
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.

Ангелъ-Ада любитъ Зораима по прежнему, то-есть, какъ любила Ада–женщина. Но любовь не удовлетворяетъ честолюбиваго юношу;

онъ не можетъ въ пустынѣ «однообразно дни влачить.» Зораимъ жаждетъ славы; онъ говоритъ Адѣ:

Когда-нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?

И Зораимъ идетъ на войну. При этомъ—что̀ довольно странно—онъ обѣщаетъ Адѣ принесть «жемчугъ и злато», себѣ оставить одну честь,

И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато.

Битва. Ада съ горестью слѣдитъ за ея ходомъ; а глаза Ады полны слезъ:

О Боже, для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки—путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ;
Не вѣдалъ ты, что ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье!

Ада сходитъ въ долину, гдѣ происходила битва, и среди труповъ находитъ умирающаго Зораима. Увы! она не можетъ даже облегчить его послѣднихъ страданій. Ангелъ, послѣ смерти Зораима, оставляетъ тѣло Ады и улетаетъ. Съ тѣхъ поръ печаль его успокоилась, но осталось желанье мести къ людямъ за смерть Зораима.

Но ангелъ смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: «состраданья
Они не могутъ заслужить,
Не награжденье — наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть.
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели — пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ — зачѣмъ же нѣтъ?

Съ тѣхъ поръ, заключаетъ поэтъ, каждый боится встрѣчи съ ангеломъ смерти; его взоръ «пронзаетъ насъ какъ мечъ.»

И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его — проклятье.

Вотъ содержаніе сказки. Замѣчу, что я старался не выпустить ни одного звучнаго стиха или поэтической картины; всѣ остальные по достоинству ниже приведенныхъ мною.

Въ Карлсруэ печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ французскій переводъ статьи П. К. Щебальскаго «Правленіе царевны Софьи», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; переводъ принадлежитъ кн. С. П. Голицыну.

Еще разъ обращаюсь къ Штуттгарту. Я воспользовался пребываніемъ въ немъ, чтобы посмотрѣть Канштадтъ, небольшой городъ, лежащій въ получасѣ ѣзды отъ столицы Виртемберга. Дорога идетъ сначала дворцовымъ садомъ, потомъ паркомъ, мимо королевскаго дворца въ мавританскомъ вкусѣ. Весна въ этомъ году началась робко, нерѣшительно; въ воздухѣ вѣяло уже пріятнымъ тепломъ, солнце грѣло отрадно, въ полѣ показалась новая трава; едва пробивающійся листъ на деревьяхъ придавалъ лѣсамъ зеленоватый оттѣнокъ, цвѣтъ котораго становился гуще по мѣрѣ отдаленія... Канштадтъ наполняется особенно лѣтомъ, — сюда пріѣзжаютъ больные, чтобы пользоваться водами, здоровые съ цѣлью пріятной прогулки. Мнѣ хотѣлось видѣться съ адвокатомъ Рейшеромъ, который велъ извѣстный процессъ Мекленбурга. Не знаю, сумѣю ли я передать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность дѣла: Фр. Мекленбургъ, уроженецъ Мекленбургъ-Шверина, оставилъ въ 1799 году свое отечество, переѣхавъ въ Пруссію, гдѣ находился въ службѣ до 1810 года; съ 1818 года онъ переѣхалъ въ Парижъ и здѣсь умеръ бездѣтнымъ въ 1854 году, не оставивъ завѣщанія. Удачными спекуляціями во Франціи онъ пріобрѣлъ большое состояніе, — 2,000,000 фр. деньгами, на $2^1/_2$ мил. движимости и множество акцій. Наслѣдниками Мекленбурга остались: братья, племянница Матильда и малолѣтняя внука Анна, дочь умершаго брата послѣдней. Споръ, собственно, идетъ между Матильдой и Анной, теткой и племянницей, которыя живутъ въ Виртембергѣ. Вопросъ основной состоитъ въ томъ, по какимъ законамъ опредѣлить права наслѣдниковъ: по французскимъ, прусскимъ, виртембергскимъ, или мекленбургскимъ? Если по французскимъ, то малолѣтняя Анна имѣетъ право на наслѣдство, потому что она заступаетъ мѣсто своего умершаго отца; но въ мекленбургскихъ законамъ нѣтъ такого заступленія, и слѣд. вся часть наслѣдства переходитъ къ Матильдѣ. Конечно, нѣтъ никакого основанія принять мекленбургскіе законы: странно считать человѣка, прожившаго 55 лѣтъ внѣ отечества и служившаго въ Пруссіи, подданнымъ мекленбургскимъ. А между тѣмъ cour impériale въ Парижѣ обратила дѣло въ Мекленбургъ. Французскіе юристы имѣютъ заслу-

женную репутацію, а потому особенно интересно было знать, чѣмъ руководствовались они въ настоящемъ случаѣ, и какой оборотъ приметъ дѣло; множество важныхъ вопросовъ представлялось здѣсь на разрѣшеніе—о натурализаціи, о подсудности движимыхъ, о взаимности и пр. Конечно, адвокатъ могъ дать самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о положеніи дѣла и даже о видахъ въ будущемъ; но Рейшеръ съ перваго же раза сообщилъ мнѣ горестное извѣстіе: процессъ кончился полюбовною сдѣлкой; Анна получила 200,000 фр. Вѣроятно, многіе слѣдили за этимъ процессомъ по Gazette des Tribunaux, и имъ любопытно узнать о мировой сдѣлкѣ. Но признаюсь, я жалѣлъ, что спорящіяся стороны примирились, не объяснивъ дѣла до конца, не потягавшись между собою въ Пруссіи и Мекленбургѣ. Мнѣ оставалось вознаградить себя знакомствомъ съ ученымъ адвокатомъ, который долго былъ профессоромъ въ Тюбингенѣ и принужденъ былъ удалиться оттуда, благодаря Шлейеру. Процессъ, о которомъ я говорилъ, напечатанъ Рейшеромъ и разосланъ ко всѣмъ извѣстнымъ юристамъ; такъ интересуются здѣсь каждымъ сложнымъ судебнымъ дѣломъ и такъ дорожатъ адвокаты своею репутаціей.

Штуттгартъ продолжаетъ украшаться прекрасными зданіями; теперь строится Одеонъ, который изящно завершитъ дворцовую площадь: она образуется старымъ и новымъ королевскими дворцами, дворцомъ наслѣднаго принца и театромъ. По срединѣ ея стоитъ монументъ—высокая колонна, пьедесталъ которой украшенъ барельефами и слѣдующею прекрасною надписью: Dem theuersten Freunde seines Volkes, König Wilhelm dem Vielgeliebten, widmen die Stände Württembergs dieses Denkmal, zur Feier seines XXV-jährigen Regierungs-Jubiläum, den 30 oct. 1841. Трогательное выраженіе признательности народа къ королю, который придалъ новое значеніе государству, лично принималъ участіе въ великой войнѣ за освобожденіе Германіи и даровалъ то устройство Виртембергу, которымъ онъ пользуется и донынѣ.

Упомяну еще о двухъ библіотекахъ въ Штуттгартѣ: одна—государственная изъ 300,000 томовъ, другая частная библіотека короля, Handbibliothek изъ 60,000 томовъ; обѣ богаты политическими брошюрами и историческими книгами. Частная библіотека короля не имѣетъ себѣ подобной въ цѣлой Германіи; она помѣщается въ особомъ зданіи около дворца; въ этихъ стѣнахъ прежде была Академія Карла, и воспитывались Кювье и Шиллеръ; послѣднему воздвигнутъ памятникъ на одной изъ площадей Штуттгарта.

Оставляя Штуттгартъ, я сохраню всегда сердечное благодарное воспоминаніе о томъ радушіи, которое мнѣ было оказано нашимъ посланникомъ, графомъ К. К. Бенкендорфомъ, членами нашей миссіи и секретаремъ Великой Княгини, Н. Ѳ. Аделунгомъ. Здѣшній

священникъ о. Базаровъ извѣстенъ у насъ описаніемъ послѣднихъ дней Жуковскаго.

Ея Высочество Великая Княгиня Ольга Николаевна пребываетъ теперь въ Италіи.

Штуттгартъ 28 марта 1857.

М. Капустинъ.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1)

Pisma Krytyczno-Filozoficzne A. Nowosielskiego. (Критико-философическія сочиненія А. Новосельскаго). Вильно. 1857. Въ 8-ю д., т. I, 212 стр., т. II, 196 стр.

Г. Новосельскій (псевдонимъ г. Марцинковскаго) новый и талантливый дѣятель въ современной польской литературѣ, преимущественно отличающійся въ области критики. Вмѣстѣ съ обширною начитанностію и близкимъ знакомствомъ почти со всею европейскою литературой, онъ соединяетъ эстетическій вкусъ и умѣнье схватывать характеристическія черты изучаемаго имъ предмета. Какъ видно, русская литература также очень хорошо извѣстна ему.

Въ двухъ изданныхъ имъ теперь книгахъ, собраны всѣ его критическія статьи, касающіяся современной польской литературы и разсѣянныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Замѣтимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе насъ интересующія. Въ статьѣ: *Юморъ, разсматриваемый въ отношеніи къ чувству*, т. I, стр. 113, авторъ вѣрно характеризуетъ нашего Гоголя, и вотъ что говоритъ онъ о значеніи самого юмора: «Къ непостижимымъ и неопредѣленнымъ явленіямъ человѣческаго духа принадлежитъ, повидимому, веселое, но въ основаніи исполненное грусти и горечи настроеніе души, которое вообще называютъ *юморомъ*. Юмористъ до сихъ поръ не нашелъ для себя мѣста въ обществѣ людей; это самое бѣдное созданіе въ мірѣ, человѣкъ, значенія котораго не поняли, поставивъ его между мизантропомъ и полишинелемъ. Сколько мнѣ извѣстно, никто еще не задалъ себѣ труда изслѣдовать, изъ какихъ источниковъ проистекаетъ и на какой основѣ развивается этотъ странный характеръ человѣка? Юморъ до сихъ поръ считается насмѣшливостію, исполненною злости, желчною раздражительностію, которая, наводя на предметы однообразный оттѣнокъ страданія, представляетъ весь міръ въ осенней порѣ, лишенной всѣхъ принадлежностей юности, здоровья и веселія; всякое пріязненное чувство должно быть неизвѣстно юмористу, а религія, наука, добродѣтель

---

(1) См. № 6-й «Русскаго Вѣстника» за 1857 годъ.

и каждый благородный трудъ для него будто бы не имѣютъ ничего привлекательнаго, представляя его взору только черныя, отвратительныя пятна. Понимаемый такимъ образомъ, юмористъ, дѣйствительно, былъ бы послѣднимъ изъ людей, или первымъ изъ дьяволовъ; между тѣмъ это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова *справедливый*, это мученикъ въ своей жизни за правду. Юмориста и юморъ нужно различать отъ комика и комизма; эти два понятія соединяются между собою формой, но духомъ совершенно разнятся. — «Юмористъ, говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ (der Einzige!), — прекрасный обликъ своего сердца прикрылъ искусственною маской и добровольно понизилъ высокій полетъ духа, превращая важную драму жизни въ представленіе маріонетокъ, въ комическую эпопею. Безразсудныя, достойныя посмѣянія дѣла человѣческія, онъ выводитъ изъ высшихъ цѣлей, а на великія и торжественныя набрасываетъ покровъ невиннаго сарказма, ироніи. Юмориста прежде всего привлекаетъ состояніе духа, освобожденнаго отъ цѣпей всякихъ отношеній, потомъ сатирическое побужденіе болѣе переиначивать человѣческую глупость, нежели подражать ей. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ имѣетъ двоякое сознаніе комизма—какъ актеръ и какъ зритель. Дѣйствующій юмористъ есть только сатирическій импровизаторъ.»

Далѣе, опредѣляя значеніе юмориста по Жанъ-Полю Рихтеру, г. Марцинковскій говоритъ. «Неопытный взглядъ не замѣчаетъ, что самыя смѣшныя картины юмориста рисуются на темномъ, печальномъ грунтѣ, и что отсюда-то происходитъ ихъ поразительная пластичность, ихъ воплощеніе. Читатели истинно юмористической повѣсти сами часто не понимаютъ, отчего, окончивъ самую веселую повѣсть, долго потомъ остаются въ задумчивости?» Здѣсь онъ указываетъ на повѣсти Гоголя: «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» и «Старосвѣтскіе помѣщики», и замѣчаетъ: «Почти всѣ его произведенія доказываютъ, что писатель съ такимъ расположеніемъ не просто играетъ остроуміемъ; напротивъ, каждая его шутка, выражая какое-то сильное неудовольствіе, какое-то непріязненное чувство, есть какъ бы протестъ противъ обыкновенной жизни, горькій упрекъ обществу, которое въ своей дѣйствительной жизни легкомысленно отступаетъ отъ высшихъ благороднѣйшихъ понятій.» Наконецъ, опредѣливши юморъ Шекспира, Рихтера, Свифта, Гофмана, Шлегеля и др., г. Марцинковскій прибавляетъ: «Новѣйшій писатель въ этомъ родѣ есть *Гоголь*; въ его произведеніяхъ юморъ почти осязаешь чувствами, потому что онъ развивается легко, наивно, съ нѣкоторою художественною небрежностію, даже съ тѣхъ сторонъ, которыя до сихъ поръ никѣмъ не были замѣчены.»

Пріятно замѣтить, что въ польской литературѣ, въ послѣднее время, замѣтно сочувствіе къ лучшимъ явленіямъ нашей литературы. Пора

уже обоимъ народамъ, находящимся въ такихъ близкихъ отношеніяхъ между собою, тѣснѣе сблизиться на пути образованія и въ умственной жизни.

Прочія статьи г. Марцинковскаго также замѣчательны по живому изложенію и вѣрному, современному взгляду на многія литературныя произведенія, преимущественно въ Польшѣ. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: О стихіяхъ нынѣшней литературы; Эксцентричность (нравственный характеръ современнаго общества); Значеніе историческаго романа въ исторіи искусства; О классической трагедіи; Мысли о повѣсти и ея формѣ, и др. Одна изъ этихъ статей подаетъ намъ поводъ упомянуть о *Запискахъ Ивана Хризостома Паска*, изъ временъ Іоанна Казимира, Михаила Корибута и Іоанна III. Эти записки въ первый разъ были изданы графомъ Э. Рачинскимъ въ Познани, въ 1836 г. До сихъ поръ ихъ есть пять изданій. Послѣднее, вновь пересмотрѣнное, издано г. Ляховичемъ, въ Вильнѣ, въ 1854 г., по экземпляру, хранящемуся въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С. Петербургѣ. Въ нихъ не достаетъ начала и конца. Въ этихъ запискахъ заключаются новыя историческія подробности, и яркими красками изображены нравы и домашняя жизнь Поляковъ въ XVII вѣкѣ. *Пасекъ* родился въ Равѣ и былъ шляхтичъ; онъ учился у іезуитовъ, и служилъ въ польскомъ войскѣ подъ предводительствомъ Чарнецкаго, противъ Ракочи, Шведовъ и Русскихъ. Въ концѣ царствованія Іоанна Казимира, Пасекъ оставилъ военную службу, поселился въ Равскомъ воеводствѣ, сдѣланъ былъ земскимъ коморникомъ, присутствовалъ на разныхъ сеймахъ, и въ 1661 г. выбранъ въ маршалы «рыцарскаго кола». Онъ былъ любимцемъ королей Іоанна Казимира и Іоанна III. Записки его прерываются на 1688 г. — Многіе заподозрѣвали подлинность этихъ Записокъ, и видѣли въ нихъ родъ Вальтеръ-Скоттовскаго романа; но достовѣрность этого памятника столь очевидна, что даже знаменитый Несторъ польской литературы, Вишневскій, не усомнился въ немъ. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Марцинковскій (т. II, стр. 7), — Записки Паска принадлежатъ къ необыкновеннымъ явленіямъ; ихъ нельзя назвать ни историческими, ни политическими; ихъ характеръ чисто-художественный. Пасекъ является въ нихъ, какъ живописецъ своего времени; его автобіографія есть рядъ живыхъ, оригинальныхъ картинъ; содержаніе ихъ обыкновенно веселое и остроумное; каждый, хотя бы малѣйшій очеркъ отличается физіономіею, характеромъ. Пасекъ, какъ и Вальтеръ-Скоттъ, искренно любитъ человѣка, всюду ему сочувствуетъ, особенно въ приключеніяхъ смѣшныхъ и веселыхъ, въ чемъ онъ нѣсколько напоминаетъ современнаго ему Мольера, или немного позднѣйшаго Лесажа.»

Къ этому справедливому замѣчанію г. Марцинковскаго прибавимъ еще, что Записки Паска произвели чрезвычайное вліяніе на истори-

ческій романъ въ Польшѣ. Романы Ржевускаго и въ особенности произведенія С. Качковскаго носятъ на себѣ яркій отпечатокъ нравственной личности Паска. До сихъ поръ польскимъ историческимъ повѣствователямъ извѣстенъ одинъ только типъ шляхтича, и этотъ типъ имѣетъ замѣчательное, родственное сходство съ особой пана Паска.

Еще не могу разстаться съ занимательною книгой г. Марцинковскаго и, въ заключеніе, указываю на статью его: «Объ опытахъ дантовскихъ поэмъ изъ народныхъ преданій.» Она написана по случаю выхода въ свѣтъ стихотвореній г. Ленартовича, въ которыхъ, впрочемъ, я не вижу особеннаго, сильнаго таланта; да и самъ г. Марцинковскій почти сознается въ этомъ. Въ этой статьѣ онъ говоритъ о народныхъ преданіяхъ, которыя могли бы быть богатымъ предметомъ поэмы, и между прочимъ, передаетъ слѣдующій разказъ: (Т. II, стр. 193): «Для Украинцевъ циклъ *дантовскихъ* разказовъ сосредоточивается вокругъ чрезвычайно поэтической личности чародѣя *Вернигоры*; и онъ всего лучше могъ бы послужить нашимъ поэтамъ за предметъ какой-нибудь народной эпопеи. Съ представленіемъ Вернигоры соединяются еще древнія миѳологическія понятія, которыя придаютъ особый характеръ его чудесной личности. Вернигора, по народному преданію, родился на лѣвомъ берегу Днѣпра; тамъ, неизвѣстно, по какой причинѣ, убилъ брата и убѣжалъ на правый берегъ Днѣпра. Это случилось во время самаго бунта Желѣзняка; страны, по обѣимъ берегамъ рѣки, вступали между собою въ сношенія; собиралась большая буря. Вернигора, вдохновенный пророческимъ духомъ, отклонялъ народъ отъ кроваваго дѣла, громко предсказывая страшный конецъ его. Съ этою цѣлью онъ странствовалъ по всей Украйнѣ. Духъ его узналъ о томъ, что̀ должно быть, въ то время, когда тѣло его было погружено въ смертный сонъ. Вырвавшаяся изъ земныхъ оковъ, душа Вернигоры три дня блуждала въ небесныхъ пространствахъ. Старецъ съ сѣдою бородой ведетъ восторженную душу умершаго (какъ *psychopompos* у Грековъ, какъ *der getreue Eckhart* въ германскихъ сказаніяхъ); показываетъ ему въ райскомъ саду радость благословенныхъ, а въ чистилищѣ, какъ души ходятъ *по мытарствамъ*; въ аду—какія муки онѣ претерпѣваютъ за разныя, совершенныя ими, преступленія. Изъ чистилища въ адъ ведетъ висячая перекладина надъ пропастью (мостъ, о которомъ разказывается въ подобныхъ преданіяхъ всѣхъ народовъ). Такимъ образомъ, всюду сопровождая душу и все показавши ей, старецъ наконецъ позволяетъ ей возвратиться къ живущимъ и разказывать на этомъ свѣтѣ все, что̀ она видѣла въ своемъ восторженіи, кромѣ только *трехъ словъ*, потому что, если бы она ихъ выговорила, то сейчасъ бы умерла. Вотъ что случилось съ Вернигорой. Онъ видѣлъ муки гайдамаковъ, обрызганныхъ кровью, изувѣченныхъ, безъ руки и ноги,

видѣлъ, прежде еще, нежели была усмирена Колищизна и панъ судья Дубравскій съ паномъ регементаремъ Стемпковскимъ судили преступниковъ на землѣ. Во время своего странствованія Вернигора осматриваетъ и разспрашиваетъ души о томъ, что со временемъ должно быть; въ концѣ третьяго дня старецъ привелъ Вернигору на перекладину, повисшую надъ ужасною пропастью, изъ которой выходилъ нестерпимый смрадъ трупа; старецъ показалъ ему, что это его бренное тѣло и низвергнулъ его въ пропасть, и Вернигора вдругъ возвратился къ жизни. Тоже самое и въ Божественной Комедіи Данте. Разсказываютъ, что Вернигора не умеръ, что въ Македоны, въ деревню, въ которой онъ поселился, пріѣхалъ кто-то *на бѣломъ конѣ* и взялъ съ собою украинскаго чародѣя, сказавъ ему только: «А что? пора уже тебѣ.» (1) При концѣ міра Вернигора снова явится вмѣстѣ съ всадникомъ на бѣломъ конѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ миѳологическихъ героевъ, которые хотя и исчезли изъ видимаго міра, однако не умерли (Гриммъ называетъ ихъ *entrückte Helden*). Очевидно, что это лицо, еще столь свѣжее въ воображеніи народа, смѣшалось съ другими миѳологическими лицами языческихъ волшебниковъ; самое названіе *Вернигоры* — миѳологическое имя Титана— можетъ-быть, послужило къ этому.»

Lud Ukraiński (Украинскій народъ), — его пѣсни, преданія, сказки, суевѣрія, обряды, обычаи, пословицы, загадки, заговоры, лѣчебные секреты, одежда, танцы, игры и т. д. — Издалъ Антоній Новосельскій. Вильно. 1857. Въ 8 д. л. Т. I, стр. 380. Т. II, стр. 282.

Этотъ новый трудъ г. Марцинковскаго, вышедшій въ одно время съ вышеупомянутымъ нами сочиненіемъ, также заслуживаетъ вниманія, по богатству и занимательности тѣхъ матеріяловъ, которыми авторъ имѣлъ случай пользоваться. — «Издавая въ свѣтъ этотъ сборникъ, говоритъ онъ въ предисловіи, я знаю, что въ немъ нѣтъ, да и быть не можетъ полноты. Если бы даже мы и допустили возможность такого сборника, то онъ никогда не могъ бы быть плодомъ труда одного человѣка: чтобы исчерпать избранный мною предметъ, необходимо было бы издать цѣлую библіотеку. Какъ бы то ни было, я думаю, что книга моя, и въ настоящемъ своемъ видѣ, дастъ подробное понятіе о духѣ, фантазіи, однимъ словомъ, обо всемъ нравственномъ характерѣ народа, выработавшемся на нашей землѣ изъ обще-человѣческихъ преданій. Это было моею цѣлью, и мнѣ кажется, что я первый пришелъ къ этой мысли и первый попытался ее выполнить: я имѣлъ въ виду не подробности, но общую идею труда моего.»

---

(1) Рыцарь, являющійся на бѣломъ конѣ, при концѣ міра, извѣстенъ на Востокѣ и въ миѳологіяхъ сѣверныхъ народовъ. Сравн. Iac. Grimm, Deutsche Myth. 2 Th. S. 911.

Въ пространномъ введеніи въ свое сочиненіе, авторъ разсматриваетъ славянскія преданія въ связи съ индо-европейскими. «Съ удовольствіемъ читая сочиненія, говоритъ онъ въ своемъ введеніи (стр. 9), относящіяся къ миѳологіи, предзніямъ, вымысламъ, предразсудкамъ и обрядамъ древнихъ народовъ, я замѣтилъ, что всѣ они чрезвычайно сходны съ тѣмъ, что̀ въ этомъ отношеніи сохраняютъ славянскіе народы, и въ особенности столь хорошо извѣстный мнѣ народъ украинскій, посреди котораго я родился и выросъ. Достаточно убѣдившись въ этомъ фактѣ, любопытномъ и важномъ для этнографіи и исторіи языческихъ религій, я вознамѣрился заняться его изслѣдованіемъ и представить хотя малый опытъ сравненія преданій и суевѣрій славянскихъ съ религіозною традиціей прочихъ индо-европейскихъ племенъ.»

Замѣтимъ вообще, что г. Марцинковскій, несмотря на обширность своихъ свѣдѣній и на нѣкоторыя вѣрныя соображенія, слишкомъ произвольно обращается съ санскритизмомъ и вдается въ натянутую этимологію. Такъ въ 1-й части, на стр. 107-й, онъ объясняетъ, будто бы «*Коляда* происходитъ отъ *каръ*, что по-санскритски значитъ *бросать*, *разсыпать*, *распространять*, *кира-ти* — бросаетъ, распространяетъ; *калита* — раздѣленный; *кала*, часть.» Къ этому объясненію онъ прибавляетъ: «Праздникъ *Коляды* означаетъ сотвореніе міра и назначеніе *судьбы* каждому человѣку,—его участь, часть, доля; отсюда слова: *с-частіе*, *доля*, *таланъ* (отъ *туля*—вѣсовая чашка, *танля-ти*—вѣшать на вѣсахъ). *Кала* — часть, *каля-да*, дающая долю, с-частіе, и т. д. Сюда же г. Марцинковскій относитъ и *калета* (калита) и даже *калачи* или *колачи*! — Столь же странно у него объясненіе слова *Рахмански* или *Навски Великдень* (стр. 148).

Piesń o Pólku Igora. (Пѣснь о полку Игоревѣ). Старославянская поэма XII вѣка. Переводъ священника Адама Станислава Красинскаго, каноника Виленской каѳедральной церкви.— С.-Петербургъ, 1856 года. Въ 8-ю д., XV—36 стр.

Этотъ загадочный памятникъ столько разъ уже подвергался разнаго рода филологическимъ истязаніямъ, и произвольнымъ переводамъ, въ прозѣ и стихахъ. Многіе непремѣнно хотятъ въ немъ видѣть народную поэму. «Слово» это до того неопредѣленно, что даже Поляки, въ новѣйшее время, стали считать его своимъ народнымъ поэтическимъ памятникомъ: такъ напримѣръ Вишневскій, Бѣлёвскій и др.

Несмотря на то, что это *Слово* не разъ уже переводилось на польскій языкъ, священникъ Красинскій снова перевелъ его, или, лучше сказать, посвоему передѣлалъ въ стихи, впрочемъ, довольно звучные, но что̀ касается его филологическихъ объясненій, то они не выдержатъ строгой критики. Самъ священникъ Красинскій замѣчаетъ въ предисловіи (стр. XII), что «настоящее значеніе нѣкото-

рыхъ мѣстъ этой *поэмы* (?) нужно почти отгадывать, и кто удачнѣе отгадаетъ, тотъ удачнѣе и передастъ ихъ.» Вотъ какимъ образомъ онъ переводитъ слѣдующія мѣста въ Словѣ: (стр. VIII) истягну умъ крѣпостью своею, natężył ducha swą siłą (напрягъ духъ своею силою!); скача славію по мыслену древу, skacząc słowikiem po myśli drzewie (скача соловьемъ по дереву мысли); храбрая мысль носитъ умъ вамъ на дѣло, chrobra myśl podnosi ducha waszego do czynu (храбрая мысль возноситъ духъ вашъ къ дѣлу!).—Онъ утверждаетъ (стр. X) также, что нѣкоторыя выраженія, которыя теперь не употребляются въ русскомъ языкѣ и сохранились въ польскомъ, не только не вредятъ этой, по его мнѣнію, поэмѣ, но придаютъ ей еще большій отпечатокъ народности. Къ такимъ выраженіямъ онъ относитъ: заря свѣтъ запаля (такъ онъ читаетъ, вмѣсто *запала*), по польски: zorza świt zapala; земля кровью польяна— ziemia krwią polana, полегоша— polegli; на болоньи — na błoni (есть и въ областн. русск. нар.). Далѣе онъ приводитъ слова, которыя будто бы исчезли въ русскомъ языкѣ и сохранились въ малорусскомъ и польскомъ: *чадъ, дно, дѣжа, жаба, зеліе, нетопырь* и др.

Изъ новостей польской литературы, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году, мы пока ограничимся двумя первыми книжками журнала: *Варшавская библіотека* (Biblioteka Warszawska).— Хотя онъ иногда и наполняется слабыми статьями и не имѣетъ отличительнаго и опредѣленнаго направленія, однакожъ, какъ лучшій и единственный учено-литературный журналъ, выходящій въ Варшавѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія и не лишенъ достоинствъ. Въ 1-й книжкѣ, между прочими статьями особенно интересна статья г. Антонія Цыприсинскаго: «О взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ царствѣ Польскомъ.» Она продолжается и въ слѣдующей книжкѣ Библіотеки. Въ ней разсматривается Высочайшій указъ 26-го мая (7го іюня) 1846 года, имѣющій цѣлью прекратить: 1) выводъ крестьянъ, измѣненіе или уменьшеніе ихъ имущества; 2) умноженіе числа безпахатныхъ крестьянскихъ семействъ; 3) существованіе неузаконенныхъ повинностей, и 4) возможность дальнѣйшаго самовольнаго увеличенія обязанностей, даже не противныхъ закону.

Г. Цыприсинскій, подробно разсмотрѣвши этотъ указъ съ юридической точки зрѣнія, въ концѣ второй статьи говоритъ, что дальнѣйшую работу свою онъ раздѣляетъ на двѣ части: 1-я о временномъ устройствѣ поселянъ, выраженномъ въ Высочайшемъ указѣ, 2-я о постоянномъ устройствѣ крестьянъ или о всеобщемъ крестьянскомъ правѣ, въ томъ же указѣ выраженномъ.

Во 2-ой книжкѣ Библіотеки г. Пашковскій помѣстилъ свой прекрасный переводъ въ стихахъ (уже не первый) драмы Шекспира: ***Коріоланъ***. Шекспиръ и прежде переводился на польскій языкъ. Къ числу его замѣчательныхъ переводчиковъ принадлежитъ также извѣ-

стный польскій писатель, новѣйшаго времени, покойный архіепископъ Головинскій.—Въ той же книжкѣ любопытенъ историческій очеркъ г. Цезаря Бѣрнацкаго: *Езуиты въ Калишѣ* (1581—1773).

Реформація еще только распространявшаяся въ странахъ, сосѣднихъ съ Польшей, уже около 1544 года имѣла въ ней многихъ приверженцевъ; многіе пали жертвой несправедливости и фанатизма, хотя нѣкоторые и старались поддержать вѣротерпимость. Сигизмундъ I былъ ревностнымъ католикомъ и, однако, не стѣснялъ ничьихъ убѣжденій; но въ царствованіе сына его Сигизмунда Августа, который болѣе покровительствовалъ реформаторамъ и, какъ кажется, даже сочувствовалъ имъ, новыя понятія уже распространялись явно и случались частыя отступничества отъ господствовавшей вѣры. Какъ въ послѣдствіи оказалось, причиной этому, между прочимъ, было неосторожное поведеніе духовныхъ лицъ, которыя часто неблагоразумно прибѣгали къ наказаніямъ и употребляли во зло церковное проклятіе. Они также вызвали споры объ исполненіи гражданскими властями духовныхъ приговоровъ, о взысканіи десятинъ и всякихъ епархіяльныхъ повинностей, чему способствовала самая шляхта. Эти вопросы старались разрѣшить на сеймахъ и въ синодахъ, но всегда безуспѣшно; потому что, несмотря на всѣ старанія и домогательства людей умѣренныхъ, недостатокъ взаимнаго довѣрія между партіями не могъ привести къ желанному согласію. Наконецъ польское духовенство, для прекращенія раздоровъ, рѣшилось на отчаянное средство—призвать іезуитовъ.

Станиславъ Гозій, кардиналъ-епископъ Варминскій, человѣкъ проницательный и осторожный, сверхъ того имѣвшій большое вліяніе и значеніе, первый, въ 1565 году, призвалъ іезуитовъ въ Брунсбергъ, въ старой Пруссіи, предоставивъ имъ удобную коллегію и значительные доходы. Къ этой-то эпохѣ относится основаніе новой іезуитской коллегіи въ древнемъ городѣ Калишѣ.

Г. Бѣрнацкій въ своемъ очеркѣ пользовался мѣстными книгами іезуитской коллегіи, которыхъ было двѣ: одна, подъ заглавіемъ: *liber domus*, то-есть хроника, въ которой обыкновенно записывались всѣ важнѣйшія происшествія, даже случившіяся внѣ стѣнъ монастырскихъ; другая — *liber resignationum*, то-есть книга лицъ, слагающихъ съ себя и принимающихъ должности въ орденѣ. Теперь очень рѣдко можно найдти подобные подлинные акты, сохранившіеся въ цѣлости; іезуиты, послѣ ихъ изгнанія, старались истреблять или изгладить слѣды своего существованія. Такимъ образомъ, всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Калишской коллегіи, по недостатку источниковъ, не могли быть представлены въ довольно-ясномъ свѣтѣ, несмотря на самые усиленные поиски. Авторъ принужденъ былъ прибѣгать къ разнымъ современнымъ брошюрамъ и стариннымъ запискамъ.

Историческій очеркъ г. Бѣрнацкаго состоитъ изъ четырехъ отдѣ-

ловъ: первый заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, касающіяся основанія и упроченія Калишской коллегіи; во второмъ говорится о самой церкви; въ третьемъ о школахъ; наконецъ четвертый заключаетъ въ себѣ подробности о богатствѣ и общихъ средствахъ этой резиденціи, съ присоединеніемъ свѣдѣнія о начальникахъ коллегіи.

Сообщаю еще нѣсколько новостей, извлеченныхъ изъ Варшавской Библіотеки:

Въ литературныхъ извѣстіяхъ (кн. 1-я) сообщается письмо изъ Гнѣзна одного изъ молодыхъ изслѣдователей исторіи, который въ актахъ Гнѣзненскаго капитула, подъ 1492 г. прочиталъ слѣдующее: «Turzi de impressa. Ibid. ex parte honeste Turzi civis Cracov. rogatu. est quis libros p. eum impressos Ruthenicos et alios imprimendos Sua Rma ptas cum suis dominis admittet ad publicand qui dnus Rus Archpus axamiatos vot. dominorum inhibuit, ne publicarentur, nec imprimentur de cetero.» Кажется, изъ этого слѣдуетъ заключить, что *Turzi* былъ въ Краковѣ, въ концѣ XV вѣка, однимъ изъ типографщиковъ, которые тамъ послѣ Святополка Фіоля печатали книги старославянскими буквами.

Во 2-й кн. помѣщенъ отрывокъ изъ письма г. Тышинскаго, который извѣщаетъ, что драма извѣстнаго польскаго писателя А. Э. Одыньца: *Варвара Радзивиловна*, выйдетъ въ Познанѣ. «Безспорно, говоритъ г. Т., это будетъ одна изъ лучшихъ польскихъ драмъ и одно изъ лучшихъ произведеній ея автора. Такой Варвары, еслибы даже былъ другой вкусъ вѣка, не могъ бы написать Фелинскій (1) и никто изъ его современниковъ, потому что еще не было тѣхъ записокъ, которыя издалъ Балинскій. Лица, выведенныя Одыньцомъ въ *Варварѣ*, и по характеру, и по языку, лица того вѣка; притомъ вездѣ поэзія и изящный стихъ.—Теперь онъ пишетъ *Любомирскаго*.»

Въ той же книжкѣ помѣщенъ слѣдующій отрывокъ изъ письма г. Бѣлевскаго къ г. Войцицкому (изъ Львова) 1857 г.: «Вѣроятно, ты знаешь, что я прошлаго лѣта совершилъ довольно далекое путешествіе, на собственный счетъ, съ цѣлью собрать матеріялы для приготовляемаго мною изданія *памятниковъ* (monumenta). При помощи сдѣланныхъ мною знакомствъ, во время путешествія, мнѣ удалось отыскать подлинникъ того письма св. Бруно о Болеславѣ храбромъ, которое напечатано въ Русской Бесѣдѣ и Варшавской Библіотекѣ, съ позднѣйшей копіи Уффенбаха. Я говорю *подлинникъ*, только по отношенію его къ копіи Уффенбаха, но собственно это также копія, съ тою разницей, что она сдѣлана въ началѣ XI вѣка, на пергаменѣ, искусною рукой и довольно выразительнымъ почеркомъ. Разницы значительны и важны. Многія сокращенія Уффенбахъ прочиталъ худо

(1) Авторъ трагедіи подъ тѣмъ же заглавіемъ, написанной въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія.

и нисколько не затруднялся, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ дѣлать поправки по своему усмотрѣнію. Это была обыкновенная манія ученыхъ въ этомъ вѣкѣ. Передъ его взоромъ исчезали отдѣльныя слова, а въ одномъ мѣстѣ онъ пропустилъ цѣлую строку. Итакъ, въ своемъ изданіи, я напечатаю этотъ важный памятникъ съ дипломатическою точностію, присоединивъ къ нему кодексъ и вѣрный снимокъ.

«Я стараюсь достать точную копію *Житія Меѳодія*. Четыре года тому назадъ, я могъ печатать этотъ памятникъ съ одной плохой рукописи, тогда извѣстной; теперь же, когда открыты старшія и лучшія, мнѣ необходимо имѣть съ нихъ копіи, или варіянты изъ нихъ, хотя бы изданіе памятниковъ опоздало двумя и тремя мѣсяцами; иначе, все мое предпріятіе заслужитъ упрекъ въ небрежности и недостаткѣ критики.»

П. Дубровскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Нескончаемый нефшательскій вопросъ, столь долго утомляющій общественное вниманіе Европы, наконецъ приближается къ развязкѣ. Послѣднія письма и телеграфическія депеши изъ Берлина и Берна возвѣщаютъ объ этомъ желанномъ событіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разъясняется болѣе и болѣе и самый ходъ переговоровъ по этому вопросу, происходившихъ въ послѣднее время въ Парижѣ. Конференція, приступая къ дѣлу въ прошломъ мѣсяцѣ, приняла исходною точкой для переговоровъ формальное признаніе правъ короля Прусскаго на Нефшательское княжество и Валангенское графство: признаніе это, повидимому, было занесено въ протоколъ, подписанный представителями Франціи, Англіи, Россіи и Австріи. Это значило, что условія будущаго соглашенія должны быть предъявлены самою Пруссіей. Дѣйствительно, прусскій посланникъ и членъ конференціи, графъ Гацфельдъ, предъявилъ ихъ въ третьемъ засѣданіи уполномоченныхъ. Условія эти отчасти извѣстны нашимъ читателямъ, по крайней мѣрѣ приблизительно (1). Извѣстно также, какое тяжкое впе-

---

(1) Болѣе точныхъ свѣдѣній о прусскихъ условіяхъ не обнародовано въ журналахъ.

чатлѣніе произвели они въ Бернѣ и во всей Швейцаріи, гдѣ ожидали почти безусловнаго отреченія короля прусскаго отъ правъ на Нефшательское княжество, которое съ 1848 г. de facto совершенно вошло въ составъ Швейцарскаго союза. Исполнительная власть, органомъ коей служитъ въ Швейцаріи союзный совѣтъ, представила законодательной власти, то-есть сейму, формальныя увѣренія въ этомъ смыслѣ, когда сеймъ разсуждалъ объ освобожденіи заключенныхъ нефшательскихъ роялистовъ и прекращеніи процесса по сентябрьскимъ волненіямъ. Швейцарскій уполномоченный, докторъ Кернъ, отправился тогда въ Парижъ въ полной увѣренности, что тамъ ожидаетъ его безусловное отреченіе короля Прусскаго за уступку, сдѣланную сеймомъ. Понятно, что г. Кернъ не могъ одобрить прусскія условія; инструкціи, полученныя имъ въ Парижѣ, предписывали ему отвергнуть ихъ. Это обстоятельство побудило представителей Франціи, Англіи, Россіи и Австріи установить основанія будущаго соглашенія, что̀ и было сдѣлано ими въ послѣднихъ засѣданіяхъ конференціи. Составленный ими проектъ конвенціи былъ сообщенъ уполномоченнымъ прусскому и швейцарскому, съ приглашеніемъ одобрить его, какъ послѣднее средство соглашенія. Это происходило въ засѣданіи конференціи 20-го апрѣля. Гг. Гацфельдъ и Кернъ не рѣшились принять на себя столь рѣшительной мѣры и объявили о необходимости посовѣтоваться съ своими правительствами. Г. Кернъ самъ отпрэвился для этой цѣли въ Бернъ.

Проектъ соглашенія, составленный представителями четырехъ названныхъ державъ, сходенъ съ условіями, которыя были предъявлены Пруссіей въ одномъ изъ первыхъ засѣданій конференціи. Расходы, причиненные сентябрьскими волненіями и военнымъ занятіемъ Нефшательскаго кантона, падаютъ на Швейцарію. Правительство Союза должно провозгласить полную амнистію за политическія преступленія, дажѐ предшествовавшія прошлогоднимъ сентябрьскимъ событіямъ; всѣ уголовные процессы и денежные иски по дѣламъ, состоящимъ въ связи съ этими событіями, должны быть прекращены. Доходы съ церковныхъ имуществъ, конфискованныхъ въ 1848 году, снова получаютъ свое первоначальное назначеніе; благотворительныя и богоугодныя заведенія спорнаго кантона сохранятъ свои капиталы и доходы; права ихъ должны быть навсегда обезпечены Швейцарскимъ союзомъ.

Это не значитъ, однако, чтобы прусскія предложенія прошли безъ измѣненій. Повидимому, проектъ соглашенія не присвоиваетъ Прусскому королю титула князя Нефшательскаго и Валангенскаго; по крайней мѣрѣ, послѣднія наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія положительно опровергаютъ прежнія извѣстія объ утвержденіи этого условія конференціей. Само собою разумѣется, что на основаніи прежнихъ правъ своихъ и признанія ихъ, занесеннаго въ протоколы,

король Прусскій можетъ титуловаться княземъ Нефшательскимъ и Валангенскимъ, хотя объ этомъ титулѣ и не упомянуто въ проектѣ. Вознагражденіе, требуемое прусскимъ королемъ, какъ извѣстно, уменьшено на половину. Наконецъ, конференція склонилась на сторону Швейцаріи по вопросу о пересмотрѣ конституціи Нефшательскаго кантона. Король прусскій требовалъ, чтобы пересмотръ ея былъ отложенъ на годъ или, по крайней мѣрѣ, на шесть мѣсяцевъ, и чтобы къ участію въ этомъ пересмотрѣ были допущены одни нефшательскіе уроженцы, но эти требованія устранены конференціей.

Въ концѣ апрѣля, г. Кернъ представилъ проектъ соглашенія союзному совѣту, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, уполномочилъ его подписать этотъ проектъ отъ лица Швейцаріи. Но этимъ еще не можетъ кончиться дѣло. Законодательная власть Швейцарскаго союза, принадлежащая сейму, можетъ измѣнить рѣшеніе исполнительной власти. Впрочемъ, до сихъ поръ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы сеймъ отвергнулъ проектъ конвенціи, составленный Парижскою конференціей. Правда, общественное мнѣніе въ Швейцаріи недовольно имъ и не скрываетъ своего неудовольствія, но въ сущности, предложенныя условія не нарушаютъ чести и достоинства Швейцаріи. Она боролась съ обстоятельствами, на сколько это было возможно, и достигла главной цѣли—признанія независимости Нефшательскаго кантона отъ Пруссіи, хотя и дорогою цѣной уступокъ, которыя ей не хотѣлось бы дѣлать. Отвергнуть послѣднее средство соглашенія, предложенное великими державами, значило бы опять затянуть дѣло на долгое время и отказаться отъ посредничества и участія великихъ державъ. Полуофиціяльный органъ швейцарскаго правительства, газета Bund, уже объявила о необходимости принять предложенныя условія, какъ ни мало соотвѣтствуютъ они желаніямъ и надеждамъ Швейцаріи.

Что̀ касается до Пруссіи, то измѣненія, которымъ подверглись представленныя ею условія, были, повидимому, сдѣланы съ ея согласія, и никто не сомнѣвается въ томъ, что проектъ конвенціи будетъ одобренъ ею.

Министерскій кризисъ въ Даніи, состоящій въ тѣсной связи съ движеніемъ датско-германскаго вопроса, продолжается, и новое министерство еще не составилось; но судя по тому, что̀ происходило въ послѣднее время въ Копенгагенѣ, ожидаютъ, что будущее министерство положитъ конецъ разногласію между Даніей съ одной стороны, Пруссіей и Австріей съ другой. Въ Копенгагенъ между прочимъ призванъ изъ Франкфурта датскій посланникъ при Германскомъ сеймѣ, г. Бюловъ, пользующійся извѣстностію какъ приверженецъ примирительной политики относительно нѣмецкихъ герцогствъ. Ему предложено министерство иностранныхъ дѣлъ, но до сихъ поръ еще нѣтъ свѣдѣній о томъ, принялъ ли онъ это предложеніе. Ясно, что

между нимъ и правительствомъ происходятъ переговоры, которые, по общему мнѣнію, едва ли окончатся вступленіемъ г. Бюлова въ министерство, во главѣ котораго до сихъ поръ остается г. Андре. Г. Бюловъ едва ли можетъ надѣяться на поддержку общаго сейма, значительное большинство котораго состоитъ изъ крайнихъ приверженцевъ исключительно-датской партіи. Датскому правительству предстоитъ трудная задача согласить условія политическаго единства монархіи съ требованіями Пруссіи и Австріи; задача эта должна быть разрѣшена новымъ министерствомъ, и этимъ-то объясняется чрезвычайная продолжительность министерскаго кризиса. Къ тому же, Австрія и Пруссія, повидимому, прислали въ Копенгагенъ нѣчто въ родѣ ультиматума, требуя отвѣта въ опредѣленный срокъ, который въ послѣднее время продленъ ими до окончательнаго образованія новаго министерства. Даніи предстоитъ одно изъ двухъ: или уступить Австріи и Пруссіи, или возбудить противъ себя большинство германскаго сейма, въ который будетъ перенесено дѣло. Именно этимъ угрожаютъ Даніи кабинеты вѣнскій и берлинскій. Послѣдній находитъ даже весьма сильную поддержку въ прусской аристократіи, отстаивающей свое собственное начало въ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи. Въ засѣданіи 29-го апрѣля, прусская первая палата почти единогласно одобрила предложеніе одного изъ своихъ членовъ, въ которомъ правительству данъ совѣтъ защищать права герцогствъ согласно съ видами германскаго союза. Само правительство не желало идти такъ далеко, и во время преній объявило, что имѣетъ въ виду дѣйствовать въ этомъ вопросѣ согласно съ Австріей. Говорятъ, Данія соглашается представить на разсмотрѣніе провинціяльныхъ чиновъ въ герцогствахъ нѣкоторыя статьи общей конституціи. Въ концѣ апрѣля, вѣроятный наслѣдникъ датскаго престола, принцъ Христіанъ, отправился въ Берлинъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ короля Датскаго. Все это заставляетъ предполагать, что дѣло можетъ уладиться безъ участія германскаго сейма.

Между тѣмъ въ самой Даніи, внутри общаго ея сейма, партіи борются съ обычнымъ ожесточеніемъ. Сеймъ былъ созванъ для чрезвычайныхъ засѣданій по случаю заключенія трактата о зундскихъ пошлинахъ. Члены датской партіи требовали, чтобы выкупная сумма была обращена на погашеніе государственнаго долга собственной Даніи, ибо по ихъ мнѣнію, зундскія пошлины составляли частную собственность Даніи; депутаты нѣмецкихъ герцогствъ, напротивъ, утверждали, что выкупная сумма должна перейдти въ общую казну монархіи на томъ же самомъ основаніи, на которомъ Данія присвоиваетъ всей монархіи доходы съ государственныхъ имуществъ и даже самыя государственныя имущества въ герцогствахъ. Они ссылались также на то обстоятельство, что въ силу общаго трактата (содержаніе котораго уже извѣстно нашимъ читателямъ) не только отмѣняются

зундскія пошлины, но и понижаются транзитныя пошлины за перевозку товаровъ по дорогамъ и каналамъ, которые принадлежатъ герцогствамъ. Несмотря на единодушную оппозицію нѣмецкой партіи, составляющей меньшинство, сеймъ рѣшилъ, что 1½ мил. ригсталеровъ должны быть употреблены на покрытіе дефицита, который произойдетъ вслѣдствіе отмѣны зундскихъ пошлинъ, а остаточная часть суммы составитъ отдѣльный фондъ, собственность Даніи.

При такомъ положеніи дѣлъ и относительной силѣ партій, трудно предвидѣть, какъ разрѣшится датско-германскій вопросъ, далеко не лишенный живаго интереса, по тому значенію, какое придаютъ ему германскія правительства и высшія сословія. Нѣкоторые датскіе журналы подаютъ правительству несбыточный совѣтъ: отказаться отъ нѣмецкихъ владѣній, лежащихъ по ту сторону Эйдера, и вознаградить себя тѣснымъ союзомъ съ Швеціей, послѣднимъ результатомъ котораго должно быть образованіе скандинавской монархіи въ сѣверной Европѣ. Мы уже знаемъ, какъ отозвалось датское правительство о подобныхъ стремленіяхъ вновь возникшей скандинавской партіи, въ депешѣ г. Шеле отъ 26-го февраля. Намъ остается присоединить, что шведское правительство, противъ котораго главнымъ образомъ была направлена эта депеша, не оставило ея безъ отвѣта, въ которомъ, по словамъ иностранныхъ журналовъ, рѣзко выразило свое неудовольствіе. Не отвергая вполнѣ началъ скандинавской партіи, Стокгольмскій кабинетъ объявляетъ, что направленные противъ него намеки г. Шеле неосновательны и неприличны.

Надо замѣтить, что скандинавизмъ значительно усилился со времени восточной войны и извѣстнаго трактата, состоявшагося въ ноябрѣ 1855 году между Швеціей, Англіей и Франціей. Главная цѣль скандинавской партіи, какъ мы уже сказали, — образованіе сильнаго государства на сѣверѣ, сопряженное, впрочемъ, съ безчисленными затрудненіями и во всякомъ случаѣ неосуществимое въ настоящее время. Партія эта, въ свою очередь, распадается на двѣ части: одни хотятъ достигнуть цѣли разомъ, путемъ, такъ-сказать, революціоннымъ; другіе, составляющіе большинство, отказываются отъ насильственныхъ средствъ и признаютъ необходимость уважать права существующихъ династій. Но вся партія согласна въ томъ, что обладаніе нѣмецкими герцогствами, принадлежащими Даніи, несовмѣстно съ условіями скандинавскаго государства, которое должно быть одноплеменно и исключать всякое чуждое вліяніе. По этому вопросу возникла въ датской журналистикѣ полемика, въ которой приняли участіе даже офиціальные журналы, защищавшіе существующій порядокъ, но съ большою умѣренностію и съ признаніемъ выгодъ единаго скандинавскаго государства.

Изъ множества брошюръ, вышедшихъ въ Даніи и посвященныхъ этому вопросу, одна произвела особенно сильное впечатлѣніе, —

ибо принадлежитъ барону Бликсенъ-Финеке, супругу принцессы Августы Гессенской и родственнику принца Христіана, котораго лондонскій протоколъ 1852 года призналъ наслѣдникомъ датскаго престола. Будучи владѣльцемъ значительныхъ помѣстьевъ въ Швеціи и въ Даніи, баронъ Бликсенъ-Финеке членъ шведскаго сейма и недавно былъ членомъ датскаго. Въ своей брошюрѣ: *Скандинавизмъ съ практической точки зрѣнія*, онъ доказываетъ, что въ настоящее время соединеніе Скандинавіи будетъ прочнѣе прежняго, ибо состоялось бы подъ вліяніемъ народнаго элемента, отсутствіемъ котораго объясняется паденіе извѣстнаго Кальмарскаго союза. Онъ также признаетъ необходимость отказаться отъ обладанія нѣмецкими герцогствами, и предлагаетъ шведской и датской династіямъ постановить, что та изъ двухъ мужескихъ линій, которая переживетъ другую, будетъ царствовать въ соединенномъ скандинавскомъ государствѣ. Онъ совѣтуетъ обоимъ правительствамъ предложить сеймамъ составленный въ этомъ смыслѣ проектъ закона. Такое рѣшеніе вопроса не удовлетворило нетерпѣливую скандинавскую партію; но она указываетъ на брошюру барона Бликсенъ-Финеке, какъ на доказательство въ пользу своихъ стремленій. Г. Бликсенъ-Финеке, за нѣсколько дней до появленія своей брошюры, разошелся съ датскимъ дворомъ и отказался отъ выгодныхъ мѣстъ, которыя занималъ при немъ.

Скандинавизмъ возбудилъ особенное участіе въ Германіи, ибо осуществленіе его повело бы къ отпаденію нѣмецкихъ герцогствъ отъ Даніи. Оттого-то г. Шеле, въ упомянутой нами циркулярной депешѣ, съ сожалѣніемъ отзывается о сочувствіи скандинавизму въ другихъ государствахъ, то-есть въ Германіи.

Дипломатическія несогласія между Даніею и Соединенными Штатами по дѣлу о зундскихъ пошлинахъ разрѣшились благопріятно для Даніи. Читатели помнятъ, что въ засѣданіяхъ копенгагенской международной конференціи не участвовалъ представитель Соединенныхъ Штатовъ, и что американскія суда, проходившія Зундомъ, платили пошлины не иначе, какъ съ протестомъ. Новое правительство Соединенныхъ Штатовъ отступило отъ политики бывшаго президента Пирса въ этомъ вопросѣ: оно признало результатъ международныхъ совѣщаній въ Копенгагенѣ и согласилось уплатить Даніи ту часть выкупной суммы, которая по разсчету пришлась на долю Американскаго Союза, то-есть 380,000 долларовъ. Частная конвенція въ этомъ смыслѣ подписана въ Вашингтонѣ генераломъ Кассомъ и датскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Въ послѣднее время европейскіе журналы больше чѣмъ когда-нибудь наполнены извѣстіями изъ Дунайскихъ княжествъ и сужденіями о тамошнемъ положеніи дѣлъ. Прибытіе въ Букарестъ членовъ извѣстной международной коммиссіи и приближеніе выборовъ произвели въ Княжествахъ сильное, впрочемъ совершенно понятное и законное

броженіе, безъ котораго невозможенъ никакой успѣхъ. Депутаціи букарестскихъ избирателей поднесли каждому изъ коммиссаровъ привѣтственные адресы, въ которыхъ, хотя и не прямо, выражена задушевная мысль лучшей части народа въ пользу соединенія Княжествъ. Къ сожалѣнію, офиціяльное положеніе коммиссаровъ не позволило имъ быть совершенно откровенными въ отвѣтахъ своихъ на поднесенные адресы. Они ограничились общими выраженіями о желаніи благоденствія Княжествамъ. Англійскій коммиссаръ, мнѣніе котораго по вопросу о соединеніи Молдавіи и Валахіи считается сомнительнымъ, даже не намекнулъ объ этомъ вопросѣ, ограничившись общими замѣчаніями о свободѣ выборовъ и политической неопытности населенія.

Но офиціяльное довѣріе англійскаго коммиссара къ намѣреніямъ Порты и ея каймакановъ относительно свободы выборовъ далеко не оправдывается на дѣлѣ. Правда, въ Валахіи, въ присутствіи коммиссаровъ, эти намѣренія обнаруживаются не такъ рѣзко; но надобно знать, что происходило тамъ прежде. Коммиссарамъ даже представленъ былъ обвинительный актъ противъ каймакана Гики. Населеніе жалуется въ этомъ документѣ на произвольный образъ дѣйствій валахскаго правительства относительно выборовъ. Въ Молдавіи произволъ новаго каймакана, Вогоридеса, не знаетъ предѣловъ. Молдавское правительство даже распустило избирательные комитеты, на томъ основаніи, что они дѣйствуютъ помимо установленной въ княжествѣ власти, какъ будто выборы, открытые съ цѣлью узнать мнѣнія и желанія народонаселенія, должны служить къ выраженію видовъ каймакана и Порты. Партія, враждебная соединенію Княжествъ, употребляетъ всѣ средства и усилія, чтобы воспрепятствовать свободному выраженію народной воли, которая все сильнѣе и сильнѣе склоняется въ пользу этой важной мѣры. Журналы, имѣющіе цѣлію разъяснить народу важные вопросы, которые будутъ обсуживаться диванами, запрещаются, хотя они и были подчинены цензурѣ, недавно возстановленной въ Молдавіи. Органы противной партіи пользуются этимъ вынужденнымъ молчаніемъ приверженцевъ соединенія, чтобы доставить торжество своимъ видамъ. Они даже не стыдятся распускать самые нелѣпые слухи, увѣряя между прочимъ, что послѣдствіемъ соединенія Княжествъ будетъ раздѣлъ земель, неблагопріятный для землевладѣльцевъ, и водвореніе католицизма, чуждаго всему народу. Нѣчто въ родѣ прокламаціи, написанной въ этомъ смыслѣ, разослано по всѣмъ молдавскимъ монастырямъ. Чиновники, которымъ поручено составленіе избирательныхъ списковъ, обязаны противодѣйствовать выбору лицъ, желающихъ соединенія. Не предоставляя составленія этихъ списковъ самимъ избирателямъ, молдавское правительство требуетъ въ то же время, чтобы списки были доставлены на разсмотрѣніе въ Яссы, гдѣ они подвергнутся исправленію въ извѣстномъ смыслѣ.

Вотъ что происходитъ въ Молдавіи, и на что жалуется даже офиціяльный органъ французскаго правительства, которое давно заявило свое мнѣніе въ пользу соединенія Княжествъ. Нельзя при этомъ случаѣ не отдать справедливости гуманизирующей политикѣ Франціи. Внутри Франціи правительственныя системы нерѣдко смѣняются одна другою; но во внѣшней политикѣ своей она неизмѣнно руководствуется цивилизующими началами, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ вопросовъ, которые не связаны съ существующимъ порядкомъ внутри ея. Этимъ обстоятельствомъ вполнѣ объясняется энтузіазмъ, съ которымъ населеніе Валахіи привѣтствовало французскаго коммиссара при первомъ его проѣздѣ и въ настоящее время. Въ адресѣ, который былъ поднесенъ ему въ Букарестѣ, господствуетъ менѣе офиціяльный тонъ, и ясно выражена мысль о соединеніи Княжествъ. «Благодаря постоянному содѣйствію французскаго правительства и общественнаго мнѣнія во Франціи», сказано въ адресѣ, «соединеніе Княжествъ не утратило у насъ своихъ приверженцевъ. Но Румыны еще нуждаются въ поддержкѣ, и убѣждены, что она будетъ имъ оказана». Отвѣтъ французскаго коммиссара косвенно оправдываетъ возлагаемыя на него надежды. Букарестскіе избиратели поднесли между прочимъ адресъ русскому коммиссару г. Базили; но мы еще не имѣемъ ни этого адреса, ни отвѣта г. Базили, прибывшаго въ Букарестъ послѣ другихъ коммисаровъ. Въ журналахъ сообщено только извѣстіе объ отвѣтѣ русскаго коммиссара: г. Базили сказалъ депутаціи, что Россія желаетъ исполненія Парижскаго трактата, что самъ онъ чуждъ всякихъ предубѣжденій, и что необходимо узнать желанія народонаселенія, выраженныя законнымъ образомъ.

Между тѣмъ какъ въ той части Востока, которая соприкасается съ Европой, по неизмѣнному закону историческаго тяготѣнія, такъ-сказать, само собою усиливается вліяніе европейскихъ идей, въ отдаленнѣйшихъ частяхъ его Европа должна съ оружіемъ въ рукахъ завоевать это вліяніе. Размѣры борьбы, предпринятой Англіей въ Китаѣ, болѣе и болѣе расширяются, и борьба эта очевидно принимаетъ народный характеръ. Солидарная китайская народность повсемѣстно даетъ себя чувствовать одинаковыми проявленіями ненависти къ Европейцамъ вообще и къ Англичанамъ въ особенности. Послѣднія извѣстія изъ Китая и съ острововъ Индійскаго архипелага, гдѣ есть китайскія колоніи, окончательно убѣждаютъ въ этомъ.

На бортѣ частнаго англійскаго парохода Queen, плывшаго подъ португальскимъ флагомъ, пассажиры и экипажъ изъ Китайцевъ перебили Европейцевъ и захватили самый пароходъ съ грузомъ. Въ Гонъ-Конѣ возобновились прежнія насилія: Китайцы сожгли англійскіе запасные магазины, въ которыхъ лежалъ провіянтъ для солдатъ и матросовъ. Народная ненависть Китайцевъ къ Англичанамъ распространилась по всему Индійскому архипелагу. Еще недавно Ки-

тайцы, живущіе въ Сингапурѣ, важномъ торговомъ пунктѣ, готовы были истребить Европейцевъ; нынѣ получено извѣстіе, что Саравакъ, колонія извѣстнаго сэръ-Джемза Брука, на островѣ Борнео, разрушена поселенными тамъ Китайцами. 17-го февраля, Китайцы возстали и убили многихъ Европейцевъ. Глава и основатель колоніи, пользующійся большою популярностью между туземцами, едва спасся отъ смерти, бросившись вплавь черезъ небольшой заливъ. Онъ собралъ около себя толпу туземцевъ (Малайцевъ и Даяковъ), надъ которыми успѣлъ пріобрѣсти нравственное вліяніе своимъ правдивымъ и честнымъ управленіемъ, и наказалъ Китайцевъ; при этомъ послѣднихъ погибло до двухъ тысячъ человѣкъ. «Очевидно, говоритъ по этому поводу газета Times, что Китайцы, наводнившіе всѣ колоніи въ тѣхъ странахъ и проживающіе во множествѣ въ Сингапурѣ, Борнео, Пенангѣ, Малаккѣ и Австраліи, въ настоящее время предпринимаютъ народную, истребительную войну». Всѣ англійскіе журналы требуютъ строжайшихъ мѣръ противъ Китая, и правительство Англіи, конечно, не замедлитъ этими мѣрами. Изъ Англіи уже отправлены войска; отрядъ генерала Утрема, стоящій въ Буширѣ, тоже назначается въ Китай. Впрочемъ, предстоящая борьба Англіи съ Китаемъ имѣетъ двоякое значеніе, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ Обозрѣніи.

Достовѣрно, что Англія не одна будетъ дѣйствовать въ Китаѣ: съ ея военными силами соединятся военныя силы Франціи, разумѣется, въ размѣрахъ сравнительно незначительныхъ, но достаточныхъ для достиженія цѣли. Франція и Англія намѣрены формально требовать, чтобы въ Пекинъ были допущены ихъ постоянные дипломатическіе агенты, и чтобы для Европейцевъ были открыты еще нѣкоторые приморскіе города сверхъ тѣхъ, въ которыхъ они могутъ селиться нынѣ въ силу прежнихъ трактатовъ. Соединенные Штаты, съ своей стороны, намѣрены стремиться къ той же цѣли; Вашингтонскій кабинетъ посылаетъ къ берегамъ Китая морскую экспедицію подъ начальствомъ коммодора Перри, заключившаго трактатъ съ Японіей, и своего дипломатическаго агента, г. Рида, члена сената. Зная объ этихъ приготовленіяхъ, англійское правительство предложило американскому заключить тройственный союзъ между Соединенными Штатами, Англіей и Франціей; но это предложеніе не было принято въ Вашингтонѣ. Американское правительство, очевидно, не желаетъ войны съ Китаемъ во что бы то ни стало; его отношенія къ пекинскому двору и къ китайскому народу далеко не имѣютъ въ настоящее время того враждебнаго характера, который заставляетъ Англію прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, и потому оно рѣшилось дѣйствовать самостоятельно, и предъявить отъ себя, болѣе мирнымъ образомъ, тѣ самыя требованія, которыя Англія предъявитъ вооруженною рукой. Вашингтонскій кабинетъ надѣется достигнуть

своей цѣли въ Пекинѣ, какъ достигнулъ ея въ Японіи, гдѣ въ послѣдніе годы мирнымъ образомъ и съ успѣхомъ появлялись флаги американскій, французскій, англійскій и русскій.

Наше правительство также заключило съ Японіей трактатъ, ратификаціи котораго обмѣнены въ ноябрѣ прошлаго года, въ Симодѣ. Трактатъ этотъ, недавно обнародованный, составляетъ явленіе весьма важное и утѣшительное, разширяя кругъ нашихъ сношеній на отдаленномъ Востокѣ, тамъ, гдѣ русскіе моряки недавно изслѣдовали теченіе Амура, и гдѣ учреждаются новыя русскія поселенія. Мы обязаны трактатомъ вице-адмиралу Путятину, плаваніе котораго, сопряженное съ большими опасностями, было въ свое время подробно описано въ «Морскомъ Сборникѣ» и въ русскихъ газетахъ. Трактатъ заключенъ еще 26-го января 1855 года, и состоитъ изъ девяти статей, съ нѣсколькими объяснительными пунктами. Вотъ содержаніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Отнынѣ Русскіе и Японцы, во владѣніяхъ обоихъ государствъ, будутъ пользоваться покровительствомъ и защитой, какъ относительно ихъ личной безопасности, такъ и неприкосновенности ихъ собственности. Границы Японіи и Россіи будутъ проходить между островами Итурупомъ и Урупомъ: весь островъ Итурупъ принадлежитъ Японіи, а весь островъ Урупъ и прочіе Курильскіе острова къ сѣверу— Россіи; островъ Крафто (Сахалинъ) остается, по прежнему, нераздѣльнымъ между Россіей и Японіей. Русскимъ судамъ открыты три порта въ Японіи: Симода, Хакодате и Нагасаки, гдѣ суда эти могутъ исправлять свои поврежденія, запасаться водой, дровами и пр.; въ городѣ Симодѣ и его окрестностяхъ Русскіе могутъ свободно ходить на разстояніи семи японскихъ миль, считая отъ острова Инубасири, въ Хакодате на разстояніи пяти миль; они могутъ также посѣщать лавки, храмы и, до устройства гостинницъ, опредѣленные дома для отдыха; что̀ касается до Нагасаки, то въ этомъ городѣ правила для обращенія Русскихъ будутъ опредѣлены въ послѣдствіи, наравнѣ съ другими націями; для погребенія умершихъ въ каждомъ портѣ будетъ отведено мѣсто, которое считается неприкосновеннымъ. Въ случаѣ крайняго положенія русскія суда могутъ заходить и въ другіе порты. Претерпѣвшимъ крушеніе судамъ и лицамъ должна быть оказываема всякаго рода помощь въ обоихъ государствахъ; всѣ спасшіеся будутъ доставляемы въ открытые порты. Въ Симодѣ и Хакодате Русскіе могутъ обмѣнивать свои товары. Въ одинъ изъ этихъ портовъ можетъ быть назначенъ русскій консулъ. Отпускъ товаровъ долженъ производиться въ назначенномъ для того казенномъ домѣ, при посредствѣ японскихъ чиновниковъ. Русскіе въ Японіи и Японцы въ Россіи судятся по законамъ своей страны. Наконецъ, всѣ права и преимущества, которыя Японія предоставила нынѣ или дастъ въ по-

слѣдствіи другимъ націямъ, распространяются и на русскихъ подданныхъ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ.

Послѣднее условіе дѣлаетъ излишнимъ сравненіе между русскимъ трактатомъ и другими, заключенными Японіей въ послѣдніе годы. Самъ по себѣ, если сравнить его съ европейскими трактатами, опредѣляющими международныя сношенія Европы, онъ, конечно, носитъ на себѣ печать вѣковой японской исключительности и недовѣрія къ иностранцамъ; но по отношенію къ Японіи онъ составляетъ капитальный успѣхъ, который долженъ принести плоды въ непродолжительномъ времени.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 12-го апрѣля, вновь разрѣшенъ вывозъ за границу русской золотой монеты. Вывозъ былъ запрещенъ по случаю войны, указомъ 27-го февраля 1854 г.

16-го апрѣля открыта подписка на 150,000 акцій, предоставленныхъ для раздачи въ Россіи отъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Подписка идетъ съ такою быстротой, что едва ли назначенное число акцій будетъ достаточно. Участіе, оказанное публикой къ этому предпріятію, всего лучше доказываетъ его необходимость и несомнѣнную пользу, которой отъ него ожидаютъ. Подписывались какъ на тысячи акцій (по двѣ, по три, по четыре тысячи), такъ и на единичныя числа, то-есть брали по одной, по три, по четыре. При такой готовности со стороны публики, нѣтъ сомнѣнія, что устройство сообщеній не остановится на тѣхъ, которыя положено устроить въ настоящее время, и что рано или поздно Россія покроется цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ ея огромное протяженіе. Нельзя не упомянуть при этомъ случаѣ, что за границей акціи общества были встрѣчены съ такою же довѣренностію. Обезпеченіе, предоставленное обществу нашимъ правительствомъ, и увѣренность въ настоятельной потребности правильныхъ сообщеній для нашей торговли, заставляютъ европейскихъ капиталистовъ охотно брать акціи. Въ числѣ ихъ значительная часть пріобрѣтена въ Англіи, гдѣ, несмотря на враждебные возгласы Times и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, капиталисты не могутъ не видѣть въ акціяхъ общества превосходнаго помѣщенія для своихъ капиталовъ. Все это ручается за быстрый успѣхъ предпріятія. Съ такимъ же участіемъ были встрѣчены въ Европѣ и слухи о пониженіи русскаго тарифа.

Въ Англіи выборы кончены, и парламентъ собрался 30-го апрѣля, для избранія своего президента. Секретаремъ лорда Пальмерстона разосланъ циркуляръ ко всѣмъ членамъ либеральной партіи,

поддерживающей министерство, съ предложеніемъ избрать въ президенты г. Эвелина Денисона. Оппозиція, какъ слышно, не намѣрена предлагать отъ себя кандидата. Первыя засѣданія парламента будутъ посвящены повѣркѣ выборовъ и присягѣ новыхъ членовъ. По словамъ журнала Morning Post, палатѣ будетъ представлено тридцать пять просьбъ объ уничтоженіи выборовъ по причинѣ формальной неправильности, обмановъ и подкупа избирателей. Эти просьбы будутъ разсмотрѣны особенными комитетами и, вѣроятно, откроютъ много любопытнаго относительно нравственной стороны послѣднихъ выборовъ. Скажемъ по этому поводу о недавно возникшемъ процессѣ передъ лордомъ вице-канцлеромъ, процессѣ, въ основаніи котораго лежитъ довольно комическое обстоятельство, но который даетъ случай въ первый разъ примѣнить парламентскій актъ 1854 года о злоупотребленіяхъ вліянія на выборахъ (undue influence). Дѣло идетъ о жалобѣ, поданной однимъ булочникомъ въ графствѣ Денбей (Denbigh). Этотъ булочникъ былъ поставщикомъ хлѣба въ одну школу, находившуюся подъ начальствомъ г. Барнуелля. Г. Барнуелль хотѣлъ принудить булочника и его сына подать голосъ за своего кандидата и грозился, въ случаѣ отказа, отнять у нихъ свою практику. Угрозы не произвели никакого дѣйствія. Оба булочника поступили, какъ честные граждане, не продали своего голоса, и поставка хлѣба была отнята у нихъ. Теперь они подали жалобу на г. Барнуелля, и если послѣдній будетъ осужденъ, то, на основаніи парламентскаго акта, долженъ будетъ уплатить истцамъ 50 ф. стерл. (310 руб. сер.). — Сколько бы, впрочемъ, ни было подобныхъ жалобъ, какія бы ни открылись интриги восторжествовавшей партіи, все-таки никакъ не слѣдуетъ думать, чтобъ вообще свобода выборовъ могла быть значительно стѣснена вліяніемъ правительства. Нарушенія ея составляютъ въ Англіи исключеніе и ничѣмъ другимъ не могутъ быть, при той гласности, которая въ ней царствуетъ, при привычкѣ къ конституціоннымъ нравамъ, наконецъ при свободномъ дѣйствіи партій. Торжество кабинета объясняется необходимостію минуты. Въ этомъ состоятъ и его крѣпкая и слабая стороны. Послѣдняя уже начинаетъ обнаруживаться. Въ исходѣ китайскаго вопроса нѣтъ никакого сомнѣнія съ того самаго времени, какъ на выборахъ стало замѣтно преобладаніе сторонниковъ лорда Пальмерстона. Его партія чувствуетъ, что какъ скоро миръ съ Китаемъ будетъ заключенъ, кабинету нужно будетъ предложить парламенту мѣры, достойныя его дѣятельности. А между тѣмъ слабость министерской программы не могутъ отчасти не признать даже и друзья кабинета. Газета Times, въ одну изъ тѣхъ минутъ откровенности, которыя бываютъ у этого журнала, недавно сама намекала на это. Мы говорили о статьѣ ея въ предыдущемъ Обозрѣніи. Теперь когда время борьбы уже наступаетъ, Times перемѣнила свой тонъ и снова начинаетъ, во что̀ бы то ни стало,

отстаивать политику перваго министра. Защита произнесена ею по поводу недавней рѣчи лорда Джона Росселя. Жители Саутмультона (Southmoulton) поднесли недавно адресъ лорду Джону Росселю, и въ отвѣтѣ своемъ послѣдній сдѣлалъ краткій очеркъ тѣхъ мѣръ, которыя предстоятъ парламенту. Онъ говорилъ о муниципальной и парламентской реформахъ, объ эманципаціи католиковъ. Все это, какъ извѣстно, вопросы первой важности для Англіи; но это нисколько не помѣшало министерскому журналу объявить, будто бы никто, кромѣ небольшаго кружка людей, не занимается этими вопросами, будто бы нужно не менѣе тридцати лѣтъ для ихъ разрѣшенія, и противопоставить этимъ вопросамъ обыкновенныя законодательныя и торговыя улучшенія. Этотъ маневръ доказывалъ бы самъ по себѣ нежеланіе кабинета серіозно заняться дѣломъ внутреннихъ преобразованій, еслибы даже мы и не имѣли никакихъ другихъ свѣдѣній. Но одинъ изъ министерскихъ журналовъ подробно сообщаетъ программу кабинета. Эта программа въ самомъ дѣлѣ поражаетъ отсутствіемъ общаго плана и тою робостію, съ которою кабинетъ дѣлаетъ уступки требованіямъ общества. Всѣ наиболѣе важные вопросы обставлены оговорками. Такъ, признавая необходимость распространить право подачи голоса, лордъ Пальмерстонъ заботится о томъ, чтобъ не ослабить вліянія собственности, общественнаго значенія и воспитанія. Другими словами, онъ намѣренъ распространять это право какъ можно менѣе. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ программы есть противорѣчіе, доказывающее, что, какъ всегда, политика перваго министра не представляетъ собою никакого извѣстнаго убѣжденія. Лордъ Пальмерстонъ намѣренъ представить парламенту о допущеніи Евреевъ въ нижнюю палату, на сколько эта мѣра не подвергнетъ опасности христіянства, но не упоминаетъ ни о какихъ мѣрахъ въ пользу католиковъ. Напротивъ, въ программѣ, сообщенной Morning Post, есть даже на этотъ счетъ довольно странная фраза. Цѣлью стремленій кабинета поставлено, между прочимъ, «обезсиленіе опасныхъ заблужденій, въ родѣ папизма, безъ нарушенія свободы совѣсти». Замѣтимъ однако, что въ подобныхъ выраженіяхъ высказывается и та крайняя національность дѣятельности лорда Пальмерстона, которая уже не разъ привлекала къ нему общественное сочувствіе. Нерасположеніе къ католикамъ довольно понятно въ Англіи. Съ протестантизмомъ связаны лучшія явленія ея государственной жизни, и потому боязнь допустить полноправіе другихъ исповѣданій естественна въ направленіи нѣкоторыхъ изъ ея политическихъ дѣятелей. Остальные пункты программы посвящены второстепеннымъ вопросамъ. Изъ нихъ главнѣйшіе: распространеніе правъ народнаго представительства, законы о бѣдныхъ, о воровствѣ, мѣры въ пользу торговой, мануфактурной и земледѣльческой промышленности. Самый важный вопросъ, которымъ займется новая палата, есть законъ о разводѣ. До

сихъ поръ искъ о разводѣ былъ гражданскій. Онъ не одинъ разъ давалъ поводъ къ соблазну. Проектъ новаго закона, составленный лордами Линдгорстомъ и Сенъ-Леонардсомъ, замѣняетъ его уголовнымъ искомъ. Другое измѣненіе будетъ, вѣроятно, заключаться въ отмѣнѣ прежней, медленной формальности. До сихъ поръ для каждаго отдѣльнаго случая развода необходимъ былъ парламентскій актъ. По извѣстіямъ сообщаемымъ другими журналами, парламенту будутъ еще предложены законы о ссылкѣ и о судопроизводствѣ по завѣщаніямъ.

Между тѣмъ какъ министерство опасается не сладить съ своею побѣдой, уже началось внѣ-парламентское движеніе оппозиціи, внушавшее, какъ мы видѣли опасенія друзьямъ кабинета. Вечеромъ 20-го апрѣля въ Лондонѣ происходилъ митингъ работниковъ, на которомъ присутствовало до 2000 человѣкъ. Митингъ былъ собранъ съ цѣлію выразить сочувствіе гг. Кобдену, Брайту, Гибсону, Міаллю и Фоксу. Въ адресѣ, который при этомъ былъ составленъ, сказано, что митингъ съ прискорбіемъ видитъ исключеніе изъ парламента этихъ представителей въ то самое время, когда они такъ неуклонно стремились къ спасительнымъ общественнымъ реформамъ, стараясь подвинуть дѣло воспитанія, замѣнить войну международнымъ судомъ, уничтожить тайную дипломатію и распространить свободу торговли.

Въ концѣ апрѣля обнародованы статистическія свѣдѣнія о состояніи Соединеннаго Королевства съ 1842 по 1856 годъ. Населеніе Великобританіи увеличивается съ невѣроятною быстротой, и въ этомъ отношеніи представляетъ разительную противоположность съ населеніемъ Франціи. Въ 1842 году все населеніе Англіи и Валлійскаго княжества не превышало 16,124,000 душъ; въ 1856 г. оно достигло до 19,044,000, то-есть увеличилось почти на три милліона. Средняя цифра годоваго увеличенія составляетъ слишкомъ 200,000. Въ настоящее время все населеніе Соединеннаго Королевства простирается до 29 милліоновъ жителей. Такое быстрое умноженіе тѣмъ поразительнѣе, что число переселенцевъ изъ Англіи очень значительно. Въ послѣднія десять лѣтъ, изъ нея выселилось 2,800,000 душъ, по преимуществу въ Австралію. Ежегодно туда переселялось среднимъ числомъ отъ 40 до 50 тысячъ. Газета Times приводитъ эти факты съ понятною гордостію, но въ то же время указываетъ и на невыгодныя стороны. Есть въ самомъ дѣлѣ свои невыгоды, въ островномъ положеніи Англіи, которому, безъ сомнѣнія, она многимъ обязана въ развитіи государства. Оно дало ей возможность не бояться сосѣдей въ эпоху политической борьбы, положившей основаніе современному порядку; оно, сообщило ей силу и единство; но оно же служитъ источникомъ ея постоянной общественной язвы. Этому сильному, безпрестанно умножающемуся населенію, не достаетъ почвы для дѣятельности. Огромное пространство, находящееся въ распоряженіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, конечно, не мало

содѣйствовало ихъ могуществу. Могучее англосаксонское племя не встрѣчало тамъ матеріяльныхъ преградъ своей дѣятельности. Не таково его положеніе въ его старинной родинѣ. Здѣсь недостатокъ земли есть одна изъ грустныхъ причинъ пауперизма, а переселеніе затруднительно и не всегда возможно. Times разказываетъ трогательную исторію двухъ тысячъ работниковъ, отпущенныхъ по случаю прекращенія войны съ Россіей. Эти работники были отпущены не по своей винѣ, а просто оттого что не нужно было прежней, усиленной работы. Бѣдняки просили, чтобъ имъ дали средства переселиться въ Канаду. Правительство сначала объявило имъ, что готово имъ помочь въ переселеніи, если и съ своей стороны они что-нибудь сдѣлаютъ для этой цѣли. Работники начали хлопотать и дѣйствительно кое-что собрали: товарищи уступили имъ—каждый по цѣлому дню своей заработной платы. Все было готово, когда вдругъ имъ было объявлено, что такъ какъ до сихъ поръ не было подобнаго примѣра, то помощь не можетъ быть имъ оказана. Фактъ грустный, но нельзя не замѣтить при этомъ, что онъ сообщенъ министерскимъ журналомъ, безъ всякаго опасенія съ его стороны бросить тѣнь этимъ разказомъ на кабинетъ. Таковы услуги, которыя гласность не перестаетъ оказывать Англіи, странѣ, всего болѣе ее оцѣнившей и умѣющей съ такимъ благоразуміемъ пользоваться гражданскою свободой. Впрочемъ, Times указываетъ не на всѣ причины того положенія, въ которомъ находится теперь нисшее населеніе Англіи. Между ними столь же важное мѣсто занимаетъ устройство поземельной собственности, связанное со всѣмъ государственнымъ бытомъ.

Но если увеличеніе населенія можетъ дать поводъ къ разнообразнымъ соображеніямъ, то въ статистическихъ свѣдѣніяхъ есть другой фактъ, безспорно свидѣтельствующій о благосостояніи Англіи. Мы говоримъ о состояніи англійской торговли. Вывозъ товаровъ постоянно и быстро увеличивается. Въ 1842 г. цѣнность вывоза опредѣляли въ 47,284,988 ф. стерл.; въ 1856 году—въ 116 милл. ф. стерл., то-есть почти въ два съ половиною раза болѣе. Самое число бѣдныхъ, получающихъ вспоможеніе отъ общества, не переставало уменьшаться, несмотря на увеличеніе населенія. Даже въ Ирландіи, этой классической странѣ нищеты, число бѣдныхъ, получающихъ помощь, уменьшилось съ 307,970 на 50,094 человѣка. Разумѣется эмиграція, какъ ни мало еще ей содѣйствуетъ правительство, не осталась безъ вліянія на это. Въ Англіи лучшая часть общественнаго дѣла исполняется частною дѣятельностію, и въ этомъ нельзя не удивляться народной энергіи.

Во Франціи послѣднія двѣ недѣли почти исключительно были наполнены дипломатическими извѣстіями. Внутренніе вопросы болѣе чѣмъ когда-либо находились на второмъ планѣ. Только въ послѣднихъ числахъ мѣсяца журналы сообщили нѣсколько любопытныхъ из-

вѣстій въ этомъ отношеніи. Между ними есть довольно важныя. Законодательное собраніе вскорѣ приступитъ къ разсмотрѣнію проекта новаго устава военнаго судопроизводства. Уже болѣе пятидесяти лѣтъ эта часть французскаго законодательства требуетъ исправленія, въ интересахъ справедливости и человѣколюбія. Попытки сдѣлать необходимыя измѣненія не удавались однако ни одному изъ прежнихъ правленій. Можно бы и за новый проектъ опасаться такой же участи, еслибъ, по счастію, законодательная работа не была уже значительно подвинута. Вѣроятно въ настоящее свое засѣданіе, законодательное собраніе окончитъ свой трудъ. Мы не станемъ излагать новаго устава во всѣхъ его подробностяхъ, нелюбопытныхъ для русскихъ читателей, и скажемъ только о его главныхъ основаніяхъ. Они заключаются въ слѣдующемъ: число военныхъ судовъ уменьшено; ихъ до послѣдняго времени было по два въ каждомъ военномъ округѣ (division militaire) или въ каждой армейской дивизіи. Въ 1852 году число высшихъ, аппелляціонныхъ судовъ ограничено двѣнадцатью во всей Франціи, такъ что въ нѣкоторыхъ округахъ теперь одинъ судъ. Новый проектъ предоставляетъ правительству уменьшить еще болѣе число аппелляціонныхъ судовъ. Внутренній составъ судовъ тоже измѣненъ. До сихъ поръ они состояли изъ семи судей изъ высшихъ чиновъ арміи, начиная съ полковника до капитана. Изъ низшихъ чиновъ было только три члена, и между ними только одинъ унтеръ-офицеръ. Аппелляціонные суды находились подъ предсѣдательствомъ генераловъ и не имѣли членовъ ниже капитанскаго чина. Въ проектѣ новаго устава предполагается при судѣ надъ офицерами замѣнять двухъ постоянныхъ членовъ суда офицерами одного чина съ подсудимымъ. Но для солдатъ и унтеръ-офицеровъ это правило не соблюдается Относительно ихъ сохранено даже прежнее правило, по которому нижніе чины, находящіеся между членами суда, устраняются при сужденіи высшихъ чиновъ. Самое важное нововведеніе проекта состоитъ въ установленіи различія между дѣйствіями военныхъ судовъ во время мира, войны и осаднаго положенія. Сообразно съ этими обстоятельствами они получаютъ болѣе или менѣе обширное дѣйствіе. Вспомнивъ, какую роль еще недавно играли военные суды во Франціи, нельзя не считать новаго устава очень важнымъ. Остается только знать, будетъ ли онъ всегда примѣняться во всѣхъ своихъ частяхъ.

Отъ послѣднихъ засѣданій законодательнаго собранія надобно ожидать нѣкотораго интереса. До сихъ поръ оно ничего не сдѣлало. Новый уставъ французскаго банка еще не разсмотрѣнъ. Вопросъ о новомъ налогѣ на движимыя цѣнности, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній, былъ недавно обсужденъ коммиссіей, назначенною законодательнымъ собраніемъ. Коммиссія отвергла проектъ правительства и предлагаетъ замѣнить его пошлиной при переходѣ промышленныхъ акцій. Эту пошлину она считаетъ

нужнымъ сдѣлать постоянною, то-есть основанною на величинѣ капитала, которую представляетъ акція, а не на биржевой ея цѣнности. Это измѣненіе проекта передано въ государственный совѣтъ. Если послѣдній не будетъ на него согласенъ, то коммиссія будетъ вынуждена отказаться отъ своего мнѣнія, потому что безъ предварительнаго согласія совѣта проектъ, по закону, не можетъ быть подвергнутъ обсужденію законодательнаго собранія. Нѣтъ сомнѣнія однако, что члены коммиссіи будутъ горячо защищать свой проектъ. Въ собраніи тоже надобно ожидать оживленныхъ преній: многіе изъ депутатовъ вовсе не допускаютъ этого налога ни въ какой формѣ.

Правительство обнародовало статистическія свѣдѣнія о состояніи торговли за мартъ. Изъ нихъ видно, что промышленное движеніе было очень слабо въ этомъ мѣсяцѣ, но такъ какъ это почти всегда бываетъ передъ приближеніемъ лѣта, то было бы не вѣрно основывать на этомъ фактѣ какія-нибудь заключенія.

Между тѣмъ какъ, въ противоположность Англіи, общественные вопросы, при современномъ положеніи дѣлъ, не возбуждаютъ во Франціи прямой и главной борьбы, они не проходятъ однако даромъ для мыслящей части общества и, за отсутствіемъ практическаго въ нихъ участія, возбуждаютъ интересъ другаго рода. Въ послѣднее время почти не было такого вопроса, который бы не подавалъ повода журналистикѣ къ обсужденію началъ, лежащихъ въ основѣ политическаго быта Франціи. Перечислять всѣ мнѣнія, высказанныя въ этомъ случаѣ, было бы излишнимъ. Они высказывались въ полемикѣ, которая отчасти продолжается до сихъ поръ, и не представляютъ ничего совершенно цѣльнаго, но самое появленіе такихъ соображеній есть, по нашему мнѣнію, замѣчательный фактъ, свидѣтельствующій о важномъ прогрессѣ въ общественномъ сознаніи. Къ числу такихъ статей надобно отнести полемику, начатую Times, по случаю замѣченнаго во Франціи уменьшенія населенія. Англійскій журналъ ищетъ разгадки такому странному факту въ государственной исторіи Франціи и сравниваетъ по этому поводу судьбу ея съ судьбою Англіи. Онъ справедливо замѣчаетъ, до какой степени различно эти страны перенесли почти одинаковый переворотъ въ своемъ народномъ развитіи. Перчатка, брошенная органомъ лорда Пальмерстона, была поднята французскими журналами, особенно Journal des Débats. Сознаваясь въ невыгодныхъ сторонахъ современнаго общественнаго положенія, они защищаютъ всемірное значеніе своей исторіи и указываютъ на добрыя послѣдствія тѣхъ самыхъ явленій народной жизни, которыя въ другихъ отношеніяхъ создали для Франціи и нѣкоторыя затрудненія. Нельзя безъ особеннаго участія слѣдить за этою полемикой, гдѣ поставленъ вопросъ о государственной судьбѣ цѣлаго народа. Самое хладнокровіе, съ которымъ онъ обсуждается, всего лучше доказываетъ, что пора размышленія не пройдетъ даромъ для французскаго

общества. Другой вопросъ, бывшій предметомъ жаркихъ споровъ, возникъ по поводу одного процесса въ Сѣверной Америкѣ, при которомъ адвокаты открыто позволили себѣ незаконныя дѣйствія. Правительственные органы Франціи сравнивали при этомъ французское судопроизводство съ англійскимъ, отдавая преимущество первому. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобныя сравненія не возбуждали бы никакихъ возраженій, потому что превосходство французскихъ судебныхъ учрежденій въ самомъ дѣлѣ не подвержено никакому сомнѣнію. Но теперь общество глядитъ на вопросъ глубже, и потому, соглашаясь въ бо́льшемъ совершенствѣ французскаго судопроизводства, многіе изъ журналовъ старались однако указать на ту гарантію, которая заключается въ совершенно независимомъ положеніи магистратуры и въ неприкосновенности лица, которую освящаемыхъ англійскими законами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отсутствіе произвола можетъ быть соединено съ полнымъ обезпеченіемъ личной свободы, и Франція въ этомъ отношеніи могла бы отчасти указать на исторію собственныхъ судебныхъ учрежденій; но въ этой постановкѣ вопроса уже высказывается болѣе ясное пониманіе гражданской свободы, и потому самыя рѣзкія осужденія, произнесенныя надъ собственнымъ бытомъ, свидѣтельствуютъ, какъ мы уже сказали, о важномъ успѣхѣ общественнаго сознанія.

Въ Испаніи выборы окончены и палаты соберутся 1 мая. Перемѣны въ составѣ сената, о которыхъ говорили прежде, не были сдѣланы. Сенатъ остался въ прежнемъ составѣ, только потерялъ многихъ изъ своихъ членовъ, которые не были замѣнены новыми. Хотя сенатъ въ настоящее время есть главное поприще оппозиціи, но правительство, очевидно, ея не боится и не заботится о пріобрѣтеніи большинства посредствомъ назначенія новыхъ членовъ. Въ нижней палатѣ министерство располагаетъ огромнымъ большинствомъ. Палата почти исключительно составлена изъ членовъ умѣренной партіи. Остальныя едва имѣютъ нѣсколько представителей. Неуспѣхъ на выборахъ оппозиціи едва ли еще не болѣе поразителенъ, чѣмъ въ Англіи. Тамъ это явленіе легко объясняется, но здѣсь многіе были удивлены такимъ торжествомъ кабинета. За то министерство было до такой степени увѣрено въ своей побѣдѣ, что какъ ни мало въ Испаніи правительство питаетъ отвращенія къ насильственнымъ мѣрамъ, но въ этотъ разъ выборы происходили съ чрезвычайною свободой, на которую даже жаловались журналы господствующей партіи. Избирательные комитеты вездѣ открывались свободно, даже и въ Мадридѣ; всѣ кандидаты оппозиціи, безъ всякаго разрѣшенія со стороны администраціи, могли свободно печатать свои манифесты; осадное положеніе вездѣ было уничтожено. Несмотря на все это, партія прогрессистовъ была совершенно поражена, равно какъ и партія абсолютистовъ. Маршалъ Эспартеро, отказавшійся для депутатства отъ

сенаторскаго званія, не былъ выбранъ, и притомъ въ той самой Сарагоссѣ, которую всегда почитали лично ему преданною. Такой же участи подверглись гг. Олосага и Мадозъ. Изъ членовъ прогрессистской партіи были выбраны только генералъ Примъ и гг. Брюиль и Санта-Крузъ, бывшіе оба довольно незначительными министрами финансовъ въ кабинетѣ Эспартеро. Такой составъ палаты, давая возможность правительству дѣйствовать энергически, въ то же время представляетъ и нѣкоторыя невыгоды. Побѣжденныя партіи не исчезли и могутъ дѣйствовать внѣ законныхъ средствъ. Подобныя опасенія тѣмъ болѣе естественны, что отчасти они были уже оправданы однимъ недавнимъ событіемъ. Партія прогрессистовъ, повидимому, мирно покорилась народному приговору, но не такъ дѣйствуетъ партія абсолютистовъ. Едва окончились выборы, какъ въ Мадридѣ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ былъ открытъ заговоръ карлистовъ, и вслѣдствіе этого произведены аресты. Между арестованными лицами есть военные и много членовъ духовенства, которое, кажется, было главнымъ двигателемъ этого покушенія. Заговоръ былъ открытъ случайно однимъ чиновникомъ. Днемъ, назначеннымъ для возстанія, былъ праздникъ Пасхи. Заговорщики предполагали въ одно и то же время поднять знамя бунта въ семи провинціяхъ. Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ произошли безпорядки въ Каталоніи, доказывающіе, какъ далеко простиралось вліяніе карлистовъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этихъ провинцій были незначительныя возмущенія, при крикахъ: «да здравствуетъ Карлъ VI», но мѣстныя власти скоро водворили порядокъ. Этими попытками, впрочемъ, все и ограничилось.

Министерство, какъ слышно, намѣрено предложить палатѣ цѣлый рядъ преобразованій.

Въ Швеціи пренія сейма по преимуществу заняты важнымъ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Духовенство требуетъ возстановленія пришедшихъ въ упадокъ законовъ о соблюденіи воскресныхъ дней. Среднее сословіе требуетъ, напротивъ, пересмотра этихъ законовъ, въ духѣ большей вѣротерпимости. Конституціонный комитетъ сейма предлагаетъ, съ своей стороны, важное измѣненіе въ дѣйствующихъ государственныхъ законахъ. Онъ требуетъ, чтобы король, передъ началомъ переговоровъ, или при заключеніи трактатовъ, испрашивалъ согласія сейма. Другой законъ, предложенный комитетомъ сейму, состоитъ въ запрещеніи государю Швеціи принимать какую-либо корону безъ согласія сейма.

Въ Пруссіи пренія нижней палаты, возобновившіяся послѣ святой недѣли, 16-го апрѣля, представляютъ живѣйшій интересъ, какъ по своему содержанію, такъ и по самому направленію ораторовъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Самое важное мѣсто между этими преніями принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которыя были посвящены

обсужденію предложенія, сдѣланнаго г. Матисомъ. Это предложеніе имѣетъ цѣлію изданіе новаго закона о свободѣ тисненія, для обезпеченія ея отъ незаконнаго вмѣшательства полицейской власти. Извѣстно, что на основаніи прусской конституціи и закона 12-го марта 1848 года, всѣ нарушенія закона со стороны литературы (Pressvergehen, délits de presse) подлежатъ одному судебному преслѣдованію. Этимъ, казалось бы, свобода тисненія достаточно обезпечена; но въ законѣ помѣщена оговорка, уничтожающая отчасти его дѣйствіе: полицейской власти предоставлено отнимать у издателей и книгопродавцевъ право изданія и продажу книгъ за предосудительное направленіе. Въ настоящее время полицейская власть нерѣдко пользуется этимъ правомъ, и хотя издатели могутъ жаловаться на распоряженія полиціи высшему начальству, и даже переносить дѣло въ судебныя мѣста; но при неизбѣжной медленности подобной процедуры свобода тисненія находится подъ сильнымъ вліяніемъ исполнительной власти. Пренія объ этомъ вопросѣ были очень оживлены и касались какъ цѣлаго предложенія, такъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей. Въ нихъ принимали участіе лучшіе ораторы палаты: самъ составитель предложенія, г. Рейхеншпергеръ, графъ Пфейль и другіе. Особенно замѣчательна рѣчь г. Матиса. Г. Матисъ особенно опирался на совершенную безполезность стѣснительныхъ мѣръ для сохраненія государственнаго спокойствія. Вмѣсто того, чтобы въ самомъ дѣлѣ противодѣйствовать опаснымъ идеямъ, онѣ только помогаютъ имъ созрѣвать втайнѣ, и рано или поздно неожиданно совершается катастрофа, которой бы безъ того не было. Противъ литературы, говорилъ г. Матисъ, есть одно только средство — литература. Скажутъ, что это средство медленное, но за то, оно одно дѣйствительно. Въ доказательство ораторъ приводитъ исторію Франціи, гдѣ никогда не было такого сильнаго броженія внутри, какъ въ то время, когда власть не допускала свободнаго выраженія убѣжденій. Сама Пруссія представляетъ счастливый примѣръ того важнаго содѣйствія, которое литература можетъ доставить порядку. Въ 1848 г. она одна спасла государство отъ анархіи и была лучшею защитой престола. Наконецъ судебное преслѣдованіе развѣ не даетъ всѣ средства противодѣйствовать злу? Если возразятъ на это, что на правительствѣ лежитъ обязанность заботиться о безопасности общества, то признавая справедливость этого замѣчанія, нельзя не замѣтить, что эту обязанность не слѣдуетъ распространять за ея естественные предѣлы. Если проводить подобное правило до крайнихъ его послѣдствій, то правительство будетъ обременено множествомъ самыхъ разнообразныхъ занятій, которыя оттого самаго не будутъ никогда удовлетворительно исполняться. Сверхъ того, изъ этого можетъ возникнуть и другая опасность: при подобной опорѣ государства общество отвыкнетъ отъ самодѣятельности, которая есть, однако, лучшая га-

рантія порядка, ибо частные интересы составляютъ самую твердую его опору. Во французскую революцію, падавшая монархія только тамъ и нашла себѣ защитниковъ, гдѣ частная дѣятельность не была еще совсѣмъ убита. Напротивъ, въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были задавлены властію, которыхъ центромъ сдѣлалась Бастилія, разрушительныя идеи нашли себѣ наиболѣе пищи.—Краснорѣчивая рѣчь г. Матиса была встрѣчена сильнымъ сочувствіемъ. Многіе однако сомнѣваются, чтобы предложеніе его было принято, потому что въ палатѣ довольно много чиновниковъ.—Другими предметами преній были желѣзныя дороги, которыя слѣдуетъ устроить, по договору съ Россіей, для приведенія въ одну систему съ нашими, и законъ объ иностранныхъ банкнотахъ и векселяхъ. Прусское правительство намѣрено запретить обращеніе тѣхъ изъ нихъ, которыхъ дѣйствительность и цѣнность не будутъ обезпечены.

Въ Турціи финансовые вопросы все болѣе и болѣе запутываются. Турецкому банку, которому многіе въ Европѣ предсказывали такую великолѣпную будущность, не суждено, кажется, даже быть открытымъ. На англійскихъ капиталистовъ, взявшихся за это предпріятіе, едва ли можно разсчитывать, судя по послѣднимъ извѣстіямъ. Турецкій посланникъ въ Лондонѣ, г. Муссурусъ, полагаетъ, что на Уилькинса нечего надѣяться. Правительство отправило въ Лондонъ г. А. Бальтаци съ новыми предложеніями, но едва ли необходимые капиталы будутъ найдены имъ для поддержки предпріятія, хотя офиціяльный константинопольскій журналъ и ждетъ благопріятныхъ извѣстій. Все это не могло не отозваться на денежномъ рынкѣ. Желѣзныя дороги тоже не удаются. Извѣстно, что г. Лейярдъ взялъ на себя постройку желѣзной дороги отъ Рущука до Эноса, къ Сарос̀скому заливу, безъ всякаго обезпеченія процентовъ со стороны правительства. Г. Лейярдъ намѣренъ былъ учредить компанію, и съ этою цѣлію просилъ у Порты отсрочки на три мѣсяца, потомъ еще на мѣсяцъ, чтобъ имѣть время найдти необходимые капиталы. Срокъ окончился 23-го числа этого мѣсяца. Г. Лейярдъ долженъ былъ просить еще девятимѣсячной отсрочки. Порта согласилась, но потребовала обезпеченія во сто тысячъ ф. стерл. Г. Лейярдъ обязался его представить. Увѣряютъ, что эта мѣра была внушена Портѣ соперничествомъ другихъ капиталистовъ, утѣшающихся въ неудачѣ банка такою же неудачей желѣзной дороги. Правительство однако не теряетъ своихъ надеждъ и недавно уступило еще нѣсколько линій.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ продолжается борьба между республиканцами и демократами. Недавняя побѣда послѣднихъ не отняла надеждъ у первыхъ. Напротивъ, рѣшеніе верховнаго союзнаго суда сдѣлалось, какъ мы уже говорили въ предыдущемъ обозрѣніи, сигналомъ новой борьбы, которой исходъ будетъ, вѣроятно, сопряженъ со многими важными послѣдствіями. Національное собра-

ніе Нью-Йоркскаго штата назначило особый комитетъ для обсужденія практическаго значенія приговора союзнаго суда, по дѣлу Дреда Скотта. Комитетъ, въ своемъ донесеніи, рѣшительно отвергаетъ законность этого приговора и предлагаетъ собранію такое постановленіе, котораго послѣдствія будутъ чрезвычайно важны. Это постановленіе состоитъ въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Нью-Йоркъ не допускаетъ невольничества въ своихъ предѣлахъ ни въ какой формѣ и ни подъ какимъ предлогомъ. 2) Верховный судъ Союза, составленный по преимуществу изъ членовъ одной партіи, лишается довѣрія штата. 3) Правительство штата обязано сообщить это постановленіе другимъ штатамъ. Если народное собраніе приметъ это заключеніе, то оно будетъ почти равнозначительно отторженію отъ Союза. Такимъ образомъ неблагоразумныя дѣйствія демократической партіи обратятся противъ нея же, ибо очень вѣроятно, что и другіе штаты послѣдуютъ примѣру Нью-Йорка.

Извѣстія о положеніи Вакера въ Никарагуѣ исполнены противорѣчій. Почти каждая почта привозитъ слухъ, противорѣчащій прежнимъ. Послѣднія извѣстія говорятъ объ успѣхахъ Вакера.

СМѢСЬ

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

М. Г. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, которую, надѣюсь, вы не затруднитесь исполнить. Въ № 3 «Молвы» я прочиталъ странное, крайне удивившее меня требованіе г. профессора Крылова, чтобы я принялъ на себя отвѣтственность за помѣщеніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» *Изобличительныхъ писемъ* г. Байбороды. Близость моя къ редакціи «Русскаго Вѣстника», извѣстная публикѣ изъ программы вашего журнала, не давала г. Крылову ни малѣйшаго права на такое требованіе, и я покорно прошу васъ дать мнѣ возможность протестовать публично противъ такого поступка. Еще неприличнѣе, мнѣ кажется намеки г. Крылова, смѣшивающіеся съ тѣмъ требованіемъ, хотя въ сущности ему противорѣчащіе, будто

бы за именемъ г. Байбороды скрываюсь я. Вы, м. г., очень хорошо знаете, что не я авторъ «Изобличительныхъ Писемъ». Вы можете подтвердить передъ публикой эти слова мои уже однимъ напечатаніемъ настоящаго письма, и нѣтъ сомнѣнія, что этого удостовѣренія будетъ достаточно. Я не считаю впрочемъ нужнымъ скрывать ни отъ г. Крылова, ни отъ публики, что если бы г. Байборода не помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» своихъ писемъ, я можетъ-быть попросилъ бы у г. Крылова публичнаго объясненія тѣхъ матеріяльныхъ ошибокъ, которыми всякій, получившій надлежащее образованіе, не могъ не быть пораженъ въ статьѣ г. Крылова, помѣщенной въ № 1 «Русской Бесѣды» 1857 года. Г. Байборода снялъ съ меня эту плачевную обязанность. Но близость моя къ редакціи «Русскаго Вѣстника» и черезъ нее къ общественному дѣлу литературы не позволила бы мнѣ долго хранить молчаніе о такомъ непонятномъ явленіи, какъ «критическія замѣчанія» г. Крылова на диссертацію г. Чичерина. Никакой существенный интересъ не можетъ страдать отъ полнаго приложенія законовъ общественной гласности.

Итакъ, сознаюсь откровенно: еслибы г. Байборода не предупредилъ меня, то можетъ-быть я представилъ бы вамъ свои замѣтки. Но мнѣ не привелось этого сдѣлать, и г. Крылову было бы очень можно и даже должно оставить меня въ покоѣ и воздержаться отъ непозволительныхъ и неслыханныхъ въ литературѣ воззваній. Считаю недостойнымъ останавливаться на выраженіяхъ г. Крылова, которыя, по его мнѣнію, могутъ унизить меня или даже предать анаѳемѣ за идолопоклонство. Но не могу не пожалѣть, что г. Крыловъ былъ, повидимому, слишкомъ взволнованъ, когда писалъ № 2-й своихъ «Юридическихъ Замѣтокъ». При всей готовности принять его вызовъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ сдѣланъ, я не нахожу въ «Юридическихъ Замѣткахъ» указанія на то, чего г. Крылову угодно отъ меня требовать. Того ли, чтобы я заставилъ замолчать г. Байбороду? Но какими мѣрами? Предупредительныя, *превентивныя*, мѣры не въ моей власти, да и прибѣгать къ нимъ было бы не либерально. А право *наказанія* исключительно и нераздѣльно принадлежитъ г. Крылову. Защищать мнѣ его и возражать г. Байбородѣ?—но это дѣло самого г. Крылова. Мнѣ не остается ничего болѣе, какъ только высказаться по предмету этого спора.

Роль судьи всегда непріятна, но я готовъ принять ее на себя, чтобы исполнить требованіе г. Крылова.

На вопросъ: правъ ли, или нѣтъ г. Крыловъ въ своихъ возраженіяхъ противъ г. Байбороды? я принужденъ отвѣчать: нѣтъ, г. Крыловъ неправъ.

Больше я ничего не скажу уже на томъ основаніи, что г. Крыловъ обращается ко мнѣ, какъ къ профессору латинской словесности и древностей въ Московскомъ университетѣ.

Приличіе не позволяетъ мнѣ приводить доказательства словъ моихъ. Въ каждой наукѣ есть пункты, допускающіе различіе мнѣній, и есть пункты несомнѣнные, о которыхъ никому не позволительно спорить. Подобныя элементарныя вещи, составляющія азбуку науки, не могутъ быть предметомъ публичнаго пренія между двумя профессорами.

Прошу васъ напечатать это письмо, и принять и пр.

П. Леонтьевъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ послѣднемъ № «Молвы» напечатана статья г. Крылова, подъ заглавіемъ: «Юридическій отвѣтъ редакціи Русскаго Вѣстника.»

Г. Крыловъ объявляетъ, что не хочетъ имѣть дѣла съ неизвѣстнымъ ему лицомъ. «Нуженъ мнѣ живой человѣкъ», восклицаетъ онъ, и направляетъ недостойныя выходки противъ П. М. Леонтьева. Это странное обращеніе къ г. Леонтьеву, когда отвѣтъ адресованъ въ «Редакцію Русскаго Вѣстника», вызываетъ меня на личное объясненіе.

Имѣю честь объявить г. Крылову, что редакція «Русскаго Вѣстника» сосредоточена въ одномъ лицѣ, и единственный редакторъ этого журнала есть нижеподписавшійся, который и несетъ на себѣ безраздѣльно всю отвѣтственность какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ публикой. Я имѣю друзей, которые помогаютъ мнѣ въ моемъ трудѣ дѣломъ и совѣтомъ; «Русскій Вѣстникъ» имѣетъ много сотрудниковъ, которые находятся въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ редакціи; но всякій, кому представляется надобность до редакціи для личнаго объясненія, долженъ обращаться не къ кому-либо другому, а непосредственно ко мнѣ.

Свойство и степень участія, принимаемаго моими товарищами въ редакціи «Русскаго Вѣстника», неизвѣстны г. Крылову, а потому не слѣдовало ему приписывать г. Леонтьеву *ревизію*, какъ онъ выражается, статьи, подъ заглавіемъ: «Изобличительныя Письма». Если г. Крыловъ предполагаетъ, что статья эта должна была подвергнуться предварительному разсмотрѣнію со стороны г. Леонтьева, какъ спеціалиста, то предположеніе это не совсѣмъ основательно. Повѣрка замѣчаній, составляющихъ содержаніе «Изобличительныхъ Писемъ», вовсе не требуетъ спеціальныхъ познаній. Въ нихъ идетъ рѣчь о предметахъ большею частью элементарныхъ, которые должны быть болѣе

или менѣе извѣстны всякому человѣку, не лишенному общаго образованія.

Если бы въ редакцію представлено было указаніе на двѣ, на три подобныя ошибки, она сочла бы эти ошибки за случайность, не заслуживающую вниманія; и не приняла бы статьи; но когда на десяти или двѣнадцати страницахъ оказался не одинъ десятокъ подобныхъ ошибокъ, то она сочла своимъ долгомъ заявить это передъ публикой. Не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», такъ въ другомъ русскомъ журналѣ должны были появиться указанія на ошибки, наполняющія статью, писанную тономъ авторитета и глубокаго знанія. Молчаніе въ подобномъ случаѣ было бы знакомъ согласія, и не послужило бы къ чести русской литературы. Надобно было прервать это молчаніе, надобно было, такъ сказать, порѣшить дѣло домашнимъ судомъ, чтобы не произошло огласки на весь міръ. Теперь, когда съ разныхъ сторонъ обращено живое вниманіе на наше отечество, когда въ иностранныхъ журналахъ появляются извѣстія и цѣлыя статьи о явленіяхъ нашей литературы, рѣчь объ этомъ странномъ явленіи легко могла бы зайдти заграницей, и европейскіе ученые, мнѣнія которыхъ нельзя же совершенно ни во что не ставить, имѣли бы тогда полное право перенесть вину на всю нашу литературу, на все наше общество. Мы всѣ, правые и виноватые, пишущіе и непишущіе, стали бы отвѣтчиками, и оправдаться намъ было бы трудно.

Согласенъ, что обличительная статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» написана рѣзко. Но рѣзкость впечатлѣнія происходитъ именно оттого, что она снабжена доказательствами. Еслибы не было въ ней выписокъ изъ статьи г. Крылова, еслибы она состояла изъ однихъ голословныхъ и бездоказательныхъ порицаній, то дѣйствіе ея было бы самое ничтожное: она была бы выраженіемъ какого-либо личнаго раздраженія, и вся рѣзкость ея падала бы на голову писавшаго.

А потому, напрасно г. редакторъ «Молвы» видитъ въ этой статьѣ какую-то злобную выходку. Прошу его не посѣтовать на меня, если я укажу, въ его собственной газетѣ, примѣръ того, что съ большею справедливостью должно быть такъ названо.

Въ № 2 «Молвы», въ обозрѣніи журналовъ, говорится о «Русскомъ Вѣстникѣ». Похваливъ «Русскій Вѣстникъ» вообще, обозрѣватель высказываетъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ. Критику не нравятся статьи гг. Буслаева и Чичерина. Если и въ похвалахъ должна быть соблюдаема мѣра, то тѣмъ больше требуется воздержности въ голословномъ порицаніи. Вотъ какъ отзывается обозрѣватель, напримѣръ, о статьѣ г. Буслаева: «Статья дикая, изумляющая насъ невѣрностію и несообразностію своихъ выводовъ, непониманіемъ фактовъ». Вотъ весь отзывъ. Статья *дикая*! Что можетъ быть рѣзче такого приговора? Но пусть бы онъ былъ еще рѣзче, да лишь бы основывался на какихъ-нибудь доказательствахъ, на какихъ-

нибудь уликахъ. Такой голый отзывъ, потому уже не хорошъ, что отнимаетъ у автора возможность возражать. Что̀ могъ бы возразить на это г. Буслаевъ, если бы захотѣлъ возразить? Ему оставалось бы только сказать: «нѣтъ, статья моя не дикая, а вотъ ваша статья дикая!» Г. Буслаевъ, конечно, не позволитъ себѣ вступать въ подобную перебранку. Если же бы критикъ почтилъ разбираемаго автора указаніемъ на недостатки или ошибки, то авторъ получилъ бы возможность, не унижая своего достоинства, возражать на замѣчанія, опровергать улики и, можетъ-быть, обрушить обвиненіе на голову обвинителя. Только тотъ бой есть бой добросовѣстный, гдѣ рѣшеніе дѣла предоставляется силѣ убѣжденія: кто правъ, тотъ и восторжествуетъ. Доказательства требуются также и уваженіемъ къ публикѣ. Читатель можетъ не знать, профессоръ ли г. Буслаевъ, можетъ не знать, какъ преподаетъ онъ свой предметъ, — это не подлежитъ суду публики; но публика можетъ судить о немъ, какъ о писателѣ, какъ объ ученомъ, который составилъ себѣ почетную извѣстность своими литературными трудами. Кто знакомъ съ его трудами, читалъ ихъ съ интересомъ и пользой, тотъ будетъ по необходимости оскорбленъ подобнымъ отзывомъ, ни на чемъ не основаннымъ. Что̀ мнѣ нравилось, что̀ находилъ я хорошимъ и истиннымъ, то безъ всякихъ доказательствъ провозглашается дикимъ и ложнымъ. Представьте доказательства, постарайтесь измѣнить убѣжденіе читателя, и потомъ ужь произносите приговоръ.

Въ сущности оскорбительное слово, произнесенное безъ всякихъ доказательствъ, безсильно, безвредно, никому не важно, и безмолвнымъ судомъ возвращается къ оскорбителю. Оно не оставляетъ никакого впечатлѣнія, и пропускается безъ вниманія. «Статья изумительно-ошибочная», сказано въ томъ же обозрѣніи по поводу другой статьи: что̀ это такое? пустое сотрясеніе воздуха, и только. Совсѣмъ иное, еслибъ такой рѣшительный приговоръ тянулъ за собою дѣйствительно изумительный грузъ ошибокъ. Укорительное слово было бы вполнѣ почувствовано; оно имѣло бы вѣсъ, и вѣсъ тяжелый. Чѣмъ доказательнѣе и справедливѣе обвиненіе, тѣмъ оно сильнѣе, и тѣмъ болѣе чувствуется его рѣзкость.

Еще два слова г. редактору «Молвы».

Г. Шпилевскій жалуется, что въ «Изобличительныхъ Письмахъ» будто бы осмѣяно естественное въ ученикѣ чувство уваженія къ наставнику; смѣю увѣрить его, что онъ ошибается. Ни въ какомъ случаѣ редакція не допустила бы въ своемъ журналѣ насмѣшки надъ такимъ добрымъ и похвальнымъ чувствомъ. Ученикъ можетъ уважать, любить своего наставника и удивляться ему— это въ порядкѣ вещей; но не можетъ сообщать ему авторитета, и мѣрою своего удивленія опредѣлять его значеніе въ наукѣ.

Рѣзкость обвиненія въ обличительномъ письмѣ г. Байбороды дол-

жна быть измѣряема съ одной стороны количествомъ и важностью указанныхъ погрѣшностей, съ другой, объемомъ и силою притязаній погрѣшившаго. Г. Крыловъ дебютируетъ въ литературѣ не скромнымъ, робкимъ труженикомъ, который жалостливо поглядываетъ на свою публику, — нѣтъ! онъ является во всеоружіи авторитета; съ лицами, обратившими на себя общее вниманіе своими трудами, исполненными дарованія и истинно-ученыхъ качествъ, онъ обходится какъ учитель съ учениками; взыскиваетъ съ нихъ за незнаніе данныхъ имъ уроковъ; провозглашаетъ себя жрецомъ науки; хочетъ обстрѣливать литературу; стоять на священной стражѣ науки. При такихъ притязаніяхъ, естественно возникаетъ потребность повѣрки правъ, на которыхъ они основаны. При такихъ притязаніяхъ, нельзя извинять ни малѣйшей ошибки, не только ошибокъ капитальныхъ; нельзя также предполагать, чтобъ на автора такого рода могъ находить *столбнякъ*. Подобная случайность можетъ произойдти только въ летучемъ разговорѣ; а въ статьѣ, писанной для всеобщаго поученія, не должно, по крайней мѣрѣ, встрѣчаться столько столбняковъ, чтобы число ихъ далеко превышало число страницъ, которыя ими усѣяны.

Въ «изобличительномъ письмѣ» каждое обвинительное слово скрѣплено уликой, общій выводъ сдѣланъ на основаніи доказательствъ, достаточныхъ и по содержанію и по количеству. Но слѣпаго озлобленія не замѣтно въ этомъ письмѣ. Критикъ не порицаетъ безусловно всей статьи г. Крылова; находитъ даже возможнымъ отдать автору справедливость за литературный талантъ; находитъ, что г. Крыловъ умѣетъ выразиться и хорошо, и мѣтко. Иной былъ бы, можетъ-быть, очень доволенъ этими качествами....

Впрочемъ, такъ какъ обвиненіе основано на доказательствахъ, то критикъ самъ дается въ руки автору. Стоитъ только уничтожить эти доказательства, обвиненіе падетъ само собою, и критикъ останется со стыдомъ. Напрасно г. Крыловъ не воспользовался такимъ выгоднымъ положеніемъ. Ему бы слѣдовало за одинъ разъ развѣять въ прахъ всѣ приведенныя противъ него улики. Времени имѣлъ онъ довольно, цѣлую недѣлю. Публика имѣла полное право ожидать, что въ слѣдующемъ выпускѣ своихъ юридическихъ замѣтокъ, г. Крыловъ выйдетъ чистъ изъ этой тьмы приписанныхъ ему ошибокъ и погрѣшностей. Вмѣсто того, онъ осыпаетъ бранью редакцію журнала, гдѣ сдѣлано было на него нападеніе, старается всевозможными способами оскорбить г. Леонтьева за то, что онъ, по предположенію г. Крылова, будто бы содѣйствовалъ напечатанію «обличительнаго письма»; забрасываетъ читателя множествомъ словъ, ничего не объясняющихъ и отзывающихся дурнымъ вкусомъ; разсуждаетъ о своемъ воззрѣніи на исторію римскаго права, чего вовсе не требуется; излагаетъ пространное ученіе

о *самокатѣ*, съ презрѣніемъ отвернувшись отъ редакціи «Русскаго Вѣстника», не способной понимать глубину этого ученія, и обращаясь къ просвѣщенному обществу, съ увѣренностью, что оно *съ удовольствіемъ* выслушаетъ это ученіе. Не обижаясь такимъ презрительнымъ отзывомъ о своихъ понимательныхъ способностяхъ, редакція «Русскаго Вѣстника» позволяетъ себѣ замѣтить г. Крылову, какъ дебютанту въ литературѣ, что въ ней, какъ и во всякомъ порядочномъ обществѣ, не принято самому себя хвалить; пусть читатель скажетъ, что чтеніе вашего писанія доставляетъ ему удовольствіе; а вѣдь еще сомнительно, скажетъ ли онъ это, потому что, по всей вѣроятности, читатель будетъ испытывать чувство, совсѣмъ не похожее на удовольствіе, читая о томъ, какъ самокатъ совершаетъ свое движеніе отъ центра къ *радіусамъ*, или о томъ, какъ *выкатывается* ликъ римскаго цензора, какъ *выкатывается* трибунъ въ великолѣпный типъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это поучительное объясненіе самоката могло бы быть отложено до будущаго, болѣе благопріятнаго времени. До того ли теперь, когда возникло такое серіозное дѣло? когда столько обличительныхъ указаній ждутъ опроверженія?

Читатель скажетъ, что г. Крылову слѣдовало бы высказаться опредѣленнѣе о цензорахъ въ Римѣ, вмѣсто того чтобы распространяться о самокатѣ. Сколько же, спроситъ читатель, было цензоровъ въ Римѣ —*два* или *пять?* г. Крыловъ не ссылается здѣсь ни на наборщика, ни на переписчика, ни на столбнякъ. Онъ сознается, что собственноручно и въ полной памяти поставилъ *пять;* онъ не отпирается отъ *пяти;* онъ поставилъ *пять* съ цѣлію означить, что въ Римѣ былъ не *одинъ* цензоръ, онъ поставилъ *пять* для того, чтобы означить двойственность. Что все это значитъ? Это еще не понятнѣе, чѣмъ движеніе отъ центра къ радіусамъ, и обратно. Къ чему же всѣ эти извороты? Немного требуется, чтобы сказать рѣшительно, сколько было въ Римѣ цензоровъ: 2 или 5? Ученики г. Крылова остались въ недоумѣніи. Они могутъ думать, что въ нашъ вѣкъ, обильный открытіями и изобрѣтеніями всякаго рода, случилось и такое открытіе. Слѣдовало вывесть ихъ изъ недоумѣнія, разсѣять всякое сомнѣніе. Это обвиненіе капитальное, страшное; отшучиваться отъ него нельзя.

Если бы г. Крыловъ побѣдоносно опровергъ всѣ замѣчанія своего противника, онъ могъ бы тогда обойдтись безъ всякой брани. Оправданіе г. Крылова было бы для его критика ужаснѣе всего. На него легла бы вся тяжесть общественнаго осужденія. Онъ исчезъ бы какъ призракъ, и редакція «Русскаго Вѣстника» закрыла бы свой журналъ. А г. Крыловъ, доказавъ, что имѣлъ право утверждать существованіе пяти цензоровъ, употреблять ordo equestris вмѣсто ordo equester, приписать римскому сенату власть обрекать трибуновъ подземнымъ богамъ формулой sacer esto, сливать воедино двѣ такія различныя вещи какъ jus exulandi и asylum, принимать преторіанцевъ

за всадниковъ и т. д., могъ бы говорить уже все, что̀ ему угодно, не опасаясь услышать ни малѣйшаго возраженія. Авторитетъ его утвердился бы незыблемо, и ему, въ лучахъ неслыханной славы, можно было бы какъ Августу торжествовать всеобщее замиреніе съ тѣмъ обрядомъ, который, по сказанію г. Крылова, происходилъ тогда въ Римѣ.

Но довольно. Я не пишу возраженія на статью г. Крылова, а только объясняюсь, по его собственному вызову.

Чтобъ доказать г. Крылову мое полное безпристрастіе, я дѣлаю распоряженіе о перепечатаніи его «юридическаго отвѣта» съ дипломатическою точностію въ моемъ журналѣ. Смѣю надѣяться, что редакція «Молвы» не будетъ на меня въ претензіи за это заимствованіе. Пусть та самая публика, передъ которою сдѣлано было нападеніе на г. Крылова, услышитъ и оправданіе его. Скажу однако искренно, что статья г. Крылова не послужитъ ему въ пользу.

М. Катковъ.

ИЗОБЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА

М. Г.

Появленіе моего перваго изобличительнаго письма въ вашемъ журналѣ было ознаменовано, — если только можно употреблять такіе крупные глаголы о такихъ маленькихъ вещахъ, — разными куріозными явленіями въ Москвѣ. Въ книжныхъ лавкахъ появлялись озабоченныя лица, крупно говоря между собою, и рылись въ грамматикѣ Цумпта и въ лексиконѣ Кронеберга. Я самъ былъ свидѣтелемъ одной комической сцены, которая могла бы быть изображена въ достойномъ видѣ только мастерскимъ карандашомъ автора «Губернскихъ Очерковъ». Въ домахъ, гдѣ получаются журналы, письмо мое также надѣлало много шуму. Да и быть не могло иначе: дѣло не въ авторствѣ моемъ, не во мнѣ, человѣкѣ неизвѣстномъ; я homo novus, да я никогда и не претендовалъ на литературную извѣстность. Только случай, совершенно неожиданный и дѣйствительно крайне-скандалезный, заставилъ меня взяться за перо. Мнѣ стало грустно, что у насъ, среди бѣлаго дня, еще могутъ случаться явленія, подобныя тому, о которомъ шла рѣчь въ моемъ первомъ изобличительномъ письмѣ. Мнѣ стало прискорбно за нашу литературу; мы толкуемъ о своемъ особенномъ образованіи, глумимся надъ другими народами, издаемъ жур-

налы, пускаемся въ поиски за новыми началами вѣдѣнія, и что̀ же? вотъ, среди насъ, является господинъ съ непостижимыми, выходящими изъ предѣловъ всякаго приличія претензіями, съ самымъ здоровымъ самохвальствомъ, напоминающимъ какія-то первобытныя времена, самъ себя выдаетъ за авторитетъ и основываетъ этотъ авторитетъ на грубѣйшихъ, элементарныхъ ошибкахъ... Можетъ-быть иные скажутъ, что лучше бы не выводить скандала наружу, лучше бы промолчать и замять дѣло. Но можно скрыть и замять только то, что̀ случилось гдѣ-нибудь въ четырехъ стѣнахъ. Въ настоящемъ же случаѣ рѣчь идетъ не о такомъ дѣлѣ, а о дѣлѣ публичномъ, гласномъ, печатномъ. Если бы г. Крыловъ сказалъ гдѣ-нибудь въ пріятельскомъ кружкѣ, что въ Римѣ было пять ценсоровъ, что былъ тамъ ordo *equestris*, что сенатъ тамъ имѣлъ право посылать трибуновъ къ чорту, что сословіе всадниковъ превратилось въ лейбъ-гвардію, что преторы вмѣшивались въ дѣла консуловъ, что jus exulandi и asylum одно и то же, что римскій народъ платилъ подать съ ценса *послѣ* завоеванія Македоніи, что Августъ былъ торжественно обоготворенъ въ Римѣ въ 727 году (1) (по основаніи города) и т. д. и т. д., то можетъ-быть и не слѣдовало бы давать большой огласки этимъ чудесамъ; чувство стыдливости, деликатности, жалости могло бы заговорить, и вы невольно постарались бы замять дѣло, поспѣшили бы забыть его. Но бѣда въ томъ, что г. Крыловъ самъ, съ безпримѣрною въ лѣтописяхъ нашей литературы нестыдливостью, безъ всякой жалости къ себѣ, вывелъ это дѣло предъ публику; онъ самъ выпустилъ на свѣтъ и пять ценсоровъ, и всю ихъ безобразную свиту. Какъ же тутъ замять дѣло? Молчать невозможно. Отвѣтственность за такое печальное явленіе падетъ на все наше общество, и честь нашей литературы требуетъ, чтобы подобное явленіе не прошло безъ обличенія.

«Юридическія замѣтки профессора Крылова» начались дѣйствительно съ № 2 «Молвы». Это событіе произошло не совсѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ. Замѣтки опоздали къ выпуску газеты. Что̀ было дѣлать? Начать ихъ съ слѣдующаго №? Но какъ же было не войдти въ интересъ публики, которая съ томительною жаждою ожидала этихъ замѣтокъ? Рѣшено было выпустить замѣтки чрезвычайнымъ прибавленіемъ. Это напомнило намъ грозное время недавней войны, когда разсылались особыя прибавленія къ газетамъ съ только-что полученными извѣстіями. Редакція «Молвы» и ея великій сотрудникъ, безъ сомнѣнія, были увѣрены, что публика съ неменьшимъ замираніемъ сердца ожидаетъ извѣстій объ этомъ новомъ бойцѣ, изъ его цитадели, какъ въ былое время ожидала извѣстій изъ Севастополя

(1) Прошу у г. Крылова извиненія, что выписывая изъ его статьи годъ обоготворенія Августа, я отнялъ у римскаго императора цѣлыхъ два года божескихъ почестей: должно читать не 729, а 727, то-есть 25 до Р. Х.

или изъ-подъ Карса, и вотъ поспѣшили разослать чрезвычайный листокъ. Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, не получающій «Молвы», что въ этомъ чрезвычайномъ листкѣ помѣщены возраженія на мои изобличенія. Это бы еще оправдало нетерпѣливость и чрезвычайность въ выпускѣ «юридическихъ замѣтокъ профессора Крылова». Нѣтъ, въ этомъ листкѣ рѣчь идетъ еще только о томъ, какъ этотъ славный ученый принимаетъ во владѣніе отведенную ему въ «Молвѣ» *поляну* и ставитъ на ней *цитадель*, изъ которой намѣренъ *обстрѣливать* литературу и производить набѣги на *людей всякаго происхожденія*, заѣзжающихъ въ область науки....

Первою жертвою своего неотразимаго набѣга избралъ этотъ знаменитый баронъ — г. Чичерина, который, какъ видно, не даетъ ему уснуть спокойно даже на лаврахъ, доставленныхъ ему знаменитою статьею его въ «Русской Бесѣдѣ», — тою статьею, о которой завелъ я такую прискорбную рѣчь въ роковомъ седьмомъ нумерѣ вашего журнала. Какъ будто по тайному предчувствію, и великій ораторъ называетъ г. Чичерина *роковою персоною*. Да, для г. Крылова дѣйствительно должно соединяться съ этимъ именемъ что-то роковое. Не диспутъ ли г. Чичерина разверзъ его уста, не онъ ли заманилъ его на литературное поприще, на это коварное поприще, гдѣ есть Сцилла и Харибда, гдѣ поютъ Сирены?..

Въ этомъ первомъ выпускѣ своихъ «Юридическихъ Замѣтокъ», г. Крыловъ производитъ нѣсколько выстрѣловъ.

Первый выстрѣлъ направленъ на одно выраженіе г. Чичерина, гдѣ упомянуто о Corpus juris. Вырвавъ это выраженіе изъ связи, знаменитый ученый тѣшится надъ нимъ и заключаетъ этотъ отдѣлъ своихъ замѣтокъ слѣдующими достопамятными словами:

«Преподавая въ Московскомъ университетѣ исторію римскаго права, я останавливаюсь въ своемъ курсѣ, ограниченномъ условнымъ временемъ, именно на Corpus juris въ вышеозначенномъ смыслѣ, не касаясь византійскаго права, — и о значеніи этой типической границы всегда говорю съ особеннымъ натискомъ, указывая этимъ на кончину античнаго міра. Г. Чичеринъ, вѣроятно, помнитъ этотъ урокъ, а быть-можетъ, и забылъ: ибо прошла уже *десятилѣтняя давность*... Уважая таковое забвеніе его, я теперь вновь напоминаю: repetitio est mater studiorum.»

Оглашалась ли когда-нибудь литература подобнымъ выстрѣломъ? И какъ многознаменательны эти прекрасныя слова, послѣ тѣхъ доказательствъ глубокаго знанія по части римскаго права, которыя такъ недавно представилъ г. Крыловъ? Осмѣлюсь сказать ему, за г. Чичерина, что, по всему вѣроятію, онъ не дожидался десятилѣтней давности, чтобы предать забвенію уроки о такихъ истинахъ, какъ римскій сенатъ съ его sacer esto, какъ 5 censorовъ Рима, какъ

jus exulandi=asylum и проч. Въ этомъ ручаются намъ и дарованія, и образованность г. Чичерина.

Таковъ первый выстрѣлъ. Раздается второй.

Г. Чичеринъ доказываетъ въ своей статьѣ «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей», что въ древней Россіи понятія государственныя не отдѣлялись отъ понятій частнаго права, и приводитъ завѣщанія князей, гдѣ о предметахъ публичнаго права идетъ рѣчь какъ о частной собственности. Знаменитый критикъ пространно и многоглаголиво доказываетъ, что «отыскивать *въ духовныхъ грамотахъ*, и притомъ въ старыя времена Руси, идею верховной, государственной власти, рѣдко переходящей въ форму разсудочнаго (!) понятія, было бы напраснымъ и безполезнымъ трудомъ.» Но весь интересъ вопроса именно и заключается въ томъ, что государственныхъ отношеній не слѣдовало бы отыскивать въ выраженіи частной, личной воли, каково завѣщаніе, а между тѣмъ они въ древней Россіи именно тутъ-то и находятся. Это свидѣтельствуетъ о силѣ логики г. Крылова и объ его полемическихъ способностяхъ.

Изъ третьяго выстрѣла узнаемъ мы, что «Россія давнымъ давно, искони вѣка состоитъ на государственномъ положеніи и окладѣ, а не произведена въ этотъ высокій чинъ ни Іоанномъ III, ни Іоанномъ IV»... узнаемъ еще вотъ какое обстоятельство, изложенное г. Крыловымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я придерживаюсь *старины*, и не могу великаго князя назвать простымъ *Иваномъ*, съ отмѣткою исторической преемственности лицъ посредствомъ цыфры, тѣмъ менѣе— по прозвищу, напримѣръ, *Иванъ Калита*... А новымъ ученымъ эти имена, вообще для русскаго народа дорогія, должны казаться священными: ибо это были закладчики государства, а съ ними (читай: съ нимъ) — и ихъ собственной общечеловѣческой жизни.»

Видите, какая инсинуація! Еслибъ г. Крыловъ былъ знакомъ съ памятниками русской старины не много болѣе, чѣмъ съ римскими памятниками, то онъ поудержался бы отъ этого выстрѣла. Онъ бы зналъ, что Иванъ Калита самъ называлъ себя Иваномъ, а не Іоанномъ, и что именно тотъ, кто хочетъ придерживаться старины, долженъ употреблять, говоря о герояхъ русской земли, эту старинную, народную форму имени. Французы и Англичане могутъ называть своихъ королей и герцоговъ народными формами John и Jean, а русскому ученому полагается на это запретъ отъ г. Крылова. Совѣтую ему почитать «Русскую Бесѣду»: онъ убѣдится, что народными формами пренебрегать не слѣдуетъ.

Но я боюсь, что утомлю ваше вниманіе и вниманіе читателей, а главное—не успѣю дописать своего письма къ выходу книжки «Русскаго Вѣстника», если буду слѣдить за всѣми выстрѣлами изъ цитадели г. Крылова. Въ первомъ выпускѣ ихъ шесть. Четвертый и пятый такіе же пустяки, какъ и первые. Но интересенъ шестой. Здѣсь

этотъ знаменитый ораторъ восходитъ до торжественнаго краснорѣчія. Онъ проникнутъ высоко нравственнымъ и гуманнымъ чувствомъ. Онъ требуетъ, чтобъ г. Чичеринъ питалъ къ нему, г-ну Крылову, ни больше ни меньше, какъ чувство благоговѣйнаго почтенія; послушайте:

«Мнѣ кажется, что легкій очеркъ *Духовныхъ грамотъ* (это относится къ г. Чичерину) и узкій взглядъ на ихъ существо, не можетъ дать права на такой деспотическій авторитетъ, и притомъ *противъ кого же обращенный?* Всѣмъ намъ — и старымъ и новымъ юристамъ — надобно изучить и затвердить превосходнѣйшее гуманное римское ученіе *de pietate* — слово, не переводимое ни на какой новѣйшій языкъ, кромѣ французскаго — piété...»

Замѣтьте это: *противъ кого же обращенный?* На кого еще, какъ не на собственную особу, такъ тонко намекаетъ г. Крыловъ? Онъ былъ смущенъ, что бывшій слушатель его осмѣлился разногласить въ статьѣ своей съ тѣмъ, что̀ г. Крыловъ публично высказалъ по поводу дессертаціи г. Чичерина. Какъ дерзнулъ г. Чичеринъ печатать статью *о духовныхъ и договорныхъ грамотахъ*, обращенную противъ кого же? противъ мнѣнія, законодательно высказаннаго г. Крыловымъ... Впрочемъ, пусть знаетъ г. Крыловъ, что латинское слово pietas сохранилось не въ одномъ французскомъ, а и во всѣхъ языкахъ романскихъ, но съ измѣненнымъ значеніемъ, такъ что если передать это латинское слово французскою или итальянскою формою, то почтеніе, котораго требуетъ къ себѣ г. Крыловъ, возрастетъ до той непомѣрной высоты, какою такъ недавно возвеличилъ онъ императора римскаго, божественнаго Августа... Не слишкомъ ли это?

Если ужъ зашла рѣчь о гуманности, то г. Крыловъ да позволитъ мнѣ, скромному и темному человѣку, котораго онъ и знать не хочетъ, не считая даже живымъ человѣкомъ, да позволитъ онъ мнѣ дать ему маленькій урокъ. Истинная гуманность требуетъ, чтобы человѣкъ, каковы бы ни были его качества и достоинства, не предъявлялъ претензій на благоговѣніе къ своей особѣ. Требовать къ себѣ чувствъ любви, благодарности, почтенія — противно истинной гуманности. Заслужите ихъ, они сами явятся. А кто напоминаетъ о своемъ правѣ на нихъ, тотъ только обнаруживаетъ, что права этого не имѣетъ.

Наконецъ въ субботу явился второй выпускъ «Юридическихъ Замѣтокъ профессора Крылова». Тутъ артиллерія дѣйствуетъ противъ меня... Увы! напрасная надежда... Я для г. Крылова человѣкъ не живой... Артиллерія направлена противъ васъ, и даже не противъ васъ, а противъ редакціи, и даже не противъ редакціи, а противъ г. Леонтьева. Какъ глубоко и далеко дѣйствуетъ артиллерія г. Крылова!...

Но что до того! Не хочетъ знать меня г. Крыловъ, а я все таки буду знать его и слѣдить за нимъ. Если онъ считаетъ меня гробовымъ призракомъ, тѣмъ хуже для него, и тѣмъ опаснѣе.

Но, м. г., я теряюсь въ изобиліи матеріяла, представляемаго мнѣ «Юридическимъ Отвѣтомъ». Я не могу, я не слажу за одинъ пріемъ осилить это богатство. Сдѣлайте милость, перепечатайте этотъ отвѣтъ; это украситъ ваше изданіе, и облегчитъ мою трудную обязанность. Мнѣ не нужно будетъ описывать читателю неподражаемыя красоты этого документа, когда документъ будетъ на-лицо. Въ надеждѣ на такое съ вашей стороны снисхожденіе, я ограничусь лишь главнымъ и существеннымъ.

Предоставляю вамъ самимъ, если вы сочтете это нужнымъ, отвѣчать на выходки г. Крылова, направленныя противъ редакціи, а самъ займусь дѣломъ изобличенія.

Прежде всего г. Крыловъ считаетъ нужнымъ показать отличительное свойство своего взгляда на Римскую республику, высказаннаго въ критической статьѣ его, помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ». Здѣсь онъ старается заставить неосторожнаго читателя почувствовать, что въ этой критической статьѣ своей, подавшей поводъ къ обличенію, онъ какъ-будто только шутилъ, что и взглядъ его былъ чисто-логическій, а не историческій, что онъ руководствовался закономъ *противоположенія*, который разсматриваетъ истину съ одной отрицательной стороны; что онъ выворачивалъ красивую одежду Рима на изнанку, что онъ силою разсудка изуродовалъ свѣтлый ликъ его... и что вслѣдствіе этого изъ его машины выходитъ рядъ оттисковъ, изъ которыхъ выводитъ онъ «поучительный урокъ для молодыхъ русскихъ ученыхъ, что нельзя безнаказанно и съ какимъ-то ожесточеніемъ (что за логика въ словосочиненіи!) бросаться на исторію своего отечества», и такъ все идетъ далѣе, многословно, размашисто, съ явною цѣлью, какъ бы внушить читателю, что если и въ самомъ дѣлѣ указанныя изобличителемъ погрѣшности должны быть признаны таковыми, то произошли онѣ какъ-будто по волѣ самого г. Крылова, что онъ какъ-будто нарочно ошибался, потому что хотѣлъ изуродовать свѣтлый ликъ Римской республики. Сказать этого прямо г. Крыловъ не могъ, а такъ только, какъ искусный мастеръ, разными околичностями и прибаутками внушаетъ читателю благопріятное для себя настроеніе, какъ бы подмалевываетъ полотно для будущей картины, какъ бы заготовляетъ грунтъ для будущаго убѣжденія въ читателѣ. Увы! эта уловка не спасетъ его. Изобличить ее не трудно. Дѣло вотъ въ чемъ.

Я, пишущій эти строки, съ своей стороны, очень хорошо помню, съ какою цѣлью дѣлалъ г. Крыловъ свои, какъ онъ выражается, оттиски съ Римской республики. Разсматривая сочиненіе г. Чичерина «Областныя учрежденія въ древней Россіи», г. Крыловъ ограничился

на первый разъ стороною методическою, отложивъ разсмотрѣніе матеріяльной стороны этого сочиненія до другой статьи. Критикъ недоволенъ методою автора и называетъ ее отрицательною. Очень остроумно и ловко доказываетъ онъ, что картина древней Россіи приняла у г. Чичерина характеръ мрачный, именно потому, что онъ сталъ на фальшивую точку зрѣнія. Вмѣсто того, чтобы физіологически слѣдить за постепеннымъ развитіемъ народа, г. Чичеринъ, по мнѣнію г. Крылова, утвердился на чуждой предмету почвѣ. Съ высоты имперіи Петра Великаго старинная русская жизнь должна была по необходимости представиться исполненною отрицаній, жалкою, мрачною, страною хаотическою, неудобообитаемою. Всѣ стороны старорусской жизни потеряли свой внутренній положительный смыслъ, и получили только отрицательный, по противоположенію къ формамъ другаго быта. Такъ древній волостель является только кормленщикомъ и т. д. Чтобъ убѣдить г. Чичерина въ несостоятельности его методы, въ фальшивости избранной имъ точки зрѣнія, г. Крыловъ рѣшается на тягостное для себя дѣло; онъ хочетъ примѣнить эту методу къ славной Римской республикѣ. Съ этою цѣлью, онъ утверждаетъ свой, какъ самъ выражается, наблюдательный снарядъ, свой рефракторъ (любимое слово г. Крылова) на почвѣ Римской имперіи и дѣлаетъ отсюда оттиски съ республики. Оттиски эти должны быть вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами, иначе дѣло бы шло не о Римской республикѣ, а о какомъ-нибудь фантастическомъ обществѣ; факты должны остаться неприкосновенными, и именно должно быть показано, какъ тѣ же самые факты, составляющіе вѣчную славу Римской республики, отъ фальшивой точки зрѣнія принимаютъ мрачный колоритъ, не свойственный смыслъ, такъ что въ измученной душѣ машиниста, снимающаго оттиски, возникнетъ вопросъ, да какъ же могли люди жить въ этомъ мрачномъ обществѣ? а между тѣмъ люди тамъ жили! жили славно, и оставили по себѣ великій слѣдъ въ исторіи всемірной. Развертывается передъ нами Римская республика съ своими консулами, преторами, цензорами, трибунами, съ своимъ сенатомъ, съ сословіемъ всадниковъ, съ народными собраніями: все такъ, какъ было, а колоритъ мрачный, все одни отрицанія да отрицанія, и мы въ этой перспективѣ не узнаемъ великой Римской республики. Вотъ въ чемъ заключалась задача, которую предложилъ себѣ г. Крыловъ при изображеніи «Римской республики», вотъ цѣль его оттисковъ. На этихъ оттискахъ все должно было отразиться въ матеріяльномъ отношеніи такъ какъ было, но только въ мрачномъ видѣ. Чтобъ у читателя не осталось сомнѣнія въ вѣрности этихъ оттисковъ, г. Крыловъ заключаетъ свою характеристику словами: *оттиски эти вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами.* Вотъ въ этомъ-то вся и бѣда, что оттиски эти не вѣрны, — и какъ еще не вѣрны! —

что оттиски эти несогласны съ историческими свидѣтельствами,—и какъ еще несогласны!

Оттискъ, на защиту котораго прежде всего по всей справедливости долженъ былъ поспѣшить г. Крыловъ,—ужасный и въ трепетъ приводящій оттискъ. Это пять цензоровъ. Какъ тутъ быть? Извиняться опечаткой — было бы всего легче; но видно г. Крыловъ имѣлъ уважительныя причины не дѣлать этого, и поступилъ хорошо. Нельзя себѣ представить положенія болѣе затрудительнаго. . . Рука моя дрожитъ, и я, что̀ хотите! испытываю чувство жалости. Увы! напрасно я взялся за должность эвмениды, она не соотвѣтствуетъ моему мягкому характеру!.. Дайте отдохнуть и укрѣпиться...

Нечего дѣлать. Начинать надо. Г. Крыловъ употребляетъ неимовѣрныя усилія, чтобъ обойдти этотъ проклятый оттискъ. Но какъ быть? Сказать: ахъ, я ошибся, не пять, а два! онъ не можетъ, онъ знаетъ, что не можетъ этого сказать; стоять на своемъ, утверждать, что *пять*, а не *два*—этого онъ тоже не можетъ: теперь онъ узналъ, что точно *два*, а не *пять*. Онъ бьется какъ рыба объ ледъ: проклинаетъ и исторію и ариѳметику, которая съ неумолимою точностью учитъ, что 2 не 5, а 5 не 2. Наконецъ онъ рѣшается искать спасенія въ такомъ исходѣ: видите ли, типъ этого учрежденія состоитъ въ томъ, что цензуру долженъ былъ отправлять не *одинъ;* г. Крыловъ только и хотѣлъ сказать, что въ Римѣ дѣйствовалъ не *одинъ* цензоръ, и чтобы какъ можно сильнѣе выразить, что не *одинъ*, онъ поставилъ *пять*. Ужь если *пять*, такъ значитъ не *одинъ*, и какъ еще значитъ! Г. Крыловъ, кажется, изъявляетъ даже сожалѣніе, что не поставилъ *тридцать*. Это бы еще сильнѣе означало, что не одинъ. Что̀ такое цифра 2? Вотъ важность! Это число можно разбить на 10, 20, 30. Очень можно, и гораздо удобнѣе, чѣмъ на 5, какъ увидимъ ниже... Но позвольте наконецъ вступиться за читателя. Это ужь слишкомъ. Никто у насъ не имѣлъ такого обиднаго понятія о публикѣ, никто не презиралъ ее такъ глубоко, какъ г. Крыловъ, думая, что такое оправданіе можетъ быть принято ею.

Что въ Римѣ цензоровъ было по два, а не по пяти, объ этомъ нельзя спорить въ какой бы то ни было литературѣ. Это непреложно, какъ приговоръ судьбы. Что̀ я говорю: судьбы? Судьбу еще можно какъ-нибудь умолить, какъ-нибудь смягчить ея приговоръ. Но этого никакая сила измѣнить не можетъ. Самая мысль о возможности открытія трехъ, четырехъ, пяти цензоровъ, малѣйшій намекъ на это—непростительное незнаніе. Тутъ не поможетъ ни Савиньи, ни Пухта, ни Ланге, ни Игерингъ, никто на свѣтѣ!.. Думать, что можно отыскать слѣдъ подобнаго открытія совершенно то же, что̀ думать, не откроетъ ли кто-нибудь, что Александръ Македонскій жилъ послѣ Рождества Христова въ XIII столѣтіи (1). А потому и доказывать, что

(1) А все-таки г. Крыловъ старается поддержать въ душѣ читателя тлѣю-

въ Римской республикѣ избирались каждый разъ по два цензора, не болѣе — невозможно, изъ уваженія къ литературѣ и публикѣ. Можно только доказывать, что самый типъ этого учрежденія требовалъ именно двухъ цензоровъ, а никакъ не пяти.

Г. Крыловъ поставилъ пять для того, чтобъ означить, что «тайна учрежденія и типическій его смыслъ заключается въ цифрѣ 2, а не 1». Это ужасно. Римская республика одновременно имѣла только по два цензора точно въ такомъ смыслѣ, какъ человѣческій организмъ имѣетъ два глаза, два уха, двѣ руки, двѣ ноги. Представьте себѣ, что какой-нибудь физіологъ вздумалъ бы описывать человѣческое тѣло, и желая сказать, что у человѣка не одинъ глазъ, не одно ухо, не одна рука, сказалъ бы, что у него пять глазъ, пять ушей, пять рукъ, и считалъ бы себя правымъ на томъ основаніи, что онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ *какъ художникъ, который никому не хочетъ давать въ этомъ отчета.* (Молва № 3-й, Юридич. Замѣтки, стр. 38.)

Двойственность цензоровъ такъ типична, такъ требуется духомъ этого института, что провозглашеніе двухъ цензоровъ по избраніи (renuntiatio) непремѣнно должно было происходить за одинъ разъ, хотя бы они были избраны и въ разные дни, а со времени гальскаго нашествія, когда умиралъ одинъ изъ двухъ цензоровъ-товарищей, то другой не могъ уже оставаться на своемъ мѣстѣ; со смертью товарища избиралась вновь пара цензоровъ, такъ что одинъ стоялъ и держался вмѣстѣ съ другимъ. Типъ римскаго цензорства состоитъ именно въ этой неразлучной парности цензоровъ. Если бы у меня двоилось въ глазахъ, мнѣ могли бы представиться четыре цензора, то-есть двѣ пары; если бы троилось, представились бы шесть цензоровъ, то-есть три пары. Но пять цензоровъ никакимъ образомъ представиться не могутъ. Это грубѣйшая ошибка и противъ исторіи и противъ логики этого института. Что бы сталъ дѣлать пятый-то цензоръ, одинъ, безъ товарища? Именно цифра-то 5 и привела насъ къ *одному* цензору.

Какія смутныя понятія имѣетъ г. Крыловъ объ этомъ учрежденіи вообще, это можно видѣть и изъ другихъ мѣстъ его знаменитой статьи. Цензорская нота вовсе не была чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, что и выговорить нельзя. Это не было хуже политической смерти (1), не было даже и политическою смертью... Ничего не бывало! Это было дѣло непріятное, но далеко не до такой степени, и вовсе не оставалось

щую искру надежды на открытіе пяти цензоровъ. «Вотъ что трудно, говоритъ онъ,... понять, какимъ образомъ въ Римѣ республиканскомъ могла существовать цензорская... власть, осуществляемая не въ одномъ физическомъ лицѣ, но въ двухъ, *а пожалуй и болѣе.*» Какой тайный смыслъ заключается въ этихъ словахъ: *а пожалуй и болѣе?*

(1) Руск. Бес. № 1, ст. г. Крылова, стр. 61.

неизгладимымъ пятномъ на человѣкѣ. Бывали случаи, что граждане, отправлявшіе должность цензора, подвергались нотѣ слѣдующаго цензора, а въ другой *люстръ* были опять избираемы въ цензорскую должность, и даже въ диктаторы, какъ Мамеркъ Эмилій.

Г. Крыловъ воображаетъ, что значокъ, который ставили цензоры въ своихъ спискахъ, будто бы назывался словомъ *macula*. Не только не извѣстно какой формы былъ этотъ значокъ, но неизвѣстно ставился ли какой-нибудь значокъ. Nota censoria дѣлалась цензоромъ всенародно: traduc equum (проводи далѣе коня!) говорилъ цензоръ всаднику, въ смыслѣ одобренія; vende equum (продай коня), сказалъ бы онъ другому, съ приличною строгостью во взорѣ, еслибъ тотъ не умѣлъ правильно назвать своего сословія, и доказалъ, что совершенно не знаетъ римской цензуры, ни матеріально, ни формально, ни какъ субстратъ, ни какъ типъ, что̀ не позволительно было бы и простому гражданину римскому, не только всаднику.

Нашъ ученый вообразилъ еще себѣ какой-то значокъ, затрудняясь только тѣмъ, какую значокъ этотъ имѣлъ форму. О формѣ то значка кажется бы сомнѣваться нечего, если онъ называется, по увѣренію г. Крылова, словомъ *macula*. (Руск. Б. № 1, статья г. Крылова, стр. 61.) Слово это значитъ по-русски пятно, значитъ цензоръ просто капалъ съ пера чернилами на имя несчастнаго гражданина.

Но довольно о цензорахъ, перейдемъ по слѣдамъ антикритика къ всадникамъ.

Итакъ г. Крыловъ, справившись съ лексикономъ Кронеберга, спокойно во всеобщее услышаніе утверждаетъ, что выраженія ordo equester и ordo equestris—равно правильны, что можно употреблять, не оскорбляя латинской грамматики, ordo equestris. Увы, я долженъ снова разочаровать его! Нѣтъ, это невозможная, вопіющая ошибка. Кронебергъ ввелъ васъ въ искушеніе Цицерономъ. Вамъ и самимъ тутъ вспомнилось, что гдѣ-то, у Цицерона, стоитъ форма equestris въ мужескомъ родѣ. Кронебергъ цитуетъ Цицерона совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы доказать, что equestris есть форма общая, а какъ это водится во многихъ лексиконахъ, цитуетъ писателей, у которыхъ часто встрѣчается объясняемое слово: equester, is, e. Напрасно г. Крыловъ трудился припоминать, гдѣ у Цицерона употребляется equestris въ сочетаніи съ существительнымъ мужескаго рода. Пусть онъ развернетъ самые полные, самые точные грамматики и лексиконы. Въ лексиконѣ Форчеллини (изд. 1839 года) онъ не найдетъ ничего, кромѣ equester, is, e. У Цумпта, который любитъ отмѣчать и рѣдчайшія аномаліи, и въ лексиконѣ Фрейнда указано на одно только мѣсто—не у Цицерона,—а у Тита Ливія, гдѣ слово equestris сочинено съ существительнымъ tumultus. Я не говорю о старинныхъ изда-

ніяхъ, въ которыхъ мало ли что встрѣчается: требовалась продолжительная, вѣковая работа, чтобъ очистить старинныя изданія, довесть латинскую грамматику и лексиконъ до той точности, въ какой видимъ ихъ теперь.—Итакъ во всей римско-классической литературѣ признано только одно мѣсто, гдѣ форма equestris муж. р. есть forma authentica. Даже въ этомъ мѣстѣ рѣшить трудно, самъ ли Титъ Ливій написалъ такъ, или переписчикъ описался,—во всякомъ случаѣ, оно не даетъ никакого основанія для грамматики. Мѣсто это у Ливія принадлежитъ къ числу сбивчивыхъ и темныхъ: можетъ быть тутъ пропущено слово proelii:—equestris proelii tumultus; можетъ-быть въ просторѣчіи не соблюдалась тройственность окончанія въ именительномъ падежѣ ед. ч. этого прилагательнаго, какъ напримѣръ въ нѣмецкомъ просторѣчіи говорится mit dich, für mir, что однакожь не даетъ права считать эти формы грамматически правильными. Г. Крыловъ, какъ не филологъ, могъ не знать, что есть такое мѣсто у Ливія: знать это поставлено въ обязанность только записному филологу; но знать правильную, общеупотребительную форму онъ обязанъ. Онъ говоритъ, что стыдно ставить подобную ошибку въ вину ученому труженику, что даже стыдно ставить ее въ вину ученику. Смѣю увѣрить г. Крылова, что каждый порядочный учитель непремѣнно исправилъ бы въ тетрадкѣ своего ученика ordo equestris, и смотря по свойству своего нрава болѣе или менѣе строго оштрафовалъ бы его. Но что еще простительно было бы ученику, то непростительно ученому труженику, и особенно юристу римскому непростительно сказать ordo equestris, вмѣсто equester. Еслибъ г. Крылову привелось употребить форму equestris съ какимъ-нибудь другимъ существительнымъ мужескаго рода, то онъ еще могъ бы какъ-нибудь отвертываться сбивчивостью старинныхъ грамматикъ и лексиконовъ. Но въ сочетаніи съ существительнымъ ordo, съ какой стороны ни посмотри, дѣло безысходное.

Напрасно, впрочемъ, г. Крыловъ полагаетъ, что я обвиняю его въ абсолютномъ незнаніи латинскаго языка. Это было бы несправедливо. Выраженіе ordo equestris обличаетъ только плохое знаніе латинскаго языка, которое проглядываетъ у г. Крылова вездѣ, даже въ самомъ отвѣтѣ его. «Equester, говоритъ онъ, отмѣчено (у Кронеберга) какъ имя прилагательное двухъ окончаній: *er* и *is*.» (Молва № 3, стр. 38). Прилагательное двухъ окончаній значитъ совсѣмъ не то, что хочетъ сказать г. Крыловъ. Какъ же ему, ученому, усыновленному Римомъ, ему, римскому юристу, не знать латинской грамматики такъ, чтобы быть вполнѣ знакому съ ея терминами? Въ этомъ же отвѣтѣ своемъ г. Крыловъ употребляетъ такую фразу: tribuni militares cum consulari potestate (Молва, № 3, стр. 40). Генію латинскаго языка противно выраженіе cum consulari potestate, и нигдѣ оно не употреб-

ляется. Слѣдовало бы сказать *tribuni militares* (лучше было бы militum) *consulari potestate*. Какъ же г. Крылову, римскому юристу, не просто ученому, но ученѣйшему, не умѣть точно и правильно назвать по латыни предметы своего спеціальнаго изученія? Что это такое? Исторіи римскаго права онъ не хочетъ знать, и замѣняетъ ее какою-то логикой римскаго права, вѣроятно полагая, что если Игерингъ написалъ *Духъ римскаго права*, съ цѣлію развить существенный смыслъ римскихъ институтовъ, такъ ужь исторіи должна быть дана отставка (1). Грамматики латинской тоже онъ не хочетъ знать. Ему даже не нравится и ариѳметика. А между тѣмъ римскій языкъ, римская исторія, исторія римскаго права, гораздо ближе къ его спеціяльному предмету, нежели русская исторія и исторія русскаго права. Я говорю ближе, но мнѣ слѣдовало бы сказать, что первыя должны входить въ сферу его спеціяльныхъ занятій, а о послѣднихъ онъ можетъ имѣть только поверхностное свѣдѣніе безъ ущерба для своей науки. Такъ не лучше ли бы ему оставить свои наѣзды на русскую исторію, и заняться тѣмъ, что̀ ближе къ нему? Что ужь ему учить русскихъ юристовъ, и отыскивать ихъ ошибки! Богъ бы съ ними! Пусть бы они управлялись съ своимъ дѣломъ какъ знаютъ. Право, лучше, если-бы онъ оставилъ и отведенную ему въ «Молвѣ» *поляну*, и свою цитадель, не смѣшилъ бы людей холостыми выстрѣлами, и занялся бы дѣломъ.

Разладъ г. Крылова съ ариѳметикой тоже обнаруживается повсюду. Въ этомъ же самомъ отвѣтѣ своемъ, говоря о военныхъ трибунахъ съ консульскою властію, онъ замѣчаетъ, что плебеи могли быть такими трибунами, поровну съ патриціями: одинъ трибунъ изъ патриціевъ, а одинъ изъ плебеевъ (1). Чувствовалъ ли г. Крыловъ, въ своемъ защитительномъ отвѣтѣ, что онъ еще болѣе запутывается, и впадаетъ въ новыя ошибки? Вотъ куда завезъ его самокатъ! Въ этомъ показаніи, сдѣланномъ для поученія публики и для *удовольствія просвѣщеннаго общества*, все невѣрно. Вовсе не было такого узаконенія, чтобы tribuni militum consulari potestate выбирались поровну изъ патриціевъ и плебеевъ; они выбирались promiscue изъ того и изъ другаго сословія. Часто такихъ трибуновъ было три: какъ поступилъ бы г. Крыловъ съ этою цыфрою, чтобы разбить ее поровну на патриціевъ и плебеевъ? Сначала военные трибуны съ консульскою властію избирались все-таки изъ патриціевъ, такъ что, какъ замѣчаетъ Ланге, (котораго г. Крыловъ цитуетъ, но какъ видно еще не успѣлъ прочесть: у него, онъ узналъ бы также, какъ существенна двойственность

(1) Откуда у г. Крылова вдругъ взялось такое пристрастіе къ логикѣ, когда онъ въ знаменитой статьѣ своей такъ журилъ г. Чичерина за предполагаемое пристрастіе къ логическимъ схемамъ въ ущербъ исторической истинѣ?

(2) «Молва, № 3, юридическій отвѣтъ» стр. 40.

ценсоровъ), плебеи хотя и пріобрѣли право на участіе въ этой верховной власти республики, но фактически были исключены изъ ней въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ по принятіи этого закона. Только въ вейентскую войну впервые удалось провести одного плебейскаго кандидата. За то въ слѣдующемъ году изъ плебеевъ выбраны были пять трибуновъ съ консульскою властію, а изъ патриціевъ только одинъ.

Что скажетъ г. Крыловъ въ отвѣтъ на обличеніе этой новой ошибки, встрѣчающейся уже въ его защитительномъ отвѣтѣ, гдѣ бы онъ долженъ быть гораздо осмотрительнѣе? А вѣдь это грубая ошибка, показывающая, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи этого учрежденія. Онъ упомнилъ, что трибунъ Гай Капулей сформулировалъ требованіе объ участіи плебеевъ въ консулатѣ такимъ образомъ: ut alterum ex plebe liceret fieri, и ужь рѣшилъ, что военныхъ трибуновъ съ консульскою властію было поровну изъ патриціевъ и плебевъ: одинъ изъ патриціевъ, другой изъ плебеевъ, итого два.

Ошибки такъ и сыплются изъ мантіи нашего ученѣйшаго юриста. Чѣмъ больше онъ высказывается, тѣмъ больше ихъ оказывается. И зачѣмъ онъ распространился объ этомъ *самокатѣ*? Этого вовсе было не нужно. На самокатѣ его, какъ на пустомъ дѣлѣ, я вовсе не останавливался и предоставилъ ему на немъ кататься сколько угодно. Къ чему онъ занялъ половину своего юридическаго (замѣтьте, юридическаго) отвѣта разсужденіемъ о самокатѣ? Вотъ и выкатилъ по одному консулу-трибуну изъ патриціевъ, по одному изъ плебеевъ.

Гдѣ только ни коснется г. Крыловъ исторіи римскаго права, или вообще римской исторіи, такъ ужь тамъ навѣрное такъ и ждите всякаго рода погрѣшностей. Въ первомъ письмѣ моемъ я бѣгло слѣдилъ за ошибками г. Крылова только на тѣхъ страницахъ, гдѣ развертывается его классическое изображеніе Римской республики въ поученіе г. Чичерину. Послѣ случайно перевернулъ я нѣсколько страницъ назадъ, и наткнулся еще на одно мѣсто, гдѣ рѣчь зашла о событіи изъ римской исторіи, именно о союзнической войнѣ. И тутъ ошибки:

«Русская Бесѣда», 1857, № 1, статья г. Крылова, стр. 47. «Всѣ италійскіе народы, состоящіе въ вассальномъ отношеніи къ Риму (foedus iniquum), вздумали вдругъ отложиться отъ своего грознаго владыки, составили изъ всей Италіи огромнѣйшій союзъ, ввели новую, представительную систему, въ которой было мѣсто всѣмъ муниципіямъ, опредѣлили центръ политической дѣятельности—городъ Корфиніумъ, назначили властей, 4 консуловъ, 16 преторовъ» и т. д.

Всѣ италійскіе народы — каково? Не понимаю, съ какою цѣлью тутъ-то г. Крыловъ уродуетъ фактъ простой, общеизвѣстный, несомнѣнный. Логика этого не требуетъ, типа тоже никакого нѣтъ. Са-

мымъ дѣятельнымъ двигателемъ этой войны былъ народъ Марсы, почему союзническая война называлась также марсійскою войною. За то два изъ главнѣйшихъ италійскихъ народовъ, Этруски и Умбры, не только не вступали въ союзъ съ возмутившимися племенами, не только не отлагались отъ Рима, но дѣйствовали въ союзѣ съ нимъ. Что касается до представительной, будто бы происшедшей изъ этого возстанія, системы, то вотъ что говоритъ по этому поводу Момсенъ: «Замѣчательно, что здѣсь, гдѣ внезапное сліяніе многихъ отдѣльныхъ общинъ въ политическое единство такъ, рѣшительно казалось бы, вело къ представительной системѣ въ новѣйшемъ смыслѣ, не только не было и слѣда ничего подобнаго, а даже замѣчается противоположное явленіе...» Röm. Gesch. T. II. p. 221.

Впрочемъ, представительная система еще такъ и быть. Но какъ явились тутъ 4 консула и 16 преторовъ? Ариѳметика рѣшительно не благопріятствуетъ нашему ученому. Пусть же онъ узнаетъ, что Италики назначили не *четырехъ*, а только *двухъ* консуловъ, и не *шестнадцать* преторовъ, а только *двѣнадцать*. Спора тутъ быть не можетъ, потому что Діодоръ Сицилійскій есть единственный авторъ, изъ котораго почерпнуто это свѣдѣніе. У него стоитъ несомнѣнно: *два* и *двѣнадцать* (Fragm. l. XXXVII).

Нужно ли мнѣ разбирать то мѣсто въ отвѣтѣ г. Крылова, гдѣ рѣчь идетъ о Пантеонѣ и баняхъ? — Увольте меня отъ этого. Я усталъ, да непріятно и раскапывать это мѣсто. Но по этому случаю я покаюсь вамъ въ моей опрометчивости... Въ первомъ письмѣ моемъ я приписалъ г. Крылову талантъ для фельетона. Послѣ, въ томъ же письмѣ, я усомнился въ этомъ, а теперь рѣшительно думаю, что къ фельетону г. Крыловъ не способенъ. Фельетонъ требуетъ остроумія и вкуса, а такихъ строкъ не написалъ бы и въ самомъ сильномъ пароксизмѣ человѣкъ со вкусомъ и съ тактомъ.

До свиданія. Примите и проч.

Байборода.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМАГО ТОМА.

Стр.

Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей. — II. — *Б. Н. Чичерина*. 5

О сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи. *В. Ч.* 81

Воспоминаніе о Дмитріи Борисовичѣ Мертваго. (Письмо къ В. П. Безобразову.) *С. Т. Аксакова*. 125

Стихотворенія: Приходскіе списки. Поэма Крабба. *Д. Е. Мина*. 134

Турецкая война въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. — I. — II. — *А. П. Попова*. 143. 285

О развитіи и современномъ состояніи пароходства въ Европѣ. *А. С. Ершова*. 181

Біографъ - оріенталистъ. *П. Ф. Павлова*. 211

Амфіонъ. (Повѣсть Риля.) 255

Слуга. (Современный физіологическій очеркъ.) *К. Д. Кавелина*. 277

Стихотворенія:

На смерть М. И. Глинки. *А. Н. Майкова*. 283

Воронъ. *Ѳ. Б. Миллера*. 284

Воспоминаніе о Кутаисѣ. — I. — VII. *Н. А. Окольничаго*. . . . . 329 и 481

Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Біографическій очеркъ. III. Періодъ жизни Станкевича за границей и смерть его. *П. В. Анненкова*. 357

Объ отношеніи государственной администраціи къ народному труду въ Англіи. 399

Четыре стихотворенія графа *А. К. Толстаго*. 427

Шлёцеръ и анти-историческое направленіе. *С. М. Соловьева*. 431

Матушка Мавра Кузьмовна *Н. Щедрина*. 509
Воспоминанія о М. И. Глинкѣ. (Письмо къ Л. И. Шестаковой.) *П. П. Дубровскаго*. 571
Два стихотворенія. *А. М. Жемчужникова*. 581

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАРТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Письма изъ Флоренціи. — IV. V. — *П. Н. Кудрявцева*. . 3
Новѣйшіе нѣмецкіе журналы по средневѣковой старинѣ и народности вообще. *Ѳ. И. Буслаева*. 26
Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. *Н. А. Попова*. 36
Руководство къ лѣсоводству, составленное подполковникомъ Арнольдомъ.—Курсъ древоводства Дю-Брейля.— Путешествіе Александра фонъ-Гумбольдта по Россіи. *А. Н. Бекетова*. 40
Археологія и новѣйшее искусство. *К. К. Гёрца* . . . 43
Политическое Обозрѣніе съ Приложеніями. 48
Смѣсь: Музыкальная хроника.—Изданіе галлереи кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей.—Селитряное дѣло въ Казани. 67

МАРТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Выборъ новаго президента въ Соединенныхъ Штатахъ.—I.— 73
Черноморскія письма.—III. IV.—*Н. И. Воронова*. . . . 87
По поводу отвѣта г. Бланка г-ну Безобразову. *Б. Н. Чичерина*. 94
Новости польской литературы. *П. П. Дубровскаго*. . . 103
Записки Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества. *И. К. Бабста*. 112
Политическое Обозрѣніе. — Новѣйшія извѣстія 123
Смѣсь: Выставка Императорской Академіи Художествъ въ С. Петербургѣ. *А. А. Авдѣева*. — Музыкальная хроника. 143

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Выборъ новаго президента въ Соединенныхъ Штатахъ.—II.— 167
Черноморскія письма.—V.—*Н. И. Воронова*. 178
Новѣйшія изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней русской словесности. *С.* 186
Археологія и новѣйшее искусство. *К. К. Герца*. . . . 194
Экспедиція Макъ-Клюра. 202
Политическое Обозрѣніе. 207
Смѣсь: Изобличительныя письма. *Байбороды*. 234
Музыкальная хроника. 248
Разныя извѣстія. 252

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Письма изъ Германіи. — Лудвигсбургъ. — Штуттгартъ.— *М. Н. Капустина*. 355
Новости польской литературы. *П. Дубровскаго*. 374
Политическое Обозрѣніе. 383
Смѣсь: Письмо къ редактору. *П. М. Леонтьева*. . . . 404
Объясненіе отъ редактора. 406
Изобличительныя письма. *Байбороды*. . . . » . . . 411

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ВОСЬМОМУ ТОМУ:

Въ сторонѣ отъ большаго свѣта. Романъ въ трехъ частяхъ. *Ю. В. Жадовской.*

ПОПРАВКА

Въ № 6, въ статьѣ г. Павлова стр. 218 строк. 12 и стр. 226 строк. 4 заглавіе рѣчи г. Григорьева слѣдуетъ читать такъ: Объ отношеніи Россіи къ Востоку.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ѳ. О. СВѢШНИКОВА,

Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Московскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близь Казанскаго Собора, подъ № № 4 и 5.

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ПАТОЛОГІИ и ТЕРАПІИ томъ четвертый. Руководство къ акушерской клиникѣ. Соч. Ф. В. Сканцони. Переводъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и прибавленіями. Ал. Полунина. Съ 205 рисунками. М. 1857 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

ENCHIRIDION MEDICUM, или руководство къ практической медицинѣ. Достояніе пятидесятилѣтней опытности Х. В. Гуфеланда. Съ нѣмецкаго перевелъ и съ нѣкоторыми поясненіями издалъ Григорій Сокольскій. Изданіе 4-е. М. 1857 г. Ц 3 р., съ пер. 4 р.

ДОМАШНІЙ ЛѢЧЕБНИКЪ, изданный для употребленія людей, которые или совсѣмъ не могутъ пользоваться помощію медиковъ, или въ крайнихъ случаяхъ не могутъ скоро получить ее. Книга, содержащая въ себѣ дружескія наставленія для каждаго пола и возраста во всякихъ болѣзняхъ, съ показаніемъ противъ нихъ средствъ, не требующихъ большихъ издержекъ, и съ присовокупленіемъ въ началѣ правилъ діэтики. Соч. доктора Франка. Изданіе 2-е, въ двухъ частяхъ. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ 1799 года, между Россіей и Франціей въ царствованіе Императора Павла I. Составлена по Высочайшему повеленію Д. Милютинымъ, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майоромъ. Сочиненіе, удостоенное Императорскою Академіею Наукъ полной Демидовской преміи. Изданіе второе, въ трехъ большихъ томахъ, съ планами и портретами. Спб. 1857 года. Ц. 10 руб., съ пер. 12 р.

ПОСѢЩЕНІЕ ВЪ КРЫМУ арміи союзниковъ и исчисленіе потерь въ людяхъ и деньгахъ, понесенныхъ Франціею, Англіею и Піемонтомъ, въ нынѣшнюю войну ихъ противъ Россіи. Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

КОНРАДИНЪ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ. Оригинальная трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Ореста Миллера. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. Повѣсти, разказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ пятый. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.; тожь томы II, III и IV, цѣна каждому тому 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Содержаніе пятаго тома:

Неудавшаяся жизнь, повѣсть Д. В. Григоровича. — Нянюшка, сцены. М. Л. Михайлова. — Недосказанная фраза, разказъ. И. А. П—ва.—Рыбная ловля, поэма. А. Н. Майкова.—Идеалистъ, повѣсть. А. В. Станкевича.— Труженикъ. Признанія новѣйшаго Фальстафа, стихотвореніе Н***

САМОВАРНИЦЫ. Разказъ изъ современнаго московскаго быта. Соч. В. В. М. 1856 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

НАЙДЕНЫШЪ, или СКРЫТАЯ ЛЮБОВЬ. Романъ Жоржъ-Занда. 3 части, съ портретомъ автора. М. 1857 года. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 2 р.

ПИСЬМЕНА КИНЕЯ МАНАѲЫ на Синайскихъ утесахъ. Сочин. архимандрита Порфирія Успенскаго. Съ 23-мя надписями, египетскими, вавилонскими, самарійскими, финикійскими и синайскими и съ картою синайскихъ надписей, вырѣзанною на мѣди Спб. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНІЕ о способѣ толкованія священнаго писанія. Сочиненіе профессора П. Саввантова. Спб. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ХРИСТІАНИНА, посвященныя ангелу-хранителю, на каждый день въ продолженіи мѣсяца. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЗГЛЯДЪ на ДОСТОПАМЯТНОСТИ Владиміра. Соч. Н. Д.... М. Ц. 50 к. съ пер. 75 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ СЧЕТОВОДСТВО къ изученію одинакой и двойной бухгалтеріи. Состав. В. Сиопсвымъ, въ трехъ частяхъ. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ТАБЛИЦА для вычисленія четырехъ-процентнаго приращенія капиталовъ, отъ одной копѣйки до девяти билліоновъ рублей, на 100 лѣтъ. Состав. И. Щуровымъ. М. 1857 г. Ц. 75 к. и съ пер.

ПРИЗВАНІЕ ЖЕНЩИНЫ и ЕЯ ВОСПИТАНІЕ. Сочин. Луизы Біохнеръ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 руб.

ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ для ДѢТЕЙ, съ раскрашенными картинами. Изданіе В. Генкеля. Спб. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ЖУЧКА. Сочиненіе М. Ростовской. Изд. В. Генкеля. Спб. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО или теоретическое и практическое руководство къ гражданскому и уголовному, коллегіальному и одноличному письмоводству, къ составленію всѣхъ правительственныхъ и частныхъ дѣловыхъ бумагъ и къ веденію самыхъ дѣлъ, съ приложеніемъ къ онымъ образцовъ и формъ. Доктора законовѣдѣнія Н. Варадинова. 2 части. Спб. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ПРИЛОЖЕНІЕ

(Изъ № 3 «Молвы», съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.)

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Профессора Крылова

№ 2.

Юридическій отвѣтъ Редакціи Русскаго Вѣстника, на статью, помѣщенную въ первой книжкѣ за Апрѣль № 7, 1857 г. подъ заглавіемъ «изобличительныя письма».

Въ вашемъ журналѣ за нынѣшній мѣсяцъ помѣщена статья безыменнаго автора, направленная прямо на мое лицо. Не понимая ни цѣли, ни формы, ни содержанія этой статьи, а между тѣмъ имѣя полное право признавать, что она должна была пройти сквозь вашу *Редакцію*, какъ самое слово показываетъ, я вынужденъ, по нѣкоторымъ сомнительнымъ пунктамъ, дать немедленно отвѣтъ, а по этой необходимости мнѣ надобно обратиться непосредственно къ *Редакціи*, и именно къ тому члену, къ которому она была должна поступить на ревизію, по своему филологическому и юридическому содержанію, то есть профеесору Латинской словесности и древностей Римскихъ при Московскомъ Университетѣ, г. *Леонтьеву*.

Разумѣется само собой, по всѣмъ законамъ, что съ вымышленнымъ именемъ я не могу говорить: ибо для бесѣды необходимъ, нуженъ мнѣ живый человѣкъ; далѣе, само собой предполагается, что предметомъ моей ученой бесѣды будетъ только то, что достойно этого названія; а всё прочее, какъ недостойное, и находящееся внѣ моего пониманія, я не принимаю, и препровождаю обратно въ Редакцію, или для раздачи такихъ избытковъ, кому слѣдуетъ, по принадлежности,—или для оставленія такого богатаго пріобрѣтенія въ исключительномъ обладаніи самой Редакціи: пусть тотъ вкушаетъ свою *стряпню*, кому она по вкусу!

Отвѣтъ свой я долженъ изложить по *пунктамъ*, а пункты разставлю по своему собственному соображенію, не придерживаясь того *порядка*, въ которомъ мнѣ намѣтаны нѣкоторые вопросы. Итакъ скорѣе къ дѣлу: пустяковъ я говорить не люблю.

I. *Отличительное свойство моего взгляда на Римскую Республику*, высказаннаго въ Критической статьѣ моей, помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ, за 1857 г. 1. кн. стр. 53—70.

Въ ясной литературной формѣ, даже рѣзкими словами, неоднократно повторенными мною въ *Критическихъ Замѣчаніяхъ*, я указалъ на *условную* физіономію, на опредѣленную особенность моего созерцанія Римскихъ республиканскихъ учрежденій. Если это вамъ показалось всё такъ непонятнымъ, то я долженъ повторить мою

мысль и признаюсь, только для *Редакціи:* ибо едва ли кому другому мой оттискъ могъ представиться темнымъ, неудобопонятнымъ. Я веду литературную тяжбу съ г. Чичеринымъ о *методѣ*, и въ доказательство несостоятельности методическихъ, его пріемовъ въ приложеніи къ Исторіи Русскаго права, я употребилъ его разсудочный снарядъ для оттиска нѣкоторыхъ уродливыхъ типовъ изъ свѣтлыхъ временъ Республики. Итакъ — мой взглядъ нельзя назвать вполнѣ *историческимъ*, а только *логическимъ;* притомъ и въ логическихъ законахъ я избираю именно одинъ законъ *противоположенія;* а этимъ закономъ, извѣстно, истина разсматривается съ одной *отрицательной* стороны. Но по непостижимому затмѣнію, которое нашло на васъ и всю вашу-четырехъ-членную Редакцію, я вынужденъ высказаться крупнѣе, по *Русски:* я выворачивалъ красивѣйшую одежду Рима, въ его лучшую пору, на *изнанку:* понимаете ли по Русски? Свѣтлый ликъ его нарочно изуродовалъ, вырвавши, силою разсудка моего, изъ всецѣлой и органической его физіономіи нѣкоторыя части, и въ этомъ безобразномъ видѣ представилъ ихъ на судъ просвѣщеннаго общества, какъ доказательство, что можно дерзновенною и неопытною рукою человѣческою всё обезобразить, всё изсказить, даже ликъ Римской Республики. И вотъ изъ моей машины выходитъ рядъ оттисковъ! Изъ нихъ я вывожу поучительный урокъ для молодыхъ Русскихъ ученыхъ, что нельзя безнаказанно, и съ какимъ-то ожесточеніемъ, бросаться, на исторію своего отечества, и особенно въ порѣ его молодости, гдѣ формы юридической его жизни слишкомъ мягки, некрѣпки, и даже иногда некрасивы: ибо и у народа, какъ и у человѣка — есть своя особенная физіономія, есть свои роды и *степени красоты.*

Такимъ образомъ, по этой особенности моего взгляда, я не имѣлъ даже обязанности отвѣчать за *истину* историческую: ибо *логическая* истина часто можетъ ей противорѣчить. Какое мнѣ дѣло въ этомъ случаѣ, при операціи такого рода, до фактовъ, если то, или другое мыслится умомъ человѣческимъ, и особенно, если вмѣстѣ и поддерживается нѣкоторыми фактами. — Далѣе, въ очеркахъ Республики я имѣлъ въ виду одни *юридическіе типы.* Быть можетъ, это слово гораздо темнѣе, непонятнѣе для васъ, нежели понятіе о различіи между *историческою* и *логическою* истиною. Не охотно, но согласенъ теперь объ яснить вамъ и эту, немудреную впрочемъ, загадку. *Типъ* вообще, и *юридическій типъ* въ особенности, слагается изъ *матеріала* какъ будто вещественнаго, разложеннаго въ различныя числа; это его фактическій *субстратъ* (отъ глагола — Substerno, substravi, substratum; изволите видѣть, что я начинаю дѣлать быстрые успѣхи въ латинскомъ языкѣ, и отъ согласованія именъ прилагательныхъ съ существительными, которое какъ-то не дается мнѣ, по вашему умному замѣчанію, перешелъ уже къ *глаголамъ,* и къ какому еще? Substerno — и вдругъ — substravi!!!); безъ субстрата нѣтъ типа. Выливаясь въ опредѣленную идею, типическая фигура должна имѣть свою отличительную особенность, какъ бы личное свойство; отсюда — само собой проистекаетъ различіе *типовъ* въ исторіи человѣчества. Римъ — величай-

шій строитель и художникъ въ типическомъ смыслѣ. Личная особенность его, во времена Республики, состояла въ томъ, что идею Верховной Власти отлили они въ разныхъ сосудахъ, осуществили въ различныхъ, живыхъ, человѣческихъ, но всегда Самодержавныхъ органахъ; а *новая,* почти неразгаданная для насъ, но историческая несомнѣнная особенность была та, что идея Самодержавія, размежеванная по областямъ управленія, представляется не въ *единичномъ* личномъ типѣ, но какъ бы въ *множественномъ*, то есть, выражаясь еще яснѣе, не одинъ былъ консулъ, не одинъ былъ ценсоръ, не одинъ былъ трибунъ, — а всегда болѣе: *количество* числъ различно, и даже, по своему происхожденію, случайно; но для пониманія юридическаго типа, оно ровно ничего не значитъ; это грубая матерія, которою художникъ, начертывающій *образъ*, имѣетъ всегда право распорядиться по *своему*, какъ ему вздумается; и никто не имѣетъ права требовать у него отчета. Но онъ обязанъ вѣрно наблюдать *типическую,* а не ариѳметическую, или историческую единицу. Такимъ образомъ, все равно для глубокаго и истиннаго пониманія республиканскихъ учрежденій, — сколько было плебейскихъ трибуновъ — *2, 5* или *10*, или *100*. Точно такъ же, сколько было ценсоровъ—*2, 5* или *50*. Тайна учрежденія и типическій его смыслъ заключается въ цыфрѣ 2, а не 1. Вотъ что трудно, очень трудно понять, какимъ образомъ въ Римѣ республиканскомъ могла существовать ценсорская — деспотическая — небывалая и едва мыслимая власть, осуществляемая не въ одномъ физическомъ лицѣ, но въ *двухъ*, а пожалуй и болѣе? Это число 2 я могу разбить на 10, 20, 30 *фактическихъ* единицъ, — и мой взглядъ будетъ вѣренъ въ *юридическомъ*, а не *грамматическомъ* — низшемъ смыслѣ. Поняли ли наконецъ типическій характеръ моихъ бѣглыхъ очерковъ республиканскихъ учрежденій? Но яснѣе я не могу говорить.

II. *Ordo Equestris.*

Редакціи Русскаго Вѣстника представилось, *почудилось*, въ этомъ словѣ, рѣшительное, полное основаніе для обличенія меня въ незнаніи *Латинской Грамматики*, а съ нею, разумѣется, и *Римскаго права.* Но здѣсь я нравственно обязанъ моимъ мыслямъ дать форму мягкую, *снисходительную* къ непростительнымъ человѣческимъ слабостямъ и дерзостямъ. Кажется, такая форма кары, достойнѣе, а вмѣстѣ дѣйствительнѣе будетъ для дерзновеннаго человѣка. Во всѣхъ *Латинскихъ Грамматикахъ* — хотя и старыхъ по изданію, но вѣрныхъ и полезныхъ, употребляемыхъ въ *Россіи*, въ Лексиконѣ покойнаго ученаго нашего — Харьковскаго Профессора и Ректора — И. Я. *Кронеберга*, на страницѣ *шесть сотъ тридцать шестой*; помнится мнѣ, у *Цицерона* — въ различныхъ его сочиненіяхъ, но какого изданія — Нѣмецкаго, Французскаго, Англійскаго — или Сардинскаго народа, не могу теперь съ достовѣрностію сказать: надо учинить справку, а для нея требуется особое время, которымъ я теперь слишкомъ бѣдно надѣленъ для такой архивной операціи; впрочемъ у старика Кронеберга стоитъ подъ этимъ словомъ — *Cicero* — и такъ, почти во всеобщемъ употребленіи, *Equester* отмѣчено, какъ имя прилагательное двухъ окончаній: *er* и *is,* на ряду съ другими подобными словами;

слѣдовательно — *грамматически* (а на этомъ документѣ держится, или вѣрнѣе сказать, цѣпится вся обвинительная сила, направленная противъ моей особы) можно сказать: и *Ordo Equester*, и *Ordo Equestris*. Та и другая форма употреблялась у *Римлянъ;* какая изъ нихъ лучше, или древнѣе — это вопросъ *филологическій*, рѣшеніемъ котораго пусть занимается нашъ трудолюбивый изслѣдователь *темныхъ* судебъ *темнаго* Зевса, г. Профессоръ Леонтьевъ, и пусть поклоняется своему Зевсу вмѣстѣ съ древними Греками. Я *юристъ;* слово это — для меня нужно только, какъ *незначительное* прилагательное къ *значительному* и типическому существительному имени—*Ordo*; ибо въ этомъ *словѣ* заключается весь смыслъ учрежденія политическаго; то есть, *Всадники* (Equites), которые были нѣкогда въ самомъ дѣлѣ *Всадниками*, или еще яснѣе, садились на коней и ѣздили на нихъ для защиты своего отечества, во вторую половину Республики слезли съ лошадей, начали торговать и мошенничать разнымъ манеромъ, и образовались наконецъ въ политическое — ужаснѣйшее *сословіе* съ особеннымъ *типомъ*—«*денежной аристократіи*»; а типъ этотъ сложился изъ различныхъ — безобразнѣйшихъ, но живыхъ человѣческихъ единицъ; — вотъ новая тайна, или загадка свободныхъ — республиканскихъ институтовъ! А нашъ Московскій *филологъ* смотритъ только на *Грамматику Латинскую*, да и то не въ оба глаза,—увидѣлъ здѣсь ошибку противъ склоненій, — и тотъ-часъ оттиснулъ свое филологическое открытіе. Право, мнѣ совѣстно разсуждать публично объ такихъ пустякахъ; въ минуту, въ которую я пишу эти строки, я весь покраснѣлъ отъ стыда, не за себя, но за *Редакцію*, Ну, если бы и въ самомъ дѣлѣ — въ этихъ словахъ была *грамматическая* ошибка, то всякой человѣкъ, имѣющій неясное понятіе о *профессорѣ* Латинскаго права, сочелъ бы это за *опечатку, просмотръ, столбнякъ:* ибо и это съ нашимъ ученымъ братомъ нерѣдко случается; но ни въ какомъ случаѣ, *никто* — и *нигдѣ*, ни въ Азіи, ни въ Африкѣ, кромѣ *Редакціи* Русскаго Вѣстника, не имѣлъ бы духа выставить за подобную ошибку на *позоръ* читающей публики ученаго труженика; а я, по своему чувству, немогу этого позволитъ себѣ даже въ отношеніи къ *студенту* и *ученику* высшихъ гимназическихъ классовъ: ибо простыя правила Грамматики преподаются у насъ въ Россіи и въ нисшихъ гимназическихъ классахъ и Духовныхъ училищахъ; всѣ ученики, даже мальчики, умѣютъ склонять и спрягать. Помилуйте, гдѣ и въ въ какое время мы живемъ??? Но я съ презрѣніемъ брошу этотъ вздоръ: лучше дѣло говорить

III. *Самокатъ*.

Идею *Самоката* мнѣ даже не хотѣлось бы для вашей редакціи раскрывать вполнѣ: для Васъ достаточно знать и видѣть *Самокатъ* подъ *Новинскимъ*, на народномъ гуляньѣ. Вы, въ слѣдованіи по загадочнымъ закоулкамъ великолѣпнаго Рима, руководствуетесь *нисшимъ чутьемъ*; а для этого дѣла надобно имѣть *высшее чутье*. Естественно, что мы, управляемые различнымъ чутьемъ, добываемъ добычу различнаго сорта; и вотъ доказательство: я иду въ баню совсѣмъ не съ тою археологическою цѣлію, чтобы въ передбанникѣ открыть Римскій *пантеонъ*, а вы, руководимые новѣйшими изслѣдованіями, ходите

въ баню именно для того, чтобы найти тамъ слѣды *пантеона*. Я приведу другой болѣе разительный примѣръ высшаго и нисшаго взгляда. Въ 1812 г., временному побѣдителю Москвы, Наполеону I, угодно было поставить въ нашей Русской святынѣ — Успенскомъ Соборѣ своихъ лошадей: но никто изъ народа не считалъ это мѣсто *Конюшней*, хотя оно на самомъ дѣлѣ превращено было въ такое возмутительное для всякаго вѣроисповѣданія состояніе: ибо одно значитъ—*de facto*, а другое—*de jure*. Кто изъ насъ вѣрнѣе смотритъ на Римъ,—это другой вопросъ, до котораго я не касаюсь: — мое дѣло — въ такой оцѣнкѣ — *сторона*.,.

Итакъ третій пунктъ я назначаю для просвѣщеннаго Русскаго общества, встрѣтившаго мои *Римскіе Очерки* съ радостію и любовію, какъ мнѣ лично изъявляли эти чувства многіе почтеннѣйшіе члены Московскаго общества. Когда я всматриваюсь въ типъ Римской республики, и эстетически наслаждаюсь этимъ созерцаніемъ: тогда я для выраженія *Эпоса* всей политической жизни не могу пріискать другаго лучшаго и болѣе мѣткаго Русскаго слова, кромѣ *Самоката*. Два раза въ своей статьѣ я намекнулъ на смыслъ этого, для редакціи таинственнаго слова: при началѣ республиканскихъ оттисковъ, и при очеркѣ Имперіи,—въ положительной и отрицательной формѣ. *Машина государственная въ Имперіи не то, что Самокатъ Республиканскій.*

Я откроюсь въ своей слабости: *мнѣ нравится и теперь этотъ оборотъ русской рѣчи*, какъ будто онъ удаченъ: а для уложенія множества моихъ мыслей въ одно *слово*, чрезвычайно подрученъ, не смотря на то, что употребленіе его въ народѣ имѣетъ извѣстный, разгульный смыслъ. Но намъ, Русскимъ ученымъ — надобно же внести въ науку нашъ прекрасный и мѣткой языкъ: вотъ и объясненіе, почему я избралъ это слово.

Итакъ вскрыть величественный типъ Республики, вылившійся въ слово—*Самокатъ*—я не могу иначе, какъ посредствомъ *анализа*. Съ позволенія общества просвѣщеннаго, я охотно это сдѣлаю, и вѣроятно, доставлю ему новое удовольствіе. *Законъ*, которому слѣдуетъ исторія Рима, вовсе не похожъ на тотъ законъ, который назначенъ для новыхъ народовъ: *Римъ идетъ отъ центра къ радіусамъ, новые народы шли отъ радіусовъ къ центру*; особенно исторія Русскаго государства ясно и убѣдительно подтверждаетъ *послѣдній* законъ. Во всѣхъ сторонахъ своей жизни—юридической и не юридической, Римъ республиканскій *катится*—по одному склону, самъ собой, силою своего собственнаго движенія, такъ что личный человѣкъ здѣсь почти ничего не значитъ; духъ *Латинскій*, какъ индивидуальная единица, отливается въ различныя, красивѣйшія формы, играетъ, и какъ будто преломляется на поверхности исторіи, но никогда не удаляется отъ своего типа, не забываетъ своего единства и нераздѣльности. Никто ему не мѣшаетъ въ этой игрѣ, никто не останавливаетъ его свободнаго и благороднаго движенія. А куда онъ пойдетъ, какъ онъ разгуляется, никто не знаетъ, и не можетъ даже предчувствовать напередъ; слѣдовательно—для Русскаго археолога, одареннаго нисшимъ Латинско-Еллинскимъ чутьемъ, онъ могъ по-

казаться *дивомъ*. Но когда этотъ дивный духъ Рима, въ какомъ-либо личномъ гражданинѣ, поставленномъ на чредѣ Верховнаго управленія, начинаетъ получать какъ бы не-республиканское движеніе, и уже начинаетъ, такъ сказать, буйствовать: тогда весь народъ, какъ бы видѣніемъ одаренный, приходитъ въ волненіе, безпокойство, чувствуетъ себя въ крайней опасности,—и разомъ предпринимаетъ рѣшительныя мѣры. Вотъ и ужасные *Законы* о покушеніи на введеніе Царства, о стремленіи къ неограниченной и единичной власти, о врагѣ Республики, котораго позволяется всякому убивать и т. д. Но мы—ближе подступимъ къ типу Самоката, по нѣкоторымъ политическимъ институтамъ.

Начну съ *Плебейскаго трибуната*. Плебейскіе трибуны были у Римлянъ еще въ 1 періодѣ, какъ начальники своихъ трибъ, образовавшихся въ числѣ 30: но это именно были—наши *Волостные Головы*, перелагая ихъ на Русскій Синклитъ. Когда Патриціи, сблизившіеся съ Плебеями, при изгнаніи Царской Династіи, скоро стали ихъ притѣснять, и они — бѣдный и благороднѣйшій слой Римскаго народа — рѣшились уйти на священную гору: тогда крамольники, увидѣвши свою бѣду, пошли къ горѣ, поклонились Плебеямъ, такъ сказать, въ ноги и поклялись никогда ихъ не обижать, и въ знакъ своей религіозной политической вѣрности, признали лицо Плебейскихъ трибуновъ *неприкосновеннымъ*, чѣмъ и парализирована была первая *Сецессія*. Это случилось въ *260* г., по принятой хронологіи; и съ этого историческаго момента, ликъ плебейскаго трибуна все болѣе и болѣе выясняется, расширяется, и наконецъ въ самомъ дѣлѣ *выкатывается* въ великолѣпный *типъ*: фактическую сторону, состоящую изъ множества міровыхъ происшествій, я здѣсь опускаю; а могу, если кому угодно, указать на подробное, но болѣе филологическое, нежели юридическое очертаніе, у *Беккера* — Handbuch (II Theil 2 abth. S. 237 — 291; а лучше, на мой взглядъ, Римскія древности изложены въ новѣйшемъ, послѣднемъ пока, сочиненіи: *Lange*, Römische Alterthümer. B. I 1856. Berlin. *Das Tribunat*—Стр. 592—613. Со временъ *Гракховъ*, *типъ* этотъ, движущійся по демагогическимъ лицамъ, начинаетъ по немногу *тускнѣть*; нѣкоторые плебейскіе трибуны стали пошаливать, и за такую шалость, который остановить не умѣли, народъ Римскій наказанъ былъ Юпитеромъ появленіемъ *черныхъ*, *тупыхъ*, зломыслящихъ лицъ—какихъ было довольно много подъ конецъ Республики. Перейду къ другому Институту—*Цензору*.

Здѣсь еще величественнѣе и отраднѣе для нашего чувства *выкатывается* ликъ Римскаго Цензора.

До 311 г., Цензуры, какъ особенной Магистратуры, не было въ Римѣ: а завѣдывали дѣлами Цензорскими, вѣроятно въ началѣ и немногосложными, *Консулы*. Въ *311 году*, Плебеи, добивавшіеся до Консульскаго чина—крайней линіи, на которой останавливалось Республиканское, раздражительное честолюбіе (honorum populi finis est Consulatus. Cic. pro Planco 25), и безуспѣшно, по взаимной сдѣлкѣ съ Патриціями, успокоились, на время, на учрежденіи новой магистратуры, вмѣсто прежней Консульской, извѣстной подъ именемъ: *Tribuni militares cum consulari potestate*. Казалось, о чемъ же было

спорить—тѣже Консулы? Нѣтъ—это *военные трибуны* съ *Консульскою властію*, а не Консулы: ибо Консулами, по препятствію въ авспиціяхъ, Плебеи быть не могли, а военными трибунами—были, и притомъ поровну; 1 изъ Патриціевъ, и 1 изъ Плебеевъ: и вотъ дѣла политическія воспринимаютъ другой характеръ. Патриціи—догадались разомъ, чутьемъ, что они проиграли всю игру,—и въ отмщеніе, какъ игроки всегда бываютъ задорны—выдумали для себя, ради своихъ политическихъ интересовъ, *Цензуру*, на которую по авспиціямъ Ценсорскимъ, внѣ всякаго ранга стоящимъ, какъ особь-статья, имѣли право одни Патриціи до 403 года, когда Marcius Rutilus сдѣланъ былъ первымъ *плебейскимъ* Ценсоромъ. Но взгляните на этотъ институтъ съ точки *Самоката*. Начавшись съ финансовыхъ операцій—а это неважныя еще стороны въ ликѣ Римскаго Ценсора—онъ, самъ собой, сообразно силѣ и направленію духа народнаго и историческихъ его условій—доходитъ до такого деспотическаго типа, что намъ становится даже страшно; а Римляне не боялись этого типа, любили его и уважали всѣхъ выше; и онъ въ самомъ дѣлѣ никогда не обезображенъ былъ, оставаясь постоянно *республиканскимъ* учрежденіемъ, тогда какъ другіе типы искажались отъ времени.

Сами Римляне имѣли мысль о *Самокатѣ*; я приведу здѣсь многознаменательныя для насъ слова *Ливія* о раскатѣ Ценсорской власти. Idem hic annus (311 г.) Censurae initium fuit, *rei a parva origine ortae, quae* deinde tanto incremento aucta est, ut morum disciplinaeque Romanae penes eam regimen, equitumque centuriae, decoris dedecorisque discrimen sub ditione ejus Magistratus, publicorum jus privatorumque locorum vectigalia populi Romani sub *nutu* atque arbitrio essent. Liv. IV, 8. Я съ умысломъ не хочу этого мѣста перевести на Русскій языкъ; пусть Редакція Русскаго Вѣстника ломаетъ себѣ голову о степени знанія моего въ Латинскомъ языкѣ... А публикѣ скажу по секрету, что здѣсь осязательно вылита идея нашего Самоката, съ чѣмъ и поздравляю нашъ Русскій языкъ.

Н. Крыловъ.